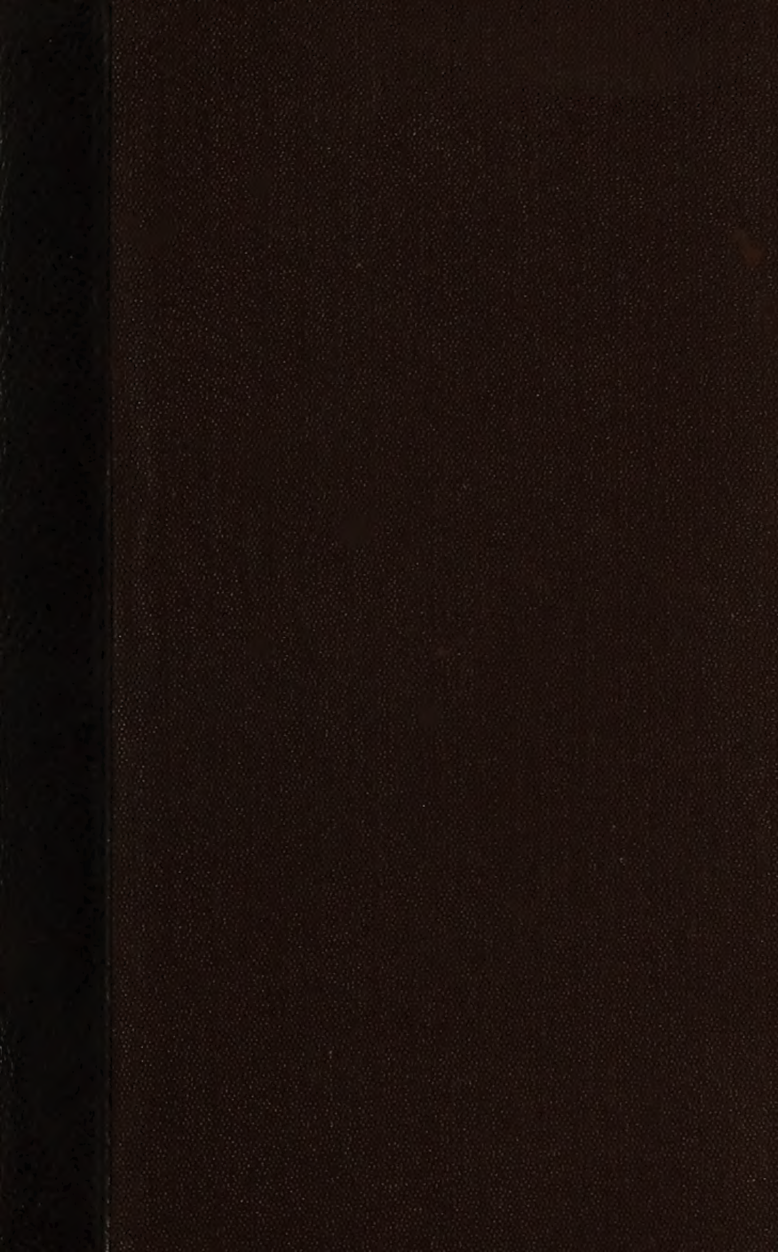
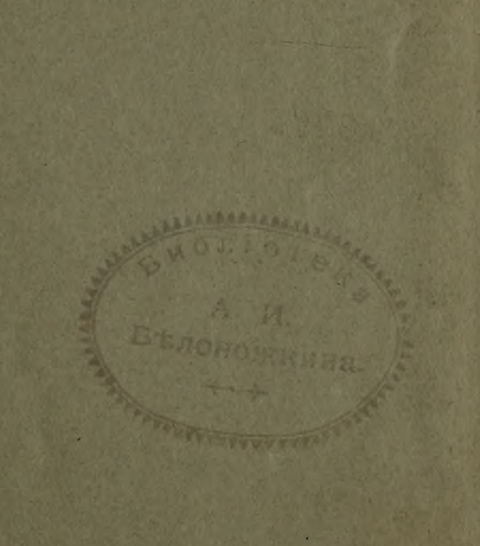

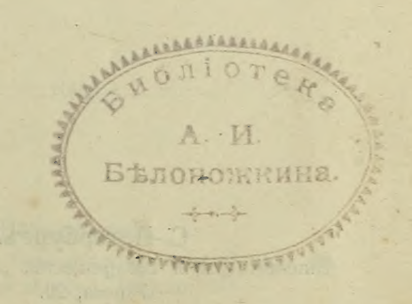

Sigillum Universitatis Dukensis
Eruditio et Religio

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ шестой.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ шестой.

Хай-дѣвка. Повѣсть.—**Хворая.** Повѣсть.—
На-міру. Повѣсть.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
7 рота, 20.

Всемірная библіотека.

Собраніе сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

До апрѣля 1904 г. въ эту серію вошли слѣдующія
полныя собранія сочиненій:

А. С. Пушкина,
под редакціей **П. О. Морозова;**

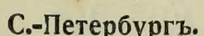
М. Ю. Лермонтова,
подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго;**

И. А. Крылова,
подъ редакціей **В. В. Каллаша;**

А. Н. Островскаго,
подъ редакціей **М. И. Писарева,** арт. Императорскихъ Театровъ;

Н. Г. Помяловскаго,
съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго;**

А. А. Потѣхина,
подъ наблюденіемъ **автора.**

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.
Городская контора: Невскій, 50.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Оглавленіе.

Хай-дѣвка.

Повѣсть.

I.

У богатаго торговаго крестьянина деревни Барашихи, Дмитрія Петрова, единственная дочь, Татьяна, года два уже считается невѣстой. Не налюбуется на нее досыта вся деревенская молодежь. Рѣдко задаются такія дѣвки: высокая, коренастая, здоровая, сильная — сейчасъ видно, что не заморышъ, не на однихъ пустыхъ щахъ выросла, а что ей не въ диковинку ни пирогъ съ начинкой, ни баранина. Румянецъ у Татьяны во всю щеку, коса на спинѣ ниже пояса, лицо гладкое, широкое, какъ булка сдобная, правда, пестритъ лѣтомъ отъ веснушекъ, да это не въ зазоръ красѣ дѣвичьей; глаза хоть и маленькіе, и сердитые, зато бѣда какіе юркіе: смѣлые бойкіе, и брови надъ ними дугой, точно нарисованныя. На языкъ Татьяна куда востра: какой бы ни былъ парень ловкій, разухабистый, хоть бы питерецъ, а на словахъ ее не собьетъ и въ краску нс вгонитъ: сама всякаго по косточкамъ переберетъ и на смѣхъ подниметъ. А если кто изъ парней, залюбовавшись на ея красу дѣвичью, на грудь высокую, богатырскую, по мужицкой привычкѣ, рукамъ волю дастъ, того такъ на-отмашь огрѣетъ, что твой добрый сотскій, или староста: въ другой разъ не присунется. Веселье да смѣхъ Татьяна точно носила съ собой; куда ни придетъ, тамъ и смѣхъ, и

прибаутки, и пѣсни, и пляска пойдутъ. А какъ нарядится въ праздничный день: вплететъ въ косу ленту цвѣтную, надѣнетъ рубашку кисейную, сарафанъ шелковый, еще бабушкинъ, да башмачки сафьяновые, красные, такъ парни за ней, точно стая на сворѣ, такъ и бѣгаютъ: пойдетъ въ хороводъ, никто лучше ея голосомъ не выведетъ; пѣсни играть вздумаетъ—откуда что берется! и старыя всѣ знаетъ, и новыя выдумываетъ: такія отхватываетъ, что и женатые, и старики даже сойдутся иной разъ смотрѣть да слушать, и только въ бороду себѣ посмѣиваются; на качеляхъ качаться начнетъ, такъ этакой смѣлости да силы не у всякаго и парня станетъ: смотрѣть духъ захватываетъ, того и жди, что черезъ перекладину перелетитъ, или веревка лопнетъ: только скрипъ идетъ, да красные башмачки сверкаютъ въ воздухѣ. Вся деревня Танюхой любовалася и хвастала, на всю округу слава про нее прошла: даже изъ чужихъ деревень парни ходили, о праздникахъ, только посмотрѣть на нее, и нарочно дружбу заводили съ барашихинскими ребятами, чтобы въ кругъ пускали: съ Танюхой попѣть да походить. И то чудное дѣло: всѣ Татьяну знали, всѣ про нее говорили, всѣ къ ней льнули, а не любили ее; ужъ очень она языкомъ ехидна была и нравомъ задорлива, супротивна: всякаго просмѣетъ, прозубоскалитъ, все про всѣхъ знаетъ и на язычекъ свой подхватитъ, никому не поступится, а ужъ коли въ брань дѣло пойдетъ, — лучше и не вступайся: безъ ножа зарѣжетъ, на всю жизнь просмѣетъ, такую мѣтку положитъ, что такъ съ ней и останешься, и въ гробъ пойдешь. И какихъ-какихъ она людямъ прозвищъ не надавала; почитай всѣ въ деревнѣ, по ея милости, съ фамиліями сдѣлались: Ивана, что у

попа въ работникахъ былъ, Кутьей назвала; Василья, что шея длинная, Гусемъ сдѣлала, кого Маклакомъ, кого Сычемъ, кого Квашней; да такъ мѣтко, такъ складно, съ такой прибауткой, что поневолѣ подхватишь, и пойдетъ человѣкъ съ новымъ именемъ вмѣсто крестоваго. И народъ въ отместку прозвалъ Татьяну за веселость, за бойкость, за размашку, за языкъ ея длинный, неуступчивый, за голосъ звонкій, за ростъ и дородство — прозвалъ Хай-дѣвкой. Такой бы дѣвкѣ, самой по себѣ, да и по семьѣ ея богатой, давно бы замужемъ надо быть, да что-то мало сватовъ ѣхало: нраву ли ея боялись женихи и ихъ отцы и матери, или то думали, что богатый мужикъ погнушается бѣдной родней и не отдастъ дочку въ бѣдную семью, а въ чужой домъ идти, призятиться, не всякому лестно; богатыхъ же жениховъ, и во всемъ по плечу Татьянѣ и Дмитрію Петрову, было мало: какъ ни какъ, а Танюха третій годъ сидитъ въ дѣвкахъ. Правда, отецъ съ матерью и не торопились отдавать ее замужъ: одно дѣтище, да и нужды никакой не знали; Татьяна сама дала замѣтить отцу, что пора ему подумать о выборѣ жениха. Среди всѣхъ мужиковъ и парней въ деревнѣ, надъ которыми она потѣшалась и зубы свои вострила, былъ одинъ, на котораго и она лишній разъ взглядывала. Мужика этого звали Илюхой.

Сынъ богатаго торговца-мужика, прогорѣвшаго отъ какого-то неудачнаго торговаго предпріятія, Илья половину жизни своей проводилъ въ Петербургѣ, занимаясь торговлей въ разносъ, по домамъ, всякой всячины, а больше всего деревенскихъ холстовъ и полотенъ. Удалой, бойкій и расторопный отъ природы, Илья являлся въ деревню разухаби-

стымъ краснобаемъ-питерцемъ. Женили его, только что минуло ему 18 лѣтъ, на дѣвкѣ, которая пятью годами была старше его и не отличалась ни умомъ, ни ростомъ, ни дородствомъ. Въ деревнѣ всѣ знали, что онъ не любилъ ея. Молодой еще, хоть и женатый, не столько красивый, сколько соблазнительный для деревенскихъ красавицъ своей шляпой пуховою, плисовыми шароварами, жилетомъ расписнымъ и серебряной сережкой въ ухѣ, онъ затмѣвалъ поголовно всѣхъ своихъ сверстниковъ и даже молодыхъ парней: и смѣлымъ взглядомъ, и дерзкой, насмѣшливой рѣчью, и всей своей повадкой городской. Слава про Илью ходила въ деревнѣ плохая: онъ и пьяница, онъ и мотъ, и картежникъ, и отъ жены гуляетъ, пожалуй, и сплутуетъ безъ нужды: но на гулянкахъ, на пирушкѣ, или въ хороводѣ, между парней и дѣвокъ, онъ былъ первый человѣкъ и игралъ почти такую же роль, какъ Татьяна. Разница была только въ томъ, что, при веселости и удали характера, при бахвальствѣ и краснобайствѣ, Илья отличался какой-то доступностью, добродушіемъ: обругаетъ человѣка, позубоскалитъ надъ нимъ, но до сердца не обидитъ; побахвалится, наломается надъ своимъ братомъ, да тутъ же и угостить наровитъ. Его всѣ любили. Дѣвки и бабы въ немъ души не слышали, и если бы не зазорно было, пожалуй, такъ же бѣгали бы за нимъ стаями, какъ парни за Танюхой. Середи круга ходить съ Ильей каждая красная дѣвица считала не только за удовольствіе, но и за особенную честь, потому никто не умѣлъ такъ голову склонить, такъ плечемъ повести и платочкомъ махнуть, никто не могъ ногами такого выверта сдѣлать, какъ Илюшка-питерецъ. И вотъ, бывало, любованье на всю деревню, и мо-

лодымъ и старымъ, какъ середи круга станутъ да пойдутъ Илья съ Татьяной: одинъ сухой да жилистый, кажись, каждая косточка въ немъ вздрагиваетъ, каждый суставчикъ разговоръ ведетъ; другая — точно лебедь бѣлая плаваетъ.

Мудрено ли, что въ деревнѣ толки и разговоры пошли:

— Танюха въ кругу больше все съ Ильей стоитъ!

— Илюхѣ счастье: облапилъ Танюху, только вывернулась, да отмахнулась, зардѣлась, а не ругается, даже—ни-ни!..

— Илюха нынче въ Питерѣ грибомъ сушенымъ торговать будетъ: слышно, съ Танюхой вмѣстѣ въ лѣсъ по грибы ходятъ, къ зимѣ, значитъ, запасаютъ: видѣли!..

Стали разные слухи и до матери Татьяниной доходить, слухи неясные, неопредѣленные, но для материнскаго чутья понятные.

Забѣжала къ ней какъ-то сосѣдка, баба старая, сварливая, надоѣдница.

— Матрена Поликарповна, одолжи, — говоритъ, — пудикъ мучки ... Отдамъ, вось, съ нови ...

— Знаемъ мы васъ, отдавальщиковъ, — отвѣчаетъ мать Татьяны, Матрена Поликарповна. — Взять-то всякій, а отдать-то никто.

— Одолжи, полно ... Вось отдадимъ ... Мой-отъ разбойникъ поѣхалъ, вѣдь, въ городъ съ деньгами, обѣщалъ куль привезти, да вотъ и съ деньгами-то пропалъ ... а дома квашни растворить нечѣмъ.

— То-то вотъ и есть: меньше бы пьянствовали... У большака-то моего вонъ въ амбарѣ-то всѣ стѣны крестами вымѣлены, а сусѣки-то пусты ...

Весь хлѣбъ въ людяхъ; а отдачу-то вашу мы знаемъ: подожди, да помилуй, а сами въ кабакъ, да въ кабакъ . . .

— Отстань-ко, Поликарповна, — возражаетъ осердившаяся сосѣдка. — Кѣмъ вы сыты-то и самъ-дѣлѣ, какъ не нами? Какъ бы не было экихъ-то пьяницъ, какъ мой разбойникъ, не было бы и у тебя пятистѣнной избы . . . Чей хлѣбъ-то ѣдите? все мірской . . . Дашь пудъ, а наровишь два приполону взять . . . Кабакъ-отъ съ эстоль не съѣстъ, что вы, міроѣды . . .

— Ну, а коли мы міроѣды, такъ и ступай съ Богомъ: нѣтъ у насъ про тебя . . .

— Такъ не дашь?

— Поищи у другихъ, коли мы твоимъ сыты: намъ твоего не надо . . .

— Такъ не дашь? — пристаетъ сосѣдка, уже совсѣмъ готовая огрызнуться.

— Нѣту, нѣтъ . . . И давно тебѣ говорю: нечего тебѣ къ намъ и ходить: докука-то мнѣ твоя давно уже надоѣла . . . Отъ тебя только и рѣчей, что дай да подай, а замѣсть спасиба-то одна твоя ругань . . . Ступай съ Богомъ.

— Такъ не дашь?

— Нѣту . . . Что пристала: точно за своимъ добромъ. И большаку не велю тебѣ давать . . . Вотъ что . . . Ты сначала старые-то долги отдай. . . А то—міроѣды! . . И впрямь точно за своимъ пристала . . . Міроѣды! Ступай, ступай . . . Тебя не кто кликнулъ: сама пришла . . . Нѣтъ про тебя ничего . . . Ступай . . .

— Да я уйду . . . Уйду да и не приду . . . Наплевать вамъ. . . А мотри, на повой звать будешь— и на повой не приду.

— Ну, Богъ милостивъ, стары ужъ мы съ тобой ...

— Дочь, матка, молодая: смотри, къ масляной-то, замѣсть блиновъ, кашу крестильную варить будешь ...

— Что ты, злой духъ ...

— Ничего, здорово живешь ... Послѣ вспомнишь ...

Сосѣдка быстро скрылась, хлопнувши за собой дверью.

Матрена Поликарповна задумалась: можетъ, та и со зла сбрехнула, а, можетъ, и шла съ тѣмъ, чтобы разсказать, что люди прознали, да о чемъ слухъ недобрый пошелъ. Сторонніе люди всегда прежде досмотрятъ да спознаютъ: отецъ съ матерью всегда послѣ людей. Матрена Поликарповна знала эту практическую истину.

— Экая, — думала она, — дать бы пудъ-то муки, куда бы ужъ ни шло, да разспросить бы путемъ обо всемъ ... Хоть бы узнала, что люди говорятъ: какъ и съ кѣмъ? ... Сама дѣвка не скажетъ! .. Пожалуй, спрашивай ... А послѣ придетъ время — и плачься съ ней ... Вотъ говорила отцу, пора дочку замужъ. Вотъ такъ и есть ... Нѣтъ, надо ему сказать: пускай скорѣй жениха ищетъ ...

Во время разговора съ сосѣдкой ни дочери, ни мужа не было дома: они были въ полѣ; Матрена Поликарповна домовничала одна, и ей была полная свобода обсудить все дѣло и обдумать: что нужно предпринять въ виду недобрыхъ слуховъ. Она была женщина умная, толковая и съ характеромъ. Жизнь въ довольствѣ помѣшала развиться въ ней сварливости и бранчивости, которыя составляютъ почти общее свойство деревенской бабы, вѣчной жертвы

нужды, заботы и чрезмѣрныхъ трудовъ. Напротивъ, Матрена Поликарповна держала себя очень степенно, говорила всегда резонно и умѣренно, любила очень почетъ и возмущалась только тогда, когда его ей не оказывали. Она была большая охотница давать совѣты и чувствовала особенное расположеніе къ тѣмъ, кто ихъ просилъ у нея и выслушивалъ. Обо всякомъ дѣлѣ любила она разсудить всесторонне и обстоятельно. Въ отношеніи къ мужу она была вѣрная, прєданная жена, къ дочери добрая, благоразумная мать; но любила, чтобы все дѣлалось по ея волѣ и умѣла всегда настоять на своемъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что Дмитрій Петровъ, человѣкъ торговый, мало жившій дома, занятый и поглощенный исключительно одною заботою о стяжаніи, все домашнее хозяйство, весь распорядокъ въ домѣ охотно предоставилъ въ распоряженіе жены, такъ что она собственно была главою въ домѣ. Помогая мужу въ торговлѣ, ѣздя съ нимъ по базарамъ, сталкиваясь со множествомъ разнаго народа, она умѣла различать людей, знала, какъ съ кѣмъ себя повести и о чемъ съ кѣмъ говорить. Въ себя и свой умъ она очень вѣрила, и имѣла при этомъ характеръ настойчивый: что обдумывала, на что рѣшалась—къ тому шла неуклонно и считала обязанностью поставить на своемъ.

— Надо разузнать, съ кѣмъ Танюха слюбилася, коли правду люди говорятъ! — думала она сама съ собою. — Если парень тихій, повадливый, можно и призятить—въ домъ взять. Ну, а ужъ если шалыганъ какой, гуляка, да больно бойкій, пускай не прогнѣвается, ни въ жисть не отдамъ за такого: не въ чужой же домъ отдавать намъ дочку: она у насъ одна, какъ перстъ, другихъ дѣтей нѣтъ, ну, а и въ

свой домъ взять экого — Богъ съ нимъ, намаешься! Да и Танюхѣ съ ея нравомъ надо мужа смирнаго, повадливаго; а то на ея характеръ, да какого озорного взять—у нихъ поножевщина будетъ.

Разсудивши такимъ образомъ, Матрена Поликарповна тотчасъ же отправилась собирать справки. Немного ей нужно было употребить хитрости въ разговорѣ съ сосѣдками, чтобы навести ихъ на интересовавшій ее вопросъ и узнать всѣ подробности, извѣстныя деревнѣ о любовныхъ похожденіяхъ дочки. Имя Ильи-питерца очень разстроило Матрену Поликарповну.

— Ну, дочка, выбрала же хвата, — думала она про себя. — Что ни на есть первый плутъ и озорникъ на всю деревню... Да хоть бы ужъ съ холостымъ-то, а то, ну-ка, съ женатымъ ... Эка срамница, экой озоръ-дѣвка ... Что ты тутъ прикажешь дѣлать!?

Какъ только воротилась Татьяна съ поля, мать отозвала ее въ свѣтелку.

— Честь имѣемъ поздравить, дочка милая! — сказала она, церемонно сжимая губы и слегка кланяясь.

— Съ чѣмъ, матушка, поздравляешь-то? — бойко спросила Татьяна.

— Какъ съ чѣмъ, матка? Тебѣ лучше знать: съ женишкомъ хорошимъ ...

Матрена Поликарповна въ упоръ смотрѣла дочери въ глаза.

— Аль кто засылалъ... Что больно рано: въ рабочую-то пору? — спросила Татьяна, нѣсколько смущенная взглядами матери, но стараясь сохранить обычую бойкость.

— Кто къ намъ станетъ засылать? Кому ну-

жда? Всякій знаетъ, что у насъ дочка сама себѣ жениха хорошаго выберетъ ... Не станетъ ждать, чтобы отецъ съ матерью честнымъ порядкомъ выбрали да благословили ...

— Не вѣду, матушка, что ты говоришь ... насчетъ чего и въ какую сторону ...

— Какъ не вѣдать, дочка: добрые люди съ чего нибудь да говорятъ и на женишка показываютъ, только отецъ-отъ съ матерью ничего не знаютъ ...

— Ты слушай больше: добрые-то люди и ни вѣсть что рады на меня наплести ...

— Такъ неправду люди говорятъ, что ты съ Илюшкой Кузьмичевымъ по грибы въ лѣсъ ходила? ...

— Мало ли народу въ лѣсу ходитъ: не я одна, никому не закажешь ...

— Такъ неправда, что Илюшка и около нашего овина ночью шлялся? ...

— Можетъ, и шлялся, почему я знаю? ... Я не сторожу по ночамъ ...

— Да ты сторожить-то не сторожишь, а больно рано нынче по утрамъ-то встаешь ... Ни свѣтъ, ни заря тебя на гумнѣ видали ...

— Такъ, можетъ, не заспалось ... и встала ... Не велика напасть: рано утромъ встала да на гумно вышла. Видно, кто и раньше всталъ, коли меня видѣлъ.

— Да не въ томъ напасть, дѣвушка, что рано встаешь, а въ томъ, за какимъ дѣломъ идешь, да что добрые люди говорятъ ...

— А пущай говорятъ, что хотятъ: всѣхъ не переслушаешь ... Поговорили бы со мной; я бы ротъ-то замазала ...

— Не замажешь, дочка, коли хвостъ не чистъ ...

И опять, что говорятъ! Вонъ Коробиха-то приходила, да на повой напрашивалась ... Такъ матери-то эти разговоры слушать не очень-то лестно. И опять то сказать, дочка: я тебѣ мать, а не потатчица ... Ты хоть разговорку-то эту и бойко со мной ведешь, а я ужъ вижу по всему, что слухъ-то не даромъ про тебя прошелъ ... Хоть ты у насъ и одна, да и мать-то у тебя одна: такъ ты бы ужъ лучше матери-то повинилась, коли грѣхъ попуталъ ... Мы тебѣ не злодѣи: лучше матери-то никто не покроетъ ...

У Татьяны вдругъ навернулись на глазахъ слезы. Она бросилась къ матери на шею.

— Матушка болѣзная, доняла ты меня ... Кажись, ни слова бы не молвила, кабы стала ты меня бить да тиранить ... А ужъ теперь винюсь тебѣ ... Прикрой ты мой стыдъ ... Окрутите, что ли, съ кѣмъ нибудь ...

— Экая ты озорная дѣвка, безстыжая, Татьяна: хоть бы ты не съ женатымъ-то ... Не нашла ты холостого-то, да получше ... Хоть бы не съ этакимъ плутомъ, пропойцей, связалась-то ... Нешто на лясы-то да балясы его польстилася, такъ, кажись, нечего: ты сама на нихъ мастерица ... А онъ, поди, чай, на всѣхъ перекресткахъ похваляется да бахвалится тобой, по всему свѣту хорошую на тебя помолвку пускаетъ ... Въ немъ стыда-то да совѣсти немного: ему ротъ не замажешь ... Знаю я его ... Онъ и женѣ-то своей прямо скажетъ, что съ тобой гулялъ: небось, и жены не пожалѣетъ ... Ему что? Ему все равно ... Ахъ ты, Танюха, Танюха! ... Экого сокола выбрала ... Ну, какъ я отцу-то скажу про это? ... Вѣдь онъ не мать ... Онъ спасибо не скажетъ ... подумала ли ты о своей головушкѣ! ...

Татьяна, молча и отворотясь въ сторону, слушала всю эту длинную рѣчь. При послѣднихъ словахъ она вдругъ повернулась къ матери: глаза ея, до сихъ поръ подернутые слезой, вдугъ высохли и загорѣлись сердитымъ огнемъ.

— А я вотъ что, матушка, о своей головѣ одумала … За что я Илюшку полюбила — про то я одна знаю … Пускай онъ плутъ, пускай пьяница, а нѣтъ мнѣ лучше его … Любъ мнѣ онъ … Ужъ коли не умѣла концы спрятать, коли прознали люди про нашу любовь … значитъ, такова моя судьба: надо съ милымъ дружкомъ разставаться, за постылаго подъ вѣнецъ идти … Мужа съ живой женой не разведешь … Пришло вамъ мнѣ суженаго выбирать … свой стыдъ, а мой грѣхъ покрывать … Кого выберете, за того и пойду, супротивничать родителямъ дѣвкѣ нельзя … Да я за свой грѣхъ и не стану … Съ кѣмъ поставите подъ вѣнецъ, съ тѣмъ и стану … Мнѣ все едино … Согрѣшила, погуляла на свою дѣвичью волю; теперь ваша власть: выбирайте, съ кѣмъ мнѣ жисть коротать … А только вотъ что, матушка, молвлю я тебѣ, а ты батюшкѣ скажи: коли станете вы меня срамить, да попрекать, да тиранить, — хорошаго не будетъ … Что ни на есть надъ собой сдѣлаю … А вы лучше окрутите меня поскорѣй, съ кѣмъ хотите … Вотъ вамъ и весь мой сказъ …

Матрена Поликарповна недовольно покачала головой и вдругъ не нашлась даже, что и возразить дочери.

— Не для-ради тиранства, а для науки, поучить бы тебя надо, Татьяна, — сказала она, подумавши: — больно уже ты озорна да безстыжа стала … Да ужъ за покорство твое буду просить

отца проститъ твой грѣхъ ... Только смотри: ты ужъ хоть пообѣщайся мнѣ, что теперь-то не станешь бѣгать къ Илюшкѣ ...

— Не стану! — рѣшительно отвѣтила Татьяна, отворотясь отъ матери.

— Хоть бы ты поклонилась матери-то въ ноги, хоть бы прощенья попросила за свой грѣхъ ... Неужто у тебя нѣтъ ни стыда, ни совѣсти?

Татьяна встала и молча поклонилась матери въ ноги.

— Ужъ за покорство за твое и я тебя ругать не стану ... Помни же, что обѣщала! — проговорила Матрена Поликарповна и вышла изъ свѣтелки. Она знала смѣлый и неуступчивый характеръ дочери; знала, что съ нею ссорой да бранью ничего не сдѣлаешь, — и была довольна уже и тѣми внѣшними знаками покорности, которые почти выпросила у дочери.

Ночью у Матрены Поликарповны была секретная бесѣда съ мужемъ. Она все разсказала ему.

— Экой разбойникъ, экой мошенникъ! — гнѣвался Дмитрій Петровъ на Илью. — Весь родъ ихъ этакой поганой. Вотъ и отецъ-то: какой капиталъ важный имѣлъ — много ли осталось? ... А Илюшка-то и остатки промытаритъ, совсѣмъ, смотри, прогоритъ ... въ конецъ ... по-міру пойдетъ! ... А Таньку надо постегать хорошенько ... Вотъ что ...

— Ну, что ты стеганьемъ возьмешь ... Она дѣвка характерная: съ ней бѣды только наживешь, коли крѣпко за нее взяться ... Да и что теперь: хошь стегай, хошь истирань всю, ужъ все одно — не поможешь ...

— А ты чего же прежде-то смотрѣла?

— Э-эхъ, Дмитрій Петровичъ, развѣ за дѣвкой

усмотришь ... Наша Танька умная; а не то что за ней, за послѣдней дурой, какова есть дура-дѣвка по деревнѣ, такъ и за той въ этомъ дѣлѣ не доглядишь: всякаго проведетъ ... Вѣдь не на привязи же ее, въ самомъ дѣлѣ, али не за замкомъ держать.

— Знамо, ужъ ваша сестра, коли непутная которая, такъ ужъ ты ее ничѣмъ не отвадишь ...

— Такъ вотъ то-то и есть ... А ужъ и Танюхины годы такіе пришли ... Позасидѣлась она у насъ въ дѣвкахъ-то ... Сами мы виноваты: давно бы пора ее замужъ выдать ... Нечего бы сватовъ-то ждать, а самимъ бы надо женишка ей поискать ... Намъ же не въ люди ее отдавать, а надо къ себѣ въ домъ принять, такъ самимъ бы и поискать ... Пускай хоть и не изъ богатой семьи, да чтобы паренекъ-отъ смирный, чтобы и у тебя въ послушаньи былъ ... и съ нея чтобы не больно спрашивалъ ...

— Да ужъ и мнѣ, признаться, одному-то трудненько приходится ... Чего бы лучше, какъ бы подъ рукой свой человѣкъ былъ: и послать куда съ товаромъ, и все такое ... и по дому присмотрѣть ... И знамо, первое дѣло, чтобы смирный былъ, да непьющій ... У меня, правда, и на слуху есть парень-то, въ Мандурахъ, Сажины: очень одобряютъ, и грамотный, говорятъ ... А намъ, къ нашему дѣлу, грамотный человѣкъ дорогого стоитъ: и прочитать что, и записать ...

— Да ужъ это на что бы лучше ... Такъ чего же, отецъ, думать-то ... Вотъ бы и разузнать хорошенько ... Семьи-то хорошей? ... На знати семья-то у тебя, отца-то знаешь, али нѣтъ? Парень-то каковъ изъ себя? ...

— Никого не знаю, никого еще не видалъ ... А такъ разговорка разъ была у меня съ Демьяномъ, знаешь, изъ Мандуровъ: пряжу я у него бралъ, такъ зашли въ трактиръ чаю напиться ... Они сродни Демьяну-то, такъ онъ сказывалъ: семья, говоритъ, смирная, а большая — нуждаются ... А парень, говоритъ, — чудесный, смирный и начетчикъ ... Въ церкви на крылосу поетъ и дома, говоритъ, — какъ праздникъ, развернетъ, говоритъ, псалтырь и въ голосъ такъ и читаетъ ...

— Ахъ, отецъ, такъ это на что лучше ... это бы надо парня-то посмотрѣть ... Что же ты мнѣ ничего не сказалъ до сей поры? ...

— Да и изъ ума вонъ совсѣмъ. Тутъ съ пряжей-то, да долго ее ѣздилъ собирать, и забылъ совсѣмъ, теперь вотъ только вспомнилъ.

— Такъ надо бы съѣздить, отецъ, разузнать, чтобы намъ къ осени-то, коли Богъ на сердце положитъ, да лады дастъ, — и свадьбу бы сыграть ...

— Время-то больно теперь не такое: самая горячая работа подходитъ.

— Что дѣлать-то, отецъ ... Ужъ согрѣшили, такъ надо какъ-нибудь хлопотать поскорѣе ... Самому некогда, ну такъ хоть я съѣзжу въ Мандуры-то, такъ равно бы за какимъ дѣломъ, въ базарный день: разузнаю все ... Что же, вѣдь не Богъ знаетъ что, хоть и двадцать пять верстъ ... Съѣзжу ... А мнѣ еще то по мысли, что парень-то не здѣшній, а дальній: по теперешнему-то нашему горю все лучше, не на слуху ... А здѣшніе-то, смотри-ка теперь: скоро всѣ въ голосъ закричатъ, чужому-то горю всякій радъ ..

— Ладно, пожалуй, съѣзди, — проговорилъ, зѣвая, Дмитрій Петровъ. — А надо бы эту Таньку

постегать ... хоть бы для памяти ... Озорница экая ...

— Ну, отецъ, ты этого и не затѣвай ... только срамъ одинъ, хуже ... Ужъ произнеси на себѣ ... Что дѣлать-то? ...

Но Дмитрій Петровъ своимъ храпомъ далъ знать женѣ, что онъ спитъ. Матрена Поликарповна, лежа около него, долго ворочалась и не могла уснуть, обдумывая предстоящую поѣздку въ Мандуры.

II.

Матрена Поликарповна принялась за розыски жениха и за сватовство съ ретивостью, свойственною всѣмъ замужнимъ крестьянскимъ женщинамъ. Для нихъ нѣтъ дѣла болѣе пріятнаго, болѣе интереснаго и увлекательнаго, какъ свадьба со всѣми ея подробностями. Для Матрены Поликарповны это любезное дѣло сопровождалось еще особенной прелестью таинственности, хитрыхъ подходовъ, къ которымъ она должна была прибѣгать, чтобы разузнать о будущемъ своемъ зятѣ и объ его семьѣ всю подноготную.

Мандуры — село небольшое, но съ еженедѣльнымъ базаромъ. Это дало Матренѣ Поликарповнѣ поводъ отправиться въ него въ одинъ изъ базарныхъ дней, подъ предлогомъ продать нѣсколько новинъ и скупить пряжи. Она очень хорошо знала, чтò дѣлается это зимою, раннею весною и поздней осенью, а не въ настоящую рабочую пору, послѣ Петрова дня; но другого предлога для объясненія своей поѣздки придумать не могла, а надо же было что нибудь сказать сосѣдкамъ на вопросъ: куда да зачѣмъ ѣздила? Матрена Поликарповна наравнѣ

съ мужемъ занималась торговлей, когда позволяло домашнее хозяйство: скупала пряжу, раздавала ее въ точу на холсты и полотна, которыя потомъ и продавала; значитъ, выѣздъ ея изъ дому по торговому дѣлу не могъ ни въ комъ возбудить особаго вниманія.

Въ Мандурахъ Матрена Поликарповна, какъ слѣдуетъ, въѣхала на базаръ, заняла мѣсто съ своей телѣгой, отпрягла лошадь, привязала ее сзади, выложила наружу въ телѣгѣ для виду нѣскозько холстовъ и сама сѣла возлѣ нихъ, не ожидая покупателей и продавцовъ, но высматривая какого нибудь знакомаго человѣка, съ которымъ можно бы было рѣчь повести о нужномъ дѣльцѣ. Недолго ждала она; къ ней скоро подошелъ тотъ самый Демьянъ, о которомъ говорилъ въ ночной бесѣдѣ Дмитрій Петровъ. Его-то больше всего и хотѣлось повидать Матренѣ Поликарповнѣ, и она очень обрадовалась этой встрѣчѣ; но и виду не показала. Демьянъ человѣкъ знакомый и не кое-какой: хоть и не богатъ, а все маленькая копѣйка водится; маклачилъ онъ пряжей, скупалъ ее у бабъ по мелочи и потомъ перепродавалъ крупнымъ покупателямъ, въ числѣ которыхъ считался и Дмитрій Петровъ: это-то ихъ и познакомило.

— Матренѣ Поликарповнѣ! — сказалъ онъ, подходя. — Какими такими судьбами?

— А вотъ новинишекъ осталось: завалялись ... Около-то насъ всѣ ужъ накупились, такъ и надумалъ большакъ-то: съѣзди, чу, въ Мандуры — не продашь ли тамъ. Да и пряжи купишь, коли попадется: можетъ, у кого тоже завалялась отъ весны-то ...

Демьянъ сейчасъ смекнулъ, что тетка Матрена

не за тѣмъ пріѣхала, ибо очень хорошо зналъ, что въ лѣтнюю пору ихняго товара ни купить, ни продать нельзя; но тоже и вида не показалъ, что не повѣрилъ Матренѣ.

— Ну, давай Богъ тебѣ купить и продать поскладнѣе да повыгоднѣе ... Чай, ночуешь здѣсь: я бы тебѣ товарца-то поискалъ да показалъ ...

— Нѣтъ, ночевать-то бы мнѣ не охота: время-то, знаешь, какое; тоже работа въ полѣ, лошадь-то больно нужна дома ...

— Эка, такъ тебѣ бы надо ее хоть на дворъ поставить покормиться-то, а то что здѣсь на жарѣ да мухахъ стоитъ: какая ѣда ... Тоже дорога до васъ не ближняя, чай, пристала ...

— Да у меня знати-то тутъ никого нѣтъ: не вѣду, куда поставить-то ...

— Ко мнѣ бы, по знакомству, да только что изба-то моя въ отдальности отсюда: на вскраю живу ... Да постой-ка, у меня сватъ здѣсь есть: Сажины прозываются ... Вотъ тутъ недалечко и изба-то ихняя ... Къ нему и поставимъ.

— Экой мужикъ умный, — подумала про себя Матрена, — сейчасъ дѣломъ смекнулъ, что надо: и видно, что торговый человѣкъ!

Сажиныхъ-то ей и нужно было, для нихъ-то она и въ Мандуры ѣхала.

— Какіе это Сажины? — спросила она вслухъ. — Ничто я про нихъ и не слыхивала ...

— Не сумлѣвайся, тетка Матрена, мужикъ степенный, работящій ... Семья только его съѣла: хода не даетъ, да и самъ-то вдовъ, а то бы онъ куда тѣ! Отъ людей бы не отсталъ ... Вотъ сыновья-то стали подростать, такъ и онъ поправляться началъ: старшаго-то женилъ о запрошломъ годѣ, а

второй ужъ тоже женихъ ... Семенъ ... Ахъ, какой пречудесный парень: такой смирный, ровно дѣвка ... И грамотный ... Поди жъ ты вотъ, старикъ-отъ какой: даромъ, что экая семья, а сына грамотѣ обучилъ ...

— Ахъ, почтенный, стало быть, человѣкъ ... умный! ... А матери-то нѣтъ?

— То-то нѣтъ, вдовъ: года три ужъ побывшилась ... Ну, а за вдовца при малыхъ дѣткахъ кто пойдетъ, сама ты подумай: такъ безъ хозяйки цѣлый годъ и жилъ. Вотъ ужъ теперь сноху-то взялъ, такъ она и большничаетъ ... Да что говорить: люди первый сортъ, вся семья ... Не сумлѣвайся, тетка Матрена ... пристань, за постой ничего не возьмутъ — не бойся! ... Я говорю, хоть лошадь-то передохнетъ маленько въ тѣнькѣ-то ...

— Да я очённо благодарна, только бы какъ ... потому люди незнакомые ...

— Говорю, не сумлѣвайся: съ полнымъ удовольствіемъ! Не взыщи только: чѣмъ богаты ... Ты постой-ка тутъ, а я сбѣгаю только узнаю: есть ли кто въ избѣ-то ... Да коли котораго парня захвачу, такъ и приведу: онъ тебѣ и лошадь отведетъ ...

— Покорно тебѣ благодарю за твою ласку и неоставленіе ...

— Ну-ка, полно, Матрена Поликарповна: кажись, на знати люди ... Дмитрій-то Петровъ, почитай, одинъ всю пряжу у меня забираетъ ... Можетъ, когда и не оставитъ: и деньжонками ссудитъ подъ пряжу, особливо, какъ ежели Богъ дастъ ...

Но Демьянъ спохватился и не докончилъ словъ, которыя были бы теперь еще очень преждевременны и неприличны.

— Такъ ты пообожди, Матрена Поликарповна, —

продолжалъ онъ. — Я минутой сбѣгаю, а ты тѣмъ часомъ на базарѣ-то погуляй: можетъ, и товарцу поприсмотришь, али купецъ какой набѣжитъ ... у тебя что купитъ ...

Демьянъ ушелъ, а Матрена Поликарповна думала про себя: „Ужъ, видно, такое это Божье произволеніе! Надо же такъ быть: какъ пріѣхала, такъ и Демьяна встрѣтила ... И парень-то грамотный, а Дмитрію Петровичу куда какъ хотѣлось грамотнаго зятя ... Да ужъ и на что же лучше по нашему положенію: парень не балованный, смирный, выросъ не въ богатствѣ, работящій, да еще и грамотѣ знаетъ ... Надо Господа благодарить, коли дѣло сдѣлается ... Вотъ только большака самого, да домъ посмотрѣть ... А тутъ и сватовъ посылать ... Эхъ, Танюха, Танюха, еще Божіе милосердіе къ намъ, грѣшнымъ, велико: ну-ка, и изъ чужой стороны, ничего не знаетъ, и человѣкъ-отъ хорошій, смирный ...“

Среди такихъ размышленій Матрена Поликарповна замѣтила еще издали Демьяна, который шелъ по направленію къ ней въ сопровожденіи молодого парня. Тетка Матрена сейчасъ смекнула, что Демьянъ велъ жениха, и стала внимательно всматриваться въ него.

— Хозяева милости просятъ, Матрена Поликарповна, — сказалъ Демьянъ, подходя. — Вотъ Сеня тебѣ лошадь-то запряжетъ и отведетъ на дворъ вмѣстѣ съ возомъ ... На базарѣ-то, видно, ужъ нечего ждать: расходится ... Да и базаришко-то былъ дрянной, народу-то совсѣмъ нѣтъ никого ...

Семенъ поклонился Матренѣ Поликарповнѣ. Это былъ молодой парень, высокій, худощавый, смугловатый, съ длиннымъ блѣднымъ лицомъ, на которомъ

торчала маленькая бородка, и какъ-то полусонно смотрѣли большіе черные, глубоко впавшіе глаза. На первый взглядъ онъ казался недуренъ собою, но имѣлъ видъ какъ будто запуганнаго и пришибленнаго; добродушно-глуповатая улыбка не сходила съ его красивыхъ губъ. Очевидно, напоказъ и второпяхъ онъ надѣлъ праздничный синій кафтанъ сверху грязной, обыденной рубахи. Семенъ, по своему внѣшнему виду, сразу понравился Матренѣ Поликарповнѣ. Она съ охотою согласилась, чтобы онъ запрегъ въ телѣгу ея лошадь, и втихомолку наблюдила, какъ онъ это дѣлалъ. Расторопный дядя Демьянъ, помогавшій Семену, успѣлъ и въ этомъ отношеніи отрекомендовать его будущей тещѣ съ самой выгодной стороны: лошадь была мигомъ запряжена, и Семенъ съ возжами въ рукахъ уже сидѣлъ на передкѣ.

— Присядете, тётенька, али пѣшкомъ дойдете? — спрашивалъ онъ Матрену Поликарповну.

— Поѣзжайте, любезнинькій, шажкомъ, а мы съ дядей Демьяномъ за вами пойдемъ. Ужъ оченно мнѣ совѣстно на вашей ласкѣ ...

— Ничего, тётенька ... Пожалуйте, милости просимъ.

Телѣга тронулась.

— Пречудесный парень! — говорилъ Демьянъ, мигая на Семена.

— Да, должно быть, тихій ...

— И-и ... Одно слово красная дѣвка ... А работникъ какой, для дома ... Пословный парень ...

Изба Семенова отца произвела на Матрену Поликарповну весьма неблагопріятное впечатлѣніе: она носила на себѣ всѣ признаки бѣдности, недостаточ-

ности и даже безхозяйственности владѣльцевъ. Крыша на дворѣ раскрыта, крыльцо гнилое, пошатнулось, разбитое окно заткнуто тряпицей — все это мозолило глаза богатой и заботливой хозяйкѣ, какою была Матрена; но зато въ избѣ ее встрѣтила вся семья съ такимъ почтеніемъ, внимательностью и угожденіемъ, что дурное впечатлѣніе скоро изгладилось. „Что же дѣлать съ бѣдностью-то, — думала Матрена, — она не все отъ человѣка, бываетъ и отъ Бога: не дастъ Богъ счастья, такъ ничего не подѣлаешь. А они люди добрые, простые, радѣльные такіе! ... Да вѣдь и не въ этой же избѣ жить Танюшкѣ: слава Богу, въ своей проживетъ“.

Разговоръ шелъ все о вещахъ постороннихъ: объ урожаѣ, повинностяхъ, о попѣ, о торговлѣ, о семьѣ, изъ которой взята сноха, и только мимоходомъ коснулся лѣтъ Семена и его грамотности. Семенъ почти вовсе не принималъ участія въ разговорѣ и на вопросы, прямо къ нему обращенные, отвѣчалъ коротко и скромно, что̀ очень понравилось Матренѣ.

Послѣ двухчасового пребыванія, въ душѣ ея сложилось окончательное убѣжденіе, что Семенъ — суженый Татьяны. Прощаясь, она сдѣлала даже тонкій намекъ на это.

— Прощайте, Сидоръ Спиридоновичъ, — говорила она отцу Семена. — Покорнѣйше благодарю на привѣтѣ и ласкѣ вашей. Напредки не оставьте. Хоть и далеко живемъ, а всяко бываетъ ... Гора съ горой не сходится, а промежъ людей мало ли что бываетъ: и чужіе роднѣе родныхъ прилучаются ... Къ намъ милости просимъ: Богъ дастъ, путь-дорога лежать будетъ въ нашу сторону ... Просимъ милости, не оставьте ...

Демьянъ и Семенъ провожали Матрену Поликарповну до самаго выгона, и она очень любезно распрощалась съ женихомъ.

— Ну, теперь смотри, скоро сватовъ пошлемъ, — сказалъ Демьянъ Семену, оставшись съ нимъ наединѣ. — Счастливъ ты, Сенька: у Дмитрія-то Петрова деньжищъ этихъ лопатой не проворотишь ... Да и дѣвка-то — король ...

Семенъ осклабился.

— Что же не кланяешься, не благодарствуешь мнѣ?.. Али не чувствуешь?..

— Чего не чувствовать, дядюшка Демьянъ ... Завсегда долженъ чувствовать ...

— То-то же! Смотри, женишься, чтобы завсегда я былъ первымъ гостемъ ... А когда нужда, на оборотъ, и деньжонокъ дай ... Крѣпонекъ Дмитрій-то Петровъ, а все ты замѣсть сына у него будешь: дочь-то одна ... Все онъ долженъ тебя къ дѣлу своему приспособить, все деньги въ рукахъ будутъ ... Вотъ ты завсегда дядю Демьяна и помни, что который все твое благополучіе могъ тебѣ предоставить ...

— Буду помнить, дядюшка Демьянъ.

— То-то, смотри ...

III.

Послѣ секретнаго разговора съ женою, Дмитрій Петровичъ, при встрѣчѣ съ дочерью, не вступая ни въ какія объясненія, ограничился только очень коротенькимъ внушеніемъ.

— Ты что выдумала, озорница, а? — сказалъ онъ Татьянѣ. — Возжами бы тебя нужно за это ... Ишь ты!.. Ты гляди у меня, чтобы и духа этого больше

не было ... Бестыжіе глаза!.. Кто тебя теперь возьметъ экую?.. Слышь, чтобы и званія и духу того не было около тебя ... И близко не допущай его къ себѣ ... А то изобью ...

Татьяна, молча, насупившись и отворотясь, слушала отца и ждала, что онъ примется ее бить; но Дмитрій Петровъ ушелъ изъ избы, только крѣпко хлопнувъ дверью, и затѣмъ считалъ всѣ свои обязанности, какъ отца, исполненными. Онъ былъ человѣкъ неразговорчивый и безучастный ко всему, кромѣ прибытка. Самъ себѣ составивши состояніе, онъ только и думалъ, только и заботился, что о сохраненіи и увеличеніи его: стремленіе къ наживѣ поглотило всего его безраздѣльно. Живя ладно съ женою, имѣя только одну дочь, онъ никогда не обижалъ ихъ, не отказывалъ ни въ чемъ нужномъ, давалъ имъ полную свободу; но ни жена, ни дочь не видали никогда отъ него ни особенной заботы о себѣ, ни тѣмъ болѣе ласки. Онъ не былъ ни золъ, ни эгоистъ, но и не жилъ для семьи своей: на базарѣ, въ торговлѣ, за своимъ дѣломъ — вотъ гдѣ была его настоящая жизнь; здѣсь онъ былъ и веселъ, и разговорчивъ, и оживленъ; домой онъ приходилъ только ѣсть и спать.

Дочь ничего къ нему не чувствовала: ни любви, ни привязанности, но признавала за нимъ право взыскивать и наказывать, и всегда ждала отъ отца скорѣе брани и побоевъ, чѣмъ ласковаго слова, хотя не видала и не слыхала ни того, ни другого. Какъ ни была смѣла и бойка Татьяна, но отца она побаивалась. Оставшись одна послѣ его угрозы, она задумалась.

— Вотъ теперь всѣ узнали, — думала она. — Прощай, мой Илюшенька-голубчикъ, прощай, удалая го-

ловушка. Немного мы погуляли съ тобой, своей волюшкой потѣшились: разведутъ насъ теперь по угламъ: тебѣ — съ женой постылой жить, меня — окрутятъ съ немилымъ мужемъ мыкаться ... А и разбойникъ же этотъ Илюшка: ровно ворожбой какой приворожилъ меня. Вѣдь не писаный же онъ, и знаю, что женинъ мужъ, а такъ бы я все на него и смотрѣла, такъ бы все его рѣчей и слушала ... Ни стыдобушки, ни зазорушки мнѣ нѣтъ передъ нимъ ... Ужъ сказала, что не стану съ нимъ водиться, такъ не стану; а хоть разокъ еще одинъ да повидаю его, разбойника, хоть въ глаза его плюну безстыжіе за то, до чего онъ меня, дѣвку, довелъ, что люди всѣ пальцами показываютъ, да на смѣхъ поднимаютъ; хоть попрекну, что отъ живой жены за дѣвкой бѣгаетъ и концовъ хоронить не умѣетъ. Вотъ пускай теперь, злодѣй, знаетъ, что пойду замужъ не по выбору, а за кого велятъ ... Ужъ хоть наплачусь, да и наругаюсь надъ нимъ, супостатомъ: не замай дѣвкина сердца, не привораживай, коли взять за себя нельзя ... Ну-ка, и самъ-дѣлѣ первая я дѣвка была на всю округу, какой бы парень самый наилучшій на меня не польстился, а онъ, разбойникъ, ну-ка, что со мной сдѣлалъ ... И чѣмъ онъ, чѣмъ только къ себѣ привораживалъ?.. Куда у меня разумъ-то дѣлся, чѣмъ онъ языкъ-отъ мой рѣзвый припечаталъ, чтобы обрить, оборвать его, насмѣшника, чѣмъ онъ силу изъ меня вынялъ, чтобы не идти мнѣ, дѣвкѣ, къ нему, когда звалъ, чтобы руки ему обломать, когда обнялъ впервой ... Нѣтъ, вѣдь сами ноженьки бѣжали къ нему, сами рученьки держали его, самъ языкъ говорилъ слова ласковыя, небранчивыя, а сердечушко при немъ, разбойникѣ, то застынетъ совсѣмъ, то восколыхнется, ровно ни-

вѣть радость какая вмѣстѣ съ нимъ придетъ ... Погоди-жъ ты, супостатъ, живи-жъ ты теперь съ нелюбой женой, пускай она тебѣ твои космы чешетъ, пускай она тебѣ сладкія рѣчи говоритъ, ей свои шутки шути, свои прибаутки разсказывай, съ ней и въ хороводахъ ходи, съ ней и пѣсни пой ...

Татьяна совсѣмъ притихла, сѣла за точу и почти никуда не выходила изъ дому. Настоящая причина отъѣзда матери въ Мандуры была ей неизвѣстна, но она, конечно, не вѣрила, что мать ѣдетъ туда ради торговли, и догадывалась, что дѣло идетъ объ ея сватовствѣ. Когда мать уѣхала, первою мыслью Татьяны было воспользоваться ея отсутствіемъ для послѣдняго свиданія съ Ильею. Матрена Поликарповна поѣхала съ ночи, чтобы къ утру поспѣть на базаръ, отецъ присматривать не станетъ; слѣдовательно, отлучиться изъ дома было очень удобно. „Но какъ дать знать Ильѣ, какъ вызвать его изъ избы?“ — думала Татьяна, сидя ночью у раскрытаго окошка своей свѣтелки. На улицѣ все было тихо, только ржали лошади, пасшіяся на скошенныхъ гумнахъ, да перекликались изрѣдка пѣтухи. Вдругъ Татьяна услышала, что ее кто-то снизу, съ улицы, назвалъ по имени. Она высунулась изъ окна и въ тѣни, въ углу дома, съ трудомъ разсмотрѣла прижавшуюся фигуру человѣка, въ которомъ тотчасъ же узнала Илью.

— Экой злой духъ, — подумала Татьяна, — точно кто ему сказалъ. Вотъ мужикъ-отъ ... Ровно ножъ вострый въ сердце ...

— Выйдешь, аль нѣтъ? — прошепталъ тотъ же голосъ.

— Нишкни ... Сейчасъ, — такъ же тихо отвѣчала Татьяна ...

Босая, неслышнымъ шагомъ, несмотря на свое дородство, спускалась Татьяна съ крыльца и еще не сошла съ послѣднихъ ступенекъ, какъ ее обхватили руки вывернувшагося изъ-за стѣны Ильи.

— Лапушка! — приговаривалъ онъ, снимая Татьяну съ крыльца и сбираясь ее поцѣловать; но Татьяна съ силой вырвалась и оттолкнула его отъ себя.

— Что ты? — спросилъ удивленный Илья.

— Нишкни ... Иди сюда! — проговорила Татьяна, пробираясь около стѣны дома и двора.

Илья шелъ вслѣдъ за нею.

Когда они дошли такимъ образомъ до самаго укромнаго и скрытаго отъ чужихъ глазъ мѣста, между поленицами дровъ, стоящихъ сзади двора, Татьяна остановилась. Илья бросился было къ ней съ ласками, но она опять сурово оттолкнула его.

— Да что ты, Танюха? — спросилъ опять вновь озадаченный Илья. — Со сна, что ли, сердита?

— Не цѣловаться я съ тобой пришла, не миловаться: на то время прошло, другъ сердечный ... Посчитаться я съ тобой хочу: зачѣмъ ты, чужой мужъ, меня, дѣвку, съ пути сбилъ, зачѣмъ на смѣхъ людямъ пустилъ? Зачѣмъ меня въ сухоту вогналъ? ...

— Да что? Али что подѣлалось?

— Что подѣлалось — ты самъ давно знаешь ... Только объ этомъ рѣчей у насъ съ тобой не было. А вотъ теперь время пришло и рѣчь о томъ завести ... Всѣ люди про нашу любовь прознали, до матушки съ батюшкой довели ... Была я дѣвка первая, стала черезъ тебя, разбойника, послѣдняя ... Теперь мнѣ жениха ищутъ: найдутъ — не спросятъ: любъ ли? Силкомъ отдадутъ дѣвку гулящую ...

— А ты не ходи, коли не любъ ...

— Да любой-то мой чужеженинъ мужъ ... Приворотникъ-то мой — злодѣй мой проклятый. За него, что ли, я пойду? Ну-ка, молви, безстыжіе глаза! ...

— Такъ али ты впервой узнала, что я чужеженинъ мужъ ... Кажись, не чужой деревни, въ одной живемъ ... Не силкомъ бралъ, по любви сошлись ...

— Я-то знала, да про любовь-то нашу люди не знали ... Силкомъ-то меня мало кто возьметъ, да любовь-то моя съ чего ко мнѣ пристала? Вотъ ты что мнѣ молви; съ зелья ли, съ приворота ли, али съ обхода какого?

— Съ удали молодецкой, припѣвки моей, да съ присвисту — вотъ съ чего, Танюша ...

— А ты не замай, не трожь, тебѣ говорятъ. Не затѣмъ пришла ... Тебѣ лясы точить да бахвалиться, а мнѣ горе горевать да плакаться: такъ не такая я, парень, дѣвка ... Коли не умѣлъ отъ людского глаза уберечься, коли далъ прознать людямъ про нашу побывку полюбовную, про мой стыдъ, что съ мужикомъ женатымъ связалась, коли приходится мнѣ теперь замужъ идти за немилаго, такъ не тѣшиться же и тебѣ моей красой ... Былъ у тебя свѣтъ въ глазахъ, была Танюха, что ни на есть первая дѣвка, хороводница, пѣсельница, а теперь нѣтъ про тебя ее, а есть про тебя одна жена немилая, плаксивая, слюнявая ... Ступай къ ней, а здѣсь тебѣ нѣтъ череда ... Слышалъ? ...

— Такъ-то, Татьяна Дмитревна? — проговорилъ озадаченный, не ожидавшій такой выходки Илья.

— Такъ-то, Илья Кузьмичъ ... Уходи, проваливай ... Поищи другой экой-то дѣвки: коли най-

дешь, приходи похвастаться ... Коли угодила я своей рѣчью тебѣ подъ сердце, такъ мнѣ и лучше не надо ... Слаще мнѣ это меда ... Счастливо оставаться! ...

Татьяна пошла прочь отъ Ильи. Онъ нагналъ и схватилъ ее за руку.

— Не трожь, а то на всю деревню закричу: всѣхъ перебулгачу, — громко сказала Татьяна, вырывая свою руку. — Подь къ женѣ: на что лучше, своя, законная, — прибавила она со злобнымъ смѣхомъ, ускоряя шаги къ дому.

— Татьяна Дмитревна, да что-жъ ты и самъдѣлѣ ... Что-жъ ты моихъ-то рѣчей не хочешь выслушать? — говорилъ Илья, слѣдуя за ней.

— Твои-то рѣчи ты женѣ побереги, да и мои перескажи: вотъ, молъ, дѣвка какая: не разлучница, сама милаго дружка прогнала отъ себя, къ женѣ спать послала ...

Татьяна подходила къ крыльцу. Илья опять хотѣлъ остановить ее.

— Таня, лапушка, да постой ...

— Миндали-то эти ты женѣ разводи, а мнѣ до тебя никакого дѣла нѣтъ ... Проваливай ... Отстань, надсадникъ ты мой окаянный ...

При послѣднихъ словахъ въ голосѣ Татьяны слышались слезы, но она съ такой силой толкнула Илью, который было ее обнялъ, что тотъ едва устоялъ на ногахъ, и быстро, безъ всякой уже осторожности, взбѣжала на крыльцо и захлопнула за собою сѣнную дверь.

Придя въ свѣтелку, она бросилась на лавку и навзрыдъ заплакала.

Илья нѣсколько минутъ постоялъ около крыльца, почесался, выругался и пошелъ домой.

IV.

Матрена Поликарповна подробно сообщила мужу о результатахъ своей поѣздки и своихъ наблюденій.

— Мнѣ очень пришелся по мысли паренёкъ-то, — заключила она: — такой смирный, поклончивый ...

— А пуще всего грамотный; это-то вотъ мнѣ ужъ очень любо, — замѣтилъ Дмитрій Петровъ.

— Ну, и самъ-то старикъ ничего, человѣкъ разсудительный ... Конечно, бѣдность у нихъ, недостатки, да вѣдь это какъ кого Богъ наградитъ ... А по-моему, изъ бѣдной-то семьи намъ лучше еще взять: больше въ глаза будетъ смотрѣть, больше станетъ слушаться: знаетъ, что все у тестя да у тещи въ рукахъ ... И родня-то все ужъ больше будетъ съ почтеніемъ да съ угожденіемъ.

— Такъ что же, надо коли хлопотать ...

— Надо, надо, Дмитрій Петровичъ: ни искать другого, ни думать нечего ... Парень подходящій! ... Нечего сказать! ... Вотъ, смотри, дядя Демьянъ, онъ мужикъ догадливый, онъ домекнулъ дѣломъ-то, смотри, гдѣ нибудь да ужъ до тебя дотолкнется и рѣчь заведетъ насчетъ этого, такъ ты его больно-то и не отваживай, тянуть-то нечего, а такъ молви слово, что, молъ, у насъ въ дому двери для добрыхъ людей не заперты, завсегда милости просимъ ... Обо всякомъ, молъ, дѣлѣ говорить надо, помолившись да подумавши ...

Но Дмитрію Петровичу не пришлось искать и долго ждать встрѣчи съ дядей Демьяномъ. Въ первый же ближайшій праздникъ онъ самъ явился

прямо въ домъ къ Дмитрію Петрову. Матрена, завидя его, тотчасъ же удалила изъ избы Татьяну и послала разбудить и позвать спавшаго мужа.

— Вотъ, Матрена Поликарповна, не въ долгихъ и къ вамъ Богъ привелъ ... Не осудите,—говорилъ, раскланиваясь, Демьянъ.

— Оченно благодарна, милости просимъ. Дорогимъ гостямъ завсегда рады ... Али къ большаку на счетъ какихъ вашихъ дѣловъ?

— Да, то есть дѣльцо-то оно у меня, конечно ... Наши торговыя дѣла такія, что завсегда объ нихъ разговоръ имѣть можно ... Нѣтъ, тутъ я за должишкомъ ѣздилъ вотъ въ Тропинское, да по сосѣдству и къ вамъ мимоѣздомъ ... Гдѣ же Дмитрій-то Петровичъ? ...

— Да онъ дома ... Поди, чай, спитъ праздничнымъ дѣломъ на сѣновалѣ ... Сейчасъ придетъ ... Да чтой-то ты гдѣ сѣлъ, дядя Демьянъ, больно далеко ... Садись поближе къ столу-то, честнѣе будетъ.

— Ужъ больно ты меня почёстно примаешь, Матрена Поликарповна, больно высоко садишь, — замѣтилъ лукаво Демьянъ, пересаживаясь къ столу подъ образами. — Господи, благослови, мѣсто-то хорошо: крѣпко бы мнѣ на немъ сидѣть, да съ той же честью уйти, съ коей пришелъ ... Бываетъ тò нехорошо, Матрена Поликарповна, какъ гостя-то посадятъ высоко, а послѣ за рукавъ и выведутъ изъ избы-то ...

— Это вѣдь Демьянъ ... Какъ васъ по батюшкѣ-то? ..

— Прохорычъ, — привставши и поклонившись, отвѣтилъ тотъ.

— Это, Демьянъ Прохорычъ, отъ рѣчей бы-

ваетъ: какія кто рѣчи говоритъ ... Коли рѣчи тѣ отъ гостя по мысли да по-сердцу, такъ его не то, что подъ Богомъ садятъ, а и угощеніе правятъ; а коли рѣчи не въ согласъ идутъ, такъ извѣстное дѣло: взялъ за рукавъ да и вывелъ ...

— Это такъ, Матрена Поликарповна, вѣрно твое слово: коли я, быть, купецъ, и пришелъ къ тебѣ за товаромъ, а товаръ-то у тебя не продажный ... ну, ты, стало быть, мнѣ и отказъ предлагаешь: вотъ Богъ, а вотъ порогъ ... Или хоть онъ и продажный, да не по моей силѣ, и обидно тебѣ даже, что я съ немытой рожей язнулся и торговать-то его ... Ну, стало быть, тебѣ тоже рѣчей со мной тратить не приходится, а, значитъ, за руку, да и вонъ изъ избы ... Это такъ вѣрно: тутъ и обижаться нечѣмъ, на все власть — воля Божія, Божіе положеніе ... о томъ ему, Создателю, и молимся ... Одинъ богатъ да уменъ ... другой бываетъ и бѣденъ, да счастливъ. Какъ кого Господь наградитъ. О томъ и я тебѣ благодарствую, Матрена Поликарповна, что ты насъ, при нашей бѣдности и при вашемъ богатствѣ, на большое мѣсто сажаешь ... То-то и спрашиваю: крѣпко ли мнѣ будетъ сидѣть? Не обидѣть бы тебя ... Такъ ли я говорю?

— Счастье-то въ людяхъ, говорятъ, отъ ума живетъ, Демьянъ Прохорычъ: который человѣкъ и бѣдный, да наградитъ его Создатель разумомъ, онъ никогда никого не обидитъ, потому слова знаетъ умныя, и разговоръ такой поведетъ, что можетъ всякое дѣло себѣ на счастье поворотить ... А у насъ съ мужемъ такой ладъ: умному человѣку завсегда большое мѣсто ...

— На томъ покорнѣйше благодаримъ, Матрена

Поликарповна, что не обезсудила, первымъ рѣчамъ моимъ остуды не дала ... А тамъ Богъ ...

Въ это время въ избу вошелъ Дмитрій Петровичъ. Онъ былъ со сна, глаза красные, лицо потное, въ волосахъ торчало сѣно.

— А-а, Прохорычъ ... Добро пожаловать ...

Демьянъ церемонно раскланивался и уступалъ свое мѣсто хозяину.

— Садись-ка, садись ... Что же, хозяйка, самоварчикъ бы наставила. А я, братъ, заснулъ чудеснымъ манеромъ ... на свѣженькомъ-то сѣнцѣ важно. Вотъ теперь чайку-то испить первый сортъ ... Что-жъ, Поликарповна, наставь самоварчикъ-то для гостя ...

Но Матрена даже не пошевелилась: ея лицо выражало неудовольствіе. Дмитрій Петровичъ догадался, что еще разговора окончательнаго не было и что, слѣдовательно, угощать свата еще рано и неприлично.

— Ну, что? Какъ дѣла? — обратился онъ къ Демьяну.

— А что, Дмитрій Петровичъ, дѣла на свѣтѣ всякія: и худыя, и хорошія ... Кому какъ Богъ дастъ ... Иной бьется-бьется, а ничего не дается, а другому все въ руку ...

— Знамо, все отъ Бога, — отвѣтилъ, зѣвая въ руку, Дмитрій Петровъ. — Надо больше Богу молиться; грѣшны мы, мало Богу-то молимся ...

— Иной и Богу-то молиться не умѣетъ ... Хорошо, какъ кто въ грамоту ученъ, тому хорошо: развернулъ Божію книгу, да и читай ... Его и Богъ скорѣй услышитъ ...

— Это вѣрно ...

— Вотъ у Сажиныхъ, — ты, Матрена Поликар-

повна, видѣла, — оба парня-то хороши: и старшій, и меньшой, и разумъ-то у нихъ ровный; а меньшой-то завсегда верхъ возьметъ, потому грамотный: въ церковь ли пришелъ — сейчасъ на крылосъ; руку приложить — сейчасъ бѣгутъ за Семеномъ, его и попъ знаетъ, и все такое. И пойдетъ человѣкъ въ люди. Правильно ли я говорю, Дмитрій Петровичъ? Матрена Поликарповна?

Но Дмитрій Петровичъ вмѣсто отвѣта только промычалъ что-то и зѣвнулъ въ руку, а Матрена Поликарповна даже глазомъ не моргнула, точно ничего и не слыхала.

Прошло нѣсколько мгновеній совершеннаго молчанія. Демьянъ кашлянулъ.

— Вотъ ты гостилась у Сажиныхъ-то, Матрена Поликарповна: какъ тебѣ семья-то ихняя?..

— Ничего, они люди такіе ласковые, привѣтные ... Нужда, видно, только большая ...

— Сама видѣла, какая семья-то?.. А ничего, они поправляются ... Вотъ старикъ-отъ срубы присматриваетъ, другую избу хочетъ ставить: неровно, говоритъ, сына второго женю, такъ чтобы было гдѣ жить съ женой; ему, говоритъ, и отдамъ, и самъ, говоритъ, съ нимъ буду жить, да помогать, а старшій пускай, говоритъ, живетъ въ отдѣлѣ ... Что же, вѣдь это онъ правильно говоритъ, что надо ему меньшого сына на первыхъ порахъ поддерживать: ему помогать?

— Что же, дай Богъ добра всякому хорошему человѣку! — уклончиво проговорила Матрена.

— Нѣтъ, я на счетъ того, что Семену-то, коли отецъ выстроитъ ему новую-то избу, да женитъ и самъ къ нему перейдетъ жить — и очень превосходно будетъ. Жена въ дому будетъ большая:

отецъ насчетъ поля, а онъ самъ человѣкъ грамотный: ты его куда хошь поверни, онъ на всякую руку ... И торговлей можетъ заняться ...

Демьянъ примолкъ и опять ожидалъ какого-либо замѣчанія.

— Конечно, всякій человѣкъ старается, чтобы какъ ему было лучше и вольготнѣе, — опять такъ же уклончиво проговорила Матрена.

Затѣмъ опять наступило молчаніе. Демьянъ снова кашлянулъ.

— Ну, хозяева, — сказалъ онъ наконецъ: — посадили вы меня въ мѣсто, сдѣлали вы меня гостемъ, не обезсудьте теперь на моихъ рѣчахъ. — Онъ привсталъ и поклонился.

— Говори, послушаемъ! — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Коли будете говорить къ дѣлу, такъ и мы вамъ будемъ отвѣчать по дѣлу, а на бездѣльныя рѣчи мы не отвѣтчики! — прибавила со своей стороны Матрена Поликарповна съ гордымъ достоинствомъ и спокойствіемъ.

— По моему бы, моя рѣчь къ дѣлу и отъ чистаго сердца, а люба ли она вамъ будетъ, вы мнѣ по дѣлу и скажите, а въ обиду себѣ не полагайте. Сама ты видѣла, Матрена Поликарповна, парня Семена Сажина: каковъ онъ есть изъ себя человѣкъ и что въ него Богомъ положено, мнѣ говорить о томъ, стало быть, нечего ... Сама ты изволила молвить, что по уму человѣку и счастье бываетъ ... Надо дѣло говорить: о Семеновомъ счастьѣ и пришелъ я къ вамъ кланяться ... Коли не противны вамъ мои слова, примите меня за свата: у васъ товаръ,—у меня купецъ: не богатъ, да тароватъ, не знатенъ, да уменъ, не съ гордостью, а съ покло-

номъ да съ почестью ... Не знаю, во что положите: подъ Богомъ ли сидѣть да съ хозяевами въ согласіи хлѣбъ-соль водить, или поклонъ да и вонъ, отъ воротъ поворотъ, да и съ Богомъ домой?.. На чемъ порѣшите, то и говорите: мы бьемъ челомъ съ поклономъ и съ прошеньемъ, а тамъ Божья воля да родительская ...

Демьянъ снова поклонился и замолчалъ. Матрена удерживалась отъ отвѣта, уступая эту честь и право большаку, хотя ей сильно хотѣлось говорить.

— Говори, жена: это ваше бабье дѣло ... Ты мать! — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Мы купцомъ не брезгуемъ, хоть и товаръ у насъ не дешевый, не хаеный ... Поклонъ вашъ и почтеніе за цѣну беремъ, хоть купцы вы и не богатые. Не все богатство — и человѣкъ нуженъ; не все деньги — и послуга дорога, а больше того миръ да любовь и къ родителямъ почтеніе. Семенъ Сидоричъ не зазорный женихъ: тихой онъ парень и смирный, и при грамотѣ — этого отнять у него нельзя. А только то надо, сватушка, въ умѣ вамъ держать, что дочь-то у насъ одна, какъ свѣтъ въ глазахъ, какъ сердце въ утробѣ ... Отдать ее въ люди,—ровно свѣтъ изъ глазъ вынуть. Этого и думать нечего: въ люди мы ее не отдадимъ. Не со свекромъ ей жить и со свекровью, а такъ мы въ умѣ положили: пущай она намъ въ домъ сына приведетъ, чтобы намъ, старикамъ, смотрѣть и тѣшиться, да уму-разуму дѣтей учить и внучатъ качать, и изъ теплыхъ рукъ своимъ дѣткамъ, за ихъ любовь и почтеніе, что ни скопимъ — все пожаловать ... Вотъ вы что, сватушка, должны въ предметѣ имѣть. Коли къ тому рѣчь ваша шла, такъ и разговоръ у

насъ будетъ, а коли къ чему другому, такъ сочти, что и рѣчей твоихъ не было, что и не слыхали мы ихъ.

— Да, это говорить нечего: въ чужой домъ не отдамъ! — подхватилъ Дмитрій Петровичъ, которому многорѣчіе Демьяна и жены уже стало надоѣдать.— Коли хочетъ призятиться, такъ вотъ толкуй съ женой: она парня хвалитъ ... А это нечего пустое и говорить: избу выстроитъ, да отдѣлитъ сына ... и самъ съ нимъ жить будетъ ... Намъ это не подходящее ... Пустое дѣло ... Коли хочетъ къ намъ въ домъ идти, сыномъ мнѣ быть да слушаться, да съ женой ладно жить — это другой разговоръ ...

— Обидненько будетъ, Дмитрій Петровичъ ...

— Чего обидно?.. Одежи я имъ обоимъ нашью вволю, свадьбу сыграю на свой счетъ ... Ужъ свата ни до чего не доведу: весь мой изъянъ ... Только бы было въ чемъ жениху подъ вѣнецъ встать, вотъ и вся его трата ... Какая тутъ обида?.. Для него лучше не надо ... За счастье долженъ считать ... Такъ, что ли?.. Коли ладно, такъ давай по рукамъ бить, да пропой пить, а послѣ того чайку ... У меня совсѣмъ въ горлѣ пересохло ... Тутъ канитель-то тянуть нечего ... Надо дѣло говорить ... Ну?.. Ставить, что ли, самоваръ-то?...

Дмитрій Петровичъ протянулъ къ Демьяну руку ладонью вверхъ. Матрена Поликарповна хмурилась и была недовольна такимъ грубымъ и быстрымъ поворотомъ дѣла: по ея мнѣнію, мужъ велъ себя крайне неприлично и безъ достоинства; по ея мнѣнію, обрядъ сватовства, такъ прекрасно начатый, былъ вполнѣ испорченъ и нарушенъ торопливостью и рѣзкостью мужа. Но дѣлать было нечего: Демьянъ

перекрестился и ударилъ по рукѣ Дмитрія Петровича.

— Будь Божья воля. Поцѣлуемся, сватушка! — сказалъ онъ при этомъ.

— Вы хоть бы помолились сначала, — сказала съ неудовольствіемъ Матрена Поликарповна.

— Что-жъ, все одно: мы и теперь помолимся! — возразилъ Дмитрій Петровичъ, вставая и обращаясь къ образамъ.

— Господи, благослови! — проговорилъ Демьянъ, также вставая и крестясь. — Подай, Господи, на согласъ да любовь и на всякое благополучіе ... Творецъ милостивый ... Пресвятая Богородица ... Матушка, неопалимая купина, не опали ты насъ, грѣшныхъ! — продолжалъ онъ, размашисто крестясь и вздыхая.

— Ну, сватушка, свахонька ... дай Господи! — обратился Демьянъ къ хозяевамъ, кланяясь. — По началу бы и конецъ святой ... Никто бы не перешелъ, не переѣхалъ ... Тьфу, тьфу ... Демьянъ плюнулъ по сторонамъ.

— Дай Богъ ... Дай Богъ! — отвѣчала повеселѣвшая Матрена Поликарповна.

— Теперь, свахонька, съ вашего позволенія, можно и выпить, помолившись-то, чтобы дѣло наше крѣпче было ...

— Давай, давай, жена, скорѣе ... Есть ли дома водка-то?..

— Ну, какъ не быть ... Сейчасъ подамъ ...

— Какъ у тебя не быть въ дому, Дмитрій Петровичъ, — весело сказалъ Демьянъ: — чай, полная чаша всего ...

— Да, братъ, благодаримъ Создателя ... Слава Богу, живемъ по трудамъ по своимъ ...

— Сватушка, пожалуйте-ка,—подчивала Матрена Поликарповна Демьяна.

— Съ васъ, свахонька ...

— Ну, будьте здоровы. Всѣмъ бы намъ на радость, на союзъ да любовь.

— Дай Богъ!

Матрена Поликарповна пригубила, за ней Демьянъ и Дмитрій Петровичъ.

Хозяинъ велѣлъ полуштофъ оставить на столѣ, а Матрена Поликарповна побѣжала ставить самоваръ. Такимъ образомъ судьба Татьяны была рѣшена.

Сваты долго еще сидѣли и долго толковали о всѣхъ будущихъ свадебныхъ порядкахъ; въ Ильинъ день назначили быть поглядѣнкамъ и запою, а самое вѣнчаніе положили сдѣлать послѣ Успенья, по окончаніи ярового жнитва.

V.

Тотчасъ по отъѣздѣ Демьяна Матрена Поликарповна объявила дочери о рѣшеніи ея участи; но та сама уже догадывалась объ этомъ, видя веселое лицо матери, хлопоты ея около самовара и заботливое, щедрое угощеніе гостя.

— Ну, Танюшка, молись Богу, — говорила мать дочери, гладя ее по головѣ: — Богъ тебѣ суженаго указалъ, да какой парень-то: степенный, смирный, богомольный ... Отецъ со сватомъ Демьяномъ сегодня по рукамъ ударили, а въ Ильинъ день поглядѣнки будутъ ... Благодари его, Батюшку нашего, Создателя милостиваго ... Грамотный паренекъ-отъ, въ салтырь читаетъ и на крылосу поетъ.

— Какіе такіе?.. Изъ нищей братіи, что ли,

что стихи знаетъ да поетъ? — злобно, язвительно, насмѣшливо спрашивала Татьяна.

— Вишь ты, какая дѣвка-то, Танюха, какое сердце-то въ тебѣ,—съ упрекомъ и огорченіемъ возражала Матрена. — Мать-то для тебя старалась, сама ѣздила, хлопотала, высматривала да выспрашивала, а ты, чѣмъ бы спасибо сказать, какія слова-то говоришь?.. Знаешь свою вину, такъ ужъ молчала бы, благодарила бы да кланялась матери-то, печальницѣ ...

— Что же, матушка, я не супротивничаю ... Знамо, ужъ теперь за кого хотите, за того и высуните: хоть за старца вонъ слѣпого, что въ оградѣ, около церкви, стихи поетъ — и за того должна идти, да родителевъ благодарить ... Такова ужъ моя судьба теперь: жалѣть меня нечего ...

— Эко ты зелье, эко ты зелье, дѣвка ... Развѣ таковы твои родители? Что, они тебя мучили да тиранили нечто?.. Нѣтъ, какъ бы они тебя тиранили-то, не такая бы и ты была: была бы потише да попоклончивѣй ... не посмѣла бы по ночамъ бѣгать да на чужихъ мужьевъ вѣшаться ... А правда, надо бы тебя, дѣвку, въ руки взять, надо бы въ чужой домъ отдать, чтобы ты со свекромъ, со свекровью, да съ золовками пожила, да и мужа-то такого, чтобы эту прыть съ тебя сбилъ ... Вотъ бы ты и вспомянула родителевъ-то ... А родители-то твои, чѣмъ бы тебя поучить да расказнить за твой грѣхъ, только о томъ и думаютъ и печалуютъ, какъ бы твою голову вѣнцомъ прикрыть отъ срама, да отъ людского насмѣха ... И не то, чтобы какъ зря замужъ въ люди высунуть, а съ разсудкомъ да разсмотрѣніемъ парня-то выбираютъ, чтобы къ себѣ въ домъ взять, на все свое продо-

вольствіе, чтобы жила дочка въ дому родительскомъ, въ холѣ да прохладѣ, да чтобы и отъ мужа-то въ обидѣ не была: такого и выбираютъ ... Другая бы дѣвка у матери-то-радѣльницы за это въ ногахъ валялась да ноги цѣловала, и слезми обливала, а наша дочка ...

— Да ну, полно, матушка, не точи ты меня, не рѣжь безъ ножа ... Ну, гдѣ мнѣ слезъ взять, коли нѣту ихъ ... И безъ того-то мое сердечушко все изныло, ровно червь его сосетъ ... Не замай ты меня ... Раньше бы смотрѣть за дѣвкой да воли не давать. Можетъ и впрямь лучше бы было, кабы допрежъ вы меня били да уму учили ... А ужъ теперь сама спохватилась дѣвка, да поздно ... Ахъ, не трожь ты меня, не замай, матушка ... Сама я все знаю, все чувствую ... Скажи инъ лучше: какіе такіе, за кого вы меня просватали?..

— Изъ Мандуровъ — Сажины ... Люди добрые, степенные ... Свату Демьяну сродники ... А онъ, Семенъ, парень пречудесный, смирный ... Будетъ мужъ тебѣ поступчивый ... А тебѣ такого и нужно ... И изъ лица ничего ...

— Мнѣ все едино: по мнѣ всякой ладенъ...

— Ну, дѣвка, тоже ... съ тобой ладить-то ... Какъ дать тебѣ какого мужа характернаго: что промежъ васъ пройдетъ?.. А ужъ такъ думаю, что ты надъ этимъ большухой будешь ... Пущай ужъ ... Они, правда, люди небогатые, да у насъ, слава Богу, своего довольно: есть чѣмъ и тебѣ прожить съ дѣтками ... А будетъ у отца-то зять грамотный да послушный, будетъ ему помощникомъ, такъ еще наживемъ ...

— Вы бы только скорѣе меня окрутили, что ли, — проговорила Татьяна.

— А вотъ въ Ильинъ день смотрины будутъ, а послѣ Успенья, Богъ дастъ, и свадьбу сыграемъ … Ужъ скорѣй-то не справиться: въ людяхъ тоже работа идетъ, да вѣдь не на смѣхъ же людямъ и дѣло дѣлать, надо же и приданое тебѣ пошить … Больно-то крутить будемъ—и передъ людьми зазорно: хуже говорить станутъ да смѣяться: что, молъ, ужъ такъ скоро понадобилось …

Татьяна больше ничего не разспрашивала и не возражала матери: она слушала ее молча и безучастно. Послѣ извѣстнаго послѣдняго свиданія съ Ильею она не видала его, не выходила на улицу и всячески избѣгала встрѣчи не только съ нимъ, но даже съ кѣмъ либо изъ деревенскихъ. Какіе подходы ни употреблялъ Илья, чтобы вызвать Татьяну на свиданье — это ему не удавалось; она крѣпко держалась даннаго самой себѣ и родителямъ слова. Но, сидя около окна избы или свѣтелки, Татьяна нерѣдко видала на улицѣ Илью и, спрятавшись за косякъ, чтобы онъ ее не замѣтилъ, смотрѣла на него, любовалась втихомолку и мысленно приговаривала ласковыми словами, или съ какой-то особенной злобой посылала ему вслѣдъ брань и проклятія. Татьяна сама не могла бы дать отчета: любитъ ли она его, или ненавидитъ. То онъ ей казался такимъ другомъ сердечнымъ, за котораго души бы своей не пожалѣла, то злодѣемъ заклятымъ, который всю судьбу ея испортилъ, всю ея жизнь погубилъ …

Вечеромъ, подъ самый Ильинъ день, наканунѣ предстоящихъ смотринъ, Татьяна сидѣла, пригорюнившись, у окна. Ни матери, ни отца въ избѣ не было: Матрена Поликарповна хлопотала съ приготовленіями къ завтрашнему празднику, а Дмитрій

Петровичъ сидѣлъ, въ ожиданіи ужина, на лавочкѣ за воротами. Вдругъ Татьяна заслышала вдали гармонію и пѣсню, которую пѣлъ знакомый голосъ Ильи.

— Нѣтъ у него горюшка обо мнѣ, у окаяннаго,— думала Татьяна: — вѣдь ужъ вся деревня знаетъ, что завтра женихъ пріѣдетъ, запой пить будутъ ... А онъ пѣсни горланитъ да въ гармонію играетъ, еще подъ праздникъ-то подъ какой; ему все ничего, все нипочемъ ... Нѣтъ ни стыда въ глазахъ, ни страха, ни совѣсти, ни передъ людьми, ни передъ Богомъ ...

Пѣсня и гармонія между тѣмъ приближалась къ дому Дмитрія Петровича.

— Батюшки, да онъ никакъ мимо насъ хочетъ идти: что онъ это на зло да на смѣхъ мнѣ показать хочетъ, что, дескать, мнѣ наплевать на тебя, и думать не хочу ... Али, можетъ, нарокомъ: повѣстку мнѣ о себѣ дать хочетъ ... Что онъ поетъ-то?

Татьяна стала прислушиваться. Илья пѣлъ:

Во слезахъ-то я ее упрашивалъ:
„Красавица-забавница, ты хоть глазкомъ взгляни!“
— Нельзя, милой, глазкомъ взглянуть:
Покрытую къ вѣнцу везутъ.
„Красавица-забавница, ты хоть платкомъ махни!“
— Нельзя, милой, платкомъ махнуть:
По праву руку женихъ сидитъ,
А по лѣвую — свахонька.
„Красавица-забавница, ты мнѣ хоть голосъ дай!“
— Нельзя, милой, открытися: во обрученьи я.

— Болѣзной мой, это онъ ко мнѣ прибираетъ, — думала Татьяна, и слезы подступили у нея къ глазамъ и давили ей горло.

Между тѣмъ пѣсня кончилась, и голосъ Ильи

замолкъ прежде, чѣмъ онъ поровнялся съ избою Дмитрія Петровича.

— Вотъ опасается же мимо нась-то ходить да пѣть: тоже думно ему обо мнѣ, а не хочетъ и передъ людьми срамить, — продолжала любовно размышлять Татьяна. Но вдругъ Илья запѣлъ другую пѣсню и съ нею подходилъ все ближе и ближе къ дому Дмитрія Петрова. Татьяна сразу, по напѣву, по первымъ звукамъ, узнала эту знакомую пѣсенку и точно что кольнуло ее въ сердце.

Какъ по первой по порошѣ
  Шелъ Ваня хорошій,
Не путемъ шелъ, не дорогой,
  Чужимъ огородомъ.
Онъ чужою шелъ межою,
  Чужой бороздою,
Подходилъ душа-Ванюша
  Ко заднимъ воротамъ,
Ко заднимъ воротамъ,
  Ко задней стѣнѣ.
Припадалъ душа-Ванюша
  За задней стѣною,
Набиралъ душа-Ванюша
  Кругъ бѣлаго снѣга.
Онъ кидаетъ и бросаетъ
  Во заднюю стѣну,
Во заднюю стѣну,
  Къ Машѣ на постелю ...
„Душа-Маша, догадайся,
  Радость, домекнися ...“

Татьяна съ замираніемъ сердца слушала эту такъ много напоминавшую ей пѣсню: вся ея любовь къ Ильѣ, насильно спрятанная, придавленная, снова поднималась, душа ея рвалась къ нему. Татьяна разсмотрѣла въ сумеркахъ удалую фигуру Ильи, медленнымъ шагомъ проходившаго мимо ея оконъ и посматривавшаго на нихъ; она мысленно отвѣчала ему той же пѣснью:

„Не порою, Ваня, ходишь,
Не временемъ ходишь:
У батюшки гости въ гостяхъ,
У матушки гости,
У мила брата ребята,
У меня подруги ...“

Но вдругъ она услышала сердитый голосъ отца, тамъ внизу, на улицѣ, около воротъ:

— Чего, оголтѣлый, зѣваешь? Что башку-то вверхъ задралъ: чего на застрѣхахъ-то высматриваешь?.. Воронъ, что ли, считаешь!

Илья остановился. Онъ былъ выпивши и притворился, что не узналъ Дмитрія Петровича.

— Ты кто такой?.. Тебѣ чего нужно?—спросилъ онъ преувеличенно пьянымъ голосомъ.

— Я тебѣ дамъ: чего нужно?.. На сходъ тебя позвать да вздуть хорошенько, чтобы не дралъ горло по ночамъ, да подъ экой праздникъ ... Вотъ чего нужно ... Пьяница ты пропойная, прокуратъ питерскій!.. Ишь, зѣваетъ на всю деревню ... ночью!.. Люди спятъ, али Богу молятся наканунь праздника, а онъ съ гармоніей ... глотку деретъ ...

— Такъ что?.. Я на свои гуляю ... Завтра мой ангелъ ... Ангелу златъ вѣнецъ, а мнѣ добраго здоровья ... Ты что за человѣкъ?..

— Ну, у меня не прокурать: проваливай, пока цѣлъ ... Я-те проздравлю, вось, на сходѣ, съ ангеломъ ... Ишь ты: чѣмъ бы Богу молиться да свѣчку ангелу-то поставить, а онъ въ кабакъ ... Батька-то прогорѣлъ, а ты остатки всѣ изсоришь да промытаришь ... Пошелъ, пошелъ прочь отъ моего дома ...

— А, постой, стало быть, это домъ чей же будетъ?.. Стой, сейчасъ смекну ... Изба пятистѣн-

ная, крыша тесовая ... Стало быть, Дмитрій Петрова выходитъ ... Свой братъ, человѣкъ торговый ... Наше съ квасомъ ...

Илья нахально протянулъ къ нему руку. Дмитрій Петровичъ обидѣлся и вышелъ изъ себя: онъ искалъ глазами около себя чего нибудь, чѣмъ бы можно было ударить и, если бы попалась палка или полѣно, онъ непремѣнно пустилъ бы его въ Илюху.

— Ты пошелъ, говорятъ ... Дай часъ, постой ... Я-те усудоблю, голубчика ...

— Что-жъ ты мнѣ можешь сдѣлать? ... Ничего ты не сдѣлаешь ... На сходъ? ... Пойдемъ ... Съ нашимъ удовольствіемъ ... Я, братъ, самъ слова знаю ...

Въ это время въ воротахъ показалась Матрена Поликарповна. Она высунулась-было въ окно крикнуть мужа ужинать, какъ услыхала его перебранку съ кѣмъ-то; по голосу она сейчасъ узнала Илью и бросилась за ворота, чтобы своимъ благоразуміемъ и хладнокровіемъ предупредить возможныя непріятности, которыя ужъ вовсе были бы теперь не ко времени.

— Что ты это, Дмитрій Петровичъ, съ нимъ связался, — сказала она, беря мужа за рукавъ: — съ пьянымъ человѣкомъ ... Видишь: онъ не помнитъ ... Пойдемъ ужинать ... А ты уходи да ложись спать! — обратилась она къ Ильѣ. — Нехорошо, братецъ, нехорошо ... Люди увидятъ — не похвалятъ, по чужимъ дворамъ ты ходишь да шумишь ... Вѣдь не къ твоей избѣ Дмитрій Петровичъ пришелъ да ругаться съ тобой сталъ, а ты къ нашей, да еще и шумишь ... Ступай съ Богомъ ... Пойдемъ, Дмитрій Петровичъ! ... Онъ уйдетъ да проспится: самому совѣстно будетъ.

— Я тебѣ—золото ... Погоди, дай срокъ управиться ... Я тебя уважу! — сердито бормоталъ Дмитрій Петровъ, уходя въ ворота за женою.

— Что-жъ, мы уйдемъ ... Мы своихъ родителевъ завсегда должны почитать, потому вы замѣстъ родителевъ мнѣ теперь стали ...

Илья захохоталъ. И мужъ, и жена слышали эту послѣднюю его выходку, и Дмитрій Петровъ, перешагнувшій уже подворотню калитки, рванулся было назадъ, чтобы отругнуться или даже ударить Илью, но Матрена Поликарповна успѣла захлопнуть калитку и задвинуть ее перекладомъ; а Илья съ хохотомъ пошелъ прочь и, подыгрывая на гармоніи, затянулъ продолженіе той же пѣсни:

Пошелъ Ванюшка невеселъ,
Головушку повѣсилъ,
Онъ головушку повѣсилъ
На праву сторонку.
Правой рученькой подперся,
Слезми заливался.
Онъ слезами заливался,
Платкомъ утирался.

Татьяна слышала всю перебранку отца съ Ильей и не могла бы дать отчета, что она въ это время чувствовала: и любовь, и досада, и страхъ,—все какъ-то перепуталось, она была какъ въ чаду. Услыша, что калитка щелкнула и заперлась, она не то отъ страха, не то отъ какого-то невольнаго смущенія не хотѣла встрѣтиться съ отцомъ и матерью, бросилась на печь и притворилась спящею ...

— Дай только мнѣ ее окрутить ... Не я буду, коли на сходѣ не вздуемъ его, — говорилъ, входя въ избу, сердитый, разгнѣванный Дмитрій Петровичъ. — Этакая семейка подлая ... И батько-то его этакой же людоѣдъ былъ, покойникъ ... Меня, ужъ меня на

тридцать рублевъ нагрѣлъ ... Такъ и пропали ... Погоди, молодецъ, дай срокъ ... Кажись, трехъ ведеръ не пожалѣю, поставлю мірянамъ, а ужъ вздуемъ ... Гдѣ Танюшка-то? ... Все это черезъ нее, подлячку, непріятности эти примай ... Гдѣ Танька-то? ...

— Да не вѣду, гдѣ! ... Въ свѣтелкѣ нечто ...

— Али къ нему убѣжала опять? ... Пѣсню какую игралъ, подлый, все противъ нея: выходи, говоритъ, сердечко, съ задняго крылечка ... Подлый ... Смотри: ушла къ нему ...

— Полно-ка, отецъ ... Она все бросила ... Я вѣдь тоже, ты думаешь, не смотрю, что ли ... Нѣтъ, нѣтъ, я вѣдь ужъ ее знаю: не пойдетъ ...

— Ну, да ты все знаешь ... А ты посмотри лучше: гдѣ же она? ...

Но Матрена Поликарповна сама встревожилась и шла было уже искать Татьяну въ другой избѣ и въ свѣтелкѣ, какъ, проходя мимо печи, услышала усиленное дыханіе дочери, притворившейся спящею.

— Ну, да вонъ же она, на печкѣ: спитъ моя дѣвка, ничего не думаетъ, — проговорила успокоившаяся Матрена Поликарповна. — Нѣтъ, вѣдь я ее знаю: она хоть дѣвка характерная, а какъ что скажетъ, ни жисть не перемѣнитъ ... Она ужъ мнѣ побожилась, что все бросила и не пойдетъ къ нему ...

— Ну, да ладно, ты ей вѣрь больше! — говорилъ Дмитрій Петровичъ, крестясь на образа и приготовляясь ужинать. — Экой окаянный, обидѣлъ какъ, даже доселева все нутро дрожитъ ...

Дмитрій Петровичъ отрѣзалъ себѣ ломоть хлѣба во весь каравай и запустилъ пальцы въ солоницу.

— Иду, говоритъ, не путемъ дорогой — чужимъ

огородомъ ... Ишь ты, подлецъ! — приговаривалъ Дмитрій Петровичъ, круто соля ломоть хлѣба.

— Золото, говоритъ, сердечко, выйди на крылечко ... Шельма! ...

Дмитрій Петровичъ откусилъ кусокъ хлѣба.

— Право, шельма! — прибавилъ онъ и усмѣхнулся.

— Что-жъ, Таньку-то будешь будить ужинать-то, али нѣтъ?

—Да, знать, не хочетъ, — отозвалась Матрена Поликарповна: поѣла, чай, чего, да и спитъ ... Танюха, а Танюха, подь ужинать! — говорила она, подойдя къ печкѣ и поталкивая Татьяну въ плечи.

— Не хочу, — отвѣтила та какъ бы сквозь сонъ и переворотилась на другой бокъ.

— Пущай спитъ, — сказала Матрена, возвращаясь къ столу и усаживаясь около мужа. — И то сказать: не до ѣды ей теперь ... Объ завтрашнемъ днѣ, чай, думаетъ, о своей судьбѣ ...

— Тащи лапшу-то! — приказывалъ Дмитрій Петровичъ.

Матрена Поликарповна застучала въ печкѣ ухватомъ, вытащила горшокъ, вылила изъ него въ чашку, подала ее на столъ и вновь сѣла.

— А тебѣ бы, отецъ, и вниманья этого на него не брать, — заговорила Матрена, отправляясь съ ложкою въ чашку за лапшой. — Пущай ходитъ да деретъ горло: что тебѣ ...

— Да кабы я за воротами не сидѣлъ, да не противъ моего дома онъ шелъ, такъ я бы и не ввязался ... Чортъ съ нимъ ... А то вѣдь идетъ да пріостановится, да по окнамъ глазѣетъ ... Таньку-то, что ли, онъ высматривалъ ... да вызвать хотѣлъ ... Ахъ ты, думаю: у насъ завтра поглядѣнки, запой будетъ, мы дѣло дѣлаемъ, а онъ что строитъ ...

Да и подъ какой день-то, подъ самаго батюшку Илью ... Ну, и хотѣлъ шугнуть ... А онъ и полѣзъ ко мнѣ ...

— Ну, чего ты захотѣлъ отъ пьянаго? Еще хорошо, что ушелъ отъ него со мной, а то у васъ что бы было! ... Ты знаешь его ... Народъ бы услышалъ, онъ такой бы срамоты наговорилъ, что послѣ, пожалуй, и глаза не кажи передъ сватами-то ... Слышалъ, онъ про родителевъ-то? ... Родители, говоритъ, вы мои ...

— Да, вотъ какой! ... Еще, говоритъ, завтра мой ангелъ, а самъ о чемъ думаетъ ... Разбойникъ мужикъ, пѣтый! ... Да ужъ постой, братъ, я подожду, я свою выворочу ... Вось по осени сходъ будетъ ... Не забуду, небось, подожди ...

— Лучше брось ... Ну его ... Не шевели — меньше воняетъ ... Брось ...

— Нѣтъ, не брошу ... Ихъ не учить нельзя ... Ему разъ спусти, онъ подумаетъ, что и ... Дмитрій Петровъ ему свой братъ ... Я ему вось покажу ... Онъ у меня пѣсни-то не экія запоетъ ...

— Ну, да ужъ послѣ коли, только не теперь ... Дай свадьбу справить ... Теперь не шевели ...

— Да я подожду времени ... Ничего ... А смѣяться ему не дамъ ... Я еще и отъ отца его былъ доволенъ ... Подождемъ ...

— Ахъ, не троньте вы его, лучше не троньте. Лучше надо мной что сдѣлайте, да его не троньте у меня, моего друга сердечнаго ... Я вамъ все сдѣлаю, всякую покорность, только не замайте вы его ... А то хуже будетъ! — хотѣла вскрикнуть Татьяна, прислушивавшаяся къ разговору отца съ матерью, но только подумала, а сказать не рѣшилась.

Ужинъ кончился, и отецъ съ матерью ушли спать, но Татьяна долго еще ворочалась съ боку на бокъ и не могла уснуть.

VI.

Въ Ильинъ день, послѣ обѣда, къ дому Дмитрія Петровича подъѣхали двѣ телѣги. Въ одной сидѣли знакомый дядя Демьянъ съ женою, а въ другой — Семенъ съ отцомъ и невѣсткой, женой старшаго брата. Какъ только телѣги эти остановились у Дмитріева дома, во всѣхъ сосѣднихъ домахъ изъ открытыхъ оконъ высунулись лица любопытныхъ, которые вслѣдъ затѣмъ появились за воротами своихъ избъ и стали сходиться въ группы, въ которыхъ слышался одинъ и тотъ же разговоръ о томъ, что къ Дмитрію Петровичу сваты пріѣхали съ женихомъ. Въ этихъ группахъ, двигавшихся и стоявшихъ около дома Дмитрія, преобладалъ женскій полъ. Желаніе узнать, что дѣлается въ этомъ большомъ пятистѣнномъ домѣ съ тесовою крышею, было написано на всѣхъ лицахъ; глаза всѣхъ съ жаднымъ любопытствомъ были устремлены на закрытыя окна дома, чрезъ которыя издали, впрочемъ, ничего не было видно, но приличіе не позволяло подойти къ самому дому, взлѣзть на завалину, или примоститься какимъ нибудь путемъ и прильнуть лицомъ къ самымъ стекламъ, какъ это дѣлается, когда справляютъ самую свадьбу. Смотрины дѣло тайное, семейное, и на него сторонніе люди не допускаются; врываются развѣ только неугомонные малые ребятишки, которымъ никуда дорога не заказана и которые, въ деревняхъ, проникаютъ первыми всюду, куда имъ вздумается, и вертятся подъ ногами старшихъ до тѣхъ поръ, пока не надоѣдятъ и не прогонятъ ихъ

вонъ метлой, вѣникомъ, ухватомъ, палкой, окрикомъ или угрозой, безъ всякой церемоніи: тогда они вмигъ разсѣются въ разныя стороны, какъ вспугнутыя мухи, но и опять, смотришь, собьются въ кучу. Только эти незваные зрители и могли разсказать любопытствующимъ, что дѣлается подъ тесовою крышею. Нельзя сказать, чтобы эта публика была невнимательна и ненаблюдательна: крестьянскія дѣти съ очень раннихъ лѣтъ входятъ во всѣ интересы старшихъ и рано знакомятся съ подробностями жизненнаго обихода. Въ 10—12 лѣтъ дѣвочки и ребятишки не только знаютъ всѣ пѣсни, которыя поютъ въ хороводахъ, но и всѣ почти приговоры и причитанья; они не только участвуютъ въ работахъ старшихъ, но составляютъ уже себѣ извѣстныя, опредѣленныя представленія о людяхъ и ихъ отношеніяхъ между собою: поэтому понятно, съ какимъ интересомъ любопытствующія сосѣдки перехватывали выскакивавшихъ изъ воротъ Дмитріева дома мальчишекъ и дѣвочекъ и разспрашивали: о женихѣ и невѣстѣ, о родителяхъ, о сватахъ и о всемъ, что въ домѣ дѣлается.

Эти посредники успѣли разсказать любопытнымъ, что женихъ черномазый да пучеглазый, а въ кафтанѣ синемъ и въ красной опояскѣ, и сапоги новые, все въ землю смотритъ да по сторонамъ, ровно нескладный какой, али чего боится; что тятька у него старый, и кафтанъ на немъ старый: знать, сына обшили, а на самого-то казны не сыстало: такъ въ старенькомъ и поѣхалъ; что матки у жениха нѣтъ, такъ замѣсто ея пріѣхала сноха, старшаго сына жена, молодая баба — ничего, такая сурьезная, молчитъ больше да ужимается, а не тѣльна, въ платкѣ въ красномъ и сарафанъ ситцевый, съ разводами;

сваты — отецъ крестный съ женой, сваты ловкіе: взять, купецъ съ купчихой, видно, не изъ бѣдныхъ, краснобай такой, а жена толстая-толстая — все пыхтитъ. А по дѣлу, надо полагать, на лады пойдетъ: самоваръ ставятъ, съѣстнымъ пахнетъ, знать, готовились ...

Между тѣмъ въ домѣ Дмитрія Петровича шло все своимъ, издревле установленнымъ складнымъ порядкомъ, за чѣмъ, точно сговорясь, единодушно наблюдали Матрена Поликарповна и дядя Демьянъ. Въ избѣ гостей встрѣчали хозяева, но безъ дочери — чинно и чопорно, но съ большимъ радушіемъ и привѣтливостью.

Послѣ первыхъ привѣтствій и взаимнаго знакомства сваты всѣ сѣли къ столу, на которомъ уже стояла водка и закуски, а Семенъ, по указанію Демьяна, помѣстился въ задній уголъ, въ кутокъ.

— Сватушки, свахоньки, пожалуйте-ка съ дорожки-то: выкушайте! — подчивала Матрена Поликарповна.

— Да ты бы самоварчикъ намъ, — замѣтилъ съ своей стороны Дмитрій Петровъ.

— Грѣется ... грѣется ... Вотъ водочки-то сначала ... Тоже не близко мѣсто ѣхали ... Пристали, чай ...

— Сватушки, Сидоръ Масеичъ, пожалуй-ка! — поддерживалъ жену Дмитрій Петровъ.

— Съ дорожки-то, знамо ... Ну, будьте же здоровы ... Дай Богъ въ добрый часъ! — отвѣтилъ Сидоръ, выпивая рюмку ...

— Сватъ, Демьянъ Прохорычъ, пожалуй-ка ... Закаю, чай, не клалъ? ...

— Нѣту, сватушка, нашъ закай до первой рюмки ... Потому торговому человѣку нельзя: не

столь для своей души пьешь, сколь для товара да для человѣка ... Все бы въ радость да согласъ, дай же, милосливой Создатель ...

Свахоньки тоже не отказались и пригубили.

— А вотъ, Матрена Поликарповна, рѣчь-то твоя, — началъ Демьянъ, приступая къ дѣлу, — помнишь, молвила: гора съ горой не сходится, а съ человѣкомъ всяко бываетъ ... Вотъ она, умная-то рѣчь, завсегда къ дѣлу ... Божье-то произволеніе: и далеко живемъ отъ васъ, и горы, и овраги, и лѣса дремучіе, и рѣки текучія промежъ насъ, а далъ Господь, и путь-дорожка къ вамъ легла намъ скатертью ... Ѣхали не пеняли, не жалобились: по своей доброй охотѣ, за хорошимъ дѣломъ, слава тебѣ, Господи! ...

— Какіе-такіе ты тутъ наговорилъ горы и овраги, лѣса и рѣки, — замѣтилъ Дмитрій Петровичъ: — отъ Мандуровъ-то до насъ хоть шаромъ покати, ни одного, кажись, взлобика нѣтъ ...

— Экой ты, Дмитрій Петровичъ, не все въ строку ...

— Да и опять же это поговорка одна,—прибавила Матрена Поликарповна для внушенія своему безтолковому мужу: — что изъ сказки, что изъ пѣсни — слова не выкинешь, пословица говорится, то и это дѣло — все едино ... А нашъ отвѣтъ на вашу рѣчь такой будетъ: коли ѣхали вы дальнымъ путемъ-дорогой, по Божьему произволенію, да и по своей доброй охотѣ, сѣдоки и кони притомилися, противъ нашего двора становилися, наши ворота передъ вами отворилися, хозяева рады добрымъ людямъ, богоданнымъ гостямъ, милости просимъ съ устаточку нашего хлѣба-соли кушать, убоинку рушать ... А мы рады вашихъ рѣчей слушать: куда ваша путь-

дорога лежитъ, за какимъ дѣломъ хорошимъ, какую Богъ думку вамъ на сердце положилъ? ...

— Вишь, какъ развела ... Мастерица! — проговорилъ вполголоса Дмитрій Петровичъ, улыбаясь, поглаживая бороду и подталкивая локтемъ сидящаго рядомъ Семенова отца ...

— Мастерица и есть ... Все бы слушалъ, — отозвался тотъ, тряся головой.

— Семенъ-то твой хоть и грамотный, а этакъ пожалуй, не разведетъ ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нечего: не разведетъ ... Гдѣ ему ... По салтыри онъ это ... а такъ нѣтъ ... не сказать! Больно ужъ хорошо! ...

— Купцымы дальніе, люди торговые, — продолжалъ Демьянъ ... Не мимо мы ѣхали, не проѣздомъ, а нарокомъ къ вашему двору правили ... Не кони наши притомилися, не середь пути они становилися: мы сами купчики-голубчики, молодые молодчики, сами къ вамъ ладили, за Божьимъ дѣломъ, за товаромъ хорошимъ. Вотъ нашъ купецъ-молодецъ ... Полюбите, пожалуйте ... Не обезсудьте, не оставьте, въ чести и въ любви поставьте ... Сеня, встань да кланяйся родителямъ: батюшкѣ и матушкѣ ...

Семенъ всталъ и поклонился Дмитрію Петровичу и Матренѣ Поликарповнѣ.

— Кланяемся и мы вамъ, сватушка и свахонька, челомъ бьемъ: коли любъ нашъ купецъ-молодецъ, не оставьте, пожалуйте, прикажите товарца показать ...

Демьянъ и всѣ прочіе родственники Семена встали и поклонились хозяевамъ.

— Знаемъ мы, — продолжалъ Демьянъ, — довѣдались доподлинно, что товаръ у васъ дорогой, не продажной, не купленый, что и цѣны ему нѣтъ, не

по нашимъ достаткамъ, да, можетъ, по нашей любви-совѣсти ... На томъ Богу молилися и вамъ, родителямъ, кланяемся ...

Матрена Поликарповна приготовлялась было что-то отвѣтить, какъ слѣдуетъ по порядку, но Дмитрій Петровичъ опять помѣшалъ:

— Ну, что же, жена, выводи, — сказалъ онъ, — чего канителиться-то? Пущай посмотрятъ другъ на друга ... Только я, сватъ, къ себѣ въ домъ призячу ... На томъ лады ...

— Знамо, знамо, сватушка ... Ужъ на томъ положили ... Такъ, видно, Богу угодно, — говорилъ Сидоръ Моисеевъ.

— То-то ... А въ люди я не отдамъ ...

— Знамо, знамо, сватушка ...

— Ну, такъ вотъ и ладно ... Выводи же, жена ...

Матрена Поликарповна, недовольная поведеніемъ мужа, пошла въ свѣтелку, гдѣ сидѣла Татьяна, давно уже одѣтая и готовая на показъ жениху. Мать осмотрѣла ее съ ногъ до головы, кое-что поправила и не забыла вколоть въ рубашку спереди и сзади, на груди и на спинѣ, противъ сердца невѣсты, по двѣ иголки крестомъ, въ предосторожность отъ всякой порчи и призора, но она умышленно, ради сохраненія своего достоинства, медлила и не торопилась выводить дочь. — Пускай, дескать, не думаютъ, что ужъ такъ ждали, ждать какъ не знали, впередъ и одѣли, и принарядили: какъ женихъ пріѣхалъ, такъ и вывели. На вотъ, молъ, смотри: совсѣмъ готова, радехонька! ... Пущай подождутъ! ... Да и этотъ, Дмитрій Петровичъ, право, тошнехонько съ нимъ: ни порядку, ни разговору хорошенькаго ... Равно на базарѣ, и впрямь съ товаромъ ... Пущай, коли, подождутъ ...

Такъ разсуждала сама съ собою Матрена, но Дмитрій Петровичъ, освобожденный отъ присутствія черезчуръ церемонной супруги, не сидѣлъ даромъ, въ скучливомъ ожиданіи. Онъ усиленно подчивалъ и сватовъ, и себя, и наконецъ обратился къ будущему зятю:

— А ну-ка, Семенушка, дай-ка тебя спытаю, побалакаю съ тобой. Ну, что, въ грамоту знаешь?

— Обученъ.

— А на крылосу умѣешь?

— Можно.

— Всякой праздникъ, сватушка ... Завсегда на крылосу, — подхватилъ Сидоръ.

— Ну, а руку приложить?

— Это завсегда ... Сколько угодно ...

— Вотъ это ладно ... А на счетахъ?

— Ну, ужъ что ему на счетахъ ... И мы съ тобой, неграмотные люди, да на счетахъ-то никому не уважимъ, — вмѣшался Демьянъ. — А ему ужъ это что ... нипочемъ ...

— Ну, а вотъ, примѣрно, сватъ Демьянъ мнѣ пряжи продалъ съ естолько пудовъ: я ему деньги долженъ отдать, а онъ у меня холстомъ забралъ по естольку кусокъ ... Чтобы все видно было ... Можешь? ...

Семенъ задумался.

— Чтобы, значитъ, на памяти было ... безъ обмана, — пояснялъ Дмитрій Петровичъ.

Вся родня Семена впилась въ него глазами, ожидая удовлетворительнаго отвѣта, но онъ, скосивши въ сторону глаза, сидѣлъ молча съ своей обычной добродушно-глуповатой улыбкой.

— Да ты это насчетъ записи, что ли, Дмитрій Петровичъ? — спросилъ догадливый Демьянъ.

— Ну, стало быть ...

— Такъ что же ты, Сеня ... Насчетъ записи сватушка тебя спрашиваетъ? ... Можешь ли, значитъ, въ бумагу запись сдѣлать ...

— Это можно ...

— Для вѣрности ... Насчетъ не забыть ...

— Можно все это, — самонадѣянно утверждалъ Семенъ, одобряемый внушительными взглядами Демьяна.

— Это первое дѣло ... Это пуще всего! ... А то въ нашей торговой части бываетъ такъ: отдалъ да и забылъ, бирокъ-то нарѣжешь, да и спутаешься, навалялъ уголъ пряжи-то, а спроси — не вѣду сколько ... А въ записи сейчасъ взглянулъ — и видно ...

— Ну, сватушка, у тебя, смотри, и безъ записи изъ рукъ не вывернется ... Съ твоей-то головой и безъ записи жить можно: все на памяти держишь, — польстилъ Демьянъ.

— Такъ-то такъ ... На томъ стоимъ, а все, братецъ, лучше, какъ оно въ грамотѣ-то написано, безъ сумлѣнія: сейчасъ взглянулъ — и видно.

— Да это что говорить! ... Грамота на что лучше! Первая статья! — подтвердили въ одинъ голосъ Демьянъ и Сидоръ.

— Ну, молодецъ, — продолжалъ Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ Семену. — Эко салтыря-то нѣтъ, а то бы я-те почитать заставилъ ...

— Да онъ такъ знаетъ, въ память ...

— Ай?..

— Вѣрно ...

— А ну-ка, катни ... Смерть люблю отъ божественнаго ... Ну-ка, Сеня ...

Семенъ началъ нараспѣвъ:

— Бла-женъ мужъ, иже не иде на со-вѣтъ нечестивыхъ и на-пу-ти грѣшныхъ не ста и на сѣдалищи губителей не-сѣде ... Но въ закони ...

— Ну, вотъ важно, Семенъ Сидорычъ... Ладно это ... Сватушка, выпейте ... Любо мнѣ это ... А постой, ну-ка, вотъ я неученый человѣкъ, а ты мнѣ вотъ что̀ скажи: стоитъ градъ, въ онаемъ градѣ многое воинство, всякому воину дано по копію; единъ воинъ пріидетъ, градъ разбіетъ, имѣніе разберетъ; то имѣніе Богу въ честь, человѣку въ потребу. — Ну-ка-сь ... Что̀ такое значитъ — а?..

— Что̀ такое значитъ? — повторилъ озадаченный Демьянъ и задумался.

Семенъ улыбался и хлопалъ глазами. Дмитрій Петровичъ самодовольно посмѣивался.

— А? Что?.. Ну-ка-сь, грамотѣй! — говорилъ торжествующій Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ Семену. — Что̀, не можешь?

— Никакъ не можно, — отвѣчалъ Семенъ.

— Вотъ какую штуку загнулъ ... Ай, Дмитрій Петровичъ! — льстиво говорилъ Демьянъ.

Дмитрій Петровичъ заливался довольнымъ смѣхомъ.

— Улей, божья пчелка: вотъ что значитъ.

— А-а, — протянулъ Демьянъ. — Вотъ поди-жъ ты ...

— Воскъ, значитъ, Богу на свѣчку, а медокъ человѣку въ потребу ... Вотъ имѣніе-то какое! — пояснилъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ, такъ, — подтвердилъ Демьянъ ...

— Что, братъ, вотъ-те и грамотный! — со смѣхомъ поддразнивалъ Семена Дмитрій Петровичъ.

Всѣ гости ухмылялись и одобрительно покачивали головами; но въ это время растворилась дверь

избы и на порогѣ показалась Матрена въ сопровожденіи дочери, которую она вела за руку. У всѣхъ гостей лица мгновенно сдѣлались серьезными и сосредоточенными. Семенъ, все еще сидѣвшій въ куткѣ, робко приподнялъ глаза на свою невѣсту. Татьяна, проходя мимо него, хотя вскользь, но безъ малѣйшаго смущенія оглядѣла Семена, и когда глаза ихъ встрѣтились, не невѣста, а женихъ застыдился и потупился. Впрочемъ, помня наставленія и просьбы матери быть потише да постепеннѣе со сватами, Татьяна, поставленная передъ сватами, отдала требуемый приличіями поклонъ и стала, опустя внизъ голову, точно и невѣсть какая стыдливая и несмѣлая дѣвица. Свахи пожирали ее глазами и вмигъ разсмотрѣли и ея высокую грудь, и круглыя плотныя плечи, и руки, и все ея одѣяніе до малѣйшихъ подробностей.

— Вотъ моя Танюха-то какая! — сказалъ самодовольно Дмитрій Петровичъ.

Демьянъ взялъ за руку Семена и подвелъ его къ Татьянѣ.

— Вотъ посмотритеся... Понравитесь ли другъ другу?

Татьяна стояла, не поднимая глазъ; Семенъ въ силахъ былъ приподнять свои только до шеи Татьяны, какъ бы боясь встрѣтиться съ ея взглядомъ. Оба стояли молча другъ передъ другомъ.

— Вишь, какъ застыдились оба, ровно голуби! — вмѣшалась жена Демьяна. — Вы дайте имъ, Матрена Поликарповна: пускай переговорятъ промежъ собой одни, познакомятся.

— Что-жъ, это дѣло законное, не нами уставлено, — отозвалась Матрена: — имъ жить, да вѣкъ коротать вмѣстѣ, пущай промежъ собой и переговорку

сдѣлаютъ: безъ людей-то, знамо, имъ пов213днѣе, смѣлѣе будетъ... Вотъ пойдемте, свахонька, отведемъ въ свѣтелку.

Свахи взяли за руки: одна дочь, другая жениха, привели ихъ въ отдѣльную холодную комнатку подъ самой крышей, гдѣ жила лѣтомъ Татьяна, и оставили ихъ однихъ, а сами вышли и сѣли на приступкахъ лѣстницы, которая вела на этотъ чердачекъ.

Оставшись наединѣ, женихъ и невѣста долго сидѣли молча. Татьяна бойко было взглянула на Семена, оглядѣла его внимательно, и онъ показался ей недуренъ собою, но сидѣлъ около нея какъ-то сгорбившись, неловко, и смотрѣлъ въ землю. Татьянѣ сдѣлалось вдругъ и грустно, и досадно на что-то, она невольно вспомнила объ Ильѣ, отодвинулась и отворотилась отъ Семена. Тотъ, когда замѣтилъ движеніе Татьяны и почувствовалъ, что она не смотритъ на него, сдѣлался смѣлѣе и поднялъ глаза на невѣсту. Онъ видѣлъ ея толстую косу, загорѣлую шею, румяную щеку и припоминалъ наставленія Демьяна о томъ, что̀ онъ долженъ говорить съ невѣстой на переговоркѣ; но ожиданіе, что Татьяна вдругъ оборотится къ нему и взглянетъ на на него по-давишнему, мѣшало ему собраться съ мыслями: такъ ожегъ его и озадачилъ первый взглядъ невѣсты. Но Татьяна сидѣла неподвижно и не оборачивалась.

— Что за напасть, — думалъ про себя Семенъ, — никакъ не сообразишься... Ровно впервой... Смиренъ, смиренъ, а тоже съ дѣвками-то игрывалъ же... А эта вотъ, поди-жъ ты, ровно связала чѣмъ... Ну, да и дѣвка же—король: плечищи-то, коса-то какая здоровая... Да и сама-то бѣлая, ру-

мяная, плотная... Ахъ, ты, Боже мой милостивый... Эка жара какая!..

Семена даже въ жаръ и въ потъ кинуло: онъ обтеръ лобъ рукавомъ поддевки и вздохнулъ. Потомъ, точно кто его толкнулъ съ мѣста, онъ быстро пододвинулся къ Татьянѣ и обнялъ ее. Татьяна круто и сердито повернулась къ нему: и Семенъ проворно отдернулъ свою руку и пугливо опустилъ глаза въ землю.

— Ну, съ этимъ парнемъ можно управиться! — мелькнуло въ головѣ у Татьяны.

— Что же ты ничего не говоришь? — спросила она его.— Не мнѣ же, дѣвкѣ, тебя запрашивать.

Семенъ вскользь взглянулъ на Татьяну и осклабился.

— Ты ужъ меня, Татьяна Дмитревна, не оставь... Полюби... А я ужъ для тебя...

— Да ты-то будешь ли меня любить-то?..

— Вотъ... кажись, по гробъ жизни... Ужъ очень ты мнѣ... по мысли...

— А поди, женишься, такъ, чай, тоже драться полѣзешь... командровать захошь...

— Нѣтъ... Я парень смирный, пословный... Про меня кого хошь спроси... Я... тише меня нѣтъ... Вотъ что!..

— А, можетъ, водку пить почнешь... Либо родня твоя подбивать станетъ: скажутъ, жена бойка, ты ее въ руки возьми... Станутъ наѣзжать да мутить насъ...

— И никого не послушаю, ни въ жисть... Вотъ какъ... Да и родня у меня вся тихая: отецъ у меня смирный, матери нѣтъ... Опять же я къ вамъ въ домъ иду... А вино это, извѣстно, когда въ праздникъ, безъ эстаго нельзя... А только-что я

и во хмѣлю тихой: за мной никакого художества нѣтъ ... Нѣтъ, ты во мнѣ не сумлѣвайся, Татьяна Дмитревна ... Я вотъ люблю: въ праздникъ когда развернулъ псалтырь, аличасовникъ, да и читаю ... потому я въ грамоту обученъ ...

Семенъ ободрился, вспомнилъ, что̀ ему велѣлъ говорить Демьянъ, и уже смотрѣлъ прямо на Татьяну.

— Да правду ли ты, парень, говоришь-то? Я, смотри, у отца-то да у матушки въ холѣ да въ нѣгѣ выросла, я дѣвка веселая, шумливая, да и характерная ... Я и пѣсню спѣть, и въ посѣдки сбѣгать, и на языкѣ не поддамся ... Меня не замай ...

— Такъ что?.. Ты только меня не оставь: полюби, а я для тебя что угодно ...

— А ты, пожалуй, выдумаешь: дома сиди, да изобижать меня станешь ...

— Полно ... Я мужикъ не прижимистый: меня только не обидь, а я ни въ жизнь человѣка не обижу ... Вотъ я какой ... А не то, что тебя обидѣть ... Ты, кажись, у меня ... Вотъ на ладонку посажу, да дуть стану, ровно на сахарную ...

— Такъ нечто я тебѣ больно полюбилась?..

— Ахъ, ужъ не говори-тко ... Я, кажись, экихъ дѣвокъ и не привидывалъ ... Сама-то экая, а глаза-то ровно стрѣлы ... Даве какъ глянула, индо обожгла ... Такъ даже сердце зашлось ...

Семенъ опять потянулся было обнять Татьяну, но та остановила его, но ласково.

— А ты погодь, не трожь ... Не гоже ... Ты лучше говори, Семенъ Сидоровичъ, всю правду, какъ передъ Богомъ: я вѣдь не захочу, такъ и не пойду ... Я у родителевъ-то одна, меня нудить не станутъ ... Коли люба я тебѣ, да хошь ты меня взять за себя, какова я есть дѣвка, да побожишься

мнѣ божески, что будешь ты мнѣ мужъ не озорникъ, не срамникъ, не ругатель, — такъ я пойду за тебя, а то ничего, что и сосватались, по рукамъ ударились ... Не захочу, такъ со мной и силой ничего не сдѣлаютъ: я и въ церкови передъ попомъ отрекусь... Ну, такъ вотъ думай...

— Что мнѣ думать-то?.. Дума-то моя вся теперь въ тебѣ ... Богомъ тебѣ божусь вотъ, Создателемъ Небеснымъ, сиди ты у меня на ладошкѣ, а я дуть буду ... А не то, что озорничать, али ругаться съ тобой ... Слышала ты это?.. Ну, вотъ какъ теперь мое сердце къ тебѣ легло ... Душевная ты моя ...

Въ это время дверь въ свѣтелку скрипнула. Сваха вошла въ нее.

— Ну, переговорились ли, познакомились ли? — спросила жена Демьяна.

— Кажись, теперь все ужъ ... кажись, познакомились, — отвѣчалъ Семенъ, взглядывая на Татьяну.

— Переговорили, — отвѣтила Татьяна.

— Ну, такъ теперь пойдемте въ избу къ большакамъ ... Пускай они и спросятъ, — заявила Матрена.

Внизу, въ избѣ, стоя опять рядомъ передъ лицомъ подгулявшихъ уже порядочно сватовъ, невѣста на вопросъ ихъ: по мысли ли женихъ, и идетъ ли она за него, отвѣтила: иду! А женихъ на вопросъ: беретъ ли невѣсту, отвѣтилъ: беру!

Затѣмъ всѣ помолились передъ образами, заставили поцѣловаться жениха съ невѣстой, перецѣловались сами и, усадивши жениха и невѣсту на большое мѣсто, подъ образами, начали уже шумно, широко и весело производить настоящій запой.

Ребятишки тотчасъ же оповѣстили объ этомъ всю деревню.

VII.

Дошла вѣсть о Татьяниной помолвкѣ и до Ильи. Нельзя сказать, чтобы это извѣстіе огорчило его: онъ не настолько любилъ Татьяну; но оно его разсердило. Досадно ему показалось, что его разлапушка, первая дѣвка во всей деревнѣ, уйдетъ изъ его рукъ, станетъ чужой ему бабой. Да и идетъ-то, говорятъ, своей охотой, не по принужденью. И не бѣжитъ Танюха къ нему втихомолку, не ищетъ его, не плачется передъ нимъ о своей горькой долѣ, а ровно и знать его не хочетъ, ровно она сама его прогнала, что надоѣлъ парень. И передъ дружками-пріятелями, хороводниками, съ которыми Илья кружился по кабакамъ, похвастать нечѣмъ, нечѣмъ покуражиться: они же стали надъ нимъ посмѣиваться; а дѣвки на гулянкахъ, вымещая за прежнее къ себѣ невниманье, и вовсе проходу не давали, ни въ какую разговорку съ нимъ не шли, только все къ Танюхѣ посылали. И тошно, и досадно на сердцѣ стало у Ильи; забралъ онъ въ голову какъ никакъ разбить Танюхину свадьбу; или хошь бы повидаться съ ней, насмѣяться, жениха ея осрамить и ее отъ себя прогнать, какъ постылую. Началъ Илья то-и-дѣло бродить около Дмитріевой избы, желая какъ нибудь наединѣ встрѣтить Татьяну; но она, видимо, сама этого не хотѣла, сама отъ него отворачивалась: изъ окна увидитъ—спрячется; на улицѣ завидитъ—на другую сторону перебѣжитъ или вовсе домой воротится. Не зналъ онъ того, что изъ-за оконнаго косяка Татьяна глазъ съ него не спускала, когда онъ проходилъ мимо; не зналъ и того, что, смотря вслѣдъ ему, она провожала его втихомолку, про

себя, сладкими рѣчами, сердечными приговорами. А Илью оттого еще больше подмывала и тоска, и досада. Собралъ онъ свѣдѣнія о женихѣ Татьяны и съ какой-то радостью узналъ, что онъ не больно боекъ и бѣденъ; обидно показалось только то, что грамотенъ. Подсылалъ было Илья къ Татьянѣ свою пріятельницу, старую солдатку вдову, чтобы повывѣдать, что у Татьяны на сердцѣ и на умѣ, а если можно, то уговорить хоть единова повидаться съ нимъ; но солдаткѣ не удалось и слова перемолвить съ Татьяной: Матрена Поликарповна зорко слѣдила за дочерью, смекнула, зачѣмъ солдатка пришла къ ней, и не честью изъ дома спровадила, сказавши безъ церемоніи, что про такихъ гостей у нея въ дому только и есть угощенія, что вѣникъ да ухватъ. Илья рѣшился на смѣлую штуку: онъ рѣшился самъ пробраться ночью въ свѣтелку Татьяны.

Разъ, незадолго до Татьяниной свадьбы, поздними сумерками, пользуясь тѣмъ, что ворота Дмитріевой избы еще не были заперты, онъ проскользнулъ въ нихъ и притаился на темномъ дворѣ, во мшанникѣ, у овецъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, слышалъ, какъ Дмитрій Петровъ велѣлъ работнику запереть ворота и задать сѣна лошадямъ, слышалъ смутно голоса Матрены и Татьяны въ избѣ, видѣлъ, какъ работникъ пронесъ охапку сѣна и положилъ въ телѣгу, около которой стояли лошади, потомъ вошелъ въ избу и крѣпко хлопнулъ за собою дверью. Затѣмъ голоса умолкли, слышалось только ёрзанье горшковъ по поду печки и стукотня деревянной и глиняной посуды: Илья смекнулъ, что въ избѣ ужинали. На дворѣ стало совсѣмъ темно и тихо, только скрипѣли зубами коровы, пережевывая свою жвачку, да фыркали лошади, роясь въ сѣнѣ,

отъ времени до времени тряся и качая головой, да овцы, ни съ того, ни съ сего, вдругъ вскочатъ на ноги и шарахнутся съ одной стороны хлѣва въ другую. Опять отворилась дверь изъ избы въ сѣни, и одинъ разъ, и другой, и третій, проскрипѣли половицы сѣней подъ чьими-то шагами, кто-то выходилъ раза два на крылечко, спускавшееся во дворъ, кто-то крякнулъ, кто-то вздохнулъ такъ тяжело, глубоко: не Татьяна ли ужъ это?.. Опять послышались чьи-то отрывистые глухіе голоса — и все смолкло. Илья пождалъ еще съ полчаса — тишина стала кругомъ полная, даже лошади и коровы, видно, задремали и не шевелились. Илья вышелъ изъ своей засады на темный дворъ и тогда только подумалъ о томъ, что онъ никогда не бывалъ въ домѣ Дмитрія Петровича и не знаетъ хорошенько его расположенія. Правда, крестьянскіе дома всѣ строятся на одинъ ладъ, да у Дмитрія-то Петровича домъ пятистѣнный, о двухъ избахъ, да еще со свѣтелкой, и, какъ у домовитаго хозяина, поди, чай, на каждомъ шагу чуланы да пристройки разныя, того и смотри, заблудишься. Татьяна спитъ, по всей вѣроятности, одна, въ своей свѣтелкѣ, лѣстница въ свѣтелку, чай, изъ сѣней, да кто ее знаетъ у какой стѣны... а пожалуй еще кто-нибудь въ сѣняхъ-то и спитъ? Илья остановился въ раздумьѣ. Ужъ не уйти ли лучше до грѣха, благо ворота близко: отодвинулъ запоръ и на волѣ. А на что же приходилъ, выжидалъ, прятался? Въ другой разъ ужъ не попадешь: утромъ встанутъ, увидятъ ворота отперты; стало, кто нибудь былъ да вышелъ—сторожиться станутъ. Да и, какъ никакъ, ужъ коли пришелъ, надо съ Танюхой повидаться: ужъ будь, что будетъ: авось найду дорогу.

Придерживаясь той стѣны, около которой было крылечко, Илья сталъ потихоньку пробираться къ нему. Въ одномъ мѣстѣ рука его задѣла за нашестъ, на которомъ сидѣли куры: нашестъ пошатнулся, куры перебулгачились, проснулись, закудахтали ... Испуганныя неожиданной тревогой, шарахнулись въ сторону лошади и потащили за собою телѣгу, къ которой были привязаны; вскочила на ноги и мыкнула корова, заметались по мшаннику, какъ угорѣлыя, овцы ... Илья замеръ на мѣстѣ ... Подождалъ, прислушался. На дворѣ мало-по-малу все успокоилось; изъ избы не доносилось ни одного звука, кто-то только какъ будто повернулся на кровати съ одного бока на другой. Илья добрался до крылечка, поднялся по лѣстницѣ, тронулъ дверь — заперта щеколдой, которая, впрочемъ, легко открылась, и Илья перешагнулъ черезъ порогъ въ сѣни. Щеколда слегка стукнула, но въ избѣ никто не пошевелился, слышался только оттуда чей-то сонный храпъ. Илья пощупалъ около себя руками направо и налѣво, и нащупалъ близъ себя дверь въ избу. Онъ сталъ соображать: если налѣво дверь въ избу, значитъ, направо холодная горница, надъ ней свѣтелка; въ сѣняхъ двѣ двери для выхода: одна на дворъ, другая противъ нея, на уличное крылечко. Хорошо бы отпереть эту, другую, дверь и пріотворить немножко, тогда будетъ виднѣе, гдѣ лѣстница наверхъ въ свѣтелку, да если и лыжи навострить придется, такъ черезъ то крыльцо скорѣе можно улизнуть, чѣмъ черезъ дворъ. Была не была, думалъ Илья, отопру то крыльцо, и если чуть что, стрекну вонъ, а не услышатъ, такъ ладно. Не размышляя долѣе, онъ прокрался черезъ сѣни къ противоположной стѣнѣ, ощупью отыскалъ дверь и

крючокъ, которымъ она была заперта. Едва дыша, Илья отомкнулъ крюкъ: оказалось, что дверь открывалась наружу, и легко отворилась, когда Илья подтолкнулъ ее. Звѣздное небо глянуло черезъ дверь въ сѣни, ворвалась холодная струя ночного воздуха; Илья невольно вздрогнулъ и оглянулся; въ сѣняхъ на первый разъ показалось Ильѣ какъ будто еще темнѣе прежняго. Стоя неподвижно и держась за полуотворенную дверь, онъ сталъ прислушиваться: кругомъ все было тихо и неподвижно. Пристально вглядываясь внутрь сѣней, онъ мало-по-малу разсмотрѣлъ дверь въ избу, дверь въ горницу, въ чуланъ, лѣстницу, которая шла на чердакъ, а слѣдовательно и въ светелку.

Долго стоялъ Илья, пока рѣшился двинуться къ этой лѣстницѣ, но полная тишина кругомъ успокоила его.

— Эге, да этакъ васъ и обокрасть сполагоря! — промелькнуло у него въ головѣ. — Богатъ, сторожекъ, а, видно отъ, ловкаго вора не уберечься и тебѣ, Дмитрій Петровичъ!

— А ну, какъ она въ горницѣ спитъ, а я въ свѣтелку полѣзу? Гдѣ, чай, въ горницѣ, — нѣтъ, теперь они къ свадьбѣ припасаются, горницу-то прибрали: тамъ, чай, панклетъ будетъ, молодыхъ спать положатъ ... Вишь ты, молодая!..

Илью точно что кольнуло въ сердце при этой мысли, и лицо его скривилось въ злую улыбку.

— Вотъ что: заскрипитъ проклятая лѣстница, да и сапожищами, пожалуй, завозишься ... Безъ сапоговъ бы легче.

Илья вышелъ на крыльцо, снялъ сапоги, сбросилъ ихъ съ крыльца въ траву и босой снова вошелъ въ сѣни, притворилъ, но не заперъ за собою

дверь и направился къ крутой лѣстницѣ, которую высмотрѣлъ въ углу сѣней. Потихоньку, едва дыша, онъ поползъ по ней, пріостанавливаясь на каждомъ приступкѣ. Лѣстница дѣйствительно скрипѣла. Онъ уже взлѣзъ почти на самый верхъ лѣстницы и заносилъ ногу, чтобы ступить на помостъ, по которому оставалось сдѣлать два-три шага до двери въ свѣтелку, какъ вдругъ эта дверь отворилась и чрезъ нее просунулась голова Татьяны.

— Кысъ, кысъ, кысъ . . . Машка, ты, что ли, тутъ шуршишь, подлая . . . Кысъ, подь сюда . . .

— Нишкни, это я, Таня! — прошепталъ Илья.

— Господи, помилуй . . . Съ нами крестная сила . . . Аминь, аминь, — лепетала Татьяна, обезумѣвшая отъ неожиданности и страха. Вся дрожа, она скрылась въ свѣтелку и захлопнула за собою дверь.

— Танюша . . . Да не бойсь, это я самый. . . я. . . настоящій . . . живой, — шепталъ Илья, пріотворяя дверь въ свѣтелку. — Нишни, не кричи . . . Услышатъ . . .

— Ахъ, Илюшенька . . . Да какъ ты это? . . . Да что ты это надумалъ? . . . Въ умѣ ли ты? . . Экой ты парень . . . Ну, какъ услышатъ или увидятъ, — бормотала Татьяна, у которой захватывало дыханіе и отъ радости, и отъ страха. — Вотъ не чаяла . . . Вотъ напугалъ . . .

— То-то, ты думала, отъ меня ухоронишься . . . Заройся ты подъ землю — тамъ, захочу, найду . . . Разѣ отъ экаго мужика супрячешься . . . Никаки замки, запоры передо мной не выстоятъ, — бахвалился Илья.

— Милый ты, милый . . . Удалая головушка, забубенная . . . Нѣтъ тебя лучше на свѣтѣ. — Татья-

на уже обнимала Илью, забывши всѣ свои намѣренія и обѣщанія. Что-то давило ей горло: она готова была зарыдать.

— То-то, милый... А сама замужъ хочешь идти, меня въ три-шеи гонишь ... На кого промѣняла-то: размазня, потихоня, идолъ пучеглазый ...

— Ахъ, ни на кого бы я не промѣняла тебя, Илюшенька, какъ бы самъ ты не былъ въ законѣ... Что же мнѣ дѣлать, дѣвкѣ? Надо же мнѣ какъ никакъ свою голову прикрыть ... Вѣдь ужъ тебя не отнимешь у живой жены ...

— Такъ ты бы по крайности ... На что же ты отъ меня отшатнулась ... На что любовь со мной хотѣла порѣшить?.. Начала ругаться со мной ... помнишь? ... Да хорониться, да прятаться отъ меня...

— Экой ты, Илюша, такъ неужто ужъ я ... Вѣдь мнѣ, чай, тоже отъ людей зазорно... И отъ родителевъ тоже стыдъ, совѣсть примаю ...

— А мнѣ плевать на все... Коли любишь, такъ и живи со мной попрежнему ... А этому пучеглазому оглобли повороти ... Не желаю я ...

— Нѣтъ, мой родименькій, никакъ это невозможно ... Ужь и запой пили... Самъ знаешь: пропитая — залитая! Какъ подъ крестомъ, такъ и подъ вѣнцомъ!..

— Вотъ велика невидаль ... А ты отъ меня креста-то жди: когда благословлю, тогда и иди...

— Ахъ ты, балясникъ ты мой ... Грѣхъ ты мой сладкій ... Горе ты мое желанное! — приговаривала Татьяна, улыбаясь и порывисто обнимая Илью.

— Постой-ка, Таня, ничто кто ворочается внизу, — проговорилъ Илья, устраняя Татьяну и прислушиваясь.

Въ сѣняхъ дѣйствительно слышался какой-то шо-

рохъ. Скрипнулъ одинъ, другой приступокъ лѣстницы, ведущей въ свѣтелку—-и опять все затихло.

— Смотри, матушка услышала, — прошептала Татьяна. — Спрячься ...

— Постой, нишкни ...

Затихнувшій на минуту шорохъ внизу около лѣстницы опять возобновился: кто-то какъ будто сошелъ съ нижнихъ приступковъ лѣстницы и перешелъ черезъ сѣни, тихо затворилъ дверь, затѣмъ послышался шопотъ, торопливое движеніе и шарканье спички.

— Бѣда, услышали, огонь вздуваютъ, — проговорила Татьяна и кинулась было къ двери свѣтелки, чтобы запереть ее, но остановилась, вспомнивши, что у нея никакого запора не было.

Илья сначала было растерялся, но потомъ вдругъ, оттолкнувши Татьяну, бросился вонъ изъ свѣтелки на лѣстницу, разсчитывая сбѣжать и выскочить изъ сѣней въ отпертую заблаговременно дверь, прежде чѣмъ успѣютъ преградить ему дорогу. Татьяна замерла на мѣстѣ, высунувшись изъ дверей свѣтелки, въ ожиданіи, чѣмъ все кончится.

Илья, прежде чѣмъ спускаться съ лѣстницы, глянулъ внизъ: тамъ было темно и тихо; онъ бросился быстро внизъ, перебѣжалъ сѣни и сильно толкнулся въ выходную дверь, но она была уже заперта. Пока онъ судорожно, дрожащими руками искалъ крючка, кто-то сзади съ ругательствами накинулся на него и схватилъ за руки. Въ то же время изъ горницы мелькнулъ свѣтъ, и оттуда съ испуганными, взбудораженными лицами выскочили Матрена Поликарповна и Дмитрій Петровичъ, вооруженный дубиной.

— Держи его, бей его! — кричалъ онъ, махая палкой.

— Держу, держу!—отвѣчалъ здоровый работникъ, у котораго Илья напрасно порывался изъ рукъ.— Врешь, такой-сякой, не уйдешь.

— Батюшки, отцы, да вѣдь это Илюшка!—вскричала Матрена Поликарповна.

— Бей его, души, разбойника! — кричалъ Дмитрій Петровичъ и началъ колотить палкою Илью куда попало.

Поднялся крикъ, ревъ, ругательства.

— Постой, чортъ, меня задѣлъ!—кричитъ работникъ.—Погодь, давай веревку, свяжемъ.

— Бей его, вяжи, души!—кричалъ разсвирѣпѣвшій Дмитрій Петровичъ, махая палкой.

— Отецъ, перестань, погоди, убьешь до смерти!— кричала въ свою очередь Матрена Поликарповна.

Вдругъ съ воплемъ и ревомъ, босая и въ одной рубашкѣ, какъ была, не сбѣжала, а почти скатилась съ лѣстницы Татьяна, бросилась на отца, выхватила у него палку, отбросила прочь, и, какъ бѣшеная, кинулась на работника и вцѣпилась въ его волосы. Мать схватила ее за рубашку, отецъ за волосы: произошла общаа свалка. Илья рванулся, оставилъ воротъ рубашки въ чьихъ-то рукахъ, отомкнулъ дверь и выскочилъ на улицу.

— Бѣги, бѣги, родименькій, родненькій!—слышалъ онъ крикъ Татьяны, которую въ это время билъ разсвирѣпѣвшій, обезумѣвшій отъ гнѣва отецъ, а она, несмотря на то, окоченѣвшими пальцами держала работника, порывавшагося броситься вслѣдъ за Ильею.

Прежде всѣхъ опомнилась Матрена. Она поспѣшила затворить и запереть дверь на крыльцо, чтобы не разбудить шумомъ сосѣдей.

— Пущай его бѣжитъ, треклятый! — Потомъ

стала уговаривать и успокаивать Дмитрія Петровича.

— Полно, отецъ, полно, будетъ, перестань.

— Да теперь бейте, хоть душу вонъ выбейте! — говорила Татьяна, отпуская изъ рукъ работника и сверкая точно сумасшедшими глазами сквозь растрепанные волосы. Теперь бейте меня, онъ ушелъ.

Матрена ухватила размахнувшуюся для новаго удара руку отца. Татьяна, съ истерическими всхлипываніями, опустилась и сѣла на полу, тамъ, гдѣ стояла. Дмитрій Петровичъ пыхтѣлъ и не могъ слова выговорить. Работникъ, втихомолку ругаясь, трясъ головой и выбиралъ горстями выдранные изъ головы волосы.

— Тьфу, черти, сволочь, чтобъ вамъ тутъ, — пробормоталъ работникъ и, плюнувъ съ досадою, ушелъ въ избу.

— Ну, ну, Иванушка, помолчи: водочки вось поднесу, — говорила ему вслѣдъ Матрена Поликарповна. — Ахъ, батюшки мои, святые угодники, что надѣлалось-то, — продолжала она, — какъ тутъ быть, что дѣлать, что люди скажутъ, какъ узнаютъ, провѣдаютъ ...

— Кажись, лучше бы ты сдохла, окаянная, чѣмъ экія дѣла творить! — проговорилъ, наконецъ, Дмитрій Петровъ, обращаясь къ дочери.

— Ну, ну, батюшка ... Ну, Дмитрій Петровичъ! — успокоивала Матрена. — Брось ее, брось, безстыжую ... Пойдемъ въ горницу ... Пущай ее опамятуется, что надѣлала ... А мы подумаемъ ...

— Чего тутъ думать-то ... Да я ее, кажись, коли люди прознаютъ, да я ее ...

— Полно, батюшка, никто не прознаетъ: сосѣдушки никто не слыхали, а Ванюшкѣ-то вотъ я ...

двугривенничекъ да на рубашку ... Свой человѣкъ, свой работничекъ, нашъ хлѣбъ ѣстъ ... Небось, и духу не дастъ ... Ты, батюшка, благодари Бога, что еще душегубства никакого не сдѣлалось: дубинкой-то да по головѣ — каково бы пришлось ... И то Божья милость: ты то думай...

— И ничего бы, и по дѣломъ, и отвѣта бы никакого не было, потому въ своемъ дому ... Можетъ, онъ съ разбоемъ приходилъ.

— Вѣдь я и то думала, что воры ... Слышу, по сѣнямъ кто-то шаритъ, по лѣстницѣ вверхъ полѣзъ ... Слышу, шушукаются: такъ и обмерла. Вышла изъ горницы-то, смотрю — дверь на крыльцо отперта. Я дверь-то замкнула, да Ивана разбудила тихонько, да тебя ... Какъ бы знать, что этотъ удача, такъ я бы никого и не подняла, сама бы его шугнула.

— А почему ты знаешь? ... Ты думаешь, онъ не уворовалъ бы что, коли бы подъ руку попалось? ... Да онъ первый воръ ... Кто его знаетъ: можетъ, онъ затѣмъ и шелъ, можетъ, онъ насъ всѣхъ придушить хотѣлъ да ограбить... Кто его знаетъ... Этотъ пропоица на все пойдетъ ...

— Да нѣтъ, батюшка, нѣтъ, не такой онъ парень ... Не клепли ты на него ... Ко мнѣ онъ приходилъ, по любви по нашей, — проговорила Татьяна прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

— Молчи ты ... Ротъ разѣваетъ еще ... Ты такая же отпѣтая, что и онъ ... Вы, можетъ, вмѣстѣ сговорились отца-то ограбить ...

— Не таковская я ...

— Молчи ... Проглоти языкъ-отъ ... Ты мнѣ теперь ровно какъ змѣя стала ... Какъ бы у тебя только одна твоя пакость на умѣ была, такъ ты бы

сама ушла къ нему, гдѣ нибудь на овинѣ бы сошлись, али въ сараѣ: у васъ, у экихъ, мѣстовъ много ... А ты къ себѣ въ домъ привела и двери ему отперла... Значитъ, у васъ не то въ головѣ было... Нѣтъ, теперь ты мнѣ ворогъ стала, я теперь черезъ тебя долженъ сна, покою рѣшиться ... Вотъ ты какая мнѣ дочь ... Теперь тебѣ отъ меня: воровка! Другого имени не будетъ ... Вотъ ты что знай ...

— Да ужь, доченька, и я скажу: сухоты ты родителямъ много сдѣлала. Невѣста ты, обрученница, а любовниковъ къ себѣ въ свѣтлицу зазываешь ... Ты ли мнѣ божбой божилась, что ни впредь, ни послѣ знаться съ нимъ не будешь, грѣхъ свой вѣнцомъ прикрыть собираясь ... Сама знаешь, дѣвка послѣ сговора ни въ церковь, ни на улицу не ходитъ ... А ты, на-ка, къ себѣ въ свѣтлицу зазываешь ... Недаромъ, вось, солдатка-то приходила къ намъ на дворъ: переводились, видно, черезъ нее ...

— Ни съ кѣмъ я не переводилась и его не зазывала, самъ пришелъ, не въ чайку мнѣ ... И приходилъ онъ не для воровства и разбою, а по мнѣ стосковался ... Дверей я ему не отпирала: сами, видно, для любви его отворились ... А и то сказать: во что хотите, въ то меня и почитайте—ваша кровь ... Сами чуть человѣка не окалѣчили, а не сунься я, такъ, можетъ, и убили бы ...

Татьяна вдругъ поднялась на ноги, перестала плакать, но вся дрожала.

— Эко зельеце выкормили!.. Пошла вонъ, въ свѣтелку! — нашелся только проговорить Дмитрій Петровичъ.

Матрена Поликарповна молча, печально, покачала головой.

— Ужъ доколотить бы тебѣ давеча и меня: ужъ одинъ бы конецъ, а то что только волосья вытаскалъ, да синяковъ насажалъ, — говорила Татьяна.

Она тронула себѣ лицо и показала окровавленную руку.

— Смотрите-ка ... Хороша невѣста!.. Хорошо родительское благословеніе! — Она злобно, нехорошо, усмѣхнулась, и стала медленно подниматься по лѣстницѣ въ свою свѣтелку.

Дмитрія Петровича смутилъ видъ крови, но онъ не хотѣлъ показаться малодушнымъ.

— Не такъ бы еще тебя надо! — сказалъ онъ.— Я бы еще тебя не такъ поучилъ, кабы не мать заступилася: за нее Богу молись ...

Татьяна молча ушла въ свѣтелку.

— Ахъ, грѣхи наши тяжкіе ... Согрѣшили передъ Господомъ Богомъ! — говорила, вздыхая, Матрена Поликарповна — Хоть бы ужъ вѣнцомъ-то Богъ привелъ прикрыть ее поскорѣе ... Вся душенька переболѣла ... Пойди, Петровичъ, ляжь... Я пойду къ ней, поговорю, посовѣщу: все равно не уснуть ... Такъ, ничто, вся пересмякла съ переполоха-то ...

— У меня у самого въ голову стучитъ ... А ужъ этотъ Илюшка отъ меня не уйдетъ—дай только свадьбу справить ...

— Ну его, отецъ ... Только бы далъ Богъ отчураться отъ ворога.

— Да ничего, и сегодня я ловко его погладилъ. Небось, помнить будетъ, почешется!..

— Мнѣ бы только какъ люди-то не прознали... Да, кажись, слава Богу, никто не слыхалъ ... Эка дѣвка, эка дѣвка, нагрѣшница!.. И въ кого экая уродилась ...

— Да, а ты вотъ: знаю ее да знаю, ужъ коли сказала, что не будетъ бѣгать, такъ не будетъ ... А она вонъ что̀: къ себѣ стала водить ...

— Ужъ и не придумаю, какъ и въ толкъ это взять. Ужъ теперь, кажись, на часъ отпускать съ глазъ не стану ... И спать съ ней буду ...

Дмитрій Петровичъ улегся спать, а Матрена пошла къ дочери. Она нашла ее въ постели, лицомъ къ стѣнѣ. Татьяна даже не пошевелилась при входѣ матери и ни слова не отвѣтила на ея упреки и наставленія; не хотѣла даже разсказать, какъ попалъ къ ней Илья. Матрена Поликарповна напрасно истратила весь запасъ своего краснорѣчія и лукавой политики: она не добилась отъ дочери ни признанія, ни раскаянія. Это упорство крайне ее огорчило и разсердило.

— Ну, дочка, отольются тебѣ мои слезы! — проговорила она въ заключеніе.

VIII.

Освободившись изъ рукъ Ивана и изъ-подъ палки Дмитрія Петровича, Илья стремглавъ слетѣлъ съ лѣстницы и въ первыхъ попыхахъ, ничего не думая, радуясь только нѐожиданному спасенію, ударился бѣжать вдоль улицы къ своему дому. Кто-то, разбуженный шумомъ и крикомъ въ сосѣдней съ домомъ Дмитрія избѣ, высунулся изъ окна и закричалъ вслѣдъ бѣгущему Ильѣ: держи его, держи! ... Этотъ окрикъ точно кнутомъ пріударилъ Илью, и онъ бѣжалъ изъ всѣхъ силъ, безъ оглядки, до самаго своего дома.

Женѣ Ильи не въ диковину были его ночныя отлучки: не удивилась бы она, отпирая, еслибъ увидѣла

его пьянымъ и буйнымъ; но и впотьмахъ, ему дверь, она не могла не обратить вниманія на его тяжелое, прерывистое дыханіе, а когда вздула огня и взлянула на мужа, хриплымъ голосомъ потребовавшаго воды, то невольно вскрикнула. Въ изорваной рубашкѣ, босой, растрепанный, съ разбитымъ до крови лицомъ и синяками на лбу, Илья сидѣлъ на лавкѣ, мрачно поводя налитыми кровью глазами, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, и тяжело дышалъ.

— Чего закаркала! сурово проговорилъ онъ, вырывая изъ рукъ жены ковшъ съ водою.

— Илюшенька, да на тебѣ образа Божьяго нѣтъ! проговорила испуганно жена Ильи. — Весь избитъ, искалѣченъ.

— Ну, такъ что тебѣ? ... Твое, нечто дѣло?...

— Ахъ, батюшки мои, такъ вѣдь жалко мнѣ, чай, тебя, болѣзный мой ... Може бы тебя убили ... Мотри-ка, весь въ крови.

— Дура, чортъ ... Кабы убили, такъ не пришелъ бы домой ...

— Такъ мотри-ка, сердечный, вѣдь, головушка-то вся у тебя испробита, испроломана ... Кто это тебя этакъ? ... Ну-ка ты, Илюшенька, а ... болѣзный мой ...

Парсковья хотѣла было разобрать волосы на головѣ мужа ...

— Ну, убирайся къ чорту, отстань ...

Илья съ досадой оттолкнулъ жену. Парасковья заплакала.

— Эко житье, Господи! не приберешь ты меня ...

— Вотъ еще: завой ... Нѣтъ ли водки? ...

— Да, припасла я про тебя ... Иной разъ и безъ варева сижу, не то что водку въ дому дер-

жать ... Ты бы больше объ дому-то да объ женѣ думалъ, такъ и водка бы въ домѣ водилась ... А ты только гуляешь, да пьянствуешь, да около дѣвокъ прокуратишь ...

— Ну, молчи ... Налей лучше въ рукомойникъ воды: я всплеснусь ... Саднитъ больно голову-то ... Охъ, ноженька ... Постой же вы, дьяволы ...

Парасковья исполнила приказаніе мужа, но въ то время, какъ наливала воды и Илья мылъ себѣ лицо и голову, она ворчала:

— Что, али Таньку-то замужъ отдаютъ, такъ другую сталъ заводить, да не въ пору попалъ: полѣномъ усудобили ... По дѣломъ тебѣ ... Больше бы около жены сидѣлъ, цѣлѣй бы былъ ... Еще доживешь — что и до смерти убьютъ ... Вонъ, и рубаху-то всю изорвали ... Рубаха-то была хорошая: еще и ластовицы новыя только что поставила ... Всего-то изорвали, всего ... Вонъ и сапоговъ-то нѣтъ ... Гдѣ сапоги-то? али въ кабакъ заложилъ а? ... Эка напасть, Господи! ... Вотъ житье-то! Али сняли дружки-пріятели? Избили да и сапоги сняли ... сапаги-то какіе были ... хорошіе, питерскіе ... чай, больше трехъ рубей далъ ... Гдѣ сапоги-то? Скажи заложилъ что ли?

Илья только теперь вспомнилъ, что онъ снялъ и бросилъ сапоги у крыльца Дмитрія Петровича и убѣжалъ безъ нихъ. Это обстоятельство его озадачило и заставило задуматься: въ самомъ дѣлѣ, и жаль сапоговъ, если пропадутъ, да и какъ ихъ взять оттуда, гдѣ оставилъ? Самому идти теперь, пожалуй, опять попадешься въ руки, а оставить — завладѣетъ кто найдетъ ... Жену послать за ними нужно! мелькнуло у него вь головѣ.

— Ты слушай-ка, Паранька, вотъ что: не за-

кладывалъ я сапоговъ-то, я и въ кабакѣ не былъ... Они цѣлы ... Вишь ты, какъ я бѣжалъ отъ нихъ.

— Отъ кого, болѣзный? ...

— Ну, отъ разбойниковъ-то ...

— Да какіе такіе разбойники? ... Развѣ на тебя напали? ...

— А то какъ же! ... Я въ это ... въ Корцово ходилъ къ ребятамъ ... такъ, побалакать насчетъ ... когда въ Питеръ собираются ...

— Ну ...

— Ну, иду оттелева, а тамъ мѣсто грязно ... я сапоги-то и снялъ, да въ рукахъ и несу; только вхожу въ кусты-то, они на меня и бросились, да и ну бить ... съ кольями ... Я-то одинъ, а ихъ-то много ... ничего не подѣлаешь ... Я бѣжать, они за мной, да такъ до самой деревни гнались ... и въ деревню-то вбѣжали ... Я присталъ, сапоги-то въ рукахъ, мѣшаютъ бѣжать-то, я и броислъ ихъ наотмашь, въ траву, кажись, мимо Митревой избы, Петровича, бѣжалъ-то ... Да, вѣрно такъ, что супротивъ его избы, хоть и впопыхахъ, а я запримѣтилъ ... Тамъ, поди, они и теперь лежатъ ...

— Такъ надо сходить съ фонаремъ, да поискать ...

— Ну, что съ фонаремъ. людей только булгачить ... А вотъ передъ свѣткомъ ... какъ замерещится, такъ ты и сходи ... пока народъ-то не проснулся ... Еще до стада сходи, а то какъ разъ кто подхватитъ ...

— Да знамо, надо до свѣта ... Я схожу ... Кто же это напалъ-то на тебя, болѣзненькій?

— Да кто ихъ знаетъ: ночью-то не признаешь ... Да ровно какъ чужіе кто, не съ нашей стороны ...

Одинъ черный, большой; другой страшенный, рыжій, лохматый, ровно дьяволъ, а третій ...

— Ахъ, не поминай ты его-то ... его-то ... не поминай къ ночи ... Господи Христе ... свято мѣсто! ... во имя Отца ... Что же ты не кричалъ-то, родимый? ...

— Какъ не кричать, кричалъ ... Да вѣдь всѣ спятъ: ночное дѣло ... Охъ, батюшки, головонька смерть болитъ, и спинушка, и ноженьки: по ногѣ, видно, однова больно свиснулъ ...

— Ахъ. ты, Создатель милостивый ... Батюшка ты мой, какъ ты еще живъ остался ... Ну-ка, что завелось у насъ ... Никогда не бывало ... А съ ножами они, Илюшенька ...

— Гдѣ, чай безъ ножовъ ... съ ножами, чай ...

— Ложись, болѣзный, да-ка я тебя поглажу ... али маслицомъ помазать гдѣ? ... а? ...

— Нѣтъ, вотъ бы что, Параня, промыслила бы ты гдѣ водки ... Больно у меня нутро ноетъ; испужался, видно, я ...

— Да какъ не испугаться: до кого не доведись. Одинъ, да и въ рукахъ-то одни сапоги, а они вонъ ватагой, да съ ножами, да съ кольями ... Умолила еще, видно, я, грѣшница, за тебя ... Моими, видно, молитвами, ужъ ничьими, Илюшенька, Господь тебя спасъ ...

— Что же, Параня, водочки-то промыслишь? ... Сходи, постучи, можетъ и дядя Акинфій отопретъ — дастъ ... Сбѣгай ...

— Да ужъ молчи, поищу ... Что бѣгать-то; у меня, кажись, припрятано про тебя съ косушку ... Вотъ я поищу, постой ...

— Да ужъ и поѣсть бы чего ... хоть колобка нѣтъ ли съ молокомъ ...

— Молчи ужъ, погодь ... тотчасъ ... Да лягъ, батюшка, прилягъ ты полежи.

Парасковья живо достала откуда-то припрятанную бутылку, крынку молока и холодныхъ блиновъ и начала угощать мужа.

— Вотъ бы ты, Илюшенька, побольше-то сидѣлъ около жены-то, — приговаривала Парасковья, подсаживаясь къ Ильѣ, — все бы у тебя и дома было: и водочки, когда вздумалось, и все ... И самъ-то бы цѣлъ былъ ... А то, ну-ка, долго ли до грѣха ... Вотъ ты меня не жалѣешь, не припускаешь къ себѣ, что не пригожая, не молода, а обсидѣлся бы меня, коло жены, приглядѣлся бы, и жена бы милѣй стала, и въ дому бы у насъ всего прибыло ... Я, вѣдь, вонъ какая баба-то: ты меня не любишь, никогда, почитай, ласковымъ словомъ не найдешь, а только ладишь изругать, да толконуть, а я все къ тебѣ, все къ тебѣ ... Ты у меня точно къ сердцу-то припечатанъ; пра, точно я къ тебѣ пришита ... Да и пришита и есть, потому въ законѣ ... И зла у меня супротивъ тебя нѣтъ: что ты ни дѣлай, а все мнѣ тебя жаль, все жаль ... потому, думаю сама съ собой: сколько бы онъ отъ меня ни бѣгалъ, куда бы не ушелъ, а все ко мнѣ придетъ, рано ли, коротко ли, а придетъ же ко мнѣ.

Илья, успѣвшій выпить вею поданную водку и нахлебаться молока, взглянулъ искоса на жену и нетерпѣливымъ движеніемъ освободилъ свое плечо отъ руки жены, которая въ изліяніи чувствъ обняла мужа.

Маленькая, съ широкимъ, рябоватымъ лицомъ, которое имѣло всегда какое-то не умное, плаксивое, хотя и доброе выраженіе, съ узенькими подслѣповатыми глазами, неопрятная да еще растрепанная со сна, Парасковья показалась мужу просто противною.

— Пусти-ка, я спать хочу ... проговорилъ Илья.

— Лягь, болѣзный, лягъ: отдохни! ... Чай, ноетъ вездѣ? ... Гдѣ ляжешь-то? — на полатяхъ, али въ сѣни пойдешь? Здѣсь-то, мотри, мухи не дадутъ спать: таковы злы стали, смерть! ... Хошь въ сѣняхъ я тебѣ шубу подстелю и сголовьецо кину?

— Да, знамо, въ сѣняхъ ... Ну, что тутъ еще ... Давно бы постелила, чѣмъ сидѣть-то, да бобы разводить ...

Илья всталъ сердитый, съ кряхтеньемъ, и, прихрамывая, пошелъ въ сѣни. Проходя подъ полатями, онъ стащилъ оттуда шубу.

— Гдѣ сголовье-то?

— Да тамъ, Илюшенька ... Я тамъ лежала; тебя ждала, въ сѣняхъ ... А обогнуться-то, тамъ халатъ лежитъ ... Погодь, я тебѣ все справлю, сѣнца принесу, помягше чтобы ... и обогну тебя, суетилась Парасковья.

— Не надо, отступись ... сердито проговорилъ Илья, укадываясь въ сѣняхъ на нары, замѣнявшіе кровать.

— Ты не забудь за сапогами-то сходить пораньше ... О-ой ...

— Али косточки-то ноютъ? ... Али головушка болитъ? ... Дай поглажу спинушку-то, може легче будетъ? проговорила Парсковья, окутывая мужа кафтаномъ, поправляя ему изголовье и присаживаясь къ нему на постели.

— Да отвяжись ты отъ меня, уйди ... Вотъ пристала ... Ступай въ избу ...

Илья повернулся и легъ такъ, чтобы не оставить женѣ мѣста сидѣть возлѣ него.

Парасковья встала на ноги, но не ушла въ избу,

а подперлась рукою подъ щеку и остановилась около постели мужа.

— Вотъ, муженекъ, батюшка ... Спасибо, покорнѣше благодаримъ ... Я какъ бы все къ нему, все какъ бы угодить да потрафить, а онъ ... Полно, разбойники ли тебя били-то? ... Какіе такіе у насъ разбойники, откуда взялись? ... Не къ любезной ли какой въ Корцово-то шлялся, а корцовскіе ребята подстерегли, да отдули ... Вотъ, чай, и всѣ разбойники тутъ ... Ужъ догуляешься ты: убьютъ гдѣ до смерти да въ оврагъ и кинутъ ... Вспомянешь тогда и жену, да ужъ поздно будетъ ... Вотъ жизнь-то моя которжная; хуже которги-то: встань — реви, и ложись реви. Вотъ, говорять, у умнаго жена выхолена ... Да какая я жена? Развѣ этакъ жены-то у мужей живутъ? Старики, вонъ, говорятъ: мужъ съ женой бранятся, а подъ одну шубу ложатся, а мой муженекъ жену и съ кровати долой ... А-ахъ, жизнь, жизнь моя постылая ...

— Да, вотъ какую Богъ жену далъ, думалъ про себя Илья, — развѣ бы мнѣ этакую жену надо?... Вотъ бы мнѣ жена-то — Танюшка ... Отъ нея, можетъ, и по чужитъ дворамъ не бѣгалъ бы ... А отъ экой слюнявой, отымалки, поневолѣ за тридевятъ земель забѣжишь. И домъ-отъ свой не милъ, и сподабливать ничего не хочется: не въ бархатѣ ли экую корявую ввдить, людямъ на смѣхъ ... Вотъ Танюху, ту рядить можно, не въ зазоръ, хоть въ Питеръ веди, вездѣ потрафитъ ...

Парасковья долго еще прибирала разныя жалобныя и сердитыя слова, стоя надъ мужемъ, но не получая никакого отвѣта, ушла, наконецъ, въ избу. Дождавшись утренней зари, она отправилась на поиски сапоговъ.

IX.

Лѣтъ шесть тому назадъ, Парасковья вышла замужъ за Илью. Бракъ этотъ состоялся не поневолѣ, не по принужденію, но и не по желанію жениха и невѣсты. Ихъ сосватали и соединили родители, не освѣдомившися даже объ ихъ желаніи. Отецъ Ильи, у котораго торговыя дѣла всю жизнь шли очень плохо и неудачно, надѣялся нѣсколько поправить ихъ, женивши сына на дочери богатаго мужика, какимъ слылъ отецъ Парасковьи. Ильѣ только-что минуло 18 лѣтъ, а Парасковьѣ было уже около 25: она была невѣста засидѣвшаяся, очень разбираться въ женихахъ ей не приходилось, да Илья и не могъ не полюбиться такой невѣстѣ. Отецъ Парасковьи охотно далъ согласіе отцу Ильи, а послѣднему и въ голову не приходило, что можно самому искать себѣ суженую и не подчиняться въ этомъ случаѣ выбору отца. Ему сказали, что жена у него будетъ богатая, что хоть и не больно красива она, ну, да вѣдь, не съ рожей жить, а съ человѣкомъ, красота-то женская переходчива, а хуже того, какъ дома куска хлѣба нѣтъ. Илья по природѣ своей всегда былъ человѣкъ легкомысленный: онъ не подумалъ ни одной минуты о своей будущей жизни въ положеніи мужа, о томъ, что женитьба возложитъ на него новыя обязанности и заботы, что она свяжетъ его и лишитъ свободы. Онъ зналъ и видѣлъ, что въ деревняхъ въ его годы всѣ женятся: стало быть, и ему пора; у батьки дѣла плохи, а у него жена богатая, чего же ему лучше: значитъ, будетъ сытъ и одѣтъ, гуляй, ни о чемъ не думай. Парасковья послѣ свадьбы легко и скоро привязалась къ Ильѣ: она полю-

била его какъ веселаго, красиваго парня, который отданъ ей въ мужья. Слывшій богатымъ, отецъ ея далъ за нею хорошее приданое одеждой и вещами, но денегъ не далъ. Вещи и одежда какъ-то незамѣтно исчезли у Парасковьи въ домѣ свекра: она была баба добрая, пословная, и за маленькую ласку, за доброе слово, охотно отдавала все, что имѣла, то свекрови, то свекру по нуждѣ ихъ, а когда упрямилась, жалѣла, начинались ссоры и упреки за то, что богатый сватъ обманулъ и ничего не далъ за дочерью: прокормить ее нечѣмъ. Скоро родители Парасковьи замѣтили это и стали требовать, чтобы отецъ отдѣлилъ Илью; пошли семейныя перебранки, ссоры, переторжки, и кончилось дѣло тѣмъ, что родители Парасковьи должны были купить на свой счетъ срубы и дать дочери корову; тогда отецъ Ильи, съ своей стороны, поставилъ эти срубы, обрядилъ избу и далъ Ильѣ старую лошаденку и пару овецъ. Илья началъ жить хозяиномъ, сталъ ходить сначала съ отцомъ, а потомъ одинъ, самъ по себѣ, въ Петербургъ продавать полотна. Дѣло у него шло, по-мужицки, недурно, но денегъ Илья сколотить не могъ: жилъ въ Питерѣ въ свое удовольствіе, ѣлъ сладко, одѣвался нарядно, въ кабаки и трактиры дорогу зналъ твердо, и, воротившись на лѣто домой, прогуливалъ остальныя деньги, норовя взять новаго товара побольше въ долгъ; заботу же о домѣ ограничивалъ онъ только тѣмъ, что заводилъ новую сбрую съ наборомъ на единственную лошадь, да украшалъ фольгою задокъ телѣги, да покупалъ росписную высокую дугу и привезъ женѣ одинъ разъ желтую шаль съ красной бахрамой, а другой разъ башмаками, да и тѣ скоро какъ-то исчезли у Парасковьи. Она тоже вышла баба беззаботная, не хо-

зяйка; чего было у ней много — она не жалѣла, не берегла; а какъ чувствовала нужду — начинала жадничать, прятать, скупиться и жаловаться. Работать она была не мастерица и не охотница; зато говорить могла цѣлый день, безъ умолку. Въ деревнѣ ее считали не умной бабой, пустой, сластоѣжкой. Илья относился къ женѣ совершенно равнодушно, не обращалъ на нее почти никакого вниманія; но подчасъ, когда она начинала упрекать его за безпутную жизнь, или принималась ласкаться къ нему, онъ чувствовалъ къ ней и отвращеніе, и злобу; впрочемъ, билъ онъ ее рѣдко, и то развѣ очень пьяный. Въ настоящее время дѣла Ильи были плохи: прошедшую зиму торговалъ онъ неудачно, старыхъ долговъ многимъ не заплатилъ, денегъ домой принесъ мало и вновь товара въ долгъ не обѣщали, да и вообще кредитъ Ильи сильно подрывался его разгульной жизнью; отецъ Парасковьи давно уже отказалъ Ильѣ во всякой помощи; поэтому Парасковья очень заботилась, какъ бы не пропали мужнины сапоги.

— И безъ того-то нужда кругомъ: скоро ѣсть нечего будетъ, разсуждала она, — а тутъ еще рубашку всю исполосовали, да и сапоги, пожалуй, пропадутъ.

Подойдя къ Дмитріевой избѣ, она не одинъ разъ прошла около нея и сосѣднихъ домовъ, съ той и другой стороны, но сапоговъ не находила: ихъ скрывала высокая крапива, росшая около самой стѣны дома, сзади крыльца, куда Парасковьѣ никакъ не приходило въ голову заглянуть.

— А, право, онъ это такъ сказалъ только для отвода, думала Парасковья: — а поди, чай, въ кабакѣ заложилъ, да денежки-то пропилъ съ пріятелями, а послѣ его же и исколотили ... Да нѣтъ,

ровно какъ терезвый прибѣгъ. Али, можетъ, поймали гдѣ, да избили и сапоги еще сняли ...

Между тѣмъ на улицѣ стало совсѣмъ свѣтло, хоть солнышко еще и не всходило; кое-гдѣ начали поскрипывать ворота, замычали коровы, въ концѣ деревни хлопнулъ кнутъ пастуха, деревня стала просыпаться.

Парасковья хотѣла было ужъ уходить домой съ пустыми руками, какъ вдругъ яркій косой солнечный лучъ освѣтилъ стѣну дома Дмитрія Петровича, крыльцо и крапиву, растущую около него; черное голенище сапога ясно обрисовалось среди темной зелени крапивныхъ кустовъ. Парасковья даже вскрикнула отъ радости, бросилась къ своей находкѣ. Въ то же время щелкнуло кольцо и отворилась калитка въ воротахъ сосѣдняго дома; въ ней показалась знакомая баба.

— Что ты, Параня, дѣлаешь? окликнула баба.

— А вотъ Илюхины сапоги искала ... Искала, искала, насилу, далъ Богъ, нашла въ крапивѣ вонъ, коло крыльца ...

И Парасковья поспѣшила разсказать ночное происшествіе съ Ильей, съ его, разумѣется, словъ. Разсказывая, она удивлялась, что слушательница не только не приходила въ ужасъ отъ существованія шайки разбойниковъ въ кустахъ между Барашихой и Корцовымъ, совершившихъ нападеніе на ея мужа, но даже посмѣивалась при этомъ разсказѣ.

— Да что ты, Анфея, зубы-то скалишь, али не вѣришь, замѣтила Парасковья, обидѣвшись, — ты посмотрѣла бы, какъ его искалѣчили: чуть живъ пришелъ, головушка испроломана, рученьки, ноженьки всѣ перешибены ...

— Полно-ка, Параня, не поближе ли гдѣ его

покалѣчили-то, не въ сусѣдскомъ ли дому тѣ разбойники водятся, не тамъ ли его угостили приворотнымъ-то зельемъ, чѣмъ ворота-то запираютъ отъ незванныхъ гостей. Не стряслась ли надъ нимъ пословица: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить? ...

— Да что ты, Анфея, обиняки-то загибаешь: неужто онъ къ той паскудѣ, Митревой Танькѣ, забрался, да тамъ его избили? ...

— Я, вѣдь, матка, не знаю ... Я не сторожу его ... Кажись бы, тебѣ складнѣе мужа-то сторожить, да призирать ... Слышали мы вечоръ, ночью, большая свара у нихъ въ сѣняхъ была: били ли, душили ли кого, ревомъ-ревѣлъ человѣкъ. И мы-то перепужались, повскакали ... Да скоро, ничто, все и затихло ... Видѣли только, выскочилъ оттуда человѣкъ, ровно ошалѣлый, скатился съ крыльца, да какъ прыснетъ бѣжать ... Мой-то еще изъ окна закричалъ: держи его! ... А онъ еще пуще, только его и видѣли. А кто таковъ — не знаю, може, вѣдь, и не твой ... Мы хотѣли было бѣжать къ сусѣдямъ-то, думали воры, да видимъ дверь захлопнули, въ сѣняхъ ровно дѣвка, али баба повыла, повыла, да и перестала ... И огонь потушили ... Ну, думаемъ, что же, дѣло свое, домашнее, караулъ не кричатъ, отъ людей запираются, виноватыхъ нѣтъ ... Подумали, подумали и мы, что̀ въ чужое дѣло лѣзть, да и пошли спать ... А кто, матка, билъ, кого били, кто пробѣжалъ — мы того не знаемъ ... А били точно, и кричалъ человѣкъ, и пробѣгъ человѣкъ, и баба ревѣла, это точно ... Да вотъ и сапоги же нашла подъ самымъ подъ крыльцомъ.

— И они, они — больше и быть некому ... И они его избили, они, разбойники. Это все

отъ Таньки окаянной, отъ нея засуха на меня идетъ ...

— Да вонъ тебѣ, чего лучше, вонъ самъ на крылецъ вышелъ: переспроси его, онъ, чай, скажетъ! ... проговорила въ полголоса Анфея, указывая Парасковьѣ глазами на Дмитрія Петровича, который вышелъ, послѣ сна, на крыльцо, чтобы умыться изъ висѣвшаго тутъ же глинянаго умывальника.

Парасковья стремительно бросилась къ дому Дмитрія Петровича, а Анфея спряталась за калитку и съ злораднымъ, жа̀днымъ любопытствомъ стала ожидать развязки приготовленнаго самою себѣ зрѣлища.

Дмитрій Петровичъ не узналъ сразу Парасковьи, которая, со злобнымъ видомъ потрясая передъ собой сапогами, всходила на лѣсенку крыльца. Онъ стоялъ въ недоумѣніи, смотря на нее.

— Чьи это, разбойникъ, сапоги-то? Сказывай ... говорила Парасковья, подступая къ нему. — Какъ они попали къ тебѣ подъ крыльцо? Кого ты вчера убилъ, изуродовалъ до смерти? Сказывай.

Дмитрій Петровичъ совсѣмъ растерялся, не могъ ничего сообразить и только пятился предъ Парасковьей, которая тѣмъ съ бо̀льшимъ азартомъ наступала на него.

— Что молчишь, что бѣльма-то пучишь? Ты думалъ, такъ тебѣ это и пройдетъ? Нѣтъ, у меня свидѣтели есть, сусѣди-то слышали, какъ ты его тиранилъ ... Ты думаешь, что богатъ, такъ ты и можешь человѣка убить ... Нѣтъ, еще отвѣтишь, отвѣтишь ... Ты не моги человѣка уродовать ... Онъ, вонъ, у меня головы не поднимаетъ, весь кровью изошелъ; можетъ, ты его навѣкъ уродомъ сдѣлалъ, а можетъ и совсѣмъ не встанетъ.

— Да постой ты, сумасшедшая! проговорилъ,

наконецъ, собравшись съ духомъ, Дмитрій Петровичъ. — Ты Илюшкина жена, знать ...

— Да-а, знаешь ты меня, нечего! ... Я мужнина жена, я не какая нибудь, не потаскуха, какъ твоя дочь ...

— Да что ты и самъ-дѣлѣ ... Я тебя ... я тебя спущу съ лѣстницы-то, какъ и мужа-то ...

Дмитрій Петровичъ, наконецъ, совсѣмъ пришелъ въ себя отъ неожиданности и разсердился.

— Я не на улицѣ его билъ, а въ своемъ дому, ночью; онъ въ мой домъ забрался, обворовать меня хотѣлъ, ограбить ... Въ своемъ дому я завсегда могу ... хоть бы я его и до смерти убилъ, такъ въ ту же пору ... Не лазай по ночамъ, по чужимъ дворамъ.

— Нѣтъ, не можешь ... Онъ не воровать приходилъ, а къ твоей дѣвкѣ распутной ... Онъ не виноватъ, мужикъ николи не виноватъ ... Не верти она хвостомъ, да не зазывай, такъ онъ бы не пошелъ ... А то, воровать ... Нѣтъ, мы воры-то николи не бывали, хоть и небогаты ... Ты бы вотъ распутницу-то свою билъ да училъ, а его не моги ... тебѣ этой правы не дано, да, не дано ... А ты вотъ мнѣ за безчестье, да за увѣчье заплати — вотъ что! ...

— Отецъ, Дмитрій Петровичъ, да уйди хоть въ сѣни-то отъ нея ... Мотри-ка, сусѣди собрались, слушаютъ. Стыдобушка! ... послышался изъ-за двери голосъ Матрены Поликарповны, пришедшей на шумъ.

Дмитрій Петровичъ метнулъ глазами въ сторону, увидѣлъ нѣсколько любопытныхъ насмѣшливыхъ мужскихъ и женскихъ лицъ, смотрѣвшихъ и слушавшихъ издали — и вскипѣлъ гнѣвомъ на Парасковью.

— Тебѣ за безчестье заплатить, тебѣ, съ твоимъ

мужемъ, разбойникомъ, заоралъ вдругъ Дмитрій Петровичъ. — А я вотъ какъ заплачу: я сходъ соберу, приговоръ сдѣлаемъ, чтобы его изъ общества вонъ, на поселеніе сослать, этакого вора, проходимца ... Вотъ я ему какое безчестье заплачу! Да еще сначала выстегаемъ, да въ темной посидитъ ... Слышала ....

— Нѣтъ еще, постой ... Я сама судъ на тебя найду ... Міръ-то — великъ человѣкъ; еще какъ разсудитъ ... А я твою дочку, поскуду, потаскуху, на семи соборахъ прокляну, на весь бѣлый свѣтъ изругаю ... По всей деревнѣ голосить стану, до жениховой родни дойду ...

— Пошла-жъ ты вонъ, пока цѣла, паршивая! ... закричалъ Дмитрій Петровичъ, намѣреваясь уйти въ сѣни. — Я съ вами послѣ поговорю ...

— Такъ вотъ же тебѣ, старый чортъ!

Парасковья плюнула въ бороду Дмитрія Петровича, и въ то же мгновеніе отъ сильнаго толчка съ его стороны покатилась внизъ по лѣстницѣ, и, лежа внизу на землѣ, долго голосила и не хотѣла подняться на ноги. Дверь съ крыльца въ сѣни захлопнулась за Дмитріемъ Петровичемъ, и была тотчасъ же заперта.

Сторонніе зрители, встрѣтившіе невольнымъ довольнымъ хохотомъ плевокъ Парасковьи, тотчасъ же замолчали и разошлись въ разныя стороны, какъ только увидѣли ея паденіе съ лѣстницы: никто не хотѣлъ быть привлеченъ въ свидѣтели противъ богатаго мужика; но издали всѣ посматривали, что будетъ дальше съ Парасковьей.

Вдоволь наголосившись и не видя ни съ чьей стороны прямого сочувствія, она, наконецъ, встала, подобрала сапоги и пошла домой.

X.

Никогда еще Дмитрій Петровичъ не чувствовалъ себя такъ оскорбленнымъ, какъ послѣ столкновенія съ Парасковьей: онъ легче бы перенесъ всякую брань, ругательства и даже побои отъ любого мужика, чѣмъ этотъ плевокъ въ лицо отъ глупой бабы, жены Ильи, и тотъ смѣхъ постороннихъ зрителей, въ которомъ выражалось и злорадство, и неуваженіе къ его особѣ. Дмитрій Петровичъ съ досадой оттолкнулъ жену, которая, по своему обыкновенію, начала было успокоивать мужа тихими, разсудительными рѣчами, не сталъ тратить времени даже на выговоры и внушенія дочери, но надѣлъ нàскоро кафтанъ, шапку и, вслухъ пославши всѣмъ своимъ недругамъ неопредѣленную угрозу, направился къ деревенскому старостѣ.

Нахмурившись и не смотря по сторонамъ, не отвѣчая даже на поклоны встрѣчныхъ, шелъ онъ по деревнѣ. Онъ боялся увидѣть на чьемъ либо лицѣ насмѣшливую улыбку, или презрѣніе къ себѣ; не злой отъ природы человѣкъ, но избалованный поклонами и раболѣпствомъ бѣдняковъ, униженный въ собственныхъ своихъ глазахъ, онъ считалъ себя обязаннымъ отмстить обидчикамъ во что бы то ни стало.

— А то хоть на сходъ не показывайся, хоть въ міру не живи, разсуждалъ онъ самъ съ собою: — заплюютъ, на смѣху у всѣхъ будешь.

Онъ постучался въ окно старостиной избы. Изъ окна тотчасъ высунулась женская голова.

— Дома ли Левуха-то? спросилъ Дмитрій Петровичъ.

— Дома, дома! . . .

Женская голова быстро скрылась; вмѣсто нея тотчасъ же высунулось красное, улыбающееся лицо старосты, съ лысиной, съ окладистой рыжей бородой.

— Дмитрій Петровичъ! — почтительно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ произнесъ староста.

— Повыдь-ка сюда! — отрывисто и угрюмо проговорилъ Дмитрій Петровичъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Дмитрій Петровичъ, — суетливо отвѣтилъ староста и выскочилъ изъ избы, какъ былъ, босой и безъ шапки. Еще издали онъ улыбался и кланялся богатому мужику. Дмитрій Петровичъ едва приподнялъ свою шапку.

— Подемъ-ка въ сторонку, отъ людей: дѣло есть, — проговорилъ онъ, не дождавшись даже привѣтствія Левухи.

Послѣдній тотчасъ же постарался принять серьезный, озабоченный, дѣловой видъ и хмурилъ свой безбровый лобъ.

— А что, Дмитрій Петровичъ ... Али что? — спрашивалъ онъ, идя съ нимъ рядомъ и заглядывая ему въ лицо.

Дмитрій Петровичъ зашелъ въ переулокъ за избу и, оглянувшись во всѣ стороны, убѣдившись, что сторонняго народа по близости нѣтъ, остановился. Левуха въ это время заботливо и безпокойно искалъ глазами по сторонамъ какой нибудь палки, безъ которой, какъ безъ знака своего достоинства въ рукахъ, онъ никогда не исполнялъ своихъ обязанностей. Палка, къ счастью, попалась; староста торопливо вооружился ею и уже съ совершенно серьезнымъ, озабоченнымъ лицомъ всталъ передъ Дмитріемъ Петровичемъ; въ глазахъ и во всей фигурѣ его изображалась готовность бѣжать, дѣйствовать и распорядиться по первому слову богатаго мужика.

— Въ деревнѣ-то у насъ не больно ладно, Левуха, — началъ Дмитрій Петровичъ.

— Али что повстрѣчалось ... такое ... Ты молви мнѣ, Дмитрій Петровичъ ... Не сумлѣвайся ... Я тотчасъ.

— Ко мнѣ сегодня, ночью, воры въ домъ залѣзали.

— Полно ... Вотъ, братецъ ты мой ... Къ тебѣ въ домъ? ... Воры? ...

— Да ... Да и воры-то не чужіе, а свои деревенскіе.

— Ай!? ... Кто такіе? ... Пымали аль нѣтъ? ...

— Одного было поймали, да вырвался: убѣгъ ... А поличное оставилъ: сапоги съ ногъ оставилъ ...

— Такъ это сейчасъ можно обслѣдовать: чьи сапоги, тотъ, значитъ, и ...

— Да ужъ знаемъ чьи ...

— Кто же такой будетъ?

— Да кому больше быть: Илюшка Кузьминъ, одинъ онъ у насъ на всю деревню захула ...

— Во-отъ, братецъ ты мой! ... Илюшка Кузьминъ! ... Ахъ, мошенникъ! ... Что же стянулъ-то?

— Да не удалось еще ничего: услыхали скоро, схватили ...

— Такъ вѣдь вырвался ...

— Такъ что-жъ, что вырвался? У меня свидѣтели есть: работникъ, жена ... Я его еще палкой огрѣлъ, поди, чай, синяки есть ... Опять же сказываю тебѣ: сапоги оставилъ; сегодня за сапогами-то его жена приходила — видѣли ...

— Вотъ бра-атъ ... Илюшка! Поди-жъ ты. Ну, а еще-то кто? ...

— Тѣхъ не знаю, не видалъ: были ли, нѣтъ ли ... А, можетъ, и одинъ вѣдь ...

— Вотъ что дѣло-то … Какъ же теперь быть-то? Что дѣлать-то? … Надо бѣжать, объявить … Сотскаго взять нечто? …

— Почто сотскаго: одни хлопоты. — Ты самъ староста, можешь распорядиться …

— Да, знамо … Такъ его надо взять, Илюшку-то … да въ городъ … Я сейчасъ побѣгу, Дмитрій Петровичъ …

— И въ городъ не нужно … А ты возьми его и посади въ темную, да собери сходъ … Сходъ и разсудитъ … Я свидѣтелевъ приведу … Неужто теперь обществу съ этакимъ мараться? Приговоръ нужно составить, да на поселеніе его, мошенника … Что намъ, воровъ, что ли, у себя разводить …

— Это подлинно, что … А постегать, Дмитрій Петровичъ? …

— Постегать — это само собой, постегать нужно, пущай не балуется … Тоже безпокойство … А можетъ, онъ зарѣзать хотѣлъ, али подпалить: кто его знаетъ? Вѣдь кругомъ заперто было, опять же ночь, а онъ забрался, сапоги снялъ, чтобы тише … Стало, съ умысломъ! Кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ-то.

— Такъ-то такъ … это вѣрно. — Ишь ты по какимъ дѣламъ пошелъ! Такъ надо бѣжать, Дмитрій Петровичъ …

— А ты вотъ что, Левуха … Ты староста, значитъ, начальство … А я теперь въ обидѣ, долженъ тебя просить, такъ ты знай: что ты тамъ хлѣбъ у меня забиралъ, тамъ что другое прочее — это я все похерю, ровно не было, и напредки не оставлю, когда въ какой нуждѣ, только ты мнѣ его теперь посади … И женку его посади, потому она знала, за сапогами приходила, да и срамилась со мной: су-

сѣди слышали ... Пущай посидятъ; а тутъ сходъ сдѣлай, да со стариками-то впередъ перетолкуй насчетъ приговора, что, молъ, Дмитрій Петровъ пяти ведеръ не пожалѣетъ ... Вотъ какъ ... Да приходи ко мнѣ, вось, на свадьбу, столоваться-то, милости просимъ ... Что же, ты нашъ староста, начальство ... Приходи ... Ничего! ...

— Покорнѣйше благодаримъ, Дмитрій Петровичъ ... Оченно тебѣ благодарствую ... на твоей чести ... Безпремѣнно это ... А посадить — посажу ... Это я сейчасъ его посажу.

— Мотри, и съ женкой ... А то шумъ пойдетъ.

— Знамо съ женкой ... Что имъ: дѣтей нѣтъ ... Веселѣй сидѣть ... А только вотъ что, Дмитрій Петровичъ, насчетъ начальства, если что: жалобиться будутъ, что я самосудомъ ...

— Такъ вѣдь ты староста, чудной! Ты можешь на двои сутки завсегда: вѣдь не зря посадишь, а за качества ... за разбой ... Ну, а дольше продержишь, да придирка какая пойдетъ изъ-за этого, и опять же не бойся: все на себя принимаю. Не сумлѣвайся, откуплю тебя, въ обиду не дамъ ...

— Вотъ покорнѣйше благодарю ... Вотъ я только насчетъ этого, а то я по себѣ, я хошь три недѣли ихъ продержу ... Съ моимъ удовольствіемъ! — Пущай сидятъ, ничего: меньше грѣшатъ ...

Левуха даже засмѣялся веселымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Такъ я коли побѣгу, Дмитрій Петровичъ.

— Иди, иди, возьми десятскихъ человѣкъ трехъ, да и забирай ихъ. А запереть-то запри ихъ въ какой ни есть пустой сарай, или амбарушку ... А десятскимъ я четверть ставлю: вотъ и рубль возьми.

— Ладно, ладно ... Это хорошо, Дмитрій Пе-

тровичъ, это все справимъ въ лучшемъ видѣ ... Не сумлѣвайся ... Ишь ты, что выдумалъ; по чужимъ клѣтямъ лазить ... Такъ покудова прощенья просимъ, Дмитрій Петровичъ, я побѣгу ... Обогнусь да и побѣгу ... А опосля того, какъ посадимъ, я къ тебѣ забѣгу вѣсть подать ...

— Да, забѣги ...

— Какъ же, какъ же ... Это непремѣнно ... Первымъ долгомъ ... Потому нельзя ...

Дмитрій Петровичъ отправился домой, а Левъ, наскоро набросивъ на себя кафтанъ и замѣнивъ случайную палку, поднятую на дорогѣ, особеннымъ батожкомъ, хранившимся у него въ избѣ на полкѣ, отправился исполнять свои обязанности.

Захвативши съ собой нѣсколько человѣкъ сподручныхъ крестьянъ, староста со строгимъ и внушительнымъ видомъ вошелъ въ домъ Ильи. Появленіемъ своимъ онъ помѣшалъ очень непріятной семейной сценѣ. Принеся домой сапоги, Парасковья осыпала мужа упреками за его безпутную жизнь, за ночныя похожденія, за открывшійся обманъ. Илья хотѣлъ было отдѣлаться сначала молчаніемъ, потомъ насмѣшками, но жена такъ приставала къ нему, что вывела наконецъ изъ терпѣнія: онъ только что всталъ было въ угрожавшую позу и поднялъ руку, чтобъ заставить жену замолчать, когда отворилась дверь и вошелъ староста со своими спутниками.

При видѣ постороннихъ Парасковья бросилась на лавку и завыла, Илья опустилъ руки.

— Что̀ вамъ надо? — спросилъ онъ полунахальнымъ, полусмущеннымъ голосомъ.

— Что, парень, али не узналъ старосту-то? ... Начальство, чай, ваше, — внушительно отозвался Левъ. — Стало быть, дѣло есть, коли пришелъ ...

— Какое такое дѣло? — нетвердо спросилъ Илья, садясь на лавку и желая сохранить наружное спокойствіе.

— А вотъ какое: взять тебя пришли, чтобы ты впередъ не лазилъ ночью по чужимъ клѣтямъ. Ты, видно, молодецъ, ночью-то на своемъ промыслѣ, а днемъ жену бить, что плохо помогаетъ.

— Это никого дѣло не касающее ... Взять ты меня не можешь ... Да и взять меня некуда, я весь тутъ, въ своемъ домѣ.

— Я-то не могу взять, староста? ... А вотъ я тебѣ покажу ... Ребята, скрутите-ка его.

— Да за что? — вскричалъ Илья, вскочивши съ лавки.

— А за то: не ходи по чужимъ клѣтямъ съ подборниками, не ломай чужихъ замковъ да запоровъ ... Вишь ты, рожа-то у тебя вся въ синякахъ, видно, что былъ въ передѣлкѣ: волка-то по шкурѣ, братъ, видно ... Сапоги-то гдѣ вчера оставилъ? ... Да что съ тобой разговаривать ... Тамъ все видно будетъ на сходѣ. — Вяжите его, ребята.

Парасковья, которая перестала выть и молча и испуганно слушала разговоръ старосты съ мужемъ, вдругъ бросилась къ Ильѣ и обняла его, какъ только увидѣла, что двое мужиковъ схватили его за руки, а третій сталъ снимать висѣвшій на стѣнѣ кушакъ Ильи.

— Не дамъ я его вязать, не дамъ! — кричала она. — Что вы, разбоемъ, что ли, пришли? Не за что его брать: не воровать онъ ходилъ, не ломалъ онъ замковъ. Виноватъ ли, нѣтъ ли — передъ Богомъ, да передо мной, такъ не вамъ судить мужа съ женой ... Вотъ что ... Я сама старому-то хрычу въ бороду наплевала за его дочку, паскуду ... Она

всему злу начальница, ее бы и брали ... А мужикъ въ этомъ дѣлѣ никогда виноватъ не живетъ ... Не дамъ я его, берите коли и меня.

— Да небось, небось: возьмемъ и тебя ... Не покинемъ, небось. Вмѣстѣ воровать-то ходили, — вмѣстѣ и сидѣть будете! Бери ее, Яшка ...

— Да что ты, староста, въ самъ-дѣлѣ? Не разобравши дѣла, по однимъ наслухамъ да и вязать ... Хорошъ староста, хорошо начальство! ... Ну, коли ладно, бери, послѣ отвѣтишь ... Только вязать не дамся, я и такъ пойду ... Пойдемъ, Парасковья.

— Полно, Илюшенька, не ходи ... Чтой-то за напасть ... Гдѣ такіе законы живутъ ... За что насъ сажать? — заголосила Парасковья.

— Ну, староста умный, Левинъ Панкратьичъ, пойдемъ, веди, сажай! — продолжалъ Илья, не обращая вниманія на причитанья жены. — А за избой-то кто будетъ смотрѣть? Смотри, что пропадетъ, съ тебя и отвѣтъ ... Заварили вы кашу: кому-то расхлебывать придется. Пойдемъ, пойдемъ, Парасковья ... У меня, можетъ, тутъ тысячи лежатъ въ дому, ворочусь, чтобы тутъ и были, а не найдутся, такъ и отвѣтишь, братъ, всѣ отвѣтите ... Домъ обезхозяить хотите: тутъ скотина непоена, некормлена останется ... Ладно, хорошо придумали ... Ну, веди, куда идти-то? ...

Льва эти слова Ильи озадачили: насколько въ немъ было усердія, настолько недоставало сообразительности.

— Какъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, быть: скажетъ послѣ, что все въ дому разворовали да разграбили: поди отвѣчай, судись съ нимъ!

Левъ стоялъ въ совершенномъ недоумѣніи, покраснѣлъ даже весь и поглядывалъ на понятыхъ,

точно ожидая поддержки и совѣта. Это смущеніе старосты ободрило Илью и возвратило къ нему его самонадѣянность.

— То-то, староста, ты бы дома въ затылкѣ-то почесалъ, разсудилъ бы дѣломъ-то, да тогда бы и шелъ ... Мы, братъ, тоже виды-то видали почище твоего, — бахвалился Илья, засмѣялся и сѣлъ на лавку. — Ну, что же не берешь? Бери, сажай! ...

— Такъ возьму же! — вдругъ вскричалъ обиженный староста. — Вотъ что, ребята: Параньку покинемъ здѣсь въ дому, а его возьмемъ ... Не бойся, питерской пройда, не глупѣе тебя! Ребята, берите его ...

— Нѣтъ, я одинъ не пойду! — вскричалъ Илья.

— И я не отстану, пойду: куда его, туда и меня! — пристала Парасковья.

— Мало чего ты захотѣла: ребята, бери его одного, а ее не пускай ...

Началась борьба: двое мужиковъ тащили вонъ изъ избы Илью, а двое отталкивали отъ него и сажали на лавку Парасковью, которая рвалась за мужемъ.

— Тащи его, не пущай ея ... Толкай его въ двери, сажай ее на лавку ... Тащи, держи! — командовалъ староста, суетясь и бѣгая по избѣ.

Илья бранился и грозилъ. Парасковья ревѣла и кричала что̀ было мочи въ горлѣ.

— Вы покиньте ее, не держите, изъ дома-то только не выпускайте покамѣстъ вотъ я его посажу, да ворочусь ... Я тотчасъ, распоряжался Левъ, поталкивая Илью въ спину.

Кое-какъ Илью вытащили за ворота дома, на улицу. Онъ ругался и кричалъ.

— Ты, Илюшка, лучше не груби, не буянь про-

тивъ начальства, иди смирно! — урезонивалъ его староста. — Что̀ больно давеча гордыбачился: веди да веди, сажай ... Вотъ и иди. Небось, посажу, потому мнѣ законъ данъ, я могу ...

— Хоть кричи, не кричи: все одно, стащимъ, — поддержалъ старосту одинъ изъ десятскихъ, вошедшій въ свою роль.

— А ты бы жилъ смирно, по чужимъ клѣтямъ не лазилъ, не воровалъ бы — вотъ бы и сидѣлъ дома, — вторилъ ему другой.

— Да что я укралъ? Кто видѣлъ? Съ чѣмъ меня поймали? — оправдывался Илья.

— Стало быть, братецъ, не зря же ...

— Веди, веди его! Что тутъ съ нимъ разговаривать. Ужо все видно будетъ, — командовалъ староста.

— Ну, смотри, дядя Левинъ, не отвѣтить бы и тебѣ. Ты хоть и староста, а ты этакъ дѣлать не долженъ: ты коли начальство, такъ ты разбери дѣло ... А сталъ я воръ, такъ меня суду судить, а не тебѣ ... Вотъ что.

— Ладно, братъ: я свое дѣло знаю ... Ты у меня въ деревнѣ безпокойство, сваруху дѣлаешь, ночью людей будоражишь, пьянствуешь, канительничаешь, вотъ я тебя на двои сутки подъ арестъ. А тамъ какъ міръ разсудитъ: то ужъ не мой отвѣтъ ...

— Ну, ладно, я вѣдь знаю, въ чью ты дудку-то играешь. Ладно, я двои сутки просижу: это для насъ ничего, а отсижусь, такъ я еще съ вами со всѣми посчитаюсь ... Увидите ... Много ли Дмитрій-то Петровъ наобѣщалъ: синенькую что ли?

— Ребята, присвидѣтельствуйте: похваляется ... Вотъ, слышали его похвальбу; я начальство, а онъ

мнѣ пристрастку дѣлаетъ, оговариваетъ, грозитъ ... Я это все послѣ ... Погоди, братъ; ты, Илья, молодъ еще. Науки тебѣ мало было — вотъ что!..

— Ничего я не похваляюсь! — спохватился Илья. — Развѣ я, ребята, что говорилъ?

— Ну, да ладно, ладно ... Тамъ все видно будетъ. Погоди. Вотъ веди-ка его, ребята, сюда, въ амбарушку.

Илью привели къ пустому старому амбару. Онъ опять сталъ упираться.

— Да тутъ крысы съѣдятъ, — говорилъ онъ.

— Ничего, цѣлъ будешь ... Пихай его туда, пихай! Что тутъ съ нимъ прохлажаться-то! Затворяй двери ... Вотъ такъ ... Подержи двери-то: я замкну ... Вотъ и чудесно! Сиди!.. Еще похваляться вздумалъ ... Посиди-ка вотъ ... Похороводься тамъ около пустыхъ-то сусѣковъ: ты въ хороводахъ-то ходить охочъ ...

Левъ засмѣялся. Засмѣялись и понятые.

— Подемъ, ребята ... Теперь не уйдетъ.

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ мѣста заключенія Ильи, Левъ оглядѣлся и молча, съ таинственнымъ видомъ, далъ два двугривенныхъ своимъ помощникамъ.

— Маловато: еще бы гривенникъ, такъ штофъ, — проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Только далъ: по двугривенному на брата.

— Ну, да инъ ладно ...

— Вы ступайте теперь, а я побѣгу.

Десятники отправились въ кабакъ, а Левъ побѣжалъ къ Дмитрію Петровичу.

XI.

Дмитрій Петровичъ выслушалъ со вниманіемъ прикрашенный разсказъ старосты о только что со-

вершенномъ имъ подвигѣ, о сопротивленiи, оказанномъ Ильею, о борьбѣ и побѣдѣ надъ нимъ, о тѣхъ оскорбленiяхъ и обидахъ, которыя староста долженъ былъ принять и перенести отъ заключеннаго, о томъ затрудненiи, въ которое онъ былъ поставленъ плутомъ Илюшкой, стращавшимъ отвѣтственностью за цѣлость его имущества, и о своей изворотливости, съ которою онъ вышелъ изъ этого затрудненiя. Дмитрiй Петровичъ остался очень доволенъ.

— Такъ заперъ-таки его, мошенника? — сказалъ онъ.

— Въ лучшемъ видѣ, Дмитрiй Петровичъ, вотъ и ключъ у меня: небось, не уйдетъ ...

— Пускай посидитъ ... Ничего ... Будетъ помнить ...

— Это какъ есть: это на пользу ... Я говорю: ты вотъ съ дѣвками-то хороводиться лютъ: попробуй-ка хороводиться съ крысами ... Ха, ха ... Право, такъ и ему молвилъ.

— Ну, а бабу-то не тронь, коли въ избѣ, только не вели никуда выпускать: приставь человѣчка.

— Это можно, Дмитрiй Петровичъ ...

— Ну, а на-завтра сходъ собирай, да перетолкуй тамъ со стариками-то. Ну, что портить деревню: держать въ обчествѣ экого разбойника: онъ еще спалитъ ... А лучше всего: милости просимъ, съ рукъ на руки, въ дальнiя палестины; тамъ, братъ, найдутъ мѣсто ... Слышь, Левъ Панкратьичъ, ты, я вижу, человѣкъ дошлый, ты мнѣ это дѣло помоги, а я для тебя не то, что давеча говорилъ — и опосля послужу, чѣмъ угодно ... Потому очень ужъ онъ, этотъ Илюшка ... Вотъ онъ у меня гдѣ сидитъ!..

Дмитрiй Петровичъ показалъ свою шею.

— Это все можно, Дмитрій Петровичъ ... Наше обчество этого не потерпитъ ... Ты у насъ первый теперича человѣкъ: можно сказать, всякаго ссужаешь ... А Илюшка что?.. Что въ немъ обчеству, какая корысть?.. Одна срамота ... Только ты вотъ что: ты дай мнѣ сегодня на ведро: я обойду сейчасъ звать завтра на сходъ-то, да нѣкоторымъ, тамъ ужъ я знаю кому, кто погорластѣе-то, и велю ужо къ кабаку сойтись, и потолкую, и попотчую: глотки-то размочу, они ужъ завтра нашу руку держать и станутъ.

— Возьми. Сказалъ, пяти ведеръ не пожалѣю, только бы на моемъ стало. Возьми на два ...

— Да это не хуже: вотъ и десятниковъ надо побаловать ... Тоже обижаются, не такъ чтобы довольны, потому старались: поди-ка ты, сколь съ нимъ возни-то было.

— На вотъ, постарайся только, — сказалъ Дмитрій Петровичъ, подавая деньги. — А я съѣзжу въ волость, съ писаремъ поговорю: пущай онъ тамъ законы подведетъ и приговоръ пропишетъ, чтобы завтра только руки приложить, да и шабашъ ...

— И пречудесно, Дмитрій Петровичъ. Дѣло-то и будетъ съ концомъ. И сейчасъ этого Илюшку отъ насъ въ волостную, да и за замокъ: сиди тамъ, посиживай, жди отправы по владимірской честной дороженькѣ ... Вотъ это дѣло, и мнѣ не гребтится. Ну, поѣзжай, Дмитрій Петровичъ, а я побѣгу свое дѣло править.

— Иди, иди ... Спасибо, Левуха, постарайся ...

— Да ужъ ... безъ сумлѣнія ... Да вѣдь вотъ я какой человѣкъ-то, Дмитрій Петровичъ ... Вѣдь я мужикъ-отъ согласный ... Ты какъ думаешь? Меня только нужда одолѣла, а то бы, кажись, по

моему-то старанію да судобью, мнѣ не въ такомъ чину-то сидѣть ... Ну, да и то сказать: кому какъ Богъ судилъ ... Вось не оставь въ чемъ, а ужъ я постараюсь ... Такъ ты поѣзжай, а я побѣгу ... Счастливо оставаться ...

Дмитрій Петровичъ заложилъ лошадь въ телѣгу, надѣлъ синій кафтанъ и отправился въ сосѣднее село. Онъ подъѣхалъ къ крытому тесомъ большому дому, съ крыльцомъ посрединѣ, на которомъ красовалась вывѣска съ надписью: „Волостное Правленіе“. Изъ темныхъ, широкихъ сѣней, въ которыя вело это крыльцо, Дмитрій Петровичъ вошелъ въ просторную, съ перегородкой, комнату. За этой перегородкой жилъ волостной писарь. Въ большомъ отдѣленіи комнаты было присутствіе волостного старшины и засѣданіе волостного суда. Въ настоящую минуту комната была пуста. Изъ дверей перегородки выглянуло испитое, темное лицо, съ висками, зачесанными впередъ, съ давно небритой синей бородой, съ воспаленными, черными, раскосыми глазами. Это выглядывалъ волостной писарь.

— Аполиту Егорычу! — сказалъ, дружелюбно кланяясь и протягивая руку, Дмитрій Петровичъ.

— А-а, благопріятель ... Давно тебя не видно ... Входи сюда! — проговорилъ хриплымъ голосомъ писарь, выставляя черезъ дверь, для пожатія, свою руку въ истертомъ засаленномъ рукавѣ халата. Входи сюда ... По какимъ дѣламъ?..

— Собственно къ тебѣ, Аполитъ Егорычъ.

— Садись, гость будешь, — проговорилъ писарь, снова заглядывая черезъ дверь и затворяя ее. — По какимъ дѣламъ?.. Садись да разсказывай, а я вотъ полежу: вчера у батюшки, отца дьякона, имянины справляли: голова страсть болитъ.

Писарь легъ на грязную скрипучую постель. Дмитрій Петровичъ оглядѣлся: въ комнаткѣ стоялъ единственный стулъ, но и на томъ лежали въ безпорядкѣ сюртукъ, жилетка и штаны писаря.

— Сложи ихъ вонъ на столъ, да и садись ...

Дмитрій Петровичъ переложилъ, по указанію, одѣяніе писаря и усѣлся.

— Ну, какія же дѣла?

— Да вотъ, Аполитъ Егорычъ, дѣло какое: мужиченка у насъ одинъ избаловался вовсе: къ дому прилежанія нѣтъ, все размоталъ, живетъ не побожески, больше все насчетъ пьянства ... да ужъ и промышлять началъ: сегодня ночью я съ работникомъ изымалъ его у себя въ дому, въ сѣняхъ, около чулана ...

— Взломалъ, что ли?

— Нѣтъ еще, видно, не успѣлъ: скоро услышали ...

— Ну?

— Такъ вотъ обчество наше желаетъ приговоръ сдѣлать: значитъ, удалить его, на поселеніе сослать, потому надоѣлъ очень, избаловался мужиченка совсѣмъ ... и пути въ немъ никакой и ждать нечего. Такъ вотъ я къ тебѣ насчетъ закону, Аполитъ Егорычъ, и чтобы приговоръ намъ этотъ, все въ порядкѣ ...

— Да который мужикъ-то? .. Семейный али нѣтъ?

— Онъ женатъ, да дѣти-то не живутъ: и женка-то у него такъ, пустая баба, нестоющая ...

— Какъ зовутъ-то?

— Да зовутъ Ильей Кузьминымъ ... И отецъ-то у него былъ непутный: весь измотался, умеръ, — только долги одни остались, моихъ тридцать рублевъ за нимъ осталось ...

— Это Кузьмы Лихачева сынъ?

— Да.

— Питерецъ?

— Ходитъ.

— А-а! — многозначительно проговорилъ писарь и такъ ухмыльнулся, что Дмитрій Петровичъ невольно опустилъ глаза.

— Слыхалъ, — продолжалъ тѣмъ же тономъ Ипполитъ Егорычъ и даже оживился и сѣлъ на постель. — Такъ на поселеніе?

„Знаетъ ... Слышалъ ... Видно, ужъ всѣ знаютъ и зубы скалятъ!“ — пролетѣло въ головѣ Дмитрія Петровича.

– Что же обчество желаетъ? — переспрашивалъ писарь, продолжая ухмыляться и уставляя свои косые глаза на Дмитрія Петровича.

— Вѣдь такой законъ есть, если обчество, напримѣръ?.. Вѣдь показано ...

— Есть-то есть ... Только, братъ, это дѣло не таковское: не то, что захотѣлъ, да и сдѣлалъ ... Тутъ и начальство можетъ вступиться ... Тутъ дѣло тонкое ... Потому дай волю вамъ, міроѣдамъ, вы половину деревни упечете ... Такъ Илюшка-питерецъ — вотъ что!.. Знаю я его: парень веселый ... По кругу важно ходитъ, видалъ: да съ твоей дочкой и ходилъ-то ... А ты, говорятъ, замужъ ее отдаешь ...

— Да, поладились ...

— Свадьба, чу, скоро ... Вчера у отца дьякона разговорка была ... Я такъ и думалъ, какъ тебя увидѣлъ, что вотъ, молъ, спасибо, на свадьбу хочетъ звать ..

— Да это само собой, Аполитъ Егорычъ, милости просимъ ... Знамо, ужъ ты завсегда нашъ

гость ... дорогой, потому ты въ нашихъ дѣлахъ ... и голова, и рука ... Ужъ сказать про тебя, что голова ... Прошу милости, Аполитъ Егорычъ, пожалуй, не оставь ... постолуйся у насъ ...

— Это, братъ, съ моимъ удовольствіемъ ... У тебя дочка, Дмитрій Петровичъ, король ... Ей надо жениха стоющаго ... Издалека, чу, берешь-то ... Что такъ?

— Да подвернулся паренекъ-отъ подходящій, смирный ... ну, да и грамотный: вотъ больше изъ-за-чего ...

— Такъ! .. Ну, что же, давай Богъ! .. И невѣстѣ по мысли женихъ-то? ..

— Такъ неужто ужъ ... Неволить бы не сталъ, я, слава Богу, не отъ нужды отъ какой: она у меня одна ...

— Въ домъ берешь?

— Въ домъ ...

— Такъ ...

Произошла маленькая пауза. Писарь какъ будто съ умысломъ отклонялъ разговоръ въ сторону и заводилъ рѣчь о томъ, о чемъ именно Дмитрію Петровичу и не хотѣлось бы съ нимъ бесѣдовать.

— Какъ же ты мнѣ на счетъ дѣльца-то, Аполитъ Егорычъ?

— Насчетъ Илюшки-то? ... Вишь ты, какой ты мужикъ, право, ну! И свадьбу хочетъ сыграть, и человѣка на поселеніе — все заразъ ... Расторопный ты мужикъ, Дмитрій Петровичъ, право: сейчасъ видно, что торговый человѣкъ.

— Да вѣдь такъ какъ обчество, Аполитъ Егорычъ ... Я вѣдь отъ всего обчества ...

— Развѣ ужъ былъ сходъ-то?

— Сходъ завтра будетъ.

— Такъ ты почему же полагаешь, что обчество желаетъ его удалить?

— Да ужъ я такъ полагаю, что міръ на томъ станетъ, потому, говорю тебѣ, избаловался мужиченка, бѣды отъ него ждать, больше ничего ...

— Слушай ты, Дмитрій Петровичъ, тебя на мякинѣ не проведешь, да и я, братъ, тоже сразу-то ни въ огнѣ не сгорю, ни на водѣ не потону; такъ надо говорить прямо: тебѣ, что ли, хочется упечь Илюшку?..

— Я одинъ, Аполитъ Егорычъ, что же я могу? ... Это какъ обчество пожелаетъ ...

— Да ты, братъ, со мной хвостомъ не верти я вѣдь вашего брата насквозь вижу, я вѣдь ужъ около васъ бока себѣ обтеръ, такъ ты и говори со мной по душѣ. Теперь ты пришелъ ко мнѣ и думалъ самъ съ собой: скажу, молъ, что обчество ужъ порѣшило, только, дескать, приговоръ написать, такъ онъ мнѣ за рубль, али за два сдѣлаетъ ... А я вижу теперь, что упечь-то Илюшку хочется тебѣ одному, а не обчеству, и дѣло-то выходитъ все въ моихъ рукахъ: захочу — сдѣлается по твоему, а не захочу, вотъ приду на сходъ, разскажу законы — и останешься ты съ носомъ.

— Самъ говоришь, что есть такіе законы, что обчество можетъ ...

— Ну, такъ вотъ попробуй, сдѣлай безъ меня: пущай обчество приговоръ составитъ, а я Илюшкѣ, напротивъ того, прошеніе напишу и дорогу покажу ... И посмотримъ, чья возьметъ ... Человѣка, братъ, на поселеніе сослать — это велико дѣло, ума на это много нужно ...

— Такъ вѣдь Аполитъ Егорычъ, за умомъ-то я къ тебѣ и пришелъ: ты что же обижаешься-то?..

Вѣдь у насъ дѣломъ-то и рѣчей съ тобой не было … Ты скажи мнѣ, только не обижай, чтобы по силамъ …

— А коли дѣломъ, такъ вотъ какъ: радужную … одно слово!

Дмитрія Петровича даже въ жаръ бросило; онъ какъ будто остолбенѣлъ даже на мгновеніе: такъ поразило его это неожиданное требованіе.

— Что ты, Аполитъ Егорычъ, перекрестись: вѣдь это сто рублей, значитъ …

— И стòитъ, другъ любезный, стòитъ! .. Ты что затѣваешь? Ты человѣка погубить хочешь, отъ природнаго своего мѣста удалить, гдѣ онъ, можно сказать, жизнь свою всю получилъ отъ рожденія матери … И хочешь ты, чтобы этакое дѣло тебѣ за пустяки сдѣлали? Нѣтъ, братъ, шалишь … Ты вонъ пузо-то наѣлъ, такъ ты имѣй въ предметѣ, что и другимъ пить-ѣсть хочется … Я вѣдь знаю: ты свой характеръ тѣшишь, обозлился на Илюшку и хочешь упечь … Ну, такъ ужъ и поплатись …

— Да не то характеръ … А какъ же онъ залѣзъ ко мнѣ ночью въ домъ, хотѣлъ меня обворовать, а, можетъ, и зарѣзалъ бы? …

— Такъ это, братъ, дѣло доказать нужно: это теперь ты долженъ къ слѣдователю и въ судъ … А тамъ все разберутъ, до всего дойдутъ — это не общественное дѣло, общество этого дѣла судить не можетъ …

— Опять же онъ пьянствуетъ, безпутничаетъ … Недоимки за нимъ … И женка его, баба никуда негодная, даже мнѣ въ бороду плюнула: у меня свидѣтели есть … Какъ же это? Развѣ ужъ такъ все на себѣ и переноси …

— Все, братъ, я это понимаю, Дмитрій Петровичъ, довольно я проницателенъ для этого … Знаю,

и срамъ тебѣ, и непріятность, и разговоры, и люди пальцами показываютъ ... и баба въ бороду плюетъ ... и опять плюнетъ ... Въ этомъ нѣтъ никакой деликатности, знаю я, да дѣло-то это твое, а не общественное, и удалять за это человѣка общество не можетъ ... И безъ меня тебѣ этого не сдѣлать ...

— Ну, Аполитъ Егоровичъ, будемъ говорить дѣломъ: истинно, обидѣлъ онъ меня до нутра, не могу снести ... Ну, возьми четвертную ... Не обижай ... Впередъ, братъ, пригожусь, ей-Богу ... Пойдемъ въ трактиръ, угощу, и на свадьбу ко мнѣ приходи ... Вотъ я какъ!.. Ну, право слово, денегъ теперь мало, а денегъ нужно: тоже свадьба ... Я вотъ какъ съ тобой, по душѣ. Ну, пойдемъ въ трактиръ ... А то, право, ну, не надо коли, и дѣло брошу ... Пущай, ужъ произнесу на себѣ ... Вотъ слышалъ, истинно тебѣ говорю: не дамъ больше ... И что ты, братецъ ты мой, нажимаешь, развѣ я тебѣ не служу завсегда, развѣ ты отъ меня обиженъ живешь?.. Завсегда, за всякъ часъ, какъ дѣло какое, развѣ ты отъ меня оставленъ бываешь?

— Эхма, да ну, только что ужъ голова болитъ. Чортъ съ тобой!.. Давай деньги ...

— Нѣту, Аполитъ Егорычъ: десять я тебѣ теперь, а остальные пятнадцать послѣ схода ... Это какъ слѣдуетъ, только ты, смотри, все мнѣ въ точности, чтобы дѣло съ концомъ, безъ канители...

— Да ну, ладно ... Давай, что ли, десять, да пойдемъ скорѣй ... Голова смерть трещитъ ...

Писарь получилъ деньги и живо одѣлся. Въ трактирѣ онъ далъ наставленія, что говорить на сходѣ и какъ нужно поставить все дѣло.

XII.

Въ деревнѣ Барашихѣ съ ранняго утра движеніе необычайное: мужики выходятъ изъ своихъ избъ съ озабоченными лицами и сосредоточенно идутъ по одному направленію; бабы изъ сосѣднихъ домовъ сходятся въ группы и торопливо между собою разговариваютъ, оживленно размахивая руками и указывая въ тѣ стороны, гдѣ живутъ Дмитрій Петровичъ и Илья, и гдѣ находится изба старосты. У всѣхъ на языкѣ одинъ разговоръ о предстоящемъ сходѣ, на которомъ хотятъ Илюшкѣ конецъ положить. На улицѣ, передъ домомъ старосты, собираются мужики въ одну кучу, которая оживляется и становится шумливѣе по мѣрѣ увеличенія. Каждое новое лицо, подходя къ этой кучкѣ, слегка приподнимаетъ шапку не кланяясь никому исключительно, и становится сзади другихъ, запуская руки въ карманы кафтана или за поясъ и заглядывая черезъ спины впереди стоящихъ въ средину кучки, въ которой суетливо вертится и что-то разсказываетъ староста.

Почти всѣ міряне собрались. Наконецъ показался и Дмитрій Петровичъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ волостныхъ писаремъ. Завидя ихъ, староста побѣжалъ къ нимъ навстрѣчу. Толпа разрознилась и притихла. Дмитрій Петровичъ, подойдя къ толпѣ мірянъ, почтительно, съ достоинствомъ поклонился во всѣ стороны; всѣ отвѣтили ему на поклонъ: большинство подобострастно, немногіе съ какимъ-то недовольнымъ, мрачнымъ выраженіемъ лица: первые стояли въ кучѣ, послѣдніе врозь. Дмитрій Петровичъ сейчасъ это замѣтилъ и подозрительно посмотрѣлъ на нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, а потомъ на старосту, и отошелъ въ сторону, къ писарю, кото-

рый какъ пришелъ, такъ, ни слова не говоря и ни съ кѣмъ не кланяясь, сѣлъ на завалинку около старостиной избы. Левуха тоже вертѣлся возлѣ писаря и принимался было что-то шептать ему, но тотъ отъ него отворачивался, не отвѣчая, и отмахивался. Воцарилось молчаніе, прерываемое изрѣдка кряхтѣньемъ и зѣвками.

— Что же, кажись, всѣ собрались, начинать надо,— проговорилъ староста, обращаясь отчасти къ писарю, отчасти къ Дмитрію Петровичу.

— А мнѣ-то что? — отвѣтилъ писарь: — ваше дѣло. Я здѣсь ни причемъ; меня позвали приговоръ прописать, коли міръ постановитъ, вотъ я и пришелъ ... А что вы тамъ надумаете, это не мое дѣло ... Вотъ законъ вамъ какой сказать — это могу: спрашивайте ...

— Такъ вотъ что, господа міряне, — началъ староста, выступая и размахивая обѣими руками такъ, какъ будто онъ плылъ. — Подьте сюда, сходитесь, что ли ...

Кое-кто двинулся къ нему, иные только почесались и поправили шапки, встряхнувши плечами и головой, другіе переступили съ ноги на ногу.

— Вотъ Дмитрій Петровичъ жалобу произноситъ ... Экіе какіе, да подходите ...

— Чего подходить-то: видно и такъ, — отозвался кто-то изъ толпы.

Нѣкоторые изъ молодыхъ мужиковъ засмѣялись. Староста обидѣлся.

— Чего тутъ зубы-то скалить. Тутъ, братецъ мой, міръ, сходъ: не шутки шутятъ, — сказалъ Левъ внушительно. — Говорятъ, подходите.

Многіе изъ мужиковъ исполнили желаніе старосты и сошлись въ кучу.

— Вотъ Дмитрій Петровичъ жалобу произноситъ, — началъ опять Левуха. — Вотъ разсудите помірски, по-божески ... Вся деревня наша обижена живетъ, потому жить никакъ нельзя ... невозможно стало ... И начальство, хоть бы меня, старосту, управа никакая не беретъ ... Ничего не подѣлаешь; того и жди бѣды ...

— На что ужъ этого хуже, — поторопился отозваться одинъ изъ стоящихъ въ кучѣ мужиковъ съ измятыми, красными лицами, слѣдами вчерашней попойки.

— А ты постой, что больно, ничего не видя! — остановилъ его другой.

— Потому обидно: мы отъ Дмитрія Петровича никогда не оставлены, — продолжалъ было тотъ же.

— Постой, братецъ, ты постой, — замѣтилъ староста: что не въ путь-то ... Вотъ Дмитрій Петровичъ вамъ, господа міряне, свою жалобу произнесетъ ... А опосля того я опять ... Говори, Дмитрій Петровичъ ...

Староста отошелъ; на его мѣсто вышелъ Дмитрій Петровичъ.

— Быть, господа міряне, подъ вчерашнее число, въ самую ночь, въ первый спѣнь, сухватили мы съ работникомъ, вотъ, съ Иваномъ, съ женой, въ самыхъ сѣняхъ возлѣ чулана ... и пробой вытащенъ ... ухватили Илюшку Кузьмина ... Какъ началъ онъ отбиваться у насъ, отбился и бѣжать ... Ну, ночью поймаешь ли? А утромъ, какъ стадо сгонять, вижу, крадется изъ-подъ мово крыльца женка Илюшкина, Парасковья, и сапоги несетъ Илюшкины: значитъ, шелъ воровать да снялъ подъ крыльцомъ, оставилъ для тишины, а убѣгъ — взять было некогда, такъ женка и пришла за ними ... И сосѣди

видѣли ... Сталъ я совѣстить, а она скверномерзкими словами и въ обиду всему моему роду стала говорить, чего никогда не было ... и въ лицо мнѣ плюнула ... Вотъ, господа міряне, на томъ прошу, не оставьте вы въ обидѣ ... А и допрежъ того этотъ Илюшка по ночамъ коло мово дома ходилъ и досматривалъ; еще подъ самый Ильинъ день, ангелъ его, пьяный съ гармоникой тоже по деревнѣ ходилъ, вотъ и староста, Левинъ Панкратьевичъ, видѣлъ, и вы, чай, нѣкоторые видѣли ... и тоже разными словами, противъ моего дома, меня обносилъ и даже до крови сердца меня обижалъ ... Что же, господа міряне, неужто ужъ я ничего нестоющій у васъ человѣкъ ... Развѣ я не стараюсь для всякаго? Кто мной обиженъ? ... И опять же, если намъ воровъ разводить на деревнѣ да потакать, такъ какая же наша жизнь будетъ ...

— И опять же не у одного тебя это было, Дмитрій Петровичъ, — вмѣшался староста: — этихъ шалостей нынче въ деревнѣ много развелось: вонъ у Окутиныхъ о запрошломъ годѣ кафтанъ пропалъ, нынче у Субботиныхъ полъ-ската колесъ, переды, отъ воротъ увезли, у Мареы-солдатки, жалобилась, двухъ молодокъ не досчитывается ... А гдѣ воры? ... Неизвѣстно ... А вотъ ужъ, значитъ, дѣло на виду: знать, чья музыка; около чулана поймали, и пробой вытащенъ ... Опять же всякая за нимъ недоимка ... Къ дому, что ли, радѣльщикъ? Сами знаете, какова его полоса-то ... А въ Питеръ-то ходилъ, такъ кому не долженъ ... Одна забота: бабы да дѣвки ... отъ своей-то законной жены ... Такъ ли, господа міряне? ...

— Такъ, такъ, Левинъ Панкратьичъ, это ты вѣрно! — раздалось нѣсколько голосовъ.

— Такъ что ты про бабъ-то да еще дѣвокъ, староста, помянулъ, — отозвался одинъ молодой мужикъ, — это статья некасающая, это дѣло полюбовное ... Кто молодъ не былъ? ...

— Истинно такъ, — поддержалъ другой: — съ молоду да не погулять ... Дѣвки! Эка невидаль! Вѣдь не жалуются, такъ чего тебѣ этого добра-то жалко ...

Нѣсколько молодыхъ мужиковъ захохотали.

— Да вы, я знаю, прикрикнулъ на нихъ староста: — вы одной шайки-то съ Илюшкой; вамъ и дорога одна, видно, будетъ ...

— Вамъ, знамо, стыда нѣтъ, — вступился Дмитрій Петровичъ, — а старому человѣку, да кто на знати живетъ, зазорно бываетъ ... Спросите-ка стариковъ-то, у коихъ жены да дочери молодыя, а про нихъ по чужимъ деревнямъ славу пропускаютъ ...

— Да и не одно то, — продолжалъ староста: — не одно распутство, а и мошенничество, и пьянство, и воровство всякое — вотъ что на-міру у насъ завелось ... Вотъ что выжить нужно.

— Да ты постой-ка, Левинъ Панкратьичъ, — вмѣшался молчавшій до сихъ поръ степенный мужикъ, зажиточный и давно враждующій съ Дмитріемъ Петровичемъ, котораго онъ особенно боялся на сходѣ. — Ты все воровство да воровство, да ты кого же съ поличнымъ-то поймалъ?

— Да ты слышалъ али нѣтъ, Григорій Иванычъ, что у чулана Илюшку-то поймали и пробой вытянутъ ...

— Опять же мы этого никто не видали ...

— Свидѣтели есть, — мрачно проговорилъ Дмитрій Петровичъ, метнувши злобный взглядъ въ сторону, гдѣ стоялъ Григорій.

— Ну, мы ихъ еще не слыхали, а свой работникъ ... что велитъ хозяинъ, то онъ и покажетъ ... Да хоша бы и свидѣтели были настоящіе, такъ ты къ чему, Левинъ Панкратьичъ, сходъ-то собралъ? ...

— Какъ къ чему? ... Мірское дѣло выходитъ: человѣкъ балуется; разберите да взыскать нужно ...

— Разобрать ... Разобрать, такъ Илюшку сюда подай, послушаемъ, что онъ скажетъ ... Вотъ спроси-ка Аполита-то Егорыча: какъ же человѣка-то судить, коли его на лицо нѣтъ ... Какъ полагаешь, Аполитъ Егорычъ, нужно намъ Илюшку на лицо взять ...

— Это не мое дѣло, это мірское разсужденіе, какъ міръ положитъ — уклончиво отвѣчалъ писарь.

— Нѣтъ, да по законамъ?

— Никакого на это закона нѣтъ, не положено ...

— Да неужто вы, господа міряне, меня на одну доску съ пьяницей, воришкой, поставите, — вскричалъ Дмитрій Петровичъ: — кто міру-то нужнѣе: я, или онъ, кто обчеству больше служитъ: я, или онъ? Ужъ я вамъ истинно говорю, что поймалъ его, какъ онъ чуланъ у меня взламывалъ, а какъ жена его приходила за сапогами, такъ мало ли народа видѣло: вотъ Петруха видѣлъ, Андрей видѣлъ, тутъ стояли, какъ она ругалась со мной ... Опять же что вы его позовете, разѣ онъ признается? Будетъ только бахвалиться да срамоту пущать на мою голову, — чего быть никогда не можетъ, — вотъ и все! ...

— Да не надо его на сходъ, на что его! — вскричалъ староста и подмигнулъ сторонникамъ.

— Не надо, не надо! — заревѣло большинство.

— Да хошь бы спросить: какъ онъ въ сѣни-то попалъ. Вѣдь, чай, заперты были! — настаивалъ Григо-

рій Ивановъ. — Что орать-то: не надо! ... Надо дѣломъ разобрать.

— Не надо, не надо! — закричало опять большинство.

— Дураки, черти, — разсердился Григорій Ивановичъ: — такъ какъ же вы его судить-то будете, какъ съ него взыскивать-то станете?

— А такъ и будемъ судить, — разгорячился Дмитрій Петровичъ, — что надо удалить его изъ обчества, какъ безпутнаго ... опаснаго человѣка ... Онъ еще, пожалуй, деревню подпалитъ — вотъ что! ... Что съ него возьмешь ... Ты, что ли, за него отвѣчать будешь? ... Съ него что возьмешь? ... А онъ на то идетъ, отъ него только и жди ... Вотъ, господа міряне, согласны ли на то, чтобы удалить Илюшку? ...

— Какъ вреднаго и опаснаго члена общества! — подсказалъ сзади писарь. — Законъ такой есть: общество можетъ.

— И слѣдуетъ удалить, потому, того смотри, подожжетъ, — подхватилъ староста. — Первое — пьянствуетъ, второе — распутствуетъ, закона не держитъ, воровать сталъ ... Стало быть, чего ждать — подожжетъ ... Больше и ждать отъ него нечего ... Согласны ли, господа міряне, удалить Илью Кузьмина изъ общества?

— Согласны! Можно! Удаляй! Катай! Пиши приговоръ! — раздалось нѣсколько голосовъ.

— Стойте, черти, что вы! — закричалъ Григорій Иванычъ, — Міру погубить человѣка недолго, міръ большой человѣкъ, да стоитъ ли губить-то: вы то сначала подумайте. Мнѣ Илюшка — не сватъ, не братъ, не дѣтей мнѣ съ нимъ крестить, да надо и Бога помнить ... Что вы, ровно оголтѣлые, обра-

довались, что водки-то пообѣщали, а вы то думайте: Илюшка хоть гуляка парень, ну, и безшабашный, а онъ не воръ, никто его въ этомъ не уличалъ ... А вы то думайте, что кто нибудь да отперъ же ему двери-то въ сѣни къ Дмитрію Петрову, можетъ онъ жданный гость былъ, а отецъ засталъ, да вотъ съ сердцовъ сейчасъ и воромъ показывать .... Пробой-то у чулана и самому недолго вытянуть ...

— Вѣрно, вѣрно, Григорій Иванычъ, молодецъ, вотъ молодецъ! — закричали двое-трое пріятелей Ильи, молодые мужики.

— Что-жъ, ты позорить меня хочешь на міру-то? ... Что же, у меня жена, али дочь, что ли, безпутныя — кричалъ Дмитрій Петровичъ съ пѣной у рта. — Нѣтъ еще, поищи около себя. У меня жена старуха, а дочь — сговоренная, черезъ недѣлю свадьба будетъ ... Что же это, господа міряне, что же вы даете меня обижать да срамить на всемъ сходѣ ... Али кто не ѣлъ моего хлѣба, много ли въ деревнѣ народа, что не одолжался мной? И этотъ, Григорій-то, давно ли мной однимъ только и дышалъ, отъ меня же въ люди пошелъ, а вотъ теперь и гордыбачить сталъ ... Не сдѣлаете вы по-моему — не ходите ко мнѣ никто, ни за чѣмъ, а я для міра ничего не жалѣлъ и не пожалѣю ... А ты, Григорій, это припомни.

— Да что тутъ толковать, Дмитрій Петровичъ, — закричалъ староста, — что онъ міръ-то пьяницами весь обзываетъ, міръ его и слушать не хочетъ, міръ порѣшилъ ужъ Илюшку: удалить да и шабашъ ... Такъ ли, православные? ...

— Такъ, такъ! Удалить! Что тутъ! — закричало большинство сходки.

— Пиши, Аполитъ Егорычъ, катай приговоръ, я

столъ велю сюда вытащить, тебѣ недолго, ты разомъ.

Пока писарь писалъ приговоръ, вся толпа раздѣлилась пополамъ: большинство осталось около Дмитрія Петровича, и лишь нѣсколько человѣкъ около Григорія Иваныча. Послѣдніе стояли въ сторонѣ и сговаривались, чтобы вовсе уйти со схода.

— Покорно васъ благодарю, господа міряне, за неоставленіе. Ужъ и я завсегда для васъ что угодно! — говорилъ Дмитрій Петровичъ своимъ сторонникамъ.

— Мы тобой, Дмитрій Петровичъ, довольны ... Мы тебя не оставимъ, не оставь и насъ ... Что-жъ, ничего: удалить, такъ удалить, будетъ: подурилъ, надо и совѣсть знать ... хоть бы Илюшка ... По клѣтямъ началъ лазить — чего ужъ ждать! — отвѣчали Дмитрію Петровичу.

Писарь кончилъ и сталъ читать вслухъ приговоръ. Вся толпа, и сторонники, и противники Дмитрія Петровича, тѣсно сомкнулись и окружили его. Тишина воцарилась мертвая, всѣ насторожили уши. Въ приговорѣ писарь объяснялъ, что „Илья Кузьминъ, замѣченный и подозрѣваемый въ разныхъ художественныхъ и прелюбодѣйственныхъ къ соблазну нашему, противъ нашихъ женъ и дѣвокъ, поступкахъ, нарушающихъ стройный составъ и спокойную бытность общества, равно изъ опасенія послѣдующихъ, могущихъ быть отъ него погибельныхъ для общества дѣйствій, а также небрегущій о собственномъ своемъ благополучіи и даже хозяйствѣ, но всегда нарушающій спокойствіе общества пьянствомъ, распутствомъ и подозрѣніемъ въ воровствѣ, удаляется, какъ вредный и опасный членъ общества, отдается въ распоряженіе правительства для поселенія въ мѣстахъ отъ него безопасныхъ.“

Когда писарь кончилъ, вся толпа стояла тихо и какъ будто струсила: всѣ молчали и точно боялись взглянуть другъ на друга.

— Ну, кому вѣрите подписаться, давайте руки! — сказалъ писарь. — Старшина, подавай печать ... Кто у васъ подписываться-то будетъ? Кто грамотный? ...

— Да вотъ Яшка ... Яковъ подпишется ... Яша, подпиши ... За весь, значитъ, міръ, за все общество, — говорилъ староста, выводя изъ толпы оборваннаго, пьяненькаго мужиченка, приписавшагося къ обществу изъ бывшихъ дворовыхъ.

— Рука-то дрожитъ ... Давно не писалъ ...

— Ну, ничего, какъ умѣешь, — замѣтилъ писарь: — я всѣхъ домохозяевъ выпишу: пущай кресты поставятъ, а ты опосля по безграмотству и личной просьбѣ ... Отбирай руки.

Яшка вытеръ полой кафтанишка носъ, снялъ шапку, взялъ ее подъ лѣвый локоть, а правую руку протянулъ впередъ. Дмитрій Петровичъ первый подалъ ему свою руку. За нимъ стали подавать другіе крестьяне. Писарь въ это время записывалъ всѣхъ подходившихъ.

Вдругъ кто-то изъ стоящихъ сзади закричалъ:

— Мотри-ка, ребята: бабы, ничто, взбаламутились — бѣгутъ ...

Всѣ оглянулись.

Впереди всѣхъ бѣжала Татьяна, слѣдомъ за ней, запыхавшись и не догоняя, гналась Матрена Поликарповна, вся красная, растерянная. Около нихъ и за ними въ разсыпную бѣжали бабы, очевидно, только любопытствующія, постороннія зрительницы. Толпа мужиковъ загоготала при этомъ зрѣлищѣ. Дмитрій Петровичъ остолбенѣлъ отъ неожиданности

и изумленія. По мѣрѣ того, какъ Татьяна приближалась къ мѣсту сходки, Матрена Поликарповна, что-то кричавшая и дѣлавшая отчаянные жесты, стала отставать отъ нея и, наконецъ, видя невозможность догнать дочь, вдругъ сѣла на землю, заголосила и закрыла лицо руками. Около нея осталась небольшая кучка женщинъ, прочія продолжали бѣжать за Татьяной. Она была уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ сходки, когда Дмитрій Петровичъ бросился къ ней навстрѣчу, намѣреваясь схватить и остановить дочь, но она ловко уклонилась отъ его рукъ и, оставя отца за собою, запыхавшаяся, растрепанная, съ красными, но сухими глазами ворвалась прямо въ кружокъ мужиковъ и бросилась на колѣни. Слѣдовавшія за нею бабы остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи, не смѣшиваясь съ мужиками.

— Господа міряне, погодите! — говорила Татьяна прерывающимся голосомъ. Къ вамъ я, къ вамъ ... Матушка не пускала, вырвалась я, убѣжала ... Сейчасъ солдатка сказала ... Не губите, погодите ... Я виновата, я согрѣшила ... Онъ ни въ чемъ не виноватъ ... Не воровать онъ приходилъ, Илюша ... Илья Кузьмичъ ...

Дмитрій Петровичъ протискался въ эту минуту сквозь толпу и, какъ безумный, схватилъ дочь за волосы.

— Молчи, дьяволъ, убью! — кричалъ онъ, таская дочь за волосы.

— Бей меня, тиранъ ... сколько хошь ... Не воровать онъ приходилъ, господа міряне ... ой, батюшки! ...

Нѣсколько мужиковъ изъ сторонниковъ Ильи схватили Дмитрія Петровича за руки и освободили Татьяну.

- Что ты, братецъ ... Бей дома ... Здѣсь сходъ, мірское дѣло ... Міръ всему голова, міръ разсудитъ, — говорили Дмитрію Петровичу нѣкоторые изъ окружающихъ. — Опосля что хошь, твоя воля родительская ... А здѣсь, вишь, она міру винится.

Дмитрій Петровичъ ругался, кричалъ, бѣсновался, его оттерли изъ круга; онъ какъ одурѣлый, опустился на завалину.

— Говори, говори, Танюха, винись. Сказывай все! — слышалось кругомъ ея.

— Вся моя вина, господа міряне, и я тутъ ... Судите меня, накажите меня ... Ну, виновата, согрѣшила, гуляла я съ нимъ ... А зачѣмъ же клепать-то, что онъ воровалъ, что изловили ... Онъ ко мнѣ пришелъ, у меня въ свѣтлицѣ былъ ... про любовь со мной говорилъ ...

— А пробой-то у чулана кто же вытянулъ? ...

— Не онъ, не онъ, господа міряне ... У него и въ рукахъ-то ничего не было ... Какъ бы было что въ рукахъ, онъ борониться бы сталъ, когда били его, а ему и взяться нечѣмъ было ... Убили бы до смерти, кабы я не вступилась ... Черезъ меня онъ и изъ рукъ отъ нихъ ушелъ ... Міръ честной, за что вы его хотите на поселеніе-то? За мой грѣхъ да человѣка хотите погубить ... Вотъ я вся тутъ, расказните меня, что хотите дѣлайте со мной, а не губите человѣка, не берите грѣха на душу .,.

— Вотъ орали, что орали зря-то? — вступился Григорій Ивановичъ. — Вотъ настояще какъ было-то, оно и видно ... А вы изъ-за водки да изъ-за острастки рады человѣка погубить ... Что за срамота и самъ-дѣлѣ ... Что это за міръ такой? Какой это міръ, какой судъ? Сами дураки себя въ

руки отдаютъ: дѣлай съ ними, что хошь ... Одному вздумалось, водки поднесъ, самихъ себя рады въ кабалу отдать ... Что Дмитрій Петровъ захотѣлъ, такъ и на вотъ, бери! ... На кого напалъ онъ, такъ ужъ тотъ и не человѣкъ сталъ, какъ собаку рады удавить ... Дмитрій Петровъ! ... Что Дмитрій Петровъ? ... Не одинъ онъ у насъ въ обчествѣ-то ... есть и другіе, прочіе ... А вонъ онъ какія дѣла-то подводитъ: убилъ-было человѣка-то, да еще и на поселеніе упечь хочетъ ... Больно жирно будетъ ...

— Да ты что? Да ты что? — подскочилъ къ Григорію староста.

— Что я ... Я ничего! ... А ты вотъ что?

— Я-то что? ... Я староста ... Начальство ...

— А коли ты старосга, такъ ты и будь староста у міра, а не у Дмитрія въ батракахъ; ты мірское дѣло и справляй, что тебѣ міръ укажетъ, ты міру и служи ...

— Я міру и служу, небось ... Я для міра и стараюсь ... Вотъ какъ міръ укажетъ, такъ и будетъ ... А ты что? ... Что, господа міряне, кого слушать-то: его али васъ? Что онъ глотку-то деретъ? ... Здѣсь, я думаю, сходъ, а не кабакъ ...

— Какой это сходъ? ... Разѣ этакъ на міру-то дѣла дѣлаются? — возразилъ Григорій Иванычъ. — Спаивалъ цѣлую ночь народъ да пьяныхъ на сходъ собралъ ...

— Да ты ... Да ты ... Господа міряне, что онъ порочитъ? ... Да я тебя взять велю ...

— Взять? Нѣтъ еще, братъ, погодишь: я на сходѣ могу все говорить ... Вонъ она, дѣвка-то, тутъ ... Что она говоритъ-то? ... Танька, говори опять: кто виноватъ ...

— Я, я во всемъ виновата, — отвѣчала Татьяна, всхлипывая.

— Къ тебѣ Илюшка приходилъ на ночь? ...

— Да, да ...

— По любви по вашей, а не для воровства?

— Нѣту, нѣтъ, и въ умѣ у него не было ... николи ... Не таковскій онъ ...

— Ну, такъ что еще толковать-то ... Постегать бы надо обоихъ — вотъ и весь судъ. Ну, да этой отъ отца будетъ впору, а тотъ въ темной посидѣлъ ... Такъ ли, ребята?

— Вѣрно, вѣрно, Григорій Иванычъ, — раздалось уже много голосовъ.

Бабы, стоявшія сначала вдали отъ схода, мало-по-малу вмѣшались въ толпу и, тронутыя словами Татьяны, уже успѣли шопотомъ и пинками въ бока мужей повліять на послѣднихъ въ пользу Ильи.

— Ну, вотъ и вся недолга ... И приговора никакого не нужно ... Ну, что, ребята, тутъ прохлаждаться-то, и сходу конецъ: пойдемъ по домамъ, расходись ...

Григорій Иванычъ двинулся, а за нимъ двинулось и большинство.

— Стой, не уходи, я не позволяю расходиться ... Я староста! — горячился Левуха.

— Такъ ладно, стой одинъ, коли тебѣ охота ... Вонъ бабъ тебѣ оставимъ ... Вотъ тебѣ и сходъ будетъ! — посмѣялся одинъ озорникъ.

Поднялся хохотъ.

— Бабій сходъ, важно! ...

— Бабій староста!

— Вы руки давали ... Нельзя уходитъ! — кричалъ староста.

— Прикладывай печать-то: бабы подпишутъ! — слышались голоса изъ уходящей со схода толпы.

Разсвирѣпѣлый вскочилъ Дмитрій Петровичъ и началъ ругать вслѣдь Григорія Иваныча. Тотъ пріостановился, сталъ отругиваться. Къ нему пристали другіе, къ Дмитрію Петровичу тоже. Начался шумъ, крикъ, доходило дѣло до толчковъ, должно было дойти до драки. Жены начали тащить за рукава и разводить мужей.

Писарь смотрѣлъ, смотрѣлъ, наконецъ плюнулъ и всталъ съ мѣста.

— Какой тутъ можетъ быть, къ чорту, у васъ приговоръ! — накинулся онъ на старосту. — Какой ты староста: ты дуракъ, вахлакъ! Тутъ команду нужно, а не то, что какое согласіе! Захотѣли приговоръ ... Вотъ онъ, вотъ онъ! ...

Ипполитъ Егорычъ съ сердцемъ разорвалъ заготовленный приговоръ и лоскутки раскидалъ на воздухъ; искренно разстроенный, пошелъ онъ вонъ изъ деревни, прямо къ себѣ въ волостное правленіе.

Мужики съ ругательствами мало-по-малу расходились. Татьяну окружили бабы, подняли съ земли, взяли подъ руки и повели домой. Около старостиной избы остались только Дмитрій Петровъ да самъ староста. Послѣдній былъ совсѣмъ сконфуженъ, растерянъ, не зналъ что дѣлать, потоптался за спиной Дмитрія Петровича, но не нашелся, что сказать, и потихоньку скрылся въ избу.

Къ Дмитрію Петровичу, стоявшему неподвижно на одномъ мѣстѣ съ одурѣлымъ, искаженнымъ отъ злобы лицомъ, тяжело дышавшему и что-то отрывисто, глухо произносившему, тихо, осторожно подошла плачущая Матрена Поликарповна, обняла его и проговорила:

— Пойдемъ, отецъ! что дѣлать-то, согрѣшили, грѣшные! ...

Дмитрій Петровичъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на жену, точно вдругъ опустился весь и молча, покорно, пошелъ вслѣдъ за женою. Староста поспѣшилъ освободить Илью.

XIII.

Вся деревня взволновалась отъ поступка Татьяны; цѣлый день только и разговаривали, что объ этомъ: явиться дѣвкѣ самой, противъ воли родительской, на сходъ, передъ всѣмъ міромъ признаться въ своемъ грѣхѣ и стыдѣ, заставить сходъ отмѣнить уже состоявшееся почти рѣшеніе — это было такое неслыханное событіе, что, очевидно, должно было всколыхнуть обычную, неизмѣнную тихую жизнь крестьянскаго общества. Толкамъ и пересудамъ не было конца: удивлялись озорству Татьяны, ея безстыдству, жалѣли родителей, у которыхъ она, видимо, отбилась отъ рукъ, но нашлись и горячіе защитники ея, особенно среди молодого поколѣнія: въ этомъ лагерѣ оправдывали ее желаніемъ спасти ни въ чемъ неповиннаго человѣка, даже ставили ей ея выходку въ заслугу, расхваливали ее, ставили въ примѣръ другимъ. Женщины въ глубинѣ души были всѣ на сторонѣ Татьяны, но ради приличія осуждали ее, бранили за охальство и безстыдство. Словомъ, Татьяна сдѣлалась героиней дня. Зато въ домѣ Дмитрія Петровича стояла мертвая тишина: точно всѣ стыдились и прятались другъ отъ друга, не было слышно ни говора, ни движенія, всѣ смотрѣли точно придавленные какимъ тяжкимъ, непоправимымъ горемъ. Татьяна сидѣла молча и неподвижно въ своей

свѣтелкѣ, даже не пошла обѣдать, и ее никто не позвалъ. Матрена Поликарповна сгорбилась, опустилась и безпрестанно вздыхала; Дмитрій Петровичъ, обезкураженный, униженный на сходѣ, затихъ и, какъ человѣкъ, выбившійся изъ силъ въ безплодной борьбѣ, апатично махнулъ на все рукой: у него недоставало духа даже на то, чтобы взыскать съ дочери свою обиду побоями, или даже бранью.

— Отбилась отъ рукъ, такъ, видно, ничего не подѣлаешь: приходится отступиться; больно характерна, да и умна! — думалъ онъ про себя.

— Не видать, видно, мнѣ Таньку замужемъ, въ законѣ, какъ быть слѣдуетъ, — разсуждала также молча, сама про себя, Матрена Поликарповна. — Пропала дѣвка, опустилась совсѣмъ: теперь и свадьба наша разстроится: хоть бѣдны, бѣдны, а тоже, пожалуй, заломается и Семенова родня отъ экаго срама да зазора; да еще и Танька-то, кто ее знаетъ, жди того, упрется, не пойдетъ. Ужъ теперь ей все нипочемъ: на всемъ сходѣ, передъ всѣмъ міромъ ... Ахъ, Господи милостивый, эка стыдобушка ... Чѣмъ я передъ Тобой, Создателемъ, согрѣшила! ...

Въ такомъ настроеніи прошелъ цѣлый день.

На слѣдующій день Дмитрій Петровичъ всталъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно ничего наканунѣ и не случилось, и принялся за свое обычное дѣло, но избѣгалъ встрѣчи и разговора съ кѣмъ либо изъ односельцевъ; а когда продолжавшая вздыхать и охать, съ печальнымъ, вытянутымъ лицомъ, заговорила было съ нимъ Матрена Поликарповна о вчерашнемъ и будущемъ, онъ только выругался и, пробурчавъ что-то сердито и отрывисто, вышелъ вонъ изъ избы и крѣпко хлопнулъ за собой дверью.

Матрена Поликарповна хотѣла было наказать

дочь упорнымъ молчаніемъ, но не выдержала и пошла къ ней въ свѣтелку, гдѣ Татьяна и на другой день сидѣла безвыходно.

— Хоть посмотрѣть: чего бы надъ собой не подѣлала! — оправдывалась сама передъ собой Матрена Поликарповна.

Татьяна не двинулась съ мѣста и даже глазъ не подняла, когда взошла мать. Та постояла около нея нѣсколько мгновеній со сложенными руками, съ укоризной во взглядѣ, и, печально покачивая головой, наконецъ заговорила.

— Что ты, Татьяна, о своей головѣ думаешь, о своей судьбѣ? ...

— Что мнѣ думать-то, — неопредѣленно отвѣтила дочь. — Думать-то нечего ...

— Какъ нечего? ... Вѣдь ты, чай, сговоренная невѣста ...

— Такъ что?

— Какъ что ... Теперь вѣдь ты стала охальная ... На всю деревню ... Какое на всю деревню! На всю округу себя ославила дѣвкой загульной! ... Теперь отъ тебя и женихъ-то откажется.

— Дуракъ будетъ, коли откажется ... Этотъ откажется, другого найдете ... Я за всякаго пойду ...

— Да кто тебя возьметъ? Тебя никто не возьметъ экую ...

— Кто-нибудь да возьметъ ... Ну, а не возьмутъ, такъ и въ дѣвкахъ останусь: бѣда не велика ...

— Какъ бѣда не велика? ... Вѣдь ты ... Языкъ-отъ не ворочается молвить ... Вѣдь ты тяжела ходишь: вѣдь этого не спрячешь ...

— Такъ что̀? Теперь все равно: всякій знаетъ, и прятаться нечего ... Сами виноваты: я васъ просила: не троньте меня, не замайте его ... Я изъ

вашей воли не выходила, за кого велѣли, за того шла ... Чего же вамъ еще? ... Все бы вѣнцомъ и прикрыла, и люди бы ничего не знали, а и знали бы, такъ молчали ... А на что же вы его-то бить да уродовать, да еще на поселеніе ссылать вздумали? ... Вѣдь не связалась бы я съ нимъ, кабы сердце мое не лежало къ нему, кабы не тянуло меня ... Я вѣдь, взаправду, не гулящая какая, не продажная ... Я сама свой грѣхъ знаю и чувствую ... На что же вамъ было замать-то меня? ... Теперь ужъ сами себя вините ...

— Какъ же намъ винить-то себя, Татьяна, ты подумай-ка. Вѣдь мы родители твои: какъ же намъ было смотрѣть-то на все это? ... Не потакать же вѣдь было намъ тебѣ ... родителямъ твоимъ ...

— Ну, такъ вотъ вы, родители, и сдѣлали, какъ вамъ лучше надо ... Вотъ и я вся тутъ: и взыскивайте съ меня, дѣлайте со мной, что̀ знаете ...

— Что ужъ теперь намъ, старикамъ, съ тобой дѣлать, коли ты отъ рукъ отбилась, сама на сходъ стала бѣгать ... Ужъ мы теперь, что мы? ... Я и не придумаю ... Ты ужъ то сдѣлала, чего и на свѣтѣ-то не слыхано и не видано ... Какіе ужъ мы стали тебѣ родители теперь? ... И отца, и мать, всѣхъ ославила, всѣхъ на одного промѣняла ... Теперь ужъ я не знаю, какъ мнѣ на свѣтъ Божій выглянуть, какъ на людей глядѣть, какой отвѣтъ сватамъ и жениху держать, какъ про все провѣдаютъ да пріѣдутъ, спрашивать будутъ ... Вѣдь ко мнѣ пріѣдутъ-то, къ матери ... Вѣдь никто не знаетъ, что ты отъ отца-то и матери чураешься и знать ихъ не хочешь ...

Матрена Поликарповна ударилась въ слезы.

— Вотъ что, матушка: не мути ты ни себя, ни

меня изнапрасна ... Коли пріѣдутъ сваты али женихова родня, да будутъ про что спрашивать да допрашивать, такъ и молви, какова я есть ... Хотятъ — берутъ, не хотятъ — съ Богомъ ... Этого ужъ не перемѣнишь ... Вѣдь мнѣ жить съ мужемъ-то, не тебѣ ... Будетъ мужъ ладенъ, такъ и я не хуже другихъ бабъ буду ... Не одна я, много нашей сестры этакихъ, а замужемъ живутъ и дѣтей выводятъ, и домъ соблюдаютъ не хуже людей ... Вотъ что ты имъ скажи ...

Матрена Поликарповна оставалась нѣсколько минутъ совершенно озадаченная и молчала.

— Такъ та́къ имъ это и сказать? — спросила она наконецъ съ упрекомъ, покачивая головой.

— Такъ и скажи ...

— И не стыднехонько тебѣ будетъ на жениха, на сватовъ смотрѣть? ...

— Что̀ ужъ будетъ, а такъ и скажи ... Все равно — не спрячешься ...

— Ну, дочка, наказалъ меня Богъ за что-то, — проговорила Матрена Поликарповна съ тяжелымъ вздохомъ и только руками развела.

Медленнымъ шагомъ, опустивши голову, вышла она изъ свѣтелки; но съ лѣстницы воротилась ...

— Ѣсть, чай, хочешь? — спросила она дочь.

— Какъ не хотѣть, хочу: и вчера цѣлый день не ѣмши.

— Такъ сходи въ избу: позавтракай.

— Приду, только ты скажи батюшкѣ, чтобы онъ не дрался: у меня и то поясница болитъ ...

Татьяна завтракала и обѣдала съ отцомъ, но за ѣдой никто другъ на друга не смотрѣлъ и не разговаривалъ. Дмитрій Петровичъ только хмурился и отдувался: онъ притворялся гнѣвнымъ.

XIV.

Матрена Поликарповна не ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ: незадолго до дня, назначеннаго для свадьбы, въ избу Дмитрія Петровича вошелъ Демьянъ Прохорычъ. При первомъ взглядѣ на него было видно, что онъ пришелъ недаромъ: обыкновенная заискивающая улыбка исчезла съ его лица и замѣнилась напускной серьезностью и озабоченностью; вся его яркая и размашистая фигура смотрѣла необыкновенно важно и степенно. Всѣ сразу догадались, что Демьянъ Прохорычъ пришелъ для объясненій. Дмитрій Петровичъ, увидя его, нахмурился, крякнулъ, и какъ-то торопливо и смущенно пересѣлъ съ одной лавки на другую; Матрена Поликарповна церемонно вытянула лицо, приподняла брови, сложила въ трубочку губы и вытянулась во весь ростъ, изображая собою крѣпость осажденную, но готовую сопротивляться съ достоинствомъ.

Демьянъ Прохорычъ раскланялся и сѣлъ безъ приглашенія. Разговоръ не начинался.

— Здорово ли живете, сватушки? — проговорилъ онъ наконецъ, не вынося упорнаго взгляда Матрены Поликарповны и обращаясь больше къ Дмитрію Петровичу, который не смотрѣлъ на него.

— Ничего, слава Богу ... Что̀ намъ дѣлается? — отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Ну, слава Богу, лучше всего ...

Разговоръ опять прервался на нѣсколько мгновеній. Демьянъ Прохорычъ притворно кашлянулъ, какъ онъ дѣлалъ всегда въ затруднительномъ положеніи.

— А какъ вашъ женишокъ богоданный, Семенъ Сидорычъ, Сидоръ Моисеичъ, сватьюшка Катерина

Ивановна, всѣ ли въ добромъ здоровьѣ? — спросила на этотъ разъ Матрена Поликарповна.

— Всѣ, слава Богу, покорнѣйше благодаримъ... Кланяться приказали ...

— Покорно благодарствуйте ...

— Только, вотъ, Дмитрій Петровичъ, я насчетъ дѣловъ-то нашихъ, — рѣшился наконецъ Демьянъ.

— Насчетъ какихъ дѣловъ? ...

— А вотъ насчетъ случаю-то ... Этакое божеское попущеніе ...

Демьянъ остановился, но ни Дмитрій Петровичъ, ни жена его не произнесли никакого звука; Матрена Поликарповна даже не пошевелилась и глазами не моргнула, только мужъ ея сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но остался на томъ же мѣстѣ.

— Очень ужъ огулъ-то большой пошелъ, Дмитрій Петровичъ; оченно ужъ зазорно ... и для жениха ...

Дмитрій Петровичъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ, говори съ женой ... Я въ эти дѣла не путаюсь ... Надоѣло мнѣ, — сказалъ онъ съ сердцемъ и вышелъ вонъ изъ избы.

— Вы это, Демьянъ Прохорычъ, къ чему рѣчь ведете? — спросила Матрена Поликарповна по уходѣ мужа, подпирая рукой подбородокъ и смотря на свата искоса, въ полъ-оборота.

— Да вотъ, свах ... Матрена Поликарповна, насчетъ этой оказіи ... насчетъ Татьяны-то Дмитріевны ... Мы не съ тѣмъ брали: жениху-то ужъ оченно обидно ...

— Что же это вы, къ чему? ... Дѣло раздѣлывать, что ли, хотите? ... Какъ вамъ угодно, мы не нуждаемся, не вяжемся за вами ...

— Уже не знаю какъ, Матрена Поликарповна, какъ и сказать ... А ужъ только что такъ обидно ... такъ обидно ... Жениху-то тоже зазорно, сама посуди ... Вѣдь на всемъ сходѣ, при всемъ честномъ народѣ! ... И тоже опять передъ самой свадьбой! ... Какъ бы ни было, ты сама разсуди ...

— Такъ что же ты это, Демьянъ Прохорычъ, къ чему говоришь-то? ... И говоришь ты это матери безо всякой безъ осторожки ... Материнское-то сердце вѣдь люто! ... Коли ты пріѣхалъ дѣло ломать, такъ нечего тебѣ матери этакія слова и говорить, что которыя все нутро ея переворачиваютъ ... Опять же я тебѣ первая сказала: хоть у насъ дѣло и благословенное, да подъ вѣнецъ еще не ставили, все можно передѣлать ... Мы не вяжемся ... Изъяну мы вамъ не сдѣлали, а себѣ развѣ только, подарковъ отъ васъ не примали, да поди, чай, и на подарки-то у насъ же бы денегъ-то займовали; такъ что же тебѣ и разговоръ этотъ вести. Любо, такъ дѣлайте, берите съ тѣмъ, съ чѣмъ брали, а чего ужъ нѣтъ, того негдѣ взять ... А матери говорить тебѣ этакія слова прискорбныя не приходится ... Опять же мы не изъ крайности, не изъ нужды изъ какой: не намъ отъ васъ чего глядѣть, а развѣ вамъ отъ насъ ... Вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный ...

— Да это, конечно, Матрена Поликарповна, коли ежели ... Въ нашихъ мѣстахъ на это что смотрѣть: какая дѣвка Богу не грѣшна ... А только что ужъ очень это огласка-то велика, зазоръ-то большой: на всемъ міру вѣдь ... Ты не обижайся, свахонька, я не къ тому ... Конечно, на это нечего смотрѣть, и Сеня хоть бы парень добрый, покладистый ... Опять же онъ въ моихъ рукахъ: что скажу, какъ

наставлю, то и будетъ; я не къ тому, чтобы все дѣло такъ, точно его и не было, послѣ всего нашего согласа, любви и благословенія ... А такъ полагаю, свахонька, что надо же вамъ въ этакихъ оказіяхъ и свата поблагодарить, чтобы старался ... и парня наставлялъ, натолковалъ бы ему, что это случай не что нибудь, со всякой случиться можетъ ... а жилъ бы впростѣ, да въ любви, безъ грубости, безъ обиды ... ежели Богъ благословитъ ... Вотъ я къ чему только, а не то, чтобы противъ васъ что ...

— Что же, мы вашимъ стараніемъ будемъ очень довольны, и какъ вы теперь къ намъ въ родню поступаете, коли ежели Богу угодно, то за всякъ часъ милости просимъ, не какъ чужіе ...

— Такъ вотъ бы ты, Матрена Поликарповна, свату-то и поговорила, пущай бы онъ чѣмъ побаловалъ меня, деньжонокъ бы, что ли, ссудилъ, али товарецъ у меня съ рукъ снялъ да по гривеннику на пудъ супротивъ людей накинулъ, — вотъ я бы и чувствовалъ, и старался бы, все бы мнѣ привлекательнѣе было ... А ужъ я Сеню-то обломаю, онъ парень покладистый, въ моихъ рукахъ, онъ меня слушаетъ ... Да и самъ онъ, правда что, къ дѣвкѣ-то сердце большое получилъ, очень желаетъ ...

Матрена Поликарповна, не спѣша, обдумывала свой отвѣтъ, и по лицу ея видно было, что она не прочь была побаловать свата, желала только сохранить свое достоинство, но ей не пришлось отвѣчать: двери въ избу распахнулись, и въ нихъ быстро, смѣло и рѣшительно вошла Татьяна, къ невыразимому удивленію и смущенію матери и Демьяна.

— Слышала я все, Демьянъ Прохорычъ, — прямо начала она, даже не поклонившись. — Ты жениха про-

дать мнѣ хочешь, али за меня придачи просишь, такъ какова я ни есть, а я не продажная, торговать тебѣ мной не придется ... Ты сватъ, такъ ты скажи-ка отъ меня жениху-то моему богоданному, Семену Сидорычу, прямо: что допрежъ того было, того не воротишь, а выйду я за него замужъ, — того не будетъ ... То была дѣвичья дурость, а буду бабой, буду женой настоящей, и дурость всю вонъ изъ головы выкину, дома, небось, не промотаю, въ обиду мужику не дамся, за то и въ худой рубашкѣ, али въ заплаткахъ его не пущу, а будетъ смиренъ да ласковъ, да не иметъ попрекать, такъ и лучше ему жены не будетъ ... Вотъ ты ему скажи ... Да и еще молви: коли стали вы мной обижаться, коли стала я дѣвка охальная, на весь народъ ославлена, такъ тогда я пойду за Семена, когда онъ самъ пріѣдетъ съ отцомъ да просить меня будетъ, чтобы шла за него, и ты пріѣзжай, свидѣтелемъ будешь. Пріѣдете да опросите, — пойду, а то и въ дѣвкахъ останусь, и дѣвки на свѣтѣ живутъ. Вотъ тебѣ мой сказъ, Демьянъ Прохорычъ, а торговаться ты изъ-за меня не моги, и жениха я за деньги покупать не стану ... Такъ и знай, съ тѣмъ и домой поѣзжай. Ругай, не ругай меня, матушка, а что сказала, то и сдѣлаю ... Въ моемъ грѣхѣ никто мнѣ не судья, а сватъ Демьянъ и подавно ... На томъ прощай, Демьянъ Прохорычъ, такъ и Семену отъ меня скажи! ...

Татьяна поклонилась и вышла. Матрена Поликарповна только руками всплеснула, а Демьянъ стоялъ съ такимъ лицомъ, точно его кто обухомъ по лбу ударилъ, стоялъ и глазами хлопалъ.

— Вотъ ты и дѣлай съ ней что хочешь! — проговорила наконецъ Матрена Поликарповна, сло-

жила руки на колѣняхъ и безнадежно опустила голову.

— А я тебѣ скажу, Матрена Поликарповна — заговорилъ Демьянъ, приходя въ себя и встряхивая головой, — купецкая она дочь — вотъ что, не нашего ей сословія быть ... Съ эстолько ума, съ эстолько — и не привидано! ... Всякаго мужика заговоритъ — вотъ дѣвка! ... Ну, видно тутъ надо ладить, какъ она велитъ: Сенькѣ счастье, за этакой бабой, что̀ за печкой живи ... Ну, Матрена Поликарповна, все равно, ты не оставишь меня ... Я поѣду, дѣло все справлю, а завтра съ Сеней и съ Сидоромъ пріѣдемъ ... Ничего, пускай поклонится, этакой дѣвкѣ поклониться можно ... А онъ не то что, онъ изъ-за нея на ножъ полѣзетъ: смиренъ, смиренъ, а разсмотрѣлъ тоже, какова стать ... Ну, прощай, Матрена Поликарповна, не тужи, эта дѣвка не пропадетъ ... До свиданія. Завтра пріѣдемъ.

Демьянъ Прохорычъ вышелъ, но, идя по сѣнямъ и садясь въ телѣгу, онъ все трясъ головой и приговаривалъ: „Ну, дѣвка ... Вотъ это дѣвка ... Недаромъ хай-дѣвкой прозвали ... Умна! Вотъ умна! ... Ну-у ... братецъ ты мой! ... Да, это дѣвка! ...“

На слѣдующій день, къ великому изумленію и даже соблазну всей деревни, у избы Дмитрія Петровича остановилась телѣга, изъ которой вылѣзли женихъ Татьяны съ отцомъ и сватомъ Демьяномъ. Всѣ они вошли въ домъ и чрезъ нѣсколько часовъ вышли оттуда веселые и довольные. Мать и отецъ невѣсты ласково и привѣтливо провожали гостей, а Татьяна выглянула въ окно и дружелюбно, съ улыбкой, кивнула головой уѣзжающему жениху.

Затѣмъ въ ближайшее воскресенье состоялась

и свадьба Семена Сажина съ Татьяной Дмитріевной. Когда свадебный поѣздъ возвращался изъ села, послѣ вѣнчанья, онъ долженъ былъ остановиться при въѣздѣ въ прогонъ между гумнами — путь былъ загороженъ двумя жердями. Пока дружка торговался съ толпой молодежи за выкупъ проѣзда, изъ нея отдѣлился Илья. Онъ подошелъ къ телѣгѣ, въ которой сидѣли новобрачные.

— Князь и княгиня новобрачные, — сказалъ онъ съ нахальной усмѣшкой: — съ законнымъ бракомъ.

Нѣкоторые изъ поѣзжанъ смутились отъ этой встрѣчи, смутилась и Татьяна. Семенъ смотрѣлъ на Илью, выпуча глаза.

— Что-жъ ты, Татьяна Дмитревна, не благодарствуешь на проздравленьи на моемъ? — продолжалъ Илья тѣмъ же тономъ. — А я еще думалъ, ты меня на свадьбу позовешь ... Чай, не чужой.

Татьяна собралась, наконецъ, съ духомъ.

— Покорно благодарствую тебѣ, Илья Кузьмичъ, — сказала она. — А на свадьбѣ у меня тебѣ дѣлать нечего, сродни ты намъ не приходишься, пиръ мы и безъ тебя спируемъ; да и тебѣ, чѣмъ о пирахъ-то думать, лучше бы лишній поклонъ Богу положить, что избавилъ онъ тебя отъ напасти, далъ на своей землѣ остаться.

— Вотъ ты какъ нонѣ, ровно какъ ничего и не было ...

— Былое-то, Илья Кузьмичъ, быльемъ поросло. Я теперь въ законѣ, да и ты женинъ мужъ ... Стыдно тебѣ ...

Между тѣмъ выкупъ былъ данъ, жерди разгородили и поѣздъ тронулся. Илья остался на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, Татьяна даже не оглянулась на него.

Молодежь съ хохотомъ и гамомъ окружила

Илью. Онъ былъ, видимо, озадаченъ и сконфуженъ, но храбрился и не отставалъ отъ толпы, которая направилась къ кабаку пропивать выкупъ.

Прошли годы. Прошедшее забывалось и въ отношенiи Татьяны Дмитревны никогда не ставилось ей въ вину. Семенъ оказался ей не подъ пару: былъ недалекъ и лѣнивъ, и нерасторопенъ, а къ торговлѣ и совсѣмъ неспособенъ; началъ и хмѣлемъ зашибаться, но былъ смиренъ и пьяненькiй распѣвалъ только священныя пѣсни по октоиху. Татьяна забрала мужа въ руки и, говорятъ, даже поколачивала его, но хозяйкой и матерью была отличной, а послѣ смерти отца продолжала съ успѣхомъ его торговлю и даже нерѣдко являлась вмѣсто мужа на сельскiе сходы, гдѣ не уступала ни одному мужику ни въ разумѣ, ни въ разсудительности. Носились слухи, что, и выйдя замужъ, она продолжала гулять съ Ильей, но эти слухи ничѣмъ не подтвердились и скоро замолкли, особенно когда Илья совсѣмъ сбился съ пути и спился съ кругу, а Татьяна продолжала работать, не бѣднѣла и держала весь домъ въ рукахъ. Всѣ старыя замашки въ ней остались: характерна и зубаста была попрежнему, никому въ рѣчахъ не уступитъ, никому на ногу себѣ наступить не дастъ, пожалуй, и обидитъ, но въ добрый часъ въ бѣдѣ поможетъ, а въ веселый и насмѣшитъ, и пѣсню споетъ, и игру заведетъ на всю деревню.

— Хай-баба у насъ Татьяна Дмитревна! — говорили про нее односельцы.

Хворая.

Повѣсть.

I.

Надъ деревней Сгорьево лежала уже темная лѣтняя ночь. Во всѣхъ домахъ спали крѣпкимъ сномъ. Тишина стояла кругомъ непробудная. Только въ одной избѣ мерцалъ огонекъ и слышался шумъ, перебранка, всхлипыванія.

— Пошла, пошла, убирайся: нечего тебѣ здѣсь дѣлать. Ухватомъ погоню, въ-зашей вытолкаю, коли по-слову не пойдешь, — кричала суровая, крѣпко сложенная, пожилая баба, наскакивая на другую, молодую еще, худую, блѣдную, болѣзненнаго вида, которая стояла въ нерѣшительной позѣ, горько всхлипывая, у дверей избы.

У первой, сердившейся бабы лицо было точно деревянное, четыреугольное, скуластое; маленькіе глаза блестѣли сухой, холодной злобой. Она была въ одной рубашкѣ и въ кичкѣ. На другой накинутъ былъ темный дырявый кафтанишка и засаленный, рваный, желтый бумажный платокъ, съ красными разводами. Блѣдное лицо ея хранило еще слѣды прежней миловидности въ красиво выведенныхъ бровяхъ, въ большихъ глазахъ и въ очертаніяхъ губъ; но оно было страшно истощено и болѣзненно: щеки впали, губы синія, сухія, ввалившіеся глаза смотрѣли устало и запуганно.

Въ избѣ было тѣсно, душно, темно и грязно. Стоявшій на столѣ ночникъ изъ плошки съ рыльцемъ, въ которую налито было какое-то масло, едва мерцалъ, но сильно дымилъ и распространялъ страшную вонь. Въ углу, на грязномъ полу, на охапкѣ полусгнившей соломы, прикрытыя какой-то рваной ветошью, копошились двое маленькихъ дѣтей и возлѣ нихъ теленокъ-сосунъ. Дѣти были разбужены крикомъ старой бабы и плачемъ молодой, и робко, испуганно высовывали изъ-подъ тряпья свои маленькія головки, но тотчасъ же и прятали ихъ, какъ только въ ихъ сторону взглядывала сердитая баба. Съ полатей смотрѣли на происходящее въ избѣ двѣ головы: молодого мужика и мальчика, ребенка лѣтъ шести. Мужикъ смотрѣлъ тупо и, повидимому, равнодушно; ребенокъ бойко и вопросительно: глазенки его бѣгали со старухи на молодую бабу и изрѣдка съ лукавой, вызывающей улыбкой обращались къ мужику, который, впрочемъ, не обращалъ на него никакого вниманія.

— Куда же я пойду теперь, ночью ... изъ своего дома? — всхлипывая возражала молодая баба.

— Нѣтъ, ты домъ-отъ сначала наживи, да выстрой, тогда онъ и будетъ твой.

— Отъ своихъ дѣтей? — продолжала больная.

— Такъ ты мать, что ли, своимъ дѣтямъ? ... Развѣ экія матери-то бываютъ? ... Матери-то обшиваютъ, да обуваютъ дѣтей, поятъ ихъ да кормятъ ... Спину-то ломаютъ, да работаютъ ... А ты только и знаешь — съ печи на полати, да съ полатей на печь, — и вся твоя работа въ томъ; да еще корми тебя, да все приготовь про тебя ...

— Такъ развѣ я рада? ... Немочь моя ... болѣсть ...

— Хороша болѣсть, немочь: что ни годъ, то ребенокъ ... Семи годовъ нѣтъ замужемъ, пятымъ на сносѣ ... Нѣтъ, ужъ силушки моей нѣтъ всѣхъ-то васъ на себѣ везти, уѣздили вы меня ... Тоже въ людяхъ думаютъ: невѣстка у нея есть ... А вотъ, жнитво пришло, скоро за яровое приниматься надо, а невѣстушки и на полосѣ не видала: все одна да одна ...

— Такъ вѣдь развѣ бы я ... Я бы рада радостью ... Да силушки моей нѣтъ, рученьки не поднимаются ...

— Слышала я это, слышала довольно ... Ну, такъ и я про тебя не работница, не припащица ... Поди-ка, по людямъ-то пошляйся, покормися: вонъ люди жнутъ, по три гривенника берутъ, на хозяйскихъ харчахъ — можно прокормиться, слава Богу ... Ступай, ступай ... Не стану я тебя кормить, лежебоку ... Нѣтъ, ужъ будетъ ... Ступай, говорятъ ...

— Да куда же я пойду?...

— А куда хошь, туда и иди ... Куда даве ходила, ночью назадъ пришла — туда и поди ...

— Да я къ лекаркѣ ходила, въ Ломы ... про болѣсть же про свою ... снадобьица просила ...

— Ну, вотъ ... Она по лекарямъ будетъ шляться, а мы за нее работай, припасай ... Какъ по лекаркамъ бѣгать, такъ тутъ и немочь прошла: за пять верстъ сбѣгала; а на полосу — такъ ея нѣтъ ... Сгинь ты, пропащая ... Не будоражь сердца моего ...

Старуха свирѣпо засверкала глазами, бросилась въ уголъ къ печкѣ, схватила деревянную обгорѣлую клюку, которая служила вмѣсто кочерги, и застучала ею по полу.

— Уходи, говорятъ, пока цѣла ... Силушки моей больше нѣтъ ... Зрить я тебя не могу, прокуратку ледящу ... Уходи, убью, право убью ...

— Дай хоть ночь-то переночевать: я вѣдь и то за силу за великую еле до дому доплелась ... Дай переночевать — завтра уйду, хоть къ сестрѣ Секлетеѣ, что ли ...

— Уходи тотчасъ, благо обута-одѣта ... Завтра опять съ тобой судачься, а мнѣ на поле нужно ... Еще тебѣ говорю, дѣвка, уйди отъ грѣха ...

Старуха сдѣлала нѣсколько шаговъ къ молодой бабѣ и съ угрожающимъ жестомъ постучала въ полъ клюкою.

— Да чтой-то же это, батюшки мои? — заплакала молодая баба. — Петръ Иванычъ, да вступись хоть ты: вѣдь я тебѣ жена, твоимъ дѣтямъ мать...

Эти слова были обращены къ мужику, лежащему на полатяхъ. Тотъ что-то промычалъ и спряталъ голову подъ полушубокъ.

— Такъ ты еще сына противъ меня поднять хочешь ... Да что онъ, больше матери-то, что ли? ... Ты ужъ не меня ли хочешь изъ моего дома-то выжить? ... А кто про него да про его дѣтокъ вѣкъ свой работаетъ, да печалуетъ? Ты, что ли, али я? Кѣмъ домъ-то держится? Кто спину-то за тебя ломаетъ? Кѣмъ онъ обутъ-одѣтъ? Не ты ли напряла-наткала? Нѣтъ, кабы меня-то не было, такъ не то, что ребятишки, а и онъ-то пропадомъ бы пропалъ съ тобой, лежебокой ... Такъ ты сына подбивать, сына сомущать противъ матери? ... Ну, такъ нѣтъ ... Сказала, уходи безъ грѣха, сказала ...

Старуха замахнулась на больную клюкой, но задѣла ею, къ счастію, за полати: ударъ вышибъ у нея изъ рукъ палку. Она бросилась къ молодой

женщинѣ, повернула ее лицомъ къ двери и вытолкала вонъ, сначала въ сѣни, потомъ изъ сѣней на крыльцо. Собираясь замкнуть передъ ней дверь въ сѣни, она закричала еще:

— Слушай, Палашка, уходи ... Не дѣлай грѣха: не дамъ я тебѣ у меня жить, нечѣмъ мнѣ тебя кормить, нѣтъ моихъ достатковъ. Промышляй сама про себя. Дѣтей твоихъ не уморю, какъ-ни-какъ подниму, а про тебя я не работница, чтобы тебѣ на печкѣ лежать, а мнѣ передъ тобой служить ... Будетъ, пять лѣтъ я тебя терпѣла экую ... Теперь ступай, куда хошь ... Да и не думай, не приходи, не пущу ... На мужа не полагайся — онъ самъ тебѣ не радъ ... Ступай же, говорятъ ...

Старуха захлопнула и заперла дверь изъ сѣней на крыльцо.

Между тѣмъ въ избѣ, какъ только скрылись за дверями бабы, маленькіе ребятишки приподнялись и сѣли на своей грязной соломѣ. Одинъ изъ нихъ заплакалъ и протянулъ руки къ дверямъ.

— Мама,—лепеталъ онъ, тихо и жалобно хныкая.

Самый маленькій, лѣтъ двухъ, вылѣзъ изъ кучи, какъ звѣренокъ, на четверенькахъ, поползъ по избѣ къ дверямъ, за матерью.

На полатяхъ бойкій старшій мальчишка, какъ видно, общій баловень, обратился къ лежавшему съ нимъ рядомъ мужику:

— Тятька, а тятька, бабка-то Агафья мамку-то палкой, да въ спину ...

Онъ засмѣялся дѣтскимъ безсмысленнымъ смѣхомъ. Отецъ даже не пошевелился подъ своей шубой ...

— Тятька, мамка-то не придетъ ужъ больше? ... Гдѣ она жить-то будетъ? ... Тятька? ...

— Ну, нишкни, ложись! — отвѣчалъ изъ-подъ шубы голосъ.

— Вы что тутъ завозились, — продолжалъ онъ, обращаясь къ лежавшимъ внизу дѣтямъ. — Перестань пищать ... Брысь, пострѣлята ... Вось бабка придетъ на васъ! ... Вось она васъ вѣникомъ ...

Появленіе ея въ избѣ мгновенно возстановило тишину. Четвероногій путешественникъ добрымъ шлепкомъ возвращенъ былъ на мѣсто родины, въ кучу соломы; пищавшіе ребятишки умолкли подъ угрозы бабушки и снова забились подъ свое грязное тряпье. Съ полатей ни отецъ, ни сынъ не подали голоса.

Старуха подняла съ полу клюку и поставила ее въ уголъ, на свое мѣсто; тѣмъ же вѣникомъ, которымъ грозила внучатамъ, подмела соръ къ кучѣ соломы, на которой лежали дѣти, перевернула на другой бокъ теленка, слегка ударила его по мордочкѣ, которою онъ тыкался ей въ колѣни, прося пойла, сурово взглянула на полати, но ласково провела рукой по бѣлокурой головкѣ лежавшаго тамъ и притворившагося спящимъ старшаго внука; стала твердо, устойчиво передъ переднимъ угломъ, гдѣ темные деревянные образа на тяблѣ едва отличались отъ такихъ же темныхъ стѣнъ, истово перекрестилась, глубоко вздохнула и стала класть земные поклоны, читая про себя молитву. Затѣмъ она задула ночникъ, который пустилъ цѣлое облако дыму и чаду, и спокойно легла на голбецъ около печки, подложивши подъ голову полушубокъ и прикрывшись кафтаномъ. Чрезъ минуту въ избѣ вся семья спала мирнымъ, глубокимъ сномъ, какъ будто среди нея ровно ничего не случилось, и обыденный порядокъ жизни ничѣмъ не былъ нарушенъ.

II.

Оставшись одна на крыльцѣ, Пелагея стояла нѣсколько мгновеній, точно не сознавая, что̀ съ нею случилось: толкнулась было она въ сѣнную дверь, — заперта, посмотрѣла кругомъ — темная, тихая ночь, на небѣ ни облачка, ни звѣздочки, сосѣдній лѣсъ едва отдѣлялся на густой синевѣ неба, деревенскія избенки едва различаются во мракѣ; холодный, сырой вѣтерокъ тянетъ съ пруда; отъ него, али такъ, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, ноги и руки ноютъ, въ головѣ ровно что стучитъ. Тихо-тихо вездѣ; всѣ спятъ. И ей бы лечь теперь и уснуть: хоть бы гдѣ нибудь приткнуться, да въ тепломъ углу... Всѣ спятъ по своимъ домамъ, по своимъ угламъ, а вотъ ее выгнали изъ своего дома; вотъ здѣсь и мужъ ея, и дѣти, а ей, женѣ, матери, нѣтъ мѣста около нихъ... Пелагея опустилась и присѣла на ступеньки крыльца, слезы такъ и капали у нея изъ глазъ, точно сами собой, безъ ея воли.

— За что, за что прогнали-то? — спрашивала она себя. — Я тихая, не рѣчистая, поступчивая... Ни свекрови, ни мужу слова поперекъ не сказала: обругаютъ — смолчу, и толкнутъ — смолчу, прибьютъ — только сплачу... За что же? Больная, чу, немогумочная... Не работаю, дѣтей объѣдаю, домъ разоряю... Да рада бы я радостью, голубчики мои, да гдѣ же мнѣ силушки-то взять, коли нѣту ея?... Свекровь, та работаетъ, рукъ не покладаючи: и утреннюю зарю встрѣтитъ, и вечерню проводитъ, все на полосѣ, все за работой; не допьетъ, не доѣстъ, все около дома старается, а силушки у нея не убываетъ... Вотъ и старъ чело-

вѣкъ, а цѣломоженъ; а я и рада бы, да все изъ рукъ валится: наклонюсь лишній разъ — въ голову застучитъ, спину никакъ не разогнешь; руками что подѣлаю — ломитъ ихъ, ныть начнутъ ... Все бы я лежала, все бы я лежала ... Эку Господь напасть на меня послалъ! ... Видно, за грѣхи родительскіе ... Вамъ-то, вамъ-то, дѣточки мои, хоть бы я послужила, хоть бы поработала на васъ, чтобы вы матерью-то меня почитали; а то и къ дѣтямъ-то своимъ, кровнымъ-то своимъ, я не слуга отъ Бога поставлена, а ровно чужая ... Эка мать, эка радѣльщица: для дѣтокъ-то своихъ рукъ не переложила; кто поитъ-кормитъ, кто одѣваетъ-обуваетъ? Все бабка, а мать такъ, ни причемъ, ровно чужая ... И ее горе возьметъ на меня глядѣть, и дивить нечего: до кого ни доведись ... Такъ что же мнѣ дѣлать-то съ собой, батюшки мои? ... Кто меня научитъ, кто голову къ плечамъ приставитъ? ... Вотъ ходила къ лекаркѣ, кланялась, просила: это, говоритъ, въ тебѣ порча, либо по вѣтру пущено, либо на слѣдъ положено, шестымъ брюхомъ, говоритъ, пройдетъ, а до тѣхъ поръ промаешься ... А вотъ теперь и изъ дома выгнали, и идти не знаю куда: кто станетъ дармоѣдку держать? ... Да вѣдь я бы ужъ и своихъ-то не объѣла бы; вѣдь что же дѣлать-то, мало ли Богъ какое наказаніе посылаетъ: все же я своему мужу жена, своимъ дѣтямъ мать ... И собаку хворую иной добрый хозяинъ сразу-то не прошибетъ ... Ну, повалялась бы, повалялась, да, можетъ быть, Богъ далъ и справилась бы, а пока хошь бы около дѣтей-то замѣстъ няньки была ... Да вѣдь съ матушкой-свекровью не сговоришь теперь, коли ужъ она на томъ стала, ни за что не пуститъ въ домъ, коли разъ выгнала;

а мужъ, что онъ? Развѣ ему больную жену жалко? Да и супротивъ матушки онъ не пойдетъ: гдѣ онъ экую работницу найдетъ другую? Не промѣняетъ онъ ее на меня ни за что ... Студено стало ... Пойду попрошусь хоть къ сусѣдямъ куда переночевать, а утромъ поплетусь къ сестрѣ Секлетеѣ: она баба ловкая, проворная, можетъ, что и надоумитъ ...

Пелагея пошла вдоль по порядку деревни.

— Стыдобушка и постучаться-то ... Что сусѣдушки подумаютъ, чему посудятъ? Какая такая мать, что отъ дѣтей прогнали, какая такая жена, что мужъ изъ дома спровадилъ! ... Видно-де, сама хороша, что свекровь гонитъ, а мужъ и не вступится ... Знаютъ, что больная, хворая, да вѣдь кто повѣритъ, что за одну хворь изъ дома выгнали ... Ну, похвораютъ люди недѣлю, похвораютъ мѣсяцъ, да и выздоровѣютъ, а я который ужъ годъ экая-то живу ... Такъ неужто ужъ такъ мнѣ и угла нѣтъ, на улицѣ такъ и издыхать ... Вѣдь человѣкъ же я и самъ-дѣлѣ, не звѣрь лѣсной, не овца паршивая ... Что она, хошь бы и матушка-свекровь ... Я при своемъ законномъ мужѣ, при своихъ дѣтяхъ: какъ меня можно гнать, ровно звѣря какого! ... Какъ бы у меня батюшка съ матушкой живы были, или братъ, или сестрица родные, такъ я хошь бы къ нимъ пошла: можетъ, прокормили бы, а то одна сестра двоюродная, Секлетея, а та и сама не знаетъ, какъ прокормиться ... Нѣтъ, это ты, матушка свекровь, и ты, Петръ Иванычъ, это вы незаконно дѣлаете ... Неужто есть такіе законы, что коли хворый въ дому человѣкъ, такъ и гнать его можно ... Вотъ развѣ у бабушки Арины постучаться: она старуха добрая, знающая, радѣльная; ночевать-то всякій пуститъ, а она еще, можетъ, и

научить чему: какъ мнѣ быть, что дѣлать, какъ по правдѣ жить ...

Пелагея постучалась въ окно избы, около которой остановилась. Ея робкій, нерѣшительный стукъ не сразу услышали въ избѣ; пришлось постучать еще разъ, погромче. Въ избѣ зашевелились, кто-то всталъ, подошелъ къ окну, посмотрѣлъ въ него, потомъ отодвинулъ маленькую оконную раму.

— Ктой-то это? — спросили изъ избы.

— Я, баушка Арина, я ... къ тебѣ, — тихо едва проговорила Пелагея. Голосъ ея оборвался, она заплакала.

— Да ктой-то это? Не признаю ... Ревешь ничто? ... Кто ты, матка, чья такая? Говори, что ли: къ ночи-то не признать никакъ ... Что тебѣ? Чего ревешь?

— Петрова я ... Пелагея ... Агафьина ... хворая ...

— А-а ... Такъ что ты это ночью-то ... Да что ты ревешь-то?

— Пусти, баушенька, переночевать ...

— Переночевать? — вопросительно протянула Арина. — Подь, матка ... Да чтой-то? А дома-то? ...

— Прогнала меня матушка-свекровь ...

— Прогнала? ... Да чтой-то это? Повздорили, что ли? ...

— Нѣтъ ... За хворь за мою ... Не знаю ужъ я, какъ и быть! ... Пусти хоть до утра-то ... Въ экую ночь куда пойдешь ...

Пелагея всхлипывала.

— Да подь, матка, подь ... Вотъ я сейчасъ отомкну двери-то ... Подь, ночуй ... Петрова Пелагея, — повторила про себя Арина, идя отпирать двери. — Вишь ты ... Хворая ... Прогнали ...

Пелагея вошла въ темную избу.

— Постой, огонька вздую, — говорила Арина, шаркая спичкой о печь и зажигая сальную тонкую свѣчку въ желѣзномъ подсвѣчникѣ.

— Ай, бабка, не цвѣтна! — продолжала Арина, поднося свѣчку къ Пелагеѣ. — Въ чемъ только душа ... Полѣзай на печь-то: чай, иззябла ... На печи-то никого нѣтъ ... Полѣзай ...

— Спасибо, баушка Арина ...

Пелагея влѣзла на печь. Арина присѣла на лавку. Эта послѣдняя была женщина лѣтъ подъ шестьдесятъ, со строгимъ, но благообразнымъ лицомъ; рѣзкія, суровыя черты ея умягчались умнымъ и добрымъ выраженіемъ глазъ.

— Тамъ, кажись, есть на печкѣ-то шуба; подстелись! — говорила она. — Али нѣтъ, такъ я подамъ?

— Есть, баушка, есть ... Вотъ она тутъ ... Дай Богъ тебѣ, помоги тебѣ Создатель Милостивый за твою добродѣтель ...

— Такъ что же, Агафья одна, али съ мужемъ вмѣстѣ выгнали-то тебя? — полюбопытствовала Арина.

— Матушка-свекровь больше ... Мужъ-то молчитъ, а не вступился тоже, слова не замолвилъ ...

— Такъ неужто только за то, что больная, хвораешь? ...

— За то, баушка: больше никакого за собой грѣха не знаю, вотъ семь лѣтъ съ мужемъ живу: ни я сластоѣжка, ни я непословна, супротивности этой во мнѣ нѣтъ, чтобы что на зло, али наперекоръ кому сдѣлать; къ дѣтямъ тоже, али къ мужу, я, кажется, со всей моей душой: только и свѣта въ глазахъ, что дѣтушки; и для мужа тоже, какъ ни больна, какъ ни хвора, а завсегда женой была, какъ

есть законной, отъ себя не отсылала ... Да вотъ не далъ Богъ здоровьица ... Безсчастная я...

— Да у мужа-то, у Петра-то, нѣтъ ли чего на сторонѣ? ...

— Не знаю, родимая, не въ примѣту, невдомекъ ... Кажись, нѣтъ этого за нимъ ... Да я бы, родима баушка, по болѣзни по моей, въ это и не вступилась: Богъ бы съ нимъ ... Что ужъ мнѣ, хворому человѣку, въ это вступаться ... А вотъ ты мнѣ что, баушенька, молви, что мнѣ въ голову вложи: затѣмъ я больше и постучалась къ тебѣ: куда я теперь пойду, что я дѣлать стану? Хворой я человѣкъ, не влашной, опять же съ брюхомъ хожу, работать не могу, а пить-ѣсть надо, осень подходитъ, зима студеная подойдетъ: куда я дѣнусь? ... Пущай я больной человѣкъ, въ домъ ничего не заработаю, а только своихъ дѣтей опиваю да объѣдаю, да что же мнѣ-то дѣлать? Не вольна же я въ томъ ... И неужто-таки Божья то правда, чтобы мнѣ за это и своего дома не знать, и дѣтей малыхъ не видать, и пропадать, ровно собакѣ какой паршивой ... Пять лѣтъ я маюсь, сохну ... Неужто ужъ и конецъ мнѣ такой показанъ? ...

Пелагея тихо плакала. Арина задумалась.

— Да, можетъ, Агафья-то пытаетъ тебя только: думаетъ, ты работать не хочешь, привередничаешь, что на всемъ на готовомъ живешь ... А вотъ, молъ, какъ выгоню изъ дома, такъ поневолѣ работать примется ...

— Да, она это думаетъ, точно, думаетъ; особливо вотъ Богъ экое несчастье на меня посылаетъ, что каждый, почитай, годъ дѣтей ношу ... Да вѣдь не надо бы ей думать-то такъ: вѣдь была я здорова, ни отъ какой работы не отказывалась ...

Правда, не больно я сручна къ крестьянству-то, потому во дворѣ жила въ дѣвкахъ, а все же старалась, пріучалась, черезъ силу работывала: вѣдь она это видѣла ... А и больная-то: развѣ я не совалась и на сѣнокосъ, и на полосу? Да что подѣлаешь, коли силушки нѣтъ? ... Вѣдь не одинъ разъ съ полосы-то подъ руки приваживали; а вотъ теперь до того дошла, что не то что въ полѣ работать, а и ребенка на руки поднять не могу ... Вотъ вѣдь горе-то мое какое, баушка Арина, ты это подумай ...

— Слышу, слышу, дѣвка ... Божье на тебя попущеніе ... А все бы такъ, по-мнѣ, мужу-то не слѣдъ бы тебя покидать: какова ты ни есть, а все дѣтямъ его мать ... Извѣстно, свекрови лестно ли: невѣстка хороша — работница въ дому, ей помощница ... Ну, и мужъ любитъ жену здоровую, правда это ... А все бы такъ по-мнѣ: горе пополамъ; съ чѣмъ Богъ судилъ, съ тѣмъ и живи; жену-то бы гнать изъ дома, хоть и больную, все бы ровно не схоже ... Да нишкни, спи теперь: скоро свѣтъ, а вотъ я завтра попытаю, поговорю съ твоимъ-то Петромъ, а нѣтъ, такъ и съ Агафьей: что̀ Богъ дастъ . .

— Спытай, баушка Арина ... Дай Богъ тебѣ здоровья ... Да нѣтъ, наврядъ ли же послушаетъ она и тебя ...

— Ну, а не послушаетъ, такъ другое станемъ что думать: утро вечера мудренѣе ... Спи-ка теперь ...

Арина погасила свѣчку и легла на лавку, гдѣ спала прежде.

— Ахъ, горе, горе! — говорила она вздыхая. — Какого только горя на свѣтѣ не живетъ! ... Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! ...

III.

Арина спала, а Пелагея долго не могла сомкнуть глазъ: въ первый разъ еще послѣ замужства ночевала она не въ своей избѣ, не рядомъ со своими ребятишками; сердце ея ныло, и мысль невольно возвращалась къ той грязной, темной лачугѣ, гдѣ на полу валялись ея дѣти, гдѣ равнодушно смотрѣлъ на ея изгнаніе лежавшій на полатяхъ мужъ, гдѣ на нее, едва живую, замахивалась палкою свекровь, и гдѣ она оставила все, что ей было мило и дорого. Вспомнился ей тотъ печальный дѣтскій призывъ, который она услышала изъ-за брани свекрови въ ту минуту, когда она толкала ее вонъ изъ избы: точно ножъ острый рѣзнуло ее по-сердцу это воспоминаніе. „Только ты одинъ, мой сердечный, видно, и пожалѣлъ меня!“ тихо проговорила она, утирая свои слезы. „Васька, тотъ баловень, тому ничего, еще лучше, что матку прогнали; того и отецъ, и бабушка любятъ, балуютъ; а вотъ вамъ, мелюзга малая, плохо будетъ безъ матери: какова я ни есть больная, хворая, а все мать: и присмотрю, и покормлю, и укутаю, и Васькѣ баловню въ обиду не дамъ... И за что это у Господа Бога разное счастье живетъ? Вотъ хоть бы и тутъ, въ дѣтяхъ: Ваську всѣ любятъ, всѣ балуютъ: и батька его спать съ собой положитъ, и бабушка кусокъ лишній дастъ, и рубаха на немъ безъ дыръ; а тѣ, другія, точно лишнія, точно не надо бы имъ и на свѣтъ родиться: и съ бабушкой изъ-за нихъ больше ссора бывала, они и объѣли, и обпили, отъ нихъ и въ избѣ тѣсно, и подъ ноги попадаются, на нихъ не напасешься, не наготовишься; а кажись бы, все равно, всѣ одного отца-матери дѣти ... Анъ и нѣтъ: Васька-то коро-

лемъ по избѣ ходитъ, куда захочетъ — влѣзетъ, чего захочетъ ѣсть — возьметъ, набалуетъ чтò — такъ пройдетъ; а тѣ по стѣнкамъ жмутся, дохнуть не смѣютъ, голодны, холодны — молчатъ; а вступлюсь за нихъ — меня же ругаютъ, что дѣтей баловать да пичкать цѣлый день рада, а работать-де такъ нѣтъ тебя, готовое-то, молъ, всякой съумѣлъ бы раздать да размотать, а ты поди, сама добудь да и припаси ... Горькое вамъ будетъ житье, дѣтушки ... Ужъ лучше бы прибралъ Господь васъ вмѣстѣ со мною ... И за что же, Господи, экое разное счастье-то? ... Вы хоть бы, дѣтушки малыя, изъ-за меня мучаетесь, изъ-за матери больной, негодной ... А я-то чѣмъ согрѣшила, прогнѣвала Создателя?"

Пелагея вспоминала всю свою жизнь ... Вотъ она, сиротка-дѣвочка, на господскомъ дворѣ, на посылушкахъ у барыни, худенькая, тоненькая, стриженая, въ ситцевомъ узенькомъ платьишкѣ, босая. Сидитъ она на полу, съ чулкомъ въ рукахъ, въ уголку у дверей, а барыня сидитъ у окна въ креслахъ и чай кушаетъ со сливками, съ булками. Барыня старая, живетъ одна, не злая она, а капризная, сумнительная, никому не вѣритъ, все жалуется, ничѣмъ на нее не потрафишь — все брюзжитъ, сидитъ цѣлый день и смотритъ въ окно, черезъ которое весь дворъ и всѣ службы видно. Вдругъ окликнетъ: „Палашка, поди бѣги, спроси приказчика, зачѣмъ въ амбаръ ходилъ", или: „Спроси кучера: отчего рыжій припадалъ, какъ на водопой вели", или: „Поди посмотри, что Иванъ съ Марьей въ людской дѣлаютъ: сейчасъ онъ туда прошелъ, а впереди его Машка пробѣжала; поди послушай, о чемъ въ людской, али на скотной, али въ дѣвичей,

говорятъ, да, смотри, скажи всю правду̀, смотри у меня ...“ И бѣжитъ Палашка, и надоѣдаетъ, спрашиваетъ, подсматриваетъ, но никогда ничего дурного до барыни не доводитъ, за что бы человѣку достаться могло, норовитъ, какъ бы прикрыть, да къ добру сказать ... А во дворнѣ ее не любятъ, барыниной доводчицей считаютъ, всякій обругаетъ, а при случаѣ и тукманку дастъ; барыня тоже прознаетъ, чего не сказала, не доложила — опять бѣда: точаетъ-точаетъ, пилитъ-пилитъ, милостями своими попрекаетъ, а иной разъ нарочно подведетъ передъ людьми, скажетъ: „Я отъ Палашки слышала, мнѣ Палашка докладывала“, чего у той и на умѣ не было, подводитъ нарочно, чтобы люди ея не любили, а чтобы она одной ей служила, на нее одну надѣялась. А какъ кого обругаетъ, будто бы по Палашкинымъ словамъ, такъ въ тотъ день нарочно ей и подачку дастъ и ѣсть ее пошлетъ въ дѣвичью, чтобы всѣ знали и видѣли, что Палашка при милости, при ручкѣ при барской за то, что на ушкѣ у барыни лежитъ. Хорошо ли ужъ тутъ было житье сиротѣ на зубахъ у цѣлой у дворни? Подачку эту барскую, какъ ни сладка она, лучше бы собакѣ бросилъ или съ поклономъ кому отдалъ: на, батюшка, возьми, только не ругай, не срами, не доносчица я ...

И никто того не домекнулъ, что не радость Палашкѣ безвыходно цѣлый день около барыни съ чулкомъ сидѣть: лучше бы она никогда барскаго куска не знала, легче бы ей на послѣдней черной работѣ быть, что крестьянскіе мальчишки-дѣвчонки дѣлаютъ, чѣмъ въ этой неволѣ, да на срамотѣ этакой жить. Да какъ не легче: бывало, смотритъ, завидуетъ на своихъ однолѣтковъ: то не работа, а праздникъ, гулянка: въ навозницу ли — ребятишки

и дѣвчонки лошадей подъ уздцы съ возами водятъ, а назадъ ѣдутъ въ пустыхъ телѣгахъ, стоятъ, лошадьми правятъ, погоняютъ ихъ, покрикиваютъ, хохочутъ; сѣнокосъ ли — сѣно сгребаютъ, на воза подаютъ, на возахъ ѣдутъ; въ жнитво — опять праздникъ, опять катанье на сноповой телѣгѣ; а тамъ за грибами, за ягодами пошли; о праздникахъ свои хороводы водятъ, пѣсни поютъ. А ты смотришь на все это только издальки, да завидуешь ...

„Господи, и малымъ-то недоросткомъ я ровно не люди жила“, думала про себя Пелагея, вспоминая свое дѣтство; „бывало, урвусь лѣтомъ-то, выбѣгу на деревню, такъ и товарокъ-то у меня никого не было, никто и водиться-то со мной не хотѣлъ, и тамъ кликали барской наушницей; бывало, попрыгаю на одной ногѣ, одна, сама съ собой, пѣсню запою, да и заплачу и затихну, и гулянка не въ гулянку ... Нѣтъ, видно, ужъ меня Господъ такъ зародилъ безсчастной, неключимой ...“

А вотъ и подросла Палашка, Пелагеей стала, говорятъ красива, только не тѣльна была. Лакейство начало приставать: кто за плечо ухватитъ, кто ущипнетъ, иной и совсѣмъ облапитъ; самъ приказчикъ съ сережками напрашивался, да не до того ей было. Старая барыня начала хирѣть, съ креселъ на диванъ перешла, а потомъ и вовсе въ постель легла, Пелагеѣ своей любимкой быть приказала. „Я, говоритъ, тебя, сироту, вспоила-вскормила, мной ты только и жила, и дышала, а теперь, говоритъ, ты, при концѣ моей жизни, меня не оставь, походи за мной, а я безъ тебя жить не могу, привыкла къ тебѣ, и ты мой обычай знаешь, никто лучше тебя за мной не уходитъ. Ты меня не оставишь, и я тебя не оставлю: награжу, по вѣкъ жизни довольна мной бу-

дешь. Побожись, говоритъ, что ты меня, старуху, не бросишь, хошь и воля выйдетъ". А тогда воли ждали. „Тѣмъ, говоритъ, никому я не вѣрю, тѣ всѣ воры, разбойники, одной тебѣ я вѣрю; а уйдешь ты, меня всю разграбятъ, да и уйдутъ, воды подать некому будетъ. Побожись же". Образъ заставила снять. Побожилась ей Пелагея, образомъ образовалась, да такъ цѣлыхъ два года, почитай, изъ ей комнаты и не выходила. Мѣсяца три изъ своихъ рукъ изъ ложечки барыню кормила: та владѣнья лишилась. Чувствовала старуха все это стараніе Пелагеи, два платья подарила, старый салопъ подарила, всѣ ключи ей отдала, все бумагу собиралась писать, да такъ и просбиралась: вдругъ и языкъ Богъ отнялъ. Что тогда съ дворней-то было: точно и самъ-дѣлѣ разбойники, такъ вездѣ и тащили и изъ сундуковъ, изъ чулановъ, изъ погребовъ тащили, сбрую всю раскрали, шкворня желѣзнаго въ телѣгѣ не осталось. Сколько разъ до комодовъ добирались, что въ спальной стояли; Пелагею оттуда выманивали и подговаривали, и стращали, думали, что она всѣмъ покорыстуется; батюшку-попа подсылали раза три; тотъ Пелагею допрашивалъ, страшнымъ судомъ грозилъ, просилъ показать, гдѣ деньги лежатъ, чтобы въ церковь спрятать, а она не знала и сказать ничего не могла. За цѣлые сутки до смерти старой барыни разные господа-чиновники изъ города понаѣхали, тоже все Пелагею пытали, разспрашивали, а какъ только умерла старуха, выгнали Пелагею вонъ изъ спальной и начали переписывать все, что осталось. Искали все денегъ, да не доискались; были ли, нѣтъ ли онѣ, только самая малость на лицо явилась: то ли старуха ихъ куда запрятала, то ли приказчикъ какъ выудилъ, говорили и на господъ чиновниковъ, а

больше всѣ думали на Пелагею, что деньги она затаила. Много тогда она изъ-за этихъ денегъ и страху, и муки видѣла, и слезъ пролила ...

На этомъ воспоминаніи Пелагея заснула, какъ будто память о хорошемъ честномъ дѣлѣ успокоила ее и принесла забвеніе настоящаго въ тихомъ снѣ. Но мы знаемъ продолженіе ея исторіи.

Пріѣхали новые господа, поговорили съ Пелагеей, сначала лаской, потомъ тоже стращать принялись, а подъ конецъ ни за что, ни про что воровкой обругали и велѣли вонъ идти, куда глаза глядятъ, но даренаго не отобрали: и платья, и платки, и салопъ отдали. А въ ту пору и эта воля вышла. Куда идти, что дѣлать? Знакомыхъ никого, родныхъ одна двоюродная сестра замужемъ въ сосѣдней вотчинѣ жила. Къ ней Пелагея и поѣхала, чтобы хоть посовѣтоваться на первыхъ порахъ. Не прожила она у нея двухъ сутокъ, не успѣла еще подумать куда идти: въ городъ ли, или къ сосѣдямъ, помѣщикамъ, кому наниматься въ услуженіе, какъ Агафья и сватовъ засылаетъ. Баба она себѣ на умѣ, думала, что Пелагея съ деньгами да невѣсть съ какимъ богатствомъ уѣхала, что сундукъ съ собой увезла, потому больше и посваталась. Сестра Секлетея, которая не мало мылила сестрѣ голову, что она съ пустыми руками изъ экого дома отъ этакого счастья ушла, тотчасъ же посовѣтовала ей идти замужъ, чѣмъ шататься по чужимъ домамъ.

— Какъ-ни-какъ, да хоть по крайности своимъ домомъ будешь жить, сама себѣ хозяйкой, — говорила Секлетея. — Я вотъ сама во дворѣ жила и теперь не больно пироги-то ѣмъ да чаи-то распиваю, забыла, какой и скусъ-то въ нихъ, а ни за что не пойду въ чужіе люди, въ услуженіе. Ужъ это по-

слѣднее дѣло: хоть щей горшокъ, да самъ большой. Ужъ какъ ни плоха моя жизнь, а все я около своей печки, меня отъ нея, кажись, золотомъ обсыпь — не отманишь ...

— А свекровь-то? — нерѣшительно возражала Пелагея.

— Ну, что свекровь! ... Извѣстно, лучше кабы ея не было. За то у тебя будетъ мужъ: онъ парень ничего, смирный, и изъ себя не дуракъ. Свекровь-то вѣдь не вѣчная: долго ли, коротко ли, а все ты хозяйкой въ дому будешь. Вотъ, какъ бы ты не была дура, да умѣла себѣ приберечь въ барскомъ-то дому, такъ извѣстно, я бы тебѣ сама не посовѣтовала за Петра идти, а теперь, коли онъ тебѣ по мысли, такъ съ пустыми-то руками чего тебѣ ждать ... Развѣ-что больно не по мысли ...

— Нѣтъ, онъ по мнѣ ничего ...

— Ну, такъ и думать нечего, выходи. А ужъ ты дай мнѣ, на меня надѣйся: я всю переговорку за тебя поведу замѣсто матери.

Пелагея сообразила, что если она умѣла услужить и уживаться съ капризной барыней-старухой, такъ ей нипочемъ будетъ ужиться и со свекровью, а мысль имѣть свой домъ, свое хозяйство, сдѣлаться все-таки самостоятельнымъ человѣкомъ, манила ее, какъ самая завѣтная мечта; къ тому же, женихъ былъ кудрявый, молодой, а сердце Пелагеи до сихъ поръ было совершенно свободно, Агафья же (разсчитывая, конечно, на деньги невѣсты, какъ сообразила уже послѣ Пелагея) притворилась такой доброй, уступчивой, ласковой.

Пелагея рѣшилась и скоро сдѣлалась женою Петра. Агафья, подозрѣвая, что у Пелагеи есть такія деньги, о которыхъ говорить не годится, не заво-

дила о нихъ рѣчи, а Секлетея съ своей стороны съ умысломъ умалчивала объ этомъ вопросѣ, основательно предполагая, что Агафья, пожалуй, пойдетъ на попятную, если узнаетъ, что у Пелагеи ничего нѣтъ. На очень осторожный и политичный вопросъ Агафьи, что, вѣроятно, дескать, будущая невѣстушка что нибудь да зажила въ господскомъ домѣ, Секлетея такъ же уклончиво и политично отвѣчала, что навѣрно не знаетъ, пытать не пытала сестру объ этомъ, а видѣла у нея сундукъ, большой, и въ немъ не то что платья, а и салопъ есть мѣховой, лисій. Считая будущую невѣстку богатою, Агафья справила и богатую свадьбу, даже заняла на нее, а Пелагея, чтобы сдѣлать себѣ пристойное по крестьянству приданое, должна была продать съ помощью Секлетеи всѣ барскіе подарки, — и пріѣхала въ домъ мужа съ пустымъ сундукомъ. Это было первое обстоятельство, которое съ первыхъ же дней вооружило Агафью противъ невѣстки и поселило къ ней большое неудовольствіе, которое потомъ превратилось въ прямую ненависть. Агафья никогда не могла забыть и простить невѣсткѣ своей ошибки, своего разочарованія, и вымещала ихъ на ней. Можетъ быть, уступчивость и трудолюбіе Пелагеи примирили бы ее впослѣдствіи со свекровью, еслибъ она не была непривычна къ крестьянской работѣ и на бѣду не захворала на другой же годъ замужества. Агафья надѣялась быть богатой, жить въ довольствѣ и на покоѣ, а вмѣсто того она видѣла, что семья съ каждымъ годомъ прибываетъ, работы у нея все больше и больше, помощи ниоткуда, нужда и бѣдность растутъ и растутъ. Единственной виновницей всего этого она считала Пелагею. Сама дѣятельная, неутомимая работница, никогда не знавшая ни уста-

лости, ни болѣзни, она не могла понять и повѣрить болѣзни Пелагеи: она объясняла ее себѣ лѣнью, притворствомъ бѣлоручки, которая сначала попробовала, каковъ крестьянскій хомутъ, а потомъ увидѣла, что тяжелъ, и притулилась, легла, точно норовистая лошадь, которая сначала дернетъ возъ, а какъ почуяла, что тяжело, такъ и упрется, ни съ мѣста, либо повалится на землю. „И хошь ты ее убей, хошь ты ее зарѣжь — съ мѣста не сдвинешь“, разсуждала про себя Агафья; „отъ человѣка и до скота все едино. Что худа-то да тѣломъ тонка, такъ это такъ у нея, кость такая, да и отъ ребятъ: нѣтъ, не носила бы каждый годъ, кабы экая болѣзнь была, не до того бы“. Этотъ послѣдній аргументъ всего больше говорилъ въ глазахъ Агафьи противъ Пелагеи, тѣмъ болѣе, что увеличеніе семейства увеличивало нужду и заботы.

Жизнь Пелагеи съ каждымъ годомъ замужества становилась все тяжелѣе, мучительнѣе. Свекровь не только лишила ее какого либо малѣйшаго права въ домѣ, но какъ будто находила особенное удовольствіе изыскивать и дѣлать все для нея непріятное: стоило ей только приласкать котораго нибудь своего ребенка, чтобы тотъ немедленно получилъ отъ бабушки или тычокъ, или трясоволоску; стоило ей проговориться, что пора бы покормить дѣтей, чтобы обѣдъ или ужинъ замедлился; а ужъ къ попрекамъ, брани, оскорбленіямъ она почти привыкла: не было угла, изъ котораго бы ее не выгнала свекровь, не было мѣста, гдѣ бы она не мѣшала; не съѣла она куска не оговореннаго. Только и отдыхала Пелагея въ тѣ часы, когда свекровь уходила въ поле и она оставалась одна со своими ребятишками. Старшаго, Ваську, бабушка успѣла уже вооружить противъ

матери: онъ не только не слушался и не любилъ ее, но даже дразнилъ и смѣялся надъ нею. Жизнь эта была хуже каторги, но Пелагея переносила ее безропотно, считая себя виноватою передъ всѣми за свою безполезность. Она никогда не отругивалась, никогда даже не возражала свекрови, а эта молчаливость еще болѣе раздражала и злила Агафью: она не умѣла объяснить ея ничѣмъ, кромѣ упорства. Такія трудолюбивыя, дѣятельныя натуры, какъ Агафья, въ крестьянствѣ полную бездѣятельность, полное спокойствіе лежанья считаютъ величайшимъ благомъ, и Агафья думала, что Пелагея пользуется этимъ благомъ и упорно отстаиваетъ за собою это благо. Подчасъ она просто завидовала ей, и эта зависть усиливала ея ненависть. Трудно понять, какъ при такихъ отношеніяхъ такія двѣ натуры еще такъ долго могли ужиться вмѣстѣ безъ какой нибудь катастрофы; но ни Агафьѣ, ни Пелагеѣ до сихъ поръ никогда не приходило въ голову, что ихъ что нибудь можетъ разлучить, кромѣ смерти. Возвращаясь домой съ работы, Агафья каждый разъ отворяла дверь избы съ готовой бранью и попрекомъ, которые должны были обрушиться на невѣстку, а Пелагея каждый разъ, ожидая возвращенія свекрови, готовилась къ этой брани и упрекамъ. Но вотъ, въ послѣдній, роковой день, Пелагея, въ отсутствіе свекрови, надумала сходить къ знахаркѣ, которую ей указывали въ сосѣдней деревнѣ. Какъ она ни старалась воротиться домой до возвращенія свекрови, но силъ ея не хватило: деревня находилась въ пятишести верстахъ, Пелагея устала, должна была отдыхать не разъ на дорогѣ, пришла домой уже поздно вечеромъ. Агафья, когда воротилась къ себѣ въ избу и не нашла своей жертвы дома, то сначала

даже остолбенѣла отъ удивленія, потомъ злоба въ ней закипѣла, и, съ минуты на минуту ожиданія, доходила до бѣшенства. Мысль, что въ то время, какъ она работаетъ, убивается, эта потихоня, притворщица, лежебока гуляетъ невѣдомо гдѣ, выводила ее изъ себя. „Погоди-жъ ты, погоди-жъ ты!“ говорила она, угрожая, но сама не знала еще, что бы ей такое сдѣлать со своимъ врагомъ. За отсутствіемъ обычной жертвы, она напустилась на сына, попрекая его въ потворствѣ и баловствѣ.

— Да что же мнѣ съ ней дѣлать-то? — беучастно отозвался Петръ, лежа на полатяхъ.

— А вотъ, какъ бы ты хорошенько поучилъ бы ее, такъ и хворость эту какъ рукой сняло.

— Такъ ужъ пыталъ я ее бить-то, кажись, по твоему же указу, такъ что корысти-то? Только хуже: лежитъ послѣ того пластомъ. Что же мнѣ, убить, что ли, и самъ-дѣлѣ?

— Ну, такъ вотъ ты знай: я ее прогоню ... Больше дѣлать нечего! — какъ-то даже радостно вскричала Агафья, точно ее вдругъ осѣнила счастливая мысль, которую она давно искала съ мучительными усиліями и наконецъ нашла. — Прогоню, вовсе изъ дома прогоню: пущай на сторонѣ живетъ, сама себѣ хлѣбъ промышляетъ. Нѣтъ, ужъ у насъ силушки не хватаетъ работать про нее.

— Что-жъ, прогони: разѣ мнѣ жаль ... Она сама мнѣ опостыла ...

— И прогоню, вотъ свѣтецъ зажгу, всю ночь буду ждать въ останный разъ; и какъ воротится, придетъ въ избу, такъ и выгоню, переночевать не дамъ. Нѣтъ, ужъ спасибо, я измаялась съ ней, видѣть я ея не могу ...

И вотъ, когда неожиданное намѣреніе Агафьи

было исполнено, когда она вытолкала невѣстку и заперла за ней дверь, она воротилась въ избу, взволнованная еще, но успокоенная, примиренная, точно она достигла давно желаемаго, точно покончила какое запутанное дѣло, разрѣшила къ общему удовольствію мучительную, долго неразрѣшаемую задачу. Она спокойно помолилась Богу, спокойно уснула.

Мужъ Пелагеи, Петръ, давно уже охладѣлъ къ ней. Онъ продолжалъ еще смотрѣть на нее, какъ на свою самку, но вся маленькая способность любви, которою было одарено его сердце, въ послѣднее время сосредоточилась на его старшемъ сынѣ Васькѣ. Почему ушла его любовь именно туда, онъ не зналъ, да и не думалъ объ этомъ. Петръ принадлежалъ къ числу тѣхъ апатичныхъ натуръ, которыя часто встрѣчаются въ крестьянствѣ, которыя какъ будто родились только для того, чтобы жить день за день и работать по заведенному указанному порядку, ни о чемъ болѣе не разсуждая и ко всему относясь съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ привыкъ идти, какъ указывала мать, и дѣлать то, что она велитъ; другого авторитета онъ не зналъ и не искалъ, своей личной воли онъ заявлять не хотѣлъ, да врядъ ли и имѣлъ ее. Онъ зналъ, что пока жива мать, она должна быть полной хозяйкой въ домѣ, что возражать ей безполезно, да и грѣшно и непозволительно: и Богъ не велитъ, и добрые люди не совѣтуютъ. Въ настоящемъ случаѣ полное равнодушіе его къ женѣ облегчило ему строгое подчиненіе волѣ матери. Онъ смотрѣлъ на изгнаніе своей жены такъ же спокойно, какъ бы это касалось человѣка совершенно посторонняго.

IV.

Утро только-что начинало брезжиться, Пелагея еще не просыпалась, когда Арина, поднявши всѣхъ своихъ домашнихъ, пошла къ Агафьѣ.

— Дмитревна, здравствуй! — сказала она, входя въ избу Агафьи, которая въ эту минуту хлопотала у печки.

Петръ былъ уже въ полѣ, ребятишки спали еще.

— А-а, Сергѣвна ... Добраго здоровья! — привѣтствовала ее Агафья, не оставляя своей работы. — На полосу, что ли, собралась? ... Что больно рано: неужто управилась ужъ съ печью-то?

— Нѣту, я къ тебѣ нарокомъ ...

— Нарокомъ? — переспросила Агафья и съ недоумѣніемъ и любопытствомъ оборотилась къ Аринѣ и оперлась на ухватъ, который былъ у нея въ рукахъ.

— А что?

— У меня сегодня ночлещица ночевала.

— Ночлещица? Какая ночлещица?

— Ваша Пелагея ...

Арина пристально, прямо въ глаза, смотрѣла на Агафью.

— Ахъ, а я думала, что ... Легче бы ты мнѣ про нее не поминала, — проговорила съ сердцемъ Агафья и отвернулась опять къ печкѣ.

— Да что у васъ съ ней вышло? ...

— Что вышло? ... Ничего не вышло ... Надоѣла она мнѣ, все мое брюшенько переболѣло, глядя на ея прокуратство: лежитъ, ничего не дѣлаетъ ... Взяла да и выгнала ... Такъ она нечто къ тебѣ постучалась?

— Да ... Слышь, ночевала у меня ...

— Ишь ты, подлая ...

— Да куда же ей дѣться-то ночью, коли изъ дома выгнали? ...

Агафья промолчала и засунула голову въ печь, подставляя къ огню горшокъ.

— Чай, поди, жалобилась тоже, расписывала меня? — спросила Агафья, больше изъ празднаго любопытства, чѣмъ по какому иному побужденію.

— На судьбу свою жалобилась, на болѣсть свою ... Объ дѣткахъ плачется ...

— Нечего ей объ нихъ плакаться-то: и безъ нея проживутъ не хуже ... Не много она на нихъ радѣла да промышляла, только и живы, что мной да отцомъ ... Ей и одной-то себя не прокормить, не то, что четверыхъ ребятъ ...

— Да гдѣ ей себя прокормить: чего съ хвораго человѣка взять ... Не знаю, какъ она жить-то будетъ ...

— А ну ее ... Я и думать-то не хочу, я рада, что съ плечъ сбыла ... Нѣтъ, Сергѣвна, ты бы пожила съ ней съ эстолько, какъ я-то ... Вѣдь вотъ, почитай, шестой годъ она у меня ровно барыня на готовыхъ харчахъ жила, а я ровно у нея раба ... Вѣдь она въ лежку лежитъ, рукъ не переложитъ ... Ребятъ, вонъ, обшивать, такъ и тѣхъ не поспѣвала ... Вотъ мнѣ какую Богъ невѣстушку далъ, помощницу-то какую хорошую ...

— Что же противъ Бога-то подѣлаешь, коли такое на человѣка наказаніе послалъ: болѣзнь этакую, невладѣніе ... Ничего, матушка, не подѣлаешь ...

Арина вздохнула.

— Да ты ей вѣришь, что ли? ... Полно-ка, Сергѣвна: все прокуратитъ, все прикидывается.

Нѣтъ, кабы невлашна была, не бѣгала бы до Ломовъ... Ломы-то, слава Богу, шесть верстъ, что больше... Къ лекаркѣ, говоритъ... А почемъ я знаю, къ кому... Вотъ захотѣла, такъ сбѣгала и за шесть верстъ. Ни въ жизнь я ей не повѣрю...

— Нѣтъ, я такъ вѣрю... Да это сейчасъ и по виду видно, что больной человѣкъ, слабый... Смотри-ка ты, ровно рушникъ бѣлая, а тѣломъ-то: взять — щепка худая...

— Это, матушка, худоба-то ея брюхомъ... Она и безъ того-то костлявая, а носи да носи дѣтей, извѣстно похудѣешь... А бѣла-то, такъ какъ ей бѣлой не быть; съ малолѣтства въ затворѣ, въ барскихъ хоромахъ жила, да и замужемъ-то живетъ изъ избы ни шага — поневолѣ бѣлая будешь... Нѣтъ, кабы она хоть съ полъ-наше спину-то на полосѣ погнула, бѣль-то бы, небось, заржавѣла... А то ей съ пола-горя: и день-деньской, и ночь-ноченскую, съ печи да на полати, съ полатей да на лавку... Какъ бѣлой не быть! ... Нѣтъ, ты и не говори со мной про нее... Не мути моего сердца. Нѣтъ, вѣдь я отъ нея не слезами, а, можетъ, кровью плакала... Изъ-за нея у меня вся спинушка, всѣ плеченьки изломаны... Я старуха, мнѣ бы ужъ на покой пора, такъ я на нее служить не согласна... Я съ ней теперь развязалась-то, такъ точно я въ полѣ убралася, точно у меня изба-то умылась безъ нея... Вотъ она мнѣ какъ надокучила...

— Такъ развѣ ты ужъ ее совсѣмъ прогнала и не пустишь больше? ...

— А то какъ же? ... Знамо, не пущу... Ни въ жизнь... Издохну развѣ, ну, такъ тогда Петрунька какъ хочетъ, тогда его дѣло, не мое...

— Да какъ же ты, Дмитревна, законъ-то раз-

водишь? Какъ же мужъ-то безъ жены останется? . . .

— Э, матушка . . . Мужикъ — мужикъ и есть, — найдетъ . . . Ты сама, слава Богу, довольно на свѣтѣ жила, всего довольно видала, все знаешь . . . Чѣмъ другимъ, а этимъ, матушка, не обидишь мужика: небось, онъ завсегда найдетъ . . .

— Нѣтъ, да я не про то . . . А какъ же ты законъ-отъ разведешь: вѣдь они мужъ-жена законные, въ церкви вѣнчаны: кто же ихъ развести можетъ? Вотъ я про что . . . .

Арина опять пытливо и упорно посмотрѣла на Агафью.

Агафья не нашлась, что отвѣтить на это, но внутренно разсердилась, что видно было по ея порывистымъ, суетливымъ движеніямъ, съ которыми она снова принялась за свою хлопотню около печки, оставленную было во время разговора.

— Да ты, Сергѣвна, что? Съ подсыломъ ты, что ли, отъ нея? — обратилась она вдругъ, прервавъ неловкое молчаніе. — Такъ ты вотъ что: возьми ты ее къ себѣ, я тебѣ даромъ отдамъ . . . Вотъ! . . . И держи у себя экую работенку дорогую, и корми ее, и ходи за ней . . . Вотъ! . . . Коли больно вступаешься . . .

Агафья ядовито и злобно смотрѣла на Арину; деревянное лицо ея въ эту минуту какъ будто даже освѣтилось умной насмѣшливой улыбкой. Видимо, она очень была довольна собою за эту выходку и внутренно смѣялась и торжествовала. Сергѣвна на этотъ разъ тоже разсердилась: брови ея нахмурились, добрые глаза сдѣлались суровы.

— Что мнѣ, матка, брать ее къ себѣ, — отвѣчала Арина: — она мнѣ не невѣстка, у меня нѣтъ отъ нея

внучатъ, не моего сына она жена; у меня своя семья . . . А будь у меня достатки, не нужда моя, точно что взяла бы ее, болѣзнаго человѣка, для Бога бы стала ходить за ней и прокормила бы, а ужъ свою невѣстку не вытолкала бы за порогъ отъ мужа, отъ малыхъ дѣтей! . . . Вотъ тебѣ истинно говорю, на Бога сослаться . . .

— Ну, да что говорить: тебѣ и дорога въ рай, а намъ, видно, и въ аду мѣста не будетъ . . . Чужую-то бѣду и я руками разведу . . . Чужая-то ноша не тянетъ . . . Бы-да-бы . . . Вотъ погоди, коли у тебя что повстрѣчается, какая бѣда, и я приду къ тебѣ, такіе ли разводы разведу, про всякую свою добродѣтель тебѣ разскажу . . .

— Да что ты меня накликаешь? Я за добромъ къ тебѣ шла, а не со зла . . .

— Нечего было и ходить-то, въ чужое дѣло мѣшаться . . . Я сама не меньше тебя на свѣтѣ живу . . .

— Всякъ живетъ, да не у всякаго одна думка, всякъ, видно, по-своему, — проговорила Арина, вставая. — Прощай, коли. Браниться-то мнѣ съ тобой не пристало: не за тѣмъ я приходила.

Арина медленно, съ достоинствомъ пошла къ дверямъ.

— Скажи-ка ты ей лучше, — говорила вслѣдъ ей Агафья, — чтобы она ни подсыловъ не присылала, ни сама ко мнѣ не совалась: пути не будетъ, меня не перемнешь, я сама въ семи ступахъ мята . . . Выгнала, такъ ужъ не приму, хоть кого подсылай . . .

Оставшись одна, Агафья продолжала сердиться и ворчать до тѣхъ поръ, пока не истопилась печка и не пришло время идти въ поле, на жнитво. Уходя, она оставила избу и маленькихъ дѣтей подъ надзо-

ромъ Васьки, котораго погладила по головѣ, а остальнымъ погрозила кулакомъ; впрочемъ, не забыла каждому изъ нихъ дать по куску хлѣба. Хлѣбъ этотъ мало посоленъ былъ солью, но круто приправленъ попреками и бранью, но, по-правдѣ сказать, не отъ сердца, а такъ, по привычкѣ, ради порядка.

V.

Пелагея проснулась въ отсутствіе Арины. Въ избѣ было движеніе, разговоръ: многочисленная семья хозяйки завтракала, сбираясь на жнитво. Около стола, стоявшаго въ переднемъ углу, сидѣли два сына Арины: одинъ женатый, другой еще женихъ, невѣстка и двое дѣтей-подростковъ; дочь, пожилая уже дѣвушка, запоздавшая невѣста, замѣняла хозяйку, хлопотала около печки, пекла ячныя аладьи и подавала ихъ на столъ, не забывая отъ времени до времени подливать въ глиняную плошку горячаго паденья (подонки отъ масла), въ которое завтракавшіе макали аладьи для сдобы. Шелъ отрывистый, несвязный разговоръ, сопровождаемый аппетитнымъ чавканьемъ. Пелагея прислушалась: говорили про нее!

— Ночью пришла? — спрашивалъ старшій братъ.

— Въ самую въ ночь, — отвѣчала сестра. — Я слышала, на полатяхъ спала, и ее видѣла: матушка огонь вздувала ...

— Ревѣла?

— Ровно рѣка льется ...

— До кого ни доведись: ну-ка, отъ родныхъ дѣтей прогнали, — отозвалась со вздохомъ невѣстка.

— Петрухѣ, видно, она ужъ опостыла, — замѣтилъ младшій братъ.

— Противъ матери-то не что̀ сдѣлаешь, — возразила сестра. — Можетъ, и не опостыла, да коли мать-то гонитъ, такъ что ты подѣлаешь? . . .

— Все-жъ-таки . . . Всячески онъ мужъ . . .

— Такъ что же, что мужъ? . . . Все мать-то больше, — настаивала сестра. — Не мать же изъ дома вонъ гнать . . . А она работница-то какая, хоть бы Агафья, весь домъ на ней одной держится . . .

— Опять же и бѣдность у нихъ, братецъ ты мой . . . Бѣда! Дѣтей куча, матери ровно нѣтъ: хворая . . . Бѣда, не приведи Христосъ! . . . И Агафью-то тоже судить какъ, неизвѣстно! — замѣтилъ съ своей стороны старшій братъ.

— Подавать аладьевъ-то еще, али будетъ, сыты? — спросила сестра.

— Я сытъ, доволенъ, — отвѣчалъ молодой парень, вставая. — Вона, солнышко обогрѣвать стало: чай, обсохло, въ поле пора . . ! Какая седни ночь была холодная. Спалъ я въ сараѣ — иззябъ даже . . .

— Да ужъ утренники скоро пойдутъ . . . Пора и въ избу перебираться . . .

— И въ избѣ-то, парень, не сладко: мухи жоромъ-жрутъ . . . Таковы злы, таковы злы стали, окаянныя, — замѣтила сестра.

— Да и утѣсненіе у насъ въ избѣ-то большое, — прибавила невѣстка . . .

— Давно говорю матушкѣ: надо бы другую избу справлять: какъ не тѣсно экой семьѣ, — поддержалъ ее мужъ. — Какія, братецъ мой, срубища Иванъ Макаровъ купилъ; в-вотъ срубы . . . Въ охватъ . . .

— Гдѣ?

— Въ горѣ . . . Изъ казеннаго . . . Важные срубы . . . И дешево далъ . . .

— Тамъ сходно ...

— Ничего, еще и въ этой избѣ годокъ-другой поживемъ: въ тѣснотѣ люди живутъ, — сказала сестра. — Вось, Ванюшку женить будемъ, его въ новую-то избу и посадимъ ... Пущай съ молодой женой проклажается ...

— Чтой-то, я меньшой братъ, — возразилъ Иванъ, — а малый братъ завсегда на корени остается ... Мы лучше Андрюху въ новую-то избу высадимъ ...

— Какова изба будетъ, братчикъ, — вмѣшалась невѣстка: — можетъ, и ты въ новую запросишься ...

— Полноте, постойте еще дѣлиться-то, ничего не видя, — остановила сестра съ замѣтнымъ неудовольствіемъ въ голосѣ: — шли бы лучше въ поле ... Смотри-ка, люди всѣ ужъ прошли съ серпами ... И я вотъ матушки дождусь, да къ вамъ приду ...

— И впрямь! — согласился старшій братъ. — Сегодня бы дожать рожь-то, коли бы погода ... Вотъ бы ... Пойдемте-ка ...

— Сестра Александра, а ты хворую-то покорми аладьями-то, какъ выспится да встанетъ, — говорилъ Иванъ, надѣвая шапку и кладя на плечо серпъ.

— Такъ неужто? ... Не знають безъ него: его не спросили ... Ишь ты, лоботрясъ! ...

— Онъ къ бабамъ-то радѣленъ, какъ я же, — пошутилъ старшій братъ, выходя изъ избы вслѣдъ за Иваномъ.

— Всѣ вы радѣльны ... Да! ... А захворай только, такъ тоже, пожалуй, вонъ погонишь, — проговорила жена его, слѣдуя за мужемъ ...

Въ избѣ затихло. Осталась одна только Александра. Ребятишки юркнули изъ избы еще прежде старшихъ, тотчасъ какъ съѣли послѣднюю аладью. Пелагея лежала неподвижно, слушая семейный раз-

говоръ. Ей было и совѣстно показаться передъ сторонними людьми, которые знали, что она выгнана изъ своего дома, и тяжело слушать ихъ разговоры о себѣ, ихъ предположенія о нелюбви къ ней мужа, ихъ невольныя оправданія Агафьи за изгнаніе безполезнаго, лишняго члена семьи.

— Вотъ и добрая, и хорошая семья, — думала про себя Пелагея, — а нѣтъ же ко мнѣ большой жалости, никто не сталъ за меня, никто не винитъ матушку, а всѣ правятъ и ее, и мужа. Неужто же я и вправду виновата въ томъ, что хворая, и подѣломъ терплю на бѣломъ свѣтѣ?

Она не рѣшалась встать и сойти съ печи даже къ одной Александрѣ, и поднялась только тогда, какъ вошла Арина.

— Что, али спитъ Пелагеюшка-то, — спросила Арина, войдя въ избу.

— Не вѣдаю, не слѣзала съ печи ... Молчитъ, видно, спитъ ...

— Нѣту, родима баушенька, не сплю ... Я давно не сплю ...

— Что же не слѣзаешь: али неможется? ...

— Я тебя, баушка, ждала ... Тотчасъ слѣзу ... Что ты мнѣ какую хорошую вѣсточку принесла? ... Здравствуй, Александра ... Не обезсудьте вы меня, Христа ради ...

— Здорово живешь, Пелагеюшка ... Садись вотъ, поѣшь ... Я-те аладушекъ припасла ... Вотъ вмѣстѣ съ матушкой: и та еще не завтракала.

— Садися, садися, — подхватила Арина, — и впрямь, чай, ѣсть хочешь.

— Покорно благодарствуйте, родимыя. Не до ѣды мнѣ, а вотъ бы какъ ты мнѣ, баушка, разсказала: какой ты мнѣ резонъ-то принесла.

— Эхъ, не хочется мнѣ и говорить-то: лучше бы я не ходила ... Никакого пути изъ того не вышло: не совладаешь съ твоей Агафьей, и слушать ничего не хочетъ ...

— Я того и ждала.

— Да погоди, дѣвка: я другое надумала. Всю дорогу шла, все въ землю смотрѣла, все думала. Коли это не поможетъ, не знаю, какой и совѣтъ тебѣ тогда дать.

— Что же ты, баушенька, надумала обо мнѣ, горькой ...

— А вотъ что: ты вотъ поѣшь сначала, а послѣ того поди къ своему Петру въ поле: онъ одинъ теперь, боронитъ; и попытай его, поговори. Можетъ, онъ усовѣститъ мать-то, жена же вѣдь ты ему, жалко же вѣдь, чай, ему тебя ... А будетъ очень къ матери-то приставать: вѣдь не каменная же она ... Ну, да спытай его во всемъ, что онъ тебѣ скажетъ ... А коли и отъ него пути никакого не будеть, такъ тогда къ батюшкѣ, отцу Ѳедору, идти мой совѣтъ тебѣ будетъ, попросить его: пущай онъ отъ божественнаго со старухой-то поговоритъ, посовѣститъ ее, а то и попристращаетъ ... А больше того я не знаю, что и посовѣтовать тебѣ. Живи разѣ у меня: авось, Александра, прокормимъ больного человѣка отъ нашей семьи, для ради Бога ... Пущай же Агафьѣ хоть на совѣсть-то ляжетъ ...

— Нѣтъ, баушка Арина, велика твоя добродѣтель, а тѣмъ я не покорыствуюсь: совѣсть у меня не поднимется, у тебя у самой семья большая, да и человѣкъ ты мнѣ не родной, чужой, сторонній ... Покорно тебѣ благодарствую на томъ: все, чему учишь, все сдѣлаю, а нѣтъ, жить не пойду ... Все

спытаю, что говоришь, а не возьметъ — пойду къ сестрѣ Секлетеѣ: она не прогонитъ меня, тамъ еще что съ ней одумаемъ ... Прощай, баушенька. Я пойду ... Коли ладовъ у меня съ Петромъ не будетъ, я и не ворочусь къ тебѣ, такъ и знай; пойду дальше къ батюшкѣ, а отъ него къ сестрѣ Секлетеѣ. А тебѣ за твое радѣнье я вотъ какъ тебѣ благодарствую ... Больной я человѣкъ ... Вотъ Богъ видитъ: вотъ какъ! ...

И Пелагея съ рыданіями повалилась въ ноги Аринѣ. Та тоже прослезилась и вмѣстѣ съ Александрой поспѣшила ее поднять и усадила на лавку.

Ее почти силой заставили поѣсть и отпустили съ пожеланіями и благословеніями. Не забыли сунуть и краюху хлѣба за пазуху.

VI.

Ласковость и привѣтливость стороннихъ людей усилили горе Пелагеи и въ то же время возбудили въ доброй душѣ ея озлобленіе противъ свекрови и мужа. Она начинала сознавать всю несправедливость, всю жестокость поступка съ нею.

„Вотъ и чужіе люди, да пожалѣли меня, уголъ дать хотѣли больному человѣку, а родной муженекъ и родная свекровушка вонъ выгнали!“ думала она, идя въ поле, гдѣ, по ея соображеніямъ, долженъ былъ работать Петръ. Пелагея шла задами деревни: она боялась встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ односельцевъ: тяжело бы и совѣстно ей было разсказывать про свое горе.

Петръ, идя за своей бороной, издали замѣтилъ подходящую къ нему Пелагею, но не остановилъ

лошади, а, напротивъ, сталъ погонять ее, чтобы скорѣй дойти до конца полосы и поворотиться къ женѣ спиною, прежде чѣмъ она подойдетъ.

„Чего лѣзетъ ко мнѣ ... Матушка выгнала — къ ней бы и шла“, мелькнуло въ головѣ Петра. „Выть, поди, будетъ“.

Онъ глянулъ по сторонамъ. Кругомъ лежало широкое, сѣрое, свѣже-взоранное паровое поле, вдоль и поперекъ перекрещенное узкими, поросшими желтой рябинкой и потемнѣвшей кашкой межниками; по одному изъ нихъ пробиралась Пелагея; кое-гдѣ, но не по сосѣдству, а вдалекѣ, мужички допахивали свои полосы. Солнышко стало уже пригрѣвать, но не высушило еще росу на травѣ и полевой паутинѣ, и играло въ ней своими лучами. Въ воздухѣ стояла еще сырость и свѣжесть.

„А пущай воетъ,—продолжалъ размышлять Петръ, поглядывая то на лошадь, то по сторонамъ: — пущай воетъ, благо никого нѣтъ по близости ... Стану молчать ... Мнѣ хоть что хошь ... Кабы еще мы одни жили ... А то мнѣ тоже съ матушкой свариться изъ-за нея не слѣдъ ... Матушка-то мнѣ за всякъ часъ пригодится: на ней весь домъ держится, а Пелагея — больной человѣкъ, за ней же ходи“ ...

Пелагея подошла къ полосѣ мужа и молча остановилась, ожидая его. Петръ подошелъ вслѣдъ за своею лошадью и даже глазъ не поднялъ на жену, точно ея тутъ и не было.

— Петръ Иванычъ! — окликнула его Пелагея, — постой-ка маненько.

Петръ нерѣшительно передернулъ возжами, не то понукая, не то останавливая лошадь, но далъ ей заворотиться, поворотился и самъ спиною къ женѣ, и

только тогда остановился и оборотился къ женѣ въ полоборота.

— Что надо? — спросилъ онъ, не смотря на Пелагею.

— Ты скажи мнѣ, Петръ Иванычъ, съ твоего согласа прогнала меня матушка отъ родныхъ дѣтей, али нѣтъ?

— Что ты меня спрашиваешь, развѣ сама не знаешь, кто тебя прогналъ?

— Знаю я; ты слова за меня не промолвилъ, точно я и не жена тебѣ, а чужая, не мать твоимъ дѣтямъ, ровно ты и самъ радъ, что хворую жену изъ твоего дома гонятъ, что придется ей по чужимъ дворамъ шляться, какъ собакѣ заблудшей, да издохнуть гдѣ нибудь подъ чужимъ заборомъ ... Ты бы такъ ужъ и молвилъ, что такое твое радѣнье ко мнѣ, съ тѣмъ бы я и ушла.

— Что мнѣ-ка ... Мнѣ все одно ... Съ матушкой у васъ ладовъ нѣтъ ...

— Такъ на кого же мнѣ теперь просить-то будетъ ... Суда-то искать: на тебѣ, или на матушкѣ? ... Ты мнѣ вотъ что молви, кто въ отвѣтѣ-то изъ васъ будетъ? ...

— Нечто судиться хошь? — спросилъ Петръ, въ первый разъ взглянувши на жену какимъ-то неопредѣленнымъ взглядомъ, къ которомъ выражалось больше всего недоумѣніе и удивленіе.

— Куда же мнѣ дѣться-то? У меня нѣтъ ни кола, ни двора, ни сродственниковъ: я безродная ... Работать у меня силушки нѣтъ ... Куда я пойду? ...

— Судись ... Намъ тоже кормить тебя не изъ чего ... Дѣтей бы поднять въ силу ... Судиться хочешь! ... Ну, судись ...

Петръ ударилъ по лошади, мызгнулъ и, не оборачиваясь, пошелъ за бороною вдоль борозды.

Пелагея молча, терпѣливо, дождалась, когда онъ снова воротился и поровнялся съ нею.

— Такъ только отъ тебя и рѣчей будетъ? — спросила она мужа. — Иди вонъ, хворая жена, постылая: кормить мнѣ тебя нечѣмъ ... Пропадай, ровно собака.

Петръ, не останавливаясь и не отвѣчая, прошелъ мимо жены и повернулъ къ ней спину.

Пелагея дождалась новаго возвращенія мужа.

— Прощай коли, Петръ Иванычъ ... Богъ тебѣ судья! — проговорила она. — Ты хошь бы слово-то ласковое молвилъ, хошь бы пожалѣлъ жену-то, чтобы ужъ знала я, что отъ одной свекрови терплю ... А ты, видно, заодно съ ней ... Куска тебѣ жаль женѣ хворой ... Небось, не объѣла бы я тебя, замѣстъ няньки коло̀ дѣтей малыхъ сидѣла бы ... А можетъ, Богъ милость свою показалъ: прибралъ бы меня, совсѣмъ тебя ослободилъ отъ меня ... По крайности, безъ грѣха ...

Но что ни говорила Пелагея, Петръ былъ молчаливъ, какъ рыба, и не обращалъ на жену ни малѣйшаго вниманія. Что-то вдругъ злое, горькое зашевелилось въ душѣ Пелагеи; она вытерла слезы на глазахъ, съ ненавистью взглянула на мужа, круто повернулась и пошла межниками въ сторону отъ деревни.

Пелагея рѣшилась искать суда, помощи и защиты. Прежде всего, по совѣту Арины, она пошла къ своему приходскому священнику.

VII.

До села было добрыхъ три версты. Когда Пелагея подходила къ дому священника, солнце стояло уже высоко. Домъ этотъ, и по величинѣ и по на-

ружному виду, отличался отъ окружавшихъ его домовъ причетниковъ: онъ былъ въ пять оконъ, подъ тесовой крышей, съ мезонинчикомъ и маленькимъ балкономъ подъ самой крышей. Пелагея робко подошла къ крыльцу; дверь въ сѣни оказалась, противъ обыкновенія, незапертою. Настежъ была отворена и дверь, ведущая изъ сѣней въ кухню. Тамъ суетилась матушка-попадья съ работницей, оттуда несло запахомъ горячаго хлѣба и кислой капусты. Пелагея переступила порогъ кухни и стала у дверей.

Попадья, круглолицая, съ рѣзко выведенными густыми, черными бровями, сердито ворчала на работницу, вытаскивавшую ржаные пироги изъ печи.

— Вотъ сыры, вотъ съ закаломъ . . . Говорила: рано кутаешь печку — жарко будетъ . . . Вотъ говорила . . . Эки остолопы, батюшки . . .

— Ну, ничего — съѣдятъ, — флегматично возражала работница.

— Чего съѣдятъ? . . . На, посмотри, ткни носомъ-то . . . Совсѣмъ съ закаломъ, и лукъ-отъ сырой, а сверху пригорѣли . . . На, на, возьми глаза-то въ зубы! — сердилась попадья, подсовывая подъ самый носъ работницы горячій, дымящійся паромъ отрѣзанный уголъ пирога. — Ткни носомъ-то . . . На . . .

— Чего суешь: вижу и такъ . . . Знамо, горячій пирогъ . . . Вотъ отойдетъ — и закалу не будетъ, — огрызалась работница.

— Не будетъ, да . . . Не знаю я тоже . . . Вишь, сырое тѣсто, вишь, — продолжала попадья, отковыривая пальцемъ кусокъ тѣста изъ середины пирога и поднося его на пальцѣ опять къ носу работницы.

— Да, ну, вижу, отстань . . . Сама бы смотрѣла ино: у меня не одно дѣло-то . . .

— Какое у тебя дѣло? . . . Жрать да спать —

вотъ ваше дѣло ... Дармоѣдки! ... Ну, какъ ты экіе пироги помочанамъ понесешь? ... Кто ихъ ѣсть станетъ? Кому въ глотку пойдетъ? ... Что добрые люди скажутъ? ...

— Все съѣдятъ, небось ... Ничего не останется ...

— Оболтусъ ты, оболтусъ, право ... Съѣдятъ? ... Знамо, съѣдятъ! ... Да ну, ворочайся, что ли ... Чай, ужъ вѣдь время и нести: вонъ гдѣ солнышко-то ... Тебѣ что? — обратилась попадья къ Пелагеѣ.

— Къ батюшкѣ я, къ отцу Ѳедору ...

— Что, треба, что ли? ... Помочь-то не дадутъ управить ... Съ какой требой-то?

— Нѣту, я не съ требой, а по своему дѣлу ... Поговорить ...

— Нашла время говорить: у насъ помочь, рожь дожинаемъ ... Чай, и въ людяхъ тоже: нигдѣ рожь-то еще не выжата, а она съ разговорами ... Вотъ какъ на помочь придти, такъ васъ нѣтъ, а вотъ поговорить, такъ она вонъ когда пришла: въ самую горечь, въ работу ... Некогда ему теперь ...

— Я подожду ...

— Да ты чья такая?

— Я Сгорьевска ...

— Да чья такая?

— Петрова я ... Агафью знаешь? ...

— Эта что хворая-то? ... Ты, что ли?

— Я самая ...

— Чего же тебѣ? ... А ты что стала? — обратилась попадья къ работницѣ, которая тоже оставила было работу, чтобы послушать разговоръ хозяйки съ прихожей бабой. — Али не каплетъ? ... Чай, тамъ народъ ждетъ, ѣсть хотятъ ... А ты и уши распустила ... Рада ...

— Поспѣютъ.

— Поспѣютъ ... У тебя все поспѣютъ ... Собирай, собирай живѣе ...

— Вотъ бы бабу-то взять: подсобила бы снести въ поле-то ... Мнѣ одной не забраться со всѣмъ то, — подала мысль работница. — Хошь бы вонъ ведра съ квасомъ отнесла, али бо что.

Мысль эта попадьѣ понравилась.

— А и то взаправду, — сказала она. — Подсобика, дѣвка: тебѣ все равно ждать-то, а тамъ еще и батюшку захватишь: можетъ и поговоритъ съ тобой ...

— Я съ моимъ удовольствіемъ, подсоблю, сколь по силамъ ... Больна я, не цѣломожна: ведеръ-то мнѣ не осилить, не стащить, а вотъ что другое ...

— Ну, вотъ пироги хошь ... А водку я сама снесу ...

— Али не вѣришь водку-то ... Небось, не выпью, — отозвалась работница. — Про насъ и въ кабакѣ водки-то довольно ...

— Ну-ка, забирайся, забирайся ... Сходи за квасомъ-то, нацѣди; а мы вотъ пока съ бабой-то здѣсь ... Пора вѣдь ...

— Вишь ты, не вѣритъ, — проговорила работница, уходя съ обиженнымъ видомъ. — Какъ же домъ-отъ пустой, что ли, покинешь: сама-то понесешь ... Всѣ уйдемъ.

— Ну, а ты проворнѣй отнеси, да и приходи назадъ, тогда я и пойду, надо же отцу-то Ѳедору тамъ помочь: одинъ не управится, хошь бы и съ дьячкомъ: тоже артель не малая, поди, чай, человѣкъ подъ двадцать жнетъ ...

— Нанималась я тебѣ бѣгать-то взадъ да впередъ, ровно оголтѣлая ...

— Да вѣдь ужъ не дамъ въ руки водки-то,

ужъ хоть что хошь говори, все одно не дамъ... Знаю я тебя довольно...

— Да наплевать мнѣ тебѣ и въ водку-то ... Что больно думаешь ... Знамо, ужъ вы, кутейники, — ады! Жить-то у васъ не какъ у людей ... Дрожитъ надъ каждой крохой ...

Попадья приготовилась было къ сильной отбранкѣ, но работница вышла изъ избы и, передъ самымъ носомъ попадьи, со стукомъ захлопнула отворенную настежъ дверь.

— Вотъ остолопъ проклятый, дармоѣдка ... пьяница! ... Носа-то утереть путемъ не умѣетъ, а тоже грубитъ ... Экой народецъ, экой народецъ нынче ... — говорила попадья.

— Отвори, баба, двери-то, душно больно, — продолжала она, обращаясь къ Пелагеѣ. — Дверями тоже хлопаетъ, ровно путная и самъ-дѣлѣ ... Нѣтъ нынче человѣчка, изойди всю округу, не найдешь путнаго человѣчка ... Ну-ка, бабка, помоги мнѣ пироги-то укласть ...

— Дай, матушка, я отнесу водку-то, — сказала Пелагея, помогая попадьѣ. — Въ цѣлости донесу: я ее не пью.

— Да она у тебя дорогой-то отобьетъ, отниметъ: она у насъ духу ея по близости слышать не можетъ ... Не знаемъ, куда запирать отъ нея: чуть не доглядишь, такъ графинъ-то и чистъ; наливки не даетъ на окно поставить настоять, и тѣ подъ замкомъ держимъ ... Нѣтъ, ужъ я сама приду водку-то подносить, ты только молви тамъ батюшкѣ, чтобы скорѣе ее назадъ къ печкѣ присылалъ. Тебѣ объ чемъ же поговорить-то съ отцомъ Ѳедоромъ нужно?

— Да объ дѣлахъ объ своихъ, матушка. По

болѣзни по моей свекровь меня изъ дома выгнала отъ малыхъ дѣтей, и мужъ тоже ея руку держитъ: такъ вотъ добрые люди посовѣтовали сходить къ батюшкѣ, не обдумаетъ ли чего объ моей головѣ ...

— Такъ это бы тебѣ не къ батюшкѣ, а по начальству ... Что тутъ батюшка сдѣлаетъ?

— А, можетъ, посовѣститъ, можетъ, его и послушаютъ, потому законъ, дѣти малыя ...

— Не послушаютъ ныньче ... Ныньче вонъ народъ-отъ какой: насилу на помочь дозовешься; батюшка-то ходитъ-ходитъ, кланяется по деревнямъ-то: свое, говорятъ, еще, батюшка, стоитъ, дай управиться; ровно и не прихожане ... Вы тоже ныньче, нечего сказать! ... А православные считаются тоже, дѣти духовныя! ... Не думаютъ того, что у батюшки-то тоже семейство, дѣти, и рожь-то перестояла, сыплется ... А на помочь-то придутъ, да еще привередничаютъ: то нехорошо, угощеніемъ недовольны, водки мало подносили ... Наработаютъ на грошъ, а съѣдятъ-выпьютъ на два ... Вотъ вы ныньче народъ-то какой ... А со славой, али за новью пойдетъ, такъ только срамъ одинъ, хоть не ходи: чуть не съ пустыми мѣшками ворочается ... Иной ровно на смѣхъ, ужъ не то что гарнецъ, а пригоршни новаго-то хлѣбца вынесетъ: на, говоритъ, батюшка, по урожаю, говоритъ, и жертвую: видно, говоритъ, плохо молишься за насъ, совсѣмъ хлѣбъ пересталъ родиться ... Вотъ ваша вѣра-то какая ныньче! ... По сѣно ужъ и ѣздить пересталъ: прежде разъ по пяти на трехъ лошадяхъ объѣзжалъ, какой сараище набивалъ сборнымъ-то сѣномъ, а въ нынѣшнее время всего-то трехъ возовъ не соберетъ ... Такъ и плюнулъ, ныньче и не ѣздилъ совсѣмъ. Такъ вотъ и живи! ... А какъ что нужно, такъ къ кому перво-

му? — Къ батюшкѣ ... Нѣтъ, вы самые неблагодарные ...-Я говорю: ты, отецъ, ничего для нихъ такъ не дѣлай, такъ лучше чувствовать будутъ. Какъ пришли о чемъ просить, такъ и отказывай: некогда, дескать, на другую требу ѣду, пріѣзжай завтра, да привези впередъ денегъ, либо хлѣба ... Вотъ, какъ онъ раза два-три съѣздитъ даромъ верстъ за пять, за семь, такъ и будетъ чувствовать ... А ужъ насчетъ чего этакого, не касающаго, тамъ посовѣтовать, али научить, такъ прямо и гони, коли съ пустыми руками, безо всякаго чувства, безо всякой благодарности пришли: иди, иди, голубчикъ, вы нынче умны стали, вольные, иди къ своему начальству ... Вотъ бы я какъ, кабы по-моему! ...

— У меня, матушка, поблагодарить нечѣмъ: я сама безъ куска хлѣба изъ дома вышла: что̀ вотъ есть на плечахъ, тутъ все мое и богатство, имущество ... Хворый я человѣкъ ...

Пелагея отерла набѣжавшую слезу.

— Да нѣтъ, не до тебя одной и говорю; а такъ, что народъ нынче весь сталъ балованный, неблагодарный ... Да мало меня батюшка-то слушаетъ ... Вожаватъ онъ больно: ото всякаго угощеніе принимаетъ, со всякимъ въ разговоры входитъ, а они вотъ какъ это чувствуютъ: что годъ, то все хуже: на счетъ ли ручного дохода, все хуже стало ... Скоро попамъ жить нечѣмъ будетъ, семью нечѣмъ поднять, изъ вѣры народъ выходитъ, изъ послушанія — я вотъ про что̀ ... А мы все еще по-божески живемъ, не притѣсняемъ, не обижаемъ и нищему подаемъ ... На, вотъ, пирожка съѣшь, коли голодна ... На, Богъ съ тобой ...

— Покорно благодарю, матушка, не хочу еще ...

— Съѣшь, съѣшь, ничего ... У меня ради Хри-

ста никогда отказа нѣтъ: вонъ на подоконницѣ завсегда куски ... Что же, пущай Бога молятъ, хоть не намъ, такъ дѣтямъ взыщется. Возьми, возьми, ѣшь.

— Нечто, и въ горло-то кусокъ нейдетъ ...

— Ну, за пазуху положи, опосля съѣшь. А вотъ Маланья зашла, провалилась ... На зло вѣдь это: долго ли двои ведра квасомъ нацѣдить ... Наказалъ меня Богъ экой работенкой ... Только и держу, что третій годъ живетъ, привыкла, а то давно бы прогнать надо ...

Въ это время снаружи въ окно кухни постучали. Попадья подошла къ окну.

— Долго ли же мнѣ ждать-то съ ведрами-то здѣсь? — послышался съ улицы голосъ работницы Маланьи. — Что бабу-то не посылаешь съ пирогами-то: вѣдь она одна-то не знаетъ дороги въ поле-то ...

— А ты что же не скажешь, а я здѣсь жду ... Сейчасъ, сейчасъ ... Поди, бабонька, съ ней ... Возьми вотъ ... неси! — Попадья навьючила Пелагею узломъ съ пирогами.

— Ты, смотри же, ворочайся скорѣе назадъ, — обратилась она къ работницѣ чрезъ окно, — да скажи тамъ батюшкѣ, чтобы рѣзалъ пироги натрое, а коли народу много нашло, такъ на-четверо, Да скажи, что матушка, молъ, сейчасъ придетъ и водку принесетъ ... Ну, ступайте. Смотри, расплещешь квасъ-отъ ... А ковшъ-отъ взяла ли?.. Что, не взяла вѣдь?.. Такъ и есть ... Вотъ ...

— Да взяла, отстань! — откликнулась Маланья, приподнимая и показывая надъ головой въ правой рукѣ деревянный крашеный желтый ковшъ. — Посмотри щи-то въ печкѣ ... Отставь — не ушли бы.

Пелагея, таща свой узелъ, старалась не отстать

отъ поповой работницы, которая, искривившись на правый бокъ, поддерживая на лѣвомъ плечѣ коромысло съ ввумя ведрами и помахивая ковшомъ въ правой, шла быстрымъ шагомъ.

— Еще бѣги, да скорѣе ворочайся, — бормотала Маланья, идя. — Не видала я твоей водки ... Ады!.. Ужъ на что хуже жизни у попа въ работницахъ ... Кажется, жилы-то рады вытянуть у человѣка, а все дармоѣдка, да лежебока ... Сама пойду подносить ... Иди!.. А ужъ не удержишь: все равно самъ-отъ налижется, ужъ къ вечеру будетъ готовъ, небось, не усмотришь, какъ ни смотри ... Да и не послушаетъ: ему бы только до первой-то дорваться ... Вона, да народу-то много набралось: станетъ ли у насъ пироговъ-то? ... Говорила: больше твори квашню ... Пожадничала, не послушала: вотъ теперь станетъ выкраивать середки, а послѣ народъ голодный пойдетъ, ругаться будутъ.

VIII.

Впереди виднѣлась полоса поповой ржи. Десятка три женскихъ головъ въ платкахъ и кичкахъ поднимались и опускались передъ желтой стѣной ржи. Бабы и дѣвки были, ради жары, въ однѣхъ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ; то тамъ, то тутъ около сжатыхъ сноповъ валялись синіе сарафаны и красные платки. За работающими наблюдали, съ одной стороны, приглашенный батюшкою заштатный дьячокъ, съ другой — самъ отецъ Ѳедоръ. Старикашка-дьячокъ, со сморщеннымъ маленькимъ личикомъ, на которомъ торчалъ луковицей красносизый носъ, съ сѣдыми на головѣ волосами, заплетенными въ свернутую на затылкѣ косичку, былъ въ одной бѣлой

рубашкѣ, спускавшейся на такіе же бѣлые порты, и въ опоркахъ на босу ногу. Отецъ Ѳедоръ, съ потнымъ, краснымъ, рябоватымъ, но добродушнымъ лицомъ, имѣлъ на себѣ, сверхъ бѣлой рубахи, синій потертый подрясникъ, надѣтый въ рукава, но не застегнутый и не подпоясанный.

— Навались, навались, бабы, дѣвки! — командовалъ дьячокъ. — Ну, ну, проклажаться нечего: не рано ... Поддавай, поддавай ... Эй, ты, толстый задъ, что зазѣвалась ...

— Да чтой-то ты, старый чортъ, зычешь ... Не подвластныя мы, кажись, твои, — осердилась краснолицая, широкоплечая дѣвка, медленно завивая соломенный поясъ около сжатаго снопа.

— Тоже, чай, не крѣпостныя, не на барщину пришли, — подхватила другая.

— Ровно какъ и слова-то подбираешь не больно складно ... Ровно какъ можно бы и поблагороднѣе, — замѣтила въ тотъ же тонъ степенная пожилая крестьянка.

— Вишь ты, какая благородная, — отозвался нѣсколько сконфуженный дьячокъ. — Пришла работать, такъ работай ...

— Мы вѣдь на чести пришли работать-то, а не изъ денегъ ... Что ты ...

— Прямъ, что не изъ денегъ ...

— А рѣчи-то свои этакія ты бы въ кабакъ берегъ, а не къ намъ бы, — вотъ что ... А еще духовный человѣкъ, ученый!.. Богу служишь, на крылосу поешь, въ святую книгу читаешь ... Э-эхъ!..

— Тоже косу плететъ ...

— Да ну, ну, ишь, благочестіе какое распустили! ... Какія ныньче стали ... Слова не скажи ...

Наплевать ... Вѣдь не на меня жнете-то ... Я вѣдь чтобы веселѣй было, только для того ... Для бодрости духа ... Для поощренія вашего ... А онѣ ужъ и обижаться ... Вишь ты! Ну, наплевать, коли ... Вонъ, видно, закусь несутъ ... Чай, къ водкѣ-то тоже пойдете ...

Съ другой стороны поощрялъ работающихъ самъ батюшка.

— Постарайтесь, старайтесь, православные, приналягте ... Какъ для Бога ... Богъ труды любитъ, по трудамъ и награждаетъ — говорилъ онъ.

— Ужъ, кажется, стараемся для тебя, отецъ Ѳедоръ — отвѣчаетъ одна баба. Посмотри-ка, сколь сноповъ-то наворочали.

— Да ужъ и рожь-то у тебя нонѣ больно сильна, — говорила другая.

— Такова ли рожь, всѣ рученьки повывертѣла! Тяжелая рожь: и колосомъ, и соломой далась.

— Навожу, оттого ... Стараюсь ...

— Знамо отъ навоза ... Да какъ у тебя и не родиться-то: не отъ одной лошадки да отъ коровки валишь, не какъ въ крестьянствѣ, а, чай, головъ десять есть крупнаго-то ...

— Не отъ одного этого, а и по молитвамъ бываетъ, — замѣчаетъ старуха. — Онъ-то завсегда предъ престоломъ, не какъ мы грѣшники: кому и замолить, коли не ему ... Оттого и рожь ...

— Да, надо молиться, надо молиться, — со вздохомъ соглашается отецъ Ѳедоръ. — Трудиться нужно, молиться нужно, — продолжаетъ онъ, растягивая слова. — Вѣра наша малая, грѣхи наши большіе ... А ты, Анна, Анна, не отставай, не отставай ... Люди вонъ куда ушли, вонъ ... Ну-ка, ну-ка, ну-ка, пріударьте, пріударьте! ... Не лѣни-

тесь, полноте, время не рано ... Вонъ, кажись, завтракать несутъ ... Постарайтеся, постарайтеся ...

Отецъ Ѳедоръ подошелъ къ Маланьѣ.

— Все принесла? — спросилъ онъ.

— Чего всего-то? Вотъ квасъ принесла, а вонъ пироги ... Водки-то не повѣрила: сама, говоритъ, принесу ... Выпью, вишь ты, дорогой-то ... Не видала я ...

— Ну, ставь, ставь ... Раскладывайте пироги-то да рѣжьте ...

— Много ли у тебя народа-то? Какъ рѣзать-то: на сколь середокъ? Велѣла на-четверо, коли народа много.

— Рѣжь на-четверо ...

— Дай я изрѣжу, — вмѣшалась Пелагея: — матушка-то наказывала, чтобы поскорѣй назадъ приходила ...

— Такъ бѣги, бѣги скорѣй ... Скажи, шла бы: народъ ждетъ ... Бѣги же ...

— Да вамъ какъ ... Вамъ все бѣги, да скорѣй, — огрызалась Маланья, поворачиваясь къ священнику.

— А ты коли, бабка, рѣжь! — обратился отецъ Ѳедоръ къ Пелагеѣ.

— Батюшка, благословите! — подошла та къ нему съ протянутой рукой.

— Богъ тебя благословитъ, Богъ тебя благословитъ ...

Пелагея изловила руку священника и поцѣловала.

— Ну-ка, ну-ка, а ты рѣжь, рѣжь, съ Богомъ. Бабы, бабы, бабы! ... А вы что же?.. Постарайтесь, постарайтесь ... Не лѣнись ... Богъ труды любитъ ... Вотъ сейчасъ водку принесутъ, позавтракаете ...

Кончивши съ пирогами, Пелагея робко подошла къ отцу Ѳедору.

— Батюшка, а я было къ тебѣ ...

— Что, изрѣзала?.. Ну, пожала бы маненько, пока мать-то придетъ ... Все хоть снопъ-другой свяжешь, чѣмъ такъ-то сидѣть ...

— Да я вѣдь, батюшка, Сгорьевска ... Не призналъ ты меня: хворая-то Пелагея, болящая ...

— Не призналъ и есть: думалъ, и ты на помочь ...

— Нѣтъ, насъ вѣдь не сбивали сегодня ...

— Да, да, нѣтъ ... Васъ я и не звалъ сегодня. Васъ, сгорьевскихъ, я берегу на яровое: тогда ужъ не оставьте ... Такъ ты что же?..

— А я, батюшка, къ тебѣ, къ твоей милости, по своему дѣлу ...

— Что, съ требой, что ли?.. Ну, ужъ погоди, видишь ты, у меня какая горячка идетъ: тридцать человѣкъ на работѣ ... Вы всегда такъ ... Не во-время ... Да что, какая треба-то?

— Нѣту, батюшка, не треба .. Я на счетъ своего дѣла поговорить съ тобой, на счетъ совѣта твоего ... Ппросить наставленія ...

— Ну, вотъ, въ экое ты время пришла со мной разговаривать ... Не нашла другого ... Видишь, что у меня дѣлается, голова кругомъ идетъ ... А она съ разговорами ... Ахъ, вы бабы, бабы!.. Нѣтъ у васъ ума, нѣтъ совѣсти!.. Видитъ, у батюшки, у отца духовнаго, работа идетъ, хлопоты: чѣмъ бы взять серпъ, да прихватить, помочь поработать, она, видишь ты, въ этакое время, со своими разговорами, за совѣтами лѣзетъ ... Правду попадья-то говоритъ, что вы безсовѣстныя, неблагодарныя ... Тьфу!..

Отецъ Θедоръ очень огорчился, съ сердцемъ запахнулъ полы разстегнутаго ради жары и распахнувшагося синяго потертаго подрясника, изъ-подъ котораго виднѣлась выпущенная поверхъ штановъ бѣлая рубашка, и отошелъ отъ Пелагеи. Та осталась въ смущенiи и сконфуженная; слезы подступили у нея къ глазамъ.

— Что же теперь дѣлать-то?.. Къ Секлетеѣ нешто идти, да силушки-то нѣтъ, устала, надо отдохнуть .... Эка, не ко времени я съ нимъ заговорила-то ... Нѣтъ, ужъ все равно: отдохну здѣсь, подожду часокъ-другой; вотъ, можетъ, угощать будетъ помочанъ, такъ и самъ развеселится ... Выпивши, онъ добрѣе живетъ ... Подожду, что будетъ.

Вдали показалась попадья. Она бережно несла на рукахъ четвертную бутыль съ водкой, закупоренную синей сахарной бумагой, которая была сверху прикрыта надѣтымъ на горлышко бутылки стаканомъ зеленаго стекла, съ толстымъ дномъ.

Отецъ Θедоръ пошелъ на встрѣчу матушкѣ.

— Ну, что ты больно долго: народъ проголодался, ропщетъ, — сказалъ онъ.

— Полно-ка ... Народъ проголодался! Некогда проголодаться-то, время-то еще не поздно ... Ропщетъ!.. Не самъ ли ты полно возропталъ, что долго водки-то не видишь ... Ты, смотри у меня, не больно усы-то мочи, не накидывайся, помни ...

— Ну, ну, ну ... Пошла-поѣхала ...

— То-то ну, ну ... Я сама нукать-то умѣю ...

Къ попадьѣ съ водкой подошелъ и дьячокъ.

— Что, шабашить, что ли? звать? — спросилъ онъ, подойдя.

— Звать, звать ... Что тутъ, пора, зови! —

торопился отецъ Ѳедоръ. — Бабы, кладите серпы, идите завтракать ... Подходите ... Ты поди, мать, раздавай пироги-то, а я подносить стану.

Попадья съ неудовольствіемъ отдала отцу Ѳедору бутыль, но, присѣвши на землю около пироговъ и раздавая ихъ помочанамъ, старалась придать лицу привѣтливое выраженіе гостепріимной хозяйки.

— Подходите же, бабы ... Кто пьетъ? — говорилъ отецъ Ѳедоръ, наливши стаканъ.

Бабы переминались: никоторой не хотѣлось подходить первой.

— А вы подходите! Что и самъ-дѣлѣ манерничаете ... Ждать-то васъ! — сердито пробурчалъ старый дьячокъ и, взглянувши на налитый стаканъ, сплюнулъ.

— Ты бы, батюшка, отецъ Ѳедоръ, самъ-то сначала ... И мы бы съ твоего благословенія, — проговорила одна баба, выступая впередъ и тыломъ руки отодвигая стаканъ съ водкой.

— За ваше развѣ здоровье, — сказалъ отецъ Ѳедоръ.

— Ну, хоть за наше ... Кушай на здоровье, во славу Божію ...

— Ну, такъ покорно васъ благодарю, что потрудились, не отказали, поработали для отца духовнаго ... Христіанская помощь — благое дѣло ... И Господь васъ не оставитъ ... Будьте же здоровы ... Петровичъ, — обратился онъ къ дьячку, — дай же мнѣ пирожка-то закусить ...

Отецъ Ѳедоръ выпилъ и отломилъ кусочекъ отъ середки пирога, которую держалъ передъ нимъ дьячокъ.

— Такъ надо коли и Петровичу, бабы, поднести

сначала: онъ тоже наблюдалъ, старался, — сказалъ отецъ Өедоръ съ улыбкой, взглянувши на дьячка.

Тотъ сталъ смотрѣть въ сторону куда-то вдаль.

— Поднеси, поднеси ему, батюшка, поскорѣе... Вишь ты, онъ прискорбный какой...

— Поднеси, авось ласковѣй будетъ, а то онъ больно ужъ лютъ, все понукаетъ, да все срамится такой старый хрѣнъ, — со смѣхомъ говорили бабы.

— Да-а, срамится... Больно благородны нонѣ стали... Васъ не понукать, такъ вы чувствуете, что ли? — бормоталъ старикъ, принимая стаканъ изъ рукъ отца Өедора. — Въ прежнее время васъ, бывало, какъ...

— Ну-ка, ну, пей...

— Благословите, батюшка...

— Да что ты время-то проводишь: пилъ бы, что ли... Людей только держитъ, — сердито замѣтила попадья.

Петровичъ быстро отворотился и проворно выпилъ водку.

— Какъ скоро, такъ и сейчасъ, матушка, — отвѣчалъ онъ съ мгновенно просіявшимъ взглядомъ: — а ты не гнѣвайся на насъ, не взыскивай... Пожалуй-ка мнѣ пирожка-то середочку...

Почти всѣ бабы выпили, морщась и кашляя, но не отказались и повторить; нѣкоторыя дѣвушки только пригубили, а иныя только подходили къ протянутой рукѣ отца Өедора и, молча кланяясь, отталкивали отъ себя стаканъ съ водкою, причемъ сами смотрѣли въ сторону, какъ бы даже съ пренебреженіемъ.

Когда всѣ такимъ образомъ были угощены, а въ бутыли еще много оставалось водки, отецъ Өедоръ взглянулъ въ сторону попадьи. Она была окружена

помочанами, которые, разсѣвшись вокругъ нея, жевали пирогъ и перекидывались разговорами. Попадья въ нихъ участвовала. Отецъ Ѳедоръ быстро налилъ стаканъ, а за нимъ другой, и выпилъ, затѣмъ мигнулъ Петровичу, старательно вертѣвшемуся около него, и поднесъ ему стаканъ. Тотъ выпилъ его, искоса посматривая на матушку. Отецъ Ѳедоръ лукаво ему улыбнулся.

— Ну, всѣ ли подходили?—спросилъ онъ, ставя на землю бутыль и прикрывая ее опрокинутымъ вверхъ дномъ стаканомъ. Мать, всѣ ли подходили?

— Чай, самъ подносилъ — видѣлъ, — отозвалась попадья, быстро оборачиваясь и бѣглымъ взглядомъ окидывая попа, дьячка и бутыль.

Отецъ Ѳедоръ поднялся на ноги. Лицо его было весело и привѣтливо; глаза ласково щурились. Матушка подозрительно и недружелюбно на него посматривала.

— А вона и обидѣли одну, обошли, — сказалъ отецъ Ѳедоръ, замѣтя сидящую въ сторонѣ Пелагею.— Что-жъ ее обижать: надо поднести и ей. Подходи!

Онъ махнулъ рукою Пелагеѣ.

— Нѣту, батюшка, покорно тебѣ благодарствую, отвѣчала Пелагея, вставая. Благодарю покорно, нѣту, не кушаю я. Гдѣ ужъ больному человѣку водку пить.

— Ничего, для здоровья ... Это крѣпитъ, помогаетъ ... Для слабаго человѣка это хорошо ... На, на, выпей, на ...

Отецъ Ѳедоръ налилъ.

— Полно-ка, батюшка, за что меня угощать: я и не работала, а только тебя обезпокоила ...

— Да полно, что заколобродилъ! — сердито замѣтила попадья.—Слышишь, не пьетъ баба.

— Ничего, для добродѣтели дѣлаю ... Слабаго человѣка, больного, нужно поддерживать ... Больного посѣти, сказано ... Ну, а коли не хочешь, ну, Богъ съ тобой ... Напрасно только налилъ.

Отецъ Ѳедоръ посмотрѣлъ на стаканъ и быстро опрокинулъ его себѣ въ ротъ.

— Вотъ теперь и я выпилъ и закушу, — сказалъ онъ какъ бы въ оправданіе передъ попадьей и, не смотря на нее, наклонился, взялъ кусокъ пирога и оборотился опять къ Пелагеѣ.

— Ну, какое твое дѣло? Сказывай пока.

— Выгнала меня, батюшка, свекровь изъ дома, отъ мужа, отъ малыхъ дѣтей прогнала, изъ своего дома ... Вотъ какое дѣло.

Пелагея взглянула по сторонамъ на прислушивающихся крестьянокъ и заплакала.

— Ну! — проговорилъ отецъ Ѳедоръ, пережевывая пирогъ.

— Ну, вотъ и не знаю, что теперь дѣлать: человѣкъ больной, безродный ... Куда я пойду, чѣмъ кормиться стану? ...

— Свекровь выгнала?

— Свекровь, батюшка ...

— А мужъ что же?

— Мужъ молчитъ: ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, ровно не его дѣло ...

— Значитъ, и мужъ не желаетъ?.. Гмъ ... Да за что у васъ вышло? Не за это ли?

Отецъ Ѳедоръ указалъ пальцемъ и подмигнулъ глазами на излишнюю полноту Пелагеи.

— Полно-ка, батюшка ... Вотъ ужъ не покаюсь ... До того ли мнѣ, больному человѣку ... Я и жизни-то не рада, не то что объ этомъ думать.

— Что же, повздорили, что ли, съ свекровью-то?

— Вздоръ-то у насъ идетъ не теперь только, не первый годъ ... Давно ужъ она меня точитъ, ровно червь ... Я человѣкъ смирный, я все молчала ... А вотъ теперь ужъ до того дошло, что и выгнала, и назадъ ворочаться не велѣла . . Съ того и пришла напрежь всего къ твоей милости: разсуди ты наше дѣло: мы, чай, христіяне живемъ, можно ли живую жену отъ мужа, отъ дѣтей, изъ дома выгнать?..

— Ужъ эти свекрови, не приведи ты, Господи! — замѣтила одна изъ помочанокъ.

— Смутницы, смутницы! — подхватила другая нараспѣвъ.

— Злодѣйки, кровь рады пить, жилы вытянуть рады, для невѣстокъ! .. — прибавила третья.

— Ну, и вы, молодки, хороши ... Дай вамъ волю-то, — замѣтила старуха.

— Нѣтъ, баушка, вѣдь житья нѣтъ ... Вѣдь вонъ тоже Праскуху съѣла свекровь-то, вѣдь въ петлю Праскуха-то лазала ... Сняли синюю ... Вотъ оно каково сладко отъ свекровей-то живетъ!

Бабы загалдѣли въ одинъ голосъ.

— Постойте вы! — махнулъ на нихъ рукой отецъ Ѳедоръ.

— Погоди, нишкни ... Что батюшка скажетъ, — говорили бабы одна другой.

— Свекровь замѣсто матери, — говорилъ отецъ Ѳедоръ. — Она глава въ домѣ, потому и мужу мать. Человѣкъ она старый ... Стараго почти. Брюжжитъ она, взыскиваетъ — покорись, обидитъ — перенеси на себѣ, всплачь въ сторонкѣ, а перенеси, не груби, потому человѣкъ старый, умретъ — ты будешь хозяйкой, у тебя сынъ выростетъ, же-

нится — сама свекровь будешь, сама будешь человѣкъ старый и взыскивать станешь съ невѣстки ... Безъ этого нельзя ... Потому и терпи, стерпится-слюбится!.. Вотъ наша христіанская вѣра: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши!..

— Такъ, батюшка, такъ, кормилецъ! Учи ты ихъ, дуръ, — перебила старуха. — Да, вотъ она божеская-то заповѣдь ... Слушайте, дуры, слушайте! — Старуха утерла слезливые глаза и ротъ.

— Да, въ покорности повелѣвается жить, — продолжалъ отецъ Ѳедоръ со вздохомъ. — Жизнь наша — терпѣніе и покорность. Покоряйся Богу, властямъ предержащимъ, священству, родителямъ, старшимъ.

— Батюшка, такъ нечто я ей не покорялась ... Я слова-то николи противъ нея не молвила, и жила-то я, больной человѣкъ, какъ собаченка, угла своего не знала ...

— Богъ посылаетъ людямъ искушенія на землѣ, страданія всяческія! ... Ахъ, да! ... И нужно ... — хотѣлъ было продолжать отецъ Ѳедоръ, увлеченный ораторскимъ паѳосомъ, но его вдругъ оборвала попадья.

— Да что ты больно очень развелъ? Чай, не за налоемъ стоишь, — сказала она. — Чай, пора жать приниматься: время-то идетъ, теперь закусили, скоро обѣдъ ...

— Да, да, пора, пора! ... Поднимайтесь, бабы, бабы! — схватился отецъ Ѳедоръ. — Какъ твое дѣло разсудить — не знаю, — обратился онъ къ Пелагеѣ, взмахнулъ руками, хлопнулъ по бедрамъ и потомъ запустилъ ихъ въ карманы подрясника, широко разставивъ ноги. — Молись Богу ... Уповай! ... Да смягчитъ онъ ея сердце и прело-

житъ въ немъ гнѣвъ въ любовь и ярость въ смиреніе ...

— Батюшка, ты хоть поговорилъ бы съ ней, съ матушкой-то, чтобы она меня хошь въ домъ-то бы опять приняла, — просила Пелагея.

— Поговорю ... Пускай придетъ, скажи ей, приведи: я поговорю ... Внушу ...

— Да она меня, батюшка, не послушаетъ, не пойдетъ ...

— Ну, вотъ самъ не повстрѣчаю ли какъ ... Встрѣчу — все скажу, что мнѣ по званію моему подобаетъ ... Наше дѣло утѣшать, врачевать раны духовныя ... Вотъ я тебя утѣшалъ безвозмездно. Я не мздоимецъ, вы меня знаете ... Ее увижу — и ей внушу по долгу моему ... Все сдѣлаю, все! ... Вы мои дѣти духовныя, любить я васъ долженъ, совѣтовать, вразумлять, поучать ... Власть моя не отъ міра сего ... Ну, иди съ Богомъ ... Вотъ бабы жать принялись ... Да скажи-ка вашимъ сгорьевскимъ бабамъ: не придутъ ли завтра пожать, хоть бы бабъ пятокъ, дохватить бы: сегодня не кончатъ, видно, не дожнутъ ... Эхъ-ма! ... Право, молви-ка тамъ: угощенья-то у меня останется отъ сегодняшней помочи, всего не пріѣдятъ .. И чудесно бы завтра: скажи-ка.

— Батюшка, я не пойду теперь въ Сгорьево, не ворочусь ужъ ... Я коли къ старшинѣ пойду, да судиться стану со свекровью и съ мужемъ ... Мнѣ, видно, больше дѣлать нечего ...

— Судиться? ... Ну, что-жъ, судись, попробуй ... На то судъ поставленъ ... Можетъ, Богъ дастъ, и присудятъ: за обиженнаго Богъ! ... Ну, бабы, бабы, смотрю вѣдь ...

— Благословите, батюшка.

— Богъ тебя благословитъ ...

Отецъ Θедоръ возложилъ руку на голову Пелагеи и направился къ жнеямъ, а Пелагея, уныло опустя голову, побрела къ селу.

IX.

Въ селѣ, возлѣ церкви, стоялъ домъ, занятый волостнымъ правленіемъ, а вслѣдствіе этой близости церковный сторожъ былъ вмѣстѣ и сторожемъ волостного правленія — отставной старый солдатъ Мартыновъ, онъ же сапожникъ Мартынычъ. Его встрѣтила Пелагея, подойдя къ правленію. Мартыновъ сидѣлъ на крыльцѣ и, держа между колѣнами мужицкій сапогъ, накладывалъ на него заплату. Весь околотокъ зналъ Мартыныча и по его оффиціальному положенію, и по его ремеслу. Онъ самъ сознавалъ себя лицомъ очень почтеннымъ и очень вліятельнымъ и принималъ живое участіе во всѣхъ интересахъ и дѣлахъ прихода и волости. Безродный и одинокій, уроженецъ этой волости, онъ смотрѣлъ на всѣхъ своихъ земляковъ, какъ на родныхъ, но относился къ нимъ свысока, покровительственно и строго, какъ старшій взрослый братъ относится къ брату-школьнику, отданному подъ его надзоръ и попеченіе.

— Что тебѣ? — спросилъ Мартынычъ Пелагею, когда та подошла къ крыльцу правленія.

— Къ старшинѣ я ...

— Нѣту его ... А тебѣ зачѣмъ его нужно?..

— Гдѣ же онъ? — спросила Пелагея, не желая отвѣчать прямо на вопросъ.

— Гдѣ? ... Все сидѣлъ здѣсь — тебя дожидался: долго не приходила. Гдѣ? ... Развѣ стар-

шина будетъ тебѣ лепортовать, куда, по какимъ дѣламъ поѣхалъ ...

— Такъ уѣхалъ нечто куда?

— Да и не пріѣзжалъ вовся ... А ты и вправду повѣрила, что все сидѣлъ здѣсь, тебя ждалъ ... Умница! ...

— Чему повѣрить: станетъ ли онъ меня ждать. Я впервой, у него про меня и думки-то нѣтъ ... А я такъ, что не здѣсь ли, молъ, онъ, а то, можетъ, дома, али бо гдѣ.

— Стало быть, что гдѣ ни на есть, да есть ...

— Такъ коли же сюда-то ждете? ... По какимъ днямъ онъ въ приказъ-то ходитъ: ты мнѣ, дѣдушка Мартынычъ, путемъ молви, у меня дѣло до него.

— Развѣ старшина станетъ ходить? Онъ, чай, ѣздитъ ... А-а? ... Пара, чай, про него отъ общества: какъ нужно, потребовалъ, сѣлъ и поѣхалъ. А-а? Не слыхивала? ... Есть дѣла, требуется въ правленіе: сейчасъ и пріѣхалъ ... Пріѣхалъ — и поди къ нему съ прошеніемъ, али съ дѣломъ твоимъ: вотъ сейчасъ тебѣ и разборъ, и рѣшеніе ... А нужно: справку навелъ, приказъ послалъ, вызвалъ кого ему надо ... А ты думала, какъ дѣла-то дѣлаются? ... Ты думала, старшина-то сидитъ да ждетъ въ правленіи, не зайдетъ ли какая Акуля ... Тебя какъ звать-то? Акулей, что ли?

— Нѣту, Пелагеей ...

— Ну, такъ вотъ Палаху ... Ты съ прошеніемъ, съ бумагой, али такъ?

— Нѣту, я такъ, безъ бумаги ...

— Ну, такъ вотъ видишь ты: съ пустыми руками пришла, пустая и домой пойдешь, и здѣсь-то ничего не оставишь: такъ и ходи взадъ да впередъ.

Эхъ вы, умники! ... Ты въ гости, что ли, пришла къ старшинѣ-то, чайку попить, да погоститься, поговорить съ нимъ для скуки ... Али зачѣмъ за другимъ? ...

— Гдѣ ужъ намъ погоститься ...

— Такъ что же, зачѣмъ?

— Милости попросить въ своей обидѣ, чтобы защитилъ ...

— Чтобы защитилъ ... Прекрасно это ... Ну, такъ какъ же онъ безъ прошенія-то тебя защищать-то будетъ? Ты придешь ему поговоришь, другая придетъ — тоже поговоритъ, третья, пятая, десятая; онъ все и держи это въ головѣ ... Чай, вѣдь прошеніе написать нужно ... Дура! ...

— Да гдѣ же мнѣ, Мартынычъ, писать, я неграмотна ...

— Да онъ и самъ неграмотный, и старшина ... А это для порядка нужно, чтобы сейчасъ документъ былъ ... А написать — на то писаря есть. Пошла къ писарю, разсказала: такое и такое мое дѣло, тамъ обида, али другое что прочее, вотъ онъ тебѣ и написалъ сейчасъ. А ты взяла, да старшинѣ: вотъ онъ и видитъ, не съ пустыми разговорами человѣкъ пришелъ, а съ бумагой, съ прошеніемъ. Принялъ — и пошелъ разборъ. Вотъ что, умница!

— Такъ ужъ не знаю, куда и идти-то: нѣтъ у меня человѣчка-то такого, писарька-то ... Не знаешь ли ты, Мартынычъ, будь отецъ — научи ...

— Вотъ такъ-то бы лучше, поумнѣе маненько. И то, вѣкъ свой только и дѣла, что учи васъ. Какое дѣло-то у тебя? На кого жаловаться хочешь? Отъ кого обида-то?

— Отъ матушки свекрови: изъ дома выгнала, отъ мужа, отъ дѣтей малыхъ ...

— А изъ-за чего?

— А изъ-за хвори, изъ-за болѣзни моей.

— Врешь ...

— Чего мнѣ врать, Мартынычъ ... Не вру я, она и сама скажетъ: лежебока, говоритъ, привередница ...

— А, можетъ, ты и вправду? ...

— Нѣту, Мартынычъ, я бы рада-радостью, да силушки нѣтъ, извелась я совсѣмъ ... Ты погляди-ка на меня, цвѣтна ли я ...

Мартынычъ посмотрѣлъ на Пелагею.

— А не била она тебя, не тиранила? ... Свекровь-то? ...

— Бить не била, не хочу грѣшить, только какъ вотъ гнала — клюкой замахнулась, и то не попала. А ужъ языкомъ ѣла довольно, до нутра сердца ... Стыда, срама приняла до-сыта, а безъ куска хлѣба, голодная, по суткамъ сиживала ... Да что ужъ это разсказывать; кажись, всѣ я и слезыньки-то выплакала, нѣту и ихъ у меня въ очахъ ... Да пущай бы ужъ я собачьей жизнью жила, да только бы около своихъ дѣтей, хошь бы они на глазахъ были ...

— Такъ вотъ что: чай, у тебя алтына нѣтъ за душой-то, чтобы писарю заплатить?

— Нѣту, Мартынычъ, истинно нѣтъ.

— Такъ постой, я къ нашему писарю волостному дойду, вышлю его къ тебѣ, а ты ему въ ноги, да и разскажи все: онъ законъ знаетъ и тебя научитъ, какъ и что ... Постой тута ...

Мартынычъ ушелъ въ домъ правленія. Пелагея осталась на крыльцѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи Мартыныча, вышелъ на крыльцо молодой человѣкъ, изъ-рыжа бѣлокурый, съ лицомъ, усыпаннымъ угрями

и веснушками, въ клѣтчатыхъ штанахъ, желтой жакеткѣ и съ цвѣтнымъ на шеѣ галстукомъ, концы котораго летѣли отъ шеи въ обѣ стороны. Молодой человѣкъ имѣлъ очень рѣшительныя, развязныя манеры, съ перваго взгляда обличалъ въ себѣ пристрастіе къ франтовству и женскому полу. Это былъ волостной писарь и въ то же время учитель сельской школы, неокончившій курсъ семинаристъ.

— Вотъ она, та самая Пелагея, Самсонъ Львовичъ, — заговорилъ, слѣдуя за нимъ, Мартынычъ. — Вотъ кланяйся господину писарю, а твое дѣло я ему отлепортовалъ, говорить тебѣ больше нечего, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Пелагеѣ.

— Да, да, пожалуйста, поменьше этихъ разговоровъ, — проговорилъ писарь, сильно напирая на букву о. — Съ вами, бабами, хорошо безо времени разговаривать-то, за любовь, а ужъ по дѣламъ приметесь размазывать, такъ бѣги.

Между тѣмъ Пелагея кланялась ему въ землю.

— Вы только не оставьте меня, господинъ ... Твое благородіе, припишите бумажку, а ужъ заплатить мнѣ нечѣмъ, не обезсудь.

— Никакихъ бумажекъ не нужно: твое дѣло на волостной судъ пойдетъ, словесное разбирательство.

— А какъ же, Самсонъ Львовичъ, насчетъ прошенія ... Прошеніе-то подать? — сконфуженно замѣтилъ Мартынычъ.

— Какое прошеніе? ... Ничего не нужно. Говори: кого вызвать на судъ?

— Вызвать-то? ... Ужъ не знаю кого ... Этого дѣла я не знаю: какъ твоей милости будетъ угодно, вамъ лучше будетъ знать ...

— Да на кого же ты жалуешься-то?

— На свекровь, батюшка ...

— Ну, вотъ ее, значитъ, и вызовемъ ... А мужъ-то у тебя завсегда дома, или на сторону ходитъ?

— Онъ завсегда дома.

— Молодой, али старый?

— Нѣту, онъ молодой у меня ...

— Къ нему, значитъ, претензіи не имѣешь ... Да оно и видно ... Вона! — прибавилъ писарь, подмигивая Мартынычу и тыкая пальцемъ въ животъ Пелагеи.

Мартынычъ ухмыльнулся такъ, что даже усы у него ощетинились. Пелагея поняла, и не то сконфуженно, а какъ бы отъ внутренней какой боли, опустила въ землю глаза.

— Не по здоровью бы по моему это ... Да человѣкъ подневольный, подъ закономъ живу ... Мужу-то бы нужно жену-то, кажись, берегчи, а вотъ выгнали, онъ слова не молвилъ, не вступился.

— Значитъ, и къ мужу претензію заявляешь. Ну, можно и мужа вызвать. Ты мнѣ теперь скажи, какъ ихъ зовутъ-то, и свекровь, и мужа: я запишу.

Пелагея сказала.

— Ну, такъ вотъ, чрезъ ту недѣлю въ воскресенье приходи — и судъ тебѣ будетъ ... Слышишь: не въ это воскресенье, а въ то, еще черезъ недѣлю.

— А что же мнѣ теперь-то будетъ?

— А теперь ступай.

— Куда же мнѣ идти-то? Домой вѣдь не пуститъ свекровь-то.

— Ну, ужъ это твое дѣло: у меня про тебя квартиры не припасено ... Какъ бы поздоровѣе была, да безъ этого, такъ я бы, пожалуй, на недѣльку взялъ ... Подержалъ бы и у себя ... А то теперь что въ тебѣ толку-то ...

Писарь опять лукаво и съ вызывающей улыбкой посмотрѣлъ на Мартыныча, но на этотъ разъ Мартынычъ не ухмыльнулся, а какъ-то стыдливо захлопалъ глазами и отвернулся въ сторону.

Пелагея печально опустила голову.

— Такъ какъ же бы мнѣ старшину-то повидать? — спросила она.

— Старшину желаешь? А на что тебѣ онъ?

— Все бы я его попросила: можетъ, и взялся бы въ моей бѣдѣ.

— Проси! — съ усмѣшкой проговорилъ писарь. — Да развѣ онъ можетъ что безъ меня, нечто онъ въ законахъ, что ли, читаетъ? Развѣ у неграмотнаго мужика голова на плечахъ-то поставлена? Вотъ, возьми печной горшокъ, да надѣнь на него медаль— вотъ тебѣ и старшина ... Я ей говорю: ея дѣло на волостной судъ слѣдуетъ, принимаю въ ней участіе, а она къ старшинѣ просится ... Поди, поди къ старшинѣ, ступай ... Дура! ... Чѣмъ бы благодарить, что участіе принялъ ... И ты хорошъ, Мартынычъ, — тоже вызывалъ, безпокоилъ, я съ ней время проводилъ, толковалъ тоже, а она вотъ какъ это чувствуетъ ... Ну, ступай къ старшинѣ, чортъ съ тобой, наплевать! ... Свиньи, дурачье неблагодарное! ...

Самсонъ Львовичъ плюнулъ и разгнѣванный ушелъ отъ Пелагеи въ свою квартиру. Мартынычъ насупился и, молча взявъ брошенный сапогъ, попрежнему усѣлся на приступкахъ крылечка и принялся за прежнюю работу.

— За что онъ осерчалъ на меня? — робко спросила его Пелагея.

— А за́ то, не ходи горбато, — отвѣчалъ Мартынычъ, постукивая молоткомъ по сапогу. — Оттого,

что дура: видишь, человѣкъ вышелъ, совѣтуетъ тебѣ; и въ самъ-дѣлѣ: ты не кума ему, не дѣтей ему съ тобой крестить — съ тобой растабарывать-то; такъ чѣмъ бы слушаться его да благодарить: такъ, молъ, точно, такъ точно, покорнѣйше, молъ, благодаримъ за неоставленіе! — ты что? ... Къ старшинѣ желаю ... Ну, и ступай, онъ тебя не держитъ, не препятствуетъ ... Да разсудокъ-то изъ-за этого какой будетъ? Кто въ законахъ-то, и въ самъ-дѣлѣ, будетъ читать: онъ, али старшина неграмотный? ... Не то, что въ вашемъ дѣлѣ, въ мужицкомъ, а и у насъ, въ полку: ужъ на что кажется?! ... А тоже сначала идешь къ писарю ... Коли онъ наладилъ тебѣ дѣло, ну, и пошло, какъ по маслу ... А поди-ка, сунься мимо его прямо къ начальству — ничего и не будетъ ... Э-эхъ вы, глупый, глупый народъ, необразованный! ...

— Что же мнѣ теперь дѣлать-то, Мартынычъ? Научи Христа-ради ...

— Что дѣлать теперь? ... Иди коли ужъ на-удалую къ старшинѣ ... На писаря теперь надѣяться нечего ... Онъ у насъ такой: коли слушаешь его, благодаришь да кланяешься — и ничего, все для тебя сдѣлаетъ, а чуть заговорилъ, сталъ свое разсуждать, ну, и ступай вонъ, и шабашъ! ... И откуда въ немъ это? ... Кажись, кутья вѣдь, а поди-жъ ты: ровно офицеръ себя содержитъ ...

Мартынычъ оглянулся назадъ.

— Честно-благородно содержитъ себя, — прибавилъ онъ, помолчавъ. — Окромя вотъ дѣвки да бабы молодыя; тѣхъ любитъ, сколь угодно ... Будь ты не экая — и съ тобой бы не тотъ разговоръ пошелъ ... Ну, да ужъ и врядъ ли, чтобы ребра у него не посчитали когда, либо полѣна отвѣдаетъ.

Рѣчь словоохотливаго Мартыныча была прервана звономъ колокольчика, который послышался изъ улицы села. Мартынычъ прислушался.

— Смотри, нашъ катитъ, — промолвилъ онъ.

— Кто? — спросила Пелагея.

— Кто? Коли „нашъ", такъ, значитъ, старшина, Григорій Иванычъ ... Онъ и есть ... Вотъ тебѣ и ходить, и ждать не надо: на твое счастье самъ, нежданный, ѣдетъ ...

— Ну, вотъ и слава тебѣ, Господи! Покорно благодарствую тебѣ, Мартынычъ ...

Пелагея повеселѣла и кланялась Мартынычу, благодарила его за неожиданный пріѣздъ старшины.

— Ничего, попроси его, — покровительственно говорилъ Мартынычъ: — можетъ, Богъ и дастъ: возьмется въ твоемъ дѣлѣ; съ нимъ иной разъ бываетъ это — вдругъ воззрится и примется поди ты какъ: и вызоветъ, и взыщетъ ... И писаря не вонметъ ни во что ... Съ нимъ это бываетъ: въ какой часъ попадешь ... Попроси ... Ничего ...

Изъ-за угла круто поворотила телѣжка, запряженная парой. На козлахъ, едва прилѣпясь, сидѣлъ молодой парень, въ одной рубашкѣ, въ низенькой шляпѣ съ павлинымъ перомъ. Онъ безпрестанно передергивалъ возжами и приподнималъ правую руку, показывая лошадямъ кнутъ. Маленькія лошаденки старались изо всѣхъ силъ: коренная, наклоня внизъ голову и безпрестанно потряхивая ею, какъ-то заботливо и суетливо сѣменила ногами, а пристяжная скакала съ такимъ размахомъ, точно собиралась кувырнуться черезъ голову. Въ телѣжкѣ сидѣлъ тучный мужикъ, въ синей поддёвкѣ, въ высокой поярковой шляпѣ, подъ которой лоснилось на сол-

нышкѣ красное, одутловатое лицо, обрамленное сѣдыми кудрями и бородой.

— Вишь ты, какъ катитъ, — проговорилъ Мартынычъ, вставая на ноги и откладывая въ сторону свою работу.

Пелагея подвинулась къ самымъ ступенькамъ крыльца.

— Ладно ли, Григорій Иванычъ? — спросилъ ямщикъ, круто осаживая лошадей передъ самымъ крыльцомъ.

— Ладно, ничего, — отвѣчалъ старшина, вылѣзая изъ телѣги: — всю душу, чортъ, вытрясъ.

— Теперь у меня эти лошади ... Боже ты мой! Куда угодно! — проговорилъ ямщикъ самодовольно и, въ видѣ ласки, со всего размаху огрѣлъ кнутомъ обѣихъ.

Лошади рванули было, но ямщикъ сильно осадилъ ихъ.

— Ну-у ... Дыши смирно! ...

Онъ завилъ возжи за желѣзную руояктку на передкѣ, ловко соскочилъ и началъ поправлять сбрую на лошадяхъ.

— Милыя! ... Ну, раздышись маленько, пока живы ... Дохни! — проговорилъ онъ. — Послужимъ Григорію Иванычу.

— Гдѣ писарь? Дома? — спрашивалъ между тѣмъ старшина, грузно опускаясь на ступеньки крыльца.

— Точно такъ, Григорій Иванычъ, при своемъ мѣстѣ, — отвѣчалъ Мартынычъ, вытянувшись по-военному.

— Что же онъ, али не слышитъ колокольчика-то? ... Позови его скорѣе сюда, ко мнѣ ...

Писарь давно уже стоялъ у окна, выходящаго на улицу, и видѣлъ старшину, но, по чувству соб-

ственнаго достоинства, не хотѣлъ выходить къ нему на встрѣчу.

Мартынычъ ушелъ за писаремъ.

Пелагея выступила впередъ, на глаза старшины.

— Ты что? — спросилъ онъ, отирая лицо платкомъ, который досталъ изъ шляпы.

— Къ твоей милости, Григорій Иванычъ, заставь за себя вѣчно Бога молить.

Пелагея поклонилась старшинѣ въ ноги.

— Чего такого? Говори ... Фу-у, жарища ... Сказывай скорѣе: мнѣ некогда.

Пелагея начала-было объяснять свое дѣло, но на крыльцо вышелъ писарь, и старшина, разсѣянно слушавшій ее, оборотился къ нему.

— Прошеніе подай, разберемъ! — сказалъ онъ мимоходомъ Пелагеѣ.

— Жду, жду тебя, Самсонъ Львовичъ, а ты ровно не слышишь, что пріѣхалъ: колокольчикъ-то, чай, слышалъ? — продолжалъ онъ съ полу-упрекомъ, протягивая руку писарю.

— Бумаги готовилъ, углубился, — отвѣчалъ писарь. — Дѣловъ, сами знаете, сколько: мнѣ не бѣгать на каждый колокольчикъ.

— Ахъ, дѣловъ, дѣловъ, не говори-ка ... Третьяго дни становой проѣзжалъ черезъ насъ, остановился противъ дома, велѣлъ вызвать, а я спалъ: ругался, ругался, срамилъ, срамилъ, стращалъ всячески: зачѣмъ у тебя въ волости дороги неисправны, да недоимки много? ... Я говорю: ваше благородіе, — со сна-то ему говорю, — у меня дороги исправныя, я самъ завсегда по дорогамъ ѣзжу ... Какъ онъ на меня, братецъ, завопилъ, загоготалъ: это, говоритъ, исправныя, подъ самой твоей деревней у меня лошадь сквозь мостъ оборвалась, ногу

зашибла, вишь, говоритъ, ссадила ... Коли, говоритъ, подо мной мостъ провалился, такъ что же подъ обывателями-то? ... Я-было ему насчетъ земства, что земскій мостъ: куда-те, и слушать не хочетъ, только хуже ... А недоимокъ, говоритъ, на что накопилъ съ эстолько? — Я говорю: ваше благородіе, недоимка не отъ меня: не платятъ, такъ ничего не подѣлаешь. Я, говоритъ, тебѣ дамъ, ничего не подѣлаешь: пори, тебѣ власть! ... Я говорю: всѣхъ не перепорешь ... Опять же, я говорю, на то старосты общественные есть: пущай они бы старались. — Старосты? ... А подъ чьей, говоритъ, рукой старосты. Да какъ онъ, братецъ, взялся: и началъ, и началъ ... Съ тобой, говоритъ, такой-сякой, вотъ исправникъ поговоритъ, я ему донесу обо всемъ ... Ты, говоритъ, думаешь — старшина, такъ ты и зазнался, думаешь, полиція ничего тебѣ сдѣлать не можетъ ... А вотъ погоди ... Да сегодня, братецъ ты мой, только-что въ трактиръ было съ пріятелями зашелъ чаю напиться, только графинчикъ подали, по другой выпить не успѣли, щасть сотскій, отъ исправника, чтобы сей минутой въ городъ былъ, къ нему, ни мало не медля ... Безъ отлагательства ... Вотъ и приказъ, прочитай ...

Старшина подалъ писарю клочокъ сѣрой бумаги, сложенный вчетверо.

— Прочитай мнѣ вслухъ.

— „По полученіи сего, — читалъ писарь: — приказываю тебѣ немедленно сего числа явиться ко мнѣ для объясненія по дѣламъ службы, не терпящимъ отлагательства ...“

— Вотъ, вишь ты, безъ отлагательства ... Я и явился однимъ духомъ ... Въ ту-жъ минуту ... Даже все бросилъ ...

— Да вотъ и отъ посредника получено предписаніе: немедленно явиться къ нему ...

— Къ посреднику? ...

— Само-собой, къ посреднику ...

— Ахъ ты, Боже мой милосердый ... Какъ же тутъ разорвешься: къ одному въ городъ за 50 верстъ, къ другому — въ сторону, въ имѣніе, за 20: вотъ и разорвись ... Что же ты мнѣ, братецъ, посредника-то приказъ не прислалъ?

— Да и то хотѣлъ сейчасъ посылать: надо было разсмотрѣть, онъ съ книгами требуетъ ...

— Вотъ гебѣ и два ... Куда же ѣхать-то сначала, къ кому? ...

— Это какъ сами знаете ...

— Да чего знать-то? Я знаю, а ты посовѣтуй ...

— Чего-жъ тутъ совѣтовать: посредникъ къ намъ ближе начальникъ, къ нему и надо сначала ...

— Знаю, что ближе ... Да вѣдь вонъ исправникъ-то съ нарочнымъ присылалъ, чтобы въ руки отдать ... Посредникъ-то пишетъ ли, чтобы сего числа безъ отлагательства?

— Нѣтъ, этого не прописываетъ, а стало быть, что надо сейчасъ ѣхать ... коли требуетъ немедленно ...

— Ахъ ты, Создатель мой милостивый ... Теперь исправникъ узнаетъ: былъ въ трактирѣ, за графиномъ сидѣлъ, въ руки приказъ принялъ, по дѣламъ службы, и вдругъ теперь не къ нему, а къ посреднику ... Ну, что тутъ будетъ? Каша ... Не расхлебаешь послѣ ... Вонъ наша служба! ... А вѣдь зачѣмъ зоветъ? Ругаться, ужъ знаю ... Больше ничего! ... А вѣдь почемъ знать: можетъ, дѣло-то такое, что и уголовщина будетъ, коли не пріѣду: они знаютъ какъ подвести, особливо же

теперь, въ сердцахъ ... Ты мнѣ, Самсонъ Львовичъ, совѣтуй по-дружески: какъ быть ... У меня сердце закачалось ... Къ своему не ѣхать — бѣда, ближній начальникъ; скажетъ: ты больше исправнику стараешься ... Къ тому не ѣхать: она, полиція, большую вреду можетъ сдѣлать: за умыселъ, за ослушаніе сочтутъ, бунтъ выдумаютъ; опять же, говорятъ, вонъ наши, Степуринскіе, становому согрубили ... И я-то тутъ, со-сна, неправильно ему говорилъ ... Ахъ ты, Боже мой! ... Просто бѣда! ... Что дѣлать-то? ... Какъ лучше-то?

— Ужъ не знаю, какъ лучше: сами знаете ...

— Да говори, братецъ, ты, чтой-то ты ... Ты выведи меня изъ сомнѣнія ... Ты по закону мнѣ скажи, какъ быть я долженъ теперь поступить, чтобы въ отвѣтъ не попасть ... Слышь, у меня сердце зашлось! ... Научи, братецъ, по совѣсти ...

— То-то и есть, Григорій Иванычъ! То ты гордыбачишься: по колокольчику тебя встрѣчай, — то научи тебя ... Научить я всегда могу, а важности мнѣ твоей не нужно, потому у меня, у самого, ея довольно, по моему характеру, гордому ... Вотъ что! ...

— Да ну тебя и съ гордостью-то твоей! Тутъ не къ тому дѣло ... Тебя по-дружески просятъ, для совѣта.

— А коли по-дружески, такъ я вотъ какъ тебя научу ... Кто твое ближайшее начальство? ... Посредникъ! Прекрасное дѣло! Его и бойся, ему и служи ... Полиція тебѣ тоже начальство — это самая правда, и законъ повелѣваетъ исполнять требованія полиціи безпрекословно — это правильно: но все-таки посредникъ для тебя всегда больше значитъ, и защиту ты отъ него можешь всегда полу-

чить, а на полицію тебѣ нечего надѣяться — никогда, потому она знаетъ, что мужикъ теперь ушелъ изъ полной ея воли, и за это всякое зло норовитъ сдѣлать мужику. Такъ вотъ ты это и соображай: поѣзжай къ посреднику и доложи, что такъ и такъ, получилъ приказъ отъ исправника, но не поѣхалъ, сочтя долгомъ предварительно исполнить приказаніе его, господина посредника ... Явишься къ нему, и попроси, чтобы посредникъ вступился за тебя, въ случаѣ какихъ нападковъ отъ господина исправника ... Ужъ повѣрь ты мнѣ, вступится и защититъ, и въ обиду не дастъ: еще, пожалуй, и вовсе не отпуститъ тебя, а самъ напишетъ къ исправнику, что такъ какъ ты исполняешь его порученность, то какая можетъ быть въ тебѣ надобность, и зачѣмъ онъ тебя требовалъ къ себѣ? ... Это, по моему характеру, такъ даже можетъ быть очень пріятно и лестно: изъ-за тебя между начальства переписка и даже ссора можетъ пойти. Чудесное дѣло! И ужъ можешь быть покоенъ: посредникъ за тебя все равно, что за себя будетъ стоять изъ одной амбиціи, чтобы исправнику не поддаться ... Ну, понялъ ты теперь? ...

— Понимаю я это все ...

— Ну, такъ что же еще? ...

— А не можетъ исправникъ, не взирая на посредника, а напротивъ его напримѣръ ...

— Что такое?

— А, между прочимъ, подъ арестъ меня, али подъ штрафъ подвести ...

— Коли посредникъ не вступится — можетъ, а коли посредникъ за тебя — ничего не подѣлаетъ ...

— Такъ, значитъ, къ посреднику ѣхать? ... Такъ собирайся ...

— Куда?

— А со мной, къ посреднику ...

— Да зачѣмъ же мнѣ-то? Въ предписанiи насчетъ меня ничего не сказано.

— Все равно, на всякой случай: можетъ, потребуешься ... Поѣдемъ, пожалуйста, я тебя прошу ... Опять же, братецъ, съ книгами велѣно ... Какъ я безъ тебя стану: неравно что спроситъ насчетъ записей, ты вѣдь пишешь, не я ... Непремѣнно поѣзжай ...

— То-то вотъ вы, старшины, всѣ такъ: сами ступить не умѣете, все писарь ... Какъ передъ начальствомъ какое отличiе, такъ онъ все сдѣлалъ, своей головой, а какъ отвѣтъ, такъ поди писарь отвѣчай ...

— Ну, ну, полно, я ужъ за тебя, кажется, завсегда ... Баба, ты чего ждешь? — обратился старшина къ Пелагеѣ, чтобы замять разговоръ съ писаремъ.

— Да вотъ твоя милость приказалъ прошенiе-то мнѣ подать, а вонъ они говорятъ не надо ... Можно, чу, и такъ ...

Пелагея указала на писаря.

— Да про какое прошенiе-то ты говоришь?

— А по моему-то дѣлу, что давеча-то, вотъ сейчасъ, тебѣ кланялась, просила ...

— Такъ помнить, что ли, я буду твое дѣло, о чемъ ты просила ... Много васъ тутъ ходитъ ... Напишешь прошенiе, такъ вотъ и увидимъ твое дѣло: Самсонъ Львовичъ вонъ разберетъ, мнѣ доложитъ ...

— Такъ вѣдь они-жъ не пишутъ, чу, не надо ... Такъ, чу, можно вызвать ...

— Да если тебѣ г. старшина приказываетъ по-

дать, такъ чего-жь ты еще лѣзешь? — вмѣшался писарь. — Значитъ, нужно подать, и подай.

— Отцы родные, такъ кто же мнѣ напишетъ-то: писарька-то у меня такого нѣтъ, и заплатить мнѣ нечѣмъ, сама я не учена, не умѣю, твоя милость написать не изволишь ...

— Да, вотъ есть мнѣ когда: всякая придетъ со своимъ вздоромъ, а я ей писать буду, у меня своего дѣла довольно ...

— Такъ нельзя ли такъ-то, безо всякаго письма ... Войди ты въ мое дѣло, г. старшина, прошу я тебя божески ...

— Приходи послѣ, теперь толковать мнѣ съ тобой некогда, ѣхать нужно. Собирайся, Самсонъ Львовичъ, да поѣдемъ. Николка, готовь лошадей-то! ... Спишь, что ли?

— У насъ лошади готовы завсегда ... Попоить бы вотъ только маненько, коли скоро поѣдемъ, — отвѣчалъ ямщикъ, приподнимаясь изъ телѣжки, въ которой онъ лежалъ.

— Ну, такъ напой скорѣе, да подавай. Сейчасъ поѣдемъ ... Испить и мнѣ кваску: въ горлѣ, нечто, пересохло ... Ну-ка, Мартынычъ, поди, промысли кружечку ... А тамъ запасная есть?

— Есть еще, Григорій Иванычъ ...

— Ну-ка, такъ притащи ... Я въ присутствіе пойду ... Для ободренія надо немножко ... Пересмякъ я смерть съ этихъ дѣловъ, да и дорога не близкая ... Выдохнусь, чай, до посредника? ...

— Ну, какъ не выдохнуться, Григорій Иванычъ: все часа три проѣдете, — отвѣчалъ Мартынычъ.

— Да, надо! ... Усталъ нечто ... Эхма, служба, служба наша: одна непріятность ... Ты слушай, Мартынычъ, ты коли и закусочки промысли,

хоть огурчиковъ, что ли, али лучку ... Луку, луку лучше: онъ отбиваетъ ... Да и Николкѣ скажи, пускай и Николка войдетъ, я и ему поднесу ...

— Слушаю, Григорій Иванычъ ...

— Да-а ...

Григорій Иванычъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Слышишь, Мартынычъ, я въ присутствіе пойду ... Туда! ...

— Слышу, понимаю, Григорій Иванычъ ... Сей минутой будетъ.

Мартынычъ куда-то ушелъ. Старшина съ новымъ зѣвкомъ поднялся съ приступковъ и направился къ дверямъ правленія.

— Что же, Григорій Иванычъ, мое-то дѣло? ... Съ чѣмъ же ты меня-то отпустишь? — спрашивала вслѣдъ ему Пелагея.

— Вотъ дура баба; сказано: прошеніе подай, разберемъ, — чего-жъ ты еще пристаешь? — осердясь, оборотился къ ней старшина.

— Да, отецъ родной, возьмись ты такъ въ мое дѣло ... Вѣдь совсѣмъ я изобижена ... Послушай ты меня ...

— Убирайся къ чорту, пошла ... Вотъ нашла время: отъ дѣловъ не знаешь куда дѣваться, голова кругомъ, а я ее слушать стану ... Пошла ...

— Да вѣдь я, батюшка, — начала было Пелагея, но старшина не сталъ ее слушать, махнулъ съ сердцемъ рукой и затворилъ за собою дверь въ сѣни.

Пелагея стояла нѣсколько времени около крыльца въ какомъ-то безсознательномъ, отупѣломъ состояніи, ничего не думая, не давая себѣ отчета о томъ, что съ нею происходило. Потомъ она почувствовала усталость, боль во всѣхъ членахъ, и невольно

опустилась на траву возлѣ крыльца. Голодъ напомнилъ ей, что у нея за пазухой есть кусокъ пирога, которымъ ее ссудила попадья: почти такъ же безсознательно она вытащила его и начала жевать. Она видѣла, какъ мимо ея пробѣжалъ на крыльцо Мартынычъ съ зеленымъ лукомъ подъ мышкой и съ караваемъ хлѣба въ рукахъ; видѣла, какъ онъ махнулъ Николкѣ, и тотъ, ласково ухмыльнувшись и крякнувши, проворно соскочилъ съ козелъ и, снявши шапку, почтительно, съ подобострастнымъ видомъ, входилъ на крыльцо и въ сѣни правленія, помялся нѣсколько времени у дверей, нѣсколько разъ кашлянулъ и быстро скрылся за дверями присутствія, откуда снова вышелъ веселый, довольный, съ огонькомъ въ глазахъ, отирая ротъ полою кафтана и крѣпко придерживая шапку локтемъ лѣвой руки, въ которой былъ кусокъ хлѣба и луковица. Пелагея не думала о томъ, что видѣла.

— Что, и ты ись захотѣла? Проголодалась, значитъ! — проговорилъ Николка, проходя мимо ея къ лошадямъ. — Въ таперешнее время выпить да закусить — дорого стоитъ... Дороже ста рублей.

Пелагея ничего ему не отвѣтила, даже почти не поняла, что онъ говорилъ. Такъ же равнодушно и безучастно проводила она глазами старшину и писаря, которые черезъ нѣсколько времени вышли на крыльцо въ сопровожденіи Мартыныча, всѣ красные, улыбающіеся, сѣли въ телѣгу и уѣхали

— Желаю здравія и всякаго благополучія, — проговорилъ Мартынычъ, подсадивши Григорія Иваныча въ телѣжку и прощаясь съ нимъ.

— Спасибо... А ты смотри же! — отвѣчалъ старшина.

— Насчетъ чего прикажете, Григорій Иванычъ? —

съ какимъ-то восторженнымъ усердіемъ спрашивалъ Мартынычъ, вытягиваясь.

— Насчетъ... всего... Сторожи, старайся!..

— Радъ стараться, Григорій Иванычъ! ...

— Ну то-то, смотри же, чтобы ... Ну, пошелъ, Николка ... Къ посреднику.

Николка передернулъ возжами, взмахнулъ кнутомъ, и лошади понеслись; коренная снова затрясла головой и засѣменила ногами, пристяжная начала кувыркаться.

Мартынычъ неподвижно стоялъ и смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжающимъ, пока телѣга скрылась за поворотомъ дороги; тогда онъ повернулся и съ меланхолическимъ, грустнымъ видомъ, точно тоскуя объ уѣхавшихъ, медленнымъ шагомъ сталъ подходить къ крыльцу. Онъ замѣтилъ Пелагею и остановился.

— Ты что же, баба, будешь дѣлать теперь? — спросилъ онъ ее.

— Ась?

— Прогорѣло твое дѣло: не въ часъ пришла. Что, молъ, теперь дѣлать-то думаешь?

— Къ сестрицѣ пойду, посовѣтуюсь, а тамъ — что будетъ... Всѣ обидчики, ни у кого жалости нѣтъ къ больному человѣку.

Пелагея заплакала.

— Что-жъ мнѣ теперь дѣлать съ тобой?.. А у тебя сестра есть?

— Есть, двуродная.

— Что-жъ, ступай... А опосля опять приходи, попадешь въ часъ, онъ разберетъ, не оставитъ.

— Не приду я къ вамъ: жалобиться на васъ пойду, къ посреднику, во всѣ суды пойду ... Покуль ноги таскаютъ, буду ходить, суда на всѣхъ искать ... Вотъ что!..

Пелагея съ усиліемъ приподнялась на ноги.

— Что-жъ, и слѣдуетъ: по начальству и иди, дойдешь до конца. Начальство должно взыскать, почему что это его обязанность, а нашъ отвѣтъ. Это правильно!.. Иди, и я совѣтую... Мнѣ что?.. Онъ хоть мнѣ и поднесъ, и душевно я чувствую это, а я завсегда за правду ... Старшина ты — и долженъ разсудить, а нѣтъ, не принялъ—отвѣтишь, почему что ... У насъ завсегда начальство есть ... Ты мнѣ поднесъ, оченно я благодаренъ, а я завсегда долженъ тебѣ сказать: старшина ты, хоть и мужикъ, ну, и разсуди ... А она баба ... Непонимающая... Ее обидѣть можно завсегда ... Ну, и иди, и иди, и я велю ... Ищи суда, жалуйся ...

Но Пелагея давно уже не слушала Мартыныча и уходила вонъ изъ села.

X.

Сестра Секлетея жила одиноко, на сиротскомъ положеніи, въ собственной избушкѣ, за околицей деревни Мѣшково; но, несмотря на свое одиночество, на свое сиротство, была не послѣдній человѣкъ въ околоткѣ; знали далеко по деревнямъ и сосѣднимъ господскимъ усадьбамъ маленькую, черненькую, съ круглыми бѣгающими глазами Секлетею Софоровну, безъ умолку говорящую, все знающую, готовую на всякую послугу, какого бы рода она ни была. Знали ее крестьянскія дѣвки и горничныя господскихъ домовъ, желавшія скрыть тайну незаконной любви; знали ее молодые господа, скучающіе въ одиночествѣ, ищущіе столь свойственнаго юности развлеченія; знали ее и барыни и барышни, какъ мастерицу по части шитья гладью и расписыванія

узоровъ на репутаціи добрыхъ знакомыхъ. Секлетея гордилась своей популярностью, доступомъ въ господскіе дома, знала себѣ цѣну, но по свойствамъ своего характера, черезчуръ подвижнаго и способнаго къ увлеченіямъ, не умѣла создать себѣ не только обезпеченнаго, но даже безбѣднаго существованія. Вѣчно впопыхахъ, на послугахъ, на побѣгушкахъ по чужимъ дѣламъ, она въ то же время была рабою собственнаго сердца, пылкаго и неугомоннаго, несмотря на то, что пережила уже бабій вѣкъ. Некрасивая и навязчивая, Секлетея съ ранняго дѣтства томилась неутолимою жаждою любви: нерѣдко она успѣвала завоевывать расположеніе мужчины, но ненадолго, а еще чаще была бита и отвергаема. Столь желаемыя и усердно преслѣдуемыя узы брака и семейный очагъ не давались Секлетеѣ до тридцатилѣтняго возраста, когда она соединила себя узами съ больнымъ, глухимъ, старымъ кучеромъ своихъ господъ, который при освобожденіи крестьянъ остался за штатомъ и долженъ былъ искать угла и пріюта. У кучера, по слухамъ, водились деньжонки, скопленныя насчетъ разныхъ пропавшихъ безъ вѣсти возжей, ремней и иныхъ принадлежностей господскаго выѣзда, а также насчетъ худыхъ, недокормленныхъ боковъ господскихъ лошадей. На эти деньжонки разсчитывала Секлетея, избирая отставного разбитаго кучера вѣчнымъ спутникомъ своей жизни; этихъ денегъ дѣйствительно достало на постройку избушки за околицей деревни Мѣшково. Въ нее поселилась Секлетея со своимъ мужемъ, но недолго наслаждалась семейнымъ счастьемъ: отставной кучеръ, обрадовавшись собственной теплой печи, нажитой тяжкимъ трудомъ, залѣзъ на нее въ первый же день, какъ она затопилась, и не слѣзалъ цѣлыхъ три

года, а затѣмъ отправился къ праотцамъ. Секлетея осталась сиротою, но полною хозяйкою и своего дома, и своего сердца.

Пылкій темпераментъ Секлетеи не мѣшалъ ей сочувствовать чужому горю: она радушно и съ искреннимъ участіемъ встрѣтила Пелагею, когда та дотащилась до нея усталая, измученная дальней дорогой до послѣдней степени. Она уложила ее на на печку, укутала, заварила въ жестяномъ кофейникѣ чаю и напоила больную. Разспросамъ, разумѣется, не было конца, а выслушавъ отъ Пелагеи разсказъ о всѣхъ ея похожденіяхъ и просьбу не оставить и помочь, Секлетея возмутилась духомъ и не знала, на кого больше сердиться и кого больше бранить: злую ли свекровь Пелагеи; тюфяка ли мужа ея, безчувственную дубину; франта ли писаря, кутью прокислую; старшину ли пьяницу, толстопузаго дурака, или саму Пелагею, которая не умѣетъ за себя постоять и дается всякому въ обиду. Отъ расходившейся Секлетеи досталось всѣмъ.

— И безпремѣнно къ посреднику, безпремѣнно, — заключила она.—У меня всѣ знакомы, и я до всѣхъ дойду и тебя доведу. Вотъ полежи денекъ-другой у меня, раздышись маленько, да и пойдемъ. Умна, что ко мнѣ пришла, я тебя не оставлю, я всѣ дороги знаю. Къ посреднику-то, Филарету Иванычу, я довольно вхожа ... Да, надо эту толсторожую животную, старшину, расписать ему: пущай онъ ему толстое-то брюхо порастрясетъ. Онъ потачки имъ не даетъ: я сама видала, какъ они у него потѣютъ; другого такъ намылитъ: ровно оглашенный выскочитъ, раздышаться не можетъ, ровно изъ бани, даромъ что въ медали. Это они такъ, въ приказахъ-то своихъ, важность на себя напускаютъ, а тутъ

куда и прыть дѣнется. Какъ это можетъ статься: бабу изъ своего дома, отъ живого мужа, отъ родныхъ дѣтей выгнали! Этакого закона быть не можетъ, никто имъ этого не позволитъ. Взялъ жену, такъ корми! Вотъ у меня мужъ былъ больной, три года на печи лежалъ, да и то я не выгнала ... А что я? Баба!.. Земли у меня своей нѣтъ, на сиротскомъ положенiи живу, и то больного мужа прокормила ... И схоронила ... Все путемъ-порядкомъ, какъ быть слѣдуетъ ... А ужъ моего-то знали, каковъ былъ работникъ, много ли я отъ него корысти видѣла ... Онъ дуракъ,—остолопъ, твой муженекъ-то,—продолжала Секлетея:— не понимаетъ того, что кабы тебя поить да кормить какъ слѣдуетъ, да содержать въ порядкѣ, такъ ты бы была баба не по мужицкому рылу, а, можетъ быть, и иной бы господинъ за счастiе почелъ ... Знаю я этихъ дѣловъ довольно: иная вся-то грошъ стоитъ, ни кожи, ни рожи, не лучше насъ грѣшныхъ, а какъ добиваются, какiя бумажки бросаютъ ... страсть!.. Они только что, злодѣи, заморили тебя совсѣмъ, ликъ-то Божiй съ тебя сняли ... Помню я, какая ты въ дѣвкахъ-то была, а теперь, ну-ка, насилу и признала ... Тогда-то я, дура, не сдогаладась, дала тебѣ замужъ выдти, думала: все лучше, своя изба, своя печка ... А вотъ оно какъ лучше-то вышло: изъ своей-то избы да помеломъ ... Погоди-жъ ты, Агафья Дмитревна, я твой привѣтъ къ себѣ тоже помню, какъ ты меня угощала да привѣчала, какъ на праздники я приходила ... И Пелагеи мнѣ жалко: тоже сестра двоюродная, да и за себя я съ тобой посчитаюсь, я тебѣ покажу себя, меня всѣ господа въ округѣ знаютъ, а тебя, корявую, и въ комнаты-то не пустятъ!..

Лежа въ спокойномъ положенiи, на теплой печкѣ,

согрѣтая изнутри горячимъ чаемъ, Пелагея чувствовала себя почти въ блаженномъ состояніи: никакого воспоминанія о только что пережитыхъ оскорбленіяхъ, обидахъ и физическихъ страданіяхъ, никакого озлобленія противъ своихъ обидчиковъ; какъ будто ничего больше и не нужно ей было, кромѣ этого тепла и спокойствія, точно никакого горя у нея не было ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ; сердитая воркотня Секлетеи не вызывала въ ней сочувствія: она равнодушно, безучастно полу-выслушивала ея брань и угрозы, обращенныя къ ея недругамъ, точно ей до нихъ никакого дѣла не было и все это ея не касалось; ее клонило ко сну, глаза невольно смыкались.

— Вотъ такъ бы все и лежать, больше бы ничего и не нужно ...

Но вдругъ почему-то изъ всей длинной Секлетеиной рѣчи въ душу Пелагеи точно насильно ворвались слова сестры объ ея прошлой, утраченной красотѣ, о непоправимой ошибкѣ замужества: отъ этихъ словъ почему-то защемило сердце Пелагеи, ей сдѣлалось тошно и грустно, точно она сейчасъ имѣла что-то дорогое и неожиданно, невозвратно потеряла его. Никогда прежде не думала она о своей красотѣ, никогда ей и въ голову не приходила мысль, что могла бы ей быть другая судьба, или иное замужество, болѣе удачное и счастливое; она не думала объ этомъ даже въ самыя горькія минуты жизни, когда страдала физически, или когда притѣсняла ее и обижала свекровь, или мужъ по ея наущенью. И вотъ теперь, когда Пелагея обо всемъ забыла и наслаждалась полнымъ физическимъ довольствомъ, вдругъ новая мысль ворвалась къ ней въ голову и болѣзненно, скорбно отозвалась въ сердцѣ.

— Да, была и я красива: не мало мнѣ о томъ говорили, не мало ко мнѣ приставали въ дѣвкахъ. Не соваться бы мнѣ зря замужъ, подождать бы, въ людяхъ пожить: можетъ быть, и другая бы судьба вышла. Не такой бы, можетъ, и мужъ попался, не такъ бы берегъ меня, не отдалъ бы подъ началъ свекрови, не билъ бы по ея приказу, не оставлялъ бы безъ куска хлѣба, безъ угла, ровно собаку, не такъ бы ласкалъ, не тычкомъ бы, молча, на постель клалъ ... Не знаю я, горемычная, какъ мужья женъ любятъ, а ровно бы не такъ, какъ мой ... Вонъ, дѣтей цѣлуешь, всякія слова прибираешь, и рукой погладишь, и у сердца бы все держалъ, прижималъ ... Не видала я этого отъ моего Петра, не слыхала похвалы былой красотѣ своей, не слыхала словъ привѣтливыхъ, ласковыхъ; не злой онъ, а ровно деревянный, и жена-то для него словно лошадь какая: взялъ заложилъ да поѣхалъ, а не везетъ — такъ тычкомъ, или кнутомъ ее. Да и у меня, видно, нѣтъ къ нему жалости, ровно чужой. Сначала-то было его стыдно, послѣ привыкла, а тутъ ровно подневольная: противенъ даже иной разъ ... А супротивничать не смѣешь ... Только дѣтокъ, дѣтокъ однихъ жалко...

— Ну, ты теперь спи да отдыхай, вылеживайся, — прервала ея думы Секлетея,—отдохнешь денька дватри, да и пойдемъ къ мировому.

Мировой посредникъ лѣтъ пятнадцать уже считался женихомъ въ трехъ сосѣднихъ уѣздахъ, въ которыхъ имѣлъ небольшія помѣстья и занималъ множество разныхъ должностей: въ одномъ мирового посредника, въ другомъ попечителя уѣздныхъ учи-

лищъ и гласнаго, въ третьемъ посредника по полюбовному размежеванію; былъ старшиной клуба въ городѣ, опекуномъ разныхъ, заброшенныхъ хозяевами и потонувшихъ въ недоимкахъ помѣстій, числился предсѣдателемъ какого-то съѣзда, членомъ правленія какого-то мѣстнаго общества и пр. пр. Говорунъ и хлопотунъ, одержимый бѣсомъ дѣятельности, онъ не зналъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, безпрестанно разъѣзжалъ изъ уѣзда въ уѣздъ, зналъ имянины всѣхъ помѣщиковъ и помѣщицъ своего района и не пропускалъ ни однихъ; крестилъ дѣтей у хозяевъ постоялыхъ дворовъ, въ которыхъ приставалъ напиться чаю, или съѣсть яичницу по дорогѣ; дѣлалъ закупки въ городѣ по порученію деревенскихъ барышень, и былъ извѣстенъ знаніемъ и вкусомъ въ женскихъ костюмахъ; въ то же время онъ неустанно исполнялъ государственныя и свои обязанности. Подъ именемъ Филарета Иваныча извѣстенъ онъ былъ между крестьянами и помѣщиками всего околотка, и никто не спрашивалъ фамиліи, когда произносилось это имя, зная, о комъ идетъ рѣчь. Относительно крестьянъ онъ держалъ себя очень доступно, старался быть популярнымъ, любилъ разговаривать о крестьянскихъ нуждахъ, либеральничалъ, но возраженія и неповиновенія ненавидѣлъ, строго и иногда собственноручно взыскивая за нихъ; со всѣми старался жить въ миру, но крѣпко стоялъ за самостоятельность своихъ дѣйствій и не терпѣлъ вмѣшательства посторонней власти въ область своего вѣдѣнія; притомъ, по юркости своего характера, умѣлъ вмѣшаться въ каждую уѣздную сплетню, любилъ до смерти оффиціальную перебранку на бумагѣ и потому часто ссорился съ уѣздными властями и попадался въ такъ-называемыя уѣздныя исторіи.

Къ нему-то и вела Секлетея свою бѣдную сестру. Застать Филарета Иваныча дома было весьма трудно, но Секлетея шила на него рубашки, сообщала ему сплетни, сватала сосѣднихъ барышень, два раза передавала записки отъ одной помѣщицы - вдовы, вслѣдствіе этого была знакома со всей дворней мирового и надѣялась, что если она и не застанетъ дома самого барина, то найдетъ и привѣтъ, и совѣтъ, и даже гостепріимство у дворни. Но Филаретъ Иванычъ на счастье былъ дома. Онъ былъ сильно заинтересованъ только что возникшею оффиціальною перепиской съ исправникомъ по поводу неявки къ послѣднему старшины Григорія Иванова, и съ злорадною улыбкою, со жгучимъ наслажденіемъ строчилъ колкій отвѣтъ на бумагу исправника, подвергшаго старшину какому-то взысканію. Самъ Григорій Ивановъ въ подобострастной позѣ, со сложенными назади руками, съ опущенною головой, со смиреннымъ обиженнымъ выраженіемъ лица стоялъ въ углу кабинета посредника и отъ времени до времени, скоса поглядывая на него, тяжело вздыхалъ.

— Ты не бойся, Григорій Иванычъ, — заговорилъ посредникъ, лихо расчеркиваясь подъ письмомъ, которое окончилъ: — я сказалъ тебѣ, что не дамъ въ обиду не только тебя, но ни одного послѣдняго изъ моихъ подчиненныхъ — и это вѣрно, будь въ этомъ покоенъ. Не только медаль съ тебя снять, или подъ судъ отдать — исправнику не удастся ничего тебѣ сдѣлать ... А насчетъ его крика, брани, угрозъ, хватанія тебя за медаль, которая тебѣ дана по волѣ самого Государя Императора, мы объ этомъ еще поговоримъ съ исправникомъ.

— На васъ только и надежда, Филаретъ Ива-

нычъ. Безъ васъ мы ровно дѣти безъ отца, ровно сиротки.

— Ужъ это будь покоенъ. Вотъ я тутъ ему кое-что написалъ: пускай раскуситъ ... Нынче не прежнее время ... Полиція должна исполнять, а не умничать, и не распоряжаться ...

— Онъ, г. исправникъ, говорилъ, что якобы онъ такой же намъ, старшинамъ, начальникъ, какъ и ваше высокоблагородіе, Филаретъ Иванычъ, и даже наиболѣе, какъ вы насчетъ только мірскихъ дѣловъ и по землѣ, а онъ по всѣмъ дѣламъ: и по дорогамъ, и по недоимкамъ, и насчетъ всякаго спокойствія и порядка ... Кого же намъ будетъ слушаться, Филаретъ Иванычъ, если и ваше высокоблагородіе намъ начальникъ — это ужъ безо всякаго сумлѣнія, какъ, напримѣръ, и по Положенію, — а тутъ будто и г. исправникъ начальникъ, и г. становой—начальникъ и всѣ будутъ начальники?.. Что-жъ намъ будетъ тогда дѣлать: вы одно изволите приказывать, а они совсѣмъ другое?.. Вы къ себѣ, примѣрно, приказываете явиться, потому мы за всякій часъ обязаны и должны, а они къ себѣ требуютъ ... Человѣку не разорваться ... Какъ же такъ? Кому-жъ мы отданы, кто надъ нами поставленъ? Само собой, одинъ г. посредникъ: къ нему мы и должны завсегда принадлежать ... Вотъ мое разсужденіе. При этомъ при всемъ мы отъ вашего высокоблагородія довольны: вы и поучите, и взыщете, и на путь наставите, а отъ нихъ только одинъ взыскъ, брань и обида ... Какъ же такъ?.. Мы къ вамъ все равно какъ къ отцу ... Какъ прежде къ барину, такъ нынче къ вамъ ... Вотъ я какъ правильно понимаю, Филаретъ Иванычъ, по-своему, по-глупому, по-мужицкому ...

— И совсѣмъ не глупо, и не по-мужицки, а совершенно согласно съ моими взглядами ... Такъ я всегда и толковалъ вамъ ...

— За то-то насъ и обижаютъ, Филаретъ Иванычъ ...

— Никто тебя не обидитъ, не безпокойся: я уже тебѣ сказалъ. Вотъ этотъ конвертъ взять и отправить къ исправнику съ нарочнымъ.

— Защитите, Филаретъ Иванычъ, если что: уморю, говоритъ, подъ арестомъ, посажу на недѣлю; просидишь — выпущу; только отойдешь два шага, опять, говоритъ, въ темную, снова на недѣлю ...

— Онъ это говорилъ?..

— Умереть на мѣстѣ — говорилъ: не осмѣлюсь солгать передъ вами ...

— По закону никто ничего не можетъ сдѣлать тебѣ безъ меня ... Это однѣ угрозы ... А вотъ послушай, что я пишу исправнику насчетъ этихъ угрозъ ...

Филаретъ Иванычъ вынимаетъ изъ конверта сложенную было и приготовленную къ отправкѣ бумагу и вновь съ наслажденіемъ прочитываетъ про себя все сначала, отыскивая мѣсто, которымъ хотѣлъ подѣлиться со старшиной.

— А, вонъ оно: слушай ... „Что же касается до угрозъ, — читаетъ онъ, — которыя вы изволили высказывать бухаловскому волостному старшинѣ, то на это я могу замѣтить, что власть, снабженная прерогативами, никогда не прибѣгаетъ къ угрозамъ, ибо угрозы не доказываютъ силы, не служатъ къ моральному исправленію и ничего не внушаютъ, кромѣ сомнѣнія относительно ихъ правильности, и тѣмъ возбуждаютъ подчиненное лицо къ недоумѣнію и даже грубости, особенно если эти угрозы соединены съ

нарушеніемъ закона и превышеніемъ власти, ибо всѣ взысканія, которымъ можетъ подлежать старшина, налагаются не иначе, какъ однимъ только мировымъ посредникомъ. Не считаю нужнымъ указывать въ подтвержденіе моихъ словъ на статью закона, полагая, что она вамъ, м. г., извѣстна, какъ должностному лицу, столь же хорошо, какъ и мнѣ". Вотъ видишь, какъ я ему пишу.

— Это такъ точно, Филаретъ Иванычъ, все истинно вы такъ пишете: угрозы были ... При писарѣ ... А что намъ угрожать? Мы люди темные: насъ напугать недолго!.. А мы свое начальство знаемъ: намъ данъ мировой посредникъ, мы это и должны чувствовать ... А что же намъ угрожать...

— А вотъ пишу далѣе,—продолжалъ посредникъ, увлекшись своимъ краснорѣчіемъ:—„я не могу дать вѣры жалобѣ, что будто бы ваши угрозы сопровождались дѣйствіемъ рукъ: хватаніемъ за медаль, хотя этому факту и были свидѣтели, ибо, полагаю, вамъ должно быть извѣстно, что медаль есть неприкосновенный знакъ, возлагаемый высшею властью на старшинъ, какъ доказательство ихъ званія и достоинства, и хватаніе его есть дѣйствіе въ нарушеніе достоинства, принадлежащаго званію должностного лица. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго я не могу исполнить вашего требованія о наложеніи взысканія на бухаловскаго волостного старшину за неисполненіе будто бы имъ полицейскихъ распоряженій, состоящее главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не явился къ вамъ въ назначенный день, тогда какъ онъ въ этотъ же самый день даходился по дѣламъ службы у меня; относительно же всей прочей служебной дѣятельности я, какъ ближайшій и непосредственный его начальникъ, всегда замѣчалъ съ

его стороны усердіе и исполнительность"... Понялъ ты это, какъ я тебя аттестую?..

— Какъ же не понять, Филаретъ Иванычъ: истинно, что я готовъ завсегда всю душу положить по вашему приказу, и ужъ нѣтъ человѣка исправнѣе меня насчетъ всего...

— Ну, не очень-то, братъ, ты тоже не очень бахвалься... Это вѣдь я только такъ, въ пику исправнику, а то я тебя хорошо знаю: ты тоже дуракъ и пьяница не послѣдній, и лѣнтяй порядочный...

— Какъ же это можно, Филаретъ Иванычъ... Я, кажется...

— Ну, да, да, ты со мной-то не очень разговаривай... Я не исправникъ... Я каждаго изъ васъ насквозь знаю: меня не проведешь... На-ка вотъ, возьми конвертъ, да убирайся: надоѣлъ...

Только что старшина, послѣ низкихъ поклоновъ, бокомъ вышелъ изъ кабинета, въ него вошелъ лакей, который доложилъ Филарету Иванычу, что пришла Секлетея съ какой-то бабой жаловаться на этого самаго бухаловскаго старшину. Филаретъ Иванычъ велѣлъ задержать старшину и позвать Секлетею съ бабой.

— Ахъ-съ, Софоровна!.. Секлетея Софоровна, ну, что вы скажете?—обратился къ ней посредникъ въ шутливомъ тонѣ.

— Къ вамъ-съ, Филаретъ Иванычъ...

— Вижу-съ... Чему обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?.. А рубашки-то послѣднія ты мнѣ плохо сшила.

— Не можетъ этого быть, Филаретъ Иванычъ: отъ всего моего усердія старалась.

— Да, старалась, а въ воротѣ узки и на груди топырятся.

— Вѣрно, изволили пополнѣть маненько; дай Богъ на здоровье ... Это не веща, Филаретъ Иванычъ, можно поправить, припустить; а насчетъ строчки-то изволили замѣтить, ужъ, кажется, хоть на выставку сейчасъ ...

— А рукава длинны скроила: вся манжетка вонъ изъ-подъ сюртука вылѣзаетъ ...

— Для виду я это нарочно сдѣлала, Филаретъ Иванычъ, потому виду въ этомъ гораздо больше: вы полотно изволите носить тонкое, хорошее, вамъ манжетки на выпускъ не стыдно показать ни передъ какой барышней ... И запонки у васъ золотыя на виду превосходно!.. Это не какъ у прочихъ господъ, что изъ домотканной холщевки рубашки шьютъ, чтобы только обманъ сдѣлать, что бѣлье носятъ: надѣнетъ да и прячетъ, боится, чтобы много не выставилось ...

— Такъ-то такъ, да ужъ очень мнутся въ дорогахъ, а вѣдь ты знаешь: я все въ разъѣздахъ... Прiѣдешь куда, посмотришь: и смялись, и загрязнились ...

— Коли угодно, и это не веща, и это можно сдѣлать короче, только что я нарочно для вашего же вида старалась.

— Ну-съ, однако, извольте говорить, какое ваше дѣло: мнѣ ѣхать пора.

— Вотъ это сестричка моя: не родная, а двоюродная, — начала Секлетея, указывая на Пелагею и, описавши яркими красками бѣдственное семейное положенiе сестрицы, принесла жалобу на невниманiе къ ея просьбѣ старшины и просила защиты и покровительства посредника.

— И какая она была красавица въ дѣвкахъ, еслибы вы могли только предвидѣть, Филаретъ Ива-

нычъ, — заключила Секлетея: — а вотъ что съ ней сдѣлали мужицкая-то нужда, да свекровь-матушка: въ гробъ баба смотритъ ...

— Такъ ты чего же хочешь, обратился Филаретъ Иванычъ къ Пелагеѣ: — чтобы тебя опять мужъ взялъ къ себѣ?

— Куда же мнѣ, батюшка, дѣться: я человѣкъ безродный, болящій ...

— Да вѣдь тебя свекровь опять тиранить будетъ ...

— По крайности я хошь при дѣтяхъ буду, хошь смотрѣть на нихъ стану: и умирать стану, такъ на моихъ глазахъ они будутъ.

— Опять же на васъ надежда, Филаретъ Иванычъ; прикажите постращать свекровь-то, да и мужа, такъ, можетъ, и побоятся васъ, и тиранить не будутъ — подсказала Секлетея.

Филаретъ Иванычъ велѣлъ позвать старшину.

— Ты знаешь эту бабу? — спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, ровно невдомёкъ, Филаретъ Иванычъ.

— Да вѣдь она къ тебѣ приходила дня три-четыре назадъ, жаловалась на свекровь и мужа, что изъ дома выгнали ...

— А, такъ точно, запамятовалъ, приходила: много вѣдь ихъ ходятъ, вдругъ-то не призналъ.

— Что же ты, какое сдѣлалъ распоряженіе по ея просьбѣ?..

— А что я? Какъ я тебѣ, бабка?.. Что я сказалъ?.. Кажись, я всякое ублаготвореніе тебѣ сдѣлалъ?...

— Вы прошеніе велѣли подать, а на словахъ и слушать не хотѣли, — вмѣшалась Секлетея.

— Это вѣрно, Филаретъ Иванычъ; прошеніе, я говорю, подай, потому мы сейчасъ въ книгу, а потомъ и судъ, и разборъ, чтобы все въ порядкѣ ...

Я такъ и ублаготворилъ ее: я говорю, прошеніе, бабочка, подай, потомъ я тебѣ всякой разборъ и защиту сдѣлаю ...

— Это кому же прошеніе-то подавать?—вскипѣлъ Филаретъ Иванычъ: — тебѣ, что ли? Ахъ ты, рыло дурацкое!.. Онъ прошенія приказываетъ себѣ подавать ... Да какъ ты это смѣешь выдумывать? Чѣмъ ты, какимъ мѣстомъ прошенія-то будешь читать?.. Вѣдь ты аза не смыслишь въ грамотѣ, а тоже, видишь ты, чиновника изъ себя разыгрываетъ: прошеніе ему подай ...

— Я не для того, Филаретъ Иванычъ, а бываетъ, на волостной судъ дѣло идетъ ...

— Такъ что же? Какіе у васъ тамъ грамотѣи судятъ: тѣ же неграмотные мужичье, какъ и ты.

— Потому въ книгу приказано заносить ...

— Такъ рѣшенія, дуракъ, рѣшенія, а все разбирательство — словесное и по словесной жалобѣ начинается ... Сколько разъ говорено было... Это писаришка твой выдумываетъ, а ты, дуракъ, потакаешь ... Смотри у меня ... Чтобы этого впередъ не было ... Какъ кто пришелъ съ жалобой, или съ просьбой, сейчасъ разбирать ... И никакихъ прошеній ... Слышишь?..

— Слушаю, Филаретъ Иванычъ ... Какъ прикажете, такъ и будемъ подражать.

— Да, такъ и подражай... А насчетъ этой женщины вотъ тебѣ мое приказаніе: тотчасъ, какъ пріѣдешь домой, вызвать ея мужа и свекровь и сказать моимъ именемъ, чтобы они не смѣли ее выгонять и обижать, а держали бы, какъ слѣдуетъ больного человѣка ... Слышишь?..

— Слушаю, Филаретъ Иванычъ ... А если не послушается старуха-то: не приметъ?

— Какъ смѣетъ не послушаться: моимъ именемъ скажи, пригрози ... А то волостной судъ собери, пускай судъ разберетъ ... Да въ наказаніе тебѣ за то, что она вотъ должна была идти сюда ко мнѣ жаловаться на тебя, возьми ее теперь же съ собой и на своихъ лошадяхъ довези прямо до ея избы и водвори тамъ: этакъ-то будетъ короче и ей покойнѣе ... Слышишь? ...

Григорій Иванычъ молчалъ и переминался съ ноги на ногу.

— Что молчишь, или не слышишь, что говорю? ..

— Слышу, Филаретъ Иванычъ ... Не бойко бы имъ было, не растрясти бы по ихней болѣзни ...

— Ничего, а ты потише поѣзжай, поосторожнѣе ... Не молодцуй ... Ну, ступайте ... Прощай, Софоровна, мнѣ ѣхать пора.

Секлетея, послѣ многочисленныхъ благодарностей, съ торжествомъ вышла вслѣдъ за старшиной, въ сопровожденіи Пелагеи.

Лошади ожидали старшину за воротами. Не оборачиваясь, сердитый, недовольный, онъ подошелъ къ телѣгѣ и сѣлъ въ нее. Ямщикъ хотѣлъ-было тронуть лошадей, но старшина сурово остановилъ его.

— Стой! — прикрикнулъ онъ на ямщика. — Вотъ чортова служба ... Надоѣли, окаянные ... Не дотянешь, кажись, до конца срока! .. Ну, что еще, ждать я тебя буду, что ли? — сердито обратился онъ къ Пелагеѣ, которая стояла невдалекѣ съ Секлетеей, обнималась, благодарила и прощалась съ нею. — Полѣзай, что ли ... Вишь, какіе законы пошли: еще непріятности изъ-за нихъ примай, да возись съ ними ... Вишь, потаскуха, за сколько верстъ спроворила, прибѣжала, а еще, говоритъ, больна, мочи нѣтъ ...

— Чтой-то это, Григорій Иванычъ: неужто и эту

съ собой посадите... Далеко ли эку барыню везти-то? — спросилъ ямщикъ.

— Молчи, не твое дѣло... Садись, говорятъ, что ли... Вваливайся... Эхъ, чортова кукла...

— Да я, пожалуй, господинъ старшина, и пѣшкомъ добреду помаленьку: поѣзжайте себѣ съ Богомъ, только не оставьте меня...

— Къ чемуй-то это ты пѣшкомъ пойдешь, когда самъ Филаретъ Иванычъ приказалъ старшинѣ подвезти тебя до самаго дома, да еще и ѣхать тише, да осторожнѣе, по болѣзни твоей... Садись, садись, ничего! — говорила Секлетея. — А ты пододвинься, батька... Что разсѣлся на всю телѣгу: подожми пузо-то, тебѣ не родить... Вишь ты, больно вы важны, какъ не на глазахъ у барина-то; да Филаретъ Иванычъ, дай Богъ ему здоровья, умѣетъ вашу братью сокращать... Садись, Палаша; не взирай на него... Вотъ, господинъ старшина, хоть вы и начальство, и старшина, а и намъ, бабамъ, почтеніе должны оказать... Смотри же ты у меня, не больно тряси, осторожнѣй поѣзжай, а то, Филарету Иванычу отвѣтишь... Ну, ловко ли сидѣть-то, Палаша?

— Ловко, ловко, сестрица.

— Ну, прощай, Богъ съ тобой, а коли что,—приходи опять: небось, въ обиду не дамъ, завсегда заступлюсь. Ну, прощайте, господинъ старшина, да и впередъ помни Секлетею Софоровну... Ну, трогай, братъ, поѣзжай съ Богомъ! — обратилась она къ ямщику, который съ застывшей на губахъ насмѣшливой улыбкой и съ изумленіемъ, полуоборотясь, смотрѣлъ на эту сцену. Григорій Иванычъ сидѣлъ совсѣмъ отворотясь въ сторону и молчалъ, сердито пыхтя.

Лошади тронулись легкой рысцой.

XI.

Старшина Григорій Иванычъ, глубоко обиженный униженіемъ, которому подвергъ его посредникъ, обязавши ѣхать вмѣстѣ съ какой-то убогой бабой, одѣтой въ рубище, чувствовалъ это униженіе тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ мѣсту своего владычества, къ своей волости. Сначала онъ ѣхалъ мрачно и молчаливо, отворотясь въ сторону отъ Пелагеи и стараясь забыть объ ея присутствіи; изрѣдка онъ невольно, съ озлобленіемъ, взглядывалъ на нее, но тотчасъ же отворачивался, когда глаза ихъ встрѣчались, и, выбрасывая ругательное слово, съ досадою плевалъ на дорогу. Безпрестанно ворочаясь на сидѣніи телѣги, онъ до того стѣснилъ бѣдную Пелагею, что та едва держалась на своемъ мѣстѣ. Она инстинктивно чувствовала, какъ старшина недоволенъ ея сосѣдствомъ, и сидѣла съёжившись, опустя внизъ голову и искоса, робко, взглядывая на него. Ямщикъ тоже отъ времени до времени оборачивался на своихъ сѣдоковъ и втихомолку лукаво ухмылялся, трася головой и помахивая кнутомъ.

Старшина приказалъ, минуя село и не заѣзжая въ правленіе, ѣхать прямо въ деревню Пелагеи.

— Вотъ вы тутъ ссоритесь да бранитесь, черти,— проговорилъ онъ наконецъ, полуобращаясь къ Пелагеѣ, — а начальство изъ-за васъ должно безпокоиться. Чай, сама виновата, что прогнали изъ дома, а тоже жаловаться лѣзетъ.

— Вся моя вина, что больной человѣкъ, не цѣломожный, — отвѣчала Пелагея, — больше никакой вины за собою не знаю.

— Ладно, вотъ ужо все разберу. Чай, свекровь-то слово, а ты—десять. Либо лѣнь непрово-

ротная ... Небось, за одну хворь не выгонятъ ... Вотъ постой ужо я все допрошу! Еще господина посредника вздумала безпокоить со своими пустяками ... Вишь ты, сейчасъ и жаловаться побѣжала!..

— Ужъ очень горько мнѣ, господинъ старшина: никто-то въ моей бѣдѣ не помощникъ, никто не заступникъ. Человѣкъ я темный: куда научатъ, туда и иду.

— Всѣхъ васъ будешь принимать да слушать— съ ума сойдешь... Нѣтъ, вѣдь васъ много, какъ всѣ подниметесь: у васъ дѣлъ-то не оберешься ... У васъ изъ-за каждаго горшка дѣло ... Нѣтъ хуже бабы на свѣтѣ!..

Они въѣзжали въ Сгорьево.

— Ну, которая изба-то твоя? Показывай ...

— Вотъ за переулкомъ будетъ третья.

У Пелагеи замерло сердце, захватило дыханіе. „Что-то будетъ? Что-то скажетъ свекровь? Что-то дѣтки подѣлываютъ? Обрадуются ли мнѣ, али нѣтъ?“ думала она.

Наступилъ уже вечеръ. Крестьяне возвращались съ поля домой, и деревня не была безлюдна, какъ бываетъ обыкновенно среди дня въ лѣтнее время. Колокольчикъ старшины, крѣпко подвязанный у дома посредника и отпущенный, какъ только лошади отъѣхали отъ этого дома на извѣстное разстояніе, звономъ своимъ привлекъ вниманіе крестьянъ. Изъ оконъ, изъ воротъ высовывались любопытныя лица, и въ ту минуту, какъ телѣга старшины остановилась у избы Пелагеи, на улицѣ уже толпился народъ, пока еще въ разсыпную, маленькими кучками по два, по три человѣка: всѣ смотрѣли съ недоумѣніемъ на грознаго старшину, самолично привезшаго прогнан-

ную изъ дома Палашку. Пелагея страдала и отъ страха предъ встрѣчей со злою свекровью, и отъ стыда предъ этою толпою любопытныхъ сосѣдей.

„Господи, помиулй, до чего я дошла! — мелькало у нея въ головѣ. Эка ужасть, эка срамотушка, не приберешь Ты меня, Господи!“

Вотъ лошади остановились передъ ея избою, вотъ изъ окна выглянуло плоское лицо Агафьи и тотчасъ же опять мгновенно скрылось; оконце захлопнулось. Пелагея не успѣла даже разсмотрѣть выраженіе лица свекрови; но сердце ея облилось кровью и забилось еще скорѣе прежняго: она чувствовала и страхъ, и злость какую-то, желаніе бѣжать, куда глаза глядятъ, безъ оглядки, и готовность защищаться, даже напасть на врага.

— Эй, ты, старуха ... Кто въ окно-то выглядывалъ? — спросилъ старшина, слѣзая съ телѣги.

— Свекровь, — проговорила Пелагея дрожащимъ голосомъ.

— Эй, выдь сюда! — продолжалъ старшина, подходя къ окну.

Отвѣта изъ избы не было.

— Али не слышишь, чортова кочерга? Выдь, говорятъ, сюда! — повторилъ старшина и постучалъ въ окно; но никто не откликнулся.

Пелагея, какъ одурѣлая, сидѣла неподвижно въ телѣгѣ.

— Ну, что сидишь, вылѣзай. Пойдемъ въ избу ... Вишь ты, черти, не откликаются, ровно всѣ передохли въ избѣ-то ... Постой, я васъ расшевелю! Какъ мужа-то звать? ...

— Пётра ...

— Что, Петрушки-то дома нѣтъ, что ли? — спро-

силъ онъ, обращаясь къ толпѣ, подошедшей уже къ телѣгѣ, но стоявшей еще вдали.

— На полѣ онъ, господинъ старшина,—отозвался одинъ изъ мужиковъ.

— Позвать ...

— Бѣги, ребята!—говорили мужики, оборачиваясь одинъ къ другому.

Двое изъ толпы отдѣлились и стремглавъ побѣжали, стараясь опередить одинъ другого.

— А старосты отчего нѣтъ?

— Онъ тоже, знать, въ полѣ,—отвѣчалъ одинъ голосъ.

— За нимъ хозяйка побѣгла, — замѣтилъ другой.

— Кликнуть скорѣй! — командовалъ старшина.

— Бѣги, ребята! бѣги скорѣй!—вновь повторяли мужики одинъ другому, и снова двое отдѣлились изъ толпы и побѣжали въ перегонку.

— Духота, чай, въ избѣ-то, мерзость ... Постели мнѣ здѣсь что нибудь, сяду, — приказывалъ старшина, не обращаясь ни къ кому исключительно и указывая пальцемъ на завалину.

Мгновенно два кафтана были сброшены съ плечъ и разостланы на завалинѣ.

— Палашку привезли, Григорій Ивановичъ, сами безпокоились, — заговорилъ заискивающимъ голосомъ одинъ изъ скинувшихъ кафтанъ, бѣлобрысый мужикъ съ глуповатымъ лицомъ, который былъ извѣстенъ тѣмъ, что ежедневно билъ свою жену и лошадь.

— Да вотъ они, черти, тутъ канителятся, а начальство изъ-за нихъ безпокойся ... Поди-ка, кликни ко мнѣ старуху-то ея ... Что она прячется? Вѣдь все равно вытребую ... Скажи, что старшина молъ, требуетъ: сейчасъ бы шла.

Бѣлобрысый мужикъ съ большой готовностью поспѣшилъ исполнить приказаніе старшины, но скоро воротился съ изумленнымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Нейдетъ, Григорій Иванычъ ...

— Какъ нейдетъ? ... Ко мнѣ-то нейдетъ, къ старшинѣ? ... Что она у васъ — съ придурью, что ли?

— Нѣтъ, она у насъ степенная старуха, работящая ... Дурости мы въ ней никакой не видали,— отозвались изъ толпы.

— Такъ какъ же она къ начальству нейдетъ, къ старшинѣ своему? ...

— И я тоже, Григорій Иванычъ, — подтвердилъ бѣлобрысый мужикъ, — я говорю: баушка Агафья, что ты, въ умѣ ли? Вѣдь самъ старшина тебя требуетъ, — а она: что, говоритъ, мнѣ вашъ старшина, онъ про васъ, про мужиковъ, а не про бабъ ... Нечего мнѣ съ нимъ разговаривать: вотъ онъ Палашку привезъ съ собой, пускай и назадъ съ собой увезетъ: мнѣ ни ее, ни его не надо ... Вотъ только и сказала и дверьми хлопонула мнѣ ... Я такъ и обмеръ: батюшки мои, вотъ тебѣ разъ, вотъ старуха, ужъ старшину не уважаетъ ... Куда ее теперь послѣдуютъ? ... батюшки мои! ...

— Потому дура ... Вотъ я ей сейчасъ покажу, какъ къ старшинѣ нейти ... Охотой не пошла, силой приволокутъ ... Гдѣ староста-то? ...

— Вотъ я здѣсь, Григорій Иванычъ, — говорилъ запыхавшись, протискиваясь чрезъ толпу, черный, дюжій мужикъ, съ огромными руками и ногами, съ маленькими смѣющимися глазками, приземистый и широкоплечій, чрезвычайно похожій сзади на медвѣдя.

— Что у тебя тутъ, бабы бунтуютъ? ...

— Какъ бабы, Григорій Иванычъ? Никакъ нѣтъ! — ухмыльнулся староста. — У насъ бабы тихія ...

— Да какъ же: зову вотъ ея свекровь, а она нейдетъ, ослушается ... Поди притащи ее сюда. Не мнѣ же къ ней идти ...

— Это какъ можно ослушаться, Григорій Иванычъ ... Сейчасъ приволоку.

Староста вошелъ въ избу Агафьи и чрезъ минуту въ ней послышались сначала брань, стукъ какой-то, потомъ истерическій визгъ; вслѣдъ затѣмъ изъ воротъ показался староста, тащившій за собою Агафью, которая упиралась, хваталась за стѣны дома, бросалась на землю и страшно визжала. Староста тащилъ ее упорно и хладнокровно, какъ бы тащилъ упрямую корову за рога. Приволокши ее такимъ образомъ до старшины, староста ее оставилъ, а Агафья повалилась на землю и каталась у ногъ старшины съ визгомъ и ревомъ.

— Молчи, старая чертовка ... Молчать! — кричалъ старшина; но Агафья не унималась и визжала еще громче.

— Вотъ и разбирай съ ними дѣла ... Ахъ вы, дьяволы-мучители ... Да что она, порченая, что ли?

— Никогда съ ней этого не бывало: работящая старуха, первая — отозвались изъ толпы.

— Николи не бывало; видно, теперь что подѣлалось, — говорили въ свою очередь бабы, протискиваясь впередъ и окружая Агафью.

— И-и-и ... И-и-и! — визжала Агафья на всю деревню.

— Баушенька, баушенька, нишкни ... Чтой-то ты, чтой-то ... Сотвори крестъ ... Да прикройте ее, дѣвки ... Спрысните ее ... А-а, батюшки! ... Хрестная сила! ... Изыди! ... Да воскреснетъ и

расточатся ... Яко воскъ ... На небеси и на земли ... Аминь, аминь! — раздавалось изъ толпы бабъ, окружившихъ Агафью и суетившихся вокругъ нея.

— Да чортъ съ ней! ... Оттащите вы ее, что ли, — приказалъ озадаченный старшина. — Что подѣлаешь? Вотъ бы Филаретъ Иванычъ посмотрѣлъ ... Вотъ и суди! ... Ахъ ты, Боже мой милостивый! ... Вотъ напасть-то ... Гдѣ Петрушка-то, ея мужъ? ... Пришелъ? ...

— Я здѣсь, — отвѣтилъ Петръ, давно уже безучастно стоявшій въ толпѣ.

— Что-жъ ты нейдешь? ...

— Я пришелъ тотчасъ ...

— Зачѣмъ ты жену прогналъ отъ себя? ...

— Не я прогналъ, матушка ...

— Зачѣмъ?

— Ея воля родительская. Я не могу знать.

— Да развѣ ты не мужъ ей, уродъ! ... Развѣ не тебѣ съ ней жить-то? Дѣти, чай, у васъ есть?

— Какъ не быть: дѣти есть ...

— Такъ какъ же вы мать-то отъ дѣтей прогнали? ... Вѣдь она, чай, законная жена тебѣ: ты ее долженъ содержать ... За что же вы прогнали-то ее?

— Это родительская воля: я при родительницѣ живу. Она, матушка, не захотѣла. — По — мнѣпущай бы жила, ничего ... А матушка говоритъ: не надо. Ну, и не надо ... Мнѣ все единственно.

— Да за что прогнала-то? Грубила она, что ли, ей, али не слушалась, не работала? ...

— Стало быть, не потрафила ... Какая отъ нея работа: она человѣкъ хворый; одна матушка убивается ... Она только лежитъ ...

— Такъ какъ же ты, братецъ, законную жену изъ дома, отъ дѣтей гонишь, да еще и брюхатую? ...

— Матушка прогнала ... Мнѣ противъ родительской заповѣди идти нельзя ...

— Да ты матери повинуйся, а жену, особливо больную, ты долженъ кормить и содержать ...

— Намъ и самимъ-то ѣсть нечего ... Кабы не матушка, и податей-то бы не справить, не то, что ее кормить да содержать ... Мы и то ее сколько лѣтъ даромъ кормили, а она на боку только лежала ...

— Ну, такъ вотъ тебѣ сказъ: я, вотъ, тебѣ ее привезъ, изволь взять и кормить, и соблюдать ее, какъ жену; а тиранить не смѣйте ...

Старшина указалъ на Пелагею, которая въ это время обнимала и цѣловала одного изъ своихъ дѣтей, воспользовавшагося отсутствіемъ бабушки и выползшаго вслѣдъ за нею за ворота. Она что-то шептала и приговаривала; слезы градомъ текли изъ ея глазъ.

— Видишь ты: вонъ она какъ убивается ...

— Да что̀ говорить; какова ни есть, а все мать,— отозвался кто-то изъ толпы со вздохомъ.

— Ну, такъ получай же, — продолжалъ старшина. Возьми ее ... Да чтобы дуростей я больше никакихъ не слыхалъ ... Вотъ все тебѣ сказано отъ меня ... Помни же ...

Старшина поднялся на ноги, считая свое дѣло оконченнымъ и намѣреваясь уѣхать. Видъ плачущей надъ своимъ дѣтищемъ Пелагеи тронулъ его: ему вообразилось, что онъ совершилъ большой подвигъ примиренія цѣлой семьи, возвратилъ дѣтямъ мать и мужу жену.

— Ты что же стоишь, несообразный ты человѣкъ, — обратился онъ къ Петру, который стоялъ передъ нимъ неподвижно съ нерѣшительнымъ видомъ, посматривая въ ту сторону, гдѣ была его мать. Тебѣ бы вѣдь слѣдовало хоть поклониться начальству-то, да поблагодарить, что вотъ безпокоился самъ, привезъ къ тебѣ жену, да соглашалъ васъ, мирилъ, уговаривалъ ... Вѣдь еслибы я тебя прямо на волостной судъ, такъ тамъ бы, пожалуй, за экое дѣло ведромъ не отдѣлался бы ... Эхъ вы, нечувствительные! ...

— Да ужъ, Григорій Ивановичъ, нынче начальство объ насъ ... Ужъ нечего сказать, дай Богъ здоровья ... Отцы объ дѣтяхъ этакъ не стараются, какъ вы объ насъ — подольстился одинъ мужикъ.

— Кланяйся, дуракъ, что ли, благодари, — поталкивалъ Петра староста.

— Да мнѣ его поклоновъ не нужно, мнѣ они все равно, что наплевать ... А вотъ приметъ онъ жену въ домъ какъ слѣдуетъ, будетъ съ ней жить въ мирѣ да въ согласіи, вотъ тогда и насъ добромъ помянетъ, что какъ о немъ, дуракѣ, начальство заботилось ...

— А я, Григорій Иванычъ, самоварчикъ припасъ ... Пожалуйте, съ дорожки-то, — говорилъ староста.

— Ничего, можно, пожалуй ... Ну, веди же жену въ избу, чтобы я самъ видѣлъ, — обратился старшина къ Петру.

— Ну, ужъ нѣтъ, ужъ не приму, не пущу! — вдругъ, выскоча изъ толпы, закричала Агафья, которая давно уже перестала визжать и молча прислушивалась къ разговору старшины съ сыномъ. — Либо я, либо она ... А не послушаетъ сынъ, — про-

кляну и изъ дома уйду: пущай съ голоду пропадаетъ и съ ребятишками и съ лежебокой своей ...

— Да что ты, бѣшеная, что ли, и самъ-дѣлѣ, старый чортъ? Что ты, не понимаешь, что ли, кто тебѣ приказываетъ? ... Вѣдь я приказываю, старшина, начальство твое ... Не кто другой? ...

— Да мнѣ кто хочетъ приказывай ... а въ своемъ дому я сама большая ... Не кто меня поитъ-кормитъ, не начальство, — сама, своимъ горбомъ добываю ... Нечего мнѣ приказывать ... Ты хошь расказни меня, а я про нее работать не стану. Нѣтъ, ужъ сыта, довольна ... Пущай она по чужимъ домамъ, на боку-то лежа, промышляетъ, а намъ ее кормить нечѣмъ ...

— Молчать! — заревѣлъ старшина. — Какъ ты смѣешь со мной разговаривать? ... Ты знаешь ли, кто велѣлъ ее сюда привезти и съ мужемъ соединить? ... Самъ баринъ, Филаретъ Ивановичъ, приказалъ, дура ты этакая ...

— Не знаю я никакого твоего барина, нечего меня бариномъ-то стращать ... Всякъ въ своемъ дому господинъ ... А коли твой баринъ больно жалостливъ къ ней, такъ и пущай возьметъ къ себѣ, и ублажаетъ, намъ не жалко ...

— Старая вѣдьма, — да вѣдь я тебя подъ арестъ возьму за этакія слова ... Вѣдь я тебя въ острогѣ сгною ...

— Сажай ... Умирать-то, все равно, когда нибудь да надо же ... А что они безъ меня-то дѣлать будутъ? Съ голоду вѣдь помрутъ ... Безъ меня-то ея же ребятишки пропадутъ ... Она, что ли, ихъ прокормитъ? ... Ахъ ты, старый человѣкъ, что ты въ чужое дѣло путаешься ... Ну, неужто бы мы стали гнать бабу, кабы она намъ надобна была,

кабы она въ своемъ дому работница, дѣтямъ мать. Вѣдь горе гонитъ, вѣдь ѣсть нечего, работниковъ-то въ дому только я да сынъ, а то все мелюзга, она же наносила, да еще принесетъ, да и сама лишній ротъ ... А помочи-то отъ нея нѣтъ, ее же корми ... Ты вотъ что подумай! Вотъ коли вы, начальство, жалѣете ее, такъ взяли бы, положили ей что на прокормленіе: ну, такъ, пожалуй, живи у насъ, лежи на печи, не жалко мѣста-то, не пролежитъ ... А то она прокуратитъ, нарочно хворь на себя накидываетъ, чтобы лежать, не работать ... Нѣтъ, вотъ захотѣла, такъ вонъ куда сбѣгала, тебя нашла, и барина отыскала, и жалобу принесла ... А вы вотъ такъ ее и послушали: взяли да и привезли на чужіе-то хлѣба ... Эка невидаль! ... Еще говоритъ парню: благодари, говоритъ, меня за эку добродѣтель. А мнѣ вотъ не надо ее, и не надо ...

— Ну, слушай, довольно я терпѣлъ ... Самъ Филаретъ Иванычъ приказалъ: я, вотъ, ее привезъ и оставляю ... И если ты только ...

— И не оставляй, не доводи до грѣха ... Ужъ если я ее прежъ того выгонила, такъ теперь, когда она мнѣ срамоту такую сдѣлала, что меня при всемъ мірѣ изъ моей избы силой на улицу выволокли, ровно глумную какую ... такъ ужъ либо мнѣ, либо ей ... Вотъ тебѣ, сынокъ, мое заклятье: будь ты анаѳема проклятъ, коли ты ее за порогъ пустишь ... Вотъ, при всемъ мірѣ сказала ... Вотъ, что теперь хотите, то и дѣлайте ...

Съ этими словами Агафья направилась къ себѣ въ избу.

— А ты брось ребенка, аспидъ, брось! — закричала она на Пелагею. — А то и его съ тобой выгоню: оба съ голоду издохнете ...

Пелагея вздрогнула, но еще крѣпче обняла двухлѣтняго черномазаго сынишку, который прижимался къ ней.

— Постой же ты, пострѣлъ: я-те дамъ … Вылѣзъ, какъ вылѣзъ …

Агафья ушла въ свою избу.

— Тьфу ты, окаянная! — проговорилъ озадаченный старшина. — Вотъ бабы-то: толкуй съ ними! … Ну, что, общество, какъ вы разсудите? — обратился онъ къ окружающимъ мужикамъ.

Мужики замялись и попятились.

— Какъ тутъ разсудить, Григорій Иванычъ … Дѣло ваше, — отозвался одинъ.

— Да нѣтъ, какъ по вашему?

— Да какъ по нашему? … Дѣло ихнее … Съ бабами что подѣлаешь.

— Съ бабами ничего не подѣлаешь: такой народъ, — подтвердилъ другой. — Ты ей свой резонъ говоришь, а она свой …

— Взять да втолкнуть въ избу, — рѣшилъ староста, — вотъ и все …

— Ну, что ты ее втолкнешь? … Ты ее втолкнулъ, а ушелъ — она ее опять выгонитъ …

— Да, до бѣды, братцы, тутъ: какъ можно …

— Силой тутъ нельзя, ничего не подѣлаешь …

— Что же, Петрушка, ты такъ и ослушаешься приказанія начальства: не возьмешь жены? …

— Да вѣдь какъ мнѣ ее взять-то? Сами слышали … Опять же она моя родительница, я при ней, и домъ ея, и все обзаведеніе ея … Она и меня, и ребятишекъ обшиваетъ и обуваетъ … Мнѣ безъ матушки никакъ невозможно …

— Какъ же, дуракъ, вѣдь и она жена тебѣ …

— Вѣстимо, что жена … Что же мнѣ? Я не противникъ, да ничего не подѣлаешь …

— Что же, Петръ Иванычъ, ты хошь бы ужъ убилъ меня, что ли, однимъ разомъ, — откликнулась, наконецъ, Пелагея, безмолвно ожидавшая рѣшенія своей участи. — По крайности, самъ бы себя ослобонилъ, на другой бы женился ... А то что я теперь: ни жена, ни вдова ... Куда я дѣнусь? ...

— Что мнѣ тебя убивать: я не желаю этого ... не убивецъ какой ...

— Ну, нечего мнѣ съ вами дѣлать, — заговорилъ старшина. — На волостной судъ васъ всѣхъ ... Пускай разсудятъ ... Староста! Въ это воскресенье веди всѣхъ въ правленіе, судъ будетъ: и старуху приведи, и Петрушку, и ее ... Чортъ васъ дери, измучили вы меня совсѣмъ ... Ничего не сообразишь съ ва́ми ...

— Григорій Иванычъ, чайкю! — предложилъ старо̀ста.

— Пойдемъ ... Пропадай онѣ всѣ, измучили ...

— Какъ не измучить ... Знамо, съ ними измучишься ... Вотъ сюда, Григорій Иванычъ ...

— Куда же мнѣ-то дѣться? — остановила старшину Пелагея.

— Ахъ ты, Создатель милостивый ... Вотъ напасть ... Дай хоть духъ-то перевести, хоть глотку-то промочить ...

— Ужъ и ты, Пелагея ... Эхъ ... Что больно ужъ такъ очень, — укоризненно замѣтилъ староста. — Ну, погоди маненько ... Попросись куда-нибудь, переночуй, а тамъ видно будетъ ... Ужъ такъ знику не даешь, хоть бы и Григорію Иванычу ... А ты поманеньку, не больно ... Пожалуйте, Григорій Иванычъ ...

— Какъ есть свиньи безсовѣстныя! — замѣтилъ со своей стороны старшина, и скрылся въ избѣ старосты.

XII.

Вслѣдъ за старшиной народъ сталъ расходиться съ улицы по домамъ; Петръ Ивановъ, не взглянувши даже на Пелагею, взялъ ребенка, который былъ возлѣ нея, и увелъ съ собою въ избу. Пелагея осталась на улицѣ одна.

— Что же теперь будетъ? Куда дѣться, гдѣ голову приклонить? Буду здѣсь сидѣть да дожидать: что хочетъ старшина, то и дѣлаетъ со мной.

Пелагея опустилась на землю возлѣ старостиной избы. Она чувствовала страшную усталость, все тѣло у нея ныло; она вспомнила, что съ ранняго утра, какъ вышла отъ сестры, ничего не ѣла, но и теперь она не хотѣла ѣсть, а только чувствовала тоску и слабость; голова кружилась и мысли въ головѣ путались. Ей сначала чудился то голосъ свекрови, то плачъ ребенка, то звонъ колокольчика, потомъ холодный потъ выступалъ по всему тѣлу — и Пелагея больше ничего не помнила: съ нею сдѣлался обморокъ.

Къ старостиной избѣ, въ которой угощался старшина, подъѣхалъ его ямщикъ. Уже почти совсѣмъ стемнѣло, но онъ разсмотрѣлъ лежащую возлѣ избы женщину и узналъ въ ней свою пассажирку.

— Али соснула?... Съ нами, что ли, поѣдешь опять? — спросилъ онъ, соскакивая съ козелъ и намѣреваясь идти въ избу старосты. Отвѣта не было.

— Слышь ты, баба, спишь, что ли? — повторилъ онъ вопросъ, трогая Пелагею концомъ кнута. Та не пошевелилась.

Ямщикъ заглянулъ ей въ лицо, и отскочилъ съ испугомъ: Пелагея лежала блѣдная, какъ полотно,

безъ малѣйшаго движенія; казалось, даже не дышала. Иванъ вбѣжалъ въ избу старосты въ ту минуту, какъ старшина только что приложилъ губы къ стакану вина, который староста поднесъ ему передъ третьей чашкой чаю.

— Григорій Иванычъ, у насъ нездорово, — закричалъ онъ неожиданно и такимъ испуганнымъ голосомъ, что старшина вздрогнулъ, поперхнулся и расплескалъ водку изъ стакана.

— Что ты, бѣшеный, напугалъ? ... Что̀ подѣлалось? ...

— Да баба-то, кажись ... не померла ли ужъ ... Лежитъ ...

— Какая баба? ...

— А та, давишняя-то ... кою везли ...

Старшина вскочилъ.

— Гдѣ она? ...

— А вотъ здѣсь подъ окнами лежитъ ... Бѣлая, ровно смерть ... Страсть! ...

Старшина со старостой выскочили на улицу. Пелагея лежала неподвижно. Староста робко подошелъ и наклонился надъ нею.

— Что? — спросилъ старшина, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Кажись, того, — отвѣчалъ староста. — Нехорошо, ровно ...

— Ахъ ты, Создатель милостивый ... Вотъ бѣды-то! ... Кричи, зови народъ-то скорѣй ...

— И у избы-то, у моей, ее угораздило ... В-вотъ! — говорилъ растерявщійся староста, хлопая руками по бедрамъ.

— Сбивай, говорятъ, народъ ... Ванюшка, бѣги по избамъ, стучи по окнамъ, зови народу ... Вотъ теперь хлопочи, отвѣчай ... При самомъ ...

Самъ старшина былъ . . . Ахъ ты, Боже ты мой! . . .

Не прошло и минуты, какъ изъ всѣхъ сосѣднихъ избъ высыпалъ народъ и окружилъ безчувственную Пелагею. Всѣ толпились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, ахали, охали, разводили руками, но никто не подходилъ близко. Растерявшіеся старшина и староста суетились, кричали безъ толку, что-то приказывали, никто ихъ не слушалъ. Одна старуха только рѣшилась подойти и дотронуться до Пелагеи. Это была Арина.

— Постойге-ка, нишкните, экъ разгалдѣлись: она, кажись, еще жива; вона, и сердце бьется, — сказала она. — Вотъ лучше бы свѣтку дали.

Нѣсколько человѣкъ бросились за огнемъ, остальные придвинулись поближе.

— Да воды бы принесли: я бы ее спрыснула: можетъ, это такъ только . . . обмерла.

Принесли огня и ковшъ воды. Арина вспрыснула Пелагею: та вздрогнула.

— Ну, вотъ, такъ и есть . . . жива . . . Надо ее въ избу.

— Въ избу, въ избу, — подтвердилъ старшина. — Возьмите-ка ее, поднимите.

— Куда нести-то, къ кому?

— Знамо, къ старостѣ: у его избы . . . Къ кому больше, — откликнулся кто-то изъ толпы.

— Почто ко мнѣ? Вишь ты, проворенъ больно, — огрызнулся староста. — Еще, того мотри помретъ . . .

— Такъ кому нужно . . . Ты староста, у твоей избы случилось . . .

— Такъ что̀, что у моей . . . У нея своя изба есть, мужъ у ней есть . . . Къ нему и понесемъ . . . Пущай онъ вотъ теперь . . . какъ знаетъ . . .

— Знамо, въ свою ... Пущай Агафья-то ... Живую-то умѣла выгонять, вотъ теперь пущай ...

— Въ свою, въ свою, — подтвердилъ и старшина. — Поднимай, неси ... Гдѣ она, Агафья-то? ... Гдѣ Петрушка-то? ... Вишь ты, слышали, чай, и нейдутъ ...

— Они и не пустятъ, пожалуй ...

— Какъ не пустятъ! ... Посмотрю я, — сказалъ старшина.

— Какъ теперь можно не пустить, — подтвердилъ староста. — Куда же ее? ... Теперь жива, а можетъ и умереть ... Кому нужно! ... Теперь не съ живой распоряжаться-то ... Принесемъ да положимъ, а тамъ, какъ хотятъ: ихъ отвѣтъ ...

— Ну, поднимай же да неси, — приказывалъ старшина.

Петръ, вызываемый вмѣстѣ съ другими мужиками, выскочилъ на улицу, но услыша, что выкликали народъ по случаю скропостижной смерти Пелагеи, не подошелъ близко, а только посмотрѣлъ и послушалъ издали, притаившись за угломъ избы; потомъ побѣжалъ къ матери.

— Матушка, Палашка наша побывшилась, — съ невольнымъ трепетомъ сообщилъ онъ матери.

Онъ не чувствовалъ ни горя, ни жалости, но страшно перетрусилъ чего-то.

Агафья тоже вздрогнула, несмотря на весь свой стоицизмъ, и нѣсколько мгновеній не могла произнести ни слова и стояла, какъ ошеломленная.

— Да правда ли? — проговорила она наконецъ.

— Истинно правда: самъ видѣлъ, лежитъ ...

— Да съ чего это? Когда?

— Въ одночасье, вдругъ ...

Агафья перекрестилась и что-то прошептала.

Смотря на нее, перекрестился и Петръ. Оба они стояли другъ передъ другомъ, очевидно, не зная, что дѣлать, стараясь сообразить, что изъ этого всего выйдетъ.

— Вотъ, скажутъ, отъ насъ извелась, — сказалъ Петръ.

— Пожалуй, говори ... Пять лѣтъ сохла, всѣ знаютъ ... Старшина-то тутъ али уѣхалъ?

— Тута ... Кричитъ ...

— Что̀ же они хотятъ дѣлать-то?

— Не знаю; я побѣгъ къ тебѣ сказать ... Я ничто боюсь: не было бы чего ...

— Чему быть-то, — нетвердымъ голосомъ проговорила Агафья. — Мы ни въ чемъ не причинны, Божья на то власть ... Погодь, я вотъ платъ бѣлый на голову надѣну, — сказала она, подумавъ: — да пойдемъ туда, тоже не чужая была ... И повыть-то надъ ней некому ...

Агафья и Петръ, выйдя изъ избы, увидѣли идущую къ нимъ на встрѣчу процессію: впереди шелъ староста съ фонаремъ въ рукахъ, за нимъ нѣсколько мужиковъ и бабъ несли Пелагею; сзади шелъ старшина.

— Къ намъ, видно, несутъ, — проговорила Агафья. — Петра, отворяй скорѣй ворота: мы не супостаты какіе, чтобы и покойницу-то въ домъ не пустить: пускай этого люди не думаютъ ...

И Агафья ускорила шаги на встрѣчу процессіи.

— Матушка ты наша, голубушка, горемычная твоя головушка, — начала причитать Агафья, подходя къ толпѣ. — Ушла ты изъ свово дома на своихъ ногахъ, ворочаешься на чужихъ рукахъ ... Покинула ты своихъ малыхъ дѣтушекъ, свово дружка милаго, меня, старуху, обездолила, безъ помоги оста-

вила ... Ужъ и гдѣ мнѣ, старухѣ, поправиться, безъ тебя въ дому управиться, со дѣтками со малыми, со дружкомъ своимъ удалыемъ ... Ровно ты, красно солнышко, закатилось за тучку, за черную, средь дня бѣлаго, нежданно-негаданно ... И что тебѣ это сдумалось, на кого ты насъ покинула? ... Никому ты не приказывала, никому не наказывала, какъ намъ жить безъ тебя, какъ дѣтокъ учить, какъ домъ управлять ...

Всѣ сопровождавшіе Пелагею понимали, что причитанья Агафьи не искренни, что она, если не радуется, то не огорчается смертью Пелагеи; большинство знало, что Пелагея еще не совсѣмъ умерла, а только въ обморокѣ, но никто не прерывалъ этихъ причитаній, уважая обычай и прислушиваясь къ нимъ, какъ къ музыкѣ; покушался было оборвать ихъ старшина, сказавши, что рано старуха завыла: можетъ, больная еще и оживетъ, но остановился, подумавъ: „повой, повой теперь, старая, зато ужъ я же тебя послѣ, погоди ... До полуночи изъ-за васъ, чертей, здѣсь ломаюсь, путемъ и не поѣлъ сегодня, и чаю не дали напиться: даже животъ перехватило".

Вдругъ, около самой уже избы Агафьи причитанья ея прекратились на полусловѣ: идя около самой Пелагеи, она услышала, какъ та простонала. Вмѣстѣ съ этимъ стономъ Пелагея пришла въ себя и, не понимая, что съ ней дѣлается, испуганно вздрогнула всѣмъ тѣломъ и дико вскрикнула. Толпа остановилась, а несшіе Пелагею почти бросили ее на землю и отскочили въ сторону: поддержала ее и осталась возлѣ нея одна Арина. Пелагея приподнялась съ ея помощью и сѣла, но подняться на ноги была не въ силахъ: она дико смотрѣла вокругъ себя, почти никого не узнавая. Агафья стояла въ сторонѣ,

вцѣпившись въ рукавъ Петра, и подъ вліяніемъ неожиданности вся дрожала и ничего не могла сообразить ...

— Ай ... Охъ ... Что вы ... Куда меня? — едва слышно шептала Пелагея озираясь.

— Дайте-ка воды, дайте: она изопьетъ, — говорила Арина. — Это мы, Пелагеюшка, это мы. Это вотъ я, Арина, не бойся, ничего, мы ничего тебѣ ... Головушка у тебя закружилась, такъ мы вотъ тебя несли ... На-ка испей, испей-ка воды ... Вотъ ...

Пелагея выпила нѣсколько глотковъ.

— Въ тепло ее нужно ... Уложить да укутать! — распоряжалась Арина. — Привстанешь ли, Палаша, въ избу-то дойти? ... Дай-ка, я приподыму тебя ... Ну-ка, охвати меня за шею-то ... Вотъ такъ ... Ну-ка, понудься, поднимись.

Пелагея, какъ малый ребенокъ, ухватилась за Арину и покорно исполняла всѣ ея приказанія. Съ трудомъ она поднялась на ноги и, еле-передвигая ихъ, пошла, держась за Арину. Нашлось не мало усердныхъ женскихъ рукъ, которыя поприддержали ее съ другой стороны и сзади. Такимъ образомъ Пелагея была почти внесена на свой дворъ и въ свою избу. Никто не обратилъ вниманія на Агафью и Петра, которые остались одни, за воротами своего дома. Вся толпа, сопровождавшая Пелагею, вломилась вслѣдъ за нею въ избу, любопытствуя посмотрѣть, что тамъ дальше будетъ.

Въ избѣ Пелагею стали укладывать на лавку. Топотъ множества ногъ и говоръ разбудилъ ребятишекъ, спавшихъ на своемъ обычномъ мѣстѣ — въ углу, возлѣ теленка; они испугались и заревѣли. Васька, выскочившій на улицу вслѣдъ за бабушкой и отцомъ, присоединился къ толпѣ любопытныхъ и

вмѣстѣ съ нею вошелъ въ избу, не подходя къ матери, но забѣгая впередъ и слѣдя за всѣмъ, что съ нею дѣлали; крикъ испуганныхъ братьевъ испугалъ и его: онъ оглядѣлся кругомъ и, не видя своихъ защитниковъ, отца и бабушки, струсилъ окончательно и, спрятавшись въ уголъ, тоже захныкалъ. Пелагею плачъ дѣтей привелъ въ полное сознаніе: она узнала свою избу, поняла, что ее воротили домой, что за ней ухаживаютъ, желаютъ ее успокоить. Она стала искать глазами свекровь и мужа и удивлялась, что ихъ нѣтъ тутъ.

— Неужто они ушли совсѣмъ, не захотѣли быть съ ней въ избѣ, куда ее ввели насильно, и бросили ее одну съ дѣтьми? — такіе вопросы задавала она себѣ, не рѣшаясь еще спросить вслухъ.

— Не хошь ли чего? Ты бы поѣла, хошь черезъ силу — говорила ей Арина, укутывая ее. — Ты ѣла ли сегодня что?...

— Кажись, нѣтъ, — отвѣчала Пелагея. — Да я не хочу ...

— А не ѣла, такъ поѣшь, хошь и не хочешь ... Оттого и это ... Ты слабъ человѣкъ, да и отощала ...

— Значитъ, совсѣмъ ожила? — спросилъ старшина.

— А вотъ поѣсть бы ей чего, такъ Богъ милостивъ ... Нѣтъ ли чего? ... Да гдѣ Дмитревна-то? ...

— Да гдѣ же хозяева-то? — спросилъ и старшина. — Я вотъ съ ними теперь поговорю, да мнѣ и ѣхать ... Гдѣ-жъ старуха-то? И Петрушки нѣтъ? ...

Всѣ присутствующіе переглянулись между собою съ изумленіемъ.

— А еще выла, старая кочерга ... Вишь ты, ехидная! ... Погоди-жъ ты! ... Разыщите ихъ, позовите сюда! — приказалъ старшина.

Бросились вонъ изъ избы и встрѣтили Агафью и Петра на дворѣ, идущими въ избу.

Оставшись одни на улицѣ, Агафья и Петръ стояли, какъ одурѣлые. Первая пришла въ себя старуха.

— А ну, какъ она нарочно прикинулась? — проговорила Агафья, и сердце у нея замерло отъ злобы.

— Полно, матушка, — возразилъ Петръ, но не съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Право, прикинулась, чтобы, вотъ не пускаютъ, такъ люди насильно внесли, словно мертвую ... Право, отъ самой не станется, Секлетейка научитъ ...

— Чего добраго ... Можетъ, и самъ-дѣлѣ ...

— Больно ужъ скоро нечто ожила-то ... И что это вдругъ такъ: то все стояла, ждала — напугаетъ ли меня старшина, ребенка на рукахъ держала, а тутъ вдругъ взяла да и на-вотъ: хлопнулась ... умерла, молъ ... Съ чего такъ вдругъ? ... Нѣтъ, вѣрно, прикинулась ...

— Пожалуй, что и такъ ... Съ чего и есть такъ, вдругъ: то умерла, то опять ожила ...

— Ну, да ужъ и меня этимъ не возьмешь ... Погоди, баба ... Не на таковскую напала ... Вотъ и вся-то хворь ея этакая ... Постой, зелье ... Не все начальники за твоимъ хвостомъ ходить будутъ ... Что стоять-то, пойдемъ ... Подумаютъ еще, что мы своей избы рѣшаемся изъ-за нея ...

Послѣ этого разговора, ихъ встрѣтили посланные за ними старшиною.

— А мы васъ ищемъ, ищемъ ... Старшина, Григорій Иванычъ, васъ требуетъ ...

— Чего насъ искать-то: мы дома, на своемъ дворѣ, не на чужомъ, — огрызалась Агафья. — Не всѣмъ прокуратить, кому-нибудь надо и скотину присмотрѣть.

Войдя въ избу, Агафья тотчасъ же замѣтила Пелагею, которая, сидя на лавкѣ, жевала хлѣбъ, отысканный на полицѣ. Она метнула свирѣпый взглядъ на больную и, не говоря ни слова, не обращая ни на кого вниманія, прошла черезъ всю избу и сѣла въ темный уголъ, на лавку. Петръ сталъ около печки.

— Гдѣ была, куда пряталась? ... Дай-ка, я поговорю съ тобой теперь! — угрожающимъ тономъ заговорилъ старшина, обращаясь къ Агафьѣ.

— Чего мнѣ прятаться? Я, кажись, въ своемъ дому, не въ чужомъ! — злобно отвѣтила она.

— Ты у меня не огрызайся, погоди ... Что вотъ ты съ бабой-то сдѣлала? ... Я теперь вижу. Ты вѣдь ее уморила совсѣмъ, жизнь ея прекратить хотѣла ... Вѣдь за это тебѣ каторги мало ... Не будь ты старый хрѣнъ, вѣдь я бы тебя выпоролъ; а Петрушку выпорю, да еще въ темную посажу, чтобы зналъ, какъ живую жену изъ дома гнать, да еще на сносѣ ... Изъ-за васъ, чертей, я сегодня цѣлый день не пимши, не ѣмши, а у меня дѣла стоятъ ... Я вамъ дамъ начальство безпокоить ... Хотѣлъ было на волостной судъ, да не надо, нечего и канителиться ... Самъ могу взыскать ... Безпремѣнно выстегаю ... А тебѣ, старой, сидѣть въ темной ...

— Помилуйте, Григорій Иванычъ, я ни въ чемъ непричиненъ, — выступилъ Петръ и сталъ передъ старшиной на колѣни ...

— Не надо мнѣ этого, Григорій Иванычъ, не трожьте ихъ, — съ усиліемъ выговорила Пелагея. — За что же? Вѣдь меня же приняли ...

— Такъ ты что думаешь! — вскочила вдругъ Агафья, бросаясь къ Пелагеѣ: — ты думаешь, что ты добрыхъ людей надула, прикинулась, такъ и я тебѣ повѣрила, я держать тебя стану, да опять на тебя служить да работать? ... Нѣтъ, еще врешь, не стану. Пущай онъ Петрушку выпоретъ, коли больно ты имъ мила, пущай меня въ темную сажаетъ, а ужъ тебѣ же у насъ не жить ... Вѣдь когда-нибудь выпуститъ же, не вѣкъ будетъ въ темной держать ... Развѣ ужъ издохну тамъ, ну, твое счастье, живи, умори съ голоду ребятишекъ своихъ, пусти мужа-то съ кошелемъ ... А жива буду, опять выгоню: вотъ, при всемъ честномъ міру говорю и при ихней милости ...

— Молчать! — закричалъ старшина.

— Не стану молчать ... Ужъ коли изъ-за нея мужа за почтеніе къ матери стегать станутъ, коли меня, старуху, изъ-за нея сажать будутъ, такъ можно ли намъ жить вмѣстѣ: посудите, добрые люди ... И вамъ, господа начальство, потакать ей стыдно: мы изъ кожи лѣземъ, работаемъ, ея же дѣтей сподобляемъ, а она лежкой лежитъ, пальцемъ о палецъ не ударитъ, а то бѣгаетъ куда-то, можетъ, по любовникамъ; больна, больна, а ребятъ родитъ; а вы изъ-за нея насъ тиранить хотите, такъ это не законъ ... Я на какой хошь судъ пойду, на своемъ стоять стану ... Меня не испугаешь ... Ты что же волостнымъ-то судомъ пугалъ, а теперь на попятный, своимъ судомъ хочешь судить ... А я не хочу, я хочу на волостной ... Пущай меня не то что нашъ міръ, а кто хочетъ судитъ ... Я все

одно скажу: не буду съ ней жить, и не буду... Мой домъ, а я въ немъ — вотъ!... Что хошь, то и дѣлай.

— Тьфу вамъ, окаянные! — вскричалъ вышедшій изъ себя старшина. — Ну васъ къ чорту, и самъ-дѣлѣ... Вы меня съ пахвей сбили... Слушай: Палашку я тебѣ отдалъ, чтобы тутъ она и жила... Вотъ, староста, слышишь... А выгонишь опять, старуха... Смотри, худо будетъ: отвѣтишь... У-ухъ...

— Пускай насъ міръ разсудитъ... Десятки не разсудятъ, пускай сотни судятъ, а я на своемъ стоять буду...

— Отстань, не говори... Не безпокой меня... Староста, веди ихъ въ воскресенье всѣхъ на волость... Я судъ соберу... Измучили вы меня, проклятые... Кликни мнѣ лошадей поскорѣе... Ухъ ты, Боже мой милостивый!... Вотъ наша должность!... Не говорите мнѣ больше ничего... Тошнехонько...

Старшина быстро вышелъ изъ избы, сѣлъ на свою телѣжку и уѣхалъ, выругавши на прощанье и Пелагею, и Агафью, и всю деревню.

XIII.

Съ отъѣздомъ старшины народъ не расходился изъ избы Агафьи: толпа стояла молча и какъ бы ожидала продолженія зрѣлища, которое очень ее интересовало. Агафья мрачно сидѣла въ углу избы, Петръ не оставлялъ своего мѣста у печки; возлѣ Пелагеи была одна только Арина.

Послѣ только-что минувшей шумной сцены всѣ молчали, тишина въ избѣ стояла мертвая, точно и

актеры, и зрители утомились и отдыхали. Пелагея лежала не то въ бреду, не то во снѣ: глаза были закрыты, губы шевелились, но безъ звука, по лицу пробѣгала судорога, на щекѣ остановилась и медленно скатилась слеза. Арина, взглядывая на нее, только вздыхала и молча покачивала головой.

Проводя старшину, въ избу вошелъ староста.

— Ну, Митревна, значитъ, ты теперь не замай Палашку, а въ воскресенье въ волость: волость пущай васъ и разсудитъ, — сказалъ онъ.

— А насъ-то что? Вонъ, что ли, изъ избы-то выгоните: ее одну бариться оставите? ... Намъ, видно, и мѣста въ своей избѣ не будетъ?

— Кто тебя гонитъ: ты въ своемъ дому живешь, только чтобы вотъ насчетъ Палашки, чтобы до суда ее не замать, потому такъ и Григорій Иванычъ накрѣпко наказывалъ ...

— Доживетъ ли еще она до суда-то, — отозвалась Арина.

— А что, или плоха? ...

— Посмотри самъ.

Арина указала на Пелагею, которая лежала навзничь безъ движенія, безъ всякихъ признаковъ жизни, кромѣ едва замѣтнаго дыханія. Худое, мертвенно-блѣдное лицо ея, со впалыми щеками, съ ввалившимися закрытыми глазами, съ посинѣвшими губами — было страшно.

— Ее бы не то, что въ судъ, а за попомъ нужно послать, — сказала Арина.

— Что, али по-давишнему опять прикинулась? — злобно замѣтила Агафья.

— Это не переказъ, Митревна, подойди, да посмотри ... Есть ли въ тебѣ Богъ-отъ? ... Въ чемъ душа, безъ движенія ... Ты бы, староста,

хошь бы отъ міра подводу нарядилъ, да послалъ за батюшкой: того, смотри, умретъ человѣкъ безъ покаянія ...

— Да, да, за попомъ, безпремѣнно за попомъ послать, — согласился староста ...

— Больно ужъ ты, Сергѣевна, мутить нечто стала, — возразила Агафья: — мы сами тоже не душегубцы, не убивицы, тоже крестъ носимъ; давно бы сказала путемъ, такъ и Петра самъ съѣздитъ за батюшкой, хоть и пахали сегодня ... а не то, что на этакое дѣло подводу отъ міра посылать ... Петра, гдѣ у те лошадь-то?

— На дворѣ ...

— Такъ покорми ее, да прибирайся: за батюшкой съѣзди ...

— Чего на ночь глядя ѣхать? ... Онъ не поѣдетъ въ ночь ...

— Ну, подъ утро съѣздишь ...

— Знамо, ужъ подъ утро, коли ...

— А теперь бы вы, міръ честной, хошь уснуть-то намъ дали: тоже вѣдь работали день-то, пристали ... У меня, не какъ у людей, работниковъ-то всего одинъ, а ртовъ-то шестеро ...

Арина поняла, что намекъ былъ брошенъ насчетъ нея и ея многочисленнаго семейства, быстро встала и, не взглянувши даже на Агафью, вышла изъ ея избы. За нею стали выходить и всѣ прочіе зрители. Изба Агафьи опустѣла: въ ней остались одни только хозяева. Петръ тотчасъ же полѣзъ на полати и легъ на нихъ, не взглянувши даже на жену: сонъ давно уже клонилъ его, и черезъ минуту онъ храпѣлъ. Агафья прибиралась въ избѣ, искоса посматривая на Пелагею. Та лежала неподвижно, блѣдная, какъ полотно.

— Прикинулась али вправду умираетъ? — задавала себѣ Агафья вопросъ. — Даве-то, даве-то я выть начала; ровно по мертвой: вотъ, чай, языки-то точатъ теперь про меня ... Наказаніе мнѣ Господь послалъ эту Палашку. Ну, да коли къ смерти дѣло ... Богъ съ ней ... Я не душегубка, и самъ дѣлѣ ... Ужъ потерплю: Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ ... А коли она все это напускаетъ только, чтобы люди ее жалѣли да меня осуждали? ... Али опять цѣлые годы станетъ валяться, а мы ее корми ... Да еще ребенка принесетъ ... новый ротъ ... По рубашкѣ — пять рубашекъ ... Хлѣба двумя пудами на недѣлю не отдѣлаешься: маленькіе-то жрутъ, больше большихъ ... А гдѣ онъ, хлѣбъ-отъ? своего-то до Рождества не станетъ ... Опять же: самому лапти, мнѣ лапти и кафтанъ, и полушубокъ нужно ... Корма не станетъ — прикупи ... А подани-то, а подушно? И дровишекъ-то нонѣ купи ... На все денежки, а гдѣ ихъ взять. Добышникъ-то одинъ, мнѣ-то около дома дѣла по горло ... Кабы баба-то у меня была путевая — и поткала бы, и попряла, и на полѣ подсобила, и Петра бы зимой чѣмъ промыслилъ, а мы бы вдвоемъ-то около дома управлялись ... Нѣтъ, не душегубка я, а ужъ видитъ Богъ, не пожалѣла бы, кабы Господь ее прибралъ ... Что живетъ? Кому на радость? Ни себѣ, ни людямъ ...

Съ такими мыслями Агафья помолилась Богу, съ ними и заснула, прикурнувши на полу около дѣтей, такъ какъ лавка была занята Пелагеей, а на печи было жарко.

На разсвѣтѣ Петръ проснулся и тотчасъ же, какъ всталъ, началъ запрягать лошадь, чтобы ѣхать за священникомъ. Агафья тоже проснулась, подошла

къ Пелагеѣ, наклонилась къ ней и прислушалась: та, очевидно, спала спокойно, дышала тихо и ровно. Сонъ ея былъ крѣпокъ: шаги Петра и Агафьи не разбудили ея.

— А, право, прикидывалась, право-ну, людей морочила, — подумала старуха и вышла на дворъ къ сыну.

— Петра, — окликнула она его: — наша-то спитъ вѣдь преспокойнѣйшимъ манеромъ, не простонетъ, ничего и похожаго нѣтъ, что помирать хочетъ: все прикидывалась ...

— Такъ что же, не ѣздить, что ли, за попомъ-то? ... Я коли соху возьму да допахивать поѣду ...

— Нѣтъ, пущай, съѣзди ужъ, да только ты молви батюшкѣ-то, отцу Ѳедору, что не знаемъ, молъ, что за хворь такая: за двадцать верстъ, молъ, пѣшкомъ ходила, а опосля того умирала; ужъ матушка и выла, молъ, по ней, а тутъ ожила, и поѣла, и поговорила, а теперь спитъ таково крѣпко, молъ, ровно и ничего ... Будетъ браниться: на что же, скажетъ, за мной прiѣхалъ, коли ничего; скажи: мiръ, молъ, весь напугался, думали, помретъ безъ покаянiя ... Чтобы, молъ, на насъ отвѣта не было, вотъ и прiѣхалъ ... Пожалуйте, молъ, батюшка, безпремѣнно, потому ничего неизвѣстно, на все власть-воля Божiя ... Да и разскажи ему про все, дорогой-то: какъ мы бьемся, изъ жилъ тянемся, а она лежитъ барыней, рукъ не приложитъ ...

— Такъ что же это будетъ теперь: придется вѣдь заплатить ему за требу-то ... Изъ-за чего же?

— Ну, а ужъ ты слушай меня ... Заплатить ужъ я какъ-никакъ заплачу: вонъ хошь курицу от-

дамъ, есть ненесучка, либо новь пріѣдетъ собирать — прибавимъ ковшъ - другой жита ... А ты ничего, съѣзди ...

— Теперь день-то чего стоитъ: сюда его привези, да назадъ отвези — вотъ день-то и прошелъ ... Я допахать сегодня думалъ ...

— Ничего, говорятъ, съѣзди ... Ужъ что дѣлать: съѣзди одиново-то ... Умретъ, такъ, по крайней мѣрѣ, въ отвѣтѣ не будемъ, а прикинулась, такъ пущай вотъ батюшку на волости-то и спросятъ: какова она есть баба, какъ намъ жить-то съ ней ..- Съѣзди, ничего ... Ужъ не мало терпѣли отъ нея, потерпимъ еще ...

Петръ болѣе не возражалъ, отворилъ ворота, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ. Агафья воротилась въ избу, натаскала дровъ, затопила печку; начали просыпаться ребятишки; а Пелагея все еще спала. Съ восходомъ солнца въ окно къ Агафьѣ постучалась сосѣдка. Агафья открыла окно.

— Что, Митревна, у васъ болящая-то? Отходитъ, что ли? — спросила она тихимъ, печальнымъ голосомъ.

— Что ты, матка, Богъ съ тобой: спитъ себѣ да похрапываетъ на доброе здоровье ... Это вѣдь Сергѣевна только съ большого-то ума бѣду-то накликала.

— Да полно ты, ну ... и вправду ... А ночь-то какъ?

— И ночь ничего: спала себѣ, какъ всѣ люди ... Мы ужъ давно встали: я, вонъ, печь затопила, Петра за попомъ уѣхалъ, а она спитъ ... Чтò ей не спать-то: шубу подъ нее постелили, шубой покрыли, ну, и спитъ ...

— Аи-и ... А вѣдь мы думали, побывшилась:

Петръ-отъ поѣхалъ за попомъ ... На что же поѣхалъ-то?

— Какъ на что? Сергѣвна приказала: безъ покаянія, чу, уморить хотятъ ... Ну, мы, чтобы поклёпа не было на насъ какого, и поѣхали за попомъ.

— И теперь спитъ? ...

— Спитъ, спитъ ... Да зайди, погляди сама ...

Сосѣдка поспѣшила воспользоваться приглашеніемъ, вошла, посмотрѣла: дѣйствительно, спитъ Пелагея, и спитъ крѣпко, покойно, отъ внутренней теплоты показался даже блѣдный румянецъ на щекахъ.

— Чудеса, пра, чудеса — проговорила сосѣдка и покачала головой. — А вѣдь вчера умерла было.

— Да вотъ, вчера-было умирала, а теперь спитъ ...

— Видно, не къ смерти ...

— Да ужъ, стало быть ...

— Не станешь будить-то? ...

— На что будить-то? ... Работа-то отъ нея завсегда одна: вотъ выспится, проснется, проснется да поѣстъ, поѣстъ да полежитъ, полежитъ да уснетъ ... Не сегодня вѣдь это сталось: завсегда такъ ...

— Ну, Митревна, этакъ-то, правда, что до кого ни доведись — возьметъ горе ...

— Да еще какъ возьметъ-то, особливо вотъ какъ эстолько ртовъ-то, а работникъ-то одинъ ...

На смѣну первой сосѣдки подъ окномъ постучались другая и третья, съ которыми шелъ разговоръ въ томъ же духѣ. Арина, которая шла было провѣдать Пелагею, на дорогѣ услышала разсказы, что Пелагея здоровёхонька, веселёхонька и чуть не смѣется надъ тѣми, кто вчера повѣрилъ ея болѣзни и мнимой смерти. Арина воротилась домой, боясь при такомъ положеніи дѣла встрѣтиться съ Агафьей въ ея домѣ. Слухъ о совершенномъ выздоровленіи Пелагеи и раз-

сказы о томъ, какъ она ловко обманула весь міръ и даже не только со старостой, но и со старшиной вмѣстѣ, мигомъ облетѣлъ всю деревню. Староста былъ особенно озабоченъ тѣмъ, что батюшка разсердится на него за напрасное безпокойство, а батюшка ему нуженъ былъ въ виду предстоящей женитьбы сына на дѣвкѣ, которой недоставало нѣсколькихъ дней до узаконеннаго возраста. Онъ рѣшилъ встрѣтить отца Ѳедора на дорогѣ, объясниться и попросить у него извиненія въ безпокойствѣ, благо полоса его была какъ разъ возлѣ дороги, по которой отецъ Ѳедоръ долженъ былъ ѣхать.

Между тѣмъ Пелагея проснулась. Солнышко было уже высоко, когда она раскрыла глаза. Сонъ укрѣпилъ ее. Хотя съ трудомъ, съ болью въ головѣ и во всѣхъ членахъ, но она въ состояніи была подняться съ постели. Въ избѣ было тихо: ребятишки, къ ихъ великому удовольствію, всѣ были выпровожены Агафьею на улицу. Два врага оставались въ избѣ одни. Агафья зорко наблюдала за Пелагеею. Больная подошла къ умывальнику, окатила себѣ лицо, отерла его, за неимѣніемъ ничего другого, тѣмъ же сарафаномъ, который былъ на ней, помолилась на образа, робко взглянула на свекровь и, не смѣя съ ней заговорить, не зная, что дѣлать, вспоминая и соображая все, что случилось съ нею, опять присѣла на лавку.

— Не хочешь ли поѣсть? Люди завтракаютъ, — спросила вдругъ Агафья, не смотря на Пелагею.

Та даже вздрогнула отъ этого неожиданнаго вопроса, отъ этого непривычнаго вниманія.

— Коли твоя милость, матушка, будетъ: пожалуй, — торопливо отвѣчала она, не смѣя отказаться. Она была въ полузабытьи, когда рѣшено

было послать за священникомъ, и не знала объ этомъ.

Агафья съ злораднымъ удовольствіемъ и очень проворно положила на столъ хлѣбъ, не пожалѣла поставить даже молока.

— Молока-то у васъ немного, матушка, куда ужъ мнѣ; я вотъ хошь хлѣбца поѣмъ, — сказала Пелагея.

— Какъ хошь, твое дѣло ... Поставлено, такъ ѣшь ... Тебѣ по болѣзни получше нужно; мы здоровы, намъ и безъ молока можно ... Покроши хлѣба-то, да и хлебай ...

Пелагея ушамъ своимъ не вѣрила; но машинально, изъ боязни разсердить свекровь противорѣчіемъ, дѣлала то, что она приказывала: покрошила въ молоко хлѣба и начала ѣсть. Она ѣла съ большимъ аппетитомъ и удовольствіемъ. Агафья отворачивалась, чтобы скрыть отъ Пелагеи свою злобную радость.

Ни та, ни другая не понимали, что онѣ дѣлали; онѣ обѣ не знали, что вся болѣзнь Пелагеи происходила отъ истощенія силъ, что единственное лекарство для нея — физическое и нравственное спокойствіе, хорошая пища и крѣпкій сонъ. Заклятый врагъ Пелагеи, Агафья, желая уличить ее въ обманѣ и притворствѣ, дѣлала теперь все то, чѣмъ могла бы давно возстановить ея силы, вылечить ея болѣзнь и воротить себѣ послушную и усердную работницу; она берегла ея сонъ, она старалась быть съ нею ласкова, она давала ей питательную пищу — и думала, что этимъ окончательно отъ нея отдѣлается. Пелагея, которая давно уже не пробовала молока, ѣла его почти съ жадностью и удивлялась какъ ласкѣ свекрови, такъ и своему аппетиту. Она думала, что свекровь, наконецъ, раскаялась въ своей несправед-

ливости, хочетъ съ нею примириться, внутренно не только прощала, но и благословляла ее.

— Матушка, кабы мнѣ только выздоровѣть-то, — заговорила Пелагея, — кажись, я бы всѣ свои силушки положила и день бы, и ночь стала работать про тебя ...

— Гдѣ ужъ тебѣ работать, больному человѣку, — какъ-то неопредѣленно и злобно отвѣтила Агафья.

— Неужто ужъ Господь такъ надо мной и не смилуется: не дастъ мнѣ по-людски пожить да поработать, — проговорила Пелагея.

Агафья ничего не отвѣчала, но думала про себя: „вотъ змѣя-то, вотъ ехидная-то! ... Вишь ты, какъ оплетаетъ, и дрыхла-то какъ, а вчера умирала, и работать силы нѣтъ ... Ну, ужъ погоди, я тебя выведу на свѣжую воду ... Я не Сергѣвна, меня, не какъ ее, не надуешь; да и та сегодня не больно зенки-то показываетъ, тоже, видно, совѣсть-то зазрила ... Погоди, баба“.

Въ это время въ ворота проѣхала телѣга, въ которой сидѣлъ отецъ Ѳедоръ; около телѣги шелъ староста. У Агафьи, которая видѣла ихъ въ окно, лицо искривилось въ злую улыбку. Пелагея сидѣла задомъ къ окну и ничего не замѣтила.

Отецъ Ѳедоръ вошелъ въ избу въ то время, какъ Пелагея только что схлебнула молоко съ ложки, и пережевывала хлѣбъ; ложка была еще въ ея рукѣ. Агафья поспѣшила подъ благословеніе.

— Гдѣ же больная? — спросилъ отецъ Ѳедоръ.

— А вонъ, батюшка, завтракаетъ, — отвѣчала невинно Агафья.

Пелагея бросила ложку, отерла рукой губы и также подошла къ священнику.

— Какъ завтракаетъ? ... Какъ завтракаетъ? Мнѣ

сказали — больная умираетъ, требуетъ напутствія, я поспѣшилъ, бросилъ всѣ дѣла, а она ... она завтракаетъ ... передъ св. дарами-то? ...

— Такъ, батюшка, поздоровѣла вдругъ, поѣсть захотѣла: не откажешь больному человѣку ...

— Да что же вы ... Какъ же вы на отца-то своего духовнаго взираете? ... Что же это, шутки, что ли, со святыми-то дарами? А?

— Это все, батюшка, изъ-за нея, — вступился староста, указывая на Пелагею, которая стояла, какъ осужденная, на-половину не понимая, что происходитъ вокругъ нея. — Все она, весь міръ сомутила вчера: примѣръ показала, умерла будто ... Ну, стало быть, какъ же безъ вашей милости въ этакомъ разѣ ... Опять же лежитъ безо всякаго вида, пластомъ ... Ну, стало быть, при смерти ... Опять же тутъ старуха эта, Сергѣвна, Арина, значитъ ... не доживетъ, говоритъ, до завтрашняго дня ... Ну, какъ же, чтобы безъ вашего благословенія: тоже надо напутствовать ... Такъ и послали ... Ужъ не обезсудьте.

— Это все прекрасно: къ кому же и обращаться въ скорби и въ болѣзни, какъ не къ духовному отцу, который завсегда предъ престоломъ возноситъ молитвы за васъ, духовныхъ чадъ своихъ ... Но какъ же это-то, какъ же во ожиданіи укрѣпленія плоти и очищенія души — завтракать, вкушать пищу? ... Развѣ это не богохуленіе, не оскорбленіе святыни, не небреженіе къ духовному сану ... Что же попъ-то по вашему означаетъ? ... Какъ баба задурила, заголосила, прикинулась, такъ и попа за бока ... И въ какое время? Чуть не ночью ... Сегодня вѣдь я весь день потерялъ, а сегодня день-то, сами знаете: сѣвъ, сѣмяна ввѣряемъ землѣ, годовую жатву прі-

уготовляемъ, а вы меня отвлекаете ... И что вижу? Прихожу съ напутствіемъ ... а она ужъ нажралась ... Ищу болящую, а меня срѣтаетъ упитанная, съ отягченнымъ брюхомъ, здравая и невредимая ... Ты что же это прокудишь? — обратился, наконецъ, отецъ Ѳеодоръ къ Пелагеѣ, придавая лицу грозное выраженіе.

— Я, батюшка, ничего не знала, мнѣ ничего не сказали ...

— О, теперь я тебя вижу и понимаю ... Ты приходила ко мнѣ съ жалобою на свекровь и на мужа, что они тебя притѣсняютъ, изгоняютъ изъ дома, лишаютъ пріюта и продовольствія; жаловалась на свои болѣзни, на оскудѣніе силъ, а я вижу теперь, что̀ въ тебѣ гнѣздится ... Въ тебѣ гнѣздится мать всѣхъ пороковъ — лѣнь, и отецъ діавола — ложь и обманъ ... Ахъ, ты, непотребная ...

— Батюшка, отецъ Ѳедоръ, — заговорила Агафья, — вотъ она приходила къ тебѣ, жалобилась на меня, что я ее изъ дома выгнала, а разсуди ты наше дѣло, какъ отецъ: какъ мнѣ было ее не выгнать ... Вотъ я тебѣ разскажу ...

— Стой ... И опять же я не судить васъ пріѣхалъ и не ваши кляузы разбирать ... Вотъ она не могла дождаться духовнаго отца и назавтракалась, а я, отецъ вашъ духовный, до сихъ поръ не ѣвши, не пивши ... И пріуготовленія никакого не вижу ... Что же я, баба, что ли, какая? ... Языкомъ съ вами колотить пріѣхалъ? ... Остолопы вы, дураки, неучи! ... Коли ты ко мнѣ обращаешься, какъ къ врачу и судіѣ, такъ развѣ такъ врача и судію встрѣчаютъ? ...

— Батюшка, пожалуйте ко мнѣ: у меня все приготовлено ... И водочка, и чайкю, — сказалъ староста.

— Къ тебѣ? ... Изволь ... Это правильно: староста и долженъ отъ лица всего міра ... Какъ пастырь отъ паствы питается, такъ и ты — отъ всего. общества, что ли, предлагаешь гостепріимство? ..

— Нѣтъ, отецъ Ѳедоръ, гдѣ отъ нашего общества ... Сообразишь ли? ... Отъ себя самого ... Здѣсь домъ-то не такъ-то справный, — ужъ не обезсудь, Дмитревна. Такъ я ужъ, ваше благословеніе, по добродѣтели своей, отъ себя ...

— Хвалю и одобряю: творяй благостыню, мзду пріиметъ сторицею ... Не оскудѣетъ рука дающаго ... Пойдемъ ...

— Отецъ Ѳедоръ, батюшка, а отъ меня, не обезсудь за безпокойство твое, прими курочку ... и за новью пріѣдешь, — вось не оставлю ... А денегъ у меня нѣтъ ... Видишь самъ: семья большая, а работникъ одинъ ... Не обезсудь, кормилецъ, прими ...

— Всяко даяніе благо ... И лепта вдовицы почтена наипаче богатыхъ приношенія ... Больно у тебя въ избѣ-то душно ... У старосты просторнѣе ... Коли хочешь посовѣтоваться, приходи ...

— Да какой мой совѣтъ? Мой совѣтъ — два слова: вотъ насъ въ волость зовутъ съ невѣстушкой судиться; она, вишь, у меня дѣлать ничего не хочетъ, вотъ каковъ синь порохъ, какъ есть ничего; говоритъ: хворая я, больная, а сама дѣтей каждый годъноситъ и бѣгать — хошь за двадцать верстъ убѣжитъ ... Гдѣ же ея хворь? ... Дѣтей нанесла цѣлую охапку, а корми всѣхъ я одна, она бы только лежала, а я ужъ нѣтъ, стара. Ну, не хочешь работать въ дому, ступай въ люди, промысли хошь про себя-то, хошь себя-то прокорми, дѣтей ужъ я про-

кормлю ... Я закона не развожу, а не хочешь дома работать, ступай въ люди ... Ну-ка, скажи, батюшка, грѣшу я али нѣтъ? ...

— Всякому человѣку сказано: трудивыйся да ястъ ... Не хочетъ въ дому работать — ступай въ люди — это вѣрно. Больна, а на ногахъ тверда — ходи по-міру; не можешь работать — питайся подаяніемъ: земля русская христолюбива и милосерда, о Христовомъ имени питаются многіе ... Лѣни и праздности не поблажай, старуха ... Если брака не расторгаешь, а требуешь только труда — нѣтъ въ томъ грѣха, старуха. А тебѣ, бабочка, стыдно, стыдно ... Осуждаю! — прибавилъ отецъ Ѳедоръ, обращаясь къ Пелагеѣ:—лѣнь и плотоугодіе въ тебѣ— вотъ что ... Ну, оставайтесь съ миромъ ... Курицу-то отдай сыну, пущай свезетъ ко мнѣ, да вели лошадь подавать мнѣ, проклажаться некогда ... Ну, пойдемъ, староста ...

— Вотъ, батюшка, вотъ, отецъ, вотъ истинныя твои святыя слова: видно, что ты нашу бѣдность понимаешь и чувствуешь ... Спасибо тебѣ, кормилецъ, развязалъ ты мою душу ... Благослови, батюшка! — говорила Агафья и подошла къ отцу Ѳедору, держа руки ковшичкомъ.

— Господь тебя благословитъ ... Ужъ бѣдность ваша и обида твоя велика — вижу ... потому только и прощаю ... А можно ли это: позвали, пріѣхалъ, а больная завтракаетъ ... Это вѣдь насмѣшка надъ саномъ ... Это не курицей пахнетъ ...

— Ужъ прости, отецъ Ѳедоръ ... Напредки послужимъ ...

— То-то, прости да послужимъ ... Не больно вы служите ... Не нажить вамъ другого отца Ѳе-

дора. Попадью бы вотъ вамъ мою попомъ-то поставить — стали бы помнить ...

Отецъ Өедоръ ушелъ къ старостѣ. Пелагея стояла совсѣмъ ошеломленная.

— Матушка, — сказала она, — неужто ты и взаправду думаешь, что я нарокомъ прикинулась вчера ... Да, выйди душа, я не помню, что и было-то вчера опосля того, какъ старшина ушелъ, какъ я и въ избу-то попала ... Кабы я знала, что за батюшкой послали, неужто бы я ѣсть стала ... Что я, некрещеная, что ли? ...

Агафья ни слова не отвѣтила, даже не взглянула на Пелагею, точно ея и въ избѣ не было.

Пелагея, не получая отвѣта на свои слова, еще больше смутилась: свекровь, видимо, что-то замышляла противъ нея; но что же именно? Гнать — она ее не гонитъ, но и не смотритъ, и не отвѣчаетъ, даже не ругается, не пилитъ по обыкновенію. На Пелагею напалъ страхъ; неподвижно сидѣла она на одномъ мѣстѣ, не смѣя пошевелиться, боясь даже взглянуть на свекровь; сердце ея болѣзненно ныло и замирало; только-было затихшая боль въ головѣ и рукахъ началась опять съ новою силою.

— Что же мнѣ дѣлать? — мысленно спрашивала себя Пелагея и не находила иного отвѣта, кромѣ просьбы: — Господи, хошь бы прибралъ Ты меня поскорѣе.

Между тѣмъ на нее сыпались со стороны Агафьи мелкія оскорбленія: вытирая столъ, около котораго Пелагея сидѣла, Агафья слила ей на колѣни всю воду, которая была ею выжата на столъ изъ мокрой мочалки. Пелагея пересѣла подальше отъ стола, поближе къ двери, почти въ самый уголъ — Агафья примела соръ съ полу къ самымъ ея ногамъ и тутъ

же бросила грязный вѣникъ. Пелагея подняла этотъ вѣникъ и хотѣла-было вымести соръ вонъ изъ избы, какъ вдругъ Агафья, ни слова не говоря, вырвала у нея изъ рукъ вѣникъ, опять примела соръ въ тотъ же уголъ и бросила туда же вѣникъ; Пелагея хотѣла положить на полати шубу, на которой спала, и только-что приподнялась-было для этого на лавку, какъ шуба со злобой, но опять молча, была выхвачена у нея изъ рукъ и кинута на печь. При этомъ Пелагея чуть-чуть не свалилась съ лавки. Крикнула Агафья ребятишекъ съ улицы, чтобы дать имъ по куску хлѣба. Средній, войдя первымъ въ избу и увидя мать, бросился-было къ ней съ радостнымъ крикомъ, но тотчасъ же получилъ отъ бабушки затрещину и сильною рукою ея былъ кинутъ въ противоположный уголъ. Съ самымъ маленькимъ повторилась та же исторія. Дѣти сидѣли, тихо всхлипывая и жуя хлѣбъ, который имъ дала та же бабушка. Пелагея горько заплакала, смотря на дѣтей и понявши, что имъ не позволяютъ даже приласкаться къ матери. Она не выдержала и пошла-было къ дѣтямъ, но Агафья, какъ бы отгадавши ея намѣреніе, выгнала дѣтей на улицу. Вбѣжалъ Васька и, не обращая вниманія на мать, смѣло бросился къ бабушкѣ.

— Баушка, поись ...

— На, вотъ ...

Агафья подала ему кусокъ хлѣба.

— Дай молочка, баушка, — приказывалъ онъ, какъ балованное дитя.

— Нѣту молочка-то: матка, вонъ, все прiѣла, — отвѣчала Агафья, поглаживая Васину голову. — Другія-то матки про дѣтей берегутъ, а наша сама съѣла.

— Эка, мамка, дура, — огрызнулся Васька, оборотясь къ матери и высовывая ей языкъ. — Баушка, выгони ее опять. На что ее намъ? ... Не надо ... Дай, я ее палкой ...

— Убей, сынокъ, убей ... Туда мнѣ и дорога ... Больше-то я и не стòю, — проговорила Пелагея и свалилась на лавку, истерически рыдая.

— Приставляй, приставляй. Нѣтъ, ужъ будетъ, теперь не повѣрю, — злобно подумала про себя Агафья.

— Поди, батюшка, Васенька, гуляй, подь — сказала она внуку, который-было задумался, пересталъ ѣсть и, прислушиваясь къ рыданіямъ матери, вопросительно посматривалъ на бабушку.

— Ровно ты, бабушка, ономнясь, — проговорилъ мальчикъ и со смѣхомъ выбѣжалъ изъ избы.

Рыданія Пелагеи были такъ продолжительны и такъ мучительны для нея, что если не тронули и не возбудили состраданія Агафьи, то, по крайней мѣрѣ, какъ будто устыдили ее, и она оставила Пелагею въ покоѣ.

Когда Петръ воротился домой, отвезя отца Ѳеодора, семья пообѣдала, не приглашая Пелагею, которая пролежала остатокъ дня, не поднимая головы. Агафья, точно по забывчивости, оставила на столѣ на весь день хлѣбъ, соль и чашку остывшаго варева, но Пелагея не притрогивалась къ нимъ.

XIV.

Въ квартирѣ писаря, въ волостномъ правленіи, сидитъ старшина и пьетъ чай. Сгорьевскій староста дѣлаетъ ему докладъ о всемъ, происходившемъ послѣ его отъѣзда въ домѣ Агафьи. Въ присутственной комнатѣ толпятся старосты, судьи, добросовѣстные.

Къ крыльцу, на которомъ съ внушительнымъ видомъ стоитъ Мартынычъ, собирается народъ. Среди его находятся Агафья съ Петромъ и въ сторонѣ отъ нихъ, прислонившись спиною къ самому фундаменту волостного дома, сидитъ на землѣ Пелагея, блѣдная, сгорбленная, съ уныло опущенными глазами.

Къ Мартынычу тяжущіеся и подсудимые обращаются съ вопросами, прося совѣта, руководства и ожидая отъ него предрѣшенія своихъ дѣлъ.

— Мое дѣло такое, Мартынычъ, — говоритъ мужичонка, у котораго подъ глазомъ синякъ и нѣтъ цѣлой половины бороды: — онъ меня въ самое буркало, а я его по носу ... Ну, у его руда и полила ... Такъ нѣтъ, мало ему: за бороду, братецъ мой, вишь ты: какъ полыснетъ, смерть моя ... Посмотрю: полны грабли волосьевъ выхватилъ. Я — караулъ! ... Полштофъ попался подъ руку — по рожѣ: въ разъ пришлось — всю рожу ему раскровянилъ. Больше ничего! ... Опосля же того онъ на меня прошеніе ... Такъ и такъ, говоритъ, убитъ. Ладно ... А почему такъ? ... Можетъ, я больше? ... Кто мнѣ за бороду заплатитъ? ... Рожа — она ничего, она заживетъ, на то она рожа. Разбей ее въ дрызгъ — она опять соберется, а борода — особь статья — ее не приставишь ... А гдѣ мнѣ бороду взять? ... Покажи законъ, что больше: въ рожу ли теперь дать, али въ бородѣ человѣка обидѣть? ... Вотъ что, братъ ... Да! ... Вотъ смотри, Мартынычъ: вотъ буркало затекло — это мнѣ не обидно, а бородой онъ меня больше обидѣлъ ... Такъ ли Мартынычъ? ... Что ему будетъ за это?

— Выпорютъ обоихъ ... Больше ничего не будетъ ...

— Ну, нѣтъ, это мнѣ не въ удовольствіе ... Порка поркой, а за бороду мнѣ онъ заплати ... Вотъ что ... Я и судьямъ скажу: господа судьи, какъ угодно, вы сами Божьи люди: можно ли ликъ безъ бороды сдѣлать ...

— Ты поговори, такъ еще старшина прибавитъ отъ себя, либо въ темную посадитъ на недѣлю, — возразилъ Мартынычъ и повернулся къ бабѣ, которая уже давно лѣзла къ нему въ глаза, желая заговорить.

— Ну, ужъ пущай же меня старшина сажаетъ, а я четверти не пожалѣю, четверть поставлю, рубль куда ни шелъ, а мнѣ за бороду взыщи ...

— Что тебѣ? — спросилъ Мартынычъ бабу.

— А я насчетъ мужа-то, Мартынычъ.

— Что-жъ насчетъ мужа? ...

— А просила постегать ... Костюху-то мово ...

— А-а, пóмню ... Такъ вѣдь его міръ оправилъ.

— Міръ оправилъ! ... Такъ вѣдь съ него міръ-то полведра спилъ, какъ тутъ не оправить ... Полушубокъ заложилъ, подлый, на водку-то міру ... Пришли мы съ суда-то, а онъ и былъ таковъ ... Жду-пожду, нѣтъ ... Вотъ, думаю: не постегали, опять къ своей подлой ушелъ ... Пошла къ ней, думаю: поймаю, всѣ зенки выцарапаю, потому весь домъ къ ней перетаскалъ ... Смотрю, а они за старостинымъ огородомъ, здравствуйте, всей честной компаніей, и старъ и младъ, всѣ пьяны, и мой съ ними ... Пришла домой: хвать, анъ и полушубка нѣтъ ... Добрые люди ужъ послѣ сказали: заложилъ, чу, за полведра, міру выпоилъ ... Я опять, Мартынычъ, пущай постегаютъ, силъ моихъ нѣтъ ...

— Проси, можетъ, постегаютъ ... Пути-то не будетъ.

— Не будетъ, не будетъ, родной, отбился ... А однако же пущай его ... Полушубка-то больно жалко ...

— Мартынычъ, а Мартынычъ, — добивался высокій, рябоватый парень.

— Чего?

— Приведутъ его?

— Кого?

— А Тиханова ...

— Зачѣмъ его?

— А какъ же? Я прошеніе приписывалъ супротивъ него ... Я у него жилъ, братецъ, въ батракахъ, ну, а онъ теперича мнѣ денегъ не отдаетъ ... Почему, чу, до срока не дожилъ ... А я жить не хочу, потому никакъ невозможно ... Ну, я ушелъ ... Я говорю: подай деньги, а онъ говоритъ: не дамъ ... Я говорю: пойдемъ въ волость, онъ говоритъ: пойдемъ ... А самъ нейдетъ ... Я къ писарю: припиши прошеніе, вотъ тебѣ двугривенна ... Онъ, братецъ, сейчасъ, какъ почалъ, какъ почалъ: готово ... А вотъ теперь и нѣтъ его: я-то пришелъ, а его нѣтъ ... Значитъ, привести надо.

— Да тебѣ сегодня ли судъ-то? ... Сказалъ ли тебѣ писарь-то?

— Онъ мнѣ ничего про это ... Да съ нашей, братецъ, деревни судья-то сегодня ... Я и прибѣжалъ, а вотъ Тиханова-то нѣтъ ...

— Такъ ты бы спросилъ лучше, дуралей, когда вамъ судъ-то будетъ, чѣмъ зря-то ...

— Знамо бы лучше ...

— Ну, такъ то-то и есть ...

Мартынычъ отвернулся отъ него: онъ дураковъ очень не любилъ.

— Будетъ вамъ орать-то тамъ ... Что̀ еще? — обратился онъ къ мужику и бабѣ, которые кричали въ одно время и во все горло, стоя одинъ передъ другимъ въ угрожающихъ позахъ. — Въ чемъ у васъ тутъ?

— Да вотъ десятокъ ужъ разсудилъ наше дѣло, — отвѣчалъ мужикъ, — а она на волость лѣзетъ ...

— Плевать мнѣ на твой десятокъ ... Я вотъ съ чужой стороны пришла, такъ десятокъ-то твой, извѣстно, все за тебя ... Пущай волость насъ разсудитъ ...

— Да въ чемъ судить-то? — переспросилъ Мартынычъ.

— Ну, вотъ, вишь ты ... Вдова она у меня, изъ села взята, дѣтная ... За вихоръ, слышь, подралъ щенка ея ...

— Врешь: щенята-то отъ тебя разѣ пойдутъ ... За первымъ-то я жила, ничего не знала; а ты всю извелъ меня, искалѣчилъ ... Ноженьки, рученьки всѣ мои поизломалъ и малаго-то извести хочешь ...

— Пострѣлъ мальчишка такой, бѣда! — перебилъ мужикъ ... Слова не дастъ сказать; все ругательно, все ругательно ... Вотъ я его и за вихоръ — поучить ...

— Нѣтъ, кабы не я, ты бы его убилъ, а отняла, такъ меня увѣчить ...

— Не увѣчить, а не суйся: какое дѣло, коли онъ бояться меня не будетъ ... Какъ мальчишку не пощипать ... А она отнимать, въ драку ... Ну, я и ее поучилъ ... А она убѣжала изъ дома да недѣлю пропадала ... Отыскалъ да домой привелъ: на-міру стала жалиться ...

— Что вашъ міръ? Какой вашъ міръ? Обидчики только ... Ты и убьешь, такъ міръ-отъ по

кроетъ: я съ чужой стороны взята ... Вотъ, пущай волость судитъ ...

— Что же міръ-отъ? — спросилъ Мартынычъ.

— Да что міръ? Вотъ есть здѣсь наши-то, спросите, какъ я ее билъ ...

— Ну, что, пустое дѣло, больно нѣжна, — отозвался одинъ изъ стоящихъ вблизи мужиковъ. — Прутикомъ маненько постегалъ, она ужъ и изъ дома бѣжать ... Больно ужъ ... благородна ...

— Нѣтъ, не прутикомъ, а и въ голову, и въ спину досталось, — возражала баба.

— Ну, зуботычина-другая попала — эка невидаль ... Такъ и бѣжать отъ мужа-то? — вмѣшался другой мужикъ. — Васъ, бабъ, не бить, такъ съ вами не сообразишься ...

— Это какая битва, — продолжалъ первый: — вотъ бьетъ Ксенофонтъ свою Анфею, ну, тотъ бьетъ ... Не то, что кулакомъ али плетью, а возьметъ орясину да возитъ-возитъ, такъ баба-то только съ боку на бокъ поворачивается, чтобы не все по одному попадало ... такъ и то отъ мужа не бѣгаетъ ... А ужъ тотъ, истинно сказать, что бьетъ, учитъ настоящимъ манеромъ ... не то, что тебя ...

— А я не дамся, я хошь и вдова, и съ чужой стороны, да я сельская, не изъ деревни, я судъ найду ...

— Ну, ищи, опять ко мнѣ придешь, — сказалъ мужъ.

— А суда не дадутъ — убѣгу ...

— А убѣжишь, поймаемъ да свяжемъ, опять же въ моихъ рукахъ будешь ... Ужъ сокращу ... И щенку не дамся ругать ... особливо скверно ... Ты хошь и сельская, а все мой верхъ будетъ ...

— Вотъ не будетъ ...

— А будетъ ... Вотъ, какъ придешь домой, такъ и выстегаю ...

— А я убѣгу ...

— А я пымаю, да опять выстегаю ...

— А я удавлюсь ...

— Не удавишься: вынемъ ...

— Да зачѣмъ же вы, черти, олухи царя небеснаго, на судъ-то пришли, коли этакія слова говорите? — прикрикнулъ на нихъ Мартынычъ. — Вы бы и грызлись дома ...

— Да это не я, это она, Мартынычъ, — отвѣчалъ мужъ. — Я пошелъ слѣдомъ за ней, думалъ, опять сбѣжать хочетъ, а она, вишь ты, сюда приперла и домой нейдетъ ...

— Да и не пойду, пущай насъ судъ разсудитъ ... Велятъ тебѣ меня экъ тиранить али нѣтъ ...

— Судъ-то объ тебя и мараться-то не станетъ, я такъ полагаю, — сказалъ мужъ. — Велитъ тебя связать да домой отвести — вотъ и все ...

— Ну, еще велитъ, либо нѣтъ ...

— Отстаньте вы, провалъ васъ возьми, — прикрикнулъ Мартынычъ. — Ну, на судъ пришли, такъ стой да молчи, жди своего ...

Въ это время къ волостному правленію подъѣхалъ цѣловальникъ, въ синемъ кафтанѣ, въ бархатномъ картузѣ. Мартынычъ поспѣшно подбѣжалъ и принялъ лошадь, которою тотъ самъ правилъ изъ бѣговой телѣжки.

— Поставь-ка куда ни на есть, въ тѣнёкъ, Мартынычъ, да привяжки ее: блажна очень, молодая, — сказалъ онъ, вылѣзая изъ телѣжки. — А что, Григорій Иванычъ въ приказѣ, при дѣлахъ?

— Въ управленіи, Савва Митричъ, у насъ сходъ

сегодня и судъ. Пожалуйте въ писарскую: тамъ они, по дѣламъ ...

— Ладно.

Цѣловальникъ оглядѣлся, приподнялъ слегка картузъ передъ толпою и самоувѣренно пошелъ чрезъ крыльцо въ волостное правленіе.

— Богатымъ-то, паре, нигдѣ не заказано, вездѣ ходъ, — замѣтилъ оборванный лохматый мужикъ съ мрачнымъ взглядомъ и насмѣшливой улыбкой на губахъ. — А мы, вотъ, сиди да жди ...

Въ отвѣтъ послышалось нѣсколько безмолвныхъ вздоховъ. Когда Мартынычъ, привязавъ лошадь, воротился на крыльцо, тотъ же мужикъ спросилъ его:

— А почему такъ, Мартынычъ, кабатчику можно: куда хочешь иди, а нашему брату нельзя?

— А потому такъ, — отвѣчалъ Мартынычъ, — что вотъ спроси ты эти слова у Григорія Иваныча, онъ тебѣ лучше скажетъ: велитъ оштрафовать.

— Да за что же это штрафовать-то? Управленіе-то, чай, наше, и онъ-то, Григорій Иванычъ, самъ отъ насъ посаженъ.

— Ну, посаженъ, такъ и сидитъ, а тебя, небось, не посадятъ ... Какой у тебя разговоръ-то можетъ быть съ Григоріемъ Иванычемъ? А тутъ свое знакомство и совѣтъ ... Развѣ всѣ люди равны, глупый человѣкъ: возьми ты чинъ полковой? Сколько ихъ, а все разные, и одинъ другого выше, и одинъ другого почитаетъ, вышній нижнему приказъ отдаетъ, а нижній вышняго слушаетъ ... Опять же одно дѣло — начальство, другое дѣло — орда ... Вы кто? Вы орда; а Савва Дмитричъ завсегда съ начальствомъ, потому человѣкъ при капиталѣ, отъ него не то ты, а и начальство одолжаться можетъ ... От-

того ему и ходъ, а тебѣ нѣтъ ... И во всякомъ мѣстѣ такъ, куда ни пойди ... Вотъ что! ...

Рѣчь Мартыныча видимо убѣдила толпу; мужики одобрительно кивали головой, бабы вздыхали; не убѣдился одинъ только лохматый мужикъ: онъ собирался что-то возразить, но въ это время изъ сѣней на крыльцо выглянулъ Самсонъ Львовичъ.

— Мартынычъ, пущай народъ, — сказалъ онъ и опять скрылся.

Толпа всколыхнулась и повалила на крыльцо, въ присутственную комнату.

Въ этой комнатѣ у стола, стоявшаго у передней стѣны и покрытаго краснымъ сукномъ (результатъ попеченія и заботливости Филарета Иваныча), возсѣдалъ старшина; въ сторонѣ, у другого стола, сидѣлъ писарь. Впереди, ближе къ старшинѣ, толпились мѣстные чины: старосты, добросовѣстные судьи, сборщики податей, сотскіе.

— Кто очередные-то судьи у насъ? — спросилъ Григорій Иванычъ.

— Изъ Кстова — Терентій Исаевъ, изъ Колосова — Карпѣй Ѳедоровъ, изъ Караксина — Дормидонтъ Прохоровъ, — провозгласилъ писарь. — Судьи, выходите; что забились въ уголъ-то? Всѣ ли на лицо?

Вышелъ Терентій Исаевъ, приземистый, коренастый, мрачный, весь обросшій волосами; вышелъ Ѳедоровъ, маленькій, черненькій, съ преехиднымъ и въ то же время подленькимъ, заискивающимъ выраженіемъ; за ними выступилъ прямой, высокій, худой Дормидонтъ Прохоровъ; не въ мѣру длинное лицо, вострая голова, полуоткрытый ротъ, круглые глаза, смотрѣвшіе прямо и неподвижно, не обѣщали въ немъ судейскихъ способностей.

— Ну, вотъ что, судьи, — началъ свою рѣчь старшина: — сегодня у насъ волостной сходъ насчетъ недоимокъ и другихъ прочихъ дѣловъ; судъ-то бы не время править да и недавно былъ, только я нарочно велѣлъ васъ позвать, потому дѣло есть нужное, по приказу Филарета Иваныча, такъ ужъ вы промежъ того разсудите, только поскорѣе, потому некогда, дѣловъ много другихъ ... Она паскудная — эта ... сгорьевская баба ... Какъ ее? ... Пелагея, кажись? ...

— Пелагея Тиханова, — подсказалъ писарь.

— Эта самая Пелагея дорогу нашла къ Филарету Иванычу и произнесла она жалобу на свекровь и на мужа ... Какъ ихъ? ...

— Агафья Дмитрева и Петръ Ивановъ, — прочиталъ писарь.

— Вотъ ... Что будто бы они ее изъ дома гонятъ и тиранятъ всячески ... А она при болѣзни находится ... Филаретъ Иванычъ и приказалъ отвести ее въ домъ, а если что будетъ, какое несогласіе, — судъ созвать ... Я и отвезъ самъ собственно ... прямо къ дому ... А она при мнѣ взямши да прикинулась мертвой ... даже понесли мы ее на рукахъ ... И меня-то напугала до смерти ... Старуха ужъ и выла надъ ней, а она, хвать, живехонька! ... Вотъ мы со старостой ... Тутъ и староста ихній былъ ...

— Истинно это, — подтвердилъ староста: — и даже на другой день передъ причастьемъ молока съ хлѣбомъ налопалась ... Такъ батюшка и уѣхалъ безо всего ... Истинно это ...

— И выходитъ, значитъ, все одинъ обманъ былъ. И старуха, и мужъ ея говорятъ, что никакъ съ ней жить невозможно, потому валяется, а дѣлать

ничего не дѣлаетъ и на поле не ходитъ, а въ дому бѣдность, пить-ѣсть нечего, трое дѣтей, четвертымъ на сносѣ ... Вотъ и разсудите: старуха говоритъ: кормить мнѣ ее нечѣмъ, а она работать не хочетъ ... Ну, и пущай, говоритъ, идетъ, куда хочетъ, сама про себя промышляетъ, а я, говоритъ, дѣтей одна подыму ...

— Да и подыму, господа судьи, — вмѣшалась вдругъ Агафья: — лучше не въ примѣръ одна подыму, потому одна я и ...

— А ты постой, — остановилъ ее старшина. — Тебя не спрашиваютъ ... Вишь, я говорю ...

— Ты постой, что и самъ-дѣлѣ ... Вишь, Григорій Иванычъ говоритъ, — замѣтилъ съ своей стороны сгорьевскій староста. — Тебѣ опосля спросъ будетъ ...

Агафья попятилась назадъ.

— Такъ вотъ вы, судьи, и разсудите: мужъ мнѣ говоритъ: не могу, говоритъ, я ее смѣнять на родительницу, потому самому родительница мнѣ мать ... она меня вспоила, вскормила ... я при ней живу, и она одна объ домѣ промышляетъ, а жена, говоритъ, ничего не дѣлаетъ ... приставляетъ только изъ себя, а работы отъ нея нѣтъ ... Бился, бился я съ ними, уговаривалъ, ничего не подѣлаешь, даже до полуночи съ ними канителился ... Ну, да и самъ вижу: баба паскудная, и работать, говоритъ, не могу, и на сторону идти не желаю, а пусти, говоритъ, меня въ свой домъ, на печи лежать дарма ... И вѣдь такая: къ посреднику даже, къ Филарету Иванычу ходила, туда дорогу нашла: значитъ, дошлая! ... А прахтику эту приставляетъ, больна да и шабашъ ... Ну, извѣстно, Филаретъ Иванычъ, хошь бы этого дѣла не видалъ, да и не взимается: коли

говоритъ, согласъ возьметъ — ладно, а нѣтъ, говоритъ, судъ собери: какъ судъ положитъ, такъ тому и быть... Ну, я теперича повыду, а вы и разсудите.

Старшина поднялся и ушелъ въ комнату писаря. Судьи нѣсколько времени стояли молча.

— Ну, что, какъ, господа? — спросилъ наконецъ Карпѣй своихъ товарищей.

Терентій скривилъ на сторону голову и смотрѣлъ то на полъ, то на потолокъ; Дормидонтъ стоялъ попрежнему неподвижно и смотрѣлъ прямо, не мигая, на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ старшина. Оба молчали.

— А по-моему такъ,—заговорилъ опять Карпѣй,— что коли ежели старуха...

— Да что же вы, хотъ бы опросъ сдѣлали тяжущимся, хоть бы спросили ихъ всѣхъ что-нибудь, — замѣтилъ писарь.

— Да вѣдь, Самсонъ Львовичъ, если теперь ихъ всѣхъ спрашивать, — отозвался Карпѣй, — такъ и конца не будетъ, а Григорій Иванычъ просилъ поскорѣе; опять же намъ все извѣстно отъ Григорія Иваныча. Видимое дѣло, что...

— Да это ваше дѣло: какъ знаете, такъ и рѣшайте; только для порядку все надо спросить: можетъ, старуха-то передумала и приметъ ее опять въ домъ...

— Я-то? — выскочила вдругъ Агафья, — да я вотъ какъ: разѣ духъ изъ меня вонъ, такъ власть будетъ не моя, а пока жива — не пущу въ свой домъ: мнѣ ее, дармоѣдку, кормить нечѣмъ. Пущай сама промышляетъ... А дѣтокъ я подниму, дѣтки сыты будутъ... Она легка на ногу-то, вонъ куда, къ посреднику бѣгала, а коли мочи работать нѣтъ, пущай по-міру сбираетъ: такъ и батюшка сказалъ, отецъ Ѳедоръ...

— Такъ, значитъ, принять къ себѣ не желаешь? — спросилъ Карпѣй.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа судьи, ослобоните: не то не желаю, — зрить ее не хочу ...

— Ну, такъ вотъ какъ, господа? — обратился опять Карпѣй къ товарищамъ.

— Такъ мужа надо спросить, подсказалъ опять писарь, — можетъ, онъ желаетъ, чтобы жена съ нимъ жила.

— Петра-то мой? — сказала Агафья. — Ну, ужъ нѣтъ, онъ супротивъ матери не пойдетъ.

— Петръ Ивановъ, — выкликнулъ писарь.

Тотъ подошелъ.

— Спрашивайте его — указалъ судьямъ Самсонъ Львовичъ.

— Что же, братецъ, — спросилъ Карпѣй, — какъ насчетъ жены?

— Ничего я этого не могу знать, потому какъ матушка, а я супротивъ родительницы не могу ...

— Какъ же ты безъ жены-то будешь?

— Что-жъ ... Какъ-нибудь ... Отъ нея корысти-то немного, все одна матушка и на полѣ, и въ дому ...

— Такъ не желаешь?

— Не желаю.

— Пелагея Тиханова, — выкликнулъ писарь.

Пелагея, обвязанная наглухо платкомъ, изъ-подъ котораго видны были одни только глаза, какъ повязываются бабы больныя или считающія себя несчастными, стояла въ уголку, прижавшись къ стѣнѣ. Она едва держалась на ногахъ отъ слабости, отъ огорченія. Она слышала, какъ на нее клеветали, предчувствовала свое осужденіе, сознавала, что всѣ противъ нея, и не смѣла открыть рта въ свое оправ-

даніе. Она вся дрожала, каждый нервъ трепеталъ въ ней. Она слышала свое имя и не могла сдвинуться съ мѣста.

Весь народъ оборотился и смотрѣлъ на нее — это еще больше увеличивало ея смущеніе и страданія.

— Что-жъ ты нейдешь! Судиться, что ли, не хочешь? — спросилъ писарь.

— Я ... я ... батюшки, родные ... Дѣтушки мои! — вскрикнула Пелагея; горло ея сдавили судороги, она зарыдала; дрожащія ноги не въ силахъ были держать ее, она сѣла на полъ тамъ же, гдѣ стояла.

— Вотъ такъ-то, всегда такъ-то, — твердила Агафья. — Вотъ этакъ-то все и прокуратитъ ...

— Не хочетъ, значитъ, отвѣчать ... Этимъ не возьметъ ... Ну, теперь думайте, — сказалъ писарь судьямъ и началъ свертывать папироску.

— Какъ же, господа? — снова обратился къ своимъ товарищамъ Карпѣй.

Тѣ думали.

— Ну, что рѣшили? — спросилъ старшина, возвращаясь въ присутствіе.

— Да знамо, Григорій Иванычъ, — отвѣчалъ Карпѣй: — какъ теперь старуха не желаетъ и мужъ не желаетъ, а она блажитъ ... Что-жъ, пущай идетъ ... куда знаетъ ...

— Я, ребята, какъ хотите: у меня этого нѣтъ, я въ ваше дѣло не вхожу, потому мнѣ и отъ Филарета Иваныча сказано, чтобы ни Боже мой, на судѣ, ни подъ какимъ видомъ ... Какъ сами знаете ...

— Какъ же, господа, — продолжалъ Карпѣй, — по мнѣ такъ ... Вотъ и батюшка, отецъ Ѳедоръ, тоже ... Коли въ дому не работаетъ, не хочетъ,

блажитъ, а старуха не примаетъ ... ну, пущай идетъ Христовымъ именемъ ... Какъ ты, Терентій Исаичъ?

Терентій Исаевъ почесалъ плечомъ ухо и лѣвой рукой правую лопатку.

— Не грѣшно ли будетъ, Карпѣй Ѳедорычъ?

— Насчетъ чего?

— Насчетъ закону ...

— Такъ вѣдь какъ ты ихъ, братецъ, сведешь ... Вѣдь не связать ихъ вмѣстѣ, коли не хотятъ ...

— Да знамо ... Можетъ, обойдутся ...

— Чего обойдутся ... Старуха-то, слышалъ?

— Да это точно ...

— Ну, и мужъ не желаетъ ... Чего тебѣ еще?

Терентій поежился плечами и опять запустилъ руку за спину, чтобы почесать лопатку.

— Съ брюхомъ вѣдь она ... Попытать бы ...

— Чего пытать-то?

— А, можетъ, и ... одумаются ... Тоже мать ... дѣтки ...

— Да слышалъ ты, что старуха-то? ... Дѣтокъ, говоритъ, подыму ... а ее не желаю ... Сведи ихъ силой-то — поножовщина пойдетъ ... Вонъ прокуратничаетъ, а кто домъ-отъ управитъ, какъ старуха-то уйдетъ? ... Тоже подани платить нужно ... Міръ же отвѣчай за нихъ ... По мнѣ: пущай же она хошь себя-то прокормитъ ... Вѣдь онѣ, эти бабы, какъ задурятъ — бѣда! ...

— Ась? — вдругъ отозвался третій судья, Дормидонтъ Прохорычъ.

— Я говорю, бабы ... Какъ ежели имъ что въ голову попадетъ — не выбьешь ...

— И не вступайся — подтвердилъ Дормидонтъ и затрясъ головой ...

— Такъ какъ же ты: по-моему, что ли? — спросилъ его Карпѣй. — Пущай идетъ?

— Ась?

— Нѣтъ, я насчетъ бабъ-то? Развести ихъ? Пущай идетъ, куда хочетъ . . .

— Знамо . . . Съ ними бѣда ...

— Ну, а ты какъ же, Терентій Исаичъ?

— Да ужъ дѣлайте, — отвѣчалъ тотъ неопредѣленно.

— Ну, такъ пиши, Самсонъ Львовичъ.

— Да что же писать-то?

— А вотъ, молъ, порѣшили такъ и такъ, молъ: что старуха ея не желаетъ и мужъ не желаетъ, а она не повинуется, работать въ домъ не хочетъ, а домъ старухинъ ... и сынъ у ея въ повиновеніи ... потому, не желаетъ супротивъ матери ... А что болѣзни, такъ на то воля Божія ... И кто ее разберетъ: можетъ, прихеривается ... Ходу даетъ ... и ребятъ кажинный годъ носитъ, и даже теперь ... Такъ судъ въ сумлѣніи насчетъ этого ... Правильно ли ... то есть хворь ея . . . Можетъ, и нѣтъ ничего . . . потому дѣло закрытое ... Божья воля ... А пить-ѣсть ... одежу тоже . . . нужно ... Ну, а между прочимъ старуха дѣтей поднять ... безъ нея, говоритъ, подыму ... Такъ пущай же идетъ на сторону, промышляетъ про себя . . . Ну, вотъ . . . такъ и пиши . . .

— Складно, — усмѣхнулся Самсонъ Львовичъ, выслушавши съ улыбкою на устахъ это постановленіе, и, лихо размахнувши рукой, началъ бойко записывать его въ книгу.

— Ну, вотъ, покорнѣйше благодаримъ, господа судьи, развязали вы меня съ нею ... Намучилась я ужъ довольно.

— А ужъ что хлопотъ ты намъ надѣлала, безпокойства, тоже ходьбы изъ-за тебя . . . Ведро съ тебя — сказалъ сгорьевскій староста. — Это безпремѣнно, господа судьи, на томъ положите . . .

— Безъ чего нельзя, такъ ужъ, — подтвердилъ Карпѣй. — Тоже и мы безпокоились . . .

— Это какъ есть, — согласился Дормидонтъ, оживляясь, даже замигалъ глазами . . .

— Хошь полведерки, господа судьи, староста, — говорила Агафья, кланяясь: — по бѣдности по моей . . . Не подъ силу мнѣ . . . Положьте полведерки . . .

— Мало! — возразилъ Дормидонтъ.

— Будетъ, — сказалъ Терентій.

— Ну, ну, — согласился Карпѣй.

— На старосту только полштофа особѣ, потому хлопоты изъ-за васъ, — прибавилъ староста.

— Ну, слушай постановленіе, — прервалъ ихъ писарь. — Подойди сюда ближе: я буду читать . . . Ну, вотъ: „по всѣмъ симъ основаніямъ и принимая въ соображеніе уклоненіе Тихановой отъ всякой работы по дому, притворство оной въ разслабленіи будто бы себя отъ болѣзни, даже съ омертвѣніемъ, а между тѣмъ хожденіе за своей нуждой за двадцать верстъ и ежегодное рожденіе дѣтей, опасность отъ ожесточенія противъ нея свекрови и мужа, при совмѣстной жизни, по случаю ея лѣности и притворства, а также и принятіе на себя свекровью обязанностей матери по прокормленію и воспитанію дѣтей и содержанію дома, и за непримиреніемъ сторонъ, судъ постановилъ: уволить Пелагею Тиханову для заработковъ на сторону впередъ до желанія свекрови принять ее обратно къ себѣ въ домъ“. Ну, вотъ и все. Ступайте теперь домой.

Агафья и Петръ кланялись. Пелагея тихо рыдала.

— Батюшки, судъ православный, защитите вы меня отъ мужа, разсудите насъ, — выступила было та баба, которая у крыльца шумѣла съ мужемъ.

— Стой, куда лѣзешь ... Кто тебя звалъ? — внушительно остановилъ ее писарь.

— Вдова я, съ чужой стороны взята, сельская, онъ избилъ меня, искалѣчилъ, рученьки, ноженьки повыломалъ, а десятокъ ихній ...

— Сегодня больше суда не будетъ, — замѣтилъ старшина, — приходи вдругорядь ... Никакихъ дѣловъ больше по суду не будемъ разбирать ... Уходи прочь ... А вотъ что, господа старосты и сборщики, насчетъ недоимковъ теперь разборъ будетъ, потому исправникъ страсть кричалъ, становой описи сдѣлалъ, укціонъ, значитъ, будетъ ... Вотъ, благодѣтель, Савва Митричъ, хочетъ искупить все, что становой описалъ, и денежки внесетъ.

Савва Дмитричъ одинъ только изъ всей публики сидѣлъ около писарскаго стола на стулѣ и при этихъ словахъ старшины, крякнувъ, кашлянулъ въ кулакъ и расправилъ на жирномъ лбу масляные волосы.

— Ну-ка, писарь, какой на комъ разсчетъ? ... Читай по обществамъ, — приказалъ старшина.

Писарь сталъ перелистывать тетрадь. Народъ пригрудился къ столу. Пришедшіе судиться, въ томъ числѣ и Агафья съ Петромъ, пошли вонъ изъ присутствія.

XV.

Около стола старшины кричали, шумѣли, спорили; кто-то ругался, угрожалъ, кто-то грубилъ и

жаловался. Забытая всѣми Пелагея сидѣла въ углу на полу; слезы ея изсякли, она, какъ одурѣлая, безсознательно смотрѣла на одну и ту же точку; въ головѣ ея бродили отрывочныя, несвязныя мысли, точно она забыла или не сознавала: гдѣ она, зачѣмъ, и что съ нею случилось, точно она переживала какой-то страшный, для нея самой неясный кошмаръ; весь окружающій ее шумъ, гамъ, крикъ, тяжелые шаги входящихъ и уходящихъ людей производили только глухой гулъ и звонъ въ ея ушахъ.

Наконецъ, она почувствовала, что кто-то толкаетъ ее въ плечо и говоритъ ей какія-то слова: она съ трудомъ подняла отяжелѣвшую голову и глаза. Передъ ней стоялъ тотъ самый оборванный, лохматый мужикъ, который одинъ возражалъ Мартынычу по поводу его ухаживаній за Саввой Дмитричемъ.

— Очумѣла, что ли? — спрашивалъ онъ ее и тотчасъ же самъ себѣ отвѣтилъ: — да какъ и не очумѣть, парень: очумѣешь ...

Пелагея смотрѣла на него, силясь собрать мысли и понять: о чемъ онъ ее спрашиваетъ.

— Что сидишь? Ничего не высидишь ... Развѣ это люди? Черти!...

Палагея все еще не понимала его.

— Чего зенки-то вылупила? Нечего смотрѣть-то: небось, я не обижу ... Вставай да пойдемъ на волю: испить дамъ, коли хошь ... Все лучше на волѣ-то: здѣсь очумѣешь ... сдохнешь, пра, сдохнешь ... Вставай, помогу ...

Пелагея, цѣпляясь за стѣну, поднялась на ноги и, пошатываясь, пошла за мужикомъ: она поняла, что ей велятъ встать и идти, и повиновалась почти безсознательно, какъ малый напуганный ребенокъ.

Лохматый мужикъ вывелъ ее на крыльцо.

— Подь, воды испей, я вытяну, — сказалъ онъ, не видя никого около себя.

Онъ подвелъ ее къ колодцу, вырытому около самаго волостного правленія, вытащилъ бадью и предложилъ Пелагеѣ пить прямо изъ бадьи, такъ какъ не во что было налить.

Палагея напилась.

— Ну, что, полегше, отошло маненько аль нѣтъ? — спрашивалъ онъ и самъ же отвѣчалъ: — знамо, легше будетъ ... Водка — та, знамо, лучше, а и вода пользуетъ ко-времю, вотъ особливо когда въ жару пересмякнешь, али бо что ... Ну, сядь, посиди тутъ ... Куда пойдешь-то? ...

— Не знаю, родимый, — проговорила Пелагея.

— Да гдѣ знать ... Слышалъ я весь твой судъ ... Черти! ... Захотѣла ты у кого судиться ... у мужиковъ ... Разѣ это судъ? ... Это собачій судъ ... Одно посрамленье ... Да и кто судитъ-то? Дормидоха-дуракъ, да Карпѣй-воръ ... Вѣдь онъ воръ ... воръ, истинно! ... Какъ же, я самъ пымалъ его съ ульемъ ... пымалъ! ... А онъ судитъ! ... Ахъ, чтобъ васъ! ... Господа не въ примѣръ лучше ... Какъ можно ... Баринъ судитъ: онъ чувствуетъ и понятіе свое имѣетъ ... А этотъ что? ... Спили полведра али четверть — вотъ и весь ихъ судъ ... Вотъ меня тоже таскаютъ въ волосную ... Ну, что, пожалуй, таскай меня ... все одно будетъ ... Навалили тягло, а я одинокій ... ровно перстъ ... Какое тягло безъ бабы? ... Промыслишь, говорятъ ... Промыслю, это вѣрно, да не про васъ ... Бери землю-то: вотъ она, мнѣ не нужно ... Такъ нѣтъ, говорятъ, плати ... Ну, такъ ужъ нѣтъ же ... Взялъ да

продалъ и лошадь, и корову, одна избенка, да и та валится ... Ну, на́, возьми ... Что возьмешь-то? Недоимщикъ, чу, ты, описывать тебя будемъ ... Описывай: что возьмешь-то? ... У меня, братъ, теперь взять нечего ... Одинъ Валетка ... Чисто ... вотъ какъ ... Ни на печи, ни на полатяхъ ... Ружье? ... Нѣтъ, шалишь: ружье-то давно въ закладѣ, а на охоту, попалить, завсегда дадутъ, потому у пріятелевъ ... Стегать, говорятъ, будемъ ... Стегай ... На то она! ... Много ли выстегаешь-то? ... Рублей, братъ, не посыплется: вотъ что ... хошь все стегай ... Да, пра ... То и твое дѣло: прикидывается, говоритъ, работать не хочетъ ... Да посмотри въ рыло-то ... чортъ, собака! ... Видать вѣдь: — въ чемъ душа ... Эхъ, захотѣла ты отъ мужика суда ... Пошла бы къ мировому ... вотъ тотъ бы разсудилъ! ...

— Была я, дядюшка ...

— У кого, у мирового, у Ивана Петровича?

— Нѣтъ, у Филарета Иваныча?

— А-а, нѣтъ, это другой наставленъ, недавно ... Этотъ ужъ самый настоящій ... Онъ не то мужиковъ, а всякаго генерала судить можетъ: для него все единственно ... И всѣмъ одинъ судъ: что̀ барину какому, что̀ тебѣ ... Вотъ это судъ! ... Пра, голова, ей-Богу, вотъ-те Христосъ ... Вотъ ступай, онъ твое дѣло справитъ ...

— Охъ ужъ ... Куда мнѣ ...

— Ничего, пра, попытайся ... У меня есть писарекъ такой знакомый ... Онъ хошь изъ пьяненькихъ, да ничего ... гораздъ ... Онъ тебѣ прошеніе напишетъ, какое хошь, все выпишетъ ...

И вали ... Что они, собаки, и самъ-дѣлѣ, что хвораго человѣка изъ дома высунули, еще съ брюхомъ ... Бога въ нихъ нѣтъ ...

— Батюшка, родимый, дядюшка ... силушки-то у меня нѣтъ, не дойти ...

— А ты не сейчасъ, отдохни ... Гдѣ пристать-то думаешь? ...

— Не знаю ... Куда пойдешь? ... Кто меня пуститъ? Подъ окномъ надо гдѣ околѣвать ...

— Пойди ко мнѣ, живи ... Хлѣба-то кусокъ найду ... Я тутъ недалеко, въ Степанихѣ, всего версты съ двѣ ... Хошь полежишь день другой, а тамъ видать будетъ ... Я тебѣ этого писаря разыщу и приведу ... Мы съ нимъ дружки ... У насъ все недѣленое: зайца убью али рыбы наловлю, некуда продать — къ нему тащу — съѣдимъ вмѣстѣ, зато и онъ: коли двугривенничекъ навернется, а бываетъ и рублишка, завсегда ужъ вмѣстѣ пропьемъ ... Любитъ онъ меня — страсть ... Иди ко мнѣ, поживи, ничего: все одно изба-то пустая; у меня, голова, она и незаперта стоитъ: чего запирать-то, нѣтъ ничего, одинъ Валетка! ... Тотъ не дается никому ...

— Спасибо тебѣ, родимый ... Некуда мнѣ дѣться ... Ну, а какъ умру я у тебя? ... Больно мнѣ ничто нехорошо ...

— Ну, такъ что: все въ избѣ-то лучше, чѣмъ подъ кустомъ ... А, можетъ, и не умрешь, можетъ, мы еще и судъ съ тобой найдемъ ... Пойдемъ-ка ...

— Пойдемъ, дядюшка ... Дэй Господи тебѣ ... Какъ васъ звать-то? ...

— Меня-то? ... Арсюшкой зовутъ ... зовутъ и Арсентій Капитонычъ ... какъ кто сдумаетъ ... Я-то тебя знаю ... Я всю околицу здѣсь знаю: и

свекровь твою, аспида, знаю, и мужа твоего, дурака ... Тебя-то выгнали, а я-то самъ отъ дома отказываюсь ... Вотъ мы съ тобой ровно и пара: я бездомокъ и ты бездомокъ ... И ладно ... Да ты не торопись, иди по силѣ ... Насъ не работа ждетъ, поспѣемъ ...

Кое-какъ, съ помощью Арсентія, съ продолжительными отдыхами, Пелагея дотащилась до избенки Арсентія. Избенка эта была совсѣмъ на боку, дворъ при ней вовсе безъ крыши; въ воротахъ одно полотнище кое-какъ еще висѣло на вереѣ, а другое давно оторвалось и было привалено къ вереѣ поперекъ. За нѣсколько дворовъ до своей избы Арсентій былъ встрѣченъ рыжимъ безхвостымъ Валеткой съ острой мордой и торчащими вверхъ ушами. Лая и визжа, Валетка терся около ногъ Арсентія, а тотъ очень серьезно рекомендовалъ ему новую знакомую и приказывалъ беречь и слушаться ее.

Въ избѣ Арсентія не оказалось ничего, кромѣ вязанки соломы и подобія подушки изъ стараго дыряваго мѣшка, набитаго сѣномъ, на которомъ въ отсутствіе хозяина спалъ обыкновенно Валетка. Да еще на стѣнѣ висѣли обрывки невода, которымъ Арсентій ухищрялся ловить рыбу.

— Ну, вотъ и полежи, — сказалъ Арсентій, указывая Пелагеѣ на свое ложе: — тутъ ничего, важно ... Обогнуться вотъ только нечѣмъ ... Да ты кафтаномъ-то своимъ обогнись ... А я пойду картошки промыслю — сваримъ ...

— Вотъ что, дядюшка Арсентій, есть у меня сестра двоюродная, Секлетея, въ Мѣшковѣ ... Можетъ, знаешь Мѣшково-то?

— Ну, какъ не знать ...

— Нельзя ли бы какъ ей повѣсточку дать обо

мнѣ ... Больно мнѣ плохо, силушки моей нѣтъ, не помереть бы ... Она бы пришла, провѣдала меня ...

— Это долго ли ... Мѣшково-то отъ насъ всего верстъ съ десять ... Вотъ картошки сварю, да и пойду: ружьишко захвачу, можетъ, еще не убью ли что ... Сегодня же вѣсть подамъ.

Арсентій былъ человѣкъ особенный. Ему было уже за 50 лѣтъ, но на лицо никто не далъ бы ему и 40: въ его никогда нечесаныхъ, всклокоченныхъ космахъ на головѣ и въ бородѣ не было ни одного сѣдого волоска; онъ никогда не жаловался на свою бѣдность; несмотря на свою лѣнь, онъ способенъ былъ дѣлать по 30 верстъ въ сутки на охотѣ, или желая кому услужить; никогда никому не завидовалъ, но богатыхъ мужиковъ безъ злобы видѣть не могъ и готовъ былъ сдѣлать имъ всякую гадость; добрый отъ природы, онъ постоянно казался озлобленнымъ, недовольнымъ и находилъ удовольствіе сдѣлать людямъ на-зло и на-смѣхъ; честный по-своему, онъ не считалъ грѣхомъ и не стыдился взять потихоньку чужое, что было ему нужно, и потомъ самъ въ этомъ признавался, а въ то же время, при случаѣ, готовъ былъ отдать съ себя послѣднюю рубашку. Водку и охоту онъ любилъ больше всего въ мірѣ, но пьяницей, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не былъ. Пока была жива жена, онъ хоть не усердно, но занимался еще хозяйствомъ и жилъ не хуже другихъ; послѣ же смерти жены, сдѣлавшись совершенно одинокимъ, такъ какъ дѣтей у него не было, онъ забросилъ и домъ, и хозяйство, шатался и жилъ изо-дня въ день, не платилъ никакихъ повинностей, несмотря на всѣ преслѣдованія своего міра и волостного начальства.

По натурѣ и образу мыслей своихъ онъ былъ, крайній радикалъ и отрицалъ все, что его окружало. Въ послѣднее время общество махнуло уже на него рукой и оставило въ покоѣ; но онъ продолжалъ считать себя притѣсняемымъ, ходилъ на сходы, оппонировалъ и бранился.

Гдѣ досталъ Арсентій картофеля — это осталось его тайной, но онъ исполнилъ обѣщаніе: собственноручно сварилъ его, наѣлся самъ и угощалъ Пелагею; а затѣмъ уже отправился въ Мѣшково, оставивши около Пелагеи Валетку.

Онъ пришелъ въ Мѣшково уже поздно вечеромъ. Секлетея не хотѣла вѣрить разсказамъ Арсентія. Давно ли она съ такимъ торжествомъ побѣдила всѣ козни враговъ Пелагеи, самъ Филаретъ Иванычъ принялъ въ ней участіе, самъ старшина долженъ былъ везти и устроить Пелагею въ ея семьѣ; Секлетея даже сбиралась на Ивановъ день побывать въ Сгорьево подъ предлогомъ свиданія съ сестрою, но съ тайною цѣлью — поломаться надъ Агафьей и подразнить ее своимъ вліяніемъ; и вдругъ теперь новыя неожиданныя вѣсти: Пелагея прогнана изъ дому уже окончательно и на законномъ основаніи, и пристала у какого-то нищаго, чуть ли не умираетъ и Христа ради зоветъ ее къ себѣ.

— Да полно ты, не шутку ли ты надо мной шутишь? — переспрашивала Секлетея. — Ушамъ-то своимъ я не вѣрю ... Ну, какъ это можетъ статься, коли самъ Филаретъ Иванычъ ...

— Да чего тутъ толковать: пойдемъ, такъ сама тебѣ все разскажетъ ...

— Ну, ужъ нѣтъ, я теперь, на ночь глядя, не пойду ... Пойду ли, нѣтъ ли, завтра ...

— Что такъ, али опасишься со мной? ...

— Да вѣдь извини ты меня, любезный человѣкъ... Я тебя не знаю: всяко бываетъ...

— Вить ты... И то, долго ли до грѣха: я-то молодецъ этакой, да и ты-то кралечка писаная: пожалуй, и согрѣшишь въ дорогѣ-то, да еще ночнымъ дѣломъ...

— Ну, голубчикъ, ты эти зубоскальства-то про кого другого побереги, а не про меня... Можетъ, ты и хорошій, и добрый человѣкъ, я тебя не знаю, а коли что, такъ вѣдь я и закричу, сполохъ подниму: деревня-то у насъ, слава Богу, не мала, у меня тоже сусѣди есть... вступятся!...

— Да что ты, грабить, что-ли, я тебя пришелъ, али зачѣмъ?... На вотъ: я изъ добра, а она... Всѣ вы черти... Наплевать мнѣ... Я уйду, не бойся... Только что больно просила: не умереть бы, говоритъ...

— Да и я не къ обидѣ твоей.... Коли ты добрый человѣкъ, дай Богъ тебѣ здоровья... А нечего и тебѣ такія каверзныя слова говорить: я, другъ, тоже не изъ какихъ, меня господа знаютъ и уважаютъ... Я придти приду завтра же, только по ночамъ я не ходильщица...

— Да ну, ваше степенство, какъ изволите... Завтра такъ завтра... Для-че ночью идти: не къ любовнику и взаправду... Мотри же, придешь въ Степаниху, спрашивай Арсентія Капитоныча: меня всякой знаетъ, да и сама найдешь: домъ преужастенный большой стоитъ, изо-всего порядка, ворота дубовы, крыша тесовая, окна створчаты... Туда и иди... Ну, прощай, царевна, Несмѣяна-королевна... Я пойду, а ты запирайся хорошенько: въ самъ-дѣлѣ, кто бы честь твою не нарушилъ, въ зо-

лотъ теремъ не ворвался ... Мотри же, приходи завтра безпремѣнно.

Арсентій засмѣялся и вышелъ. Онъ пошелъ не прямо въ Степаниху, а въ сосѣднюю большую деревню, гдѣ жилъ его пріятель писарь.

Квартировалъ этотъ деревенскій адвокатъ у одного мужика, который держалъ бѣлую харчевню безъ права продажи питей, но подавалъ посѣтителямъ въ чайникахъ не чай, а водку. Здѣсь онъ принималъ своихъ кліентовъ, писалъ имъ прошенія, бралъ съ нихъ гонораръ за трудъ часто въ видѣ одного угощенія и, служа вмѣстѣ съ чайниками притягательной силой заведенія, пользовался даровой квартирой и столомъ. Если не было дѣловыхъ занятій, то Фирсычъ (такъ звали его) обязанъ былъ занимать гостей игрою на гитарѣ и пѣніемъ, а пѣлъ онъ обыкновенно всегда одну и ту же пѣсню:

Не слышно шума городского,
На невской башнѣ тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна ...

Эта обязанность Фирсыча создалась не по условію, а сама собою. Давно, во времена еще цвѣтущаго благосостоянія, когда Фирсычъ былъ писаремъ въ магистратѣ, онъ пріобрѣлъ себѣ гитару и научился отъ товарища наигрывать на ней эту пѣсню. Много пережилъ съ того времени Фирсычъ, перенесъ разныя превратности судьбы, терялъ все благопріобрѣтенное, даже до шапки и сапоговъ включительно, но съ гитарой не разставался, и, поселяясь на послѣднее пристанище къ мужику, котораго онъ же надоумилъ открыть бѣлую харчевню, онъ, кромѣ халата, подпоясаннаго полотенцемъ и опорковъ на бо-

сыхъ ногахъ, принесъ съ собою одну гитару. Въ веселомъ или грустномъ настроеніи духа, смотря по степени опьяненія, онъ постоянно напѣвалъ и наигрывалъ свою пѣсню, и посѣтители бѣдной харчевни уже прямо требовали отъ Фирсыча музыки, въ которой онъ отказывалъ развѣ только занятый сочиненіемъ какого нибудь прошенія. Къ этому-то Фирсычу стремился Арсентій.

Въ бѣлой харчевнѣ огонь еще не былъ погашенъ и крыльцо незаперто. Арсентій вошелъ. Въ большой избѣ стояло три простыхъ бѣлыхъ стола. На одномъ изъ нихъ горѣла тонкая желтая вонючая сальная свѣча и стоялъ чайникъ. У этого стола сидѣлъ Фирсычъ и противъ него мужикъ. Собесѣдникъ что-то разсказывалъ Фирсычу, сильно жестикулируя и размахивая руками, тотъ сосредоточенно слушалъ, постукивая по столу пальцами дрожащихъ рукъ. Фирсычъ былъ видимо въ дѣловомъ настроеніи; маленькій морщинистый лобъ его морщился, нижняя губа выпячена впередъ, воспаленныхъ, слезящихся глазъ почти не было видно подъ сдвинутыми бровями. Появленіе Арсентія мгновенно измѣнило его физіономію: Фирсычъ ожилъ и засіялъ привѣтливой улыбкой.

— А, другъ сердечный, вотъ не ждалъ ... Какими судьбами ночною темнотою? — привѣтствовалъ онъ Арсентія.

— По тебѣ стосковался, — отвѣчалъ Арсентій, подсаживаясь къ столу и безъ церемоніи заглядывая въ чайникъ. — Есть ли что, али ужъ покончили? ...

— Это вотъ проситель ... насчетъ дѣла ... поставилъ, — говорилъ Фирсычъ, указывая на мужика. — Да пей, пей ... ничего ... Еще добудемъ ... Твое дѣло можно, — обратился онъ къ просителю: —

распишемъ такъ, что ай-люли, и его, можно сказать, подъ сюркупъ подведемъ ...

— Главный предметъ, Фирсычъ, нажми хорошенько, чтобы онъ чувствовалъ ...

— Да ужъ это, братъ, наше дѣло ... не проси: у насъ почувствуетъ ... А ты вотъ что: ко мнѣ дружокъ пришелъ, видишь: такъ я тебѣ еще чайничекъ промыслю ...

И Фирсычъ съ опорожненнымъ чайникомъ ушелъ въ другую избу, гдѣ жилъ хозяинъ и хранилась водка.

— Это мнѣ ничего, Фирсычъ, это мнѣ не жалко, — говорилъ ему вслѣдъ проситель: — только чтобы его прижать-то хорошенько, потому прежде кровь пили и теперь хотятъ ...

— На управителя, что ли? — спросилъ Арсентій.

— Да какъ же, загналъ наше стадо, значитъ, для потравы ... для штрафа ... да загналъ-то въ одинъ сарай и лошадей, и коровъ, и мелкую животину, все вмѣстѣ ... У меня овцу и помяли — издохла ... Я прихожу къ нему ... Ну, знамо жалко, говорю съ сердца: грабители, я говорю, вы ... Заплати за овцу ... А онъ взямши, повернулъ да по шеѣ и разъ, и два, и три: вотъ, говоритъ, получи свое, и сдачи, говоритъ, не нужно ... Нѣтъ, врешь, шалишь, этакъ, братъ, нонѣ нельзя ... Теперь онъ мнѣ и за овцу заплати, и за меня заплати, за безчестье ... Только ужъ того жалко, что не окровянилъ, а окровяни онъ меня тогда, присвидѣтельствовалъ бы: Фирсычъ говоритъ, не миновать бы ему острога ... Вотъ бы чудесно ...

— Мало ли бы чего: кабы окровянилъ-то, совсѣмъ бы по другой статьѣ, — вмѣшался Фирсычъ, воротившійся съ наполненнымъ чайникомъ.

— Вотъ то-то и горе-то мое, что дѣло-то безъ крови ... Кровь ужъ въ этомъ случаѣ на что лучше ... Мнѣ бы обернуться тогда, можетъ, по носу бы угодилъ, али-бо пасть на что, чтобы царапину на рожу хорошую — вотъ бы и разъ ... А все ты, Фирсычъ, его понажми, потому обида: теперь этого не приказано, ни Боже мой ... Новой мировой нарочно посаженъ ...

— Да ужъ сказано тебѣ: не сумнѣвайся ... Только чтобы свидѣтели были ...

— Свидѣтелей найдемъ ... сколько угодно ... Весь міръ пойдетъ ...

— Ну, и нажмемъ ...

— А я тоже вѣдь съ дѣломъ къ тебѣ, Фирсычъ, — сказалъ Арсентій.

— Полно ... Для друга могу ... Съ какимъ?

— Отгани загадку: вдова, а замужемъ, безъ мужа, а не вдова ...

— Коли мужъ есть, такъ какая вдова, а коли вдова, такъ, стало, мужа нѣтъ ...

— Истинно, — подтвердилъ мужикъ.

— Вотъ то-то и есть, а у насъ по другому: вотъ ты и раскуси ... У насъ бабу дѣтную, да еще съ брюхомъ, съ живымъ мужемъ развели ... Можно это? ...

— Консисторія можетъ ... Если мужъ, али жена гуляли на сторонѣ ... и бывъ свидѣтелями настигнуты въ самомъ грѣхѣ ... Консисторія можетъ ...

— Какая тутъ ... Нѣтъ ... И грѣха никакого небыло, а свекровь гонитъ ... Баба хворая ... У насъ волость и развела: прогнать, говоритъ, изъ дома, коли свекровь не желаетъ ... Въ законѣ это? ...

— Ни подъ какимъ видомъ ...

— А баба-то чуть жива ... Кормиться нечѣмъ ... Сродниковъ нѣтъ ... Я такъ полагаю: къ мировому нужно ...

— Первымъ дѣломъ ... Описать все въ самыхъ жалостныхъ словахъ, и къ мировому судьѣ ... Потому онъ блюститель ... онъ долженъ войти въ это ...

— Такъ ты мнѣ это сдѣлай, Фирсычъ ... дружески ... потому баба голая, взять съ нея нечего, а есть у нея сестра двоюродная, изъ той, можетъ, что и выморщимъ: потому, своя изѳенка ... Ну, а нѣтъ, такъ ужъ ты такъ, для меня ...

— Да что тебѣ-то, сродни, что ли?

— Какое сродни: что Валетка, что она — все одна мнѣ родня-то ... А такъ, что какой это судъ ... мужицкій ... Досада беретъ ... Опять же баба больная, на ладанъ дышетъ ... Пускай же имъ, чертямъ, мировой носъ утретъ: законъ покажетъ ... Для меня .... Сдѣлай ...

— Ладно, могу ...

— Такъ ты утре приходи ко мнѣ ... Ужъ удружи: опиши по свойски ... Баба-то у меня и лежитъ: я ей весь свой дворецъ отдалъ ... Надо идти провѣдать ... что она тамъ ...

— Такъ выпей еще на дорогу-то ...

— Посошокъ давай ... Эхъ, кабы не водка, такъ, кажись, и жить-то на свѣтѣ незачѣмъ.

— Истинно, братъ Арсюша: утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ и напастяхъ ...

Пріятели разстались, и Фирсычъ принялся за сочиненіе прошенія для мужика.

Арсентій воротился домой около полуночи. Онъ не хотѣлъ-было входить въ избу, чтобы не разбу-

дить Пелагею, и намѣревался лечь спать въ сѣняхъ; но Валетка, запертый въ избѣ, услышалъ его и поднялъ радостный лай. Арсентій за это ткнулъ его ногой, входя въ избу, и окликнулъ Пелагею.

— Что, жива ли? Это я, Арсентій ...

— Жива, дядюшка Арсентій.

— Ну, видѣлъ твою сестрицу: завтра обѣщалась придти, а сегодня не пошла: боюсь, какъ бы ты, говоритъ, ночью чего со мной не сдѣлалъ. Ну, заходилъ и къ писарю: обѣщалъ прошеніе написать ... А теперь спи, и я, ничто, присталъ, спать хочу.

— На чемъ же ты ляжешь-то, дядюшка?

— А вотъ, на печкѣ ...

— Да нѣту, подостлаться-то тебѣ нечѣмъ: возьми хоть подушку-то у меня, али вотъ кафтанъ мой ...

— Лежи-ка, лежи, не твое дѣло ... На мнѣ нѣтъ, что ли, кафтана-то, а Валетку подъ голову положу, вотъ-те и подушка: онъ мягкой ... Картошку-то, чай, не всю съѣла? ...

— Нѣту, дядюшка, не ѣстся ничто ...

— Ну, вотъ я ее и съѣмъ; я-таки проголодался ... Поѣмъ да и спать ... Валетка, на картошки ...

— Экой ты, дядюшка Арсентій, милостивый ... Куда бы я дѣлась, кабы не ты: на улицѣ бы пришлось околѣвать ...

— Ну, да, невидаль большая: въ эки хоромы привелъ и вправду ... Сколь ты мѣста заняла, а намъ съ Валеткой еще осталось ... Ты нишкни, спи лучше ... Я этихъ разговоровъ-то не люблю ...

— Совѣсть-то меня больно ѣстъ, что, ну-ка, чужой человѣкъ меня, хворую, призрилъ и хлопочетъ изъ-за меня, ровно сродникъ какой ...

— Да что за хлопоты ... Никакихъ хлопотъ нѣтъ ... Лежать лежи, сколь хошь, не дорого стоитъ: мѣста не пролежишь; а вотъ только не помирай у меня, а то затаскаютъ ... Этого ты не дѣлай ... Мы еще постой: свекруху твою сократимъ вотъ какъ, не будетъ она хворую невѣстку изъ дома вонъ выгонять ... Эхъ, чудесное это кушанье — картошка ... Вотъ поѣлъ — теперь спать ... Спи и ты ... Валетка, гопъ сюда! ... Подвинься, уродъ ... Вотъ такъ ... У-у ...

Арсентій зѣвнулъ и чрезъ минуту уже храпѣлъ на всю избу.

XVI.

Пелагея провела всю ночь почти совсѣмъ безъ сна: упадокъ силъ у нея былъ страшный, она съ трудомъ ворочалась съ боку на бокъ, холодный потъ обливалъ все ея тѣло и при этомъ смертельная тоска, замираніе сердца, точно каждую минуту она ожидала чего-то ужаснаго. Поутру около ея убогаго ложа собрались всѣ ея послѣдніе друзья: пришла Секлетея, воротился съ охоты, на которую уходилъ еще до свѣту, Арсентій и принесъ съ собою зайца, явился, наконецъ, и Фирсычъ, ради котораго заботливый Арсентій досталъ гдѣ-то полштофъ водки. У хозяина оказалась въ сосѣдней деревнѣ пріятельница, разбитная, хоть и не молодая уже, солдатка, которая также явилась и принесла съ собою ржаныхъ лепешекъ. Начались разспросы Пелагеи и Арсентія, потомъ приступили къ совѣщанію.

— Мой совѣтъ, — сказала Секлетея: — идти мнѣ сейчасъ къ Филарету Иванычу и разсказать ему все дѣло: онъ баринъ характерный, да и ко мнѣ мило-

стивый; по моему короткому знакомству, онъ вступится, что какъ смѣли не по его приказанію сдѣлать, и сейчасъ все передѣлаетъ ... и Пелагею успокоитъ ...

— Да что твой Филаретъ Иванычъ? Ходили ужъ вы къ нему — что пути-то вышло? — возразилъ Арсентій. — Тутъ къ судьѣ нужно ...

— Напрасно вы такъ говорите, — отвѣчала Секлетея: — супротивъ Филарета Иваныча другихъ такихъ господъ у насъ нѣтъ ... И опять же у насъ знакомство: я на нихъ завсегда рубашки шью и даже, можно сказать, секреты ихніе знаю, такъ ужъ никто больше его для меня не постарается ... Это вы повѣрьте ...

— А мировой судья завсегда больше его будетъ, потому онъ всякаго судить можетъ, а Филаретъ Иванычъ только насчетъ мужиковъ.

— Да, сказываютъ, и цѣпь на немъ другая: важнѣе, чу, не въ примѣръ и больше! — подтвердила солдатка. — И гордый, гордый, сказываютъ: никому путемъ не скажетъ, а все въ язву, все въ язву ... Тутъ баринъ стоитъ, а тутъ — мужикъ, а онъ нарочно передъ бариномъ мужику-то: вы да вы ... А самъ на барина посматриваетъ: вотъ, молъ, какъ, слышишь: для насъ все единственно, что ты, что мужикъ ... Одно вамъ мое обращеніе.

— Да, — согласился Арсентій: — и много съ нимъ не разговаривай, а какъ заговорилъ: пожалуйте три цѣлковыхъ ... значитъ, штрапъ ... И шабашъ ...

— Слышала я это сама, — возразила Секлетея насмѣшливо, — тоже на господахъ, славу-Богу, живу; только мнѣ это довольно странно, какъ вы говорите: не разговаривай ... Какой же это судъ? ... Объ своей нуждѣ я всегда могу говорить ...

— Да именно такъ: ты объ нуждѣ своей говори, онъ ничего, а коли ты что другое заговорилъ, али виноватъ да разговаривать началъ, ну и шабашъ: три цѣлковыхъ ... Ужъ коли виноватъ, молчи лучше, проси прощенья ... Вотъ это судъ какой ... Это не то, что вотъ вашъ Филаретъ Иванычъ ее на мужицкій судъ послалъ ... Да что мы споримся-то? Вотъ Фирсычъ, кому ужъ лучше знать; скажи, Фирсычъ, къ кому теперь идти по ея дѣлу: къ посреднику, али къ судьѣ? ...

— А я сижу да слушаю: какіе законники собрались ... Думалъ ужъ, не уходить ли мнѣ восвояси; сами все знаютъ ...

— Это мы такъ только, — поспѣшила прилаcкаться Секлетея: — а гдѣ же намъ знать противъ васъ: вы служащій человѣкъ были ... Не оставьте вашимъ совѣтомъ.

— А за труды какая же благодарность будетъ? ...

— Отъ меня ... вотъ! — сказалъ Арсентій, вынимая изъ-подъ лавки полштофа.

— Это для вдохновенія и слезъ теченія, — сказалъ Фирсычъ, осклабляясь, и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ потянулся къ полштофу. — Изъ горлышка въ горлышко, знать? ...

— А то какъ же, стаканы-бокалы тебѣ, что ли? ... Нѣтъ у меня этого заведенія ...

— Э-эхъ, — открякнулся Фирсычъ, отпившій заразъ чуть не половину. — Вкушай, люблю дружество ...

Онъ пододвинулъ водку Арсентію.

— А отъ тебя, по сестриному твоему сердоболію, какое будетъ благодареніе за совѣтъ мой и написаніе ... Безъ письменнаго прошенія тутъ ни-

чего не подѣлаешь, — обратился Фирсычъ къ Секлетеѣ.

— Человѣкъ я небогатый,—отвѣчала Секлетея: — но для ради убогаго человѣка двугривенничекъ возьми съ меня.

— Бумага моя, чернила мои, перо тоже тупится, — у васъ вѣдь этого запаса нѣтъ, — но болѣе того изложеніе мыслей оцѣняется ... Два прошенія нужно выразить: одно, апелляціонное, къ посреднику, другое, исковое, къ мировому судьѣ ... Все нужно сообразить съ законами и выразить, попробуй-ка мозгами-то пошевелить и такъ все изложить, чтобы даже чувства въ содроганіе пришли, — вотъ вѣдь что!.. Ужъ мало-мало по полтиннику за прошеніе: рублевку за оба ...

— Ну, а ты для дружбы уступи, — вступился Арсентій: — возьми два двугривенничка ... И ты не жалѣй ужо, дай для сестры ...

— Зачѣмъ два-то писать? Будетъ бы одного, — нерѣшительно замѣтила Секлетея.

— А потому нужно, что ужъ если моего совѣта просишь, то и слушай ... Сказано: „толцыте и отверзется вамъ“ ... Судъ утруждаютъ—и утруждай. Здѣсь попросила — не беретъ, утруждай въ другомъ мѣстѣ. Опять же внушительно тебѣ сказано; одно дѣло — апелляція, другое дѣло искъ. Апелляція есть обжалованіе, искъ суть взысканіе обиды. Кто ее обидѣлъ? Свекровь и мужъ: ищи у судьи мирового о взысканіи претерпѣнныхъ обидъ и убытковъ. Кто ее неправильно судилъ? Старшина и волостной судъ: обжалуй къ вышнему начальству — посреднику ... Постыдно мнѣ все это излагать предъ вами, бабами непонимающими ... Для дружества милосердіе оказать могу: два двугривенныхъ возьму, себя ограничу, но

въ дальнѣйшихъ разговорахъ дарованія мои предъ вами расточать не буду ... Или слушайтесь меня и надѣйтесь, или дѣйствуйте по неразумному усмотрѣнію своему ... Въ пьяной компаніи я праздный пѣснопѣвецъ и шалыганъ; а въ дѣлахъ — знаніемъ и мудростію надѣленъ отъ Бога сверхъ мѣры и въ зависть людямъ; оттого и скитаюсь ...

— Да что ужъ про то и говорить, Фирсычъ ... Дѣлай, какъ знаешь, — сказалъ Арсентій.

— Ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, не оставьте, повторила и Секлетея, очарованная краснорѣчіемъ Фирсыча и почувствовавшая къ нему полное довѣріе. — Ужъ не оставьте: какъ прикажете, такъ и будемъ дѣлать.

— Благодарность впередъ получаю всегда, — сказалъ Фирсычъ, протягивая руку.

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь ...

— Получить желаю, — настаивалъ Фирсычъ.

Секлетея засуетилась: вытащила платокъ, въ углу котораго завязано было нѣсколько серебряныхъ монетъ на всякій случай; теперь она вынуждена была положить эти деньги въ руку Фирсыча. Послѣдній, принявши ихъ, спокойно и съ какой-то внушительной строгостью вытащилъ изъ бокового кармана листа два сѣрой бумаги, сложенныхъ вчетверо, съ помѣщеннымъ въ сгибѣ перомъ, а изъ задняго кармана пузырекъ съ чернилами. Разгладивши листъ бумаги и положивши его передъ собою, онъ раскупорилъ пузырекъ, посмотрѣлъ къ свѣту на конецъ пера и снялъ съ него что-то ногтями. Все это онъ дѣлалъ съ крайнею серьезностью и торжественною медленностью. Всѣ присутствующіе сохраняли глубочайшее молчаніе и смотрѣли на Фирсыча чуть не съ благоговѣніемъ.

— Ну, теперь ... — Фирсычъ взялъ въ руку полштофъ.

— Для усугубленія мыслей, — сказалъ онъ и отпилъ водки.

— Для размягченія чувства, — глотнулъ еще.

— Для просвѣтлѣнія разума. — Фирсычъ допилъ остатки и глубоко вздохнулъ. — А съ тобою, другъ, обратился онъ къ Арсентію, — по написаніи, раздѣлимъ сіи крохи благодарности, врученныя ... благожелательною сестрою сей болящей.

— Ладно, ладно, Фирсычъ ... поспѣемъ послѣ, — отозвался Арсентій.

— Ну, теперь открой мнѣ, болящая, твое имя, отчество и прозваніе, — обратился Фирсычъ къ Пелагеѣ, беря въ руку перо.

Пелагея такъ плохо себя чувствовала и такъ была утомлена всей происходившей передъ ней сценою, что давно уже не въ силахъ была слѣдить за разговоромъ и лежала закрывши глаза. Она ничего не отвѣтила и на вопросъ Фирсыча. За нее отвѣтила Секлетея.

— Равномѣрно имя, отечество и прозвище свекрови и мужа, — продолжалъ Фирсычъ.

Ему также сказали.

Сморщивши брови, закусивши нижнюю губу, склонивши на бокъ голову, Фирсычъ началъ писать. Въ избѣ стояла полнѣйшая тишина и безмолвіе. Всѣ, забывши о Пелагеѣ, смотрѣли только на руку Фирсыча, то опускавшую перо въ пузырекъ съ чернилами, то скользившую по бумагѣ.

Вдохновенный Фирсычъ писалъ, не останавливаясь. Въ жалобѣ посреднику онъ обвинялъ старшину и волостной судъ въ притязательности, мздоимствѣ, лихоимствѣ и умышленномъ неправосудіи, и

заканчивалъ такими словами: „сіе противоестественное судилище, какъ Ноевъ ковчегъ, собравши въ себя всякую скверну и гады, не токмо предало осмѣянію и растлѣнію естество законнаго супружества моего, но и расторгло узы крови въ рожденныхъ дѣтяхъ и утробѣ моей заключенномъ, какъ чувствую себя въ тяжести и на сносѣ, при сихъ прискорбныхъ моихъ обстоятельствахъ. А я желаю жить въ союзѣ супружества и при означенныхъ дѣтяхъ моихъ и могу ли быть. Посему осмѣливаюсь утруждать особу вашего высокоблагородія, имѣю честь покорнѣйше просить, дабы дальнѣйшаго не было, учинить съ вашей стороны распоряженіе и тѣмъ удовлетворить мою просимость“.

— Вотъ одно и готово, — сказалъ Фирсычъ и прочиталъ вслухъ свое сочиненіе.

Слушатели остались очень довольны. Секлетея даже прослезилась. Арсентій торжествовалъ.

— Спасибо, Фирсычъ, — говорилъ онъ: — ужъ, братъ, постарался, вотъ постарался, прожогъ ты ихъ, нечего сказать, будутъ помнить, курицыны дѣти! ... Что, говорилъ я тебѣ, — обратился онъ къ Секлетѣе: — каковъ человѣкъ-отъ Фирсычъ ...

Но вдохновенія и паѳоса у Фирсыча достало только на первое прошеніе: водка начинала брать свое, отуманила и отяжелила мудрую голову и бойкую руку юриста; глаза его, какъ говорится, посоловѣли, и самъ онъ, видимо, осовѣлъ. Бойко написалъ онъ заголовокъ: „его высокоблагородію, такому-то судьѣ, такого-то участка, такой-то женки покорнѣйшее прошеніе“; также бойко началъ онъ и самое прошеніе съ неизбѣжнаго дѣепричастія: „вступивъ въ законное супружество съ крестьяниномъ Петромъ Ивановнымъ“ ... Но тутъ задумался и остановился ...

— Какъ дѣтей зовутъ? — спросилъ онъ.

— Это ребятишекъ-то ея? — отозвалась Секлетея.

— Непремѣнно нужно знать ...

— Старшенькаго Васюткой, а второго Ѳедюшкой, третьяго ... Вотъ не помню. Пелагеюшка, какъ третьяго-то у тебя зовутъ? ... А, Пелагея? ...

— Охъ, что, матушка? ... — отозвалась Пелагея, какъ бы въ испугѣ.

— Какъ третьенькаго-то зовутъ у тебя?

— Кого, родима? ...

— Ну, старшій-то вѣдь у тебя Васютка, второй — Ѳедюшка, а махонькаго-то какъ? Позабыла я, а они вотъ спрашиваютъ ...

— Ванюшка ... Иванушка ... — едва выговорила Пелагея и зарыдала. — Бѣдныя мои, горемычныя мои дѣточки! — твердила она.

— Ну, а ты нишкни, нишкни ... Вотъ они все сичасъ опишутъ ... воротятъ тебя къ твоимъ дѣтушкамъ, — утѣшала ее Секлетея.

Фирсычъ записалъ имена дѣтей.

— А сколько лѣтъ въ замужествѣ? — спросилъ онъ.

— Пять, батюшка, шестой, — отвѣчала Секлетея.

— Такъ ...

Фирсычъ вновь перечиталъ начало прошенія. Голова его совсѣмъ не работала, хоть брось дѣло, но дѣепричастія поддержали и спасли его репутацію передъ зрителями. Привычной рукой онъ началъ выводить: „вступивъ въ законное супружество, находясь въ ономъ невступно шесть лѣтъ, имѣя престарѣлую свекровь и троихъ дѣтей мужеска пола: Василія 5 лѣтъ, Ѳеодора 4 и Ивана 2 лѣтъ и будучи

обременена, въ тягости, и не имѣя никакихъ средствъ и даже близкихъ родственниковъ, но бывъ выгнана изъ дома и терпя разныя притѣсненія и скандалъ, а сама находясь въ болѣзненномъ состояніи, въ разслабленіи рукъ и ногъ и даже спины и всѣхъ членовъ сустава моего, не видя сердечныхъ чувствъ отъ законнаго мужа моего, но, вмѣсто оныхъ, терпя притѣсненія, побои, толчки и даже раны отъ свекрови моей, которая не токмо къ соединенію и союзу семейному, но къ единому расторженію нашего брака“.

Фирсычъ, наконецъ, поставилъ точку и, долго не думая, перешелъ къ просительному пункту:

„А посему всепокорнѣйше прошу, — писалъ Фирсычъ: — меня отъ сего освободить, виновныхъ предать суду законовъ со взысканіемъ въ мою пользу убытковъ и меня возвратить въ лоно супружества“.

— Вотъ и другое готово ... У-ухъ, тяжелое это дѣло, — сказалъ Фирсычъ, помахивая правой рукой. — Теперь рукоприкладство сдѣлать — и шабашъ. Подавать прошеніе кто пойдетъ: ты, что ли? — обратился онъ къ Секлетеѣ.

— Да ужъ, стало быть, я: нечего дѣлать, надо для своей крови постараться ... Ей самой не дойти: вонъ она какая ... Только какъ же, къ судьѣ-то дороги не знаю: никогда не бывала ...

— Я тебя провожу, — вызвался Арсентій. — Вотъ поѣдимъ зайчишка да и пойдемъ ... Не столь вѣдь далеко ... Засвѣтло еще вернемся ...

— А однако, далече ли? ...

— Да верстъ съ восемь усадьба-то его ...

— Ну, ужъ не по моимъ бы это ногамъ, да во что Господь ни поставитъ: потружусь для больного человѣка ...

Закусивши зайцемъ, свареннымъ солдаткою, ком-

панія разошлась: Фирсычъ ушелъ домой, а Секлетея съ Арсентіемъ отправились съ прошеніями. Ушла и солдатка.

Пелагея осталась опять одна въ убогой избенкѣ Арсентія подъ присмотромъ Валетки. Въ присутствіи своихъ друзей она ничего не говорила, не жаловалась на свои страданія: ихъ хлопоты, ихъ заботы о ней давали ей какъ будто лучъ надежды на лучшее будущее; но, оставшись одна, она яснѣе понимала свою безпомощность, сильнѣе чувствовала свои страданія, сознавала, какъ мало оставалось у нея физическихъ силъ. Отъ времени до времени какой-то страхъ нападалъ на нее, точно ее живую зарыли въ могилу или замуравили въ стѣну; затѣмъ тоска мучительная, неутолимая, грызла ея сердце: она рвалась домой, къ дѣтямъ, плакала, звала ихъ, металась на постели; внутри ея все горѣло, а снаружи тѣло обливалось холоднымъ потомъ, нервныя судороги сжимали горло, физическія страданія усиливались, а за ними наступала общая слабость, упадокъ силъ: она лежала тогда по цѣлымъ часамъ, блѣдная, неподвижная, точно жизнь совсѣмъ оставила ее.

Такъ прошелъ для нея весь этотъ день. Поздно вечеромъ воротился Арсентій. Онъ былъ пьянъ и золъ.

— Что, батюшка, что Богъ далъ? — спросила его Пелагея.

— Что, баба, видно ты безсудная родилась на свѣтѣ ... Никакого пути не вышло ... Не принялъ судья: не мое, говоритъ, это дѣло: судилась, говоритъ, въ своемъ судѣ, волостномъ, при томъ, чу, пусть и останется ... Я говорю: какъ же, ваше благородіе, мы желаемъ вашего суда, потому не желаемъ мы мужицкаго суда ... и опять же, я говорю,

мы съ прошеніемъ ... И прошеніе, говоритъ, ваше — дурацкое ... Мы было съ Секлетеей опять ... Подите, говоритъ, вонъ, а то оштрафую ... Вышли ... Какъ почала твоя сестричка срамить меня, какъ почала ругать ... Эхъ, чтобы васъ ро̀зорвало ... Ровно я не къ добру хотѣлъ ... Да ужъ и то сказать: свяжись съ бабами ... На что хуже ... Самый паскудный народъ ... Зашелъ оттуда и къ Фирсычу, того-то изругалъ, а за что — и самъ не знаю ... Эхъ, только горе съ вами ...

Пелагея слушала молча. Сердце ея совсѣмъ упало. Она не смѣла даже и спрашивать болѣе Арсентія, но тотъ самъ продолжалъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Да съ Фирсычемъ это ничего ... Ну, поругались, а тутъ и опять поладили, онъ же угостилъ ... А вотъ, паря, сестрица твоя ... А — и злюща ... Я ее и такъ, и сякъ: нѣтъ, не дается на ладъ ... Звонитъ, ровно въ колоколъ ... Я говорю: придешь ли къ сестрѣ-то? ... Я, говоритъ, этакъ не привыкла, я на господахъ выросла ... Не мнѣ, говоритъ, на побѣгушкахъ-то бѣгать, къ тебѣ ходить, въ твою пьяную компанію ... Къ барину, говоритъ, къ посреднику схожу, такъ ужъ, для Бога, а къ тебѣ не пойду ... ни за что ... Это ей двухъ-то двугривенныхъ больно жалко, — что ли ... Выдумалъ, говоритъ, къ судьѣ ... Какой это судья? ... Говорила, къ Филарету Иванычу надо, говорила ... Вотъ, что взялъ? ... Да ровно звонокъ, ровно звонокъ ... Ахъ, провалъ ее возьми! ... Ужъ хотѣлъ взяться да ругнуть хорошенько ... Да ну, думаю, чортъ съ тобой ... Два двугривенныхъ тебя точатъ ... Баба, да ты спишь, что ли?

— Нѣту, родимый ...

— А ты спи ... Ничего это ... Не смотри на нее ... Мнѣ избы-то не жалко ... Я тебя не прогоню ... Безсчастная ты! Суда-то у насъ нѣтъ, ровно глумные ходимъ ... Куда сунуться, не знаешь ... Э-эхъ ... Наплевать на все ... Не робѣй! Спи! ... Не проживемъ, что ли? Проживемъ ... Небось, прокормлю ... Рожать развѣ станешь ... Ужъ не знаю какъ ... А и то рожай, въ пріемыши возьму ... Пущай же знаютъ: вотъ Арсюшка бездомокъ, шатущій, анъ онъ вонъ что дѣлаетъ ... И возьму ... Снять Бога, возьму ... А они ... черти! ... Они люди, что ли? ... Черти! ... За что бабу обижать? ... Баба лежитъ, нишкнетъ ... Ну, и лежи ... Такъ объѣла, ишь ты! ... Куска вамъ жалко ... Право-ну, черти!..

Арсентій, наконецъ, заснулъ, но не спала Пелагея: какъ ножами рѣзали ее слова пьянаго добряка.

„Вотъ и одна, совсѣмъ одна ... Всѣ бросили, всѣ покинули: была одна надежда — сестра, и та отказывается ... Нѣтъ ни помощи, ни защиты ... Всѣмъ чужая, всѣмъ въ тягость ... И дѣти выростутъ, матерью не признаютъ ... Господи, да прикончи же ты меня поскорѣе ... Будетъ ужъ, намаялась, на что еще на смѣху у людей жить ... И все у меня было, и все есть, — и нѣтъ ничего. И домъ есть, и мужъ, и дѣтки ... А вонъ я гдѣ ... Все отняли, все ... Самой развѣ прикончить, руки на себя наложить, да и на то силушки не станетъ ... А и идти бы, змѣю ту извести, свекровь ... Вотъ кто ворогъ-то мой ... Вотъ кто сердце-то сосетъ ... Ой, больно, какъ больно ... Тошно, смерть моя ... Вотъ, кабы сила была, пошла бы, побѣжала, схватила бы, задушила ... Не рви меня, не тирань, не отымай отъ матери дѣтокъ ... О-охъ ...“

Въ полу-сознаньи, въ полу-бреду провела Пелагея всю ночь.

XVII.

Проходили дни. Здоровье Пелагеи не поправлялось, но она не жаловалась даже Арсентію, молчаливо и покорно перенося свои страданія. Арсентій совсѣмъ привыкъ къ ея присутствію и повелъ свою обычную бродячую жизнь. Часто онъ возвращался пьяный, часто не ночевалъ дома, но каждый день аккуратно приносилъ Пелагеѣ что-нибудь съѣстное и ставилъ въ чашкѣ воду около ея постели. О Секлетеѣ не было ни слуху, ни духу. Ни Арсентій, ни Пелагея не знали, что она была у Филарета Иваныча и подала ему прошеніе, но окончательно оскорбилась неожиданнымъ результатомъ. Либеральный посредникъ очень хохоталъ, читая прошеніе, поднялъ на-смѣхъ за него Секлетею, обѣщалъ даже напечатать это рѣдкое, по его словамъ, сочиненіе, но въ то же время внушилъ Секлетеѣ, что онъ никогда не позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ рѣшеніе волостного суда и вѣруетъ въ него; что, если волостной судъ нашелъ необходимымъ послать Пелагею добывать хлѣбъ внѣ дома, то, конечно, онъ это сдѣлалъ по убѣжденію, и, вѣроятно, Пелагея сама виновата въ томъ, что ни мужъ, ни свекровь не хотятъ держать ее дома.

— А какъ же старшина-то васъ не послушалъ, Филаретъ Иванычъ, хотѣла-было подзадорить его Секлетея.

— Какъ не послушалъ,—возразилъ посредникъ,—развѣ это можетъ быть? ... Я велѣлъ отвезти бабу въ домъ, — онъ это исполнилъ, приказалъ, въ случаѣ несогласія въ семьѣ, отдать дѣло на рѣшеніе волостного суда, — онъ и это сдѣлалъ.

— Куда же намъ дѣваться, продолжала Секлетея пробовать съ другой стороны: — куда же намъ идти, коли и вы, Филаретъ Иванычъ, насъ оставляете? Къ мировому судьѣ ходила, — тотъ отказалъ: не мое, говоритъ, дѣло; къ вамъ пришла, — и вы не изволите вступаться ...

— Ахъ, такъ ужъ ты пришла ко мнѣ послѣ мирового судьи. Вотъ какъ: обходя меня, къ нему стали обращаться ... Что же, онъ больше меня, что ли, можетъ въ крестьянскомъ дѣлѣ? ... Ну, такъ чего же лучше ... Я не мѣшаю ... Къ нему, къ нему и поди ... Вотъ и порядокъ: волостной судъ или я рѣшимъ что-нибудь, а вы идете жаловаться мировому судьѣ ... Ха, ха ... Ну, что же, ступай ... Чего-жъ тебѣ было ходить ко мнѣ, чего же ждать отъ меня? ...

Филаретъ Иванычъ совершенно прогнѣвался и не хотѣлъ дальше и слушать Секлетею. Онъ приказалъ ей идти вонъ. Этого Секлетея не могла перенести и всю вину своего афронта возлагала на Арсентія и Пелагею. Она не хотѣла больше ни хлопотать за нее, ни заботиться о ней, тѣмъ болѣе, что не предвидѣла уже главнаго вознагражденія за свои добродѣтели: возможности поломаться надъ побѣжденной Агафьей.

Разъ Арсентій самъ спросилъ Пелагею:

— А что, не зайти ли мнѣ къ сестрицѣ-то твоей? Можетъ, она тамъ что̀ и подѣлала, только идти сюда не хочетъ. Я вѣдь схожу, мнѣ все одно.

— Коли не въ трудъ тебѣ, Капитонычъ, побывай ... Не придетъ ли хоть провѣдать-то меня.

Секлетея встрѣтила Арсентія очень непривѣтливо и сразу заявила ему, что онъ все дѣло испортилъ; что, кабы онъ не впутался, да не навязалъ экого же

пьяницу, какъ самъ, писаришку, чтобы стянуть съ нея два двугривенныхъ, — она все бы дѣло поправила, а теперь и поправить нельзя ...

— Экого нашла благодѣтеля,—язвила Секлетея:— куда пристала: и изба-то безъ крыши, и ворота повалились ...

Арсентій слушалъ, слушалъ, — наконецъ, взбѣсился и началъ ругаться. Съ ругательствами они и разстались. Вѣсти, которыя привезъ Арсентій отъ сестры, окончательно сразили Пелагею. Съ каждымъ днемъ она, видимо, таяла и исхудала такъ, что становилась похожа на скелетъ, обтянутый кожею. Она уже не плакала и не тосковала: или равнодушно, или злобно относилась ко всему, даже къ вниманію и ласкѣ добрыхъ людей. Въ послѣднее время ея печальное положеніе возбудило состраданіе кумушекъ деревни, гдѣ жилъ Арсентій; онѣ начали навѣщать Пелагею и носить ей подаянія; онѣ охали и ахали около нея, приговаривая ласковыми словами страдалицу и понося ея мучителей; но Пелагея молча слушала ихъ и не дотрогивалась почти до ихъ приношеній: самая пища становилась ей противна.

Наступила осень съ холодными ночами, съ дождемъ и слякостью. Арсентій не ночевалъ дома. Пелагея почувствовала приближеніе родовъ: она знала, что это идетъ за нею смерть; не при такихъ силахъ производятъ люди себѣ подобныхъ. Она вспомнила мимоходомъ брошенное Арсентьемъ слово: „жить — живи, а только не умирай у меня, а то затаскаютъ“; она вспомнила своихъ дѣтей, какъ будто видѣла ихъ, какъ они протягиваютъ къ ней руки, зовутъ ее; она видѣла деревянное лицо старухи Агафьи,

которая грозитъ имъ кулакомъ за то, что они тянутся къ матери; ей представилась вся ея изба, въ которой она провела нѣсколько лѣтъ, со всѣми ея подробностями, съ мельчайшей обстановкой ... Какая-то нервная сила вдругъ явилась въ Пелагеѣ и подняла ее на ноги ... Не чувствуя страшныхъ мукъ, предшествующихъ рожденію человѣка, съ дикимъ взглядомъ, худая какъ тѣнь, болѣе похожая на видѣніе, чѣмъ на человѣка, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ, Пелагея, пошатываясь, вышла изъ избы въ сѣни, на дворъ и на улицу.

Лилъ дождь, дулъ холодный вѣтеръ, Валетка вился около ея ногъ, — она ничего не замѣчала, ничего не чувствовала. По какому-то инстинкту, несмотря на непроглядный мракъ, ее окружавшій, она пошла по направленію къ своей деревнѣ. Она шла по грязи, по лужамъ, съ открытой головой, съ разметавшимися волосами, оступалась, падала, поднималась опять, задыхалась, хваталась за грудь, стонала отъ боли, но шла все впередъ, къ своему дому.

Ей видѣлись дѣтскія лица, ее манили они за собою, они улыбались, кивали головой, плакали, звали ее, но удалялись; она гналась за ними, ловила ихъ, — Агафья уносила ихъ прочь; мужъ ли это или свекровь рѣзали ее ножами, бичевали, били, ломали ей руки, ноги, она скрежетала зубами, стонала, хохотала, плакала, но бѣжала, бѣжала впередъ.

„Вотъ здѣсь, здѣсь ... Они здѣсь спрятались исчезли ... Это ея домъ, ея дворъ ... Вотъ ворота, вотъ окно ... Она разобьетъ его, она влѣзетъ за ними ...“ Раздался трескъ разбитаго окна, послышался лай собакъ. Пелагея хотѣла вскрикнуть, — не можетъ, все вдругъ потемнѣло ...

На мокрой землѣ, подъ дождемъ, со страшно

измѣнившимся лицомъ, съ открытыми глазами, возлѣ самой избы Агафьи лежалъ трупъ Пелагеи и возлѣ него мертвый новорожденный ребенокъ.

Шумъ, крикъ, необыкновенное движеніе на улицѣ мирно-спавшаго за минуту Сгорьева. Мелькаютъ огни, бѣгутъ, грузно шлепая по грязи, черныя тѣни, неистово заливаются собаки, все стремится по направленію къ Агафьиной избѣ. Тамъ, среди толпы народа, стоя на колѣняхъ, въ грязи, возлѣ мертвой Пелагеи, отчаянно вопитъ Агафья ...

— Батюшки, отцы родные, матушка моя, прости меня грѣшницу ... Не вѣрила, не вѣрила, думала — притворяется ... Куска хлѣба тебѣ жалѣла ... Окаянная я, прости ты меня ... Замоли мой грѣхъ ...

Старуха рыдала и рвала на себѣ волосы.

Петръ стоялъ около нея, какъ каменный.

Слышались изъ разбитаго окна избы надрывающіе душу вопли испуганныхъ дѣтей. Дождь льетъ какъ изъ ведра. Вѣтеръ свирѣпо раздуваетъ всклоченные сѣдые волосы Агафьи.

Сквозь толпу продирается Арина. Лицо ея сурово и блѣдно. Она покрываетъ Пелагею кафтаномъ, завертываетъ въ бѣлый передникъ новорожденнаго ребенка и беретъ его къ себѣ на руки.

— Хошь мертвая, да воротилась домой! — говоритъ она, качая головою. — Что̀ галдите: поднимайте ее, несите въ избу, обмыть нужно ...

На Агафью она не обращаетъ никакого вниманія, точно ея и не было тутъ. Женщины поднимаютъ и уносятъ Пелагею въ избу. Улица пустѣетъ. Огни гасятся одинъ за другимъ. Деревня опять спитъ; только въ избѣ Пелагеи теплится огонекъ

восковой свѣчи, поставленной въ головахъ покойницы. Дѣти всѣ разобраны по чужимъ домамъ. Агафья на колѣняхъ, вся въ слезахъ, стоитъ и молится. Петръ сидитъ на лавкѣ, опустя голову.

На сельскомъ кладбищѣ зарываютъ могилу. Отецъ Өедоръ, съ послѣднимъ возгласомъ, кадитъ надъ нею. Въ числѣ могильщиковъ Арсентій — мрачный, сосредоточенный. На могилу кидается Агафья, съ дикими воплями и судорожными всхлипываніями.

— Батюшка, батюшка, смерть моя, тоска меня съѣла, благослови меня, не душегубка я, а не вѣрила ей: я ее погубила, я, я ... Батюшка, отецъ, благослови меня ... Что мнѣ дѣлать? Чѣмъ тоску унять? ...

— Закажи сорокоустъ за упокоеніе души усопшей, — отвѣчаетъ отецъ Өедоръ, снимая съ себя эпитрахиль. Сокрушайся, молись ...

— Поминки справлять будете, али нѣтъ? обращается онъ вполголоса къ Петру.

— Какъ же, батюшка, готовились по силѣ, по мочи ... Не оставьте, пожалуйте ... Ужъ не обезсудьте на нашихъ недостаткахъ, — отвѣчаетъ Петръ.

— Очень хорошо! ...

Отецъ Өедоръ глубоко вздыхаетъ и съ печальнымъ лицомъ, съ опущенной на бокъ головой, идетъ вонъ изъ кладбища. Петръ слѣдуетъ за нимъ безъ шапки.

— Да, — говоритъ отецъ Өедоръ, оглядываясь на Петра: — вотъ наша жизнь: жила, жила, и ... успокоилась! ...

На-міру.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

Въ мірѣ, что́ въ морѣ, — много всякаго . . .

Поговорка.

Часть первая.

I.

Ѳедотъ Семенычъ второе трехлѣтіе сидѣлъ старшиной въ Кривцовской волости и пользовался общимъ почетомъ и уваженіемъ. Его уважали и любили крестьяне за разумъ, за разсудительность, за благоразумную строгость и справедливость; почитали въ немъ и человѣка зажиточнаго, хорошаго, домовитаго крестьянина. Не въ примѣръ другимъ старшинамъ, Ѳедотъ Семенычъ былъ человѣкъ трезвый, въ кабакъ и трактиры не только не ходилъ, но и питалъ къ нимъ открытое недоброжелательство, а съ пьяныхъ, при случаѣ, взыскивалъ за вину строже, чѣмъ съ трезваго. Въ этомъ отношеніи міръ съ нимъ часто не соглашался.

— Что̀ съ пьянаго взять? Нечто пьяный человѣкъ можетъ чувствовать? — осуждали иной разъ міряне Ѳедота Семеныча. — Пьяницѣ, братецъ, всякая вина въ пол-вины, потому тутъ не въ человѣкѣ причина, а въ немъ, въ эвтомъ самомъ винѣ — бунтъ стоитъ: оно дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

Но у Ѳедота Семеныча былъ иной взглядъ: „коли пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ, — говаривалъ онъ, — а коли ты пьянъ, да еще глупишь, ну, значитъ, и двѣ на тебѣ вины: первая — не пей

до дури, а вторая — пьяный не дури. И стало быть: либо въ темную на трое сутокъ, либо получай двадцать пять“.

Было одно, особенно дорогое въ глазахъ мірянъ достоинство въ Ѳедотѣ Семенычѣ: умѣлъ онъ ладить съ властями и не давалъ воли писаришкамъ въ волости. Былъ онъ человѣкъ грамотный и, хоть не очень бойко, но всякую бумагу разбиралъ самъ, и своимъ умомъ, а не чужимъ, писарскимъ, доходилъ до всякаго дѣла. Господа же начальство: становой, исправникъ, посредникъ — любили старшину за видъ его благообразный, за умѣнье говорить, спрашивать и отвѣчать, а, главное, цѣнили въ немъ его распорядительность и ту нравственную власть, которую онъ имѣлъ надъ крестьянами своей волости и которая облегчала господамъ исполненіе ихъ служебныхъ обязанностей по отношенію къ Кривцовской волости. Не стояли тамъ повинности, не накоплялось большихъ недоимокъ, не приглашалась полиція для того, чтобы унять разбушевавшихся, усмирить непокорныхъ, взыскать съ неисправныхъ: все это дѣлалъ и улаживалъ са́мъ старшина.

Урезонивая мужиковъ, Ѳедотъ Семенычъ нерѣдко имъ говаривалъ: „Иные жалуются на господъ, что господа прижимисты, обижаютъ нашего брата... Да ты держи себя въ акуратѣ, не доводи себя до господъ-то, такъ ка̀къ они тебя нажмутъ? Правь свое дѣло, очищай самъ себя и близко барина-то не подпущай къ себѣ, такъ ка̀къ онъ тебя достанетъ?... А извѣстно, коли ты замотался, повинности своей не несешь, у деревенскаго своего начала отъ рукъ отбился, что и не знаешь, что съ тобой и дѣлать, всякой съ тобой резонъ потерялъ, — ну, извѣстно, тогда за тебя кому же? Вышнему начальству нужно

приниматься ... А разбери-ка, лестно ли ему, начальству-то: чѣмъ бы ему тамъ въ городу сидѣть, около своего семейства, да письменныя бумаги отписывать, потому и противъ него тоже свое начальство есть и приказы ему присылаетъ ... Али хошь и такъ сказать: чѣмъ бы барину въ своей компанiи сидѣть да хошь бы въ карты забавляться, а онъ поѣзжай изъ-за тебя сюда, за тридцать верстъ да проѣдайся здѣсь, да по твоимъ лавкамъ одежду три, не доѣшь, не доспи путемъ, какъ ему въ привычку: ну, извѣстно, человѣкъ тоже, и началъ нажимать за то нашего брата. А ты такъ веди дѣло, чтобы баринъ-то забылъ объ тебѣ и чтобы въ отвѣтѣ за тебя не былъ — онъ и сидитъ въ сторонѣ, ему и подступиться къ тебѣ нельзя ...

— Такъ-то такъ, Өедотъ Семенычъ, — возразятъ ему иной разъ: — такъ это, точно! ... Только ужъ вытянуть-то больно трудно: и оброкъ-то подай, и подушно подай, и земски подай, все подай да подай! ... Очень ужъ трудно приходится, никакъ невозможно, никакъ не сообразишься!..

— Знаю, что трудно, знаю! — отвѣчаетъ со вздохомъ Өедотъ Семенычъ. — Про то нечего говорить, что не тяжело: трудно, тяжело! Да что̀ же дѣлать-то? Не нами то уставлено, не намъ и передѣлывать. Не про то и разговорка идетъ, а про то рѣчь, что худо ли, хорошо ли, а самъ мужикъ норови себя очистить, до барина себя не допущай: все легче будетъ ... Вотъ про что̀ рѣчь ...

— Да это вѣрно, это такъ точно! — соглашаются мужики, ухмыляясь и почесываясь, и несутъ послѣднiя копѣйки въ уплату какого нибудь срочнаго взноса.

Өедотъ Семенычъ и по внѣшнему виду своему

внушалъ къ себѣ почтеніе. Это былъ старикъ высокій, широкоплечій, съ благообразнымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдыми кудрями и совсѣмъ бѣлой окладистой бородой. Голубые съ красными прожилками глаза глядѣли привѣтливо и умно изъ-подъ высокаго, немного опрокинутаго назадъ лба, а вся его манера, всѣ его движенія обличали сознаніе внутренней силы, какого-то достоинства, спокойствія и увѣренности. Крестьяне признавали за Ѳедотомъ Семенычемъ, среди всѣхъ его достоинствъ, только одинъ недостатокъ: его считали скупымъ. Но въ сущности онъ былъ скопидомъ, а не скряга. Правда, онъ, какъ и всякій крестьянинъ, зналъ цѣну деньгамъ, берегъ и копилъ ихъ, разсчитывалъ каждую копѣйку, торговался изъ-за нея по цѣлымъ часамъ, покупая и продавая, въ домѣ соблюдалъ во всемъ экономію и строгій учетъ и жилъ хоть скромно, но не скаредно.

Домъ его, одинъ изъ лучшихъ въ деревнѣ Ступиной, по крестьянскимъ порядкамъ былъ, какъ говорится, полной чашей: всякаго крестьянскаго добра было въ немъ вволю, Ѳедотъ Семенычъ никогда ни въ чемъ не нуждался: хлѣбъ заходилъ у него за хлѣбъ, корма скоту не покупалъ, своего ставало; всякой сбруи было вдоволь; нѣсколько десятковъ ульевъ стояло на огородѣ, одежей полны короба, скота на дворѣ много, былъ и запасъ для нечаянныхъ гостей: и чай, и водка сладкая, и закуски даже разныя. Но самъ онъ чай пилъ только по праздникамъ, говядину ѣлъ не каждый день, одежу носилъ долго, не брезговалъ даже и старенькой съ заплатами; деревенскіе праздники сводилъ скромно, и какъ самъ не пилъ водки, то и гостей не спаивалъ. Никогда ничего онъ не занималъ у людей, но не любилъ и въ

долгъ давать; а если иногда, видя чью нибудь крайнюю нужду, ссужалъ деньгами или хлѣбомъ по малости, то хотя росту не бралъ, зато строго наблюдалъ за своевременной отдачей и часто напоминалъ должнику объ уплатѣ. Онъ оправдывалъ себя въ этомъ отношеніи сознаніемъ, что самъ все нажилъ своимъ трудомъ, бережливостью и разсчетомъ, и крѣпко держался всю жизнь пословицы: „на чужой каравай рта не разѣвай, а пораньше вставай да свой затѣвай“. Такъ онъ жилъ прежде, такъ жилъ и въ то время, когда его выбрали старшиною. Онъ не былъ никогда и міроѣдомъ — уже потому, что не давалъ взаймы изъ-за процентовъ. Но мужики знали, что онъ богатъ, видѣли у него во всемъ довольство и даже избытокъ, и за скромный образъ жизни, за бережливость, за непоступчивость на ссуду считали скрягой, — и только это одно пятно лежало во мнѣніи крестьянъ на достойномъ всякаго уваженія имени ихъ старшины, и этотъ недостатокъ всегда выставляли на показъ недоброжелатели Ѳедота Семеныча, которые, разумѣется, были и у него, при мірскихъ разсужденіяхъ о личности старшины. Впрочемъ заслуги и достоинства Ѳедота Семеныча были такъ велики, что міръ прощалъ ему и этотъ признанный за нимъ недостатокъ скряжничества; но мірское мнѣніе отразилось на семьѣ его.

У Ѳедота Семеныча семья была небольшая: старуха жена да единственный сынъ Кирилла. Этотъ послѣдній составлялъ центръ всѣхъ привязанностей Ѳедота Семеныча, его сладкихъ надеждъ и горькихъ разочарованій. Онъ былъ плодъ второго брака, родился уже въ то время, какъ отцу было за сорокъ лѣтъ; первый бракъ Ѳедота Семеныча не далъ ему потомства. Понятно, съ какой любовью и заботли-

востью берегъ отецъ этого единственнаго своего наслѣдника. Кирюшка росъ мальчикомъ красивымъ, смышленымъ и бойкимъ. Ѳедотъ Семенычъ радовался на него, гордился имъ и любилъ его безъ памяти, но считалъ нужнымъ воспитывать сына въ тѣхъ правилахъ и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ выросъ и воспитался самъ. Онъ не позволялъ себѣ баловать сына, пріучалъ его къ скромности, къ труду и лишеніямъ; но не такъ смотрѣла на воспитаніе единственнаго сына мать его, баба добрая, но недалекая, Ѳедосья Осиповна. Она выходила замужъ съ мыслью, что будетъ женою мужика богатаго, умнаго, честнаго, но скупого, какимъ славился Ѳедотъ Семенычъ, и этотъ заимствованный, чужой, но общій взглядъ на мужа сохранила и живя за нимъ въ замужествѣ. Она пришла къ готовому уже, созданному трудами мужа богатству, желала бы пользоваться имъ по своимъ вкусамъ и понятіямъ, но встрѣтила требованіе не проживать, а беречь и заботиться объ увеличеніи скопленнаго добра. Она хоть неохотно, но подчинилась желаніямъ и требованіямъ мужа безропотно и покорно, такъ какъ знала, на что̀ шла, и терпѣливо, съ первыхъ дней замужества, примирилась съ необходимостью скромно одѣваться, не сладко ѣсть и много работать. Пока Кирилла былъ малъ, Ѳедосья охотно даже помогала мужу копить и сберегать; она видѣла цѣль впереди, понимала, что копитъ для сына; но это не мѣшало ей баловать мальчика и явно, и тайно отъ отца. По мѣрѣ того, какъ Кирилла выросталъ, отецъ становился къ нему требовательнѣе: онъ отдалъ его на выучку грамотѣ къ сельскому дьячку, но хотѣлъ, чтобы въ свободное отъ школьной муштры время мальчикъ участовалъ въ домашнихъ и полевыхъ ра-

ботахъ, какъ участвуютъ и всѣ прочіе деревенскіе подростки; не давалъ ему болтаться безъ дѣла и баловаться на улицѣ съ ребятишками: онъ задался задачею воспитать въ сынѣ хорошаго, заботливаго крестьянина-хлѣбопашца. Ѳедосья Осиповна была другого мнѣнія: она видѣла въ сынѣ будущаго владѣльца всего того добра, которое было накоплено и отъ котораго и она, и мужъ добровольно отказывались не для кого же другого, какъ для единственной радости, единственной ихъ надежды. Всѣ благоразумныя требованія отца казались ей напрасной жестокостью, напраснымъ притѣсненіемъ малолѣтка, происходящимъ не отъ чего другого, какъ отъ жадности и скупости старика. Сначала она пробовала-было возражать мужу, просила, плакала, упрекала его въ скупости; но видя, что это не помогаетъ, не измѣняетъ убѣжденій и намѣреній мужа, а только сердитъ его и дѣлаетъ еще болѣе взыскательнымъ относительно сына, она начала противодѣйствовать мужу тайно: баловала Кирюшу, чѣмъ и какъ только могла.

Толковый мальчикъ сразу понялъ, что, съ одной стороны, онъ видитъ только требовательность и строгость, а съ другой — и ласку, и всякое снисхожденіе, всякое удовлетвореніе его капризовъ и прихотей. Чуть отецъ со двора, мать освобождала его отъ всякой работы и, расчесавши его волосы, разmiловавши со всей материнской нѣжностью, посылала его побѣгать и поиграть на улицѣ; съ ранняго утра она запихивала ему за пазуху и бѣлый калачикъ, и сдобный колобъ, какихъ и сама не ѣла, а послѣ обѣда и сладкій пряникъ, и леденецъ, и яблоки, словомъ — чего бы только ни пожелалъ ея любимецъ; нерѣдко совала ему въ руку и трешникъ,

чтобы купить маковниковъ, грушъ и иныхъ нехитрыхъ сластей, продаваемыхъ въ развозъ прасолами. Скоро мальчикъ научился выпрашивать эти трешники, а потомъ и гривенники, чтобы проиграть ихъ въ бабки, въ козны, въ орелокъ и въ карты. Бывали случаи, что Өедотъ Семенычъ, замѣчая баловства матери, дѣлалъ ей замѣчанія и внушенія; она пробовала возражать ему, спорить, упрекать его въ скупости и жестокости къ сыну; но когда увидѣла, что эти споры ведутъ только къ тому, что отецъ увеличивалъ свою строгость и взыскательность, она, дѣлая сыну поблажки, давая ему потихоньку сласти и деньги, учила скрывать отъ отца, обманывать его. Эта наука пошла въ толкъ Кириллѣ лучше всякой другой, и, выростая, онъ отлично выучился притворяться передъ отцомъ, обходить его волю и пользоваться любовью и слабостью матери въ удовлетвореніе своихъ инстинктовъ, а инстинкты эти направлялись совсѣмъ не въ ту сторону, куда желалъ ихъ направить отецъ. Еще подросткомъ Кирюшка началъ играть въ карты, пьянствовать и участвовать въ разныхъ безпутствахъ деревенскихъ сорванцовъ. Долго все это оставалось скрыто и неизвѣстно Өедоту Семенычу; но однажды Кирюху привели домой изъ кабака пьянаго, въ изорванной рубашкѣ, съ разбитымъ лицомъ. Ему было въ то время 17 лѣтъ. Өедотъ Семенычъ ужаснулся и огорчился, а потомъ озлобился на сына чуть не до изступленія: онъ бросился на него и сталъ бить, не обращая вниманія на визгъ и вопли матери, но остановился, убѣдясь, что Кирилла ничего не сознаетъ и не чувствуетъ. Онъ отложилъ расправу до слѣдующаго дня. Расправа эта была своеобразная и жестокая. Өедотъ Семенычъ увелъ сына въ пустой

хлѣвъ, затворилъ и заперъ за собою дверь, оттолкнувши отъ нея и оставивъ на дворѣ воющую и плачущую жену, которая, ожидая грозы, не отходила ни на минуту отъ своего любимца.

— Съ кѣмъ пьянствовалъ? — спросилъ Ѳедотъ Семенычъ сына глухимъ голосомъ.

— Не помню, — отвѣчалъ Кирюшка.

— На какія деньги?

— Подносили.

— Кто?

— Не помню.

Больше онъ не въ силахъ былъ ни разспрашивать, ни говорить съ сыномъ; онъ началъ бить и сѣчь его арапникомъ, который принесъ съ собой. Кирилла кричалъ и божился, что больше никогда пить не станетъ; мать въ это время выла и каталась по двору, около дверей хлѣва.

Послѣ расправы съ сыномъ Ѳедотъ Семенычъ отправился въ кабакъ.

Сидѣльцемъ былъ невысокій, рыжеватый, съ лукавымъ, ухмыляющимся лицомъ мѣщанинъ изъ уѣзднаго города, который недавно только принялся за свою профессію, но обѣщалъ изъ себя въ будущемъ хорошаго мастера. Онъ уже снискалъ расположеніе крестьянъ своей деревни, умѣлъ привлекать посѣтителей, начиналъ уже ссужать деньгами и ловко спроваживать вещи подозрительнаго происхожденія, проданныя и пропитыя за безцѣнокъ. Года два только еще сидѣлъ Ѳедоръ Гавриловъ въ деревенскомъ кабакѣ, но пріобрѣлъ уже популярность, такъ что не только своя деревня начала пить больше прежняго, но и изъ сосѣднихъ деревень являлись посѣтители.

Ѳедотъ Семенычъ и безъ того уже косо посматривалъ на своего кабатчика, слыша объ его подви-

гахъ, но теперь шелъ къ нему еще болѣе озлобленный противъ него по поводу сына. Въ то время Ѳедотъ Семенычъ ужъ сидѣлъ старшиной, и потому Ѳедоръ Гавриловъ не то, что боялся, а остерегался и желалъ находиться съ нимъ въ ладахъ.

Онъ встрѣтилъ старшину почтительно и тотчасъ же смекнулъ, зачѣмъ онъ пришелъ.

— Ты на что же малыхъ ребятъ пущаешь къ себѣ пьянствовать? — спросилъ его прямо Ѳедотъ Семенычъ, не отвѣчая даже на поклонъ кабатчика и не принимая протянутой руки.

— Какихъ такихъ малыхъ ребятъ, Ѳедотъ Семенычъ ... Мы по своей обязанности всякаго гостя принять и обласкать должны, окромя какихъ мошенниковъ, али мазуриковъ: въ эвтомъ завсегда должны остерегаться; но только что малыхъ ребятъ по нашей торговлѣ къ намъ не слѣдуетъ.

— Кирюшка мой пилъ вчера у тебя? прямо — уже поставилъ вопросъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Заходить - заходилъ, Ѳедотъ Семенычъ, но только что насчетъ пьянства на моихъ глазахъ этого не было ... Можетъ, гдѣ въ другомъ мѣстѣ, только не въ моей видимости ...

— И водки онъ у тебя не покупалъ?

— Вотъ ужъ этого не могу вамъ въ примѣту сказать: не упомню ... Праздничнымъ дѣломъ мало ли народу перебываетъ ... Въ точности на вашу претензію не могу сообразиться ... Къ намъ вѣдь кто угодно приди, хоть малый ребенокъ, коли ежели для дому купить; бываетъ, сродственники по своимъ недосугамъ предпосылаютъ: сходи и купи, дите, штофъ, али полштофа ... для дома ... Я не могу отказать, потому у насъ все равно, что, сказать такъ, аптека: для всѣхъ ... Но чтобы ему, дитѣ,

у меня на глазахъ употреблять, и даже въ большомъ количествѣ, во вредъ себѣ — этого я не допущу, потому выйди за дверь: тамъ отвѣтъ не мой, что угодно, а здѣсь, у меня въ питейномъ, я несогласенъ.

— Съ кѣмъ приходилъ Кирилла?

— Вотъ ужъ истинно не примѣтилъ, Ѳедотъ Семенычъ, насчетъ ихней компаніи: сами согласитесь, сообразишься ли въ этой публикѣ: то одинъ требуетъ, то другой, народность бываетъ большая, разговоры, веселость; только и наблюдаешь, чтобы буйства, али непотребства какого не произошло: одного уймешь, другого выпихнешь, третьему услужить надо — требуетъ. Голова кругомъ идетъ, тоже затруднительная наша часть: гдѣ тутъ всѣхъ сообразить, никакъ невозможно. Вы не будьте въ претензіи: отвѣтственности этой передъ вами сдѣлать не могу, насчетъ съ кѣмъ приходилъ Кирилла Ѳедотычъ ... Что заходить - заходилъ, а пить — не пилъ и бралъ ли водки, и съ кѣмъ въ союзѣ присутствовалъ ...

— Ты слушай, — перебилъ его Ѳедотъ Семенычъ: — ты, чай, знаешь, я вашего брата за людей не считаю: вы, кабатчики, ровно дьяволы, на соблазнъ даны роду человѣческому, отъ васъ народъ разоряется, люди гибнутъ ...

— Можетъ быть, которые прочіе, Ѳедотъ Семенычъ, обидчиво перебилъ его Ѳедоръ Гаврилычъ, а что насчетъ моей комплекціи ...

— Всѣ вы съ одного поля, всѣхъ бы я васъ на одной веревкѣ повѣсилъ ... Кабы моя воля была, всѣхъ бы я васъ, безпутковъ, перевелъ, чтобы и званія вашего не было.

— Для отечества большой бы ущербъ нанесли, Ѳедотъ Семенычъ, отъ насъ самая казна большой

интересъ получаетъ ... Да пожалуйте присѣсть, Ѳедотъ Семенычъ: что же такъ, стоя ... Водочкой, знаю, васъ просить нельзя: позвольте хоть самоварчикъ ... Я насчетъ этого предмета могу съ вами побесѣдовать ... Вы вникните въ меня ... Я сейчасъ самоварчикъ ...

— Не шебарши ты, не егози, — прикрикнулъ разсерженный Ѳедотъ Семенычъ: — самоварчикъ! Стану я съ нимъ чаи распивать.... Нога бы моя у тебя не была, а я вотъ къ тебѣ зачѣмъ пришелъ. Ты слушай: если ты будешь пускать къ себѣ моего Кирюшку и будешь давать ему пить водку эту ... такъ я тебя выживу отсюда ... Вотъ помни ...

— Однако же, позвольте, Ѳедотъ Семенычъ: конечно, что я могу его не допускать и водки ему не отпускать, но ежели черезъ другія руки ... какъ же я могу отвѣтствовать?

Ѳедотъ Семенычъ на мгновеніе остановился передъ этимъ резономъ.

— Да у васъ, дьявол овъ, всегда увертка готова, — сказалъ онъ: только ты знай, чтобы у меня молодыхъ ребятъ ни въ кабакъ не впускать, ни водки имъ не продавать; не токмо моего одного, а всѣхъ ... вотъ тебѣ и сказъ: чтобы не было ...

— Этого никакъ невозможно быть, Ѳедотъ Семенычъ: это неслѣдующаго требуете. Такихъ правъ нѣтъ, чтобы намъ своей торговли рѣшаться ...

— Нѣтъ, есть. Ты смотри-ка, что у насъ въ деревнѣ-то пошло: еще молоко на губахъ не обсохло, еще рыло пухомъ не опушилось, а онъ ужъ водку цѣдитъ ... Это что же такое, не разслабленіе это, не развратъ? ...

— Опять же это не черезъ меня, Ѳедотъ Семенычъ: это отъ собственной слабости; качества такія

пошли, развратныя, отъ времени. Мы не навязываемъ ...

— Нѣтъ, почитай, что навязываете, разбойники: спаиваете народъ-то всячески.

— Опять же не всѣ: есть которые и некасающіе этого предмета, не пьющіе, — уязвилъ Ѳедоръ Гавриловъ. — Какой въ комъ духъ и пристрастіе.

— Ну, да ладно, а ты все-жъ-таки попомни, что я тебѣ молвилъ: выживу, коли не послушаешь меня ... Я всѣ твои художества знаю ...

Ѳедотъ Семенычъ быстро повернулся и вышелъ вонъ изъ кабака, еще болѣе разсерженный, чѣмъ пришелъ.

Но ни строгое наказаніе сына, ни предупрежденіе цѣловальника не повели ни къ чему. Ѳедотъ Семенычъ, начавшій строже и внимательнѣе слѣдить за сыномъ, насколько позволяли ему служебныя обязанности, скоро убѣдился, что сынъ его уже сильно испорченъ нравственно, что онъ и лѣнтяй, и шалопай, и пьяница; убѣдился и въ томъ, что онъ выманиваетъ у матери и средства на кутежи и игру. Закручинился старикъ не на шутку, когда увидѣлъ, что и строгія мѣры не исправляютъ Кириллу, а только озлобляютъ его противъ отца. Страдало его самолюбіе, его любовь, разрушались его надежды, исчезала какъ бы цѣль жизни. Къ чему работалъ, трудился, копилъ, отказывалъ себѣ во всемъ? Къ чему? — Чтобы все имъ созданное, убереженное, тотчасъ послѣ его смерти, пошло по вѣтру и изъ рукъ единственнаго, любимаго сына ...

Болѣзненной и упорной думой его сдѣлалось исправленіе сына. Жена доказывала, что во всемъ виноватъ онъ самъ, отецъ, и его скупость, что онъ не даетъ никакой воли сыну, что сынъ не видалъ

отъ него никогда рубля на гулянку, что только и слышитъ отъ отца: работай да работай, сиди дома да промышляй, — а молодому парню, знамо, хочется и порядиться, и погулять, и себя показать, и съ людьми похороводиться.

— До кого ни доведись, — говорила Өедосья Осиповна: — всякъ молодъ былъ, у всякаго дурь въ головѣ бродила: ты вѣдь только одинъ этакой выродокъ. Ну, такъ ты въ бѣдности выросъ, а опосля того тебя жадность эта съѣла. Да и эка бѣда, что молодой парень дуритъ: знамо, съ молода, съ крови бѣсится. Не онъ одинъ, — всѣ такъ. А вотъ придетъ время, женимъ — и парень остепенится, обойдется, и дурь съ него соскочитъ ...

Не соглашаясь съ женою ни въ чемъ, Өедотъ Семенычъ, какъ за послѣднюю надежду, схватился за мысль, что Кириллу можетъ исправить женитьба, и внутренно рѣшилъ пріискивать ему невѣсту и женить, какъ только выйдутъ годы.

II.

Выборъ Өедота Семеныча палъ на дѣвушку изъ хорошей, хотя небогатой, но зажиточной семьи. Дѣвушка эта была годомъ старше Кириллы, не славилась красотой, но считалась скромной, степенной и работящей. Өедотъ Семенычъ не справлялся со вкусомъ сына, да и не считалъ его способнымъ разсудить, какая ему нужна жена.

Еслибы еще Кирилла былъ другой человѣкъ, еслибы отецъ не смотрѣлъ на женитьбу сына, какъ на средство къ его исправленію, вѣроятно, онъ предоставилъ бы ему самому выбрать себѣ невѣсту, или, по крайней мѣрѣ, справился бы съ его волей и вку-

сомъ; но теперь было другое дѣло. Ѳедотъ Семенычъ не говорилъ даже женѣ о своемъ намѣреніи, и самъ лично рѣшился сосватать сына. Будущій тесть жилъ не въ ближней отъ Ступина деревнѣ, но былъ той же волости, въ которой Ѳедотъ Семенычъ сидѣлъ старшиной. Звали его Герасимъ Дмитричъ. Это былъ мужикъ молчаливый, сосредоточенный, вѣчный труженикъ, никогда не ропщущій, покорный судьбѣ и крайне добрадушный. У него была большая семья, и пока дѣти подрастали, Герасимъ Дмитричъ видѣлъ много нужды и горя, но не сѣтовалъ, работалъ, не покладывая рукъ, молча и упорно, никому не кучился своею нуждою и прокормилъ кое-какъ ребятишекъ; съ тѣхъ поръ, какъ они стали подростать и начали помогать ему въ работахъ, дѣла Герасима поправлялись и благосостояніе возрастало годъ отъ года. Работа и забота надломили его желѣзное здоровье, согнули его: онъ нажилъ сутулину на спинѣ и боль въ поясницѣ, и въ 55 лѣтъ смотрѣлъ совсѣмъ старикомъ, хотя глаза его и оставались всегда ласковы и привѣтливы. Онъ не переставалъ работать и теперь, несмотря на то, что старшій сынъ былъ уже женатъ, второй — женихъ, а три дочери всѣ уже работницы. Герасимъ Дмитричъ во всю свою жизнь нигдѣ не бывалъ дальше сосѣдняго уѣзднаго города и, повидимому, не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего дома, своей семьи и своей полосы. На сходахъ онъ почти никогда ничего не говорилъ, ни съ кѣмъ не задирался, но всегда приставалъ къ той сторонѣ, которую считалъ правою, чужихъ дѣлъ судить не любилъ и на деревенскихъ сходахъ горячо вступался только тогда, когда дѣло касалось интересовъ его деревни и общества. Онъ былъ извѣстенъ и славился тѣмъ, что

никогда не ругался тѣми непечатными словами, которыми такой охотникъ уснащать свою рѣчь русскій крестьянинъ. Эта особенность даже удивляла другихъ мужиковъ.

— И надо же, братецъ, вѣкъ изжить въ нашемъ мѣстѣ безъ экого слова! — говаривали иной разъ о немъ.

— Да вотъ поди-жъ ты: кажись, озолоти — не снести, а онъ вотъ снесъ!

— Значитъ, Богъ ему помогаетъ: все отъ Бога!

— Да, знамо, отъ Бога; а вотъ поди-ка, попытай закаяться: ни Боже мой, не удержишься!

— Гдѣ, парень! ... Да я легче безъ соли пообѣдаю, нечѣмъ съ этимъ закаемъ день перебыть: молвишь и не въ примѣту тебѣ, а оно ужъ вонъ гдѣ, вылетѣло — поди, лови его! ... Не убережешься никоимъ родомъ! ..

— Да нечего и беречься-то: пустое дѣло! Не пристанетъ отъ него, хоть и молвишь ... эка бѣда! ...

— Однако же, братецъ мой, все оно чистота, все человѣкъ себя соблюдаетъ ... Какъ-никакъ, а оно не показано въ писаніи ... Вотъ что, другъ любезный!

И несмотря на то, что Герасимъ не былъ гововоруномъ и крикуномъ на сходкахъ, что онъ, повидимому, всегда уступалъ и соглашался съ другими, его не считали дуракомъ, и когда случалось, онъ начиналъ говорить, его охотно выслушивали.

Ѳедотъ Семенычъ, чтобы не дѣлать преждевременной и, можетъ быть, напрасной огласки своему намѣренію, не поѣхалъ въ домъ къ Герасиму Дмитричу, но дождался, когда тотъ самъ пришелъ въ волостное правленіе по какому-то общественному

дѣлу, и, отпустивши всѣхъ, кто былъ въ волости, задержалъ Герасима.

— Присядь-ка, старикъ, — сказалъ онъ ему, когда они остались одни въ правленіи.

Герасимъ молча сѣлъ

— Тутъ намъ никто не помѣшаетъ, писаря я отослалъ по дѣлу, сторожъ не войдетъ, пока не позову, а мнѣ нужно съ тобой по душѣ потолковать. Только говори ты со мной ото всей души, безъ сумлѣнія, и я тебѣ буду сказывать всю истинную правду.

— Ладно, буду говорить, — отвѣчалъ Герасимъ, поднявъ свои ласковые глаза на старшину. — Сказывай.

— Сколько лѣтъ твоей старшенькой-то дочкѣ?

— Аннѣ-то?

— Да.

— Да либо двадцать, либо невступно двадцать.

— Такъ. Породниться мнѣ вздумалось съ тобой: сынишку свово хочу къ ней сватать у тебя ... Что молвишь?

У Герасима въ глазахъ свѣтилось удовольствіе, на губахъ заиграла улыбка.

— Да года-то вышли развѣ? — спросилъ онъ.

— До годовъ-то недѣля только осталась: года выходятъ.

— Такъ вѣдь Анютка-то моя старше выходитъ его ...

— Знаю: тò мнѣ и нужно; разума ищу да степенства, а про нея наслушанъ довольно: до двадцати лѣтъ въ дѣвкахъ сидитъ, худого словечка не заслужила, а всѣ первой работницей почитаютъ — жена будетъ добрая ... Что скажешь? ... Говори по душѣ: не сумлѣвайся. Что ни скажешь, все приму: не обижусь.

— Да мнѣ что говорить? ... Мнѣ не говорить, а вотъ какъ нужно тебѣ за это.

Герасимъ всталъ и поклонился старшинѣ такъ низко, что рукой дотронулся до пола.

— Правда, она дѣвка у меня работница, — продолжалъ онъ, снова усѣвшись: — и собой здорова и корпусна, только, ровно бы, по тебѣ-то не такую бы сношку-то нужно, — и по имѣнью твоему, и по всему: ровно бы въ людяхъ-то, и получше насъ, съ радостью за твоего жениха отдали ... Мнѣ-то что? Я радехонекъ, знамо; и дѣвкѣ моей, чай, во снѣ этакого жениха не снилось ... Только ты-то чтò на мою дѣвку? Ну, что дѣвка? Такъ, сѣрая ... И чѣмъ только парня-то она къ себѣ поманила: ни изъ лица она бѣла, ни въ рѣчахъ шустра, да мало и на гулянки-то бѣгаетъ, все больше около дома ...

— Парень ничего и не знаетъ, и не думаетъ: можетъ, и не видалъ ее николи ... Я самъ ее выбралъ по тебѣ да по людскимъ объ ней рѣчамъ, и въ церкви за ней присматривалъ, какъ Богу молится, и батюшка, отецъ Егоръ, все ваше семейство мнѣ очень хвалилъ, а Анну твою изъ дѣвокъ особливо ... Вотъ почему я и выбралъ: выкупъ я тебѣ дамъ, какой положишь, извѣстно, безъ обиды, одежи ты за ней клади по совѣсти и по силѣ; я не за тѣмъ гонюсь, онъ у меня одинъ, и моего станетъ про нихъ обоихъ. А ты вотъ что мнѣ лучше скажи, не потайся, всю правду молви: чтò ты про моего парня слыхалъ, худого или хорошаго, чтò про него добрые люди говорятъ? Откройся мнѣ по душѣ.

— Да чтò тебѣ сказать? Ровно какъ и слуху-то объ немъ нѣтъ никакого: то ли, что мы живемъ далеко, то ли, что еще въ женихахъ не считаютъ, али такъ, что я не охочъ языкомъ-то бить ... прав-

ду тебѣ сказать, ничего я не слыхалъ объ немъ: ни худого, ни хорошаго ... Развѣ бабы мои чего не слыхали ли, а я — нѣтъ, ничего не слыхалъ ... Видѣлъ его разъ, о праздникѣ, на селѣ ходитъ съ ребятами, горланятъ пѣсню, кажись, хмѣленекъ былъ и онъ ... Вотъ только и всего ... А больше ничего не въ примѣту.

— Ну, такъ вотъ я тебѣ скажу по-божески, хошь и про родного сына: сокрушилъ онъ мою душу! Парень умный, шустрый, толковый, грамотный, а избаловала его мать: къ работѣ охоты нѣтъ, только и работаетъ, пока смотришь за нимъ, — а я со двора — и онъ со двора, гулять, да баклуши бить, въ карты играть, да и попивать сталъ ... Не то, чтобы ужъ такъ онъ въ пьянство ударился, что и безъ просыпа, а горько мнѣ, не суносно и то, что онъ моей крови сынъ, да сбиваться сталъ въ молодыхъ годахъ. Не злой онъ парень, и добрый, и мнѣ, Боже сохрани, грубости я отъ него не слыхалъ, а захочетъ сдѣлать, такъ сдѣлаетъ такъ, что другому и не подумать: горитъ въ рукахъ-то у него, ловкій на все, только вотъ баловаться сталъ, — боюсь, совсѣмъ не закружился бы ... Оттого и женить поскорѣе надумалъ, и въ жены хочу ему взять изъ семьи доброй, работящей, дѣвушку постарше его, чтобы поумнѣе его, постепеннѣе была, и въ руки его забрала ... Вотъ и думаю, что такова будетъ твоя Анна: она и нужду видѣла, и безъ матери жила, и малыхъ дѣтей тебѣ помогла подымать, и въ дому хозяйствовала; дѣвка, всѣ говорятъ, серьезная, разсудительная, съумѣетъ его остановить ... и на путь наставить ... А я, знамо, помогать ей буду, и потачки ему не дамъ ... Вотъ теперь и разсуди: кому передъ кѣмъ кланяться — тебѣ ли

передо мной, или мнѣ передъ тобой … Ты вотъ мнѣ поклонился, а коли теперь не испугаешься, да не передумаешь, я тебѣ поклонюсь еше ниже, что, можетъ, и сына мнѣ воротишь, да еще и съ дочерью сдѣлаешь … А ужъ будетъ она мнѣ его на путь наставлять, милѣе родной дочери станетъ она мнѣ …

Герасимъ задумался, слушая старшину, и сидѣлъ, опустя голову и смотря въ землю. Ѳедотъ Семенычъ остановился: онъ не поднималъ глазъ и ничего не отвѣчалъ.

— Вотъ, Герасимъ Дмитричъ,—продолжалъ старшина, — не водится это, чтобъ отцы сами дѣтей сватали; а слыхалъ ли кто, чтобы какой отецъ не только свапалъ родного сына, да еще и такъ бы его расписывалъ передъ невѣстинымъ отцомъ. А я такъ самъ въ себѣ думалъ: волостной ты старшина, начальство, выбранъ ты ото всего міра для порядковъ и для примѣра, слушаются тебя и почитаютъ, стало быть, кривить тебѣ душой и обманомъ жить не приходится — это разъ; другое, слывешь ты въ достаткахъ и, Бога благодарить, всего у тебя довольно, а сынъ — одинъ, — знамо, другая невѣста и соблазнится: пойдетъ съ радостью, подумаетъ — въ райское житіе, на гулянье да на прохладу идетъ, а мнѣ нужна сноха, чтобы она работала, да и не только сама, а и мужа работать пріучала, чтобы она не о сластяхъ да о нарядахъ думала, а больше того: какъ мужа на разумъ навести и на ноги поставить. Такъ не буду, молъ, я душой кривить, а скажу прямо, какую сыну жену ищу и каковъ самъ сынокъ у меня: что хорошо и что̀ худо, все по совѣсти отпою. Вотъ я такъ и сдѣлалъ.

Ѳедотъ Семенычъ тяжело вздохнулъ, судорожно огладилъ рукою бороду и продолжалъ:

— Вотъ, ты молчишь и думаешь, и знаю я, о чемъ ты думаешь: какъ, молъ, я ему откажу, самъ кланялся, за честь почиталъ; а за такого, молъ, золото, дочку мою хорошую, степенную, работящую, отдать нельзя ... Приходится отказываться ... Говори, ничего, не бойся: я на то шелъ! ... Не обидишь ты меня больше того, сколько я самъ свою обиду чувствую, что приходится про родного сына не одни хорошія слова говорить. Тяжело это, старикъ, больно тяжело: не приведи Богъ тебѣ никогда спытать такого горя ... Ну, что же ты думаешь? Говори скорѣй.

— А вотъ что̀ я думаю, Ѳедотъ Семенычъ: присылай сватовъ ...

Герасимъ поднялъ свои добрые глаза на старшину съ привѣтливой, веселой улыбкой.

— Какъ такъ? — спросилъ вдругъ повеселѣвшій Ѳедотъ Семенычъ.

— Давай, благословясь, по рукамъ бить да цѣловаться, а тамъ пускай бабы черезъ сватовъ свое дѣло ладятъ. Ты свое говорилъ, а я свое дѣло думалъ: не скажи ты мнѣ про сынка ничего, вѣдь я бы радовался только, и минуты бы тебѣ не перечилъ ... Вѣдь ужъ у тебя ума палата и совѣсть у тебя такая, что не въ примѣръ противъ людей: и коли ты надумалъ, что для твоего сына моя дѣвка въ жены годится и путь изъ того будетъ, стало — ты не для нея одной желалъ: вѣдь ты не ворогъ же сыну ... А ему будетъ хорошо, и ей хорошо ... Опять же, коли молодые ребята не балуются? Всѣ балуются ... Это ты такъ только къ сердцу примаешь, что одинъ у тебя, и хочется тебѣ, чтобы завсегда былъ онъ изъ всѣхъ въ отличку. Ну, чтобы въ тебя весь вышелъ ... Другой бы и вниманія

этому не далъ, что парень погулять любитъ ... Кто изъ нихъ не любитъ? Ну, да что̀ много говорить: коли такова власть — воля Господня, давай руку ... Помолимся.

Герасимъ Дмитричъ всталъ. Весь сіяющій, всталъ и Өедотъ Семенычъ. Оба они повернулись къ образу и стали молиться, потомъ повернулись лицомъ другъ къ другу, и Өедотъ Семенычъ протянулъ свою руку, а Герасимъ Дмитричъ, высоко поднявши свою, съ размаху опустилъ ее на ладонъ старшины. Затѣмъ будущіе родственники обнялись и расцѣловались.

III.

Свѣтлый и радостный пріѣхалъ Өедотъ Семенычъ домой изъ правленія послѣ объясненія съ Герасимомъ. Онъ не думалъ о возможности возраженій со стороны сына и дѣйствительно не встрѣтилъ ихъ. Өедосья Осиповна была проникнута желаніемъ поскорѣе видѣть сына женатымъ, дождаться внучатъ, поводиться съ ними на старости; притомъ она была убѣждена, что отецъ помирится съ сыномъ послѣ женитьбы его, — если и не дастъ ему полной воли, то, по крайней мѣрѣ, хоть не будетъ такъ стѣснять и обижать, какъ, казалось ей, притѣсняетъ и обижаетъ теперь. Когда Өедотъ Семенычъ объявилъ ей, что пріискалъ невѣсту Кириллу и уже ударилъ съ будущимъ тестемъ по рукамъ, то Өедосья Осиповна очень обрадовалась, хотя ей и обидно показалось, что такое дѣло отецъ устраиваетъ, даже не посовѣтовавшись съ ней. Она не выказала радости, но дала замѣтить мужу свою обиду.

— Больно ужъ ты скоро нечто, — сказала она — ужъ и переговорили, и по рукамъ ударили. Матери-то не мѣшало бы равно и посмотрѣть на будущую

сношеньку: кажись, родной сынъ-то, не пріемышъ, не пасынокъ ...

— Теперь сколько хочешь смотри и разсматривай, небось, худого ничего не досмотришь, — возразилъ Ѳедотъ Семенычъ. — Я тоже не наобумъ, не зря дѣвку выбиралъ, знаю — что̀ нужно для него. Чай, и ты худой славы о ней не слыхала, а семья ихъ вся хорошая, работящая, степенная и справная. Слыхала ли что про нихъ худо? Ну-ка, сдумай.

— Да вѣдь не одной деревни, живутъ по дальности, какимъ тутъ слухамъ быть.

— Нѣтъ, ужъ худая-то слава далеко бѣжитъ ... Вонъ, про нашего-то сокола, поспрошай-ка, — далеко, чай, слышно.

— Да чего слышно-то? Полно-ка ты ... Что онъ, разбойникъ, что ли, али воръ какой отъявленный, что про него во всѣ стороны славѣ-то идти ... Полно и ты грѣшить-то, и самъ-дѣлѣ ... Что молодому парню погулять хочется, что подуритъ иной разъ по молодости, такъ на-ка, поди, худая слава пошла про него во всѣ стороны ... Ровно не всѣ такіе? За кого ни возьмись ... Опять же, ни у кого этакой заморы да притѣсненья нѣтъ парню, какъ у насъ: извѣстно, захочется и погулять, душу отвести съ этакой жизни — не старикъ! ...

— Ну, да ладно, ладно ... Теперь я объ этомъ съ тобой толковать не стану: толковано много! ... На Бога надѣюсь: авось не образумится ли, какъ обзаконимъ ... Гдѣ онъ у насъ?

— Да все дома сидѣлъ, сейчасъ только вышелъ, видно, на улицу погулять, — суетливо заговорила Ѳедосья Осиповна.

— Знаю, знаю, какой это сейчасъ. Я за ворота,

и онъ со двора, да до сяковой поры и глазъ не казывалъ.

— Право, ну, все дома сидѣлъ, только вышелъ. Вѣдь батюшка, сегодня, кажись, у Бога праздникъ живетъ ... можно и ...

— Знаю, что праздникъ, а въ церкви, чай, не былъ?

— Можетъ, и былъ, почемъ я знаю ... Не ходить мнѣ за нимъ да доглядывать, не малолѣтокъ.

— То-то: можетъ, и былъ! ... Какъ же говоришь, все дома-то сидѣлъ? Коли дома съ утра сидѣлъ, стало и — въ церкви не былъ ... Эхъ ты, мать, мать! ... Лучше бы ужъ ты не врала, говорила бы правду ... И онъ бы не выучился врать да обманывать, и страху бы у него больше было, и къ дѣлу радѣнья ... Помни свой грѣхъ: отъ тебя, отъ твоего баловства, парнишка пропадаетъ ... Эй, смотри, сама послѣ жалѣть будешь, сама спохватишься, да поздно, можетъ, будетъ!..

— Ужъ вотъ не приму грѣха на душу, вотъ не учу безпутничать, а учу все какъ лучше ... А извѣстно: не материнскому сердцу терпѣть, какъ ты его мучишь да тиранишь ... Какъ мнѣ не пожалѣть его, матери, такъ ужъ и житья-то на свѣтѣ ему не будетъ ... Отъ тебя-то онъ только и видитъ, что брань да попреки, да мудрости твои, а то берегись, чтобы и еще чего не отвѣдать послаще ... Вотъ отъ тебя только вѣдь сынъ-то и видитъ ...

— А тебѣ бы какъ хотѣлось? Чтобы я вотъ такъ съ нимъ, какъ Ксенофонтъ-староста съ сыномъ: самъ идетъ пьянъ и сынъ пьянъ, оба еле на ногахъ держатся, зато другъ друга ведутъ; попойдутъ, попойдутъ да разругаются, поругаются да поцѣлуются, а тутъ опять за волосянки другъ друга, подерутся

да и опять ничего, вмѣстѣ глотки дерутъ, пѣсню поютъ ... Вотъ этакъ бы тебѣ по мысли было: вотъ, дескать, гдѣ миръ-то да любовь, и согласіе промежъ отца съ сыномъ. Такъ, что ли, хорошо-то? ... Эхъ, полно-ка, Ѳедосья, не говори больше, не круши меня, не замай ... Сегодня на сердцѣ у меня полегче! ... Лучше думай-ка, кого сватами посылать; ѣздить тебѣ впередъ да досматривать нечего, все дѣло уже положено промежъ насъ со сватомъ Герасимомъ; ладь только ты порядки всѣ какъ быть слѣдуетъ, а ужъ другой невѣсты искать не станемъ: эта его суженая, Анна ...

Къ вечеру явился и Кирилла. Онъ былъ немножко навеселѣ, но старался скрыть отъ отца и сидѣлъ въ сторонѣ молча и угрюмо. Ѳедотъ Семенычъ не хотѣлъ показывать, что онъ замѣтилъ не въ мѣру раскраснѣвшіяся щеки сына и посоловѣвшіе глаза. Онъ нѣсколько времени молча и сосредоченно смотрѣлъ на сына, и по глазамъ старика можно было читать все, что̀ происходило въ его душѣ: то свѣтилась въ нихъ безпредѣльная родительская любовь, то искрами вспыхивала досада, даже злость, то помрачался взоръ отъ какой-то печальной думы, отъ тяжелаго, грустнаго чувства. Кирилла былъ молодецъ собою: высокій, широкоплечій, складный, съ вьющимися темными волосами, съ едва пробивающимися усиками и бородкой. Лицомъ онъ очень походилъ на отца, только глаза у него были другіе: черные какъ уголь, они какъ-то загадочно и непріятно смотрѣли исподлобья.

— Кирилла! — окликнулъ его, наконецъ, Ѳедотъ Семенычъ.

— Чего батюшка? отозвался тотъ, не поднимаясь съ мѣста.

— Подь-ка сюда поближе.

Кирилла неохотно и нерѣшительно всталъ и подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ отецъ. Онъ ожидалъ брани или, по меньшей мѣрѣ, наставленій отъ отца, которыя онъ выслушивалъ всегда молча и, какъ говорится, въ пол-уха.

— Ты хошь, я вижу, выпивши сегодня, да, кажись, въ памяти, разберешь, что̀ буду говорить.

— Какое выпивши? Ничего даже, ни малости, — началъ было, по обыкновенію, оправдываться Кирилла.

— Ну, молчи, не ври ... Сегодня я ровно̀ и не видалъ. Сядь.

Кирилла сѣлъ и удивленно взглянулъ на отца. Ѳедосья Осиповна, которая тоже была неспокойна, ждала, что отецъ сейчасъ начнетъ бранить, а, можетъ быть, даже и бить сына, и, приготовляясь вступиться за него, легко вздохнула и подсѣла къ сыну.

Ѳедотъ Семенычъ не вдругъ заговорилъ, а какъ будто собирался съ духомъ или обдумывалъ то, что хотѣлъ сказать. Въ избѣ нѣсколько мгновеній царствовала тишина. Наконецъ старикъ заговорилъ.

— Вотъ, твоя мать думаетъ, а, можетъ статься, и ты тоже, что я не отецъ тебѣ, а твой извергъ, что я только мучу и тираню тебя, а не добра желаю. По глупости только это подумать можно. А я вотъ передъ истиннымъ Создателемъ говорю, что и день, и ночь только о томъ и помышляю, въ томъ вся моя и дума, и забота, какъ бы сдѣлать тебя путнымъ человѣкомъ, добрымъ мужикомъ, хорошимъ работникомъ. Ты у меня одинъ, стало—и любить мнѣ, окромя тебя, некого, и думать не объ комъ, и все, что коплю, берегу, все тебѣ же, никому другому ... Въ тебѣ вся моя надежда, отъ тебя мнѣ не мало

горя было, и радость, коли придетъ, тоже отъ тебя будетъ ... Такъ слушай ты меня: до сей поры не было мнѣ отъ тебя радости: не то ты дѣлалъ, не о томъ думалъ, не туда смотрѣлъ, что мнѣ хотѣлось ... За грѣхи ли какіе Богъ меня наказалъ, испытаніе ли только посылалъ, а много я горя и стыда черезъ твои художества всякія видѣлъ ... Не за то я съ тебя взыскивалъ и ругалъ, и наказывалъ, что ты мнѣ больно дѣлалъ, а для тебя самого: хотѣлось мнѣ тебя на путь навести, на умъ наставить ... Не выходило до сей поры изъ того прока ... Все я видѣлъ и знаю: какъ ты баловался, какъ ты пьянствовалъ, какъ въ карты игралъ, къ солдаткѣ подлой бѣгалъ, у матери деньги выманивалъ, можетъ — и еще что хуже того ... Не перебивай: было вѣрно, знаю! ... Лгалъ ты и меня обманывалъ на каждомъ шагу, а хуже всего и мнѣ противнѣе, что ты отъ всякой работы отлынивалъ, никакого дѣла путемъ не дѣлалъ, что свое-то добро тебя даже не тянуло къ себѣ, не лежало у тебя на сердцѣ ... А промежъ того руки у тебя золотыя, разумомъ тебя Богъ не обидѣлъ, и кабы у тебя была охота, ты много бы не токмо себѣ, а и людямъ бы много добра сдѣлалъ. Мать говоритъ, что вся дурь твоя отъ молодости, отъ неразсудку, а что постарше будешь, а особливо въ законъ вступишь, съ хорошей женой будешь жить, и ты справишься, станешь человѣкомъ не хуже людей ... Дай Господи! Уповаю на томъ и я! ... И вотъ, надумалъ тебя оженить, выбралъ тебѣ невѣсту изо всей волости самую смирную, честную, работную дѣвку, что и съ молоду замѣсто матери своимъ сестрамъ малымъ была, цѣлый домъ за хозяйку, въ дѣвкахъ сидя, вела и ни въ чемъ себя не уронила ... Вотъ

какая у тебя суженая! То Анна Герасимовна, — Дмитрича — дочь, изъ Чернушекъ. Теперь слушай. Женю я тебя и посмотрю, что̀ изъ тебя будетъ: коли бросишь свою дурь, примешься за работу, какъ путной мужикъ, станешь дому радѣть, отъ гулянокъ отстанешь, пить и въ карты играть закаешься, съ женой будешь жить ладно, тогда отдамъ тебѣ въ полную твою волю половину изо всѣхъ моихъ достатковъ, живи и хозяйствуй самъ ... Только не думай: не съ полугода, не съ году обождя, послѣ свадьбы, сдѣлаю это, а посмотрю на тебя и два, и три года, чтобы дурь эта далеко отъ тебя ушла, чтобы и званія, и памяти объ ней не осталось, а стала бы тебѣ люба и въ привычку вмѣсто нея работа да домъ, да семья родная. Вотъ на томъ тебѣ мое благословеніе, съ тѣмъ я тебя и оженить хочу ... Слышалъ?

— Слушаю, какъ-то неопредѣленно проговорилъ Кирилла.

Онъ былъ ошеломленъ неожиданною новостью и не зналъ еще, какъ къ ней отнестись.

— А невѣсту видалъ? Знаешь?

— Какъ не знать, знаю ... Видалъ ...

— Что же, по мысли, или нѣтъ?

— Все одно ... ничего.

— Не то — ничего, а говори: надо за всякъ часъ Бога благодарить, что на такую напали, да отецъ отдаетъ за тебя. Это счастье, Божье благословеніе! Тебѣ лучше этой дѣвки и не надо.

— Лѣтна, кажись ... Не постарше ли меня будетъ? ...

— Такъ, — что годомъ старше, вѣрно. Не ребенка же тебѣ дать ... не о шестнадцатомъ годку ... И теперь-то у тебя вѣтеръ въ головѣ хо-

дить, а какъ оженить тебя на этакой же, какъ ты, такъ что̀ изъ васъ будетъ? Законъ, братъ, дѣло великое: тутъ человѣкъ на всю жизнь сходится, было бы съ кѣмъ и думу сдумать, и совѣтъ подержать, и радость, и горе всякое подѣлить … А особливо, коли по молодости, такъ лучше не надо, ежели одна голова другую поддержать можетъ и посовѣстить, и поучить, и направить на путь истинный … Нѣтъ, ужъ я вѣдь выбиралъ не зря, а подумавши и помолившись, и съ добрыми людьми совѣтовался, и отъ батюшки, отца Егора, благословеніе принялъ: и онъ говоритъ, что лучше невѣсты, какъ Анна, для тебя нѣтъ … Ты вотъ что чувствуй.

— Да мнѣ все единственно.

— Не то говори, дитятко, — вмѣшалась, наконецъ, Ѳедосья Осиповна, — что все единственно, а то говори: вся, молъ, ваша власть родительская, коли вы одумали, такъ кто лучше васъ одумаетъ? Вотъ что говори …

— Я то и говорю, — небрежно отвѣчалъ матери Кирилла.

— Ну, такъ вотъ и готовься: сватовъ для виду сначала пошлемъ, а тутъ невдолгѣ и сами поѣдемъ; а недѣли черезъ три-четыре и свадьба … Эхъ, Кирилла, Кирилла, вось бы Богъ тебя на путь наставилъ … Вразуми тебя, Создатель Милостивый! …

Кирилла ничего не отвѣчалъ и упорно глядѣлъ въ землю; за него говорила мать. Она одною рукою охватила его за шею, другою гладила по головѣ.

— Богъ милостивъ, — говорила она. — Погоди-ка, оправится, будетъ не хуже людей … Золотой мой, писаной мой! … Не бойся, молъ, тятенька, буду

человѣкомъ тебѣ на радость и утѣшеніе: войду въ законъ да стану своимъ домомъ жить, не до гулянокъ будетъ, и за дѣло возьмусь ... А что, молъ, по малолѣтству годковъ глупилъ когда, такъ на этомъ и Богъ не взыщетъ, и добрые люди не осудятъ, и ты, молъ, тятенька, прости да забудь о томъ. Кто молодъ не былъ? ...

А Кирилла въ это время думалъ совсѣмъ о другомъ: онъ безучастно относился къ предстоящей ему перемѣнѣ въ жизни, онъ мелькомъ вспомнилъ объ Аннѣ, объ ея лицѣ, о всемъ наружномъ ея видѣ, припоминалъ, какъ она одѣвается: „не больно нарядно, кажись",— мельнуло у него въ головѣ. Потомъ мысль его перебѣжала и остановилась на соображеніяхъ относительно собственной особы. — „А вѣдь, поди, чай, отецъ, какъ ни скупъ, а нашьетъ мнѣ новой-то одежи къ свадьбѣ", — думалъ онъ. — Вотъ бы такіе смазные сапоги купить, какъ у Яшки Петрова, — важно бы! ... Со сборками, и блестятъ! Чудесно ... А рубашку бы шелкову да шляпу пуховую. Нѣтъ, не сошьетъ, гдѣ ему! ... Скупъ! Развѣ вотъ черезъ матушку какъ ... Неужто же и теперь денегъ не будетъ давать? Хошь бы до свадьбы-то ... Поди, дастъ, чай, раскошелится ... Женихамъ-то завсегда даютъ ... Теперь все послободнѣй будетъ. А надо сегодня безотмѣнно къ робятамъ побывать. Ужъ все равно, теперь хошь и узнаетъ, больно ругаться али бить не станетъ".

IV.

Когда отецъ улегся спать, а мать, уложивши и укутавши своего любимца и вдоволь наговоривши разныхъ ласковыхъ словъ, отошла отъ сынка, притворившагося спящимъ, Кирилла приподнялъ голову

и сталъ прислушиваться и ждать, когда въ домѣ всѣ уснутъ. Онъ обѣщалъ дружкамъ своимъ еще днемъ, что на ночь придетъ въ кабакъ къ Ѳедору Гаврилычу, чтобы въ карты поиграть и попьянствовать. Эти ночныя похожденія совершались имъ не въ первый разъ и до сихъ поръ благополучно сходили съ рукъ: Кирилла возвращался передъ тѣмъ временемъ, когда отецъ обыкновенно вставалъ, и заваливался спать, какъ ни въ чемъ не бывало. Знала ли объ этомъ мать — онъ не заботился, и былъ увѣренъ, что, еслибы она и замѣтила, то не выдала бы его.

Эти ночныя сборища, кутежи и попойки устраивались по взаимному соглашенію съ Ѳедоромъ Гавриловымъ послѣ того, какъ старшина запретилъ ему пускать сына въ кабакъ.

— Никакъ нельзя, теперь ты, Кирилла, ко мнѣ въ кабакъ и не ходи, — говорилъ ему Ѳедоръ, — потому мнѣ изъ-за тебя пропадать отъ твоего отца не приходится ... А вотъ въ гости ко мнѣ, въ избу, коли угодно, милости просимъ, за всякое время, а особливо вечеромъ, послѣ прекращенія торговли, когда я самъ домой прихожу ... Тамъ у меня комнатка есть особливая, и съ улицы не видно, потому оконцо маленькое — въ огородъ смотритъ, да и ставенькомъ его изнутри для всякаго случая отъ недобрыхъ людей прикрываемъ ... Вотъ туда милости просимъ: хозяйка съ ребятками въ избѣ, а мы на всей свободѣ тамъ: и чайку попьемъ, и въ книжку, пожалуй, почитаемъ: ты вѣдь грамотѣй, и я люблю этимъ позаимствоваться насчетъ книжекъ ... А пріятелевъ приведешь съ собой, пущай сидятъ да слушаютъ: ничего, милости просимъ! ...

Кирилла не нуждался въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Онъ часто началъ являться къ Ѳедору и

всегда находилъ въ отдѣльной комнатѣ компанію, передъ которой вмѣсто самовара стояла водка, а въ рукахъ вмѣсто книги были карты. Такимъ образомъ Ѳедоръ Гаврилычъ устроилъ у себя клубъ и велъ двойную торговлю: днемъ въ кабакѣ, а ночью у себя въ клубѣ... Онъ цивилизовалъ населеніе очень быстро, настойчиво, не жалѣя труда своего, жертвуя безсонными ночами, но съ большою осмотрительностью... Въ домъ къ нему допускались только хорошіе знакомые, люди болѣе или менѣе благонадежные въ денежномъ отношеніи, дѣти хорошихъ, зажиточныхъ родителей. Въ клубѣ въ долгъ ничего не отпускалось, надо было платить немедленно или деньгами, или вещами: сюда и сносились скрытые отъ семьи, отъ женъ, отъ родителей двугривенные и полтинники, рубашки, сапоги, шапки, мѣра ржи, полмѣшка овса, батманъ гороха, концы холста, повѣсма льну. Все принималъ Ѳедоръ Гаврилычъ и всему назначалъ цѣну по совѣсти; не принималъ только гостей съ пустыми руками, потому что и за посидѣлое, за тепло, за хозяйскій привѣтъ — слѣдовало платить; недаромъ же хозяинъ ночи не спитъ, свѣчку жжетъ, гостей сторожитъ и подъ бѣду себя подводитъ. Но въ клубѣ требовалось, кромѣ того, и благочиніе: пѣсенъ горланить не дозволялось, ссоръ затѣвать, шумъ заводить и, того пуще, чтобъ не безпокоить спящихъ сосѣдей и не привлечь лишняго вниманія.

— У меня все равно, что въ городу, по клубамъ,—говорилъ Ѳедоръ Гаврилычъ молодежи, — чтобы поведеніе было честное, благородное: приходи, спрашивай, чего тебѣ угодно, получай, забавляйся въ свое удовольствіе, какъ знаешь, только денежки плати да шуму не производи, чтобы все честно, благородно... съ амбиціей...

Учрежденіе это было еще новое въ деревнѣ, но прививалось довольно успѣшно: члены быстро прибывали. Кирилла, какъ и прочіе посѣтители, не приходилъ съ пустыми руками; правда, денегъ у него было мало: то, что онъ успѣвалъ выпрашивать у матери, во всякомъ случаѣ были пустяки сравнительно; но онъ изловчался находить и средства расплачиваться съ Өедоромъ Гаврилычемъ. Какъ ни былъ скупъ и учетливъ Өедотъ Семенычъ, но, часто уѣзжая изъ дома, не могъ же онъ не довѣрить женѣ даже ключей отъ амбара, а такъ какъ сусѣки у него были большіе и почти всегда полные, то и мудрено было услѣдить ему убыль то въ одномъ, то въ другомъ. Кирилла же бралъ осмотрительно и не все изъ одного и того же сусѣка, а изъ всѣхъ понемножку, а иногда и просто выгребалъ изъ-подъ морды у лошадей. Удивило разъ Өедота Семеныча, что въ двухъ-трехъ ульяхъ, изъ которыхъ онъ какъ будто бы меду не вырѣзалъ, оказалось его очень мало, но подумалъ, что можетъ быть и ошибся и позабылъ какъ нибудь, что самъ вырѣзалъ; у него же ульевъ былъ не одинъ десятокъ: долго-ли спутаться. Не подумалъ онъ даже, что это проказы Кирилла, но соты эти давно уже были перетоплены въ медъ женою Өедора Гаврилыча. Въ осеннее время, при молотьбѣ, со всѣхъ овиновъ, на которыхъ не успѣвалъ провѣять хлѣбъ самъ Өедотъ Семенычъ, приполонъ какъ-то былъ хуже другихъ: сердился старикъ иной разъ и бранилъ сына и работника, что или плохо они промолачиваютъ, или много отбиваютъ въ посыпку, лѣнятся провѣять путемъ. Не приходило ему никогда въ голову залѣзть въ темный ямникъ подъ овиномъ тотчасъ послѣ молотьбы: онъ нащупалъ бы тамъ, въ самомъ

темномъ углу, узелокъ съ недостающимъ хлѣбомъ, узелокъ этотъ потомъ скрывался въ ометъ соломы тутъ же, около овина, а послѣ, ночью, переправлялся къ тому же Өедору Гаврилычу ... Өедотъ Семенычъ пока не догадывался объ этомъ: заподозрить сына въ сознательномъ воровствѣ было ужъ очень тяжело старику. Онъ даже постарался бы прогнать отъ себя такую страшную мысль, еслибы что нибудь и наводило на нее.

Кирилла, согласно общему условію, три раза потихоньку стукнулъ въ двери Өедоровой избы, выходившія на крыльцо, и тотчасъ же былъ впущенъ въ домъ. Въ клубѣ было уже нѣсколько человѣкъ посѣтителей. Тутъ былъ Ванька Щуренокъ, Сашка Баля, Яковъ Кузя, Сенька Заяцъ, Өедоска Догадкинъ, Коська Слюняй — все ребята молодые, женихи и подростки. Но былъ вмѣстѣ съ ними и постоянный другъ и товарищъ молодежи — Мосѣичъ, человѣкъ уже старый, но еще бодрый, знаменитый охотникъ и рыболовъ, острякъ и балясникъ, не имѣвшій ни дома, ни пріюта, проживавшій большею частью по кабакамъ, пристававшій, отъ времени до времени, и въ крестьянскихъ домахъ.

— Ну, ребята, поздравляйте, — сказалъ Кирилла, входя: — батька меня женить хочетъ.

Поднялись со всѣхъ сторонъ поздравленія, разспросы: какъ, когда, на комъ?

Кирилла разсказалъ.

— На Анюткѣ ... Герасимовой ... изъ Чернушекъ. Знаемъ, какъ не знать, — послышались голоса.

— Дѣвка здоровая, ничего ...

— Чего здоровая ... Кобыла старая ...

— Чего старая ... Не старая, ничего ...

— Они нонѣ въ достаткахъ ...

— Серьезная дѣвка, работная ...

— Не улыба-царевна, чего тутъ ...

— Старшинову-то сыну можно бы почище ...

— Да она чего, она ужъ и не невѣстилась ... У нея и одежи-то нарядной мало ...

— Ну, братъ Кирюха, она тебя заберетъ въ лапы ...

— Еще какъ удастся ...

— Чего забрать: ничего не заберетъ! Они тихіе родомъ. Весь родъ ихъ тихой ...

— А прильнетъ она къ тебѣ ... стр-а-а-сть! ... Потому парень ты ражой, рыло у тебя сахарно ... а ей въ диковину, все на работѣ вѣкъ ... Страсть будетъ какъ за тебя держаться ... Не отойдетъ ...

— Да, ужъ отъ нея не уйдешь ... Прощай, Кирюха, шабашъ! ... Вонъ, значитъ, изъ нашей компаніи ... Ставь, что ли, на прощанье-то.

— Ну, еще на водѣ вилами писано ... Не то, что прощай, а, можетъ, здравствуй. Я такъ полагаю, что меня хошь жени — не жени, а я свое возьму, что мнѣ нужно ... Еще много лучше будетъ ... Батька такъ полагаетъ: для смиренія меня женить-то ...

— Присмирѣешь, братъ, и есть ...

— Я-то?

— Да, а что ты думаешь? Жена, братъ, она ... Смиряетъ человѣка ... Не то въ головѣ: завсегда при себѣ, своя собственная ... Ты теперь-то вольная птица! ... А тутъ гнѣздо, соображать надо, думать, какъ и что насчетъ своего мѣста. Вотъ и присмирѣешь ...

— Тоже, братецъ, дозоръ: отъ жены не уйдешь ... хошь бы вотъ ночью ... Она у тебя завсегда подъ

бокомъ: хватится — тотчасъ: куда да зачѣмъ? ... Вотъ ты и поди съ ней — канителься ...

— А вонъ Петруха-то николи съ женой-то не спитъ: онъ по себѣ и она по себѣ ...

— Ну, такъ-то развѣ законъ? Вонъ она и высохла у него ... Нѣтъ, а если по правилу: нашему брату только и погулять, пока въ парняхъ, а женили — шабашъ, братъ! Ровно на вольнаго жеребца хомутъ надѣли ... да въ косулю запрягли ... Трогай!

— Нѣтъ, я этакъ несогласенъ ... Я свою компанію рѣшать не стану ... Хоть батька и обѣщаетъ: коли, говоритъ, годъ али два судержишь себя, значитъ, безо всякаго: все бы работать, да промышлять для дома, ни пить, ни гулять, — такъ, говоритъ, изо всего половину тебѣ отдамъ и хозяиномъ сдѣлаю ... Ну, да это напрасно: больно далекъ срокъ полагаетъ, соскучишься ждать ... Я самъ въ себѣ такъ считаю, что пущай его женитъ меня, женатый-то я лучше съ нимъ разговаривать буду: матушка за меня и жена за меня, насъ тогда трое супротивъ него будетъ. Полно скряжничать-то, не для кого копилъ, развязывай мошну-то ... Женатый али холостой? ... Человѣкъ, значитъ, совсѣмъ въ себѣ воленъ, не малолѣтокъ, свой умъ въ головѣ, свой законъ: нечего на веревочкѣ-то водить ... Вотъ я какъ съ нимъ поговорю ...

— Ну, братъ, тебѣ съ нимъ тоже говорить не придется, — возразилъ Слюняй.

— А почему такъ?

— А потому: вздуетъ! ... Вонъ онъ у тебя какой, — серьезный! Да еще и въ старшинахъ сидитъ ... Съ нимъ, парень, много не наговоришь.

Въ это время вошелъ Ѳедоръ Гаврилычъ.

— Дядя Ѳедоръ, тащи четверть! — закричали ему нѣсколько голосовъ.

— На кого?

— На Кирюшку, на Кирюшку ... Слышь: женятъ! Проздравь! ...

— Полно? ... Правда ли? — спросилъ Ѳедоръ.

— Вѣрно, дядя Ѳедоръ, вѣрно! — подтвердилъ Кирилла.

— Ну, раненько задумали ... Надо бы годокъ дать тебѣ еще погулять ... Сократить, значитъ, тебя хотятъ родители-то, духу въ тебѣ поубавить. На богатой, чай, женятъ-то ...

— Нѣтъ, такъ, средственна ...

— На такой, дядя Ѳедоръ, женятъ ... Не пара ... Старше его, — заговорили ребята. — И серьезная дѣвка, неулыба, работная ... Тихая она, ничего ... По себѣ онъ беретъ, батька-то: къ дому имъ, по шерсти, тоже жиды скупые ...

Ѳедоръ Гаврилычъ прервалъ разноголосый говоръ своихъ гостей и поинтересовался узнать подробно: на комъ именно женятъ, сколько даютъ выкупу, какую одежу принесетъ невѣста въ приданое. На многіе вопросы Кирилла отвѣчалъ наобумъ и хвасталъ, самъ не зная зачѣмъ; разсказывалъ, что отецъ даетъ выкупу 500 рублей, а невѣста должна принести въ приданое нѣсколько шелковыхъ платьевъ и даже шубу на лисьемъ мѣху. Товарищи присмирѣли, слушая Кирилла, что еще больше поощряло его къ хвастовству. Слушалъ и Ѳедоръ Гавриловъ, но, видимо, не вполнѣ довѣрялъ расходившемуся парню.

— Вотъ какъ отецъ-то, — сказалъ онъ: — скупъ, скупъ, а для сына-то раскошелиться хочетъ, да и

сноху-то, видно, на богатую руку водить стенетъ: въ шелкахъ, да въ лисьихъ мѣхахъ. Ну, что же, — это очень прекрасно: значитъ, и свадьба будетъ богатая, и водки много брать будете.

— Да ужъ это какъ водится, — самоувѣренно отвѣчалъ Кирилла.

— Что же, Кирюха, ставь четверть-то, что ли? Вѣдь мы къ тебѣ на свадьбу-то не попадемъ, — приставали ребята.

— Да чего четверть? ... Давай, Ѳедоръ Гавриловъ, полъ-ведра. Да чаю собирай.

— А деньги-то есть ли?

— Вотъ деньги ... Денегъ теперь нѣтъ, а будутъ ... Неужто ужъ такъ для этого раза не повѣришь? ... Да тамъ вѣдь еще, чай, есть что̀ за тобой, за рожь-то?

— Да много ли есть-то? На полъ-штофа. А ты вѣдь вонъ — полъ-ведра ладишь да чаю: это денегъ много будетъ.

— Господи, такъ не сумлѣвайся, заплачу ... Вось овса принесу мѣшокъ ...

— Мало мѣшокъ.

— Ну, такъ еще что ни на есть будетъ ... Ужъ повѣрь сегодня-то, уважь ...

— Уважь, Ѳедоръ Гаврилычъ, для случая, — пристали и прочіе гости. — Вѣдь тоже не останный разъ: придетъ опять ...

— А, можетъ, женится, такъ и отстанетъ отъ насъ совсѣмъ.

— Я-то? ... Не сумлѣвайся, Ѳедоръ Гаврилычъ, завсегда твой гость буду ... Уважь, пожалуйста, для сегоднишняго случая ... Да хошь завтра же у матери выпрошу: деньгами отдамъ; она мнѣ теперь останныя отдастъ.

— Ну, вотъ это другое дѣло ... Ручаетесь ли, ребята, за него? ... А то за вами считать буду ...

— Да ужъ неужто такъ, безо всякой безъ совѣсти ... Отдастъ, чай ... Считай за нами за всѣми: мы выверстаемъ съ него, коли самъ тебѣ не дастъ.

— Ну, то дѣло другое ...

Ѳедоръ Гавриловъ принесъ водки, баранокъ для закуски, началъ приготовлять посуду для чаю, которая стояла тутъ же въ шкафѣ; кривобокія, почернѣвшія, потрескавшіяся, грязныя чашки съ блюдечками онъ почти кидалъ ловкими руками на столъ; затѣмъ принесъ изъ избы большой, никогда не чистившійся, зеленый отъ ржавчины самоваръ, чайникъ съ крышкой, привязанной грязной веревкой, и блюдечко, на которомъ лежало столько кусковъ сахара, сколько было посѣтителей.

Началась попойка. Компанія оживилась, пошелъ смѣхъ, прибаутки, разсказы. Явились на сцену и карты, засаленныя, лохматыя, съ обломанными углами; зазвенѣли мѣдныя деньги, переходя изъ рукъ въ руки.

Но пока шелъ этотъ пиръ, надъ Кирюхой съ его компаніей собиралась неожиданная гроза. Ѳедотъ Семенычъ былъ сильно взволнованъ текущими событіями и впечатлѣніями дня. Ему плохо спалось. Долго ворочался онъ съ бока на бокъ на полатяхъ, гдѣ спалъ, по обыкновенію, вздыхалъ, крестился, творилъ молитву, стараясь призвать душевное спокойствіе и сонъ, но тревожныя мысли о будущемъ сына мѣшали этому спокойствію и гнали сонъ отъ глазъ. Наконецъ, онъ рѣшился вовсе встать. Слѣзъ съ полатей, зажегъ свѣчку и пошелъ въ холодную горницу, гдѣ спалъ сынъ, чтобы взять счеты и кое-

какія хозяйственныя записки, лежавшія тамъ въ шкафѣ: старикъ хотѣлъ воспользоваться безсонницей, чтобы заняться собственными дѣлами. Тихо вошелъ онъ въ горницу, чтобы не разбудить сына, и не безъ любовнаго родительскаго чувства оборотилъ голову и свѣтилъ себѣ свѣчкой въ тотъ уголъ, гдѣ долженъ былъ спать сынъ. Но постель была пуста; полушубокъ, которымъ мать такъ заботливо укутывала своего любимца, валялся на полу, кафтана и шапки, которые висѣли обыкновенно на гвоздѣ, не было на своемъ мѣстѣ, сапоговъ тоже. Старикъ остановился, какъ вкопанный.

— Убѣгъ! — невольно проговорили его губы. — Куда? Либо къ солдаткѣ, либо къ пріятельницѣ какой ... А, мóжетъ, такъ вышелъ ...

Ѳедотъ Семенычъ вышелъ въ сѣни. Дверь на крыльцо была отперта. Онъ пріотворилъ ее и, прикрывая свѣчу отъ вѣтра, заглянулъ на улицу. Стояла уже поздняя осень; ночь была темная и холодная. Прислушался — все тихо кругомъ, все спитъ, только вѣтеръ слегка шумитъ и завываетъ тихо и жалобно.

Ѳедотъ Семенычъ въ раздумьи притворилъ и заперъ двери.

„Убѣгъ и домъ покинулъ отпертой: и горя мало!“— думалъ онъ про себя, возвращаясь въ избу. — „Куда бы это онъ ушелъ? Вотъ бы накрыть“.

Ѳедотъ Семенычъ разбудилъ жену. Та вскочила и присѣла на лавкѣ, гдѣ спала, испуганно смотря на мужа, стоявшаго передъ ней со свѣчкою въ рукахъ.

— Гдѣ женишокъ-отъ нашъ? Баловень-то твой?— спросилъ онъ жену.

— Какъ гдѣ? ... Тамо-ди, въ горницѣ: спитъ, чай ...

— То-то, спитъ, чай ... Его и слѣдъ простылъ: ни кафтана, ни шапки нѣтъ, и крылецъ отпертъ.

— Батюшки, такъ гдѣ же онъ? — вскричала чуть не съ воплемъ Ѳедосья Осиповна, вскакивая съ лавки и безцѣльно, безсознательно кидаясь изъ стороны въ сторону. — Вѣдь уснулъ, сама уложила, укутала, окстила ...

— Садись, что̀ мечешься, точно угорѣлая ... Уложила, укутала! ... Онъ и прикинулся, что уснулъ, а тутъ и удралъ: знамо, либо распутничаетъ, либо пьянствуетъ гдѣ ни на есть ... Вотъ ваше баловство, вотъ и надѣйся на него! ... А еще я съ нимъ разговаривалъ не безъ чего, тоже думалъ — авось почувствуетъ ... Куда бѣгаетъ-то, не знаешь ли? ... Ты вѣдь потатчица: можетъ, тебѣ сказываетъ ...

— Не знаю, батюшка, не знаю ... Какая я потатчица ... Стану я такимъ дѣламъ потакать! Станетъ ли онъ мнѣ говорить ... Не знаю, не вѣдаю ... Да, можетъ, такъ онъ только, не заспалось, такъ на улицу вышелъ прогуляться ... Тоже теперь у него забота: женихъ ... Можетъ, не заспалось: ходитъ гдѣ около дома ... да мысли свои разгуливаетъ ...

— Таковъ парень, нечто! ... Да вотъ я обожду, посмотрю ... А не придетъ вскорѣ, такъ и по деревнѣ пройдусь, можетъ, гдѣ накрою. Ты ложись, спи ...

— До сна ли ужъ мнѣ теперь.

Ѳедотъ Семенычъ открылъ окно и высунулъ въ него голову. Онъ нѣсколько времени прислушивался. На улицѣ все было тихо попрежнему. Ѳедосья Осиповна стояла около него, притаивъ дыханіе, замирая отъ страха, вздрагивая отъ холоднаго воздуха, который врывался въ окно широкой струей.

— Что̀, не чуть ничего? — робко спрашивала она мужа.

Өедотъ Семенычъ не отвѣчалъ. Вдругъ онъ захлопнулъ окно и поднялся на ноги.

— А ужъ дознаюсь же я: разорю этотъ притонъ ... Я пойду, пройдусь по деревнѣ, до самаго свѣта прохожу, повстрѣчаю же его ... Ты запри за мной, — приказалъ онъ женѣ и сталъ одѣваться.

Өедосья Осиповна обмерла при мысли, что отецъ найдетъ гдѣ-нибудь Кирилла и изобьетъ его.

— Батюшка, коли встрѣтишь: ты не вдругъ ... не очень ... Ты попытай сначала: можетъ, и ничего нѣтъ такого ... Ты тяжелъ на руку-то, особливо съ сердцовъ.

Өедотъ Семенычъ ничего не отвѣчалъ и вышелъ. Онъ пошелъ сначала въ ту сторону, гдѣ жила солдатка. Среди деревни устроена была соломенная будка, въ которой слѣдовало находиться очередному сторожу, но его въ ней, по обыкновенію, не было. Өедотъ Семенычъ не разъ отдавалъ приказаніе по волости о ночной сторожѣ, не разъ самъ повѣрялъ, исполняется ли оно; постоянно штрафовалъ за неисправность, но не могъ добиться толку. Вслѣдъ за повѣркой и оштрафованіемъ, недѣлю, много двѣ, очередь соблюдалась: очередной мужикъ выходилъ въ будку и спалъ въ ней всю ночь очень крѣпко, закутавшись въ шубу и считая свою повинность добросовѣстно отбытою, а затѣмъ мало-по-малу будка опять опустѣла вовсе до новаго штрафа. Штрафъ этотъ всегда возбуждалъ въ обществѣ большое неудовольствіе и ропотъ, тѣмъ болѣе, что и виноватаго найти было трудно: спорили и ссорились въ порядкѣ очереди; такъ что и Өедотъ Семенычъ, на-

конецъ, рукой махнулъ и сталъ смотрѣть на эту неисправность сквозь пальцы.

Въ этотъ разъ сторожа тоже не было на мѣстѣ. „А вотъ, кабы былъ, можетъ, и видѣлъ бы, куда прошелъ ... Завтра опять надо оштрафовать“ — подумалъ старшина, проходя мимо будки и заглянувши въ ея пустоту.

Лачужка солдатки стояла на задворкѣ; Ѳедотъ Семенычъ обошелъ ее вокругъ, прислушался: въ ней было темно и тихо. Онъ пошелъ въ противоположную сторону деревни, къ кабаку. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ нему, тѣмъ чаще стали долетать до его слуха какъ будто звуки человѣческихъ голосовъ. Старшина останавливался и прислушивался: опять все смолкало, гудѣлъ только одинъ вѣтеръ между строеній. Вотъ и кабакъ запертъ, внутри не освѣщенъ; рядомъ и въ связи съ нимъ изба Ѳедора Гаврилова, въ ней тоже темно, но теперь Ѳедотъ Семенычъ уже ясно слышитъ глухіе звуки человѣческихъ голосовъ. Вотъ раздался откуда-то хохотъ, вотъ какъ будто пьяный вскрикъ, вотъ точно споръ, гдѣ нѣсколько человѣкъ говорятъ вдругъ, всѣ вмѣстѣ.

„Что за чудо, мерещится мнѣ, что ли?“ — думаетъ про себя Ѳедотъ Семенычъ, стоя передъ кабакомъ. Но вотъ уже очень ясно послышался чей-то опредѣленный голосъ; старикъ разслышалъ даже слово, громко вскрикнутое: моя! ... Ѳедотъ Семенычъ началъ обходить домъ Ѳедора вокругъ и когда поровнялся съ задней его стороной, то голоса стали доходить до него уже очень опредѣленно, онъ могъ даже разобрать, что это былъ говоръ пьяныхъ людей; наконецъ, ясно врѣзался въ его слухъ столь знакомый голосъ Кирилла. Тутъ Ѳе-

дотъ Семенычъ сообразилъ вдругъ и понялъ все. Онъ стоялъ какъ разъ противъ крыльца, выходившаго въ переулокъ. Недолго думая, онъ поднялся на крыльцо и началъ сильно торгаться въ дверь. Голоса вдругъ затихли. Ѳедотъ Семенычъ продолжалъ стучать. Черезъ нѣсколько минутъ изъ сѣней послышался голосъ Ѳедора Гаврилыча.

— Кто тутъ? спросилъ онъ.

— Отопри, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Да что нужно? Кто тутъ?

— Отопри, приказываю ... Сейчасъ отопри ... Я ... Старшина ...

Ѳедотъ Семенычъ слышалъ, какъ кто-то спѣшно скрылся изъ сѣней. Отвѣта не было. Онъ усилилъ свой стукъ.

— Слушай, Ѳедька, отопри сейчасъ, я тебѣ приказываю! — настаивалъ вышедшій изъ себя Ѳедотъ Семенычъ, сильно торгаясь въ двери. Пріостанавливаясь на минуту, онъ разслышалъ, что по сѣнямъ какъ будто началась какая-то суетливая бѣготня.

— Да точно ли старшина? — спрашивалъ опять Ѳедоръ изъ сѣней. — Кажись, не его голосъ. Пойдетъ ли Ѳедотъ Семенычъ ночью ... Врешь ты, братъ, не надуешь, не отопру ... Проваливай.

— Говорятъ тебѣ, это я ... я самъ ... Не морочь, всѣ твои штуки насквозь вижу. Отопри сейчасъ.

— Да никакъ и въ самомъ дѣлѣ Ѳедотъ Семенычъ, вы точно? ...

— Не морочь, говорятъ ... Отпирай ....

— Сейчасъ, только огня вздую.

И Ѳедоръ куда-то спѣшно скрылся. Онъ торопливо съ помощью жены приводилъ въ порядокъ въ

горницѣ и спѣшилъ уничтожить признаки нарушенной пирушки.

Въ это время всѣ гости Өедора черезъ дворъ пробрались къ воротамъ и, притворивъ ихъ, ждали, чтобы старшина вошелъ въ сѣни, разсчитывая въ ту же минуту выскользнуть въ ворота и скрыться. Но молодежь не выдержала и бросилась бѣжать въ ту минуту, какъ Өедоръ только что подошелъ къ дверямъ, чтобы отпереть ихъ. Өедотъ Семенычъ еще стоялъ на крыльцѣ, когда мимо переулка по улицѣ начали мелькать человѣческія фигуры. Онъ тотчасъ же догадался, что цѣловальникъ перехитрилъ его и выпустилъ гостей другимъ ходомъ. Когда Өедоръ со свѣчею въ рукѣ отворилъ ему дверь, онъ не пошелъ уже въ домъ, а только проговорилъ:

— Я тебѣ дамъ: ночные притоны держать, ребятъ молодыхъ портить ... Завтра мы съ тобой сосчитаемся, — и спѣшно сошелъ съ лѣстницы, желая видѣть бѣгущихъ. Онъ не слушалъ, что говорилъ вслѣдъ ему Өедоръ, а тотъ не только оправдывался, но даже грубилъ, обѣщая съ своей стороны жаловаться за напраслину и безпокойство.

— Старый чортъ, еще говорятъ — умный, старшина, а одинъ пришелъ, безъ свидѣтелей. Ничего ты съ меня не возьмешь теперь! — ругался ему вслѣдъ цѣловальникъ, выйдя на крыльцо. Между тѣмъ Өедотъ Семенычъ видѣлъ, какъ впереди его по улицѣ въ разсыпную бѣжало нѣсколько человѣкъ. Онъ успѣлъ замѣтить два-три дома, въ которыхъ отворились и затворились калитки, скрывая бѣгущихъ.

Старикъ не надѣялся, да и не считалъ нужнымъ догнать сына: онъ убѣдился, что и онъ былъ въ числѣ ночныхъ кутилъ. Проходя мимо дома ста-

росты, онъ постучалъ къ нему въ окно. Староста высунулся и съ изумленіемъ смотрѣлъ на старшину.

— У тебя, Григорій, опять сторожовъ нѣтъ, а я сейчасъ цѣлую араву нашихъ ребятъ-поночевщиковъ накрылъ: у Ѳедьки пьянствовали въ домѣ. Завтра сходъ собери. Надо это дѣло разобрать да прикончить: поучить ихъ всѣхъ да и съ Ѳедькой-то посчитаться ...

— Слушаю, Ѳедотъ Семенычъ, — отвѣчалъ староста, со сна вдругъ не разобравшій въ чемъ дѣло; — значитъ, утромъ на сходъ?

— Ну, да ... Чего еще? — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ, уходя отъ старостиной избы.

— Слушаю, Ѳедотъ Семенычъ ... Деревенскій али въ волость?

— Знамо, на деревенскій ... сельскій сходъ ...

— Понимаю я это ... Слушаю ... Оченно можно. — И староста долго и безсмысленно смотрѣлъ въ окно вслѣдъ уходившему старшинѣ.

Кирилла, подбѣжавши къ своему дому, увидѣлъ въ окно мать, которая тотчасъ же отворила ему дверь.

— Что, встрѣтилъ отца-то? — спросила она его.

— Нѣтъ, не видалъ ... Какъ онъ узналъ? ...

— Ночью проснулся самъ, не спалось ... Гдѣ былъ-то? ...

— Не видалъ онъ, убѣгли мы ...

— Гдѣ же онъ?

— Поди, сейчасъ придетъ ...

— Такъ поди лягъ скорѣй ... Ахъ ты, головушка побѣдная ... Что теперь онъ надъ тобой сдѣлаетъ. Да гдѣ были-то? Скажи мнѣ.

— У Ѳедьки Гаврилыча. Да ты не сказывай: онъ не видалъ меня. Ты скажи, что, какъ онъ ушелъ, я будто и пришелъ. А я лягу и будто сплю ...

— Ну, ну, ложись скорѣй ... Ужъ скажу. Да врядъ повѣритъ ... Ахъ ты, набѣдилъ ты ... Засѣчетъ онъ тебя ... Ложись, ложись скорѣ. Можетъ, какъ обойдется, коли не видалъ тебя, можетъ, повѣритъ: я и то говорила, что ты отъ мыслей пошелъ прогуляться коло дома. Придумывай что, а ужъ я не знаю, что и говорить-то ... Ахъ, грѣхи! ... Ну, да слава Богу, что безъ меня ему въ руки-то не попался. Какъ-нибудь, може, пройдетъ, Богъ милостивъ.

Отворяя двери Ѳедоту Семенычу, Ѳедосья Осиповна поспѣшила сказать:

— А только ты ушелъ, Кирюшка-то и въ двери: притуманился, говоритъ, раздумался, — не спится, и пошелъ на волю провѣтриться ... Ужъ давно дома, спитъ ...

— Убирайся ты, дура-потатчица, хошь бы ужъ ты-то въ глаза не врала: тошнехонько и безъ того.

Ѳедосья Осиповна хотѣла возражать.

— Молчи, ложись спать! — прикрикнулъ на нее Ѳедотъ Семенычъ. — Измаяли вы меня вдвоемъ-то вовсе. Ложись, говорятъ, туши огонь.

И онъ самъ, кряхтя и тяжело вздыхая, полѣзъ на полати. Ѳедосья Осиповна втихомолку крестилась, что Господь отнесъ грозу отъ ея любимца.

Вскорѣ въ избѣ воцарилась совершенная тишина, прерываемая только вздохами и порывистыми движеніями Ѳедота Семеныча, который не могъ сомкнуть глазъ до самаго свѣта, волновался и безпокойно ворочался съ боку на бокъ. Ѳедосья Осиповна тоже не спала, но притихла и не шевелилась. Зато спалъ крѣпко и беззаботно полупьяный Кирилла, успокоенный тѣмъ, что отецъ не зашелъ къ нему даже выругаться и пригрозить.

V.

На другой день утромъ, на разсвѣтѣ, десятскій обходилъ деревню: подойдя къ каждому дому, онъ стучалъ палочкой подъ окномъ. Окно открывалось, высовывалось лицо домохозяина или хозяйки.

— На сходъ! — лаконически объявлялъ десятскій, торопясь идти дальше.

— Куда? — спрашивали его вслѣдъ, изъ окна.

— Здѣся ... свой, деревенскій, — отвѣчалъ десятскій, уже подходя къ сосѣднему дому.

— А не на волость? — продолжалъ спрашивать высунувшійся изъ окна.

— Говорятъ, здѣся.

— Коли приходить-то? ...

— Собирайтесь.

— Теперя?

— Знамо, сходитесь теперь.

Оконце захлопывалось, а изъ сосѣдняго дома опять начинался подобный спросъ.

Осенью, когда полевыя работы, а частью и молотьба уже окончены, когда деревенскій людъ свободенъ, на сходы собираются охотно и скоро. Десятскій еще не кончилъ обхода деревни, а ужъ около дома старосты, человѣкъ за человѣкомъ, являлись прежде другихъ оповѣщенные.

Сходились мужички въ нагольныхъ полушубкахъ, въ теплыхъ шапкахъ, опустя руки въ карманы, позѣвывая и поеживаясь плечами на свѣжемъ утренникѣ.

— Почто сходъ, насчетъ чего? — спрашивали одинъ другого.

— Свой, деревенскій, — сказываютъ.

— Знамо, деревенскій, — да насчетъ чего?

— Насчетъ какихъ дѣловъ, стало быть?

— Поди, насчетъ недоимокъ.

— За мной, братъ, чисто, я ничего не знаю, по мнѣ, какъ хотите.

— За тобой чисто ... Тебѣ хорошо подошло: малыхъ-то ребятъ нѣтъ ... Повозжался бы съ ними: какъ восемь-то ртовъ, а руки-то одни.

— Что говорить: втроемъ ли кормиться али въ восьмеромъ.

— Полоса-то одна: что̀ у него, что̀ у меня ...

— Земли-то не жалко, бери ... Не хошь ли, я свою половину навалю тебѣ-ка?

— А работать-то кто будетъ? Навалить-то можно, а что пути-то, коли руки-то одни, да и бурка-то одинъ.

— Ну, такъ ...

— Что? ... Тебѣ, знамо, хорошо; васъ трое, а у меня восьмеро ртовъ-то ... Пожалуй, наваливай: она, земля-то, хороша къ рукамъ, а безъ рукъ-то что съ ней подѣлаешь ... Лежи, пожалуй, безъ сѣмянъ-то она, сколько угодно ... На меня и то лишній розникъ навалили, а что корысти-то: три мѣшка сѣялъ, а пять снялъ ... Вотъ-те и приполонъ весь: съ чего платить-то?

— Требуется, такъ плати ...

— Плати! ... Чѣмъ платить-то? ... Требуется! ... Знамо, требуется, а коли не съ чего взять?

— Такъ обчеству, что ли, за тебя платить кажиный разъ ... И то о запрошломъ году за тебя отдувались, — будетъ! ... Никому не нужно за людей-то править ... Правь самъ за себя ...

— Ну, я буду править ... А ребятъ-то моихъ міромъ кормите — вотъ! ... Прокормите ли? ...

— Да постой, Степанъ Прохоровъ ... а, Степанъ Прохоровъ, — постой! ... Ну, что зря-то зашумѣли? Може, совсѣмъ не насчетъ того ...

— Сказываютъ: самъ хотѣлъ выдти, Ѳедотъ Семенычъ.

— Такъ что?

— Ну, стало быть, недоимку выбивать ...

— А, може, нѣтъ? Развѣ мало въ міру дѣловъ? Староста вонъ ругался, что сторожовъ не было ночью ...

— Опять штраповать хочетъ? ... Затихъ было, да опять ...

— Да на что намъ сторожовъ-то? ... Чего сторожить-то? ...

— А пустое-то мѣсто ...

— Знамо, пустое: хошь сторожи, хошь нѣтъ, — ничего не прибудетъ.

— Для всякаго случая ...

— Спать-то въ шалашу? Пожалуй, спи для всякаго случая: все равно проспишь ... Что̀ на печкѣ-то, что̀ въ шалашу — все одно ...

— Знамо — все одно: наломаешь спину-то, не до сторожи ...

— Небольшое бы дѣло и посторожить-то, и то сказать: обчество у насъ немалое, когда еще чередъ до кого дойдетъ, а однако бы для опаски ... Ночь-то бы куда ни шла ...

— Ну, такъ и сторожи, коли больно заботенъ ... У тебя есть что сторожить-то, ты всѣмъ запасенъ, — тебѣ и слѣдъ. Ты и безъ того, чай, ночи-то не спишь, бережешься ... Вотъ бы за любовь обчеству и послужилъ: сторожилъ бы да сторожилъ ...

— Я отъ своего череду не отрекаюсь: придетъ мой чередъ — и посторожу ...

— Чего чередъ? ... Нѣтъ, а ты по-божески: у тебя вонъ четыре коровы-то, а у меня одна, да и

безъ молока, яловая прогуляла; у тебя овецъ-то пятокъ, а у меня и шерстины нѣтъ; да и во всемъ: и въ хлѣбѣ-то, и въ постройкѣ, и въ деньгахъ, ты во всемъ противъ меня запаснѣе, може, во сто разъ — вотъ тебѣ по-божески и выходитъ: съ меня одна ночь, а съ тебя — отъ вешняго до зимняго Миколы либо съ Егорья до зимняго заговѣнья — сторожи ежедень ... Вотъ и выровняешься супротивъ меня ... А то — въ чередъ ...

— Либо вотъ что: мы спать будемъ, а ты штрапы за насъ плати.

Въ толпѣ засмѣялись.

— Съ вами развѣ дѣломъ сговоришь: вамъ резонъ толкуешь, а вы — шутъ васъ знаетъ ...

— Что? Что? ... Мы ничего! Ты намъ резонъ, а мы тебѣ другой, ты одинъ, а мы два. Дѣло обчественное: отъ одной земли кормимся, одну и повинность несемъ. Ты вотъ богатъ да запасенъ, а у насъ нѣтъ ничего: ну, стало быть, и послужи міру по силѣ, за все обчество ...

— Да постойте, полноте ... Чего взялись? Вона староста идетъ: сейчасъ скажетъ насчетъ чего ... Чтȯ безъ пути-то ...

Староста подошелъ. Поздоровались. Толпа сгрудилась къ нему.

— Почто сбиралъ, насчетъ чего? Объ чемъ сходъ-отъ? — спрашивали его со всѣхъ сторонъ.

— Погодьте. Ѳедотъ Семенычъ приказалъ: самъ язнулся придти. Я, признаться, со сна и не разобралъ путемъ: ничто насчетъ кабака да ребятъ. Ночью разбудилъ меня: сходъ, говоритъ, созови утре ... Самъ приду. Насчетъ сторожовъ тоже. Опять, черти, никто не вышелъ ... Нė все равно

дрыхнуть-то: спали бы въ очередь въ шалашу-то, такъ нѣтъ ... Да вонъ идетъ самъ.

Староста мотнулъ головой по направленію къ дому старшины, откуда выходилъ Ѳедотъ Семенычъ. Сходъ примолкъ и ожидалъ его. Запоздавшіе торопились присоединиться къ толпѣ.

Поздоровавшись съ мірянами, Ѳедотъ Семенычъ прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ разсказалъ, что ночью онъ накрылъ въ избѣ у Ѳедора цѣловальника, въ задней горницѣ, цѣлую кучу молодежи, которая убѣжала отъ него, что онъ не знаетъ, кто именно былъ тамъ, но успѣлъ замѣтить нѣкоторыхъ ребятъ, которые прятались по своимъ домамъ. Онъ не назвалъ, впрочемъ, пока никого изъ замѣченныхъ имъ и кончилъ свой разсказъ такимъ вопросомъ:

— Ну, какъ, міряне, полагаете: дѣло дѣлаютъ наши ребята, что по ночамъ собираются, отъ отцовъ прячутся и ничто орудуютъ, стало, нехорошее, потому потаенно да ночью на добрыя дѣла не собираются, особливо у кабатчика? Благословляете вы на это своихъ ребятъ али нѣтъ?

Изъ толпы послышались голоса.

— Какое ужъ тутъ благословенье, Ѳедотъ Семенычъ ... Путное ли это дѣло, по ночамъ ...

— На что ужъ хуже ...

— Ночью какой путь? ... Знамо, не за хорошимъ ...

— Извѣстно, молодые ребята, дурятъ ...

— Пьянствуютъ, стало быть ...

— А либо въ карты.

— Ишь ты, — ночью, нѣтъ на нихъ дня, пострѣлы! ...

— Знамо, непутные! ...

— Кто таковы были-то, Ѳедотъ Семенычъ? Кого запримѣтилъ-то? ...

— Ты намъ молви: мы потачки не дадимъ, мы ихъ вздуемъ.

— Знамо, надо поучить ..

— Такъ, стало быть, не хвалите? — продолжалъ старшина.

— Кто похвалитъ? — отозвались изъ толпы. — За это одна палка хвалитъ. Намъ бы только дознаться кто ...

— Вѣдь если ребята наши бѣгаютъ по ночамъ къ Ѳедькѣ, — началъ опять Ѳедотъ Семенычъ, — стало быть, онъ ихъ поитъ ...

— Безпремѣнно, ужъ это безпремѣнно ...

— А поитъ, стало, недаромъ: денежки же съ нихъ получаетъ ... А гдѣ они деньги берутъ? — У васъ же, стало быть, у отцовъ таскаютъ ...

— Таскаютъ, безпремѣнно таскаютъ, — воодушевленно заговорило нѣсколько голосовъ. — Гдѣ ему взять, подлецу: знамо, утащитъ ... Вотъ оно овесъ-то куда ...

— Вотъ холстина-то у бабы пропала.

— А льну-то недосчитывается моя старуха ...

— Пропалъ, братецъ, у меня колоколецъ мѣдный да и шабашъ, — а вотъ онъ, знать, гдѣ ...

— Чего колоколецъ: у меня курицы съ насѣсти двѣ сгинули, да и, нà-поди, хорошiя курицы, несучки ... Думали — хорь, а вотъ онъ хорь-то: у Ѳедьки, значитъ.

— Да у нихъ карты завелись: въ карты дуются; все лѣто, какъ гдѣ за угломъ, глядишь, сидятъ кучкой, играютъ. Въ деньги, братецъ, самъ видѣлъ... Отбились ребята, что говорить, отбились— разоряютъ ...

— Ну, такъ вотъ что, господа-мiряне: на тотъ годъ Ѳедюшку изъ кабака выгонимъ: хошь бы онъ

вдвое давалъ, ему не сдадимъ, потому въ немъ вся сила, все зло въ немъ.

— Въ немъ, въ немъ, Өедотъ Семенычъ … Изъ жилъ тянетъ! … Ненасытный! … Вишь, разжился какъ, а давно ли, кажись … Всю деревню опуталъ: кругомъ всѣ въ долгу у него …

— А не порѣшить ли намъ и совсѣмъ кабакъ-отъ? … Жили мы безъ него — лучше было … И ребята наши меньше дурили, да ровно какъ и на деревнѣ-то не такое пьянство было … Подумайте-ка, православные: право, лучше будетъ совсѣмъ безъ него … А? Не порѣшить ли его совсѣмъ? …

Толпа затихла. Всѣ были озадачены неожиданнымъ предложеніемъ и молчали. Өедотъ Семенычъ ждалъ отвѣта.

— Для обчества-то оно поддержка большая, Өедотъ Семенычъ, — заговорилъ первый староста, — насчетъ всякаго случая … Все она ренда, какъ бы ни было, сто рублевъ: на полу не валяются … Когда насчетъ недоимка, а вдругъ требуется, вотъ оно и очень пользительно бываетъ: я ужъ послѣ ее съ обчества-то выбью, а она вдругъ, вотъ и пользуетъ въ этомъ много …

— Это правильно, что пользуетъ … Тоже въ міру сто рублевъ — деньги, — поднялись го́лоса въ поддержку старосты.

— Нѣтъ, по нашему мѣсту и безъ питейнаго никакъ невозможно: тоже деревня не маленькая … Опять же хоть бы и Өедька: какъ-никакъ, а тоже ссужаетъ … А въ нуждѣ-то къ кому сунешься? … Да и опять же вольному воля, спасеному рай: кто не хочетъ пить, такъ не станетъ, а ужъ этимъ не удержишь другого, что кабака дома нѣтъ: захочетъ выпить, такъ и въ село убѣжитъ … А однако же

намъ въ пользу: все ренда ... Какъ можно, братецъ ...

— Полноте, братцы, подумайте-ка, посчитайте сами себя: въ пользу ли вамъ эта аренда. Съ кабака-то пускай вы и получите сто рублей, да сколько въ кабакъ-отъ снесете? ... Вѣдь Ѳедька-то сколько выручаетъ: вотъ сто рублей въ обчество заплатить, да патентъ чего стоитъ, да самому прожить, прокормиться, да вѣдь и нажиться нужно: сами говорите, что не въ долгихъ нажился ... А откуда всѣ эти деньги къ нему идутъ? Все отъ васъ же, вѣдь ни отъ кого больше. Не онъ вамъ аренду, а вы ему оброкъ платите, и оброкъ-то большой: не сто рублей, а, можетъ, тысячи, какъ все-то сосчитать, — только оно незамѣтно уходитъ ... Вотъ вы что посчитайте ... вотъ о чемъ подумайте.

— Да, это вѣрно, Ѳедотъ Семенычъ, твоя правда, самая истинная ... Кабы не слабость-то наша, такъ на что бы лучше эти бы деньги беречь: богаты бы были. Да вотъ слабость-то человѣческая, никакъ и не уберечься ... Опять же эти деньги такія: ихъ никакъ усчитать невозможно, потому иной съ горя, другой съ радости идетъ, у всякаго свой случай ... А однако же намъ сто рублей не мѣшаетъ, а на новый срокъ, смотри, полтораста возьмемъ, хошь бы и не съ Ѳедюшки, — и безъ него охотниковъ на нашъ кабакъ много будетъ: у насъ мѣсто хорошее. Нѣтъ, ты, Ѳедотъ Семенычъ, вотъ что: мы тебя почитаемъ всячески, ты Ѳедьку сгони: бери съ насъ приговоръ, руки прикладываемъ; какъ его срокъ отошелъ къ тому году, — не надо намъ его ни съ чѣмъ, а ужъ эту статью ты не трожь. Она намъ въ пользу: все она ренда ... Не ви-

димо, а оно сто рублей Однако же ... Это деньги ...

Раздались было два-три голоса зажиточныхъ крестьянъ въ пользу предложенія Ѳедота Семеныча, но общество очень недружелюбно опрокинулось на нихъ, объясняя ихъ заявленіе ничѣмъ другимъ, какъ намѣреніемъ, въ случаѣ закрытія кабака, начать корчемную торговлю водкой.

— Вѣдь ужъ было это на глазахъ, — говорили крестьяне: — вонъ — въ Орѣховѣ порѣшили тоже кабакъ, такъ вотъ экіе-то, какъ вы, тотчасъ и почали втихомолку торговать: барыши-то берутъ, сами-то наживаются, а обчеству-то одинъ убытокъ; тутъ хошь небольшая, да ренда, а тамъ и того нѣтъ ... Знаемъ мы это — довольно ... Не хошь пить, хочешь деньги беречь, такъ никто тебя силой не неволитъ — твое дѣло.

Ѳедотъ Семенычъ замолчалъ, видя, что въ этомъ отношеніи его вліяніе не сильно.

— Ну, да это какъ знаете: не хотите слушать добраго слова — ваше дѣло ... А что же намъ съ ребятами-то дѣлать, чтобы не баловались, отцовскаго добра не тащили и не пьянствовали?

— А что дѣлать больше съ ними, Ѳедотъ Семенычъ: стегать нужно хорошенько, чтобы помнили ... Ты только молви намъ, кто былъ, хошь одного: вотъ мы ему сейчасъ опросъ дадимъ про другихъ прочихъ, кто съ нимъ былъ, да всѣхъ и выстегаемъ ...

— Одного-то виноватаго я знаю навѣрно и сейчасъ скажу вамъ, только впередъ прошу васъ, міръ честной, не мирвольте ему, а поучите его хорошенько на всемъ сходѣ въ примѣръ другимъ. Сынишка мой, Кирюшка, былъ тамъ: вотъ съ него и начните,

отъ него и обо всѣхъ другихъ прочихъ узнаете ... Сейчасъ я его пришлю къ вамъ, только прошу васъ, православные, какъ отецъ, прошу и кланяюсь вамъ: не мирвольте вы ему, что старшиновъ сынъ, а поучите хорошенько; изъ рукъ онъ у меня отбивается, горекъ онъ сталъ моему родительскому сердцу.

— Пойдемъ-ка, староста, я тебѣ сдамъ его съ рукъ на руки ... Не оставьте же, православные ...

Ѳедотъ Семенычъ низко поклонился, отеръ слезу, которая скатилась на его сѣдую бороду, и въ сопровожденіи старосты быстро пошелъ домой.

Мужики стояли нѣсколько мгновеній безмолвные и озадаченные, молча смотрѣли вслѣдъ уходящему старику и переглядывались другъ съ другомъ. Потомъ вдругъ всѣ заговорили:

— Вишь ты, старикъ: заревѣлъ.

— Тоже горько; свое, родное ...

— До кого ни доведись ...

— Себѣ не вѣритъ, міру повѣрилъ ... Вотъ оно ...

— Міръ, знамо: онъ разберетъ.

— Міръ разсудитъ!

— Онъ взыщетъ, братъ, лучше! ...

— Для стыда онъ это дѣлаетъ.

— А то что? Знамо для стыда: возжи-то, чай, и дома есть: взялъ, связалъ, да и дуй ... На то отецъ ...

— Мать-то баловщица ...

— Что мать? Мать въ своемъ мѣстѣ; матери, извѣстно, жалко: бабы жальливѣе мужика завсегда ...

— Какая, братъ, баба: всякія есть ...

— Нѣтъ, это онъ отъ ума ... Знаетъ, міръ не убьетъ и ему въ совѣсть ...

— Какъ бы ни было, братъ, старшиновъ сынъ ... Подикось ты, нѣтъ, другой бы носъ задралъ ... Нѣтъ, онъ старикъ стоющій, даромъ скупъ ...

— Что скупъ? Онъ свое бережетъ, не чужое ... Не для кого, для него же ... для Кирюшки ...

— А плутъ же парень вышелъ Кирюшка ... У-у, какой ... Не въ отца ...

— Вонъ ведетъ староста, вонъ ведетъ ...

— Что, попался, братъ! ...

VI.

Сильно всполошилась и обезпокоилась Өедосья Осиповна, когда Өедотъ Семенычъ, придя домой печальный и разстроенный, велѣлъ Кириллѣ идти со старостой на сходъ ... Кирилла только что проснулся передъ возвращеніемъ отца и принимался-было за завтракъ, который поспѣшила приготовить ему мать.

— Почто его-то на сходъ? — тревожно спросила мужа Өедосья Осиповна, по материнскому инстинкту почувствовавшая, что ея сынку угрожаетъ какая-то бѣда.

— А тамъ разспросятъ, да разберутъ, что онъ сегодня ночью дѣлалъ, гдѣ и съ кѣмъ былъ.

— Я нигдѣ не былъ, — заговорилъ-было Кирилла, невольно поблѣднѣвшій и смотря въ землю.

— Ну, такъ, староста, скажи тамъ на сходѣ, что вотъ я самъ видѣлъ, какъ онъ выбѣжалъ отъ Өедьки-кабатчика съ ребятами, а онъ въ глаза мнѣ вретъ, запирается ... Такъ пускай міръ и за это съ него взыщетъ, что у него даже совѣсти-то, раскаянья-то нѣтъ никакого ... Возьми его, веди ... Коли не разскажетъ самъ всего на сходѣ: кто съ

нимъ былъ, что̀ они у Ѳедьки дѣлали и давно ли они этакъ хороводятся, такъ я самъ скажу тогда, кто былъ окромя его и кого я видѣлъ, тогда и взыскъ съ него будетъ вдвое: перво, чтобъ не дурилъ, второе, чтобы не запирался ... Ступай! ... Веди его съ глазъ моихъ долой ...

Староста потянулъ Кириллу за рукавъ рубашки, и тотъ, весь блѣдный, не поднимая головы, повернулся было, чтобы идти за нимъ, какъ вдругъ Ѳедосья Осиповна съ воплемъ бросилась въ ноги къ отцу.

— Батюшка, Ѳедотъ Семенычъ, что ты хошь дѣлать? Неужто? ... Да какъ же ты это хошь на всемъ міру осрамить его? ... А еще женить хочешь! Какой-же онъ будетъ женихъ? ... Чтой-то ты ... Старшиновъ сынъ да на міру ... Погодь, батюшка. Григорій Сидорычъ, погодь, не води ...

— Ступай, ступай, Григорій, не слушай ... У отца отбился отъ рукъ, такъ пускай міръ судитъ ... Правъ, такъ міръ и оправитъ, а виноватъ, такъ пускай всѣ знаютъ, что я сыну не потатчикъ, чтобы и другимъ не повадно было, на него глядя, что старшиновъ сынъ ... Веди, говорятъ! — прикрикнулъ онъ на старосту.

Тотъ уже безъ церемоніи взялъ Кириллу за руку и вывелъ изъ избы.

Ѳедосья Осиповна между тѣмъ и визжала, и ревѣла, и бранила мужа, и порывалась-было броситься вслѣдъ за сыномъ, но Ѳедотъ Семенычъ остановилъ ее.

— Полно блажить! — говорилъ онъ женѣ. — Небось, головы не снимутъ, а поучатъ, — такъ для него же въ пользу ... Ранѣ бы надо думать да учить, а не баловать, не потакать ... Испортила парня, а

теперь ревѣть ... Вонъ вѣдь они ужъ на что пошли: таскаютъ у отцовъ-то да носятъ къ Ѳедюшкѣ. Такъ мнѣ дожидаться, чтобы онъ, сынъ-то мой, совсѣмъ воромъ сталъ?

— Такъ на что на міру-то? Ты бы самъ, изъ своихъ рукъ родительскихъ. Кто за него теперч пойдетъ, какая? ...

— Я передъ сватомъ Герасимомъ не таился: все про него разсказалъ; а передъ міромъ мнѣ и подавно таиться не слѣдъ: мы на-міру живемъ ... Давно ужъ я до ребятъ деревенскихъ добирался, давно и слышу, и вижу, что непутное ребята творятъ, такъ что же мнѣ, по твоему, своего покрывать, а другихъ выставлять али изъ-за своего и о другихъ молчать: пущай балуются?

— Такъ вѣдь ты, чай, старшина, а онъ твой сынъ, а тѣ — рядовые.

— Сегодня старшина, а завтра опять рядовой мужикъ ... Нечего гордыбачить-то: мы не господа; міръ-то и меня судить можетъ, не то экого пострѣла ... Да что съ тобой толковать: не докучай мнѣ ... Давно ужъ я тебѣ говорю: смотри за сыномъ, не балуй, не давай повадки, а мнѣ лучше сказывай, коли ежели что примѣтишь; а ты, напротивъ того, только покрывала его ... Вотъ и нажила: и пьяница, и воришка сталъ. Молчи, говорятъ, — не надсаждай меня: безъ того тошно ... Никто, сама довела! ... А еще реветъ, воетъ: невидаль, экого принца на сходѣ поучатъ! ... Подѣломъ ...

— Да я только что ... Какъ же женить хотѣлъ: сватовъ посылать? — говорила Ѳедосья Осиповна, тихо всхлипывая и вздрагивая плечами. А теперь что же будетъ? ...

— А то же и будетъ: его поучатъ передъ новой-то жизнью; а ты сватовъ посылай, хошь сегодня же и посылай ...

— Да за него не пойдетъ теперь, пожалуй, и Анна-то ... Лестно ли: на міру сѣченный ...

— Небось, Герасимъ на это не посмотритъ: Анна все равно пойдетъ ...

— Тоже и я думала, что хошь не больно важную невѣстку возьмемъ, да по крайности хошь почитать меня будутъ и она, и семья, что въ экой домъ идетъ, за старшинова сына ... А теперь что, батюшки мои: хорошъ старшиновъ сынъ, на-міру сѣченный! Какого ждать почтенія? Чуть что, такъ сейчасъ и попрекнутъ, и скажутъ: ты, сватьюшка, не больно, молъ, заносись, мы еще для васъ сдѣлали, что за такого дочку отдали, что на всемъ на-міру ... А, батюшки мои, стыдобушка моя, какъ на людей смотрѣть, какъ за окно выглянуть! ... Да и ему-то на невѣсту-то будетъ стыдно глядѣть, глазъ на нее не поднять ... Кирюшенькѣ-то ...

— А мнѣ то и нужно, чтобы ему стыдно противъ нея было, чтобы онъ не больно зазнавался, а слушался ее: помнилъ бы, какая мѣтка на него положена за его художества ... Ну, да будетъ же, говорятъ: перестань! ...

Ѳедосья Осиповна продолжала молча плакать и отъ времени до времени хватала себя за голову и покачивалась, сидя на лавкѣ.

Между тѣмъ на сходѣ шелъ разборъ дѣла.

Кирилла сначала во всемъ было запирался, но подъ угрозой увеличеннаго взысканія за запирательство началъ выдавать одного за другимъ и всѣхъ своихъ товарищей.

— Что же вы тамъ дѣлали? — спрашивали его.

— Что дѣлали? Ничего ... Чай пили.

— А водку лопали? ...

— Малость самую ...

— А кто деньги платилъ?

— На мой счетъ.

— А ты гдѣ взялъ?

— Въ долгъ повѣрилъ Ѳедоръ Гаврилычъ.

— А чѣмъ же бы ты заплатилъ?

— Досталъ бы.

— Досталъ! ... Гдѣ тебѣ, братецъ, достать?

— Матушка бы дала: она радѣльна ко мнѣ ...

— И завсегда на твой счетъ пили, прежъ того когда бывало?

— Гдѣ завсегда: всякій за себя платилъ ...

— Гдѣ же брали?

— А я почему же знаю: не мое дѣло ...

— Значитъ, у отцовъ таскали ...

— Въ этомъ я не знаю.

— Ахъ, вы, мошенники, мошенники, разорители! ... Ты, Кирилла, сказывай, потому какъ батька намъ тебя на всю нашу волю отдалъ ...

— Да что же, господа-міряне, простите Христа-ради; я не одинъ бывалъ, гдѣ-жъ мнѣ знать про всѣхъ ... Спросите другихъ.

— Допроси моего, допроси, робя, — заявилъ одинъ изъ отцовъ, а за нимъ того же потребовали и прочіе, у кого были обвиняемые.

Начали спрашивать и узнали многое, узнали, куда скрывались овесъ, рожь, ленъ, колоколецъ и т. п. Сходъ взволновался противъ Ѳедора Гаврилова.

— Что же онъ нашихъ робятъ портитъ! ...

— Разѣ ему можно отъ робятъ примать по ночамъ, тайнымъ манеромъ?

— Ночью онъ не моги торговать ...

— Ночное дѣло, знамо: все украсть можно ... Не примѣтишь ...

— А онъ примаетъ ... робятъ портитъ! ...

— Парень, онъ, извѣстно, робенокъ ... Другой не понимаетъ, а изъ дома тащитъ ...

— Теперь онъ всѣхъ насъ пограбилъ ...

— Пограбилъ и есть: гдѣ колоколецъ-отъ? Мѣдный колоколецъ былъ у меня, а онъ у него ...

— А у меня цѣлый конецъ суровины: къ нему же выходитъ ...

— Можетъ, онъ не то, что ... а однимъ хлѣбомъ сколь набралъ ... Отпуститъ на гривенникъ, а беретъ на полтину, потому они тайнымъ маneромъ ...

— Опять же ночью ...

— Какъ можно, братецъ: она ночь — не видно! ...

— А они таятся: бери, что хошь, съ нихъ ...

— Теперь съ него мало три ведра за это художество спить нужно! — подалъ кто-то мнѣніе. — И то не выворотишь ...

— Что три ведра: выворотишь ли этимъ? ...

— А вотъ его, мошенника, нажать нужно, чтобы онъ зналъ ...

— Позвать его на сходъ-отъ: постращать, пущай знаетъ ...

— За это, братъ, не похвалятъ: дѣло поднять, оно острогомъ пахнетъ, потому ночью ...

— Острогомъ! ... Мало острогъ — въ Сибирь угодитъ, потому они, робята, не понимаютъ, опять же въ сукрытности ...

— Позвать его, робя ...

— Знамо, позвать ... Неужто такъ и ...

Порѣшили послать за сидѣльцемъ, а между тѣмъ

произвести расправу съ виноватыми. Но Θедоръ на сходъ не пошелъ: онъ уже былъ увѣдомленъ благопріятелями о всемъ, что происходило на сходѣ, начиная съ предложенія Θедота Семеныча объ отказѣ ему въ арендѣ кабака до подробностей допроса обвиняемыхъ, и отвѣчалъ посланному:

— Нечего мнѣ тамъ дѣлать ... Я при своихъ обязанностяхъ ... Я не деревенскій: что мнѣ вашъ сходъ ... Вашему сходу меня не судить.

Когда этотъ отвѣтъ былъ переданъ, мужики обидѣлись и надумали идти сами всѣмъ сходомъ къ кабаку, чтобы вызвать Θедора на объясненія, и, если можно, понажать и выворотить съ него хоть что-нибудь, въ вознагражденіе причиненныхъ имъ убытковъ.

Толпа подошла къ кабаку и остановилась передъ входомъ въ него. Староста отворилъ двери и увидѣлъ Θедора Гаврилова, который стоялъ за стойкою, точно въ крѣпости, съ гордымъ и вызывающимъ видомъ, готовый къ оборонѣ.

— Повыдь-ко сюда, Θедоръ Гаврилычъ, сказалъ староста.

— Что такое требуется, за какой надобностью? — спросилъ пренебрежительно Θедоръ, не трогаясь съ мѣста.

— Обчество желаетъ тебя ... поговорить, — объяснялъ староста, стоя въ отворенныхъ дверяхъ кабака и не переступая порога.

— Какіе такіе разговоры? Съ долгами, что ли, пришли, такъ пускай входятъ одинъ по одному: у меня всѣ переписаны, за кѣмъ сколько, сейчасъ разсчетъ сдѣлаемъ ...

— Обчество на тебя въ обидѣ ...

— Какая такая обида? ... Не я бралъ, у меня

занимали ... Кажется, жду довольно, а больше и ждать не стану, пора и поплатиться.

— Не про то, — заговорилъ-было староста.

— А про что же? — перебилъ его Ѳедоръ нахальнымъ тономъ.

— А на что робятъ нашихъ по ночамъ пріучилъ къ себѣ ходить? ...

— У меня по ночамъ кабакъ запертъ, а въ домъ я къ себѣ могу гостей принимать за всякое время ... для собственнаго времяпровожденія ...

— Балуются они: сейчасъ стегали ...

— Ваше дѣло ... А мнѣ-то что изъ того? ...

Староста былъ всегда въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Ѳедоромъ, и потому, хотя не считалъ себя въ правѣ уклониться отъ порученія общества, но старался говорить съ сидѣльцемъ по возможности дружелюбно. Во время его переговоровъ вся толпа, остановившаяся-было на улицѣ въ ожиданіи выхода сидѣльца, мало-по-малу сдвигалась впередъ и сгрудилась за спиною старосты.

— Ты чего-жъ о себѣ полагаешь: не взбучимъ, что ли, тебѣ бока-то? — послышался вдругъ изъ толпы чей-то голосъ.

— Коли вы съ разбоемъ пришли, такъ вѣдь я караулъ закричу, — сказалъ, вдругъ поблѣднѣвши, Ѳедоръ Гавриловъ. — Староста, ты что же это смотришь? ...

— Постой ... да не въ томъ ... Чтой-то, робя ... Разѣ такъ слѣдъ? ... Постой, Ѳедоръ Гавриловъ, это что ... непутевыя слова ... А какъ, напримѣръ, прималъ отъ ребятъ, — говорилъ староста.

— По ночамъ, — перебилъ кто-то изъ толпы.

— Всякимъ обощомъ ...

— И колоколецъ ...

— Постойте, погодите, — останавливалъ старо-

ста. — Разѣ такъ, ребята? ... Что же будетъ изъ этого ... Ахъ! ...

— Постойте, постойте ... Пущай староста! — заговорили въ толпѣ.

— Вотъ обчество и сумлѣвается, — продолжалъ староста, обращаясь снова къ Өедору Гаврилову, — насчетъ, что робята таскали, значитъ, къ тебѣ ... всякаго харчу ...

— Отъ отцовъ, — подсказалъ какой-то нетерпѣливый сзади.

— Сутайно ... ночью, — подхватилъ другой.

— Да постой же, робята ... Эхъ-ма! ... Вотъ обчество и въ обидѣ на тебя, зачѣмъ принималъ отъ робятъ.

— Никогда ни отъ кого не принималъ: все это враки ... пустое дѣло! — возразилъ Өедоръ.

— А какъ же не принималъ? Водку же пили, чаемъ поилъ? ...

— И въ карты, — снова подсказали сзади.

— Ну, такъ что съ того, ежели и чаемъ поилъ, и водки подносилъ, коли такое мое желаніе угостить? ... Ты развѣ гостей своихъ не привѣчаешь, не подчуешь? ...

— Такъ вѣдь то, Өедоръ Гаврилычъ ... то не въ продажу, а за любовь ...

— А почто же бралъ? — заговорило нѣсколько голосовъ сзади. — Хлѣбомъ бралъ, мукой, овсомъ ... А гдѣ ленъ-отъ? ... У меня масла горшокъ пропалъ! ... Курицъ сожралъ! ... Колоколецъ мѣдный! ... Грабитель! ... Радъ жилы вытянуть ... За это острогъ бываетъ ... Сибирь! ...

Өедоръ Гаврилычъ переждалъ этотъ взрывъ.

— Да коли я вамъ сказываю, что эту амбицію я держалъ: за любовь подчивалъ, ничего не бралъ ...

— Вишь ты, не бралъ ... Святъ мужъ! ...

— А дай росписку, что ты не бралъ, а у насъ свидѣтели есть ...

— Кто у васъ свидѣтели: ребята-то? Такъ вы ихъ слушайте больше: они и не то наврутъ ... Какіе они могутъ быть свидѣтели, коли они сами виноваты: таскали у васъ, сами вы ихъ стегали ... Развѣ ихъ въ свидѣтели примутъ? ...

— А ты вотъ что, ты, Ѳедоръ Гавриловъ, выставь намъ три ведра, вотъ и съ концомъ дѣло ...

— Это за какія такія благотворенія ваши?

— Да ужъ такъ выставь — за любовь: мы отъ тебя и отступимся ... Чортъ съ тобой, пропадай наше! ...

— Да съ какой-такой пріятности буду я выставлять-то?

— А съ того пріятнаго: мы теперь на тебя въ обидѣ, а ты рендатель нашъ. Мы черезъ тебя нашихъ робятъ выстегали, а ты черезъ насъ живешь ... Вотъ выставь, и ровно какъ промежъ насъ ничего не было ...

— Больно жирно будетъ ... Живу я черезъ васъ! — Нѣтъ, вы бы вотъ сначала долги-то поплатили ... Сегодня я арендаторъ вашъ, а завтра, можетъ, и нѣтъ, а я безъ своего не уйду, мнѣ мое отдай: у меня за всякимъ писано: сколько за кѣмъ ... Я безъ того не уйду ...

Во время этого разговора и перебранки, сзади стоящіе протолкнули старосту черезъ дверь внутрь кабака и вошли вслѣдъ за нимъ, и теперь все общество находилось уже лицомъ къ лицу съ Ѳедоромъ Гавриловымъ.

— А ты вотъ что ... Ѳедоръ Гаврилычъ, ты вотъ что, — уговаривалъ его староста. — Постойте,

робята ... Ты не въ обиду, на что въ ссору, а ты сдѣлай обчеству въ удовольствіе, коли ежели обчество желаетъ: ну, поставь два ведра ... Мало ли промежъ людей что бываетъ! ... Такъ ли, братцы, я говорю? ...

— Такъ точно: ты для насъ постарайся, и мы для тебя постараемся, — отвѣчали болѣе умѣренные изъ толпы.

— Потому намъ своего жалко: мы своихъ робятъ-то стегали, не чужихъ, а изъ-за кого? Все изъ-за тебя, все твои штуки ... твое послабленье ... Коли ежели что, можно тебя и къ отвѣту ...

— Извѣстно: наше подай, не чужое ... А на согласъ не пойдешь, можно и ... — кричали крайніе, напирая на стойку. — Вашего брата, знаешь, какъ можно поучить ...

— Да ты на стойку не лѣзь; чего на стойку лѣзешь? ... Здѣсь бунтовать нельзя ... Тутъ часть казенная: бунтовать не позволяется ... Отвѣтишь! — стращалъ Ѳедоръ Гаврилычъ.

— Зачѣмъ лѣзть ... Не лѣзь, робята, — уговаривалъ староста. — Тутъ дѣло любовное и вправду ... Что безъ пути шумѣть? Мы для него, а онъ для насъ ... Вотъ, любовное дѣло! ...

— Такъ чего же онъ очень ... Ужъ немного и то, кажись: на все-то обчество два ведра ... Можно бы, кажется ... Рендатель тоже ... Можно и поклониться міру ...

— Поклониться! ... Было бы изъ чего кланяться-то ... Вамъ всякое ублаготвореніе дѣлаешь, а вы что затѣвали на сходѣ со старшиной-то своимъ? ... Рендатель ... да! ...

— Ну, мало ли что на міру говорится, Ѳедоръ Гаврилычъ, — заискивающе возражалъ староста. — Мало ли что говорится, да не все то дѣлается.

— Чего не дѣлается? ... Приговоръ обѣщали написать ... Что, думаете, испугали, что ли? ... Не думай ... Я себѣ мѣсто найду еще получше вашего ... А вотъ какъ платить придется, кто займовалъ, такъ тутъ еще увидимъ, кто кому кланяться будетъ ... Кой не долженъ-то? Ну-ка! ...

Большинство мірянъ притихло и опустило глаза въ землю. У Ѳедора Гаврилыча пробѣжала по лицу торжествующая злобная улыбка.

— Эфти долги ни въ какомъ законѣ не писаны ... Не пужай: не страшно! ... Долги-то кабацкіе: ихъ никой судъ не судитъ, — послышались голоса изъ заднихъ рядовъ. — Бога не побоимся: ни съ чѣмъ уйдешь ...

Улыбка исчезла съ лица Ѳедора; глаза его быстро забѣгали и заморгали.

— Такъ вы что? — Безо всякой безъ совѣсти, что ли? — заговорилъ онъ быстро. — Во всякомъ рублѣ съ васъ росписку, что ли, брать? ... Креста-то нѣтъ, что ли, на васъ? Запрется, такъ подъ присягу подведу! ... Не всѣ, чай, душу-то чорту продали ...

— Это, братъ, нонѣ не требуется: не пужай! — послышались опять голоса сзади. — Не пойду, такъ силой не поведешь подъ присягу. Шалишь! ... Нонѣ воля ... къ этому. Подписки нѣтъ — и шабашъ, ступай домой. Самъ мировой не присудитъ: это намъ тоже довольно извѣстно ...

Ѳедоръ Гаврилычъ видимо смутился, но старался скрыть свое безпокойство и собирался возражать; но вмѣшался староста.

— Ну-ка, полно и вы, ребята, и ты тоже, Ѳедоръ Гаврилычъ ... отстань-ка ... Почто свариться! ... Ну, какъ это возможно, чтобы, напримѣръ, взялъ

на совѣсть да не отдавать?... Ну, что брехать зря? ... И ты, Ѳедоръ Гаврилычъ, не ссорься ты съ міромъ: вишь, желаютъ, ну, и ты потрафь, потому и твоя оплошечка была насчеть ребятъ ... Ну, разобьемъ грѣхъ пополамъ: выставь полтора ведерка — вотъ и дѣло съ концомъ ... Что тебѣ составляетъ? Для всего обчества? ...

— Да опейтесь: я вамъ, пожалуй, полъ-ведра выставлю ... Наплевать! ... Только, что мнѣ, коли такъ, на всемъ міру учетъ сдѣлать и за руками подписку дать: сколь, значитъ, за кѣмъ состоитъ, а староста чтобы печать приложилъ ... Вотъ съ тѣмъ, пожалуй, такъ и быть, полъ-ведра ставлю.

— Полтора поставишь ... Подписку?! Поставь полтора! ... Мало: два катай! — заголосила толпа.

— Жирно будетъ, облопаетесь: полъ-ведра больше не дамъ ...

— Два! ... Полтора! Надбавь, чортъ ... Для тебя же! ... Только что ко времени дѣло-то, передъ ѣжой, а то бы на трехъ стоять ... Три бы выставилъ ... Подписку! ... Безъ подписки не обманемъ ... У насъ вѣрно, какъ передъ истиннымъ ... Взялъ и отдалъ ... Полтора, робята, на томъ стоять ...

Ѳедоръ подъ шумокъ шептался со старостой, поторговался еще и, наконецъ, согласился на ведро. Толпа получила двѣ огромныхъ бутыли и съ шумомъ, со смѣхомъ, съ прибаутками, вывалила изъ кабака и выбрала мѣсто для пиршества на лужку, за околицей.

VII.

Ѳедотъ Семенычъ ожидалъ возвращенія сына со схода. И онъ, и мать увидѣли его въ окно: Кирилла шелъ медленно, опустя голову, жался къ из-

бамъ, какъ бы стараясь скрыться отъ людскихъ глазъ. Ѳедосья Осиповна, увидѣвши его, всплеснула руками, завопила и поднялась-было, чтобы бѣжать на встрѣчу сына. У Ѳедота Семеныча тоже болѣзненно сжалось сердце, на глазахъ навернулись слезы, но онъ перемогъ себя и сурово остановилъ жену.

— Перестань остатки портить парня ... Дай ему хошь маленько въ совѣсть-то придти: вѣдь не за хорошее его учили-то ... Не ходи, отстань ... Подождемъ здѣсь, что̀ отъ него будетъ ...

Ѳедосья Осиповна повиновалась и опять сѣла. Но Кирилла не вошелъ въ избу, а прошелъ въ горницу. Родители слышали, какъ онъ протопалъ по сѣнямъ и хлопнулъ дверью въ свѣтелку.

„Знать, тоже стыдно: совѣсть-то есть же хоть немножко ...“ подумалъ Ѳедотъ Семенычъ и обратился къ женѣ:

— Ты побудь здѣсь, не ходи: я съ нимъ одинъ на одинъ потолкую.

Когда старикъ вошелъ въ горницу, Кирилла лежалъ на кровати, отворотясь лицомъ къ стѣнѣ. Онъ не пошевелился даже, когда услыхалъ стукъ затворившейся двери и узналъ шаги отца.

Ѳедотъ Семенычъ остановился среди комнаты.

— Что̀, безсовѣстный, что̀, огорчитель мой? До чего себя довелъ? ... На что ужъ пошелъ: у отца воровать да по ночамъ пропивать, въ карты проигрывать ... Что лежишь? Что отъ свѣта-то отворотился? Слышь ли?

Кирилла молчалъ.

— Я съ тобой говорю али нѣтъ? ... Чего уткнулся, что̀ молчишь? ... Отецъ тебя спрашиваетъ.

Ѳедотъ Семенычъ гнѣвно возвысилъ голосъ.

— Головушка не поднимается ... Расшибло

всего ... Силушки моей нѣтъ, — проговорилъ Кирилла, стараясь сдѣлать голосъ жалобнымъ.

— Съ перепою тебя расшибло-то: хорошо, кабы съ совѣсти ... Ты бы подумалъ, каково отцу-то ... Ужъ, видно, парень отъ рукъ отбился, коли отецъ самъ на сходъ отвелъ, изъ своихъ рукъ поучить не захотѣлъ ... Вотъ въ чемъ срамота-то! ... Старшиновъ сынъ, а его на-міру, на всемъ сходѣ! ... Да ты встань, ничего, это заживетъ, нечего прихериваться-то, а ты встань да рожу-то свою мнѣ покажи: есть ли въ глазахъ-то у тебя совѣсть? ... Ты у отца-то ...

Но въ это время въ свѣтелку влетѣла, подслушивавшая за дверьми и не выдержавшая наплыва нѣжности и жалости къ сынку, Ѳедосья Осиповна. Съ рыданіями бросилась она на сына, собиравшагося встать передъ отцомъ.

— Батюшка ты мой, горькой мой! — причитала она. — Испрокудили тебя, изсрамили тебя, истиранили, можетъ, косточки здоровой нѣтъ, да и того еще мало ... Чтò тебѣ еще, — обратилась она къ мужу: — чего тебѣ еще нужно отъ него? ... Дай хоть оклематься парню: може, и самъ-дѣлѣ ноженьки-то не стоятъ, радъ до логова-то добрался ... Что еще мушкаришь-то его, что мучаешь-то? Вѣдь въ самъ-дѣлѣ твой сынъ-то, не чужой: что ты его тиранишь, извести, что ли, вовсе хочешь? ... Такъ на вотъ, изводи лучше — тирань меня, а не ежели глазанькамъ моимъ на это смотрѣть ... Въ нутрѣ вѣдь ты у меня ножомъ ворочаешь, душу изъ меня всю вымоталъ ... Побойся Бога, дай отдышку, не изводи парня вовсе.

Ѳедотъ Семенычъ слушалъ, слушалъ жену, наконецъ, махнулъ рукой, плюнулъ и пошелъ вонъ изъ горницы,

— Слушай ты, Кирилла, — сказалъ онъ, собираясь отворить дверь, — мать тебя губитъ отъ своей любви, а я тебя, можетъ, люблю не меньше, только погибели твоей не желаю … И впередъ ты знай: хошь и женю тебя, а если въ чемъ непутномъ опять попадешься, ослабы тебѣ не дамъ и изъ своихъ рукъ взыскивать не стану, а опять на всемъ на-міру, на всемъ срамѣ, да ужъ такъ, что, пожалуй, самъ и не встанешь … Помни это … Или выбью я изъ тебя дурь, человѣкомъ сдѣлаю, или ты ужъ такъ — на горе мнѣ отъ Бога данъ …

Ѳедотъ Семенычъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ въ избѣ у стола, облокотился головой на руки и задумался. Жена осталась около сына и не выходила къ мужу. Потомъ старикъ велѣлъ работнику заложить себѣ лошадь, сѣлъ править самъ и поѣхалъ въ Чернушки: онъ надумалъ повидаться, поговорить съ Герасимомъ, разсказать все, что̀ случилось, и кстати поглядѣть поближе и попристальнѣе на Анну.

Дорога ему шла какъ разъ мимо того мѣста, которое крестьяне Ступинскіе выбрали для своей попойки, разсчитывая укрыться отъ глазъ старшины, если-бы онъ поѣхалъ въ волость, т. е. въ совершенно противоположную сторону.

Издали еще Ѳедотъ Семенычъ слышалъ гамъ и говоръ пьяной толпы, а когда выѣхалъ за крайнюю избу, то съ телѣги ясно увидѣлъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, сзади крайняго овина, всю пирующую компанію, сидящую вокругъ двухъ огромныхъ зеленыхъ бутылей. Староста и еще одинъ мужикъ то и дѣло наливали изъ этихъ бутылей и по очереди подносили налитые стаканы одному мужику за другимъ. Ничего нельзя было разобрать въ пьяномъ говорѣ, но видно было, что онъ веселый, друже-

любный, сопровождался смѣхомъ и оживленными движеніями.

— Съ чего это они? — невольно спросилъ самъ себя старшина. — Неужто съ радости, что сыновей-то поучили?... Чудное дѣло!... Я вотъ убиваюсь съ горя, а имъ ничего ...

Онъ привязалъ лошадь къ огороду и пошелъ къ пирующимъ. Его скоро замѣтили ...

Въ кругу сдѣлалось волненіе, собесѣдники затихли, начали подниматься на ноги, поталкивали другъ друга въ бокъ; одинъ догадливый мужикъ, желая скрыть бутыль, надѣлъ на нее свою шапку, но она покрыла только одно горло; нѣкоторые невольно засмѣялись, но сейчасъ спохватились и перестали. Всѣ знали, что старшина ненавидитъ пьянство.

— Съ какой радости, братцы? — спросилъ старшина, подходя и отвѣчая на поклоны.

Всѣ молчали. Выступилъ и какъ-то бокомъ подошелъ къ старшинѣ староста, весь красный, выпивши, очевидно, по праву представительства, больше другихъ. Подходя, онъ покачивался, кланялся и, растопыривъ передъ грудью правую руку, повертывалъ ею.

— Виноваты, Ѳедотъ Семенычъ, всѣмъ то-ись сходомъ ...

— Съ какой, я говорю, радости-то? — перебилъ его Ѳедотъ Семенычъ, взглядывая на него укоризненно.

— Съ того самаго, Ѳедотъ Семенычъ, съ огорченія, что проштрафились наши робята ... И очинно намъ прискорбно ... Всѣ дѣла, выходитъ, врозь ... Отбиваются наши робята, да и на-поди ... Вотъ мы всѣмъ міромъ ... разсудить ... какъ быть, что дѣ-

лать ... потому разоренье наше пришло ... совсѣмъ ... Въ раззоръ разоряютъ робята ...

— Такъ вы это имъ въ примѣръ деньги-то сорите? ... Сегодня только-что сыновей пороли, зачѣмъ на водку деньги воруютъ да мотаютъ, разоряютъ васъ, а сами пошли, сложились да и пьянствовать ... Хорошо родительское наставленіе: будетъ прокъ изъ него ...

— Да вѣдь мы не на свои, — Өедотъ Семенычъ ... не на свои ... Мы своихъ — ни Боже мой, — объяснилъ одинъ изъ подгулявшихъ съ откровенностью и сообразительностью пьянаго.

Многіе хотѣли остановить его знаками и толчками, но онъ не замѣчалъ ихъ и лѣзъ къ старшинѣ.

— Какъ не на свои, на чьи же? На чужія, что ли? ...

— Такъ точно ... Өедька выставилъ ... Какъ можно, чтобы на свои: ни Боже мой ... Мы не можемъ ...

— Өедька! ... За что же это онъ вамъ выставилъ?

— А за нашу пріятность ...

— Это все въ той причинѣ единственно ... Өедотъ Семенычъ, — старался перебить староста, — что, значитъ, все обчество въ перетензіи насчетъ его ... насчетъ Өедьки самого ... а онъ старается заслужить ...

— А мы не уважимъ ему! — подхватилъ откровенный мужикъ. — Ты, Өедотъ Семенычъ, ваша честь ... не сумлѣвайся ... Ты старшина нашъ ... Мы тебя и уважаемъ ... Онъ говоритъ — подписку, а мы ...

— Это насчетъ той причины, Өедотъ Семенычъ,—

вмѣшался опять староста, — что всякой нуждается ... и теперича всякой заимствуется у него ... у Ѳедьки ... А заплатить ему нечѣмъ ...

— А мы его не желаемъ ... Мы ... хошь сейчасъ приговоръ, чтобы не было ... Староста, а староста! ... Пиши приговоръ! ... Бери руки, печатай! ... Гдѣ у тебя печатка? ... Клади! ... Чтобы не было ... Потому онъ нашихъ робятъ ... Мы для тебя, Ѳедотъ Семенычъ, всей душой ...

— Безстыдники вы! Я съ вами завтра съ тверезыми потолкую, — сказалъ Ѳедотъ Семенычъ, махнувши рукой. — А старосту завтра оштрафую.

Ѳедотъ Семенычъ повернулся и пошелъ прочь.

— За что же, Ѳедотъ Семенычъ? ... Коли ежели все обчество ... я долженъ, — говорилъ ему вслѣдъ староста ...

— Ты долженъ, такой-сякой, — сердито обернулся старшина, — не пьянствовать вмѣстѣ съ обществомъ, коли ты староста, а отговаривать его ... Какой ты староста, ты къ кабаку коноводъ ...

— Да снимите съ меня медаль-то эвту ... Я въ ножки поклонюсь ... Что мнѣ въ антересъ, что ли, пятнадцать-то рублей въ годъ? ... Я, може, своихъ вдвое ... Мнѣ этотъ чинъ ... хошь сейчасъ сними, — говорилъ староста.

Но Ѳедотъ Семенычъ не слушалъ его, влѣзъ въ телѣгу и уѣхалъ.

Толпа смотрѣла нѣкоторое время вслѣдъ ему; потомъ опять усѣлась на прежнее мѣсто.

— Ишь ты его, нанесетъ! — говорилъ одинъ.

— Съ обчествомъ, братъ, ничего не подѣлаешь: потому не одинъ, всѣмъ міромъ, — соображалъ другой.

— Чинъ! ... Съ меня, пожалуй, сними чинъ-отъ;

съ моимъ полнымъ удовольствіемъ! — повторялъ староста.

— Послужи, братъ, ничего ... Эй, староста! ничего, для обчества! ... Наливай-ка ... Полно ...

И сходъ продолжалъ своимъ порядкомъ.

А Ѳедотъ Семенычъ ѣхалъ и думалъ:

— И отчего это одинъ человѣкъ въ другого не выйдетъ: всякой по-своему ... А соберутся въ кучу — всѣ по одному? ... Вотъ даве и слушали, и дѣло толковали, и съ ребятъ взыскали, все какъ слѣдуетъ, и Ѳедюшку обѣщали прогнать; а теперь, на, поди, пьютъ на его счетъ ... Угощенье примаютъ, значитъ, мировая промежъ нихъ, за любовь дѣло пошло ... Ну, ужъ нѣтъ, этому-то не бывать: своротчу на свою сторону ... Знамо, и другой то же затѣетъ, не хуже — не лучше его будетъ, а все-жъ-таки, пущай хошь страхъ, хошь примѣръ какой будетъ ... И неужто же вся эта причина изъ-за вина только? Изъ-за бѣдности, изъ-за нужды — такъ надо полагать: вѣдь вонъ кто постепеннѣе-то, позажиточнѣй, со схода-то домой пошли, а не въ кабакъ: вѣдь нѣтъ же вотъ съ ними Ѳедора Зиновьева, ни Якова Петрова, ни Ивана Захарова, а все больше одна-то шавель, сбродъ, бѣднота ... Да это отъ нужды: нѣтъ у него ничего беречь, не къ чему прибавлять, онъ и тащитъ послѣднее въ кабакъ: башку-то ошарашитъ, ну, ему и весело, и забылъ все: хошь трава не рости ... А другой съ примѣру, вотъ что и мой же: видитъ — люди въ кабакъ, пьютъ: ну, какъ же ему-то отстать, пошелъ за другими, а тутъ и понравилось, и завертѣлся ... Знамо, кабы мать была другая ... съ понятіемъ ... Эхъ, Господи милостивый, неужто ужъ его и баба-то не справитъ; такъ и западетъ парень совсѣмъ? Не при-

веди, Господи, видѣть: ужъ этотъ не отъ горя, не отъ нужды ... Отъ скупости, чу, отъ моей ... Эхъ, пустыя то слова!... Ужъ коли и говоришь ему, и бьешь, и учишь, а онъ не унимается, такъ что̀ бы онъ началъ творить, кабы волю-то да денегъ дать ... Да вотъ посмотрю, коли женю, попытаю, дамъ слободку — что̀ будетъ ...

Ѳедотъ Семенычъ подъѣхалъ къ Герасимовой избѣ. Она была срублена изъ толстыхъ, ровныхъ, точно подобранныхъ одно къ одному бревенъ; наличники оконъ были рѣзные, по коню крыши шла рѣзьба, по лбу избы спускались кружевныя полотенца; новыя ворота пробиты гвоздями съ жестью, а солома на крышѣ двора лежала плотно и гладко, точно сейчасъ была обряжена.

— Видать хозяина!—подумалъ старшина.—А эти узоры-то Петрушка, Герасимовъ сынъ, видно, удосужился: сказываютъ, рушенъ больно парень ко всему ... Вотъ бы мнѣ экого-то сына.

Ѳедотъ Семенычъ невольно вздохнулъ.

Изъ избы увидѣли Ѳедота Семеныча, и второй сынъ Герасима, мальчикъ лѣтъ 17-ти, Ѳедюша, отворялъ ворота и вынималъ подворотню.

— Пожалуйте, Ѳедотъ Семенычъ, въѣзжайте,— говорилъ онъ, прожевывая кусокъ, съ которымъ выскочилъ изъ-за стола, такъ какъ вся семья полдничала.

— Твои затѣи-то?—спросилъ его Ѳедотъ Семенычъ ласково, показывая на рѣзьбу, украшающую домъ. — Узоры-то?

— Да, я побаловываюсь когда, — на слободѣ, — конфузливо отвѣчалъ парень.

— Кабы мой-то этакъ баловался! — подумалъ Ѳедотъ Семенычъ и опять вздохнулъ.

Вся семья встрѣтила дорогого гостя, и съ нею онъ вошелъ въ избу. На столѣ лежалъ коровай хлѣба, стояла деревянная солонка, чашка съ варевомъ. Ложки валялись вокругъ.

— Вишь ты, да я вамъ никакъ полдничать помѣшалъ, — сказалъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Какое помѣшалъ, Ѳедотъ Семенычъ,—отозвался Герасимъ: — развѣ экіе дорогіе гости коли мѣшаютъ? ... Можно и отставить: поспѣемъ, да почитай и кончили ... А то, коли не побрезгуешь нашимъ хлѣбомъ-солью ... Чѣмъ богаты ...

— Нѣту, зачѣмъ отставлять: вы кончайте ... Поѣлъ бы и я съ вами, да ничто не хочется; вотъ развѣ испить ...

— Мы самоварчикъ про тебя справимъ ... Своего-то нѣтъ, а въ деревнѣ водится. Подь-ка, пошли Ѳедюшку,—сказалъ Герасимъ, обращаясь къ высокой дѣвкѣ, стоявшей у печки.

— Онъ ужъ побѣгъ за самоваромъ-то, — отозвалась она. — Я велѣла ...

— Ну, ладно коли ...

— Вотъ такъ ужъ напрасно это,—говорилъ старшина: — я вѣдь, что ты, не больно пристрастенъ къ чаю-то: дома-то по праздникамъ только когда, не заурядъ ... Ужъ только, что парень-то убѣгъ, а то бы вовсе не надо ...

— Нельзя безъ эстаго ... гость ты у насъ рѣдкостный, — отвѣчалъ Герасимъ. — Ну, коли, ребята, садись да доѣдай скорѣе ... Да убирайте: я-то ужъ не стану, сытъ ... Анна, припасай имъ, что еще у тебя тутъ ... Вотъ не чаялъ гостя дорогого,—продолжалъ онъ, подсаживаясь къ Ѳедоту Семенычу, который пристально смотрѣлъ на Анну, суетившуюся около печки.

— Экая семья-то у тебя благословенная, — проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ, оборачиваясь къ Герасиму.

— Да, благодарить Создателя ...

— Больно ужъ проворны да догадливы: и ворота отворяютъ, и лошадь примаютъ, и за самоваромъ бѣгутъ ...

— Ничего ... Слава Богу, — промолвилъ Герасимъ и благодушно ухмыльнулся. — Живемъ пока въ согласіи.

— Неужто всѣ въ одной избѣ-то живете?

— Нѣтъ, позадь двора еще есть избенка махонькая, тамоди женатый-то, Алексѣй-то: сюда только ѣсть ходятъ съ женой ... А вотъ зимнимъ дѣломъ по вечерамъ такъ тоже всѣ сюда сбиваются въ кучу ... для охоты ... Ну, да и для свѣта, чтобы лишняго свѣта не жечь ... Лучина-то больно нонѣ дорога ... Ѳедюшка, вонъ, пристаетъ: ланьпу бы, говоритъ, завести ... Карасинъ, что ли, нонѣ никакой проявился ... Имъ бы, чу, свѣтиться: много сходнѣе будто бы ... Да больно-то не слушаю его: молодъ ...

— А дошлый онъ, видно, у тебя ... Рѣзь-то какую пустилъ по дому-то ...

— Не говори ... Охотка у него ... Сколь тесу перевелъ ... Да вѣдь по праздникамъ да такъ вотъ коли за гулянку: зря-то вѣдь не даю баловаться ... Онъ рушенъ, паренекъ-отъ, ничего! ... Въ грамоту тоже скоро понялъ ...

— Развѣ обученъ?

— Какъ же ... Солдатикъ у насъ тутъ на побывку сходилъ, такъ онъ около него ... Ну, ужъ я увидѣлъ путь-то, такъ обѣщалъ мѣшокъ ржи за выучку ... Ничего, понялъ ... и пописываетъ ...

Только писать-то вотъ намъ нечего ... да и не къ кому ...

— Давай, въ писаря возьму ...

— Въ волость?

— Да.

— Нѣтъ, не отдамъ: сбалуется.

— Правда, что сбалуется ... Такъ, пошутилъ: самъ не возьму. Это не пропадетъ, пригодится, что грамотѣ обучилъ ... Это въ пользу! ...

Разговаривая, Ѳедотъ Семенычъ пристально слѣдилъ за Анною: какъ она вынимала горшокъ изъ печи, какъ наливала въ чашку, какъ ставила ее на столъ и снимала пустую, какъ потомъ все собирала со стола и перемывала посуду.

Всѣ ея движенія были спокойны и ровны: она не суетилась, но дѣло спорилось въ ея рукахъ. Когда Ѳедюшка принесъ самоваръ, она сначала налила въ маленькую чашку горячаго варева, которое онъ прогулялъ, поставила ее на столъ и велѣла ему ѣсть, а потомъ налила въ самоваръ воды и наложила углей, раздуть же и постоять на мосту, пока вскипитъ, попросила невѣстку. Когда кончили полдничать, она вытерла фартукомъ вымазанныя лица маленькихъ брата и сестры и выслала ихъ вонъ изъ избы. Убравши со стола, она покрыла его скатертью и, пока готовился самоваръ, сбѣгала куда-то за чаемъ и сахаромъ.

— Не ссорятся съ невѣсткой-то? — спросилъ Ѳедотъ Семенычъ, кивая на Анну.

— Какъ безъ того, бываетъ, только, благодарить Бога, не въ большую ... и не часто же ...

Послѣ обѣда Герасимъ тотчасъ же напомнилъ старшимъ сыновьямъ и невѣсткѣ о какой-то работѣ, и они немедленно ушли изъ избы: въ ней остались

только старики и Анна, хлопотавшая около самовара. Оставаясь нѣсколько минутъ наединѣ, Ѳедотъ Семенычъ успѣлъ спросить Герасима.

— А ты говорилъ дѣвкѣ-то или нѣтъ о нашемъ-то дѣлѣ? ...

— Нѣтъ ... Да что ее мутить до сватовъ-то? А что? ...

— Дѣвка-то у тебя больно хороша, я вижу ... Не согрѣшить бы намъ ... Пожалуй, по волѣ-то и не пошла бы за моего ...

— Вона! ... Чтой-то? ... За экого парня, въ экую семью, да не идти ...

— Дай-ка я съ ней поговорю. А?

— А, пожалуй, поговори ... Что же? ... Поговори ... Ничего ... Я на нее надѣюсь ....

Когда Анна заваривала чай, Ѳедотъ Семенычъ вдругъ, неожиданно, обратился къ ней.

— Аннушка, а вѣдь мы съ родителемъ твоимъ переговорились, Богу помолились и по рукамъ ударили насчетъ тебя.

Аннушка только слегка покраснѣла, вздрогнула и опустила глаза, но не сказала ни слова.

— Не знаю только, парень-то по мысли ли будетъ тебѣ, — продолжалъ Ѳедотъ Семенычъ. — За сына за сраво я тебя лажу ... Пойдешь ли?

Анна покраснѣла еще больше и теперь уже закрыла глаза рукою, которая дрожала.

— Что же, пойдешь ли? — настаивалъ Ѳедотъ Семенычъ. — Ты скажи.

— Вѣдь это какъ тятенька ... Я дѣвка! ... мнѣ не выбирать, — проговорила она, не отнимая руки отъ глазъ.

— Да родитель твой согласіе уже свое далъ. Слышь ты: ужъ и по рукамъ промежъ насъ уда-

рено... Только вотъ ужъ больно ты мнѣ по мысли и по наслышкамъ объ тебѣ хорошимъ, и по наглядкѣ, какъ вижу я тебя, такъ мнѣ и боязно, какъ бы тебя не обидѣть: ты-то вотъ больно дѣвка-то хороша во всемъ, а мой-то хошь и изъ себя виденъ, и не дуракъ, да заболтался: и пьянаго лавливалъ, и гулять любитъ... Ужъ я его и изъ своихъ рукъ не мало училъ, а сегодня на всемъ міру наказывалъ.

— Ай, да чтой-то! — вскрикнула Анна.

Изумленно ахнулъ и Герасимъ.

Ѳедотъ Семенычъ разсказалъ все, что произошло ночью.

— Вотъ горе-то мое какое, — закончилъ онъ.

— Родное, оттого и самъ бьешься, и его бьешь, — проговорилъ Герасимъ Дмитричъ.

— Такъ вотъ, Герасимъ Дмитричъ, перво ты ужъ теперь скажи: отдашь ли дочь за экого-то?..

— Да вѣдь вечоръ мы Богу-то молились... Чай, за ночь-то ничего и въ немъ, въ парнѣ, не передѣлалось... А сегодня что... Седни только лишну науку далъ. Я на Бога... какъ молился, такъ и стою...

— Ну, а ты, Аннушка? Говори всю истинную: тебѣ вѣдь ужъ придется еще больше моего учить-то да выправлять его... Я-то вотъ и палкой училъ, а тебѣ придется только уговоромъ да лаской... Правда, что молодъ онъ, не всѣмъ еще, можетъ, и умомъ собрался, отъ глупости больше... И я на Бога надѣюсь... Однако же ты подумай да и молви.

Аннушка молчала.

— Да ты видала его?...

— Коли не видать...,

— Съ виду-то онъ молодецъ изъ себя.

Анна опять закрылась рукой и не отвѣчала.

— Коли хошь подумать — подумай ... Я обожду. И откажешь — зла не понесу въ душѣ: стало, не судьба ... Что же, обождать, что ли? ...

— Да развѣ я? ... Я изъ-за тяеньки не выступлю. Онъ при жизни ... Его дѣло ... Какъ онъ, такъ и я ... Коли судба, такъ отъ нея не уйдешь ... Ай, да чтой-то ...

И Анна быстро повернулась и ушла изъ избы.

— Видно, сватушка, мое слово: присылай сватовъ, — сказалъ, улыбаясь, Герасимъ.

— Ну, благодареніе Создателю: видно, не пропадать ему ... Господи, благослови.

Ѳедотъ Семенычъ перекрестился.

— Ну, такъ, видно, дѣло съ концомъ, сватъ Герасимъ Дмитричъ ... Вотъ и я у радости ... Дай Богъ ...

— Дай Богъ, дай Богъ! ... Въ часъ добрый!

Ѳедотъ Семенычъ возращался домой веселый и довольный, полный хорошихъ надеждъ, а во все время его отсутствія между матерью и сыномъ происходила такая бесѣда!

— Что, болѣзный, Кирюшенька, больно? ... Больно стегали-то? — спрашивала мать.

— Эхъ, отстань-ка ... Такъ неужто сладко? ... Чай, не по головкѣ гладили, — ворчалъ Кирилла.

— То-то, то-то, родной ... То-то я и говорю, что истиранили тебя совсѣмъ ... Экой батюшка-то, экой родитель-то! ... Ну, ужъ коли въ большое ставитъ, ну, побилъ бы изъ своихъ рукъ, а то — ну-ка, — на всемъ на міру срамить сдумалъ ... Да хошь бы присмотрѣлъ самъ, а то со старостой ... Да тамъ убьютъ, тамъ разѣ станутъ раз-

бирать ... Еще поди-ка тебя-то, чай, прытче людей стегали, что старшиновъ сынъ ...

— Прытче и есть, да и больше ... самъ, чу, просилъ ...

— Такъ, такъ, онъ попроситъ: Ему что? Ему разѣ жалко? ... Не мать! ... Отцы не чувствуютъ: вотъ матери чувствуютъ, а отцы нѣтъ, имъ все равно ... Не хошь ли чего? Не хошь ли въ горлышкѣ-то промочить? ... Можетъ, изопьешь чего, али съѣшь? А? ... Болѣзный мой ...

— Ничего не надо ... Не до ѣды ...

— Да пойдетъ ли кусъ въ горло съ этого ... Что и говорить ... Ты лежи, батюшка, лежи: уснешь, можетъ ... Мотри-ка, разгасило тебя какъ: головушка-то горячая, горячая! ... Ну, ужъ, Ѳедотъ Семенычъ, спасибо: лучше бы ты ужъ на мнѣ вымещалъ, чѣмъ родное мое экъ паскудить ... Ну, ужъ не похваляйся: вдругорядь не дамъ ...

— Какъ ты не дашь-то? ...

— А такъ и не дамъ: сама на сходъ пойду ... Я мать ...

— Такъ тебя и послушали ... Коли онъ велитъ, разѣ тебя на-міру послушаютъ?..

— Такъ зачѣмъ же ты, батюшка, зачѣмъ ты себя до того доводишь? ...

— Чѣмъ доводишь? ... Что я, человѣка убилъ, что ли, али ограбилъ кого? ... Эка невидаль — съ ребятами гулялъ ... Это онъ не изъ чего, все изъ скаредства, что деньги, молъ, тратитъ ... А онъ то бы подумалъ: много ли онъ мнѣ на гулянки-то давалъ? ... Вонъ у другихъ ребятъ завсегда свои деньги есть, а у меня только, что ты дашь, то и есть — а у тебя у самой-то нѣтъ ничего: все заграбасталъ къ своимъ рукамъ ... Развѣ этакъ молодыхъ робятъ,

держатъ, какъ онъ меня? ... Ни одежи путной, ни гроша за душой ... Поди-ка, вѣдь, на деревнѣ-то смѣются надо мной ... А еще старшиновъ сынъ, говорятъ, богатѣевъ сынъ ... а поддевка ли, шапка ли — ровно на послѣднемъ, рядовомъ мужикѣ али на нищемъ ...

— Ахъ, Кирюша, Кирюша, что мнѣ съ нимъ дѣлать, какъ его раскошелить, ужъ и не знаю ... Кажется, по-моему, такъ я душу бы за тебя заложила, а ему всего жалко, все жалко ... Что ты съ нимъ подѣлаешь? ... Ужъ знаешь ты: кажись, пытаю его наводить, пытаю уговаривать ... Нѣтъ, отобьется своимъ языкомъ, словами-то своими, а ужъ чего говорить: знаю, что все отъ скупости, все отъ этого ... ни отъ чего другого ...

— Вотъ теперь женить хочетъ: неужто и теперь одежи-то хорошей не нашьетъ?

— Нѣтъ, ужъ это какъ же, чтобы не нашить ... Нашьетъ, чай ... Вѣдь у тебя и теперь одежи-то не мало, да вѣдь все бережетъ, запираетъ у себя въ коробу ... Поддевки ли — три у тебя поддевки: одна суконна — хорошая, друга плисова, двѣ сибирки суконны: одна новешенькая ... Ну, держитъ подъ замкомъ, да и на поди! ... Шуба тоже пречудесная, самъ знаешь — на черной ордынкѣ, сукномъ крыта ...

— Да, о святкахъ въ церковъ къ обѣднѣ только и даетъ ее надѣвать ... А на масляной покататься хотѣлъ, пофорсить въ томъ году, такъ и не далъ ... Неужто, какъ и жените вы меня, такъ одежу-то тоже у себя будете держать, подъ замкомъ, мнѣ не отдадите?

— Ахъ, родной ты мой, такъ разѣ черезъ меня? ... Я, кажись, за тебя душой-то рада зало-

житься ... Да еще вотъ погоди, еще какъ и женитъ опосля этого ... Еще дождемся того срама, что, пожалуй, и сватовъ не примутъ ... Гм. ... Отъ старшины-то, отъ богатѣя! ... Вотъ, Кирюшенька, рада я радостью въ законъ тебя ввести, хошь и не этакую бы невѣсту тебѣ промышляла, какъ Герасимова Анна, а ужъ по мысли бы мнѣ было, кабы послѣ сегодняшняго случая да Герасимъ-то заворотилъ бы сватовъ-то нашихъ назадъ, безъ всего ... Пущай бы срамникъ старый вспомнился, каково свое родное дѣтище на всемъ мiру ... Вотъ бы и старшина, и знай! ... Ужъ ничего бы, пущай и надо мной люди посмѣялись, да по крайности бы и ему впередъ наука ... Не сталъ бы экъ сыномъ помыкать ... Ты бы у меня ничего, годокъ бы еще погулялъ, опосля бы я сама получше нашла.

— А вотъ что, матушка, жениться, пожалуй, я ничего и на Аннѣ ... Мнѣ все одно ... А только если онъ и опосля женитьбы будетъ меня въ такомъ изгонѣ держать, я несогласенъ ... Ты поговори съ нимъ ... Ужъ надо мной довольно хорошо и теперь люди смѣются, а тогда что же это будетъ такое? ... Два, говоритъ, года содержи себя, тогда и волю дамъ ... Вѣдь это ему легко говорить-то: два года, какъ у него въ рукахъ. А тутъ два года пройдутъ, скажетъ: погоди еще два ... А у меня жена молодая, мнѣ тоже и ее потѣшить захочется: и нарядить, и посластить, и въ люди вывести въ порядкѣ ... а то, вѣдь, и любить не будетъ ... Не всякъ же часъ ему въ глаза смотрѣть да на всякую малость позволенья просить: какой же я буду женатый тогда? Ты ему, матушка, поговори ...

— Да, поговорить я поговорю, какъ не поговo-

рить ... Извѣстно ужъ, женатый ли, али холостой, какъ безъ своей собины ...

— А еще вотъ что, матушка: ты мнѣ безотмѣнно три рубля достань, какъ хочешь. Теперь я съ ребятами у Ѳедора запилъ ... Хоть насъ и отстегали, а все отдать надо: ребята за меня поручились ... Опосля того, если не отдашь, знаться не будутъ ... Ты достань, матушка, какъ хочешь ...

— Шутка ли, Кирюшенька, три рубля ... Гдѣ ихъ возьмешь?.. Почто же ты съ эстолько? ...

— Ну, а ужъ ты про то не говори: будетъ ужъ съ меня, отъ родителя получилъ ... Коли ежели ты, сама говоришь, жалѣешь меня, и я на тебя только на одну полагаюсь, такъ ужъ ты мнѣ достань гдѣ знаешь ... А мнѣ безотмѣнно нужно ... Ты то думай: вѣдь женить хотите, надо же парню погулять, какъ бы ни было ... Всѣ вѣдь ребята въ глаза смотрѣть будутъ, а это еще долговыя ... Ты, матушка, какъ хошь, достань безо всякаго! ... Коли ужъ отецъ у м ня злодѣй, такъ хошь ты будь мать родная, не обижай ...

— Глупый, да я бы рада, да гдѣ взять-то?

— Ну, продай что али заложи, чего отцу не въ примѣту, а мнѣ никакъ нельзя ... У меня только и надежды, что на тебя ... Ты у меня только одна и радѣльщица ... Мнѣ жениховымъ дѣломъ никакъ невозможно безъ денегъ ...

— Еще ты погоди-ка жениховымъ дѣломъ, еще, можетъ, ничего и не будетъ ... Вотъ что-то хотѣлъ сватовъ-то посылать, да уѣхалъ — ничего не молвилъ ...

— Ну, все равно, а ты мнѣ три рубля достань.

— Постой вотъ, погоди, надо удумать, какъ достать-то ... Эхъ, дитятко, кабы воля-то моя, такъ

неужто я бы для тебя ... Не токма что три рубля ... Ужъ погоди, погоди! ... Неужто тебя и въ самомъ дѣлѣ противъ ребятъ въ конфузъ производить ... Только ты, батюшка, сердечный, не попадись ты опять къ отцу-то да повоздержись ты, побереги самъ себя ... Плюнь ты на эту водку ... Ну, что̀, онъ вѣдь искалѣчитъ онъ тебя, право, искалѣчитъ ...

— Такъ развѣ я одинъ? Кабы одинъ, ну, такъ, а то вѣдь въ компаніи: тоже погулять хочется, парень молодой ... Не одинъ, всѣ гуляютъ ...

— Знаю, что не одинъ ... Знамо, какъ молодому парню не погулять ... Да вѣдь у тѣхъ отцы-то не экіе, а вѣдь у тебя-то вонъ какой, Богъ съ нимъ, все въ серьезъ, все въ строку, да къ сердцу беретъ ... Вотъ тебѣ и надо самому себя уберегать ...

— А я тебѣ вотъ что, матушка, скажу: онъ этимъ изъ меня ничего не выворотитъ: что онъ хуже, то и я хуже ... Вотъ! А для тебя я что угодно, по конецъ жизни слуга твой ...

— Ахъ ты, мой сердечный, ахъ ты, золото мое, болѣзный мой! ...

— Матушка, сходила бы ты, радѣльна, пока его дома-то нѣтъ, промыслила бы какъ три-то рубля, а я бы, може, уснулъ: нечто ломаетъ меня.

— Ну, спи, спи, батюшка ... Какъ не ломать послѣ этого! ... Спи, родной! ... А я схожу ... По вѣкъ я жизни твоихъ словъ не забуду, что ты молвилъ мнѣ сегодня. Ужъ какъ моему материнскому сердцу ты потрафилъ ... По конецъ, говоритъ, жизни слуга буду ... Батюшка мой, солнышко ясное ... радѣльный! Спи, батюшка ...

И, укутавши сына, Ѳедосья Осиповна побѣжала

въ деревню къ пріятельницѣ занимать, потихоньку отъ мужа, три рубля денегъ.

Ѳедотъ Семенычъ, воротясь домой, весело сказалъ сыну:

— Ну, Кирилла, молись Богу, благодари Его, Создателя: хорошій у тебя союзъ будетъ ... Такая дѣвка эта Аннушка, что хошь бы и не тебѣ ... Самъ ужъ теперь своими глазами до всего дошелъ ... И вся семья благословенная! ... А со своякомъ Петрушей, дружись: вотъ это парень; есть чему у него заняться, не то, что твои шалыганы пріятели ... Вотъ съ кого перенимай ... Ѳедосья, — продолжалъ онъ, — въ воскресенье сватовъ посылай къ Герасиму по Анну. Думала: не пойдетъ-то ... Вотъ идетъ, даромъ что на-міру сѣченъ ...

— Такъ ты тамоди не молвилъ ли про это?

— А то какъ же? ... Затѣмъ и ѣздилъ ... чтобы знала, за какого идетъ ...

— Господи! — вскрикнула Ѳедосья и руками всплеснула. — Снялъ онъ съ меня головушку ... Люди какъ бы не сказать да не показать что этакое, а онъ самъ ѣдетъ благовѣстить ... Куда мнѣ съ глазами-то дѣться будетъ? Стыдобушка моя! ...

— Полно-ка ты, полно разводить-то ... Лучше, что ли, кабы черезъ чужихъ людей дошло?.. Сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ ... Спохватится да возьмется за умъ, никто стараго-то и не спомянетъ; только бы опять-то себя до того не довелъ: ты вотъ о чемъ думай ... Позови-ка Якова Петрова да куму Софью и поѣзжайте, переговорите обо всемъ. На столъ сколько хошь клади, мнѣ не жалко; а насчетъ одежи-то не очень нажимай ...

— Ну, ужъ, батюшка, ты меня въ томъ не учи:

я сама знаю, что по нашему положенію требуется ... Одного сына-то намъ женить, а и они не за койкого отдаютъ ... На наши же деньги приданое-то будетъ класть ...

— Ну, да какъ знаешь, только спора изъ-за того не затѣвай ... Мнѣ человѣкъ дорогъ, а не одежа ... Опять и то помни: какую онъ работницу-то изъ дому отпущаетъ ... Коли что и перепадетъ ему — не жалко, у насъ своего довольно, а у нихъ семья большая ... У меня чтобы въ воскресенье все и покончить, безо всякихъ споровъ, а черезъ недѣлю-другую и свадьба.

VIII.

Какъ Ѳедосья Осиповна ни привыкла вообще подчиняться волѣ мужа, но она не могла утерпѣть, чтобы не поломаться, во время сватовства, надъ будущими родными. Яркими красками расписывая достоинства своего сына, она внушала и то, какая счастливая судьба выпадаетъ на долю Анны.

— И копили-то мы, и берегли-то все про него одного — одинъ вѣдь онъ у насъ сынокъ-отъ ... Опять же и Ѳедотъ Семенычъ въ какомъ чину сидитъ и завсегда съ господами водится. Счастливая, счастливая ваша дочка: какая ей судьба выпала! — расписывала Ѳедосья Осиповна.

— Да какъ по отцу пойдетъ, по Ѳедоту Семенычу, такъ счастлива будетъ, — отвѣчалъ Герасимъ смиренно ... Ну, а коли Богъ не помилуетъ, не бросить онъ своихъ художествъ, такъ и Анниной судьбѣ никто не позавидуетъ ... Двойная, значитъ, ея судьба-то, все отъ Бога, на Него надѣемся.

„Вотъ, вотъ“, думала Ѳедосья Осиповна, выслу-

шивая эти слова: — „вотъ и посмотри глазьми-то, вотъ, ничего не видя, и тычутъ ужъ ... Эхъ, старикъ, а еще умнымъ считается ... Ну, куда я глаза-то дѣну? ...“ И она дѣйствительно стыдилась взглянуть на свата и отвѣчала, смотря въ полъ:

— Эхъ, какія художества? Никакихъ нѣтъ ... У насъ старикъ-отъ ужъ больно ... Невѣдомо чего спрашиваетъ: ему хошь изъ золота вылѣпи парня-то, такъ ему и того мало покажется ... Ужъ очень онъ сурьезенъ у насъ живетъ ...

— То и хорошо, Ѳедосья Осиповна, парня нельзя не учить, а то совсѣмъ замотается безъ острастки-то ... Хуже! ...

„Ахъ, снялъ онъ съ меня головушку, старикъ мой, совсѣмъ снялъ“, — думала опять Ѳедосья Осиповна, невольно смущаясь. — „Эко сватовство хорошее, ровно изъ милости дѣвку-то просимъ ... Вотъ такъ старшина! ... Вотъ-те и почтеніе — на-ка-сь! ... Хошь бы ужъ чужихъ-то людей не звать, а такъ бы потихоньку, ровно воровски, ровно самокруткой ...“ И она перевела разговоръ на приданое.

Желая хоть здѣсь поправиться, Ѳедосья начала заявлять такія требованія, точно женила сына на купчихѣ: насчитала до дюжины платьевъ, и шерстяныхъ, и шелковыхъ, требовала шерстяныхъ шалей, шелковыхъ платковъ, пару шубъ суконныхъ, праздничныхъ, да двѣ носильныхъ, выговаривала и перину съ подушками.

Герасимъ слушалъ все молча и ничего не возражалъ; подъ конецъ только ея рѣчи вымолвилъ:

— Вы, Ѳедосья Осиповна, что хотите заказывайте: мы все обрядимъ, все купимъ — ваши денежки; мнѣ только, чтобы на столъ выводного полтораста рублей за дѣвку ... Что у нея припасено

въ коробу, все ея будетъ, дома не оставитъ, все съ собой возьметъ; а что сверхъ того потребуется — ваше дѣло, только денежки припасайте — накупимъ … А вотъ полтораста рублей — это ужъ мнѣ на столъ, за дѣвку …

Ѳедосья Осиповна и тутъ была осажена: но цѣна выкупа показалась очень высока и вызвала возраженія и споры со стороны сватовъ. Указывали на разныя свадьбы — не бѣдныя, гдѣ за невѣсту платили и 40, и 30, и 25, и даже 16 рублей. Герасимъ Дмитричъ стоялъ на своемъ.

— Я свое считаю, — говорилъ онъ: — чего мнѣ моя дѣвка стоитъ: я ее кормилъ, поилъ, одѣвалъ, она мнѣ весь домъ управляла, да въ годъ—отъ рублей по 15 еще вырабатывала одной зимой, окромя поля … Вотъ вы и посчитайте, сколь у меня изъ кармана-то уйдетъ, какъ ее отдамъ … Да мнѣ и Ѳедотъ Семенычъ сказалъ: за выводными, говоритъ, не постою, — что хошь спрашивай, а я еще по-божески … совѣсть имѣю …

— Такъ онъ, чай, вѣдь съ приданымъ считалъ, — нашлась Ѳедосья Осиповна.

— Приданое какое требуется, по нашему мужицкому обнакновенію, оно припасено … Получайте … А что которое вы желаете, такъ на него и двухъ сотенъ мало, не управишься: то ужъ ваше разсужденіе … А мое дѣло, вотъ, полтораста на столъ, и съ Богомъ: вы съ товаромъ, съ дѣвкой, а я — съ моей убылью … А тамъ Богъ … Вотъ вѣдь: много намъ говорить не изъ чего …

— Не прынцеса вѣдь и твоя-то дочь … Что и самъ-дѣлѣ! — разсердилась вдругъ Ѳедосья Осиповна. — Не изъ сахара вѣдь и она … Ктой-то тебѣ полтораста-то рублей выводныхъ дастъ? У насъ

и слуховъ-то такихъ нѣтъ, и жениховъ-то не выищешь, чтобы экія деньги выдавать за нее ... Ты хошь бы и то въ честь принялъ, что въ какой домъ-отъ идетъ, Герасимъ Дмитричъ ... Вѣдь какъ-никакъ, а не послѣдній, все старшина ...

— Ѳедосья Осиповна, а ты не обижайся ... Я и почитаю: кабы не почиталъ, не отдалъ бы, — возражалъ спокойно Герасимъ. — И ты дѣвку не хай, коли въ невѣстки себѣ примаешь ... Знамо не прынцеса ... какая прынцеса ... Въ нашемъ мѣстѣ такихъ нѣтъ! ... И не изъ сахара, знамо! А дѣвка, какъ дѣвка, ни въ чемъ захулы: отца почитаетъ, къ дому прилежна, не за ней работа бѣжитъ, а она за работой, порядки всякіе знаетъ, отъ рукъ ничто не отходитъ ... ну, и насчетъ ума заняться вашему сынку отъ нея можно: на худое подбивать не станетъ, а еще скорѣй его судержитъ ... Да вѣдь у насъ ужъ объ этомъ съ Ѳедотъ Семенычемъ переговорка обо всемъ была: и объ моей, и объ вашемъ ... А то прынцеса! ... Какая прынцеса! ... Намъ другъ друга изъ-за нашихъ дѣтей обижать нечего ... Вотъ что, свахонька! ... У насъ за любовь дѣло-то, а не въ супротивность.

„А еще говорили, что мужикъ смирный, не рѣчистый ... А онъ вишь ты какъ ... Вотъ тутъ и жди почтенья ...“ думала Ѳедосья Осиповна и въ то же время, наконецъ, поняла, что здѣсь дѣло между ея мужемъ и Герасимомъ совсѣмъ уже кончено, что она ничего перемѣнить не можетъ и важностью не возьметъ. Она вдругъ ударилась въ другую сторону: сдѣлалась ласкова, привѣтлива, уступчива. Скоро сваты во всемъ столковались и разстались въ полной пріязни и во взаимномъ удовольствіи.

Изъ бесѣды съ Аннушкой Ѳедосья Осиповна убѣдилась, что она дѣвушка степенная, скромная и разсудительная, что она можетъ быть ей почтительною дочерью и помощницей, что ссоры въ домѣ не заведетъ и не пойдетъ къ свекру жаловаться на мужа. Прощаясь съ нею, Ѳедосья очень ее ласкала и приговаривала, не забывши при этомъ расхвалить и сынка своего.

— Ужъ вотъ будете парочкой, — говорила она: — ужъ вотъ радѣльщикъ онъ у меня, ужъ вотъ сердечушко золотое: маманька, говоритъ, по гробъ жизни твой слуга буду, успокою, говоритъ, твою старость ... И ты у меня такая же будь, а я за васъ Бога молить стану да радоваться на васъ ... А что про него говорятъ, ты не слушай: мало ли что люди плетутъ изъ зависти ... Ну, а старикъ-отъ у насъ крутенекъ, сердцемъ-то онъ пріимчивъ ... Не войдетъ въ дѣло-то, да сейчасъ и взыскъ ... А ты-вось, по-моему: все лаской да уговоромъ, до отца, то не доведи ни въ чемъ, а коли что, такъ все ко мнѣ ... Вотъ и заживете, ровно у Христа за пазушкой ... Будешь ли меня-то любить да почитать? ...

— Какъ не почитать ... Замѣстъ матери! — отвѣчала Анна.

— Ну, вотъ! ... А я вѣдь добрая, ай, какая добрая, ото всего сердца ... ровно курица! ...

Дня черезъ два Ѳедотъ Семенычъ самъ повезъ сына къ Герасиму Дмитричу, чтобы показать другъ другу жениха съ невѣстой. Подъѣзжая къ дому, онъ не забылъ обратить вниманіе сына на рѣзьбу, которую сдѣлалъ Ѳедюша.

— Вотъ паренекъ-отъ гожой, не пустозвонъ, — замѣтилъ Ѳедотъ Семенычъ, — спознайся-ка съ нимъ хорошенько.

Присутствіе отца стѣсняло Кириллу, и потому онъ былъ въ домѣ будущаго тестя молчаливъ и замкнутъ, вслѣдствіе чего казался скромнымъ. При встрѣчѣ съ невѣстой онъ нисколько не смутился, но осмотрѣлъ ее подробно и внутренно сказалъ самъ себѣ: ничего, живетъ! Но впечатлѣнія она на него не произвела, и относился онъ къ ней совершенно равнодушно; разговоръ между ними не вязался, да, по понятіямъ старшихъ, это такъ и слѣдовало.

Ѳедотъ Семенычъ посадилъ сына рядомъ съ Ѳедюшей и велѣлъ имъ познакомиться, а самъ велъ бесѣду со старшими. Кирилла бойко и вызывающе, даже нѣсколько недоброжелательно посматривалъ на Ѳедюшу, но не начиналъ разговора ... Ѳедоръ сначала нѣсколько смущался, но потомъ заговорилъ первый.

— Въ грамату обучалися? — спросилъ онъ.

— Ученъ ...

— И пишете?

— Стало быть ...

— По церковной али гражданской ... учился-то? ...

— По какой угодно ...

— Мы по гражданской только ... Мы у солдата вѣдь ... Только, братецъ мой, что пути-то? Все иззабудешь ...

— Знамо, забудешь ... Пустое дѣло! — проговорилъ Кирилла и взглянулъ въ сторону отца.

— Оно бы ничего, въ путь ... да вотъ книжекъ нигдѣ не добудешь ... У васъ нѣтъ ли? ...

— Стану я — заговорилъ было Кирилла, но вдругъ оборвалъ. — Нѣту, какія книги: одна псалтырь.

— У васъ въ волости, чу, есть, сказываютъ, вѣдомости ... и разныя ... присылаютъ отколь-то.

— Есть тамъ ..

— Вотъ бы Ѳедотъ-то Семенычъ ... Можетъ, когда бы и мнѣ дали почитать ...

— Охота большая! — насмѣшливо проговорилъ Кирилла.

— А что?

— Когда читать-то? ... Все на работѣ ...

— А вотъ о праздникѣ коли ...

— Все пустое ... Читывалъ я ...

— Нѣту, есть такія книжки: вотъ мнѣ солдатъ двѣ давалъ ... Занятныя! ... Только все про ихныя дѣла ... А вотъ бы достать: какъ теперь отчего стекло дѣлается али мыло, али краска какая ... Сказываютъ, все изъ земли! ... И какъ къ чему что подходитъ ... Чай, есть все, писано ... Или теперь взять гасы бываютъ, слыхалъ я, отъ огня будто ... А онъ самъ горитъ ... Чудно! Вотъ бы узнать! ...

— Любопытенъ очень, — усмѣхнулся Кирилла.

— А что? Любопытно и есть: теперь взять дерево — оно горитъ, а земля не горитъ: сколь хочешь кали на огнѣ — не пыхнетъ; а теперь карасинъ этотъ, онъ тоже, сказываютъ, изъ земли, а онъ горитъ ... Стало быть, братецъ, что ни на есть, да тутъ дѣйствуетъ ... Вотъ бы узнать ...

— Всего не узнаешь ...

— Нѣтъ, оно гдѣ ни на есть, да писано. Вотъ теперь взять: птица, она летаетъ и не падаетъ, а брось камень али щепку, да и что хочешь — оно вздымется, полетитъ, а упадетъ ...

— Такъ у птицы крылья: оттого и летаетъ.

— Такъ возьми, придѣлай къ чуркѣ крылья, хошь вотъ какія, въ сажень, она не полетитъ ... И

подбрось — упадетъ, а птица не падаетъ ... Отчегой-то это?

— Такъ развѣ чурка птица, хошь и крылья ей придѣлаешь ... Не будетъ птицей все равно ...

— То-то, то-то! Отчего же птица-то не падаетъ? Али вотъ: возьми бревно, оно плыветъ по водѣ и не тонетъ, а въ немъ, можетъ, двадцать пудовъ, а бросъ въ воду пятакъ мѣдный — онъ сейчасъ на дно ... Великъ ли, а не держится.

— Такъ то пятакъ, а то бревно ... Чудакъ! — Кирилла захохоталъ.

— Да, а вотъ солдатъ же мнѣ сказывалъ: корабли, чу, желѣзные дѣлаютъ, такъ тѣ не тонутъ ... тоже ...

— А ты вѣрь: солдаты завсегда врутъ, хвастаютъ ... Желѣзный корабль! Знамо, онъ потонетъ! да его и не сдѣлаешь ... изъ желѣза ...

— А отчего не сдѣлать? Можно сдѣлать, и не потонетъ. Я вотъ что ... Въ селѣ у насъ крышу перекрывали, такъ я листокъ желѣзный старый поднялъ, да и загнулъ какъ быть лодкѣ ... заклепалъ, проконопатилъ ... Пустилъ въ рѣчку — не тонетъ, братецъ ... Вотъ! ...

— Ну, такъ что? ...

— Ну, вотъ то и есть: отчего такъ? ... Это надо дойти.

— Мало ли что есть на свѣтѣ, до всего не дойдешь ...

— А вотъ въ книжкахъ оно значится ...

— Всѣхъ книгъ не перечитаешь ... Да и пожалуй читай: съ нихъ сытъ не будешь и богатъ не сдѣлаешься ...

— Ну, это какъ вникнуть ... Вотъ теперь примѣрно заведенія взять какія ... Вотъ я тятеньку

все подбиваю, кабы съ деньгами сбиться да пристроить бы мельницу, чтобы она и муку бы молола, и маслобойка бы была, очень бы она въ выгоду была, въ большую ... А мало ли есть какихъ заведеніевъ не въ примѣръ этимъ, большую пользу даютъ ...

— Такъ все-жъ таки деньги ... А безъ денегъ-то ты что построишь, хошь все книжки читай. Вся сила, стало быть, въ деньгахъ ... Изъ книжекъ мельницы не построишь ...

Кирилла засмѣялся. Ѳедоръ какъ-то робко и стыдливо взглянулъ на него и замолчалъ. Кирилла посматривалъ на него съ сознаніемъ превосходства.

— Вотъ вы богатѣи, сказываютъ, — нерѣшительно заговорилъ опять Ѳедоръ. — Вотъ женишься-то ... Сродственники будемъ ... Я бы выстроилъ ...

— Ты-ы? — удивленно спросилъ Кирилла. — Развѣ ты въ плотникахъ обучался? ...

— Нѣтъ, я такъ видалъ только ... Да и въ мысляхъ у меня есть ... Можно бы много складнѣе сдѣлать ...

— Ну, братъ, отъ моего не разживешься ... У него деньги лежатъ крѣпко, — проговорилъ Кирилла, понижая голосъ и взглянувъ въ сторону отца. — У насъ не то, что на эти затѣи, а сапоги купить новые, такъ покажь наперво старые: нельзя ли заплаты положить да пересоюзить ...

— Такъ вѣдь это къ его же интересу ... Изсоритъ на постройку можетъ двѣ али три сотни рублей, — ну, хошь и всѣ пятьсотъ, а корысть-то какая? ... Въ два года всѣ деньги воротитъ, а послѣ того чистый барышъ ... Вотъ вѣдь что ... Право ... А мнѣ до смерти хочется: кажется, кабы

свои деньги были ... Вѣдь дѣло-то какое: вѣтеръ есть, такъ ты вѣтромъ: все заведеніе идетъ; а запалъ вѣтеръ, сейчасъ лошадью дѣйствуетъ ... Она никогда и не стоитъ: подавай только работы ... Вотъ вѣдь у меня какія мысли-то ... Кабы рѣка была, такъ водой бы еще согласнѣе, да у насъ рѣки такой нѣтъ ...

— Вишь, какъ наши робята разбаялись, — съ удовольствіемъ замѣтилъ Ѳедотъ Семенычъ, указывая Герасиму на сыновей. — О чемъ-то, молодцы, толкуете?

Ѳедюша сконфузился отъ неожиданнаго вопроса и опустилъ глаза, а Кирилла, съ замѣтнымъ злорадствомъ, отвѣчалъ отцу:

— Про свои мысли разсказываетъ да говоритъ, кабы ты денегъ далъ, такъ онъ бы такую вѣтрянку выстроилъ, что и вѣтромъ, и безъ вѣтра стала бы молоть и масло бить ...

Кирилла усмѣхнулся.

— Все у него экія затѣи въ головѣ-то! — замѣтилъ Герасимъ. — Ужъ и намъ-то надоѣлъ: то, да другое придумываетъ ... А того не знаетъ, что кто экому молокососу повѣритъ, да еще деньги изводить станетъ подъ его подъ хитрости ... Экой ты, Ѳедянъ, нетолковый ...

— Почто нетолковый, нѣтъ, — возразилъ Ѳедотъ Семенычъ, — а это, стало быть, у него въ головѣ много сидитъ ... Знамо, мнѣ это не къ рукѣ, да и некогда мнѣ этимъ заимствоваться, а еслибы на такого человѣка денежнаго, да охотника попалъ, разсказалъ бы ему доподлинно, почемъ знать, можетъ, и пошелъ бы на его слова. А то любо: молодой парень, а у него въ головѣ-то вонъ что: все дѣльное, а не бездѣльное, не пиры да гулянки, какъ

у иныхъ прочихъ ... Погоди, Ѳедюша, вотъ, Богъ дастъ, наше дѣло сдѣлаемъ, будемъ сродни, я безпремѣнно тебя на какого такого человѣка наведу, доходчиваго, строительнаго, и изъ господъ есть такіе! ... Вотъ ты съ нимъ потолкуешь объ своихъ дѣлахъ ... Это, братъ, хорошо, паренекъ, хорошо, что ты объ этомъ думаешь: въ головѣ-то, значитъ, у тебя много положено ... Вотъ вы съ Кирюхой-то оба грамотные и свояки будете, шуринъ съ зятемъ, вотъ вы и дружитесь, и водитесь промежь собой, толкуйте ... Это, хорошо, — и намъ, старикамъ, по мысли.

Но Кирилла понялъ намеки отца на его счетъ и внутренно уже возненавидѣлъ Ѳедора, а послѣдній инстинктивно догадался, что Кирилла хотѣлъ было его поднять на-смѣхъ и сконфузить передъ своимъ отцомъ, и послѣ этого разговоръ между ними уже не ладился. Ѳедюша не чувствовалъ ничего непріязненнаго къ Кириллѣ, но ему вдругъ сдѣлалось передъ нимъ какъ-то неловко, даже стыдно за свою добродушную откровенность, съ которою онъ сразу сталъ,-было высказывать свои завѣтныя мысли.

„Кабы передъ нашими ребятами ты развелъ эти разговоры-то",—думалъ Кирилла, непріязненно посматривая на Ѳедора: — „проѣли бы мы тебѣ бока-то, подняли бы на смѣхъ ... Вишь ты, строитель! ... святъ-мужъ! ... просвирня-начетница! ... Какъ тебя старикамъ не любить: по ихъ говоришь! ... Да, дожидайся, стану я съ тобой якшаться ... мудрости-то твои слушать ..."

Скоро послѣ того Ѳедотъ Семенычъ уѣхалъ домой. Онъ былъ очень доволенъ собою за выборъ невѣсты: ему все больше нравилась и она, и вся

семья ея. Въ продолженіе всей обратной дороги, онъ расхваливалъ сыну его будущую жену, свекра и шурина, но Кирилла упорно молчалъ.

— Вотъ, Богъ дастъ, обзаконимъ тебя, — заключилъ Ѳедотъ Семенычъ, — все у тебя будетъ къ твоему благополучію: и жѐна добрая, умная и работная, и сродственники хорошіе, и по годамъ по твоимъ другъ-пріятель стоющій; есть куда и въ гости сходить, скуку разгулять, добрымъ словомъ перемолвиться ... Вотъ, Кирюха, благословляйся, вставай на ноги, будь человѣкомъ ... Успокой ты мою старость! ...

„Да, на что бы лучше“,—думалъ про себя Кирилла, — „кабы все по своей доброй волѣ, а не по приказу, да изъ-подъ палки ... Кабы дали волю: отгулялся бы я въ свое удовольствіе, какъ мнѣ надо, а тутъ бы и за умъ взялся, не хуже людей сталъ бы и объ домѣ промышлять ... А что моя за жизнь была? Что урвешь втихомолку, то и твое; да еще жди опосля того либо ругань, либо дерку ... Развѣ этакъ молодость-то отгуливаютъ? ... Пущай бы ужъ отъ бѣдности, а то ...“

Когда Ѳедосья Осиповна осталась, послѣ этой поѣздки, наединѣ съ сыномъ, она обняла его и начала разспрашивать.

— Ну-ка, скажи ты мнѣ, Кирюшенька, мнѣ одной, подушевно, какъ болѣзной твоей родительницѣ: по мысли ли тебѣ невѣста-то? ... Что у тебя на сердечушкѣ-то, на думушкѣ-то? ...

— В-отъ, стану я думать о ней: не все одно баба-то, — отвѣчалъ Кирилла, освобождая свои плечи отъ рукъ матери. — Коли ваше родительское дѣло разсуждать о томъ, вы и разсуждайте, а мое бы дѣло теперь — молодые годы отгуливать. Кабы

у другихъ родителевъ — дали бы четвертную, гуляй, молъ, сынокъ, провожай холостую жизнь ... А у насъ вонъ какъ: завтра женися, а сегодня овинъ суши ... Эхъ-ма! ...

И Кирилла вышелъ изъ избы, крѣпко хлопнувши дверью. Ѳедосья Осиповна осталась смущенная: она не могла сообразить — правъ или нѣтъ ея сынокъ, но, по любви и по привычкѣ, жалѣла его и, еслибъ были у нея деньги, сейчасъ бы отдала ихъ ему.

Часть вторая.

I.

Около года прошло со времени женитьбы Кирилла. Анна давно уже свыклась съ новой семьей и вошла во всѣ ея интересы. Она была любимицей свекра, ладила со свекровью, но не внесла ничего новаго ни въ душу Кирилла, ни въ его отношенія къ родителямъ. Она оказалась изъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя умѣютъ повиноваться, способны вездѣ приноровиться, со всѣми ужиться, умѣютъ сознавать свой долгъ и подчиняться ему охотно, безпрекословно, которыя по привычкѣ ищутъ чужой воли, чужой власти надъ собой и какъ бы считаютъ себя существующими не для себя, а для другихъ. Идти по указанной дорожкѣ, дѣлать по заведенному порядку, строго соблюдать всѣ принятыя формальности и обряды, ничѣмъ не заявляя своей личной самостоятельности, личныхъ вкусовъ и желаній — составляетъ для такихъ натуръ какъ бы призваніе, какъ бы прямое назначеніе; въ этихъ рамкахъ онѣ живутъ спокойно и счастливо, терпѣливо перенося всякаго рода житейскія невзгоды и непріятности, и горе, никогда не заявляя при нихъ ни ропота, ни протеста. Это преобладающій типъ среди русскихъ крестьянокъ. Нельзя сказать, чтобы эта наружная

безличность и поступчивость своимъ я соединялась всегда, даже часто, съ апатичностью, чтобы въ такихъ натурахъ не крылись гдѣ-то глубоко, для самой нея невѣдомо, и находчивость, и самостоятельность, и способность разсуждать и дѣйствовать посвоему; напротивъ, сплошь и рядомъ русская крестьянка такого типа, проживя больше половины жизни умомъ и волей отца и мужа, сдѣлавшись вдругъ вдовою, не терялась, не падала духомъ, но проявляла и оригинальность, и энергію, и силу воли, и настойчивость, доходящую до упрямства. Аннушка, при всей своей добротѣ и уступчивости, была не глупа и не безхарактерна, но, много не разсуждая, знала, что ея первая обязанность и главная добродѣтель: дѣлать угодное другимъ, угождать и свекру, и свекрови, и мужу. Она легко въ этомъ успѣвала и становилась втупикъ только тогда, когда свекоръ иной разъ, разсерженный чѣмъ нибудь на сына, требовалъ, чтобы она поучила, вразумила мужа, наставила его на умъ, наблюдала за нимъ и останавливала его отъ гульбы и бездѣлья. Она и тутъ сначала тотчасъ же торопилась исполнить приказаніе свекра: ласкалась къ мужу, уговаривала его, приводила резоны, даже ворчала и выражала неудовольствіе, но Кирилла или отшучивался, или надъ нею же смѣялся, или просто отвѣчалъ бранью и уходилъ, а когда очень надоѣдала, то грозилъ и побить.

— Ну, что я тутъ подѣлаю? — разсуждала сама съ собой Анна: — извѣстно, мужъ — мужъ и есть. Захочетъ послушать — послушаетъ, а не захочетъ, такъ развѣ его заставишь? Не женѣ же мужа учить и самъ-дѣлѣ: онъ голова-то, а не я. Наше бабье дѣло такое: поговорила да поплакала — вотъ и все; а больно-то докучать будешь, такъ и хуже раз-

сердится, на зло тебѣ наблажитъ ... А тутъ еще матушка за него! ...

Анна жила съ Кириллой, какъ говорится, ладно: она не бранилась, не ссорилась, Кирилла ее не обижалъ и не притѣснялъ, хотя относился къ ней равнодушно: она была уступчива и не мѣшала ему — съ него этого было довольно. Анна съ своей стороны, сама того не замѣчая, привязывалась къ нему все больше и больше: она начинала не только исполнять его желанія, но и отгадывать ихъ, не только соглашаться съ нимъ, но и смотрѣть на вещи его глазами. Кирилла жаловался на скупость и суровость отца, и Анна вмѣстѣ съ нимъ готова была осуждать старика. Онъ разсказывалъ, что всѣ молодые парни гуляютъ въ деревнѣ, что безъ этого никакъ прожить невозможно, потому — знакомство-дружество, а ему отецъ съ дѣтства мѣднаго пятака на гулянку не далъ, а только билъ да надругался, когда чужіе люди, бывало, поподчуютъ, да вотъ и теперь у женатаго-то копѣйки за душой нѣтъ, — и Анна безпрекословно, по первому слову, отдавала мужу для заклада свои приданыя дѣвичьи сокровища, которыя остались въ ея собственномъ коробу и не пошли въ общій чуланъ, за ключемъ у свекра. Коробъ этотъ, кстати сказать, скоро опустѣлъ. Анна тщательно скрывала отъ отца всѣ уклоненія мужа отъ работы, всѣ его ночныя гулянки и запои. Во всемъ этомъ она много руководилась примѣромъ Ѳедосьи Осиповны, которая по-прежнему покровительствовала сыну во всѣхъ его глупостяхъ, какъ говорилъ Ѳедотъ Семенычъ. Анна чувствовала, что только ведя себя такъ съ мужемъ, она можетъ угодить свекрови, — а не идти же вѣдь ей противъ нея.

Такимъ образомъ, въ домѣ Ѳедота Семеныча сформировался какъ бы заговоръ противъ хозяина: изъ жены, сына и снохи; но онъ пока не замѣчалъ этого: видѣлъ, что семейные его живутъ мирно, согласно, Кирилла пьянъ попадался ему не часто, сноха ему на него не жаловалась — и былъ покоенъ. Правда, онъ не замѣчалъ еще со стороны сына той ретивости и заботливости о хозяйствѣ, какихъ бы желалъ, но подъ присмотромъ заботливой Анны дѣло шло порядочно, и онъ уже подумывалъ: не дать ли сыну побольше воли и самостоятельности, но хотѣлъ подождать еще одинъ годокъ.

Въ этотъ періодъ времени, послѣ свадьбы Кирилла, совершились два важныя для Ѳедота Семеныча событія: во-первыхъ, онъ былъ выбранъ старшиною на третье трехлѣтіе, во вторыхъ, что его особенно обрадовало, ему удалось не только выжать изъ деревни Ѳедора Гаврилова, но даже и вовсе уничтожить кабакъ въ селеніи: онъ настоялъ, гдѣ слѣдовало, о томъ, чтобы Ступино лишено было этого права, и, какъ ни ворчалъ міръ, какъ ни роптало на него общество, патента на торговлю виномъ въ Ступинѣ не выдали, и кабакъ самъ собою закрылся. Чтобы нѣсколько утѣшить общество въ этой потерѣ, Ѳедотъ Семенычъ принялъ на себя хлопоты въ огражденіе міра отъ взысканій Ѳедоромъ старыхъ долговъ съ крестьянъ Ступина, и повелъ дѣло такъ, что Ѳедотъ получилъ только съ тѣхъ, которые сами хотѣли платить и сколько хотѣли. Ѳедотъ Семенычъ торжествовалъ, думая, что онъ спасаетъ и своего Кирилла и своихъ сельчанъ отъ главнаго соблазнителя и виновника всѣхъ золъ; но онъ нажилъ себѣ заклятаго врага, который оказался хитрѣе и ловчѣе его. Версты за двѣ отъ

Ступина шла граница его волости и начиналась другая; какъ разъ возлѣ стояла маленькая деревнюшка на торговой дорогѣ, идущей изъ села въ городъ. Өедоръ Гавриловъ втихомолку заарендовалъ около этой деревнюшки на нѣсколько лѣтъ клочекъ земли на самой большой дорогѣ, съ правомъ открытія заведеній для товговли горячими напитками, и основалъ тутъ свою новую резидендію. Хотя мѣсто было небойкое и проѣздъ по дорогѣ небольшой, но Өедоръ Гавриловъ зналъ, что дѣлалъ: онъ надѣялся на себя, на свои связи и знакомства, уже упроченныя съ сосѣдними деревнями, а также и на то, что, по новымъ правиламъ, на пять верстъ кругомъ не было ни одного питейнаѓо. Онъ предвидѣлъ, что все Ступино мало-по-малу вновь обратится къ нему и будетъ уже совсѣмъ и крѣпко въ его рукахъ. Чтобы привлечь больше посѣтителей и оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ открылъ рядомъ съ кабакомъ мелочную лавочку и взялъ патентъ на бѣлую харчевню.

— Теперь вотъ милости просимъ, — говорилъ онъ первымъ же посѣтителямъ: — изъ лавочки въ кредитъ что угодно, а виннаго кредита у меня нѣтъ больше ... И насчетъ, если денегъ нѣтъ за товаръ, вещами могу принимать: на обмѣнъ, значитъ, — вольная торговля закономъ не воспрещается. А чтобы, напримѣръ, водки въ долгъ — нѣтъ, шабашъ, учены довольно: я этому старому чорту, Өедоту, за его науку, насчетъ ступинскихъ, по гробъ жизни въ долгу состою. Справлю когда ни на есть, отдамъ: получитъ съ процентами! ... И если теперича, такъ сказать, не трафится у кого заплатить винной части, по забору, значитъ, съ питейнаго предмета — ничего: возьми хошь фунтъ кренделей изъ лавочки,

зачтемъ по лавочной части, а чтобы, напримѣръ, питій въ долгъ али вещи принимать подъ питья: тамъ одежду или иное прочее — ни-ни-ни, Боже мой, такъ и знайте, господа, такъ и въ людяхъ разсказывайте ... А теперича у меня чудесно: мѣстечко въ сторонѣ, тихо, смирно, и позасидѣлись ночнымъ дѣломъ — что-жъ такое: стоялый дворъ и при ономъ бѣлая харчевня ... Кто можетъ препятствовать? ... Никто, потому большая дорога, человѣкъ прохожій, проѣзжій, со стужи, холодный ... Сколь угодно, во всякое время милости просимъ! ... А благодѣтелю моему, Ѳедоту Семенычу, за его премудрую науку очень благодаренъ: не увидите ли, такъ и скажите ...

И въ то время, какъ Ѳедотъ Семенычъ еще радовался и надѣялся, что спасъ отъ соблазна своего сына и однообщественниковъ, Кирилла, вмѣстѣ со своими пріятелями, одинъ изъ первыхъ обновилъ вновь открытое заведеніе стараго дружка-знакомца.

— Ты у меня самый дорогой гость, Кирилла Ѳедотычъ, — говорилъ ему Ѳедоръ, привѣтствуя его въ первый разъ на своемъ новосельѣ, потому мы ровно родные братья, въ одинаковой наукѣ были, отъ одного родительскаго благословенія жить пошли. Потому, тебя родитель всенародно оконфузилъ дубьемъ, а меня рублемъ, тебя опосля того женилъ на дѣвкѣ, а меня на новомъ мѣстѣ, ты его долженъ благодарить за стараніе и наученіе, и я то же самое ... Только ужъ ему теперича меня здѣсь мудрено достать, не знаю какъ тебя ... Вотъ тебѣ, смотри, заведеньеце-то каково? Есть гдѣ разгуляться? ... Изволь, другъ, спрашивай, чего душа желаетъ: всѣмъ послужить можемъ и питейнымъ, и ѣстнымъ ... Что угодно получай, только денежки плати ... Теперь,

чай, женился — побогатѣлъ: батька не даетъ по скаредству своему, у жены, чай, есть что ... А васъ, подлецовъ, — обратился онъ къ ступинскимъ ребятамъ, пришедшимъ вмѣстѣ съ Кириллой, — васъ бы не слѣдъ и пускать сюда изъ-за вашихъ батекъ, что какую они подлость со мной сдѣлали; обворовали меня кругомъ, ограбили за мою-жъ къ нимъ добродѣтель ... да ужъ только что съ дружкомъ пришли, изъ-за него примаю ...

— Не въ насъ сила, Ѳедоръ Гаврилычъ, — оправдывались ребята ... Кабы, кажись, въ насъ сила была, такъ мы не ежели тебя обиждать ... а вотъ бы какъ для тебя старились, всей душой! ... И не изъ-за нашихъ батекъ это все вышло, а все изъ-за стараго чорта, изъ-за старшины вотъ его ... Вотъ въ комъ все это ехидство сидитъ: онъ и нашихъ надоумилъ, это мы довольно знаемъ! ... Тебя и теперь жалѣютъ и батьки, вотъ что! ... Не бойся, постой, всѣ къ тебѣ оборотятся ... Оборотятся, братъ, не сумлѣвайся ... потому, ты не въ отдаленьи, а тутъ — двѣ версты ничего не значитъ ... А что пороть, насъ тоды всѣхъ пороли, не одного его, Кирюху: всѣмъ, братъ, тоды было ... Все отъ него, стараго ... А насъ, братъ, прими, Ѳедоръ Гаврилычъ, потому мы вотъ какъ къ тебѣ привычны, ровно къ родному — всей душой ... А это придти, придутъ всѣ ... наши ... Ты не сумлѣвайся! ...

— Да я и званія-то не хочу брать, чтобы думать-то о нихъ ... Вы, извѣстно, ребятки непричинны въ отцахъ: съ васъ и спрашивать нечего ... А батекъ-то вашихъ еще какъ приму ... Еще ты сначала приди да старое заплати ... ну, тогда, можетъ ... А у меня вишь ты какъ: тихо, смирно, въ сторонкѣ, никто не видитъ, не слышитъ, что

угодно! ... Ну, ребята, для новоселья, для перваго раза, чего угодно спрашивайте, съ уступкой вамъ буду отпускать: вотъ какъ — съ четверти пятиалтынный спущу ...

И съ этого посѣщенія Кирилла началъ приносить приданое жены изъ ея коробки во вновь открытое заведеніе Ѳедора Гаврилыча. Но коробка скоро опросталась, а между тѣмъ Кирилла очень привыкъ къ тихому и укромному убѣжищу, гдѣ снова устроился прежній клубъ, но съ гораздо большими удобствами и многолюднѣе прежняго. За оскудѣніемъ женинаго короба, Кирилла попробовалъ прибѣгать къ прежнимъ, ему извѣстнымъ, источникамъ; но и эти источники оказались скудны, потому что послѣ памятнаго погрома Ѳедотъ Семенычъ сдѣлался еше недовѣрчивѣе и осторожнѣе и даже ключъ отъ амбара держалъ постоянно у себя, а для текущаго расхода выдавалъ хлѣба дня на два, на три.

Однажды въ домѣ Ѳедота Семеныча случилось небывалое и неразгаданное происшествіе. Въ деревнѣ Ступино былъ праздникъ. Къ Ѳедоту Семенычу пріѣхали въ гости Герасимъ Дмитричъ со старшимъ сыномъ и его женой. Ѳедюша не поѣхалъ: несмотря на желаніе семьи, онъ не могъ сблизиться съ Кириллой, и они взаимно другъ друга недолюбливали. Кирилла относился къ нему свысока и насмѣшливо, а Ѳедя конфузился, стѣснялся при Кириллѣ, былъ молчаливъ, избѣгалъ бесѣды. На вопросы Ѳедота Семеныча, почему они не дружатся, Кирилла называлъ шурина хвастуномъ и бахваломъ, а Ѳедоръ ничего опредѣленнаго не высказывалъ и отдѣлывался общими безсодержательными фразами. Наконецъ, родные махнули на нихъ рукой и оставили въ покоѣ.

Гости пріѣхали съ ранняго утра, чтобы пробыть весь день до вечера. Лошадь Герасима отложили, сняли съ нея сбрую и поставили къ колодѣ, а хомутъ со шлеей, сѣделкой и возжами оставили въ телѣгѣ, задвинутой вглубь двора. Ворота затворили и заперли, но калитка рядомъ съ ними, изъ которой входили прямо на помостъ, прилегавшій къ избѣ и отгороженный отъ двора балясникомъ, осталась по обычаю отпертою и отворенною. Гости праздновали и пировали спокойно и радостно: пили чай, послѣ чая ѣли; хозяйкамъ хлопотъ было довольно: онѣ то-и-дѣло бѣгали и прислуживали. Участвовалъ въ этихъ хлопотахъ и Кирилла: по доброй волѣ и къ удовольствію стариковъ, бѣгалъ за водой, помогалъ грѣть самоваръ, уносилъ и приносилъ его; работникъ, ради праздника, уволенъ былъ погулять; Кирилла не разъ бѣгалъ посмотрѣть и на лошадь гостей: напоить ее, задать ей корма. — Онъ былъ особенно услужливъ и радушенъ къ гостямъ, такъ что Ѳедотъ Семенычъ не безъ особеннаго внутренняго удовольствія обратилъ на это вниманіе Герасима.

— Смотри-ка, сватушка, мой-отъ, мой-отъ — какъ старается: видно, что женина родня въ гостяхъ! ... Въ другой разъ натыкай на дѣло-то, указывай, а теперь, смотри-ка, смотри-ка, самъ глядитъ: гдѣ бы какъ помочь да услужить ...

— Для жены старается, какъ же ... Нельзя, — съ улыбкой отвѣчалъ Герасимъ. — Жена — первая причина ... для человѣка: она свое возьметъ, все выдѣлаетъ изъ человѣка ...

— Дай Богъ, кабы совсѣмъ-то онъ у меня уставился ... Вѣдь парень-то какой, какъ захочетъ, ловкій до всего ...

— Да, Богъ милостивъ ... Теперь въ немъ ровно этого ничего нѣтъ ...

— Лучше-то, лучше, благодарить Создателя ... А все примѣчалъ раза два, и невдавнѣ, хмѣленъ былъ очень ... Я ужъ видъ далъ, что и не примѣтилъ, ничего и не сказалъ ...

— Да и не говори, согласнѣй будетъ ... Теперь, коли съ женой ладно живутъ, да она не жалится, такъ сами промежъ собой лучше сладятся. Она его и разговоркой разговоритъ, и всячески усовѣститъ ... Ничего, Ѳедотъ Семенычъ, Богъ милостивъ ...

Оба свата были въ самомъ свѣтломъ, въ самомъ благодушномъ настроеніи. Но послѣ обѣда, когда старшій сынъ Герасима пошелъ на дворъ взглянуть на лошадь, онъ замѣтилъ отсутствіе сбруи въ телѣгѣ, куда онъ самъ ее клалъ вмѣстѣ съ Кириллой. Воротясь въ избу, онъ спокойно спросилъ Кирилла, а потомъ и бабъ: прибрали, что ли, они куда ихнюю сбрую изъ телѣги. Оказалось, что никто до нея и не дотрогивался. Поднялась тревога, опросы другъ друга: не запамятовалъ ли кто какъ, можетъ, сунулъ куда да забылъ; началось исканье по всѣмъ угламъ и возможнымъ помѣщеніямъ, но сбруи никто не видалъ, не трогалъ, нигдѣ ее не нашли — пропала. Были ворота заперты? — Были. Не приходилъ ли кто чужой? — Да никто и не бывалъ. Если украсть, такъ надо пройти черезъ весь дворъ, черезъ помостъ, мимо самой избы, опять же днемъ, — опять же у старшины со двора: больно ужъ смѣло, ничто! ... А вотъ нѣтъ, и нѣтъ: стало быть, нашелся же кто смѣлый и ловкій воръ, не посмотрѣлъ, что день, и на улицѣ людно, и у старшины на дворѣ — взялъ да и былъ таковъ. Первое подо-

зрѣніе пало на работника, но оказалось, что онъ съ ранняго утра былъ мертвецки пьянъ и до сихъ поръ спалъ еще у всѣхъ на глазахъ, чуть не середи улицы.

Өедотъ Семенычъ опечалился и оскорбился. Самъ вышелъ на улицу, кликнулъ старосту, позвалъ нѣсколько трезвыхъ домохозяевъ, объявилъ о пропажѣ и о дерзости воровства. Начался шумъ, крикъ, соображенія, пересуды, ругательства. На шумъ сбѣжался чуть не весь праздный, гулящій деревенскій людъ.

— Я этого не потерплю, — кричалъ Өедотъ Семенычъ, потерявшій даже свое обычное самообладаніе. — На что ужъ это похоже: середи бѣлаго дня у самого старшины со двора ...

— Какъ можно стерпѣть, Өедотъ Семенычъ, — отвѣчали изъ толпы. — Стерпишь ли ... Никакъ этого невозможно стерпѣть ... Поди-кось ты и есть: и середь бѣлаго дня, и у старшины со двора ... Ахъ, народъ! ... Ахъ, дошлый народъ! ...

— Да гдѣ у те лежала-то она? сбруя-то эта самая? — спрашивали чуть не въ сотый разъ Өедота Семеныча.

— Да вѣдь говорятъ вамъ — въ телѣгѣ, на дворѣ ... Чего еще? ...

— Ну, чего еще: вѣдь, сказываютъ тебѣ-ка ...

— И нѣту? ...

— Ну, стало быть, нѣтъ, коли пропала ...

— А, можетъ, въ другомъ мѣстѣ гдѣ?

— Чего въ другомъ мѣстѣ, коли вездѣ искали ... Отстаньте вы, ну васъ! — говорилъ Өедотъ Семенычъ. — А вотъ что, міряне: это на всю нашу деревню срамъ, худая слава ... Это надо искоренить: ворамъ потакать нельзя ... Я вотъ что хочу: я сейчасъ по всѣмъ домамъ обыскъ сдѣлаю ...

Староста! Вотъ сейчасъ возьмемъ Якова Петрова да Ивана Захарова, да еще кого ... и пойдемъ ... Вы, господа, не обижайтесь: я всю деревню обхожу, у всѣхъ обыскъ сдѣлаю ... Это никому не въ обиду ... Да поставь, староста, двухъ десятскихъ по концамъ улицы, чтобы, поколь обыскъ дѣлаю, никто изъ гостей не уѣзжалъ ... Вы не обижайтесь, братцы ... Это дѣло общественное: я ни на кого поклепа не кладу, а это дѣло надо дойти, и виноватому, коли найдется, потачки не давать ...

— Да намъ сколь угодно обысковъ дѣлай ... Мы согласны, — загалдѣли изъ толпы.

— Мы съ нашимъ удовольствіемъ! ...

— Куда угодно: вездѣ отопру, самую что ни на есть утробу выворочу ... Смотри ...

— Чего обижаться? Обижаться нечего: до кого ни доведись ... Дѣло такое ...

— Какъ бы не подкинулъ, смотри ... Наотвѣчаешься послѣ ...

— Такъ берегись, поосторожнѣе ...

— Такъ пойдемъ, ребята, къ домамъ: и самъдѣлѣ сторожиться нужно ... Онъ лютъ ...

— Кто?

— А воръ-отъ ... Подкинетъ, братецъ, а ты тутъ послѣ въ отвѣтѣ будешь ...

— Гдѣ подкинуть, давно, чай, справлено ...

— Куда?

— А куда ни на есть: мѣстовъ-то много ... Держать въ домѣ не станетъ.

— Такъ ты развѣ видѣлъ? ...

— Чего видѣлъ, чортъ? ... Видѣлъ! ... Я такъ — къ примѣру ... Видѣлъ! ... Ты не видалъ ли?

— Что мнѣ видѣть-то? ... Я, кабы видѣлъ, такъ сказалъ бы ...

— Такъ то-то и есть ... И всякой такъ же само ... А то: видѣлъ! ... Ты языкомъ-то не очень больно, подумавши, а то у меня: не прикуси! ...

— Да что ты лѣзешь, чего лаешься? ... Я такъ только ...

— То-то, такъ только ... А ты махалкой-то своей обведи перво во рту разовъ пятокъ, а послѣ и булькай ... А зря-то не махай ... Вишь ты: видѣлъ! ... Ты, значитъ, въ свидѣтели меня выводишь, дьяволъ: а коли я ничего не знаю и не видалъ, и не слыхалъ ... Чего-жъ ты зѣваешь? ...

— Да ну тебя вправду ... Присталъ ...

— Пойдемъ, робя, пойдемъ по домамъ: вона пошли въ обыскъ ...

Толпа разбрелась.

Пока Ѳедотъ Семенычъ производилъ обыскъ, въ домѣ вдругъ сдѣлалась тишина: всѣ, и гости, и хозяева — чувствовали какую-то неловкость и стѣсненіе, говорили между собой какъ-то отрывочно и неполнымъ голосомъ, всѣ робко и нерѣшительно взглядывали другъ на друга, точно каждый считалъ себя виноватымъ передъ всѣми другими или имѣлъ какія-то мысли, или смутныя предчувствія, которыхъ боялся, не рѣшался высказать, самъ въ нихъ не вѣрилъ и силился прогнать ихъ отъ себя и опасался, чтобы они не сообщились или не были отгаданы другимъ. Всѣхъ еще разговорчивѣе былъ Кирилла и какъ будто старался лѣзть другимъ на глаза; разговоръ его безпрестанно возвращался къ пропажѣ, хотя уже всѣ устали говорить объ этомъ и не поддерживали его.

— И вѣдь то удивительно,—говорилъ Кирилла,— что передъ самымъ, ну, обѣдомъ выходилъ я къ лошади, проходилъ мимо телѣги и видѣлъ, вотъ сво-

ими глазами видѣлъ: тутъ лежала сбруя ... Какъ мы тогда съ тобой, Алексѣй Герасимычъ, положили ее, такъ она и лежала ... Ничего больше, какъ это во время обѣда: вотъ мы обѣдали, а онъ забрался да и вынесъ, на улицѣ тогда народа мало, вынесъ, да сейчасъ въ зауголокъ, да задами ... Никто и не видалъ ... И какъ это мы не сдогадались тогда, оставили въ тълѣгѣ-то? ... Не занесли ее? ... Ну, хошь бы на мосту покинуть въ сѣняхъ, все бы цѣлѣе было ... Да можно ли было полагать этого? ... Никогда вѣдь этого не бывало ... Ну, и сами, бываетъ, оставляемъ на часъ-то ... не то что, а бываетъ и ворота отворены, да Богъ миловалъ ... А тутъ вотъ, точно сквозь землю провалилась! ... Я такъ полагаю, что напрасно батюшка и съ обыскомъ пошелъ: наврядъ ли, чтобъ стали въ избахъ али тамъ гдѣ по сараямъ прятать, да и не изъ нашихъ это, а надо такъ полагать, что изъ чужестранныхъ ... Вотъ пришелъ гулять на деревню, заглянулъ во дворъ, видитъ — никого нѣтъ, пошарилъ, нашелъ да былъ таковъ ... Поди, чай, ужъ на пять верстъ занесъ теперь ... А опосля того еще подальше справитъ ... Сбруи-то жалко, сбруя-то какая чудесная новая, и съ наборомъ ... Чай, рублей пятнадцати стоитъ съ возжами-то ... Да нѣтъ, не управишь, не сдѣлаешь и на пятнадцать ...

— Слишкомъ двадцать стала, — отрывисто и сердито промолвилъ Алексѣй Герасимовъ.

— Вота! ... Хошь нашу возьмите ужо ... Какъ же, безъ хомута — возжей не поѣдешь ... У насъ есть такой оголовокъ ... придется на вашего бурку ... Да, батюшка, поди, свою отдастъ замѣсто вашей, не захочетъ онъ этого: что-жъ, вы не виноваты, у насъ въ гостяхъ.

— Знамо, не захочетъ: неужто имъ изъяниться?— замѣтила Ѳедосья Осиповна. — Наша ужъ бѣда...

— Да это что ... развѣ въ томъ, — какъ-то неопредѣленно не то возражалъ, не то соглашался Герасимъ Дмитричъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это вы ужъ и не говорите, сватушка: наша бѣда, у насъ въ домѣ, нашъ и отвѣтъ, — настаивала Ѳедосья Осиповна.

— Лучше, кабы вора-то найти, согласнѣе бы было, — говорилъ Герасимъ.

— Гдѣ, чай, найти: я такъ полагаю, не найдешь, — замѣчалъ Кирилла.

И дѣйствительно, поздно вечеромъ Ѳедотъ Семенычъ возвратился усталый, сердитый, разстроенный и съ пустыми руками. Обыскъ не привелъ ни къ чему: ни къ открытію виновнаго, ни даже къ какимъ либо слѣдамъ и подозрѣніямъ. Родные уѣхали со сбруей хозяина.

Послѣ ихъ отъѣзда Ѳедотъ Семенычъ нѣсколько разъ пытливо взглядывалъ на Кирилла и покушался-было даже о чемъ-то заговорить съ нимъ, но остановился и рѣшительно покачалъ головой.

— Не можетъ быть! — проговорилъ онъ мысленно.

Такъ и исчезла сбруя. Нѣсколько дней послѣ того еще посудили-порядили, а потомъ и бросили.

II.

Прошло послѣ того двѣ недѣли. Ѳедота Семеныча вызвали по дѣламъ въ городъ. Уѣзжая, онъ сказалъ домашнимъ, что, по всѣмъ видимостямъ, пробудетъ въ отлучкѣ дня два-три, и потому сдѣлалъ на это время кое-какія распоряженія по дому. Въ его отсутствіе, наканунѣ воскреснаго дня, подъ ве-

черъ, Кирилла заложилъ лошадь въ телѣгу и, ничего не сказавши домашнимъ, выѣхалъ изъ дома. Онъ направился къ Ѳедору Гаврилычу. Въ эти часы, наканунѣ праздниковъ, у него обыкновенно мало бывало народа. Подъѣхавши къ крыльцу и привязавъ лошадь, Кирилла заглянулъ въ кабакъ — тамъ лежалъ въ растяжку на полу и не то спалъ, не то находился въ пьяномъ безпамятствѣ, одинъ только Гоношило.

Это былъ бездомный, безпріютный мужиченка, полу-одурѣлый отъ пьянства, весь дрожащій, вѣчно говорившій несвязный вздоръ, оборванный, всклокоченный, избитый, котораго Ѳедоръ Гавриловъ принялъ въ качествѣ работника, но безъ жалованья, изъ-за одной только пищи и права проживать дни и ночи въ кабакѣ, допивать остатки изъ стакановъ, выпрашивать рюмку, а иногда и шкаликъ у расходившейся компаніи, забавлять ее и задерживать пьянымъ вздоромъ, который уже давно былъ всѣмъ знакомъ, но всегда, какъ новость, возбуждалъ интересъ и смѣхъ общества. Гоношило можно было ругать и даже бить, подпаливать ему бороду, стричь плѣшинами волосы на головѣ, обливать водой, заставлять закуривать трубку, наполовину набитую порохомъ, — словомъ, выдѣлывать надъ нимъ всякія затѣи, которыя только приходили въ пьяныя головы и служили къ увеличенію общаго веселья ... Гоношило ругался, защищался, иногда дрался, что было еще веселѣе, но никогда не обижался, не жаловался, если только такія потѣхи сопровождались наградой въ видѣ водки. По утрамъ онъ долженъ былъ нарубить дровъ, натаскать изъ колодца воды, наносить корма скотинѣ, и среди дня, если народу было немного, его заставляли поставить самоваръ, сдѣлать

ту или другую послугу хозяевамъ и гостямъ; но если въ кабакѣ было людно и весело, права хозяина надъ нимъ исчезали, никакая власть уже не въ состояніи была принудить его къ какому нибудь дѣлу. Давно уже Гоношило сдѣлался что называется кабацкимъ завсегдателемъ, и, избирая то одинъ, то другой изъ сосѣднихъ кабаковъ, приходилъ въ него съ утра, взглядывалъ робко, просительно и дико на цѣловальника, — и, ни слова не говоря, садился въ уголъ, гдѣ и выжидалъ крупицы отъ пышной трапезы счастливыхъ. Ѳедоръ Гаврилычъ первый догадался эксплоатировать въ свою пользу и это несчастное отребье крестьянскаго міра: онъ не только воспользовался остатками силы въ этомъ трясущемся, разбитомъ тѣлѣ, онъ, неожиданно для самого себя, открылъ, что Гоношилу можно даже оставлять сторожемъ въ кабакѣ, что онъ, жадный къ каждой пролитой каплѣ водки, къ каждому слитку, выплескиваемому изъ стакана, готовый отдать себя на истязанія ради выпивки, — никогда самовольно и воровски не касался закупоренной посудины (не оставляй только початой) и никому, кромѣ хозяйской руки, не позволялъ дотрогиваться до завѣтной выставки и всего, что хозяйская стойка отдѣляла отъ прочаго простого человѣчества. „Бывало, вѣдь на минуту не выйди изъ кабака“, думалъ и даже говорилъ Ѳедоръ Гавриловъ, — „а при Гоношилѣ я ничего не боюсь: ровно песъ хозяйское бережетъ, никого безъ тебя къ стойкѣ даже не подпуститъ, развѣ ужъ самъ обезпамятѣетъ ... Мнѣ изъ-за этого одного ничего не составляетъ выплеснуть ему въ глотку косушку-то ... И завсегда выплесну! ... А она все-таки добродѣтель, можетъ, и зачтется, замѣстъ копѣйки нищему подать“.

Кирилла подошелъ къ нему и безъ церемоніи ткнулъ въ бокъ ногой.

— Гоношило, а Гоношило! — окликнулъ онъ его.

— А? Что? — отозвался тотъ, приподымаясь. — Пошелъ, пошелъ, пошелъ ... Нѣту, нѣту, нѣту ... Бывали всякіе ... Чортъ васъ дери ... Говорятъ, нѣтъ ...

И Гоношило опять повалился на полъ.

— Да ты, дьяволъ, слушай! ... Не узналъ, что-ли? ... Өедоръ-то Гаврилычъ гдѣ? ... Дома аль нѣтъ? ... Пошелъ, позови его.

— Да, была у попа поповна хороша ... глаженная, напомаженная ... Нѣтъ, братъ, безъ денегъ-то не сунешься.

— Да слышь, дура-чортъ ... Мнѣ самого надо. Сходи, позови.

— Нѣтъ, братъ, врешь ... Я не уйду ... Мой предѣлъ здѣсь ... Что князь во дворцѣ, что солдатъ въ будкѣ, то и я здѣсь ... Меня не надуешь тоже ... Проходи, проваливай, зубовъ не заговаривай ...

— Экъ тебя налегкая ... Слышь ты: мнѣ самого требуется по дѣлу ... по секретному ... А тамъ, може, люди есть ... Пошелъ, говорятъ, позови, а то выволочку задамъ ... Замкни кабакъ-отъ, дьяволъ, коли не вѣришь: небось, не покорыстаюсь ... Ну, пошелъ же, говорятъ ... Слышишь? ...

И Кирилла сильно двинулъ своимъ сапогомъ въ бокъ Гоношилы.

— Ой, больно вѣдь ... Бокъ-отъ у меня свой: ты что думаешь? ... Не пойду коли ...

Но Кирилла уже безъ всякихъ разговоровъ приподнялъ Гоношилу за шиворотъ и вытолкнулъ изъ

кабака. Тотъ побрелъ къ крыльцу дома, ругаясь, гримасничая и показывая Кириллѣ кулаки.

Кабакъ стоялъ рядомъ съ избой, гдѣ было жилье и помѣщалась бѣлая харчевня; по другую сторону къ избѣ примыкала лавочка. И лавочка, и кабакъ имѣли входъ только съ улицы и на ночь тщательно запирались снаружи, а днемъ — кабакъ стоялъ всегда съ открытыми дверями, лавочка же, замѣнявшая Ѳедору и амбаръ, и кладовую, отпиралась только по мѣрѣ надобности. Бѣлая харчевня отдѣлялась отъ жилья одною перегородкою съ дверями, такъ что оттуда было видно и слышно все, что дѣлалось и говорилось въ харчевнѣ, — и хозяева, сидя за перегородкою, могли явиться тотчасъ же, по первому зову гостей. Гоношило, продолжая ругаться, проходилъ черезъ харчевню въ хозяйское отдѣленіе.

Въ это время въ харчевнѣ, въ числѣ немногочисленныхъ посѣтителей, возлѣ самаго окна на улицу, сидѣли и пили чай двое изъ ступинскихъ мужиковъ, уже примирившихся съ Ѳедоромъ Гавриловичемъ и старавшихся пріобрѣсти потерянный-было кредитъ. Мужички эти были сосѣди между собою и звались — одинъ Иваномъ Ананьичемъ, а другой Яковомъ Иванычемъ. Оба они жили на самомъ краю деревенской улицы, жили небогато, но согласно, по-сосѣдски: дѣлились другъ съ другомъ по-нуждѣ, чѣмъ Богъ послалъ; почти всегда заразъ выѣзжали на работу въ поле или зимою въ лѣсъ за дровами; по праздникамъ сидѣли рядомъ на завалинкѣ — то Иванъ Ананьичъ у Якова Иваныча, то, наоборотъ, Яковъ Иванычъ у Ивана Ананьича; норовили внести заразъ и поровну всякаго рода платежи, такъ что и недоимка у нихъ была почти ровная, и въ кабакъ

ходили тоже большею частью вмѣстѣ, угощаясь взаимно.

И теперь вотъ уже четвертый разъ, на двухъ-трехъ недѣляхъ, ходили они вмѣстѣ къ сосѣднему помѣщику нанимать пополамъ покосцу въ пустоши, но никакъ не могли сладиться съ бариномъ: дѣло расходилось изъ-за рубля, котораго помѣщику не хотѣлось уступить, а крестьянамъ хотѣлось выторговать. И каждый разъ, возвращаясь недовольные домой, пріятели дѣлали небольшой крюкъ и заходили къ Ѳедору Гавриловичу, чтобы выпить по стаканчику и напиться чайку на гривенничекъ. Платили они каждый разъ полюбовно, пополамъ, наличными изъ тѣхъ денегъ, которыя носили барину въ задатокъ за покосъ и которыхъ изъ-за спорнаго рубля, къ великому ихъ огорченію, баринъ никакъ не хотѣлъ принять . . .

— Насъ не перемнешь: умнешься самъ, — проговаривалъ Иванъ Ананьичъ, выходя отъ барина и желая тѣмъ утѣшить и себя, и пріятеля.

— Знамо, умнется, — соглашался Яковъ Иванычъ. — Вишь бы, рубль ему накинь, супротивъ цѣны . . . За что рубль-то? Покосъ-то все одинъ.

— Не перешибъ бы только кто: не перехватилъ бы, — начиналъ уже Яковъ Иванычъ, отойдя нѣсколько шаговъ.

— То-то, не перехватилъ бы кто . . . И мнѣ тоже думно, — соглашался теперь Иванъ Ананьичъ: — да гдѣ, чай . . . некому . . .

— Знамо, некому . . . Кто ему рубли-то жертвовать станетъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ до поворота къ заведенію Ѳедора Гаврилыча, они оба пріостанавливались и взглядывали другъ на друга.

— Ай зайти? — спрашивалъ который-нибудь.

— А зайдемъ! ... Хошь передышку сдѣлать. — Посидимъ.

И заходили.

Теперь они услышали такой разговоръ за перегородкою между Гоношилой и хозяиномъ.

— Подь, Кирюшка тебя спрашиваетъ, — говорилъ Гоношило ...

— Ступинскій? ...

— Нечто ... Дерется, дьяволъ ... Я ему морду-то расчищу, постой ...

— Одинъ, что ли?

— Одинъ, на лошади пріѣхалъ ...

— Такъ скажи: шелъ бы сюда ... Все одно запираться пора. Здѣся есть ...

— Такъ на вотъ ... Разѣ я его не посылалъ? ... Слышь: дерется ... За шиворотъ выпихнулъ ... Скажи, чу, секретъ до него ... Вышелъ бы на волю ...

Иванъ Ананьичъ и Яковъ Иванычъ на разъ многозначительно переглянулись: знакомое имя, слова: „на лошади пріѣхалъ“ и „секретъ!“ сильно ихъ заинтересовали. Они притаились, точно ихъ и не было, когда Өедоръ Гавриловъ проходилъ черезъ харчевню на улицу, но жадно стали заглядывать въ окно, когда дверь за Өедоромъ затворилась. Иванъ Ананьевъ, которому было ловчѣе, то и-дѣло даже высовывалъ голову за окно, стараясь разслышать, что говорилось на улицѣ, — и отрывочно, шопотомъ сообщалъ пріятелю, оглядываясь на другихъ посѣтителей; но тѣ не обращали на нихъ вниманія, потому что были изъ чужихъ деревень и занимались бесѣдой о собственныхъ интересахъ.

— На лошади ... на своей, — шепталъ Иванъ Ананьичъ.

— А батько-то уѣхалъ въ городъ … Вотъ и …— отвѣчалъ Яковъ Иванычъ.

— Нѣчто въ телѣгѣ показываетъ …

— Торгуются, знать: продаетъ, видно, по рукамъ бьютъ …

— Ладятся … Сладились …

— Вымаетъ, вымаетъ, изъ телѣги-то …

— Что?

— Погодь … Несетъ … Въ лавочку, видно … Вотъ смотри … Не выставляйся …

И, откинувшись за косякъ окна, оба пріятеля видѣли, какъ мимо самаго окна прошелъ Кирилла, надѣвши на голову хомутъ со шлеей и держа въ рукахъ сѣделку и кожаныя вожжи. Догоравшая заря отражалась въ мѣдномъ наборѣ сбруи. Впереди Кириллы прошелъ Ѳедоръ Гавриловъ, отперъ и отворилъ дверь въ лавочку. Пріятели съ изумленіемъ и въ то же время съ восторгомъ открытія смотрѣли другъ на друга.

— А вѣдь это сбру́я-то … знаешь чья? — проговорилъ шопотомъ Яковъ Ивановъ.

— Знамо, Герасимова … Вотъ она гдѣ была … Обыскъ-то дѣлалъ …

— Дома бы поискать … коло себя …

— Дошелъ парень! …

— Да, на саму точку ступилъ … Ужъ у своихъ! …

— У тестя … У своего собственнаго …

— Тонко обдѣлалъ … Прохвостъ! …

— На то грамотный … въ наукѣ былъ ..

— Да, вотъ поди … У экого-то отца …

Но пріятели оборвали разговоръ … Они услышали шумъ захлопнутой двери, лязгъ закидываемыхъ запоровъ и замковъ. Они снова притаились за ко-

сяками окна и слышали, какъ Кирилла, проходя рядомъ съ Өедоромъ Гавриловымъ, говорилъ ему:

— Право, ну, двадцать-пять стоитъ ... Только-что самому за восемь пришла, оттого отдалъ.

— Ну, ужъ сдѣлано дѣло: сказано — и шабашъ ... Не опять сначала, — отвѣчалъ Өедоръ Гавриловъ. — За что ни пришлась, а все тебѣ безъ убытка ... Заходи, чайку попьемъ.

— Сейчасъ, только лошадь привяжу ...

— Ну, а я кабакъ запру кстати ...

Пріятели съ коварной улыбкой, посматривая другъ на друга, взялись за оставленныя, недопитыя чашки.

— Вишь ты, шельма, ладитъ будто купленное, а не ... — сказалъ Иванъ Ананьичъ.

— А тотъ ровно и вправду вѣритъ ...

— Надо бы съ него магарычъ теперь спить хорошій, — надоумилъ Яковъ Иванычъ ...

— А что ты думаешь ... Поставитъ, только не сказывай ... Батька-то узнаетъ, такъ ...

— То-то, батько-та ... Тутъ одинова сопьешь, а чуть что, разборъ какой али духъ падетъ ... Заодно, скажутъ, пили ...

— Да ужъ это какъ Боже мой ... Скажутъ и не то ...

— Пойдемъ-ка отъ грѣха ...

— Пойдемъ и есть ...

Мужики стали торопливо допивать чай и сбираться.

Погремливая ключами, прошелъ за перегородку Өедоръ Гавриловъ. Вслѣдъ за нимъ, веселый и довольный, вошелъ въ харчевню Кирилла.

— Миръ честной компаніи, — проговорилъ онъ, бѣгло оглядывая всѣхъ присутствующихъ.

Узнавъ своихъ ступинскихъ, онъ нѣсколько сму-

тился. Иванъ и Яковъ поднялись уже съ мѣстъ, чтобы уходить, но при появленіи Кириллы остановились и, стоя другъ передъ другомъ, смущенно переминались съ ноги на ногу, хмурились и одергивали на себѣ кафтаны: очевидно, они не могли вдругъ сообразить, что имъ дѣлать и какъ повести себя съ Кириллой. Эта ихъ нерѣшительность и видимое смущеніе, въ свою очередь, встревожили Кириллу, но нахальство его натуры не дало ему долго задумываться: онъ бойко подошелъ къ нимъ.

— А, дядя Яковъ, дядя Иванъ, али разгулялись? — сказалъ онъ имъ ...

— Нѣту, вотъ мы къ домамъ, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, не смотря на Кирилла.

— Не оставляете тоже Ѳедора-то Гаврилыча?

— Такъ мы ... это ... ходили тута ... И зашли ...

— Что-жъ, посидите еще ... Все одно ...

— Нѣтъ, ужъ мы вотъ ... Пойдемъ, Яковъ Ивановъ.

— Пойдемъ ... Чего же ...

— Хотите: угощу?

— Нѣтъ ужъ ... благодаримъ ... Безъ насъ ровно какъ складнѣе тебѣ будетъ ...

— Отчего такъ? ... Что такое? ... И при васъ не страшно ... не махонькій ... И почище васъ отъ насъ рожи-то не воротятъ ...

Иванъ Ананьевъ съ товарищемъ сдѣлали движеніе къ выходу.

— Садись, говорятъ: бальзану потребую ...

— Нѣту, благодаримъ ... Къ домамъ пора, — отвѣчали оба пріятеля, ускоряя шагъ и озираясь на постороннихъ. — Вонъ, не одни мы, потчуй ... Насъ нечего путать ...

— Что-жъ, знамо, найдутся и окромя васъ: не-

бось, не побрезгуютъ ... Вишь ты ... Вотъ Гоношилу сейчасъ накачу, коли, замѣстъ васъ.

Но дядя Иванъ и Яковъ выбрались уже на улицу и ускореннымъ шагомъ пошли по дорогѣ къ своей деревнѣ. Отойдя безмолвно до поворота въ Ступино, они, точно ожидая за собою погони, оба вдругъ оглянулись назадъ и заговорили.

— А вѣдь не гоже дѣло-то ...

— Чего хорошаго ...

— Вѣдь надо отцу-то сказать ...

— Безпремѣнно надо ...

— А то запутаютъ ...

— Долго ли запутать ...

— Али ровно не видали? ... Не наше дѣло ...

— Да, такъ какъ на улицѣ у нихъ было, а мы въ хатѣ: ровно не въ примѣту ...

— Только что жалко батьки-то ... Ѳедота Семеныча ...

— Какъ бы ни было, что же? ... Онъ отецъ, человѣкъ старый, а сынъ чѣмъ займуется! ...

— И опять же на всю деревню поклепъ былъ: обыскивали ...

— Пущай же знаетъ, кто воръ-отъ ...

— Кажись, онъ его забьетъ ...

— Это забьетъ ...

— Онъ потачки не дастъ ...

— И мы не въ отвѣтѣ ...

— Тутъ, братецъ, значитъ, какой же отвѣтъ: сказали — шабашъ! ... Мы по совѣсти ...

— Для него же! ... По-божески, жалко отца! ...

— И для парня: пусть не балуется ... Опять же, станетъ за нимъ присматривать ...

— Какъ можно! ... У самихъ дѣти ... Они больки — дѣти-то! ...

— Дѣти, братецъ ... Она погибель самая, гробовой гвоздь, коли ежели дитё сбалуется ... Вотъ оно каково сладко! ...

— Что говорить! ... Говорить нечего ... Ты около него стараешься, пріучаешь, какъ бы все по-хорошему, для себя, напредки ... старости утѣшеніе ...

— И поддержка, знамо! ... А онъ замѣстъ того балуется ... Ужъ почтенія не жди, а смотри того: совсѣмъ пропадетъ! ...

— По этой, братъ, дорожкѣ далеко уйдешь.

— Какъ, голова, не уйти ... Сегодня стянулъ, завтра укралъ ... Не все съ рукъ сходить будетъ ... придетъ время, поймаютъ — не похвалятъ ...

— А Ѳедька-то, Ѳедька-то ... И что этого добра перетаскаютъ къ нему, и Боже мой! ...

— Да, а все добро-то мірское, кровное ... А ему въ пользу, ему все въ корысть ...

— Да вотъ какъ: нѣтъ теперича должности складнѣе, какъ эта питейная часть ...

— Какъ же, братецъ, съ чего нибудь да богатѣютъ же ... Да вѣдь что? Ты то думай, что на него николи и отвѣта-то нѣтъ, на кабатчика ... Либо откупится, либо выкрутится! ... Вотъ, гляди, совсѣмъ спутанъ человѣкъ, тутъ бы ему и пропасть ... Нѣтъ, братецъ мой, увьется, увьется такъ, — никакъ не возьмешь его: всѣ виноваты, а онъ чистъ ... Изъ воды сухъ выйдетъ! ...

— Да ужъ они къ этому сторожки ... Ну, да и опять же деньги ... Съ деньгами, голова, человѣкъ завсегда правится, потому ... деньги, онѣ завсегда правятъ человѣка ... Какъ можно ... Въ нихъ сила! ... Теперь тебя взяли; ты безъ денегъ человѣкъ, ну, долго ли тебя замотать? ... Кто за тебя вступится? ... Кому нужно? А съ деньгами-то? ...

Онѣ манятъ къ тебѣ: сейчасъ тебѣ и ласка, и уваженіе ... потому всякому получить желательно ... Ну, и оправятъ!

Среди подобныхъ разговоровъ пріятели заслышали сзади себя грохотъ быстро катившихся колесъ. Это былъ Кирилла, торопившійся догнать ихъ.

Послѣ ухода изъ харчевни мужиковъ, отвергнувшихъ его угощеніе, онъ невольно задумался и обезпокоился, и, чѣмъ больше соображалъ, тѣмъ тверже убѣждался, что они видѣли, какъ онъ продавалъ Ѳедору Гаврилову украденную сбрую. По понятіямъ крестьянъ, отказаться въ кабакѣ или трактирѣ отъ угощенія можетъ только явный врагъ или человѣкъ злоумышляющій. Въ деревняхъ спѣшатъ попотчивать водкой завѣдомыхъ воровъ, и тотъ, отъ кого они принимаютъ угощеніе, считаетъ себя обезопасеннымъ отъ нихъ. Но ни дядя Иванъ, ни дядя Яковъ не были ни въ какой враждѣ или непріязни съ Кириллой, слѣдовательно, они что-нибудь задумывали противъ него, имѣли какое нибудь недоброе намѣреніе. А что же иное, какъ не намѣреніе сказать отцу объ открытомъ ими воровствѣ? Кирилла рѣшился такъ или иначе остановить ихъ: или привлечь на свою сторону угощеніемъ, попойкой, или запугать угрозами. Съ этой мыслью онъ наскоро выпилъ нѣсколько рюмокъ кизлярки, съ которою началъ-было пить чай, оставилъ даже чай недопитымъ, поостерегся высказать свои опасенія Ѳедору Гаврилову, боясь, чтобы онъ не потребовалъ назадъ денегъ и не возвратилъ своей покупки, и, выдумавъ какой-то предлогъ, попрощался, вскочилъ въ телѣгу и погналъ вслѣдъ за уходящими пріятелями. Поровнявшись съ ними, Кирилла задержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

— Что не остались? — заговорилъ онъ. — Вотъ угостилъ бы да еще подвезъ на лошади до дома... Чего кочевряжились? ... Кизляркой бы накатилъ ...

— Негоже, паренёкъ! ... Негоже, Кирилла Ѳедотычъ, — сказалъ Иванъ Ананьичъ.

— Что такое ... негоже? ... Что̀ это негоже? — задорно и нахально спрашивалъ Кирилла.

— Самъ довольно хорошо знаешь ...

— Это что пропустилъ-то маненечко?.. Эка диковинка! Не малолѣтокъ! Ужъ, слава Богу, женатый ... могу и своимъ умомъ жить, безъ вашихъ наставленіевъ ...

— Не про то, другъ сердечный! ... Не заминай! — сказалъ съ своей стороны Яковъ Ивановъ. — Самъ знаешь, про что ... Про художество твое ...

— Ничего я не̇ знаю больше ... никакого художества ... Вы, видно, больше меня знаете ...

— Не видѣли бы — не знали ...

— Видѣли! Что видѣли-то? ... Вишь ты, видоки какіе! ... Приставлены, что ли, отъ кого?... Въ должность, что ли, въ экую обязались?.. Вишь ты, ходятъ да досматриваютъ: все ли благополучно, нѣтъ ли какой провинности за кѣмъ ... Гм ... Право, ну ... Что же видѣли? Говорите, не испугался ... Ну, что же? ... Говорите, что ли: что видѣли? ...

— Что ты бахвалишься-то ... Что? ... Коли ежели теперь довести до отца ... вѣдь какая взбучка тебѣ будетъ ... Вѣдь ты что дѣлаешь? ... У этакого-то отца ... Что ты — отъ бѣдности, что ли? Пить-ѣсть нечего, что ли? .. Съ чего дуришь-то? На отца экую срамоту пущаешь ... Молодой ты парень! ... Да и не на одного отца, на все

обчество ... По головкѣ, братъ, за это не погладятъ ... Небось! ... Добро еще своимъ судомъ, на-міру постегаютъ: хошь потачки не дадимъ, а все лучше ... А куда дальше пойдешь? ... Каково отцу-то? Отцу-то каково? ... Ты бы вотъ что, парень, въ головѣ-то держалъ: онъ у насъ чинъ, самъ знаешь, какой, третій разъ выбрали ... Опять же при старости! ... при всемъ своемъ почтеніи! ...

Мужики говорили въ одно время и въ перебой одинъ другому.

— Да что вы, лѣшій бы васъ дралъ, такіе-сякіе, что вы несуразное говорите-то ... Что васъ, обошелъ, что ли, онъ васъ и самъ дѣлѣ?.. Мнѣ и въ понятіе-то не взять: про что ...

Кирилла еще пробовалъ храбриться и не сдавался: выпитая кизлярка придавала ему бодрости съ своей стороны.

— А вотъ какъ отецъ пріѣдетъ, такъ мы и скажемъ ему ... Онъ тебѣ и вобьетъ понятіе-то. Ужъ не потаимъ — небось ... Нѣтъ, тебѣ потачку-то дать, ты, видать, на большія дѣла пойдешь! ... Нѣтъ, тебя, парень, надо хорошенько урезонить: чтобы ты помнилъ! ... Вотъ что! ... Ты какой-такой хомутъ-то продавалъ Ѳедькѣ? ... Ну-ка ... Что? ...

— Никакого я хомута не продавалъ ... Врете вы ...

— Такъ ... А коли въ свидѣтели пойдемъ? ... Коли докажемъ? ... Изъ-за тебя какая сумятица о Миколѣ-то была: на всю деревню, на все обчество поклепъ сдѣлали, съ обыскомъ ходили ... по всѣмъ ... Изъ-за тебя, прохвоста экого ... Ты что полагаешь, лестно это? ... Середи праздника, при всемъ честномъ народѣ! ... А? ... А вонъ она, сбруя-то, гдѣ ... Со старшинова двора, выходитъ, обыскъ-то надо

было начинать ... Никому и во мнѣніе-то это не пришло, что ты сдѣлалъ ... Вѣдь ты тестя не пожалѣлъ! ... Своего собственнаго ... на своемъ дворѣ, у себя въ гостяхъ!

— Такъ это вы видѣли, что я хомутъ-отъ со шлеей несъ у Ѳедора Гаврилова въ лавочку ... Такъ развѣ это тестевъ? ... Не разобравши вы дѣла, что на меня наворачиваете?.. Ну, а какъ выйдетъ, что не тестевъ, тогда что? Какой вы мнѣ отвѣтъ за это дадите, что можете человѣка напрасно опорочить?.. Да я тогда съ васъ ста рублей не возьму... за одну вашу обиду ... Да еще какъ вы смѣете человѣка въ этакой конфузъ производить! ... И тятенька, развѣ онъ дастъ свою кровь въ обиду?.. Онъ самъ съ вами изъ-за этого посчитается ... Можетъ, это сбруя-то Ѳедорова ... Онъ только просилъ меня до лавочки донести: помогъ я ему ... Ну-ка, тутъ вы какъ со мной заговорите? ... А я докажу ...

Мужички не вдругъ отвѣчали, соображая лукавыя слова Кирилла и озадаченные его нахальствомъ и угрозами. Кирилла воспользовался этимъ, ободрился, началъ ругаться, срамить и стращать ихъ, но пересолилъ. Мужики обидѣлись и разсердились; къ тому же, они успѣли и сообразить нелѣпость увертокъ Кириллы.

— Стой, парень, потише, не больно прытко ... Развѣ мы не знаемъ Герасимовой-то сбруи? Еще на свадьбѣ твоей любовались, разсматривали, потому шуринъ твой, Ѳедюшка, тутъ всякихъ узоровъ изъ кожи пристроилъ и на клещахъ у хомута рѣзьбу таку развелъ ... Всѣ видѣли довольно и сегодня признали ее. Нечего вилять-то ... Вишь ты, еще стращаетъ ... Не страшно, парень! ... А вотъ

какъ скажемъ отцу, да выведетъ онъ тебя на судъ, на обчественской ... Ну, такъ ужъ разсудимъ тебя: таку грамату на спинѣ выпишемъ, вѣкъ не забудешь — и эти тебѣ всѣ ругательства припомнимъ... Ишь ты, безстыжа твоя душа! ... Еще онъ же и срамится, ругается ... насъ же смущаетъ! ... А не слыхали мы ничто, какъ ты увѣрялъ Ѳедора, что самъ за восемь купилъ, да прибавки просилъ, не видали, какъ торговался да ладился съ нимъ? Что?.. Въ понятіе тебѣ это? ...

— Стойте, братцы, стойте ... Погодите, — говорилъ Кирилла, останавливая телѣгу. — Не заводите сдору ... Чего вамъ лѣзти въ чужое дѣло? ... Садись лучше въ телѣгу, поѣдемъ въ оборотъ: такъ накачу, такъ уважу ... ничего не пожалѣю: что угодно спрашивай ... Вотъ! ... Поѣдемте ... Право, ну ... Чего намъ сдорить-то? ... Лучше же за любовь ... Пріятельски прошу: садись, поѣдемъ ...

— Что, естественная твоя душа? Что? Сробѣлъ? Нѣтъ, парень, шалишь ... Съ тобой вязаться не компанія, нѣтъ ... Ищи другихъ ... Мы хошь и грѣшники, а съ ворами, мошенниками заодно не пьемъ: намъ за тебя отвѣчать не приходится ... Отвѣчай самъ за себя ... Ты бы насъ изругалъ, изсрамилъ, а мы бы съ тобой сѣли да поѣхали угощеніе отъ тебя принимать?.. Нѣтъ, братъ! ... Не то, а кланяться будешь, въ ногахъ валяться, такъ и тутъ не пойдемъ ... Вотъ мы какъ понимать можемъ ... Даромъ, ты старшиновъ сынъ ... Мошенникъ ты, воришко свойской! ... Вотъ коли тебѣ въ оборотъ отъ насъ ...

— Такъ что-жъ, вы доказывать, что ли, супротивъ меня пойдете? ...

— То наше дѣло, а ты свое знай ... Мы, братъ, сами дѣтные; намъ приходится васъ учить ... Мы знаемъ, каково отцу-то, коли у него экое непутное отродье ... Намъ твоихъ пакостей прикрывать не приходится, не съ чего ... Ступай, поѣзжай своей дорогой.

И Яковъ Иванычъ съ Иваномъ Ананьичемъ, прiостановившiеся было по просьбѣ Кириллы, пошли впередъ.

— Ну, коли такъ — помните! — закричалъ имъ вслѣдъ Кирилла: — доведете до отца, самимъ опосля не пожалѣть бы ...

— Что? Что? Похваляешься? ... Грозишь? ... остановились озадаченые прiятели.

— Мнѣ все одно, одинъ конецъ, да ужъ и вамъ же памятно будетъ ... Слышали? ... Знайте! ...

И Кирилла, нахлеставши лошадь, промчался мимо сосѣдей, показывая имъ кулакъ.

— Отчаянный! — проговорилъ, наконецъ, Иванъ Ананьевъ, снова двигаясь впередъ къ деревнѣ, которая уже виднѣласъ.

— Въ самъ-дѣлѣ бы онъ чего не ... Отчаянный и есть ... Ужъ говорить ли? — сказалъ Яковъ Иванычъ ...

— А вотъ помекаемъ ... погодимъ ... Что съ него будетъ ... Ужъ онъ теперь по этой дорожкѣ пошелъ, такъ, знамо дѣло, ему все одно ... Опасной самый человѣкъ ... Эхъ, Ѳедотъ Семенычъ! .. Можно ли сдумать: у экого отца ... И не сказать то грѣхъ ... Дай ему потачку, онъ и дальше, и больше ... А и говорить-то: себѣ забота только ...

И прiятели разошлись по домамъ, ни на что не рѣшившись.

III.

Нахальство и бойкость Кириллы тотчасъ же исчезли, какъ только онъ подъѣхалъ къ своему дому. Воображенію его невольно представился гнѣвъ отца, предстоящій разборъ на сходѣ, улики, наказаніе, его боль и срамъ — у него похолодѣло въ груди и замердо сердце. Задумчивый и скучный, вошелъ онъ въ избу, гдѣ мать и жена поджидали его съ ужиномъ. Онъ не могъ почти ничего ѣсть и на нѣжные вопросы матери и участливые жены: отчего онъ такой сумрачный и здоровъ ли? — отвѣчалъ отрывисто, неопредѣленно, и, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, ушелъ поскорѣе спать. Но и сонъ не приходилъ къ нему, тоска и безпокойство не давали ему покоя: онъ то и дѣло ворочался, лежа около своей жены, которая сначала попыталась - было снова разспрашивать его о томъ, что у него на душѣ, но, не получивъ отвѣта, уснула и спала крѣпкимъ сномъ.

— И нанесла меня на нихъ нелегкая, думалъ Кирилла. — И какъ это я не догадался, что изъ окна то видно меня будетъ? И что бы мнѣ попозже, въ самую бы ночь съѣздить къ Ѳедору? Дома бы въ сумнѣніе вошли ... ну, да все лучше: выдумалъ бы что - нибудь ... Вѣдь выдумалъ же теперя, чтобы уѣхать ... Ахъ, ты ... Вотъ незадача! ... Вѣдь доведутъ, безпремѣнно доведутъ до отца ... И тесть-то тутъ придетъ, и Алеха, и Ѳедюшка ... Будетъ этотъ смотрѣть на тебя ... Ни слова не скажетъ, а будетъ смотрѣть въ глаза ... Вотъ, молъ, за вора сестру отдали ... Я вотъ, молъ, вотъ какой, а ты — воръ, пропащій, послѣдній! ... О,

Ѳедюшка обрадуется, забахвалится надо мной ... И теперь-то онъ въ глаза смотритъ ... ровно обидно даже ... На смерть его не люблю ... Думаетъ самъ про себя ... николи въ компанію не пристанетъ ... Видишь ты: не пьетъ, не куритъ ... Святъ человѣкъ! ... Вотъ на него показываютъ: перенимай! ... Не поротый, а ты поротый! ... Умный, работящій, мастеръ на все, а ты — пьяница, шатунъ, лѣнтяй! .. Онъ это и думаетъ: по глазамъ вижу! ... Даромъ молчитъ, не глядитъ, а я вижу ... И теперь-то ужъ, а что тогда? ... И матушка зареветъ, и ей вступиться нельзя будетъ ... И Анна ... И ей въ глаза не смотри ... И срамъ-то срамомъ ... И выстегаютъ больно ... И сожмутъ—такъ сожмутъ: шагу ступить не дадутъ ... Эхъ, попуталъ! ... Тоска-то какая ... смертная! ... И что имъ, дьяволамъ, путаться въ чужое дѣло? ... Какая имъ корысть? .. Кабы давеча дубинка хорошая — свистонуть по затылкамъ-то, молчали бы. Рука не подниется: убить человѣка, ай, чай, страшно! ... Кровь польется, мозги полетятъ ... И онъ упадетъ, завопитъ, чай ... Страсть! ... А вѣдь скажутъ, доведутъ ... Чай, не оробѣютъ, что попужалъ словами ... Словами кто не похваляется ... Словъ не испужаются ... Еще хуже только: скажутъ похвалялся ... А теперь стегать больно будутъ, не какъ тогда! .. И тогда ай больно ... Да тогда что? Всѣхъ стегали, ребята еще послѣ смѣялись, показывались, кого лучше. А теперь одного ... Воръ! .. А вотъ нонѣ кнутомъ не бьютъ: не велѣно, сказываютъ ... И въ волости двадцать только, положеніе ... Вотъ на міру—ай, больно ... безъ счета! .. Особливо теперь, да и отецъ ...

Кирилла всталъ съ постели, отеръ потъ на лбу,

досталъ изъ кармана поддевки табакъ и началъ свертывать папироску.

— Нѣтъ, надо ихъ хорошенько чѣмъ постращать, чтобы боялисъ, — продолжалъ онъ разсуждать, закуривъ папироску и усѣвшись у открытаго окна. — А то этакъ какая же жизнь будетъ … Корову, что ли, али лошадь бы попортить? … Вотъ бы и увидѣли! … Они робки, какъ ежели вправду пригрозить … Злого да смѣлаго человѣка на міру боятся … Вонъ, который ежели отчаянный, только пригрози, ни въ жизни никто въ свидѣтели не пойдетъ … А они такъ: что, молъ, молокососъ не посмѣетъ … А вотъ и показать: вотъ, молъ, на первый разъ, а только пикни, хуже будетъ, изведу вовсе! … И замолчатъ тогда, не посмѣютъ, еще подчивать станутъ … Лихому человѣку хорошо жить: его боятся, почитаютъ … Кабы сѣнокосъ управили, такъ сѣно бы спалить у обоихъ … А вотъ что разѣ … У нихъ овинъ-то общій, да и на краю. Они-то сдогадаются, узнаютъ, отъ кого указка … Вотъ и притихнутъ, испугаются и смолчатъ … А коли и скажутъ — такъ все равно: одно будетъ, одинъ отвѣтъ! … По крайности, бояться будутъ … для переду … А онъ далеко, не опасно, что деревня займется: прогоритъ что свѣчка … Это говори, пожалуй, что со зла: не докажешь, потому робята за овинами сплошь въ карты играютъ и курятъ, мало ли бываетъ: можетъ, какъ окурокъ бросилъ — вотъ! … А они понимай … Да узнаютъ сразу … Вотъ тѣ и молокососъ! Вотъ ты и помни! .. Тутъ и Ѳедюшка не посмѣетъ больно-то смотрѣть … Это не хомутъ украсть … Тутъ, братъ, посторонись, не очень задѣвай этого человѣка … Ужъ коли на сдоръ пойдетъ, такъ уходи лучше подальше …

Вотъ ихъ какъ нужно ... коли на зло пошло ... Отецъ? ... Отецъ все равно и за одинъ хомутъ истиранитъ, жизни не радъ будешь ... А тутъ и онъ ... Можетъ, еще и лучше ... Поостережется тоже: видитъ, человѣкъ во злѣ ... не боится ...

Кириллу кидало то въ жаръ, то въ ознобъ. Онъ безпрестанно отиралъ съ лица потъ, руки его дрожали. Сердце то замирало, то ныло. Какая-то безпредметная злоба смѣняла въ немъ ощущеніе страха. Кирилла вдругъ вскочилъ, захватилъ кисетъ съ табакомъ и потихоньку выбрался на улицу.

Утренняя заря едва брезжилась. Вся деревня еще спала, только пѣтухи перекликались по дворамъ. Прохладный вѣтерокъ отъ времени до времени порывисто пробѣгалъ по вѣткамъ березы, стоявшей въ огородѣ, и онѣ поскрипывали, задѣвая одна за другую. По небу ходили густыя облака. День обѣщалъ быть пасмурнымъ. Кирилла пошелъ задами дворовъ по переулку, по направленію къ избамъ Якова Иванова и Ивана Ананьина. Они стояли не больше, какъ черезъ десятокъ дворовъ отъ дома Ѳедота Семеныча. Кирилла шелъ медленно, нерѣшительно.

Теперь — или погодить до вечера? — думалъ онъ. — Вечеромъ согласнѣе: подумаютъ, что робята какъ заронили ... А они днемъ-то скажутъ, наведутъ къ Ѳедору ... Да и развѣ не все равно: пущай же лучше сдогадаются: бояться будутъ ... Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ ... О, дьяволы, чего думать-то ... Они разѣ не хотятъ моей погибели? ... Взять да подпалить прямо дворъ ... Не сгорятъ — выскочатъ ... А и сгорятъ, такъ ... Нѣтъ, ужъ пущай это послѣ, коли не уймутся, а теперь страху напустить ... До овина-то идти далеко, — пожалуй.

домой не успѣешь добѣжать, а вотъ сарайченки ихъ рядомъ стоятъ — въ огородахъ, вотъ ихъ! ... Погоди-жъ вы, будете знать, какъ за мной подглядывать, да доносить на меня ... Еще для перваго раза только, а то и дворъ подпалю ...

И Кирилла перелѣзъ черезъ огородъ, подошелъ къ сарайчикамъ, которые стояли одинъ подлѣ другого такъ близко, что касались крышами. Въ проулочкѣ между ихъ стѣнами валялся разный соръ, накопившійся годами.

„Ровно нарочно навалено“ ... — подумалъ Кирилла съ какой-то странной, почти безумной, улыбкой, разгребая этотъ соръ одною рукою и доставая другою кисетъ изъ кармана.

Онъ присѣлъ на корточки, спокойно, повидимому, досталъ спичку, шаркнулъ ею о сукно поддевки, загородилъ рукою отъ вѣтра, чтобы не потухла и разгорѣлась.

Осторожно и невозмутимо, точно разводя теплину на полѣ, онъ приложилъ спичку къ сору. Онъ затлѣлся, задымилъ, но не вспыхнулъ. Кирилла выругался про себя, еще поразрылъ и разрыхлилъ приготовленную ямку, досталъ изъ-подъ сараюшки пучокъ полусгнившей соломы и положилъ ее въ соръ, вынулъ вдругъ три спички, вмѣстѣ сложилъ ихъ, зажегъ и подставилъ къ соломѣ. Она затрещала, забѣгали огоньки, пробѣжали внутрь кучи, ушли подъ полъ сарая, выкинулся дымокъ тамъ и тутъ, скоро вся куча запылала съ трескомъ и дымъ пошелъ изъ-подъ сарая кругомъ всѣхъ стѣнъ.

„Ага ... Вотъ теперь ладно! ...“ проговорилъ Кирилла, вскакивая на ноги и съ неестественной радостью смотря на разгоравшееся пламя. На лицѣ и въ глазахъ его не выражалось теперь ни злобы, ни

безпокойства, никакой мысли и чувства, кромѣ одного удовольствія при видѣ огня: въ эту минуту онъ забылъ даже, для чего добывалъ его, не сознавалъ, что дѣлалъ поджогъ съ злобной цѣлью. Чѣмъ больше разгорался огонь, тѣмъ дальше онъ былъ отъ всякихъ злобныхъ мыслей и намѣреній: онъ просто-на-просто наслаждался борьбой огня съ горючимъ матеріаломъ и радовался его несомнѣнной побѣдѣ. Онъ забылъ даже, что надо бѣжать и скрыть слѣдъ преступленія, онъ спокойно стоялъ и смотрѣлъ, какъ огонь высовывалъ свои горючіе языки изъ-подъ пола и лизалъ стѣны, силясь достать до соломенной крыши, прислушивался къ постоянно усиливавшемуся треску, сторонился отъ дыма, который вдругъ вылеталъ откуда-то и обдавалъ ему лицо, врываясь въ носъ, въ горло, въ глаза ... Вдругъ до слуха его долетѣлъ съ противоположнаго конца деревни крикъ пастуха, хлопанье его кнута и скрипъ отворяющихся воротъ ... Кирилла опомнился и ударился бѣжать, но не къ дому, а въ противоположную сторону на выгонъ, въ поле.

Кирилла не успѣлъ еще отбѣжать и пятидесяти саженъ, какъ оба сарайчика вдругъ со всѣхъ сторонъ были охвачены огнемъ, и горящая солома крышъ, поднимаемая вѣтромъ, летѣла красными галками на крыши сосѣднихъ дворовъ, Ивана Ананьича и Якова Иваныча ... Пастухъ первый замѣтилъ и дымъ, и огонь, и поднялъ крикъ. Вся деревня встрепенулась, всѣ выбѣжали на улицу, озираясь, крестясь и крича, но избы друзей уже пылали. Огонь быстро перешелъ со двора на избы, съ крышъ на стѣны, захватилъ полѣнницу дровъ, сложенную у забора, перебираясь по ней къ рядомъ стоявшему дому. Иванъ Ананьинъ и Яковъ Ивановъ со своими домашними

едва успѣли выскочить, едва успѣли распахнуть ворота и выпустить скотину.

Бросились-было потомъ, какъ безумные въ избы, чтобы спасти что-нибудь изъ своего хозяйственнаго скарба, но дымъ чуть не задушилъ ихъ.

Невообразимая, отчаянная, безпомощная суетня началась въ деревнѣ. Народъ метался изъ стороны въ сторону, не зная, за что взяться, что дѣлать, кого слушаться. Десятки голосовъ съ одного мѣста отчаянно кричали: „воды, воды! . . . батюшки, воды!“ . . . Другіе требовали багровъ, приказывали ломать крыши на сосѣднихъ домахъ. Цѣлыми толпами кидались къ какому-нибудь одному дѣлу, толкались, ругались, мѣшали другъ другу, и снова всей толпой бросали начатое и принимались за другое. Взбирались на крыши, скидывали оттуда жерди и солому, но вдругъ раздавался отчаянный голосъ:

— Что вы дѣлаете, черти?.. Не надо! Иди сюда ... сюда!

И работавшіе или спускались опять внизъ и бѣжали, не зная куда и зачѣмъ, или оставались тамъ же на крышѣ, садились и безъ дѣла смотрѣли и кричали что-то невѣдомо кому и зачѣмъ.

Въ другомъ мѣстѣ спорили: куда пойдетъ пожаръ и гдѣ остановится, разыграется ли вѣтеръ, или нѣтъ. Изъ домовъ выносили пожитки и складывали въ одно мѣсто; но вдругъ кто-нибудь находилъ другое болѣе безопаснымъ, кричалъ, указывалъ, его слушались и тащили по его указанію; новый встрѣчный гналъ назадъ на прежнее — и его слушали, вновь перетаскивали, теряли, били, ломали.

Приносили багоръ. Пять человѣкъ, ухватившись за него, начинали растаскивать бревна, другіе пятеро доказывали, что нужно не растаскивать, а пихать

внутрь ... Спорили, ругались, наконецъ бросали багоръ на стѣнѣ, и тѣ, и другіе, и забывали о немъ: онъ горѣлъ вмѣстѣ со стѣною.

Начали приносить воду въ ведрахъ, въ ушатахъ, въ кадкахъ. Ихъ отнимали другъ у друга изъ рукъ, опрокидывали и безъ толку лили воду на землю, или и вовсе расшибали самую посуду. Одинъ требовалъ обливать цѣлую еще сосѣднюю стѣну, другой крышу, третій лить прямо въ огонь, а пять голосовъ ругались и возражали и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Никто другъ друга не понималъ, всѣ приказывали и всѣ кричали другъ на друга. Старосту никто не хотѣлъ слушать, да онъ и самъ путался и безпрестанно отмѣнялъ данныя приказанія и противорѣчилъ самъ себѣ.

Выѣхалъ, наконецъ, одинъ хозяинъ въ телѣгѣ съ бочкою воды, но вода текла черезъ всѣ уторы, и бочка пріѣзжала на пожаръ почти пустою.

Среди этой путаницы, сумятицы — проявлялись отдѣльные и безплодные подвиги самоотверженія и безумной отваги: кидались прямо въ огонь и въ дымъ, чтобы вытащить изъ горѣвшей избы какой-нибудь коробъ съ тряпьемъ, который баба не осилила вытащить и о которомъ выла и причитала теперь во все горло; задыхаясь отъ дыма, съ опаленными волосами и бородами рубили и раскидывали крышу дома въ то время, какъ стѣны кругомъ уже были въ огнѣ, или выламывали въ горѣвшей избѣ лавки, полати и полъ, не обращая вниманія на то, что потококъ уже обуглился и начиналъ проваливаться.

А между тѣмъ огонь дѣлалъ свое дѣло: то онъ пробирался по землѣ, по скинутой съ крыши соло-

мѣ, по свалившемуся обгорѣвшему бревну, по кучамъ всякаго сора въ проулкахъ между избами — и охватывалъ сосѣднее строеніе снизу, — то пролеталъ по воздуху, оторванный вѣтромъ, — и зажигалъ сосѣднюю соломенную крышу, — то вдругъ невѣдомыми путями проникалъ внутрь дома и оттуда уже, вырываясь вмѣстѣ съ дымомъ черезъ потрескавшіяся стекла оконныхъ рамъ, начиналъ лизать наружныя стѣны.

Трескъ горѣвшаго и обливаемаго водою дерева, грохотъ обваливавшихся потолковъ, разсыпавшихся дымовыхъ трубъ, своебразный шумъ движущагося огня, находящаго все новую и новую пищу, страшный, неопредѣленный гулъ человѣческихъ голосовъ, въ которомъ слышались крики, ревъ, вопли, завыванья, визгъ, дикія ругательства, — наполняли воздухъ, наводили ужасъ и вызывали нервный трепетъ въ женщинахъ. Онѣ метались, какъ безумныя, по улицѣ, кидались на землю, выли, катаясь по ней, или, совсѣмъ обезсиленныя, измученныя, сидѣли около своихъ пожитковъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, и съ отчаяніемъ, безмолвно, безнадежно, смотрѣли на свои уничтоженныя сгорѣвшія гнѣзда и на движеніе пожара впередъ.

— Батюшки, и Ванюхина изба занялась ... Вона, вона, и у Ѳедота Семеныча дымитъ ... Теперь весь порядокъ не устоитъ ... Коли старшинова дома не отстоятъ ... проулокъ тутъ ... крыша тесова ... тогда весь порядокъ сниметъ ... Батюшки, Господи милостивый, Мать Пресвятая Богородица, помилуй Ты насъ, грѣшныхъ! — слышались отчаянные голоса.

И огонь, дѣйствительно добрался, до дома старшины и одолѣлъ безпорядочныя усилія крестьянъ

остановить его на переулкѣ, отдѣлявшемъ этотъ домъ отъ сосѣднихъ. Въ то время, какъ крестьяне ломали крышу и обливали водою стѣну со стороны, обращенной къ пожару, огненная галка, перенесенная вѣтромъ, упала на избу, стоявшую съ другой стороны. Изба вспыхнула — и домъ старшины очутился между двухъ огоней: у крестьянъ опустились руки, они отступили — и, безмолвно и ничего не дѣлая, стояли толпою передъ домомъ старшины, какъ бы обреченномъ на погибель. Почти все имущество Ѳедота Семеныча было вынесено; но Ѳедосья Осиповна, испуганная и едва волоча ноги и вся въ слезахъ, порывалась еще заглянуть въ домъ, вслѣдъ за Анною, которая то-и-дѣло вбѣгала въ него, вынося то лавку, то забытый ухвать, то полуразсыпавшуюся кадушку.

— Батюшки, помогите, родимые, помогите,—обращалась Ѳедосья Осиповна къ народу. — Самого-то нѣтъ ... Не оставьте, кормильцы, потаскайте ... Въ чуланахъ-то нѣтъ ли чего? не забыли ли? .., На полатяхъ-то шуба была ... Анна, Аннушка. шуба на полатяхъ-то ... Батюшки, родные, да гдѣ же Кирюшенька-то ... Гдѣ онъ? ... Что это, свой домъ горитъ, а его нѣту-ти ... Не видалъ ли кто, родимые?.. Не сгорѣлъ ли, батюшки, не задохся ли ... Не пришибло ли чѣмъ?

Но народъ давно уже замѣтилъ странное отсутствіе Кириллы: никто не могъ припомнить, чтобы видѣлъ его на пожарѣ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ ... Вона ѣдетъ! — радостно закричали вдругъ въ толпѣ. — Машина ѣдетъ съ волости ... Сюда, сюда! ... Воды давай ... Сюда скорѣе! ...

Домъ Ѳедота Семеныча уже горѣлъ; дѣйствіе

пожарной трубы, за которою догадался съѣздить верхомъ одинъ изъ мужиковъ, направили на послѣднюю загоравшуюся избу. Въ то же время крестьяне съ радостью замѣтили, что вѣтеръ сталъ измѣнять направленіе: дымъ и искры стали летѣть не вдоль уцѣлѣвшаго еще порядка, но назадъ, на пожарище.

Народъ ожилъ и толковѣе, сосредоточеннѣе работалъ въ помощь пожарной трубѣ.

Пожаръ остановился на третьей избѣ отъ дома Ѳедота Семеныча. Шумъ и крикъ начали затихать. Народъ сталъ расходиться къ своимъ домамъ. Въ уцѣлѣвшія избы начали обратно таскать вынесенные изъ предсторожности пожитки.

Погорѣльцы, потерянные, съ тоскою на лицѣ, бродили около своихъ пепелищъ. Начинали возникать вопросы и разсужденія о причинѣ пожара.

IV.

Иванъ Ананьичъ и Яковъ Иванычъ сидѣли рядомъ, понуривъ головы, уставивши глаза въ землю и отъ времени до времени тяжело вздыхали. Давно уже сообщили они втихомолку другъ другу свои предположенія о причинѣ пожара, но не рѣшались еще высказывать ихъ вслухъ. Около нихъ собиралась толпа.

— Съ коего мѣста зачалось-то? — разспрашивали ихъ.

— Съ задовъ ... Выскочили, такъ и дворы горятъ, и сараюшки пышутъ ...

— Должно, съ огнемъ ходили вечоръ? ...

— Огня и не вздували! — возразилъ Иванъ.

— Какой огонь, по теперешнему времени ... Почто теперь съ огнемъ? ... Не осень! — поддерживалъ Яковъ.

— Вечоръ поздно пришли-то? ...

— Пришли въ свое время, небольно поздно ...

— Куда — еще до пѣтуховъ пришли ...

— По двору-то да по задворкамъ ходили ли?

— Можетъ, бабенки какъ безъ васъ? ...

— Али бы ребята малые? ...

— Можетъ, пьяненькіе пришли? ... И невдомекъ, а оно ужъ курилось ...

— Такъ разѣ скажутъ? ... Кому на свою голову нужно сказывать ...

— Ни въ жисть не скажутъ, братецъ! ... До кого ни доведись ...

— Спутается человѣкъ, знамо, притаится ...

— А вы сказывайте ... Чего не сказывать-то?.. Все одно ужъ ...

— Да чего сказывать-то? ... Сказать надо подумавши, — проговорилъ какъ-то неопредѣленно Иванъ Ананьичъ.

— То чудно, братцы, что съ задовъ ...

— Можетъ, кто курилъ да бросилъ ... Вотъ и пыхнуло ...

— Долго ли пыхнуть, особливо нынче эти цыгарки пошли ... Бумажины-то навертитъ, да съ табачищемъ-то ... Она пріимчива, бумага-то, тлѣетъ да тлѣетъ ... А тутъ солома ... Долго ли! ...

— Гдѣ съ цыгарки. Съ цыгарки не ...

— Что-о? ...

— Цыгарка, знамо, она ... Бросилъ ее наземь да ногой приступилъ ... Она и потухла ... Вотъ! ...

— Да, приступилъ! ... А иной броситъ зря, а тутъ соръ ... Онъ что порохъ ... Долго ли ему ...

— Кто первый увидалъ, скричалъ, того надо спрашивать ...

— Пастухъ скричалъ; только, говоритъ, подо-

гнался къ Семеновой избѣ, глянулъ, а изъ-за Ивановой-то избы дымъ ...

— Дымъ, сказываетъ, съ огнемъ ...

— Ну да, знамо, съ огнемъ ... Онъ и началъ вопить ...

— Никоторый человѣкъ, сказываютъ, въ поле пробѣгъ ... Подпасокъ Силашка видѣлъ, — проговорилъ только что присоединившійся къ толпѣ крестьянинъ.

Всѣ оборотились на него. Подняли глаза и Иванъ съ Яковомъ.

— Куда пробѣгъ? Коли? ... Отколь? — посыпались вопросы.

— Не вѣду вѣдь я: Силашка сказываетъ ... Только, говоритъ, я согнался на выгонъ къ пруду, а человѣкъ и бѣжитъ ...

— Силашку ... Силашку спросить ... Подавай, сюда Силашку! — заговорили въ толпѣ. — Человѣкъ бѣжалъ — значитъ, онъ не спроста ...

Сбѣгали въ пастушню. Привели Силашку, мальчишку лѣтъ 12-ти, въ большой шапкѣ, закрывавшей половину его лица, въ изодранномъ кафтанишкѣ съ чужого плеча и съ длиннымъ кнутомъ, собраннымъ на руку.

— Силашка, — заговорила толпа, — сказывай — видѣлъ ты человѣка?

— Видѣлъ.

— Бѣжалъ оной человѣкъ? ...

— Бѣжалъ ...

— Незнамый человѣкъ ... чужестранный? ...

— Кто его знаетъ, не видно мнѣ въ задъ-отъ.

— Да какой онъ? ...

— Такъ, человѣкъ, знамо ... Въ поддевкѣ ...

— Въ синей? — порывисто спросилъ Иванъ Ананьевъ.

— Она синяя, поддевка-то ... а то, можетъ, и черная ... Не видно вѣдь далеко ...

— Да ты какъ видѣлъ-то — сказывай ...

— Какъ? ... Дядя Кузьма закричалъ — побѣгъ: горимъ молъ ... А у меня жеребенокъ Васильевъ ... Строгой онъ ... сладу съ нимъ нѣтъ ... Какъ что — сейчасъ въ ярь либо въ гувно ... Онъ побѣгъ на задворки, да на гувно ... жеребенокъ ... Я за нимъ ... Онъ увидалъ да вздырять ... Бѣжитъ да вздыряетъ: не дается никакъ забѣжать-то ... Выбѣжалъ я съ нимъ изъ гувенъ-то въ поле, а человѣкъ и бѣжитъ ...

— Отколь? ...

— Отколь! ... Знамо отсель ... Вотъ бѣжитъ ...

Силашка махнулъ рукой, показывая направленіе.

— Отъ моей избы, стало быть? — спросилъ Иванъ Ананьичъ.

— Ужъ я не знаю ... Вотъ бѣжитъ! ... Стало, отъ твоей.

— Это онъ, больше некому ... Его дѣло, — проговорилъ почти невольно Иванъ Ананьичъ.

— Кому больше быть? — согласился Яковъ Иванычъ. — Разбойникъ! ...

— Кто? Кто? ... Сказывайте! — загудѣла толпа ...

— Что, Яковъ Иванычъ, ужъ надо говорить міру ... сказывать ... Пущай же на насъ сумнѣнія отъ міра не будетъ ...

— Знамо, надо сказывать ... Чего его жалѣть, разбойника ... Онъ насъ не пожалѣлъ, — отвѣчалъ Яковъ и, обратясь къ міру, отрѣзалъ: — отъ Кирюшки это сталося, старшинова, отъ него, разбойника ... Больше не отъ кого ...

Вся толпа ахнула, точно одной грудью.

— Хоть сами не видали ... на мѣстѣ его не накрыли, — заговорилъ Иванъ Ананьичъ, — а такъ, господа-міряне, что некому больше быть ... По всему сдается ... Силашка хоть малый паренекъ, а онъ вострый ... Онъ видѣлъ человѣка ... Опять же Кирюшка грозился намъ, похвалялся ... Вотъ онъ свою пристрастку намъ и сдѣлалъ ... Кому же быть больше? ... Можетъ, постращать только хотѣлъ, анъ вотъ какую бѣду сдѣлалъ ...

— Силашка, похожъ тотъ человѣкъ на Кирюшку старшинова? ...

— Какъ не похожъ ... Похожъ ... Взять, Кирюшка ...

— Ну, вотъ ... Чего-жъ ты не баялъ? ...

— Да не зналъ: може, не онъ ...

— А ты сказывай толкомъ, чертенокъ, — оборвалъ кто-то изъ толпы.

— Да я такъ и сказываю, что не знаю, молъ, кто: ни Кирилла, ни нѣтъ ... Невдомекъ ... А, стало быть, онъ самый ...

— Его и на пожарѣ, ребята, не видать было... Видалъ ли кто? ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это точно, что не было ... Опосля ужъ съ трубой пришелъ изъ волости ...

— Да съ чего у васъ вышло-то съ нимъ? Сказывайте ...

Иванъ Ананьичъ вмѣстѣ съ Яковомъ подробно разсказали всѣ свои похожденія наканунѣ.

Когда они кончили, слушатели почти единогласно рѣшили, что виновникомъ пожара не могъ быть никто иной, кромѣ Кирилла.

— Вотъ, разбойникъ! — кричали въ толпѣ. — Вотъ она, сбруя-то ... а? Пропащій, дьяволъ! ...

Взять его надо ... связать! ... Въ огонь бы его за это ... Для міра что сдѣлалъ ... Послужилъ! ... Уважилъ! ... Извести его, дьявола, надо ... Мотри-ка, что бѣды натворилъ: шестнадцать дворовъ сгубилъ ... И батьку-то разорилъ ... Убить его мало ... Подемъ, робята, надо его брать ... Подемъ за старостой ... Сотскаго надо! ... Ищи ... сотскаго! ... Сами управимся ... безъ сотскаго ... Ждать нечего: связать да въ городъ ... — Куда въ городъ, почто? ... Въ волость, въ темную, а тамъ знать будетъ ... Судъ наѣдетъ ... Судъ! Свернуть башку-то, вотъ и судъ ... Протащить голаго по головнямъ-то, чтобы чувствовалъ ...

Съ такими и подобными возгласами двигалась толпа, увеличиваясь на каждомъ шагу. На вопросы вновь пристававшихъ давались лаконическіе отвѣты:

— Нашли! ... Кирюшка поджогъ! ... Пымали съ тестевой сбруей! ... Онъ укралъ ... Вотъ и поджогъ! ... Иванъ съ Яковомъ видѣли ... У Ѳедьки: либо заложилъ, либо продалъ ... Со зла супротивъ нихъ и поджогъ ... Съ нихъ и началось ... Полдеревни выкатилъ!

Подошли къ обгорѣвшимъ развалинамъ дома Ѳедота Семеныча. Кирилла переносилъ съ Анною имущество въ уцѣлѣвшій отъ пожара сарай. Увидя въ подходившей толпѣ Ивана Ананьича и Якова, онъ догадался, что дѣло касается его, поблѣднѣлъ, задрожалъ и выпустилъ изъ рукъ сундукъ, который тащилъ вмѣстѣ съ женою. Сундукъ упалъ, и Анна едва не повалилась вмѣстѣ съ нимъ. Народъ подвигался къ Кириллу, который стоялъ, озираясь по сторонамъ, точно попавшій въ облаву звѣрь, высматривающій, куда бы укрыться. Народъ подступалъ мрачной, безмолвной пока тучей.

— Что-жъ ты, Кирилла Өедотычъ, бери что ли, — говорила Анна, наклоняясь къ сундуку и приподнимая его со своей стороны, — да держи крѣпче ... Ушибъ-было совсѣмъ ... и меня-то ...

Но Кирилла ничего не отвѣчалъ. Анна подняла на него глаза, испугалась выраженія его лица и невольно оглянулась назадъ.

— Чтой-то вы? — спросила она робко, со страхомъ, увидя сзади себя грозныя, озлобленныя лица.

Ей ничего не отвѣчали. Толпа, шумѣвшая до сихъ поръ, ждала, чтобы кто-нибудь заговорилъ изъ нея первый. Въ эту минуту грознаго молчанія Кирилла инстинктивно понялъ, что онъ можетъ искать единственной защиты только у своей матери, и быстрыми шагами, почти бѣгомъ, пошелъ къ сараю, гдѣ находилась Өедосья Осиповна.

— Уйдетъ, убѣжитъ ... держи! — воскликнуло нѣсколько голосовъ и вся толпа ринулась вслѣдъ за Кириллой.

— Воръ! Поджигатель! Душегубецъ! Злодѣй! — закричала въ то же время толпа.

На шумъ и крикъ вышла изъ сарая Өедосья Осиповна и остолбенѣла отъ изумленія и испуга: она увидѣла, что по гумну бѣжитъ ея сынъ, а за нимъ почти вся деревня, озлобленная, ругающая, грозящая. Она побѣжала навстрѣчу сыну. Встрѣтясь съ матерью, Кирилла вдругъ остановился, и въ ту же минуту около него явилась Анна, которая, ничего не понимая, но видя, что мужу угрожаетъ какая-то бѣда, бросилась вслѣдъ за нимъ и опередила толпу.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній.

Теперь стояли лицомъ къ лицу Кирилла между двумя женщинами и весь почти мірской сходъ деревни Ступина, впереди другихъ староста, Иванъ съ

Яковомъ и всѣ погорѣльцы. Кирилла старался побороть свое волненіе, испугъ, и собраться съ духомъ. Женщины обѣ дрожали, не могли ни слова выговорить, обняли его съ обѣихъ сторонъ руками и испуганно, вопросительно смотрѣли на народъ, который стоялъ передъ ними съ какимъ-то глухимъ рычаніемъ, въ которомъ пока ничего нельзя было разобрать, кромѣ гнѣва.

— Что-жъ ты бѣжишь-то? — проговорилъ наконецъ, староста.

— Я не бѣгу, — отвѣчалъ Кирилла.

— Какъ не бѣжишь? ... Бѣжишь! ... Что-жъ ты, братецъ, испужался-то? ...

— Чего мнѣ пужаться? ... Я ничего не испужался, — отвѣчалъ Кирилла, освобождаясь отъ рукъ жены и стараясь призвать въ себя свою природную наглость, замѣнявшую въ немъ смѣлость и отврагу.

— Коли ты ни въ чемъ не виноватъ, такъ нечего бѣжать отъ міра ... Отъ міра не убѣжишь: онъ вездѣ достанетъ.

— Да что вы, батюшки? — проговорила, наконецъ, Ѳедосья Осиповна прерывающимся голосомъ.

— Говори, Иванъ Ананьевъ ... Говори вы съ Яковомъ, — послышалось изъ толпы. — Вы видали ... Черезъ васъ все ... Вы и говори ...

Иванъ Ананьевъ и Яковъ Ивановъ выступили нѣсколько впередъ.

— Да скажите вы мнѣ, скажите матери-то, — взмолилась Ѳедосья Осиповна.

— Вотъ что, Ѳедосья Осиповна, — заговорилъ Иванъ Ананьевъ, — хоша онъ и кровь твоя, а онъ воръ и душегубецъ ... Прямо тебѣ сказать: онъ насъ всѣхъ искоренить хотѣлъ, черезъ него мы всѣ

теперича погибаемъ... Смотри-ка, что онъ бѣды надѣлалъ: и насъ спалилъ, и тебя спалилъ.

— Это ты напрасно, Иванъ Ананьичъ, — заговорилъ Кирилла.

— Напрасно? — вскричалъ Яковъ озлобленно. — А не ты тестеву сбрую укралъ да вечоръ Ѳедькѣ сбылъ? Не ты упрашивалъ насъ не сказывать отцу? Не ты грозилъ да похвалялся... Что, не ты?... Напрасно?...

— Напрасно и есть! — нагло отвѣчалъ Кирилла. — Сбруи я тестевой не воровалъ, и ты меня съ поличнымъ не ловилъ... А что я вечоръ точно что заложилъ Ѳедору Гаврилову хомутъ, такъ то̀ мой собственный, а не тестевъ. Можно и слѣдство произвести... А что я упрашивалъ васъ не говорить отцу, такъ знамо дѣло: опасался, что въ питейномъ былъ. Батюшка, самимъ вамъ извѣстно, человѣкъ у меня сурьезный, не любитъ этихъ глупостевъ, особливо, что съ Ѳедоромъ Гавриловымъ вожусь... Вотъ только и всего... А вы напрасно человѣка порочите...

— Нѣтъ, врешь, — вступился Иванъ Ананьевъ, и глаза его злобно засверкали. — Врешь, не порочатъ тебя, а того ты сто̀ишь... Хомутъ Герасимовъ, тестя твоего, я доподлинно знаю и видѣлъ своими глазами, и Яковъ Иванычъ видѣлъ... Ты его привозилъ... Ты на всю деревню тогда срамъ пустилъ, а онъ у тебя супрятанъ былъ, еще отъ самаго праздника... А отчего тебя на пожарѣ не было?... Гдѣ ты былъ?... Ну-ка...

— Нѣтъ, я былъ на пожарѣ... Я у трубы работалъ... Чай, видѣли: на людей сослаться.

— Да ты къ трубѣ-то навернулся, а до трубы, покуль ея не было, гдѣ ты былъ? — спросилъ староста.

— Такъ я за трубой бѣгалъ, въ волость ...

— Нѣтъ, за трубой Сиволодка верхо̀мъ скаталъ: врешь ты это ...

— Онъ на лошади, а я пѣшій: вотъ онъ впередъ и поспѣлъ ... Я ужъ на дорогѣ встрѣтилъ ее ...

— Да гдѣ на дорогѣ-то, ну-ка? ... Мы вотъ спросимъ Сиволодку, онъ вѣдь здѣся, живой ... Сиволодка, гдѣ онъ те встрѣтилъ? ...

— Да гдѣ? Почитай подъ самой деревней ... Ужъ въ поле ...

— Ну-ка, такъ какъ же ты? ... А гдѣ-жъ ты до той поры былъ? ...

Кирилла нѣсколько смутился.

— Гдѣ былъ? ... Такъ я бѣгъ ...

— Бѣгъ? ... Гдѣ ты бѣгъ-то? — опять началъ наступать на него Иванъ Ананьевъ. — Ты вонъ куда бѣгъ-то, отъ моей избы, а труба-то вонъ откуда ѣхала ... У насъ свидѣтель есть, какъ ты бѣгъ отъ моей избы, подожжемши-то ...

Кирилла поблѣднѣлъ и растерялся.

— Поджигатель! Душегубъ! ... Воръ! ... Бери его! — заголосила толпа и двинулась-было къ Кириллѣ. Но Ѳедосья Осиповна со страшнымъ визгомъ повисла у сына на шеѣ. Она была такъ страшна и жалка въ одно и то же время, что всѣ невольно остановились, ни одна рука не протянулась къ Кириллѣ. Въ судорогахъ и корчахъ трепетала старуха, охвативши руками шею сына и смотря на толпу сумасшедшими глазами на искаженномъ страшномъ лицѣ. Народъ стоялъ передъ ними неподвижно и безмолвно: горе и страданіе матери обезоруживали толпу. Но вдругъ руки Ѳедосьи Осиповны раскрылись, голова ея скатилась съ плеча сына, и старуха

рухнула на землю прежде, чѣмъ успѣли ее подхватить. Она билась на землѣ, у ногъ сына, въ нервномъ припадкѣ. Вся толпа шарахнулась въ сторону, но не расходилась. Кирилла стоялъ надъ матерью, наклонивши голову и не двигаясь: онъ смотрѣлъ на нее растерянно, испуганными глазами, между тѣмъ какъ Анна припала къ ней, старалась удержать конвульсивно бившіяся руки и прикрыть ея лицо своимъ передникомъ отъ постороннихъ глазъ.

— Что, разбойникъ, до чего довелъ мать-то? ... Смотри-ка, смотри, казнись ... У экихъ родителевъ, экой ... — вполголоса роптала толпа. — Можетъ, убилъ мать-то ... Можетъ, не отживетъ ... Съ горя это она, со сраму, со стыда твоего ...

— Это вы напугали ее ... Я ни въ чемъ непричиненъ ... Все изнапрасна, — оправдывался Кирилла, не поднимая головы и ни на на кого не смотря.

— Молчи, стерво! ... И себя погубилъ, и родительницу въ гробъ вогналъ, може, и отца-то ... Погоди, что̀ еще съ нимъ будетъ! ... Да и міру-то какую бѣду сдѣлалъ! ... Кайся лучше, винись, стань на колѣнки надъ маткой-то, да винись міру: може, хошь Богъ ей отпуститъ по твоему покаянью ... Вѣдь ты кровь ея, — вѣдь она чувствуетъ ... Вона, вона какъ! ... Винись, говорятъ, а то хуже будетъ ... Отъ міра не уйдешь — все одно ... Сними хошь грѣхъ-отъ съ души ... Душу-то дьяволу не продавай: онъ вѣдь изъ-за тебя, окаяннаго, мать-то мучитъ ...

Кирилла вдругъ упалъ на колѣни.

— Простите, православные ... Согрѣшилъ, грѣшный ... Попужать я только хотѣлъ ... Не желалъ я этого, не думалъ.

Анна всплеснула руками, вскрикнула и съ ревомъ припала къ Өедосьѣ Осиповнѣ. Вся толпа неопредѣленно гудѣла и шопотомъ совѣщались. Кирилла продолжалъ стоятъ на колѣняхъ. Онъ не плакалъ, но не поднималъ головы и смотрѣлъ въ землю, какъ преступникъ, ожидающій казни.

Өедосью Осиповну подняли и понесли. Кстати, сердобольныя сердца подхватили подъ руки и повели вслѣдъ за нею и плачущую Анну. Кирилла все стоялъ на колѣняхъ и ждалъ, что скажетъ міръ.

— Ну, вставай, пойдемъ! — сказалъ, наконецъ, староста, подходя къ нему съ нѣсколькими мужиками.

— Куда? — испуганно спросилъ Кирилла.

— Извѣстно куда — въ волость ... Повинился, теперь міръ тебя судить не будетъ и наказывать не станетъ ... До отца посидишь, а тамъ какъ онъ разсудитъ: чай, въ городу тебя судить будутъ ... Ну, пойдемъ ...

— Да я не пойду, не хочу, — упирался Кирилла.

— Ну, волей не пойдешь, такъ силой отведемъ ... Съ вашимъ братомъ церемониться нечего ...

— Да я не хочу! ... Я думалъ, что ... Я наклепалъ на себя: ничего этого не было ... Гдѣ свидѣтели? Кто видѣлъ? ... Я ни въ чемъ не виноватъ ...

— Ну, бери его, ребята ... Вишь ты, анаөемская душа ... Ну, иди, что ли, и самъ-дѣлѣ, дьяволъ ... Эку бѣду натворилъ, да еще упирается.

— Поддай ему сзади-то ... Вотъ такъ! Лучше помнитъ ...

— Смотрите, пожалѣете, спокаетесь послѣ! —

кричалъ Кирилла, стараясь вырваться и не помня что̀ говоритъ — и отъ страха, и отъ злобы.

— О-о-о! — заревѣла толпа, и нѣсколько рукъ поднялись надъ Кириллой и опустились на него.

— Отстаньте вы, черти, что вы? ... Смертоубивство сдѣлаете ... Наотвѣчаешься послѣ! — останавливалъ староста.

— Что же онъ, поджогъ да еще похваляется! ... Не то что въ темную, а на мѣстѣ бы его надо уложить! ... Короткимъ самымъ судомъ ...

— Теперь онъ казенный человѣкъ: не моги трогать ... Пошли прочь ... Не зуди языкомъ ... Тамъ разсудятъ безъ тебя! — командовалъ староста.

Кирилла шелъ уже молча и не сопротивляясь. Онъ только дико посматривалъ по сторонамъ и ёжился отъ боли. Его посадили въ телѣгу, въ ту же телѣгу сѣлъ староста и еще нѣсколько мужиковъ для сопровожденія въ волость. Толпа долго слѣдовала за ними, потомъ начала мало-по-малу расходиться и возвращаться по домамъ.

V.

Кириллу заперли въ волостномъ правленіи, въ такъ называемую темную. Это былъ чуланъ съ небольшимъ окошечкомъ, задѣланнымъ желѣзною рѣшеткою, въ стѣнѣ, выходившей на дворъ, и съ такимъ же другимъ въ дверяхъ. Не было въ этомъ чуланѣ ни лавки, ни стола: арестованные должны были и сидѣть, и лежать на голомъ полу. Зимой, въ сильные морозы, когда въ чуланѣ можно было замерзнутъ, арестантовъ переводили въ баню, которую волостному писарю предоставлялось отапливать

для собственнаго употребленія наканунѣ праздничныхъ дней. Такъ какъ виноватые оказывались бо̀льшею частью по праздникамъ, то они въ первый день ареста попадали въ тепло, и мерзли только преступные, посаженные на три дня и болѣе. Впрочемъ, не было еще ни одного случая, чтобы кто-нибудь замерзъ совершенно. Начальство знало, что, кромѣ собственной, привычной ко всѣмъ невзгодамъ шкуры, у провинившихся были овчиные полушубки и постоянная возможность, посредствомъ очереднаго десятскаго, замѣнявшаго сторожа, достать согрѣвательнаго. Въ первое время своего старшинства Ѳедотъ Семенычъ пробовалъ-было сдѣлать арестъ строгимъ и дѣйствительнымъ наказаніемъ, лишающимъ человѣка временно всѣхъ утѣхъ жизни, но и въ этомъ случаѣ также долженъ былъ уступить общественному нраву, какъ и во многихъ другихъ.

Послѣ строгихъ наказаній виновниковъ разныхъ послабленій, дѣлаемыхъ заключеннымъ, онъ экстренно, невзначай, навѣдывался, производилъ ревизіи, какъ говорили волостные писаря, и каждый разъ находилъ заключенныхъ или въ крайне веселомъ расположеніи духа, или въ такомъ угнетенномъ, что ихъ не могли бы разбудить даже громы небесные, а не только гнѣвъ и угрозы земного начальства. Дѣйствительно, страдали и даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, только отчаянные бѣдняки или личные враги волостного писаря. Поэтому Ѳедотъ Семенычъ, наконецъ, уступилъ въ безполезной борьбѣ, не любилъ наказанія арестомъ, а предпочиталъ или денежный штрафъ, или розги; но такъ какъ первый ссорилъ его съ міромъ, а часто и не могъ быть осуществленъ по бѣдности обвиненнаго, то общимъ, излюбленнымъ средствомъ исправленія и оставалась одна березовая ро-

щица, мѣсто увеселительныхъ прогулокъ населенія и стоянки для сельскаго скота въ жаркіе лѣтніе полдни. Самъ Ѳедотъ Семенычъ былъ пристрастенъ къ этому способу исправленія.

— То ли дѣло, — говаривалъ онъ: — розга-матушка спины не перешибетъ, изъяну никакого не сдѣлаетъ, да и отъ работы не отбиваетъ: получилъ свое, слѣдующее, и — ступай съ Богомъ, за свое дѣло ... А она помнится! ...

Міръ съ нимъ безусловно соглашался, такъ какъ видѣлъ въ этихъ словахъ выраженіе собственной мысли, своихъ личныхъ вкусовъ. Только молодежь въ послѣднее время стала заявлятъ недовѣріе и нерасположеніе къ этой мѣрѣ наказанія, но это было мнѣніе такого меньшинства, на которое ни сходъ, ни Ѳедотъ Семенычъ не обращали никакого вниманія.

Когда староста съ десятскими привезли Кириллу въ волость и заявили писарю, что они намѣрены посадить сына старшины подъ арестъ, писарь совсѣмъ растерялся и не зналъ, чтò дѣлать. Кирилла замѣтилъ это и съ возвратившейся къ нему наглостью сталъ запираться во взводимомъ на него обвиненіи и даже стращать и старосту, и весь деревенскій сходъ отвѣтственностью за него.

— И можетъ ли это быть, чтобы сынокъ Ѳедота Семеныча пошелъ на это дѣло? — замѣтилъ писарь, отставной, выгнанный изъ казенный службы, старый приказный, котораго опредѣлили на должность писаря уѣздныя власти, ради его многочисленной семьи, и помѣстили въ волость Ѳедота Семеныча, какъ самаго строгаго и умнаго старшины, который потачки не дастъ.

— Коли видаки были, — защищался староста.

— Какіе видаки?... Ну, скажи — какіе? — храбрился Кирилла.

— Силашка видѣлъ, какъ ты бѣгъ...

— Такъ вы малыхъ ребятъ въ видаки выставляете... Развѣ это судъ? Кто ихъ послушаетъ, окромя васъ?... Вы бы вотъ спросили писаря-то: можно ли принимать отъ малыхъ дѣтей, что они зря показываютъ?...

— На однихъ таковыхъ показаніяхъ судъ не постановитъ рѣшенія, — поддержалъ его писарь.

— Да вѣдь самъ признался предо всѣмъ міромъ, — вмѣшался одинъ изъ десятскихъ.

— Такъ что?... Изъ-за страха, изъ за угрозъ вашихъ... Убить собирались, мать пристрастили до смерти... можетъ статься ужъ не жива теперь... Тутъ скажешь и невѣсть что на свою голову...

Староста видимо смутился и переглядывался съ десятскими. Но между послѣдними былъ одинъ изъ погорѣльцевъ. Онъ питалъ особую злобу къ Кириллѣ.

— Такъ что, Григорій Иванычъ, — обратился онъ къ старостѣ, — что ты сумлѣваешься? Ты не одинъ, мы всѣмъ міромъ въ подозрѣніи его имѣемъ... Небось, не отвѣтишь... Отвѣчать, — такъ всѣ отвѣтимъ, мы всѣ на него сумлѣніе имѣемъ, потому больше быть некому, какъ онъ... А намъ такого опаснаго человѣка при себѣ содержать никакъ невозможно... Ничего, не сумлѣвайся, — батька ему потачки не дастъ ужъ за одинъ хомутъ... Онъ хомутъ-отъ укралъ... да Ѳедькѣ заложилъ.

— А ты видѣлъ, что ли? — накинулся на него Кирилла.

— Видѣли, братъ... не форси! — отвѣчалъ десятскій, не смотря на Кириллу. — Тутъ видаки есть настоящіе... Ничего, Григорій Иванычъ, сажай,

не сумлѣвайся ... Тебѣ дано сажать всякаго человѣка, опять же ты съ міромъ собча́ ... Ничего не отвѣтишь: сажай! ...

— Нѣтъ, отвѣтитъ, всѣ отвѣтите. Отецъ не вступится, — я самъ за себя постою: я вамъ покажу себя, у меня еще не это увидите ...

— Слышишь, слышишь: похваляется! ... Еще похваляется! ... Нѣтъ, ужъ ты его сажай ... какъ хочешь ... Ты намъ, писарь, содержи его крѣпче, чтобы въ цѣлости! ... Жрать ему давай: пущай лопаетъ ... и водки ... пущай лопаетъ ... Не жалко, коли есть на что, а чтобы только до отца онъ сидѣлъ ... Какъ хочетъ Ѳедотъ Семенычъ, а мы этакого опаснаго человѣка не примаемъ, мы не желаемъ ... Вотъ! ... Нѣтъ, ты, Григорій Ивановъ, ты староста, ты должо̀нъ ... Ты къ міру съ нимъ и не кажись ... Вотъ! Слышь, похваляется опять ... Веди его, веди — запирай ... И никого до его не припускай ... Слышь! Потому мы сейчасъ пойдемъ слѣдство производить насчетъ хомута ... къ Ѳедюшкѣ пойдемъ.

И Кирилла отвели въ чуланъ и заперли, не слушая уже никакихъ возраженій. Но когда староста и прочіе ступинскіе крестьяне уѣхали, писарь, сообразивши, что Ѳедотъ Семенычъ, какъ онъ ни былъ строгъ и честенъ, все-таки постарается оправдать родного сына отъ такого тяжкаго обвиненія и, конечно, недоволенъ будетъ уже тѣмъ даже, что заподозрили его сына, счелъ для себя выгоднымъ и во всякомъ случаѣ полезнымъ оказать Кириллѣ всякую любезность и вниманіе. Поэтому онъ прежде всего велѣлъ принести въ темную столъ и двѣ лавки, а потомъ явился и самъ съ предложеніемъ поставить самоварчикъ для нечаяннаго и невольнаго гостя.

— Выпустить-то я тебя, Кирилла Θедотычъ, никакъ не могу, потому самъ могу пострадать, — говорилъ писарь, — а вотъ чайкомъ побалуемся ... и поѣсть коли чего пожелаешь — подѣлюсь ... Можно и того! ... Конечно, не въ объемѣ, потому самъ нуждаюсь ... Знаешь своего родителя: живу тѣсно, на одно жалованіе, за пачпорта не моги и думать что-нибудь, хошь бы трешницу мѣдную, ну, да ни даже ни въ чемъ ... Даже насчетъ добровольнаго ... мірского ... тамъ яичекъ, мучки, крупки, свѣжинки — очень стѣснительно! ... И народъ черезъ это самое избалованъ, не повинуется и не уважаетъ ... Грустно, очень грустно! ... А все-таки полштофика могу ... для этакого рѣдкаго случая: какъ бы то ни было, старшины сынокъ, и какого старшины? — можно сказать, въ уѣздѣ перваго: третье трехлѣтіе, на медаль мѣтитъ ... Полштофика для тебя съ удовольствіемъ! Ну, а оправишься отъ бѣды, самъ не забудешь мою ласку и чувствительность ... эту самую ...

— Да у меня деньги есть у самого: на вотъ рубль, посылай, пускай штофъ купитъ да закусокъ; пожалуй, и чаю съ сахаромъ ... Почто тебѣ изъ-за меня изъяниться ... Мнѣ бы вотъ только съ Θедоромъ Гавриловичемъ повидаться: вотъ, кабы ты послалъ за нимъ, еще бы полтинникъ далъ. — А мало: еще рубль дамъ ...

— Такъ развѣ насчетъ хомута-то вѣрно?

— Нѣту, какое! ... врутъ! ... Я продалъ ему хомутъ — такъ тотъ мой собственный ... Нѣтъ, мнѣ не насчетъ того, а насчетъ своихъ дѣловъ поговорить бы съ нимъ надо ... Вотъ удружи, я бы ему записочку приписалъ, а ты бы нашелъ человѣка повѣрнѣй, чтобы въ самыя руки отдалъ ...

— Да это можно поискать ... Только не знаю, за рубль пойдетъ ли кто ... Знаешь вѣдь народъ какой: сейчасъ прижмутъ, увидятъ, что секретъ, надобность большая и прижмутъ сейчасъ: нынче народъ вольный, непочтительный ... Ничего тебѣ даромъ не сдѣлаетъ ...

— Ну, — мало рубля, полтора дамъ ...

— Да ладно, хорошо ... Я постараюсь ... Вотъ сейчасъ бумаги принесу и карандашъ ... А пока бы за провизіей послалъ.

Кирилла вынулъ изъ кармана кошелекъ, досталъ изъ него рубль и подалъ писарю. Черезъ нѣсколько минутъ передъ Кириллой и писаремъ стоялъ самоваръ и штофъ водки съ надлежащей посудой. Очередной десятскій, приносившій и самоваръ, и водку, усугубилъ свою бдительность и не отходилъ отъ дверей темной, то-и-дѣло заглядывалъ въ нее, несмотря на заявленія неудовольствія со стороны писаря.

Кирилла, послѣ нѣсколькихъ стакановъ водки, писалъ къ Ѳедору:

„Милостивый государь, Ѳедоръ Гаврилычъ, въ первыхъ чертахъ сего письма извѣщаю я васъ, такъ какъ нахожусь я при несчастіи и даже посадили въ темную, но, между прочимъ, надѣюсь на Бога; какъ можно постарайся нельзя ли какъ побывать ко мнѣ сюда, а вчерашнюю сбрую спрячь подальше, въ случаѣ придутъ съ обыскомъ, и никоимъ родомъ не выдавай, что онную сбрую купилъ у меня; дружески тебя въ томъ прошу, какъ былъ ты мнѣ всегда другъ, какъ можно постарайся. А найдутъ, и въ томъ твой отвѣтъ будетъ вмѣстѣ со мной, потому сбруя тестева, а ты у меня съ рукъ снялъ; наши ступинскіе видѣли Иванъ съ Яковомъ. А

впрочемъ, при семъ письмѣ остаюсь твой другъ и пріятель, живъ и здоровъ, а нахожусь въ несчастіи. Писалъ я самый Кирило Ѳедотовъ, деревни Ступино“.

— На, вотъ, другъ, пошли, — говорилъ Кирилла, свертывая и подавая письмо.

— Тебѣ сургучику, чай, чтобы запечатать, чтобы кто не прочиталъ? — спрашивалъ писарь.

— Да-да, дай-ка ... Вотъ и забылъ.

— То-то вы, молодежь ... Неопытность ваша! ... Изъ-за печати ужъ не прочитаетъ никто ... а такъ-то всякій можетъ прочитать и понять ... Э-эхъ, молодость, молодость — неопытность! ...

Писарь сбѣгалъ, принесъ сургучъ и печать и тщательно опечаталъ записку Кириллы у него на глазахъ.

— Вотъ такъ-то лучше, — сказалъ онъ при этомъ: — спокойнѣй и безо всякаго сомнѣнія ...

Придя къ себѣ домой, писарь тотчасъ же разломилъ печать и прочиталъ записку.

— А, вотъ оно что! — думалъ онъ. — Ну, другъ любезный, я этой записочки не пошлю ... это документъ стоющій, у меня изъ-за нея и родитель твой въ рукахъ будетъ. Вы тамъ, извѣстно, дѣло свое скроете и покроете, много, — что батька тебя своимъ судомъ вздуетъ, а у меня вотъ документикъ: чуть что загордыбачитъ, а я сейчасъ въ отвѣтъ: а желаешь, молъ, предъявленіе къ судебному слѣдователю? ... Сына-то пожалѣешь, небось! .. Вотъ ты тутъ и разводи свои добродѣтели ... Стихнешь у меня, погоди! ...

Писарь послѣ того измѣнилъ свой тонъ съ Кирилломъ. Распивая съ нимъ чай и водку, онъ уже называлъ его однимъ именемъ, безъ отчества, подтру-

нивалъ надъ нимъ, прямо показывалъ, что онъ не сомнѣвается въ виновности Кирилла и въ воровствѣ, и въ поджогѣ; совѣтовалъ разсказать подробно все, какъ было дѣло, ничего не скрывая, и предлагалъ свои услуги, чтобы помочь ему выпутаться изъ бѣды. Кирилла замѣтилъ эту перемѣну и обезпокоился. Время шло, а посланный къ Ѳедору не возвращался и не привозилъ никакого отвѣта. Кирилла началъ подозрѣвать, что записка его и не была вовсе послана. У него мгновенно созрѣлъ въ головѣ другой планъ. Онъ началъ притворяться, что сильно охмѣлѣлъ, и расплескивалъ, не допивая, свой стаканъ, то-и-дѣло подливалъ писарю, а когда штофъ былъ опростанъ, послалъ еще за четвертью и началъ угощать не только писаря, но и десятскаго. Скоро и тотъ, и другой были до того пьяны, что свалились сонные одинъ на лавку, другой прямо на полъ, около двери.

Вечеръ ужъ давно наступилъ, и Кирилла, долго не думая, перешагнулъ черезъ десятскаго, отворилъ дверь, снова затворилъ ее за собою и спокойно вышелъ изъ волостного правленія на улицу и вонъ изъ села. Уже за околицей онъ прибавилъ шагу и почти побѣжалъ къ своей деревнѣ. Онъ подходилъ къ ней почти въ полночь и невольно вздрогнулъ, когда вмѣстѣ съ сырымъ ночнымъ воздухомъ на него потянуло дымомъ съ пожарища. Боясь съ кѣмъ нибудь встрѣтиться, онъ зашелъ сзади деревни и осторожно пробирался къ сараю, гдѣ пріютилась послѣ пожара его семья.

Страшно ему было смотрѣть на ту большую дымящуюся площадь, гдѣ такъ недавно стояли еще столь знакомые ему дома: и свой, родной, и чужіе, уничтоженные его рукою. Недалеко въ гумнахъ

онъ замѣтилъ движеніе какихъ-то тѣней, увидѣлъ огонь и разслышалъ какіе-то странные звуки. Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу; онъ остановился и замеръ на мѣстѣ, съ ужасомъ вглядываясь въ огонь, въ окружающія его движущіяся тѣни и прислушиваясь къ непонятнымъ звукамъ, среди окружающей тишины, безмолвія, неподвижности. Но страхъ скоро прошелъ. Кирилла, наконецъ, догадался, а потомъ и разсмотрѣлъ, что это пасся на гумнахъ скотъ погорѣльцевъ, оставшійся безъ крова; жевали коровы, фыркали лошади, а около огня сидѣли сторожившіе скотъ ребятишки. Въ домахъ нигдѣ огня не было: всѣ, очевидно, спали. Спали, вѣроятно, и въ сараѣ, къ которому онъ, наконецъ, подошелъ. Онъ прислушался. Внутри какъ будто кто простоналъ.

„Какъ бы не испугать: не подняли бы крика со страху; пожалуй, поднимутъ всю деревню ...“ думалъ Кирилла, осторожно пріотворяя ворота сарая. Они заскрипѣли.

— Кто тутъ? — спросила Анна.

— Не кричи: это я, — торопливо отвѣчалъ Кирилла и быстро проскользнулъ въ сарай.

— Батюшки, Кирилло Өедотычъ, — бросилась къ нему Анна. — Какъ ты это? ...

— Тише, говорятъ, — нишкни ... услышатъ ... Я убѣгъ оттуда ...

— Изымаютъ вѣдь опятъ ... хуже, — шопотомъ говорила Анна, подвигаясь къ нему впотьмахъ на голосъ. Она подошла, обняла его и заплакала.

— Я спрячусь — не изымаютъ ... Что матушка-то? . .

— Плоха больно ... Весь день почитай безъ памяти лежитъ ... да ничто стонетъ ... Кусочка хлѣбца не пропустила ... Ничего и не говоритъ;

вскинетъ только глазами-то, простонетъ да и опять нишкнетъ! ... Теперь ровно позатихла ...

— Ну, можетъ, Богъ милостивъ ... Вотъ что — не знаешь, ходили отъ міра къ Ѳедору? ...

— Гаврилову? ...

— Ну, знамо ...

— Ходили, — какъ-то неохотно проговорила Анна, и руки ея сами собою свалились съ плечъ Кириллы.

— Ну? ... Говори, что ли, скорѣе ...

— Нашли ... тятенькинъ хомутъ у него ...

— А что онъ сказалъ ... Ѳедоръ? ...

— Что ты, чу, ему ...

Анна и впотемкахъ говорила это, опустя глаза въ землю и какъ бы боясь встрѣтиться съ глазами мужа.

— А — а, — протянулъ какъ-то неопредѣленно Кирилла.

Затѣмъ послѣдовало минутное молчаніе, въ которое каждый какъ бы старался порежить поскорѣе и втихомолку отъ другого то, что лежало на душѣ. Его нарушила первая Анна.

— Кирилло Ѳедотычъ, а это ты подпалилъ-то? ...

— Нѣту ...

— Скажи мнѣ, батюшка ...

— Говорятъ: нѣтъ ...

— Я такъ и думала, что не ты ... Какъ можетъ это статься, чтобы ты ...

— Ну, отстань, что тутъ ... Ты вотъ что, слушай: скорѣй собери мнѣ въ кошель хлѣба, соли да еще хоть чего, да сѣренокъ дай ... да топоръ ... Я пойду пока въ лѣсу похоронюсь — что будетъ ...

— Да что ты, Кирилло Ѳедотычъ, что ты въ лѣсу-то ... Какая корысть? Что изъ того будетъ? ...

— А что же мнѣ въ петлю, что ли, самому идти? ... Отецъ-то пріѣдетъ, вы его съ матушкой какъ никакъ обламывайте ... Коли пообѣщаетъ, что тиранить не будетъ и отъ міра защититъ ... ну, такъ я приду ... А нѣтъ, такъ я уйду совсѣмъ ...

— Да куда ты уйдешь-то? Чтой-то?

— А куда придется ... Что же, лучше, что ли, тутъ? Чего ждать-то? ... Ну, нечего, полно ... Я и самъ не знаю, а ужъ только и тутъ сидѣть да ждать: одна тоска меня съѣстъ. Собирай, собирай скорѣй, пока до-свѣта ...

— Батюшки, Господи, — говорила Анна, утирая дрожащими руками слезы на глазахъ и не зная, за что взяться. — Да что же тятенькѣ-то сказать: пріѣдетъ? ...

— А то и скажете, что коли не замнетъ онъ всего этого дѣла, какъ ужъ самъ хочетъ, да не дастъ обѣщанья, что не тронетъ меня пальцемъ, такъ прощайте: пропаду вовсе, зайду куда — и не сыщете ... А пока вы уламываете его, буду тутъ ждать рѣшенья ... Ты мнѣ, куда скажу, ѣсть приноси ... Только смотри, чтобы никто не видалъ и не зналъ ... Ни отцу, никому не сказывай, гдѣ буду ... Слышишь? ... Да меня и не найдутъ, потому я мѣста буду мѣнять ...

— Такъ какъ же я-то тебя найду? ... Куда же мнѣ ѣду-то тебѣ выносить? ...

— А буду сказывать ... Вотъ завтра выноси: знаешь Титовскій лѣсъ, по заболотинѣ взгорочка есть, на ней порубь была ... Вотъ туда и вы-

носи ... Мнѣ съ горки-то далеко все будетъ видно ...

— Господи! ... Господи! — приговаривала Анна, шаря впотьмахъ и собирая для мужа мѣшокъ съ поклажей.

— Ну, а ты, слышь, проворнѣй, а то и безъ всего уйду: голодать придется ...

— Вотъ хлѣба положила, колобокъ, вотъ и соль ... Господи ... Сѣренокъ-то ... Да, вотъ и сѣренки ... Чтой-то, Господи! ...

— Ну, а топоръ-то? ...

— Ай, да зачѣмъ тебѣ топоръ-отъ? ... Не бери, батюшка ...

— Али хошь, чтобы волки съѣли? ... Развѣ безъ топора можно въ лѣсу? ... Ну, нашла? ...

— Вотъ ...

— Ну, давай ... Вотъ, теперь счастливо оставаться ... Скажи же матушкѣ, чтобы какъ можно старалась у отца ... А то сына, молъ, рѣшишься ... Ну, прощай ...

— Да погоди же, погоди ...

— Чего годить-то — нечего ... Завтра приходи, приноси побольше ...

И Кирилла скрылся за воротами сарая. Анна вышла за нимъ и, обливаясь слезами, не зная, что дѣлать, радоваться или горевать, что мужъ уходитъ, смотрѣла вслѣдъ ему, пока онъ скрылся.

VI.

На другой день пришедшее изъ волости извѣстіе о побѣгѣ Кириллы подняло на ноги всю деревню Ступино. Сначала сосѣди и сосѣдки сходились въ небольшія группы, потомъ въ большія кучи, наконецъ, вся деревня сошлась въ одну толпу около

старосты и тѣхъ десятскихъ, которые сопровождали его при отправленіи Кириллы подъ арестъ.

— Ты чего же смотрѣлъ?—говорили старостѣ.— Ты, братецъ, долженъ былъ ... коли ежели ...

— Что? — огрызался староста.

— А какъ же? ... Коли ежели теперь арестантъ ... Ты долженъ его стерегчи ...

— Подъ замкòмъ! ...

— Чтобы безъ сумлѣнія! ...

— Чтобы ни Боже мой! ...

— Какъ еще? ... Не самому ли сидѣть около него? ...

— Коли ежели человѣкъ тебѣ отданъ ... ты долженъ его соблюсти ... А не то, что этакъ.

— Какъ? ... Отданъ! ... Знамо, отданъ! ... Ну, я его и сдалъ въ сохранности ... При десятскихъ сажали: всѣ видѣли ... И замкомъ заперли ... Чего еще? ... Я говорю: не самому же сидѣть около дверей да сторожить ...

— И посидишь ...

— Ну, бываетъ, да рѣдко! ...

— Посидишь, братъ ... Ничего! ...

— Ну, это посиди самъ, а не ежели старостѣ около всякаго мошенника сидѣть ... Не тотъ законъ, нигдѣ того не показано ...

— Не показано ... А вотъ, гдѣ человѣкъ-то? Подай его ... Показано тебѣ пущать человѣка, коли онъ опасный человѣкъ? ...

— Такъ развѣ я опустилъ, черти ... Я не одинъ былъ ... впятеромъ сажали. Ты спрашивай съ писаря: ему ключъ препорученъ ... Его и отвѣтъ ... А мнѣ чтò: я посадилъ на замòкъ, заперъ при себѣ, наказалъ, чтобы какъ можно ... Не одинъ былъ, вотъ спросите десятскихъ-то ...

— Это вѣрно ... что говорить ... сами при томъ были! — подтвердили десятскіе.

— Были? ... А вотъ теперь гдѣ онъ? ...

— Не пропадетъ ... найдется ...

— Найдется! ... сами сказывали: похвалялся ...

— Это точно, что похвалялся ...

— Онъ теперича, выходитъ, самый опасный человѣкъ ...

— Изымать надо ...

— Поди, изымай! ... Покуль ты его изымаешь, онъ тебѣ что сдѣлаетъ? Онъ тебя остатки спалитъ ...

— Спалитъ! ...

— Теперь отъ него чего ждать: онъ все одно, что рѣшеной ...

— Пути не жди: спалитъ и есть, али-бо что ... Въ немъ отчаянность теперь самая.

— Надо, ребята, ловить его безпремѣнно ...

— А на ночь сторожковъ ставить вокругъ деревни ...

— Безпремѣнно, потому опасно ... Кто его знаетъ ...

— Да онъ не здѣсь ли гдѣ притаился ... Не у матки ли? ...

— Надо посмотрѣть ...

Толпа вся двинулась къ сараю, гдѣ помѣщалась семья Ѳедота Семеныча, но изъ опасенія потревожить больную Ѳедосью Осиповну рѣшила всѣмъ не ходить, а послать старосту съ нѣсколькими выборными осмотрѣть сарай и всѣ уцѣлѣвшія отъ пожара постройки Ѳедота Семеныча.

— Да вотъ что: опросить бы пережъ Анну, — подалъ кто-то мысль.

Мысль была принята. Анну вызвали изъ сарая.

— Кирюшка-то твой убѣгъ изъ темной, — сказали ей.

Анна молчала.

— Что молчишь? Ровно не знаешь? Знаешь вѣдь, чай?

— Знаю.

— Куда его прибрали? Сказывай ...

— Нѣту его здѣсь ...

— А гдѣ же?

— Не знаю я, господа міряне, — отвѣчала Анна и поклонилась.

— Сказывай, а то все одно: досмотръ сдѣлаемъ, вездѣ вышаримъ ...

— Извольте досмотрѣть: нѣтъ его здѣсь ... нигдѣ ... Правду истинную вамъ докладываю ...

Анна вдругъ поклонилась міру въ ноги и осталась передъ нимъ на колѣняхъ.

— Простите его, міръ честной, помилуйте ... Заходилъ онъ сегодня ко мнѣ, не кается онъ въ своей винѣ, въ поджогѣ ... Говоритъ: не подпаливалъ я.

— Вишь ты, кто же? ...

— Знать, такъ, божеское попущеніе ...

— Не что ... толкуй! ... А какъ же Силашка-то его видѣлъ? Опять — гдѣ же онъ былъ? ... Кабы не его рукъ дѣло, такъ онъ бы на пожарѣ былъ, работалъ бы съ людьми, а вы и сами-то таскались безъ него ... Говоритъ: за трубой бѣгалъ — вретъ, за трубой-то Сиволодка верхомъ каталъ — вотъ что ... Прости, помилуй! ... Нѣтъ, онъ не помиловалъ: смотри-ка, что высадилъ, да и опять похваляется ...

— Это онъ со страху, батюшки, господа міряне ... Неужто онъ такой? Кажись, статься того не можетъ ...

— Хомутъ-то укралъ же ... у тестя! ... У васъ же гостился тесть-то, отецъ твой! Вотъ онъ каковъ — золото! ...

— Да то ужъ ... ну ... А поджечь-то, кажется ... Чтой-то, батюшки, кажись, и не привидано ...

Анна продолжала стоять на колѣняхъ и концомъ платка, которымъ повязана была ея голова, утирала слезы, бѣжавшія изъ глазъ.

— Нѣтъ, ты не сумлѣвайся, — выступилъ Иванъ Ананьичъ. — Жалостная ты баба ... ровно вдова горькая, а, окромя его, некому: его рукъ дѣло, потому онъ и пристращивалъ насъ ... съ Яковомъ Иванычемъ ... Ну-ка, да гдѣ онъ былъ, какъ пожаръ-то завопили ... Съ тобой ли спалъ-то? ...

Анна вспомнила, что, дѣйствительно, когда ее разбудилъ крикъ на улицѣ, она не нашла мужа ни около себя, ни въ избѣ, ни на дворѣ. Она ничего не отвѣтила на вопросъ, но опустила голову, закрыла лицо руками и завыла въ голосъ, жалобно себѣ причитая.

— Ужъ это что дѣлать-то ... Видно, не въ пересказъ, не въ оговоръ, — говорили въ толпѣ. — Видно молодца по повадкѣ ... Дошелъ парень ... заблудился! ... Ни себѣ, ни людямъ! ... Извѣстно, горькая ты баба, жалостная ... ровно вдова теперь ... Пореви, оно легше ... Сладко ли вотъ намъ-то?.. Безо всего вышли! ... Гдѣ ужъ его помиловать, супротивный самый человѣкъ, всему міру злодѣй ... А ты вотъ что: ты лучше молви, куда онъ спрятался-то? ... Слышь ли, Анна ... Сказывай ...

— Не вѣду я ... не вѣду ...

— Врешь: какъ тебѣ не знать ... Сказывай лучше ... Все равно — изымаемъ ... А то хуже еще набѣдитъ что: онъ отчаянный! ... Куда спря-

тался-то? ... Гдѣ обѣщалъ хорониться-то? ... Откройся ... передъ міромъ ... Слышишь! ...

Анна молчала: она помнила строгое запрещеніе мужа, но въ то же время опасеніе всего общества, чтобы онъ чего-нибудь не надѣлалъ еще худшаго, невольно сообщилось ей, — и она колебалась въ мучительной нерѣшимости.

— Ты лучше откройся, — настаивалъ міръ. — Не супротивничай ... потому, ежели онъ теперича что надѣлаетъ, и ты въ отвѣтѣ будешь ... потому сукрываешь его ... Опять же ты передо всѣмъ міромъ! Міръ сумлѣвается: вотъ сторожовъ теперь ставить надо, опасаться его ... Ты супротивъ міра не груби.

— Батюшки, міръ честной ... да не вѣду я ... Не сказался онъ въ точности ...

Анну прервалъ крикъ нѣсколькихъ мальчишекъ, которые изо всѣхъ силъ бѣжали къ сходкѣ со стороны лѣса и махали руками.

— Видѣли, видѣли! — кричали запыхавшіеся ребятишки.

— Кого?

— Его ... Его видѣли — Кирюшку ...

— Гдѣ? гдѣ? — заволновалась толпа.

— Тамоди ... въ Титовскомъ лѣсу ... ходитъ ... страшенный! ... Съ топоромъ ... грозится ...

— Съ топоромъ, — ужаснулись міряне, переглядываясь.

— Съ топоромъ! — подтверждали ребятишки — Мы этакъ-то идемъ ... а онъ и сидитъ подъ кустомъ ... Мы закричали: вотъ онъ: вотъ! ... А онъ етакъ-то топоромъ ... грозится! ... Мы какъ побѣжи-и-мъ! ... Испужались.

— Гдѣ же онъ, топоръ-отъ? ... Стало, онъ изъ дома топоръ-отъ взялъ ... Бралъ, что ли, топоръ-то, Анна? ... Сказывай ...

— Бралъ, батюшки, бралъ ... Хлѣба взялъ ... соли ... сѣренокъ ...

— Сѣренокъ! Робя, слышь, и сѣренокъ взялъ... Подпалитъ! ...

— Чистое дѣло! ... На то пошелъ: либо убьетъ, либо подпалитъ опять ... Ахъ, чтобъ тебѣ ...

— Надо, робята, ловить его ... Какъ можно ... Пойдемъ тотчасъ ... всѣмъ міромъ ... Ребятишки отведутъ ...

— Теперь къ нему не подступишься ... зарубитъ ...

— Зарубитъ и есть ... Въ емъ дикость теперь ...

— Знамо, въ лѣсу человѣкъ ...

— Да уйдетъ, въ лѣсу не найдешь ... лѣсъ-отъ великъ ... Не станетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, особливо видѣли ...

— Найдешь ли въ лѣсу! ...

— Гдѣ найти въ лѣсу: не въ полѣ! ...

— Пойдемъ облавой со сторонъ ...

— Поди, а онъ стрѣнетъ, полыхнетъ тебя топоромъ-то ... Не взлюбишь! ... Кому нужно? ...

— Такъ ждать, чтобы подпалилъ, что ли? ...

— Мосѣича взять съ ружьемъ: пущай стрѣлитъ ...

— Убьетъ, пожалуй ...

— По ногамъ ... чудакъ! ...

— Дробью ... ничего! ... Не убьетъ! ...

— Знамо дробью ...

— Онъ не попадетъ, Мосѣичъ: онъ съ нимъ пилъ! ... Они дружатъ ...

— Стой, ребята, я скажу: подемъ къ орѣховскому барину, къ молодому ...

— Почто?

— Онъ, братъ, стрѣлитъ важно, а мнѣ дружокъ ... Птичка порхнетъ, вся съ воробья, вонъ гдѣ, чуть видно: нацѣлитъ, разъ! ... одной дробиной бьетъ! ... Вотъ какая дробинка, ровно крупа мелкая ... Опять же, у него собаки ...

— Такъ что тебѣ собаки-то?

— А онъ велитъ, она выгонитъ его ... собака-то ...

— Такъ вѣдь то звѣря, али зайца, дура! ... На человѣка рази собака пойдетъ? ...

— У него пойдетъ: она ученая ... Она у него всякую вещь по имени знаетъ ... А баринъ какой! Стоющій баринъ, вожоватый! ...

— Не пойдетъ! ...

— Онъ? ... Ежели теперича, для міра, что хошь сдѣлаетъ: онъ за міръ сейчасъ вступится ... Безо всякаго! ...

Въ это время къ толпѣ подъѣхалъ Герасимъ Дмитричъ, къ которому Анна посылала нарочнаго увѣдомить о своемъ горѣ. Посланный все разсказалъ ему, такъ что Герасимъ зналъ уже и о своемъ хомутѣ, и объ арестѣ Кирилла по подозрѣнію въ поджогѣ. Онъ не зналъ только о побѣгѣ Кирилла изъ-подъ ареста.

Анна, увидя отца, бросилась къ нему съ рыданіями. Онъ утѣшалъ ее, какъ умѣлъ. Міръ вмѣшался въ ихъ бесѣду и объяснилъ Герасиму все, чего онъ еще не зналъ. Анна не возражала и не защищала мужа.

— Вотъ, Митричъ, попеняй дочкѣ-то, не хотѣла открыться міру: сукрываетъ мужа-то ... А что ужъ

онъ? Что теперь соблюдать?... Ужъ теперь какъ законъ его разсудитъ... Противный самый человѣкъ онъ теперь... вредный!... Надо его теперь безпремѣнно изымать и въ острогъ свезти въ городъ, потому отъ него погибель одна... всему обчеству... Не знаемъ только, какъ бы взять-то его, потому топоръ при емъ... опасно!... А она дала... міру не сказамши... Опять же во вредъ!... Ей бы надо бы, какъ пришелъ, крикнуть бы народъ, вотъ бы его и взяли тогда же...

— Эка, господа, вѣдь жена тоже... какъ бы ни было, — оправдывалъ дочь Герасимъ.

— Да такъ-то такъ, знамо, жена... А все міру не въ пріятность... Какъ вотъ теперь его возьмешь?...

— А вы посторожитесь да по деревнямъ сосѣднимъ повѣстите: не все въ лѣсу будетъ, тоже и ѣсть захочетъ — выйдетъ черезъ день-другой...

— Ты говори: день-другой!... Обчеству тоже безпокойство... изъ-за него, окаяннаго... Сторожись да повѣщай... А какъ не выйдетъ въ скорости: онъ тоже вонъ хлѣба забралъ съ собой... Ты много ли хлѣба-то дала?...

— Немножко, батюшки... Немного и было послѣ пожара-то... Одну краюшечку...

— А, стало быть, онъ же тебѣ говорилъ чтò... насчетъ сврво продовольствія, — догадался одинъ изъ крестьянъ. — Не можетъ статься, чтобы насчетъ ѣды чего не наказывалъ: либо самъ придти обѣщался, либо вынести велѣлъ, а то какъ же, хошь и ему?... Безъ ѣжи тоже не проживетъ...

Анна молчала. Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Ты, Митричъ, вели по родительской своей заповѣди, чтобы она міру винилась... Не таила бы

отъ міра, сказывала бы, потому это дѣло такое . . .

— Ну, что-жъ, Анна, сказывай, что̀ знаешь . . . Вѣстимо, мужа жалко, да коли онъ этакой, Богъ съ нимъ, что̀ дѣлать-то? . . . Опять же это дѣло общественное, мірское: на мірскомъ дѣлѣ свою нужду забывай . . . Сказывай все . . .

— Забѣжать вѣдь онъ хотѣлъ, коли скажу: пропаду, говоритъ, — совсѣмъ, и не найдете . . .

— Ужъ все одно онъ пропадетъ, видно, а по крайности ты передъ міромъ чиста будешь . . . Говори . . .

— Велѣлъ сегодня выносить себѣ на взгорку по заболотью, въ Титовскомъ лѣсу, гдѣ порубь.

— Тамъ недалеко и мы видали его, — подсказали дѣти, которыя не отходили отъ толпы, стояли и слушали совѣщаніе.

— Такъ вотъ и чудесное дѣло, — подалъ мысль староста: — ты собери да и пойди къ нему . . . Заведи съ нимъ разговорку, пока онъ ѣстъ, а мы тѣмъ временемъ подкрадемся да и накинемся на него . . . Онъ тутъ нашъ и будетъ.

— Мнѣ-то его подводить, чтой-то? — съ недоумѣніемъ и испугомъ возразила Анна. — Нѣтъ, ужъ, міръ честной, вы пожалѣйте и меня . . . Ужъ берите сами, какъ хотите, а отъ этого ослободите.

— А насъ онъ пожалѣлъ? . . . А какъ еще убьетъ кого, топоромъ дастъ раза? . . . Ты думаешь, ты не во грѣхѣ останешься? . . . Не черезъ тебя жива душа погинетъ, да и онъ-то остатки пропадетъ? . . .

— Батюшки, да какъ же это я подъ мужа подводить стану? Своими руками его выдавать буду? . . . Да какъ опосля мнѣ жить-то съ нимъ? . . .

— Ну, еще какъ жить-то тебѣ съ нимъ — это

законъ разсудитъ, — говорили въ толпѣ. — Извѣстно, Ѳедотъ Семенычъ похлопочетъ за своего родного: можетъ, еще теперь черезъ него и не засудятъ... А ужъ тоже коли человѣка-то зарубитъ, такъ наврядъ ли, чтобы отъ каторги ушелъ, да и у тебя на совѣсти останется... Опять же, Анна, тебя въ томъ все обчество проситъ... И не то проситъ, а всѣмъ міромъ тебѣ приказываетъ это самое... Вотъ что!... Ты міру не перечь, а послужи, слушай...

— Тятенька, да неужто же?... Да, кажися, ноженьки мои не пойдутъ... глаза-то мнѣ на него не поднять... Батюшка, да какъ же ты мнѣ молвишь?...

— А какъ, Аннушка, молвить?... Коли міръ тебя проситъ, такъ какъ міру не послужить?... Послужи... Знамо, тяжело!... Да какъ же ты противъ міра пойдешь?... Никакъ невозможно!... Надо идти, коли міръ велитъ...

Анна безмолвно опустила голову.

Время подходило къ полудню, и ее торопили собираться въ путь. Молча и машинально, блѣдная и растерянная, завязывала она въ узелъ съѣстное и, какъ приговоренная къ пыткѣ, пошла въ сопровожденіи охотниковъ, вызвавшихся на облаву за Кириллой.

— Мотри, робя, — условливались между собою охотники: — какъ къ болотинѣ подойдемъ, такъ и выпусти ее одну впередъ, а сами обходи вокругъ лѣсомъ... чтобы кругомъ, значитъ, его обойти... И ползи къ нему тихимъ манеромъ, чтобы вдругъ, разомъ... Навались, да за руки хватай скорѣй, и крути... Веревки-то взяли ли?...

— Кушаки есть... кушаками свяжемъ...

— Бить не бей, а что ежели маненько помнемъ — ничего!... А ты, Анна, подойдешь, да съ нимъ лас-

кой, все лаской, да въ разговоръ ... И виду не давай ... Потчуй его: ѣшь, молъ, на доброе здоровье ... А сама ему разсказывай ... про все ... Онъ-те слушать станетъ: ему и невдомекъ ... А мы тѣмъ временемъ ... Мы его ничего: бить не будемъ ... Намъ что его бить: теперь суди его судъ да казенна палата ... Не наше дѣло, намъ бы, лихъ, взять, безо всякаго убойства ...

Въ такихъ разговорахъ подошли къ болотинѣ и остановились, не выходя изъ лѣса. Оставивши здѣсь Анну, охотники, раздѣлившись на двѣ партіи, стали обходить болотину опушкой, чтобы за лѣсомъ же подняться и на пригорокъ, невидимо для Кириллы, который предполагался на извѣстной всѣмъ поруби. Когда охотники отошли на условленное разстояніе, Анна вышла прямо въ болотину. Сердце у ней замирало, духъ захватывало, ноги едва двигались и дрожащія руки съ трудомъ удерживали нетяжелый узелъ. Она не смѣла даже поднять голову, чтобы разсмотрѣть, гдѣ Кирилла, и шла прямо наудачу по водѣ, чрезъ высокую осоку.

Кирилла давненько ужъ ожидалъ ее на условленномъ мѣстѣ. Онъ тотчасъ же замѣтилъ съ горы Анну и, выждавъ, чтобы она приблизилась, позвалъ ее по имени. Она вздрогнула и уронила узелъ изъ рукъ въ воду, но тотчасъ же подняла его и, взглянувши по направленію голоса, увидѣла въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ себя ожидавшаго ее мужа. Богъ знаетъ, что за сумятица поднялась у ней въ душѣ: и страхъ, и стыдъ, и жалость къ мужу, и даже какая-то злоба противъ него за ту му́ку, которую она испытала по его милости; но она не въ силахъ была ускорить шага, не въ состояніи бы была промолвить ни одного слова, точно тяжесть какая навалилась на все

ея тѣло и давила, гнела каждый ея членъ. Она двигалась тихо, молча, точно автоматъ.

— Да что ты, ровно чумная? — спросилъ ее Кирилла, когда она была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. — Иди, что ли, скорѣй: смерть ѣсть хочется... Чего принесла? ...

Анна, не поднимая головы, не отвѣчая, протянула къ нему руку съ узломъ.

— Да что ты? ... Спужалась, что ли, чего? — спрашивалъ Кирилла, подойдя къ ней. — Что не смотришь? ... Да ты не съ подвохомъ ли? ...

И Кирилла сталъ подозрительно озираться.

— Бѣги, батюшка, бѣги, пымаютъ! — точно кѣмъ подтолкнутая сзади, вдругъ проговорила Анна, и въ то же время, сама не отдавая себѣ отчета, крѣпко ухватила его за руки. Въ ту же минуту Кирилла замѣтилъ нѣсколько знакомыхъ ему лицъ, выглядывавшихъ изъ опушки лѣса, поднимавшагося по пригорку.

Кирилла рванулся изъ рукъ жены, но онѣ замерли на его одежѣ: онъ не могъ сразу освободиться. Преслѣдователи замѣтили, что они открыты, замѣтили и движеніе Кирилла — и лѣсъ вдругъ огласился крикомъ: держи его! ... держи! ...

— Такъ ты такъ-то, дьяволъ! — закричалъ Кирилла, вырвавшись изъ рукъ жены, и сильнымъ ударомъ въ лицо опрокинулъ ее на землю. Затѣмъ онъ мгновенно скрылся въ чащѣ, прежде, чѣмъ охотники успѣли добѣжать до того мѣста, гдѣ лежала Анна, рыдая и отирая рукою слезы и кровь, струившуюся изъ носа и рта. Мужики бросились было вслѣдъ за Кириллой, побѣгали по лѣсу, но скоро остановились, рѣшивъ, что онъ уже далеко, что въ такой чащѣ человѣка не найдешь, да и опять же онъ съ топоромъ ... Сойдясь, поругались между собою,

каждый попрекнулъ другого и за трусость, и за медленность, подняли Анну, ругнули кстати и ее, но слегка, потому что она одна изъ всѣхъ пострадала, — и пошли домой, придумывая новыя мѣры для поимки бѣглеца.

Анна молчала во всю обратную дорогу. Деревня встрѣтила охотниковъ бранью и насмѣшками.

VII.

Ѳедотъ Семенычъ возвращался изъ города домой, ничего не зная о случившемся и совершенно спокойный. Городъ находился отъ его деревни и волости слишкомъ за тридцать верстъ — и туда не могли дойти слухи изъ Ступина, а нарочно посланный къ Ѳедоту Семенычу, отправившійся ради сокращенія пути проселками, разъѣхался съ нимъ.

Неторопливо трусила волостная пара, везшая старшину, и самъ онъ, одѣтый для города по праздничному, въ синей сибиркѣ, съ медалью на шеѣ и въ высокой поярковой шляпѣ, сидѣлъ, вытянувши ноги, въ глубинѣ телѣжки, терпѣливо подпрыгивалъ на выбоинахъ и гатяхъ и не думалъ торопить ямщика. Жаркое солнце припекало сверху, столбы пыли слѣдовали за телѣжкой, покрывая собою спину, плечи и шляпу сѣдока; тучи оводовъ неслись за лошадьми, которыя отмахивались отъ нихъ хвостами и трясли головой, не ускоряя, впрочемъ, шага; колокольчикъ уныло и однообразно звенѣлъ подъ дугою, ямщикъ сидѣлъ на облучкѣ, сгорбившись, подремывая и распустя вожжи, которыя отъ времени до времени подергивалъ лишь инстинктивно, по привычкѣ.

Ѳедотъ Семенычъ спокойно посматривалъ по сто-

ронамъ, любовался на выколосившуюся уже и начинавшую цвѣсти рожь, на зеленыя поля ярового, перебиралъ въ головѣ подробности свиданія съ разными господами въ городѣ и не безъ удовольствія вспоминалъ о томъ видимомъ предпочтеніи, которое оказывали ему власти предъ всѣми другими старшинами. Особенно пріятно ему было, когда одинъ молодой баринъ сказалъ, обращаясь къ другому: „вотъ бы намъ кого выбрать въ члены-то управы!“ А посредникъ на это возразилъ ему: „нѣтъ, онъ мнѣ самому нуженъ: я за нимъ, какъ за каменной стѣной; изъ-за него мнѣ и въ волость ѣздить не за чѣмъ!“ Исправникъ согласился съ посредникомъ и прибавилъ: „да его и не выберутъ ... Развѣ они, скоты, понимаютъ? ... Онъ строгъ и взыскателенъ, а они любятъ пьяницъ да кто имъ потакаетъ ... Они бы его и въ старшины-то не выбрали, кабы посредникъ не приказалъ!“

„Полно, такъ ли, баринъ?“ — разсуждалъ теперь самъ съ собою Ѳедотъ Семенычъ: — „и точно, бываетъ временемъ дурашливъ нашъ міръ, да ужъ не такъ, чтобы человѣка отъ человѣка не различить ... Поди-ка, тоже не выбрали бы на третье трехлѣтіе, хошь все приказывай, коли ежели бы совсѣмъ супротивенъ былъ ... А извѣстно, отчего міръ дурашливъ бываетъ? ... Либо отъ этой своей слабости ... насчетъ вина, либо закону не знаетъ: что̀ можно, чего нельзя, къ чему что̀ слѣдуетъ ... А вы, господа, развѣ толкуете ему въ настоящую-то? ... Ты, баринъ, на міру-то выйдешь: разсудокъ, что ли, отъ тебя какой? Либо молчи, не смѣй разговаривать, — либо говори, что̀ тебѣ надо, а мужику неслѣдующее ... Иной попробуетъ въ ласку да съ подходцемъ, ровно обмануть хочетъ: только въ сумлѣніе

одно введетъ; а другой прямо съ наскоку шумѣть да кричать, а то и въ зубы: ну, извѣстно, бываетъ, мужикъ и упрется, воротитъ не въ ту силу ... Особливо по теперешнему времени, какъ у мужика и воля, и земля своя собственная, и начальниковъ себѣ самъ выбирай, и судись у своего брата, и насчетъ взыску ослабленіе большое: какъ теперь мужику не разсудить! ... Онъ въ своемъ дѣлѣ разсудить можетъ достаточно, только ты его не сбивай, да чтобы онъ не сумлѣвался ... А ужъ человѣка-то разобрать — разберетъ, нельзя лучше: кто ему надобенъ, кто нѣтъ ... А что насчетъ управы, такъ онъ этого дѣла еще и въ понятіе-то не взялъ: какая въ ней сила и чтò къ чему ... Иной и не слыхивалъ: знамо, тутъ выберутъ, кого господа прикажутъ, али бы такъ — зря" ... Затѣмъ мысль его перешла къ волости и ея дѣламъ, къ своему хозяйству, къ дому. Вообще, старикъ былъ въ хорошемъ и спокойномъ расположеніи духа.

Вотъ наконецъ въѣхали и въ границы своей волости. Ямщикъ пріободрился и погонялъ лошадей: поѣхали скорѣе.

Ничто не предвѣщало того горя, которое ожидало Ѳедота Семеныча впереди, только въ послѣдней передъ селомъ деревнѣ остановилъ старшину сидѣвшій на завалинкѣ и грѣвшійся на солнышкѣ глухой, чуть не столѣтній, старикъ. Не поднимаясь съ мѣста, онъ кивалъ головой и махалъ руками, когда мимо его проѣзжалъ старшина. Ѳедотъ Семенычъ велѣлъ ямщику пріостановиться.

— Чего тебѣ, дѣдушка? — спросилъ онъ, не вылѣзая изъ телѣжки.

— Домой, что ли, поспѣшаешь? — прошамкалъ старикъ.

— Въ волость перво, — отвѣчалъ старшина, возвышая голосъ и указывая рукою. — А что тебѣ?

— Поѣзжай, болѣзный, поѣзжай... Что дѣлать-то, что дѣлать-то?... Потужилъ и я, да какъ быть-то? Его власть — воля Господня... На его, батюшку, надѣйся!...

— Да про что ты, дѣдъ?... Про что толкуешь-то?

— То-то, то-то... Знамо, горько!... Да что подѣлаешь?... Противъ Него, Батюшки, ничего не подѣлаешь... Вотъ и у меня на вѣку-то три раза... Знамо, за грѣхи наши... Терпѣть надо...

— Да что онъ? — невольно обратился Ѳедотъ Семенычъ къ ямщику, и какое-то безпокойство вдругъ охватило его.

— Да вѣдь онъ глухой...

— Знаю, что глухой... Да про что онъ толкуетъ-то?

— Такъ, что-нибудь зря... Знамо, старикъ старый!

— Нѣтъ, что-нибудь да...

Ѳедотъ Семенычъ оглянулся, чтобы спросить когонибудь, но на улицѣ, кромѣ старика и дѣтей, никого не было.

— Поѣзжай, батюшка, поѣзжай, болѣзный... Больно-то не тужи...

— Что такое? — тревожился Ѳедотъ Семенычъ. — Поѣзжай-ка проворнѣе: развѣ не подѣлалось ли чего?

— Чего подѣлаться? Такъ онъ это... отъ старости, — замѣтилъ ямщикъ и погналъ лошадей.

Сердце Ѳедота Семеныча безпокойно билось, когда онъ подъѣзжалъ къ волостному правленію. Писарь встрѣтилъ его съ какимъ-то страннымъ, зага-

дочнымъ выраженіемъ, не смотрѣлъ ему въ глаза и видимо былъ не въ своей тарелкѣ.

— Что у насъ надѣлалось? — торопливо спросилъ его Ѳедотъ Семенычъ.

— Кто-жъ могъ этого ожидать, — отвѣчалъ писарь, пожимая плечами. — Даже никакъ нельзя было этого предвидѣть ... Я самъ даже вѣрить не хотѣлъ, но ...

— Да что такое случилось-то?

Голосъ Ѳедота Семеныча дрожалъ отъ охватившаго его мучительнаго безпокойства.

— Развѣ вамъ ничего неизвѣстно? — спросилъ писарь, поднимая наконецъ глаза, въ которыхъ свѣтилось злорадство.

— Ничего я не знаю ...

— А вѣдь нарочнаго посылали ... Значитъ, разминулся какъ ...

— Да говори ты мнѣ, пожалуйста, поскорѣй ...

— Кирилла Ѳедотычъ вашъ ...

— Ну? — едва выговорилъ старикъ и сѣлъ, чувствуя, что ноги его дрожатъ и подгибаются.

— Сбрую эту, которая пропала, онъ Ѳедору Гаврилову продалъ, — видѣли, а изъ-за того деревню подпалилъ ... И вы погорѣли ...

Писарь остановился, взглянувъ на Ѳедота Семеныча: онъ сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, глаза его остановились неподвижно и смотрѣли точно стеклянные, гордая фигура его вдругъ съёжилась, сгорбилась, осунулась, голова дрожала, руки безсильно лежали на колѣняхъ; онъ рѣдко и тяжело дышалъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать и не могъ: горло сдавило, языкъ не двигался. Писарь отвернулъ отъ него голову: ему даже сдѣлалось не то, что жаль старика, а какъ-то неловко передъ нимъ.

— Да, большое несчастье!—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Главное, что погорѣли, впрочемъ, сказываютъ: у васъ почти все успѣли вынести ... Другіе такъ и повынести ничего не успѣли, сгорѣли на-чисто ... А насчетъ поджогу вы очень не безпокойтесь: прямыхъ уликъ нѣтъ, одинъ только мальчишка видѣлъ, какъ бѣжалъ полемъ: можетъ оправдаться! ... Ну, а насчетъ сбруи, это дѣло семейное: коли міръ согласится, можно все прикрыть ... Правда, что у меня есть документикъ ... собственноручный, письменный ... Ну, да я свой человѣкъ, конечно ... ежели ...

— Гдѣ онъ? — едва проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ хриплымъ голосомъ.

— У меня спрятанъ ... Письмецо онъ посылалъ къ Ѳедькѣ, я перехватилъ ...

— Онъ гдѣ? ... Кир ... Кирю ...

Голосъ Ѳедота Семеныча на имени сына вдругъ оборвался: онъ зарыдалъ и повалился головой на столъ.

— Ты не очень убивайся, старшина, что же? Я не злодѣй какой... Конечно, что я отъ тебя немного хорошаго видѣлъ, а все христіанинъ же я ... Коли съ міромъ уладишься ... я, пожалуй, мѣшать не буду ... Документа хоть не отдамъ, да и не представлю, ежели ... то есть ... Вотъ только нехорошо онъ сдѣлалъ, что изъ темной бѣжалъ ... Я уснулъ, десятскій уснулъ, а онъ отломалъ пробой въ дверяхъ ... да и убѣжалъ ... Это напрасно онъ сдѣлалъ, только общество тревожитъ: боятся, чтобы чего еще не надѣлалъ ... Ловятъ теперь ... безпокоятся ... хуже только озлятся противъ него ... пожалуй, не уломаешь послѣ! ... А я, самъ по себѣ, зла не помню: коли все у насъ пойдетъ хорошо и въ добромъ со-

гласіи, я доказчикомъ не буду ... Вотъ только общество можетъ подумать, что я добровольно его выпустилъ ... Конечно, что, сказать по правдѣ, я для тебя тутъ нарочно особливыхъ мѣръ не предпринималъ противъ него: все-таки, думаю — сынъ, и мою услугу во что-нибудь сочтетъ ... Но если что̀, паче чаянія, для людей: извольте смотрѣть, пробой выдернутъ ... значитъ ...

Ѳедотъ Семенычъ вдругъ поднялъ глову, отеръ слезы, глубоко-глубоко вздохнулъ и перекрестился нѣсколько разъ.

— Становому доносилъ? — спросилъ онъ твердо.

— Нѣтъ, нѣтъ ... хотя бы и могъ подъ предлогомъ отсутствія твоего ... И стоило бы, даже могъ бы и про кражу, и о подозрѣніяхъ общества упомянуть ... Ну, да думаю, Богъ съ нимъ! ... Нѣтъ, нѣтъ, не доносилъ, не безпокойся! ... Можемъ все такъ представить, что и дознанія никакого не будетъ ... одна статистика: отъ неизвѣстныхъ причинъ! ... А насчетъ кражи ужъ я тебѣ говорю: уладься только съ обществомъ, а письма-то его не покажу ... Ну, конечно, ужъ и ты для меня ...

— Подай мнѣ письмо ...

— Э, братъ, нѣтъ; отдать я тебѣ не отдамъ ... Либо ужъ жить въ согласіи — все шито-крыто будетъ, либо прямо къ слѣдователю ...

— Чтопишетъ? Скажи ... Что̀ за письмо?

— А ничего больше: собственноручное признаніе въ томъ, что украденную сбрую продалъ Ѳедькѣ, и проситъ ее спрятать подальше ... Я перехватилъ письмецо, а сбрую-то нашли у Ѳедьки: та самая, Герасимова, и показалъ прямо: Кирилла, говоритъ, мнѣ ее продалъ.

— Пиши лепортъ становому, — повелительно проговорилъ старшина.

— О чемъ?

— Обо всемъ: и о пожарѣ, и о кражѣ, и о побѣгѣ ...

— Что ты? Да вѣдь, пожалуй, все откроется: вѣдь упечешь сына-то ...

— А ты что̀ думалъ, крапивное сѣмя, что я покрывать, что ли, буду? ... Съ тобой въ стачку пойду? ... Мірского злодѣя стану выгораживать? ... Пиши сейчасъ ... мразь этакая! ... Продажная душа! ...

Писарь недовѣрчиво посмотрѣлъ на Ѳедота Семеныча, но голосъ и видъ старика были такъ внушительны и грозны, что онъ безъ возраженій принялся строчить рапортъ, отъ времени до времени украдкой взглядывая на старшину.

— Пиши, что въ поджогѣ подозрѣваютъ сына старшины, что онъ попался и въ продажѣ уворованной имъ сбруи, — подсказывалъ старшина: — все пиши.

Когда писарь кончилъ, онъ молча и нерѣшительно подалъ бумагу Ѳедоту Семенычу. Тотъ перечиталъ ее, перекрестился и подписалъ.

— Собирайся, и поѣдемъ со мной ... Коли дома окажется все такъ, какъ писано, тебя же и пошлю съ бумагой ... Документъ-то свой забери съ собой: тамъ подашь вмѣстѣ; короче дѣло будетъ ... Ну, живо! ...

Писарь совсѣмъ растерялся, засуетился, пробовалъ-было заговорить со старшиною, но не нашелся, не смѣлъ даже взглянуть на него и, сидя въ телѣжкѣ, робко жался въ сторонку, точно боялся коснуться грознаго старика.

VIII.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Ѳедотъ Семенычъ къ дому, тѣмъ сильнѣе и отчетливѣе чувствовалъ все свое несчастье, тѣмъ мучительнѣе ныло его сердце, и твердость снова начинала покидать его.

„Вотъ и конецъ всѣмъ моимъ надеждамъ, всѣмъ трудамъ и заботамъ моимъ, — думалъ Ѳедотъ Семенычъ: — все погибло, все кончилось! ... И сына потерялъ, и разоренъ, и на голову сѣдую одинъ срамъ да позоръ отъ добрыхъ людей“ ...

И глаза его застилались какимъ-то туманомъ, и подавленныя рыданія вновь душили его горло. Вотъ и Ступино показалось вдали, вотъ тамъ былъ его домъ, его гнѣздо, всѣ его радости ... Теперь что̀? — чуть не вскрикнулъ Ѳедотъ Семенычъ отъ внутренней боли, когда наконецъ одно безобразное пепелище увидѣлъ онъ на мѣстѣ своего жилища. Точно все помутилось въ немъ, точно покинуло его и сознаніе, и всякое чувство, когда, наконецъ, телѣжка остановилась среди деревни, около того мѣста, гдѣ былъ его домъ. На колокольчикъ сбѣжался народъ и окружилъ телѣжку старшины: что-то говорили кругомъ, ахали, вздыхали; онъ ничего ясно не понималъ и сидѣлъ въ телѣжкѣ неподвижно, вперивши глаза въ обгорѣлыя бревна. Наконецъ, рыданія и причитанія Анны, обнимавшей его, ея горячія слезы, падавшія на его руки, возвратили его къ сознанію. Онъ разслышалъ голосъ Герасима Дмитрича, что-то говорившаго ему; повернулся на этотъ голосъ и обнялъ свата.

— Вотъ, сватъ, погубили мы бабу, — проговорилъ онъ, переводя глаза на Анну. — Что, Ан-

нушка, дѣлать-то? Прости ты меня, Христа-ради: не чаялъ я этого …

— Полно-ка, родимый, обо мнѣ-то … Тебѣ-то каково … А-а, батюшки-сваты! …

— Да ужъ … всѣмъ хорошо сдѣлалъ! … Изымали его, разб…

Голосъ старшины дрогнулъ; но глаза заискрились вдругъ вспыхнувшимъ гнѣвомъ.

— Совсѣмъ было накрыли … Въ рукахъ у Анны былъ, за рубаху держала, да опустила, — заговорили изъ толпы …

— Опять убѣгъ … Съ умысла, видать, опустила …

— Чего съ умысла? … Почто не къ дѣлу? … Мотри, рожу-то какъ ей разворотилъ … Сами видали: мы ходили … Только было она его сгребла, мы къ нему … а онъ какъ рѣзнетъ ее … разъ! … такъ даже и покатилась … Опять же съ топоромъ … машется! … Прямой разбойникъ! …

Ѳедотъ Семенычъ пристально посмотрѣлъ на Анну, и теперь только разглядѣлъ огромный синякъ на лицѣ ея и распухшіе лѣвый глазъ и губу.

Въ сверкавшихъ глазахъ старика, въ стиснутыхъ губахъ его виднѣлся въ настоящую минуту одинъ бѣшеный гнѣвъ, который подавилъ всѣ иныя чувства.

— Божья милость еще въ томъ, что не попался, — проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, крестясь. — Отъ большого грѣха, можетъ, Господь меня отвелъ … Пожалуй, живъ бы не ушелъ онъ, подъ теперешній часъ, изъ моихъ рукъ …

— Что̀ ужъ теперь … Теперь ужъ не твой взыскъ будетъ, — замѣтилъ Герасимъ Дмитричъ. —

Ты бы вотъ пошелъ къ хозяйкѣ-то ... Ничто она ... того ...

— А гдѣ она? ... Что? ...

— Свалилась она ... лежитъ, — поспѣшила сказать Анна, которую совѣсть упрекнула, что она забыла позвать поскорѣе свекра къ больной. Разгасило всю, не помнится ... да, ничто, все не такое говоритъ ... Подь къ ней, батюшка.

— Все-то вдругъ, Господи, — промолвилъ Ѳедотъ Семенычъ самъ про себя. — Чѣмъ согрѣшилъ, прогнѣвалъ Тебя, Создателя? ... Подёмте ...

— Что же теперь будетъ, Ѳедотъ Семенычъ, — заговорили въ толпѣ, которая до сихъ поръ молчала, какъ будто пережидая, чтобы старшина сначала перестрадалъ свое личное горе — Что теперя будетъ? Міръ оченно безпокоится ... Похвалялся, слышь ты, онъ ...

— Опять же вотъ и наше дѣло, — заговорили погорѣльцы: — при чемъ мы теперь останемся? ... Вовсе разорились ... Прикрыться нечѣмъ: все погорѣло ... Коровёнку некуда на ночь припустить: ... Чего коровёнку: сами безъ хлѣба сидимъ, малыя дѣти ревутъ ... Вовсе онъ насъ погубилъ теперя!

Ѳедотъ Семенычъ остановился и оборотился къ толпѣ. Онъ молчалъ, собираясь съ мыслями.

— А вы погодили бы хошь маненько, — замѣтилъ Герасимъ Дмитричъ укоризненно. — Видите, человѣкъ не въ себѣ.

— Дали бы хошь опомниться-то и правду, — прибавила Анна.

— Да вѣдь мы что же? Мы такъ только, что ... Вона писаря привезъ ... Можетъ, насчетъ порядковъ какихъ ... Опять же нужда наша ... горя-то велики ...

— Такъ ваше горе али наше? — вскинулась Анна, вдругъ съ острой болью въ сердцѣ вспоминая всѣ тѣ муки, которыя она пережила въ теченіе двухъ послѣднихъ дней и въ которыхъ она не давала себѣ до сихъ поръ отчета. — Вы погорѣли только, такъ и мы погорѣли, а, окромя того ... окромя-то того ... что̀? ...

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Такъ мы чрезъ людей же терпимъ ...

— Черезъ твоего же ...

— Вы богатѣи ... вамъ что! ... А вотъ какъ останное-то ...

— Да черезъ разбойника пропадаешь ... издарма! ...

— Отъ баловства ... отъ его ... Что сытъ-одѣтъ, во всякихъ достаткахъ, а все ему мало ... Воръ! ... Поджигатель! ...

— Супротивъ всего обчества ...

— Хошь и начальники, а отвѣтишь ... тоже! ... Мало что! ...

— Деревню палить ... тоже ... не показано! ...

— Тутъ весь міръ пойдетъ ... Всѣ пойдемъ ... этого не сукроешь, даромъ его выпустили ... Попадется: пымаемъ! ...

Ѳедотъ Семенычъ давно уже махалъ рукой, желая остановить эти взрывы мірского неудовольствія.

— Постойте же, міръ честной, дайте слово сказать и виноватому, — проговорилъ онъ съ горечью, возвышая голосъ.

Толпа мало-по-малу замолчала.

— Не зарекаюсь я, православные, отъ вины своей, — заговорилъ старшина. — Знамо, моя кровь — мое дѣтище, стало и отвѣтъ мой, хошь и не тому я его училъ, не къ этому велъ — сами знаете; а

все отцу и покоръ, и похвальба въ дѣтяхъ ... По моимъ ли грѣхамъ Богъ наказалъ меня, по чужимъ ли, а все моя вина: попустилъ Господь, не умѣлъ дѣтище ото зла соблюсти! Въ томъ вы меня простите, православные, и зла на меня не держите ... Земно я въ томъ міру кланяюсь ...

Ѳедотъ Семенычъ упалъ на колѣни и поклонился до земли прежде, чѣмъ Герасимъ и Анна успѣли остановить его и подхватить подъ руки.

Міръ былъ изумленъ и взволнованъ.

— Мы не противъ тебя, Ѳедотъ Семенычъ ...

— Богъ съ тобой, ты старикъ стоющій! ... Мы тебя желаемъ ... завсегда ...

— Знамо, отцу легко ли ... Ты не того желалъ ...

— Отъ злого человѣка не ухоронишься ... ни Боже мой! ... А мы супротивъ тебя ничего ...

— Злое-то дѣтище, не приведи Богъ ... Оно сушитъ человѣка ...

Ѳедотъ Семенычъ, поднятый родными, отеръ слезы, которыя противъ его воли выступили на глазахъ, и продолжалъ:

— Не думайте и того, православные, чтобы я, хошь и родную кровь свою, сталъ передъ міромъ править да покрывать ... Нѣту, буди воля Божія! ... Вѣрно ли, Герасимъ Дмитричъ, твоя сбруя Ѳедькѣ продана, али заложена, что ли ... нашимъ-то? ...

— Что-жъ, надо говорить правду: ѣздилъ я, свидѣтельствовалъ: моя собственная, — отвѣчалъ Герасимъ, стыдливо смотря въ землю.

— А ни на что больше, міръ честной, не полагаете вы пожаръ, какъ на его злодѣйство? — спросилъ Ѳедотъ Семенычъ, снова обращаясь къ міру.

— Больше некому быть, Өедотъ Семенычъ ...

— Не отъ чего остаться ... Опять же его видѣли — полемъ бѣгъ.

— На пожарѣ не былъ и не таскался ...

— И свой-отъ домъ безъ него сгорѣлъ ...

— Опять же, у Ивана съ Яковомъ загорѣлось у первыхъ, а они видѣли, какъ онъ сбрую-то сбывалъ ...

— Онъ и похвалялся противъ нихъ ...

— Ну, такъ ты, — махнулъ старшина рукой писарю: — читай передъ всѣмъ міромъ, какой я тебѣ лепортъ велѣлъ къ становому написать ... Такъ ли будетъ, православные? Прислушайтесь ...

Писарь, не поднимая глазъ, съ озлобленнымъ лицомъ, выступилъ и прочиталъ.

— Внятно ли, господа міряне? Такъ ли точно? Вѣрно ли? — спросилъ Өедотъ Семенычъ, когда писарь кончилъ.

— Это такъ точно ... Вѣрно, какъ есть ... Безо всякаго сумлѣнія, Өедотъ Семенычъ ...

— Ну, такъ, староста, дай ему подводу: пускай ѣдетъ къ становому, подастъ ... Я его самого посылаю, потому онъ Кирюшкино письмо къ Өедькѣ перехватилъ, въ коемъ тотъ про свое озорство самъ пишетъ: пущай его подастъ, чтобы ужъ безо всякаго сумлѣнія было ... Я покрывать не хочу ... хоть и родной сынъ ...

— Какъ же теперича, Өедотъ Семенычъ: стало, становой наѣдетъ? ...

— И становой, и слѣдователь ... Слѣдовать будутъ ... про все .... А тамъ судъ въ городу ...

— Это не ладно дѣло-то: таскать станутъ ... затаскаютъ ... а теперь не до того: какая работа-то подходитъ ...

— Изъянъ будетъ большой! ...

— Ужъ безъ этого, братцы, никакъ нельзя ... Что дѣлать-то? — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ.

— Теперешній день чего стоитъ ... Бѣда! ...

— Тутъ не то день: тутъ начнутъ таскать, такъ недѣлю продержатъ ... въ иноемъ мѣстѣ ... Знаемъ мы эти суды-то да слѣдства довольно ...

— Тутъ не то, что сѣнокосничать, а собьютъ всѣмъ міромъ, да и погонятъ ... въ волость-то еще куда бы ни шло, — а то въ городъ, да, пожалуй, еще въ саму губерню ... Да какъ туда разъ, да туда два, тамъ — недѣлю, да тутъ недѣлю ... Ого, братъ ... Тутъ скажешься! ...

— Запоешь матушку-рѣпку! ...

— Тутъ не то запоешь ... Взвоешь, парень! ...

— Вспомнишь Кирилла Ѳедотыча! ...

— Да, вотъ, подлая душа: мало деревню спалилъ: еще вотъ канителься съ нимъ ...

— Правда, Симушка тогда говорилъ: въ огонь бы его самого — вотъ бы и дѣло съ концомъ! ...

— Нѣтъ, ты, Ѳедотъ Семенычъ, похлопочи, чтобы не больно нажимали міръ-отъ ... чтобы какъ маненько полегше ...

— Да постарайся, Ѳедотъ Семенычъ, какъ можно ... Потому какъ бы ни было ... Міръ тутъ не причемъ: все изъ-за его сталось ... изъ-за твоего ...

— И теперь какъ же ... Кирюшки-то нѣтъ? ... Безъ его никакъ невозможно? ... Надо его какъ-никакъ изымать ...

— Объ немъ повѣстки пошлются по всѣмъ волостямъ, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ: — безъ пачпорта долго не нашляется, гдѣ-нибудь да попадется ...

— Батюшка, — вдругъ робко обратилась къ Ѳедоту Семенычу Анна, — погоди-ка писаря-то посылать ...

— Отчего такъ? — спросилъ старшина.

— А вотъ что: Кирилла-то Ѳедотычъ заходилъ ночью; попроси, говоритъ, тятеньку: коли проститъ онъ меня да тиранить не будетъ, и міръ помилуетъ меня въ моей винѣ, такъ я, говоритъ, ворочусь и заслужу; а то, говоритъ, забѣгу туда, что и не сыщутъ ... совсѣмъ пропаду ... Міръ честной, православные, нельзя ли какъ для Господа Бога простить — помиловать ... Отъ глупости это онъ только, не отъ чего другого ... Справится ... Онъ заслужитъ ... Помилуйте Христа ради ...

Анна земно кланялась. Толпа опять заволновалась.

— Вишь ты: помилуйте! ... Онъ насъ палить будетъ, а мы миловать его ...

— Онъ разорилъ насъ, — вовсе, по-міру пустилъ, а мы его по головкѣ гладить ...

— Справится! ... Нѣтъ, онъ не справится — онъ пропащій! ...

— По этой дорожкѣ пошелъ, ужъ не воротится ... Повадился кувшинъ! ... Шабашъ! ... Сломитъ голову и себѣ, и людямъ ...

— Нѣтъ, онъ опасный человѣкъ ... Его даромъ въ міръ-то не нужно ... Онъ надѣлаетъ и не это ...

— Заслужитъ! ... Чѣмъ онъ заслужитъ? ... Дома, что ли, новые построитъ замѣстъ тѣхъ, что сжегъ ... Жди: останны спалитъ ... только разѣ отъ него и будетъ ...

— Заслужилъ! И отъ отца-то не больно много видѣли: не очень ссужалъ, — бормотали въ заднихъ

рядахъ толпы, но такъ, что Ѳедотъ Семенычъ слышалъ, хотя и не видѣлъ говорившихъ.

— Не очень въ міръ-то жертвовалъ ... и вправду ... А домъ-отъ какой былъ: первый ...

— Знамо, своя рубашка — не чужая ... Тутъ: помилуйте — пожалѣйте ... А насъ кто жалѣлъ-то? ...

— Штрапы-то какіе бралъ ...

— А чуть что̀, такъ не пороли, нечто? ... А до своего дошло, такъ помилуйте ...

— Видно яблочко-то по яблонькѣ ...

— Выстрой намъ дома сызнова, кои пожегъ, да за изъянъ заплати — вотъ помилуемъ, пожалуй ...

— Вотъ и вправду ... Деньги-то, чай, вытащили, цѣлы остались, не погорѣли ...

— Вотъ выстрой насъ — простимъ, сейчасъ все дѣло покончимъ! ...

Передніе ряды оборачивались къ заднимъ съ выраженіемъ неудовольствія на эти рѣчи. Стоящіе прямо лицомъ къ лицу съ Ѳедотомъ Семенычемъ, видимо, конфузились отъ этихъ рѣчей, опускали глаза въ землю и, оборачиваясь назадъ, говорили:

— Полноте, оголтѣлые, отстаньте! ... Э-эхъ! ... Палка-то по васъ реветъ! ... Отстаньте, говорятъ ... Нашли время ...

Ѳедотъ Семенычъ стоялъ передъ толпою скорбный, унылый, опустя свою сѣдую голову. Онъ понялъ теперь, что потерялъ не только сына, но, вмѣстѣ съ нимъ и черезъ него, и уваженіе, и довѣріе своего общества; онъ сознаљъ, что міръ, которому служилъ, какъ ему казалось, вѣрой и правдой, не вполнѣ доволенъ имъ, что имя его будетъ поминаться не добромъ, не заслугами, а только тѣмъ, что сынъ его сжегъ деревню, сдѣлавъ нищими нѣсколько семей ... Какой онъ самъ дождался радости черезъ

то, что всю жизнь работалъ, сберегалъ, копилъ? ... Отъ кого спасибо? Отъ кого добрая память и молитва къ Богу? ...

Но какая-то новая, свѣтлая мысль вдругъ освѣтила его лицо. Онъ рѣшительно поднялъ голову и смотрѣлъ на толпу грустными, но свѣтлыми и спокойными глазами.

— Прислушайте, господа міряне, что молвлю, — заговорилъ онъ.

Всѣ притихли.

— Земно я кланялся, просилъ у міра прощенья за кровь свою, за стыдъ мой, за обиду вашу, да, видно, еще не заслужилъ ... Старался я, служилъ міру, сколь силъ было и умѣнья, да, вижу, — теперь обида моя больше заслуги ... И Господь Батюшка гнѣвенъ, видать, за грѣхи мои: все у меня отнялъ ... Сынъ теперь — мнѣ не сынъ, не признать мнѣ его за сына теперь; старуха моя, чу, безъ памяти, смотри помретъ ... Міръ отъ корня моего обиженъ, и умру — на памяти моей добраго слова не будетъ ... сирота я, выходитъ, передъ Богомъ ... одинъ, какъ перстъ ...

Голосъ Ѳедота Семеныча дрожалъ и прерывался. Въ толпѣ пошелъ было гулъ успокоивающихъ ласковыхъ рѣчей, но Ѳедотъ Семенычъ остановилъ ихъ.

— Погодите, дайте все ужъ договорить, — продолжалъ онъ. — Въ такой чести старшиной мнѣ оставаться не приходится ... да послѣ горя моего и не подъ силу мнѣ будетъ ... И какой я буду начальникъ, что всякій мнѣ въ глаза сказать можетъ: у тебя у самого сынъ деревню спалилъ ... А и не скажетъ, такъ подумаетъ, а я эту думу по глазамъ увижу ... Такъ изъ старшинъ я завтра же поѣду

къ посреднику отпрашиваться, чтобы высадилъ меня ... Погодите, дайте срокъ договорить! ... Не перебивайте! ... Это, вѣрно, ужъ въ старшинахъ не останусь ... Не по силамъ мнѣ! ... О томъ и толковать нечего: довольно ужъ, послужилъ ... будетъ! А вотъ ... Чтò потаскали у меня, чтò погорѣло, я еще не знаю, не справлялся, не угодилъ ... Да, признаться, мнѣ теперь ничего и некорыстно ... Дороже того сынъ былъ, да и того теперь все равно, что нѣтъ ... Чтò есть, какое добро уцѣлѣло, все Аннѣ пойдетъ .. А вотъ денегъ у меня точно что накоплено коло тысячи рублей: цѣлы онѣ, знаю, что цѣлы, потому въ церкви лежатъ, въ церковномъ сундукѣ ... Для всякаго случая тамъ я ихъ хранилъ у батюшки, отца Егора, по дружеству нашему, старинному ... Вотъ этими деньгами я міру кланяюсь, обчеству своему, погорѣльцамъ: отъ моей крови вы пострадали, отъ меня и поправьтесь ... выстройтесь ... Вотъ, не обезсудьте — примите, только зломъ не поминайте ... памяти моей не кляните! ...

Ѳедотъ Семенычъ замолчалъ и поклонился. Всѣ міряне стояли передъ нимъ, точно оглушенные громомъ, съ открытыми ртами, съ изумленными глазами, безмолвные и неподвижные. Нѣсколько мгновеній стояла мертвая тишина, среди которой слышались только всхлипыванія Анны. Вдругъ изъ толпы продрались впередъ Иванъ Ананьичъ съ Яковомъ Иванычемъ и бросились въ ноги старшинѣ. А вслѣдъ за ними и прочіе погорѣльцы.

— Вотъ благодаримъ! ... Вотъ отецъ! ... Благодѣтель ты нашъ, батюшка ... отецъ родной! ...

Заволновались и всѣ остальные: осыпали Ѳедота Семеныча похвалами, благодарностями.

— А ты намъ послужи! … Ты изъ старшинъ не высаживайся! — слышалось со всѣхъ сторонъ. — Мы тобой довольны … Экихъ людей мало! … Ты для насъ — и мы для тебя! … Мы тебѣ всѣмъ міромъ домъ выстроимъ новый! … Вотъ какъ! … Ты не сумлѣвайся … Мы, пожалуй, и Кирюшку простимъ … Богъ съ нимъ! … Что̀ и самъ-дѣлѣ — може парень съ глупа, а взойдетъ въ себя …

— Нѣту, братцы, — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ: — его ужъ пускай судъ судитъ, чего онъ сто̀итъ … А тамъ Божья власть, что ужъ съ нимъ станется …

— А мы тебя изъ старшинъ не выпустимъ, Ѳедотъ Семенычъ … Нѣтъ, ты послужи міру … Мы всѣмъ міромъ желаемъ … Всѣмъ міромъ за тебя станемъ … И къ посреднику пойдемъ … Вотъ, кланяемся тебѣ на томъ! … Послужи, уважь! …

— Нѣтъ ужъ, братцы, увольте: какая та голова, коей руки да ноги не слушаютъ! … Какой тотъ начальникъ, у коего сынъ разбойникъ! … Будетъ съ меня теперь и свое горе огоревать, а не то, что цѣлой волостью править … Нѣтъ ужъ, братцы, увольте … На ласковомъ словѣ вашемъ много доволенъ, а отъ службы увольте …

Ѳедотъ Семенычъ глубоко вздохнулъ и поклонился міру.

— Пойдемъ, сватъ Герасимъ … Полно, Аннушка, не реви, горемычная, не надсажай пуще … Знаю, что погубилъ тебя, да не со зла, родима … Не того ждалъ! …

— Перестань, дура, ревешь и самъ-дѣлѣ, — сказалъ ей Герасимъ.

Анна поспѣшно отерла слезы и усиливалась остановить рыданья …

Ѳедотъ Семенычъ, грустный, опустя голову,

шелъ къ сараю, гдѣ лежала его больная жена. Вся толпа слѣдовала за нимъ и въ молчаніи остановилась у сарая, ворота котораго остались полуотворенными. Тамъ, у стѣны, на кучѣ сѣна лежала Ѳедосья, осунувшаяся, сильно измѣнившаяся, съ закрытыми глазами. Ѳедотъ Семенычъ остановился надъ нею. Посинѣлыя губы больной говорили безъ звука.

— Вотъ все такъ-то вотъ и лежитъ, — сказала вполголоса Анна.

Ѳедосья Осиповна полураскрыла глаза и какъ будто всматривалась въ мужа.

— Батюшка ... болѣзный ... не онъ, — вдругъ со стономъ закричала она. — Не бей ты его — не тирань! ... Кирюшенька! ...

И Ѳедосья Осиповна хотѣла-было привстать, но не могла и заметалась въ горячешномъ бреду.

— Эхъ, Ѳедосья, Ѳедосья ... все-то любовь твоя глупая, — проговорилъ Ѳедотъ Семенычъ и, чувствуя, что ноги его едва держатъ, опустился на полъ, гдѣ стоялъ. Голова его въ изнеможеніи повисла.

— А ты, сватъ, вотъ что, — старался успокоитъ его Герасимъ Дмитричъ.—Ты на Бога ... Не убивайся! Ты теперь этакую добродѣтель дѣлаешь. Богъ милостивъ!

— Ты, батюшка, поѣсть не хочешь ли? — спрашивала съ своей стороны Анна.

— Да, поѣлъ бы: пропусти хошь маненько ... Все оно лучше, — совѣтовалъ Герасимъ.

Ѳедотъ Семенычъ только покачалъ отрицательно головой. Въ сараѣ воцарилось молчаніе, прерываемое только тихими стонами и бредомъ Ѳедосьи Осиповны. Толпа начала расходиться, выражая сожалѣніе къ старику.

— А пчелокъ-то Богъ помиловалъ: всѣ цѣлёхоньки,—пробовалъ вновь утѣшить Өедота Семеныча Герасимъ Дмитричъ. — Я всѣхъ переглядѣлъ ... Ничего ...

— Да мы вѣдь и потаскались, батюшка: почитай все вытаскали, — говорила Анна, какъ бы отгадывая намѣреніе отца. — И амбаръ вѣдь, благодарить Бога, цѣлъ остался ...

— Ну, и слава Богу ... Все ваше: мнѣ теперь ничего не надо, — апатично проговорилъ Өедотъ Семенычъ.

— Нѣтъ, сватушка,—возразилъ Герасимъ:—это ты не къ пути говоришь, это ты напрасно ... Ты божеское дѣло затѣялъ, и сдѣлай: погорѣлыхъ выстрой ... А только и самъ стройся, и хозяйствуй ... А то хуже съ тоски изведешься ... Нашему брату безъ работы никакъ нельзя, потому нашъ предѣлъ такой ... Я бы на твоемъ мѣстѣ, покамѣстъ сила, и изъ старшинъ не высадился ... Не обезсудь, что учу ... Умнѣе ты насъ всѣхъ, а только въ тебѣ это ослабленье одно ... съ горя! ... Тебѣ отъ Бога показано міру служить: на то у тебя и умъ, и грамота, и вся сноровка ... А срубъ я тебѣ на избу знатный знаю: вотъ, покупай и строй ... А Өедюшку заставимъ такую рѣзь пустить, лучше нашей ... Вотъ! А то, что̀ ты на произволъ однѣхъ бабъ хошь оставить ... Ну, что бабы! ... Нѣтъ, ты не опускайся! ... Это въ тебѣ ослабленье ...

Герасимъ Дмитричъ нѣсколько разъ пріостанавливался въ продолженіе этой рѣчи, ожидая какихъ-либо возраженій со стороны Өедота Семеныча, но тотъ упорно молчалъ.

Герасимъ Дмитричъ сталъ сбираться домой. Өедотъ Семенычъ вслѣдъ за Анной вышелъ проводить

его. Все пожарище было передъ глазами. Солнце въ эту минуту закатывалось и кроваво-красными лучами обливало закоптѣлые черные остовы печей и трубъ. Ѳедотъ Семенычъ не могъ оторвать глазъ отъ этого мрачнаго зрѣлища.

— Прощай ... сватушка, — сказалъ Герасимъ, влѣзая въ телѣгу.

— Прощай, — безучастно отвѣчалъ старшина, не поворачивая къ нему головы.

— Може, Ѳедюшку не прислать ли? ..- Все что нибудь поможетъ ... приглянетъ.

Ѳедотъ Семенычъ вздоргнулъ.

— Пришли, пришли, — оживленно заговорилъ онъ. — Мой вотъ спалилъ, а твой строить будетъ ... Отъ моего одна бѣда да горе, а отъ твоего одна радость, да ...

Старикъ не договорилъ: у него оборвался голосъ, глаза заволоклись слезами, и рыданія, жалобныя женскія рыданія вырвались изъ наболѣвшей груди. Жалокъ былъ могучій, мужественный старикъ въ эту минуту: даже огрубѣлое, ко всему притерпѣвшееся сердце Герасима болѣзненно сжалось.

— Эхъ, Ѳедотъ Семенычъ, — говорилъ онъ. — Полно ... Экое ослабленье-то въ тебѣ.

И онъ хотѣлъ вылѣзать изъ телѣги, чтобы подойти къ свату.

— Ничего, ничего ... Это въ останный ... Больше не будетъ ... Поѣзжай съ Богомъ ... Не замай меня ... Поѣзжай, — говорилъ Ѳедотъ Семенычъ, закрывая лицо и отворачиваясь.

Герасимъ Дмитричъ въ нерѣшимости подергивалъ вожжами.

— Перекстись ... да на Бога! — сказалъ онъ наконецъ и хлестнулъ лошадь.

Анна не смѣла подойти къ старику, который отворотился лицомъ къ стѣнѣ и, упершись въ нее головою, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Она нѣсколько минутъ стояла, печально подпершись, и смотрѣла на него, потомъ, заслыша голосъ Ѳедосьи, ушла въ сарай.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда вошелъ туда и Ѳедотъ Семенычъ.

— Что мать-то? — спросилъ онъ Анну и, какъ показалось ей, спокойнымъ голосомъ.

— Ничего, батюшка: кажись, ровно какъ къ полегчанью ... Не жалобится ... Испить просила ... Кажись, спитъ.

— Ну, слава Богу ... Ложись и ты ... Измаялась вѣдь, чай ...

— А ты-то? ...

— И я вотъ лягу тутъ ... На сѣнѣ ... Спи со Христомъ ... Завтра, коли въ памяти будетъ — за батюшкой съѣзжу: причастить ее нужно ...

Въ сараѣ все затихло.

На слѣдующее утро деревенскій сходъ стоялъ передъ сараемъ Ѳедота Семеныча съ старостой во главѣ. Соблюдалось какое-то торжественное молчаніе. Когда старшина вышелъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, молча поклонились.

— Что, братцы? — спросилъ Ѳедотъ Семенычъ.

Выступилъ староста.

— А вотъ что, Ѳедотъ Семенычъ, весь міръ къ тебѣ ... Всѣмъ міромъ надумали ... Какъ сдѣлалъ ты намъ эту благодѣтель и завсегда былъ ... для насъ ... Оченно мы благодарны тебѣ-ка ... И желаемъ всѣмъ міромъ бумагу приписать къ тебѣ ...

чтобы даже до вышняго начальства и по церквамъ, по базарамъ читать ... что не токма никакой на тебѣ вины али злобы противъ тебя ... а и Кирилла твоего прощаемъ, примаемъ за себя, на свой отвѣтъ ... А тебѣ чтобы быть старшиной ... до конца ... до самаго изводу твоего ... Вотъ! ... Всѣмъ міромъ того желаемъ ... а не ежели ... Не оставь! ...

— Да, не оставь, Өедотъ Семенычъ, — повторили мужики, кланяясь.

— Спасибо, міръ честной ... Утѣшили вы меня, старика, — отвѣчалъ старшина. — Кирюшку ужъ вамъ судъ не отдастъ ... и пущай! ... Самъ виноватъ ... А за любовь за вашу, за радѣнье, послужить готовъ, сколь силъ моихъ хватитъ ... Послужу, извольте! ... Грѣхъ бы мнѣ было и не покориться міру ... да признаться: не для кого мнѣ осталось и трудиться-то, окромя міра ... Благодарю, господа міряне, вотъ какъ благодарю — Богъ видитъ! ... А бумагу не надо ... Почто бумагу въ нашемъ мѣстѣ ... Вы всѣ тутъ, и я съ вами ... А что̀ бумага, только на писаря расходъ ... Вотъ лучше потолкуемъ, гдѣ лѣску бы промыслить посходнѣе ... насчетъ постройки.

И разговоръ сразу перешелъ на практическіе, хозяйственные разсчеты и соображенія.

Къ зимѣ всѣ погорѣльцы жили уже въ новыхъ избахъ. Кирилла, пойманный въ сосѣдней губерніи и пересланный по этапу, сидѣлъ въ тюрьмѣ, а Өедотъ Семенычъ по-прежнему правилъ волостью съ прежней строгостью и твердостью. Въ домѣ у него хозяйствовала Анна вмѣстѣ съ Өедюшей, въ кото-

ромъ старикъ души не чаялъ. Выздоровѣвшая Ѳедосья Осиповна захирѣла, состарѣлась, ни въ чемъ не принимала участія, сдѣлалась сварлива и съ затаеннымъ недоброжелательствомъ смотрѣла не только на Ѳедюшу, но и на Анну.

